СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ двѣнадцатый.

СОЧИНЕНІЯ

ЮРІЯ ӨЕДОРОВИЧА

САМАРИНА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

2007041053

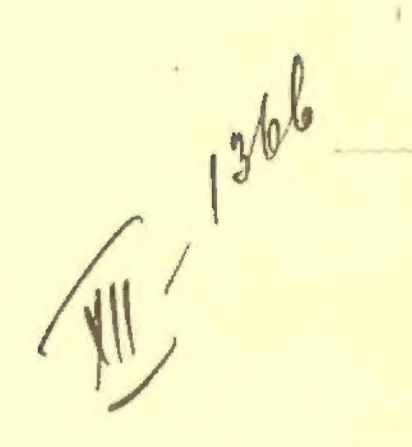
СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ двѣнадцатый.

Письма

1840—1853.

Москва.
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1911

Оглавленіе двѣнадцатаго тома.

ПИСЬМА.

Отдѣлъ первый (1840—1844).

Отдѣлъ второй (1844—1853).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отъ издателя.

Письма Юрія Ѳедоровича Самарина уже давно подготовлялись къ печати. Вскорѣ послѣ его кончины братъ его Дмитрій Ѳедоровичъ началъ собирать и приводить ихъ въ порядокъ. Онъ старался получить подлинники писемъ, а если это оказывалось невозможнымъ, онъ снималъ самъ или просилъ доставить ему копіи съ писемъ. Такимъ образомъ, постепенно Д. Ѳ-чу удалось собрать 2048 писемъ и привести ихъ отчасти въ хронологическій порядокъ. Особенно цѣнны въ этомъ собраніи письма Ю. Ѳ-ча къ Аксаковымъ (217 писемъ), къ А. И. Герцену (8 писемъ), къ К. Д. Кавелину (11 писемъ), къ А. И. Кошелеву (81 письмо), къ Н. А. и М. А. Милютинымъ (21 письмо), къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ (73 письма), къ родителямъ (539 писемъ), къ А. О. Смирновой (73 письма), къ А. С. Хомякову (11 писемъ), къ кн. В. А. и кн. Е. А. Черкасскимъ (170 писемъ). Многое и самое, можетъ быть, значительное изъ этого собранія было уже напечатано Д. Ѳ-чемъ. Такъ, имъ были напечатаны письма Ю. Ѳ-ча 1840—1844 годовъ, а также переписки Ю. Ѳ-ча съ А. И. Герценомъ и съ баронессою Э. Ѳ. Раденъ. Послѣ кончины Д. Ѳ-ча собраніе писемъ Ю. Ѳ-ча пополнилось 122 письмами, изъ которыхъ нужно особенно упомянуть письма къ Н. В. Гоголю, М. П. Погодину и Я. А. Соловьеву. Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи имѣется частью въ подлин-

никахъ, частью въ копіяхъ 2170 писемъ Ю. Ѳ-ча. Какъ ни велико это собраніе, можно, однако, съ увѣренностью сказать, что оно заключаетъ въ себѣ далеко не всѣ письма Ю. Ѳ-ча. Такъ, намъ положительно извѣстно, что бо́льшая часть его писемъ къ кн. И. С. Гагарину находится въ рукахъ іезуитовъ, а всѣ письма его къ Д. Н. Рычкову и бо́льшая часть писемъ къ Н. А. Милютину остались до сихъ поръ не разысканными. Нужно поэтому надѣяться, что со временемъ собраніе это пополнится новыми, неизвѣстными намъ пока письмами. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ оно достаточно полно, чтобы приступить къ его печатанію. Значительная часть этихъ писемъ войдетъ теперь въ полное собраніе сочиненій Ю. Ѳ-ча и составитъ содержаніе послѣднихъ томовъ, начиная съ издаваемаго въ настоящее время XII тома; исключены будутъ только письма интимнаго характера и такія, которыя представляютъ лишь частный интересъ [1]), а также всѣ мѣста въ письмахъ, которыя по разнымъ соображеніямъ сочтено неудобнымъ печатать; пропуски отмѣчены будутъ рядомъ точекъ.

Планъ изданія писемъ указанъ намъ былъ Д. Ѳ-чемъ. Согласно этому плану, всѣ письма, которыя предположено напечатать, раздѣляются на четыре отдѣла, примѣнительно къ четыремъ главнымъ періодамъ, которые слѣдуетъ различать въ жизни Ю. Ѳ-ча, начиная съ 1840 года. Письма перваго отдѣла относятся къ 1840—1844 годамъ, ко времени магистерскаго экзамена и диспута, до переѣзда Ю. Ѳ-ча въ Петербургъ въ августѣ 1844 года; письма второго отдѣла относятся ко времени государственной службы Ю. Ѳ-ча, т. е. къ 1844—1853 годамъ; письма третьяго отдѣла обнимаютъ періодъ времени съ 1853 по 1864 годъ, когда Ю. Ѳ. былъ почти исключительно занятъ крестьянскимъ дѣломъ;

---

[1]) На этомъ основаніи совсѣмъ не будутъ печататься письма, касающіяся личныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ Ю. Ѳ-ча, каковы его письма къ повѣренному И. Н. Бредневу и значительная часть писемъ его къ брату Д. Ѳ-чу.

наконецъ, письма четвертаго отдѣла—это письма 1864—1876 годовъ, послѣдняго періода общественной и литературной дѣятельности Ю. Ѳ-ча при новыхъ, только что слагавшихся тогда условіяхъ нашей общественной жизни. Далѣе, согласно тому же плану, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ письма сгруппированы по лицамъ, къ которымъ они написаны, а въ каждой такой группѣ писемъ проведенъ порядокъ хронологическій. Такой планъ изданія имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ группировкою писемъ исключительно только по лицамъ, къ которымъ они написаны, и передъ расположеніемъ ихъ исключительно въ хронологическомъ порядкѣ. Благодаря ему объединяются письма, имѣющія несомнѣнно общія черты, черты, обусловленныя какъ временемъ, къ которому относятся письма, такъ и особенностью лицъ, къ которымъ они написаны.

Каждому изъ вышеуказанныхъ отдѣловъ будетъ предшествовать небольшое введеніе. Въ этихъ введеніяхъ указаны будутъ занятія Ю. Ѳ-ча въ теченіе даннаго періода, тѣ идеи, надъ которыми работала его мысль, и, по возможности, выяснено будетъ его душевное настроеніе. Образцомъ такого рода введеній будетъ служить введеніе, написанное Д. Ѳ-чемъ къ первому отдѣлу писемъ Ю. Ѳ-ча. Затѣмъ, ко всѣмъ почти письмамъ, входящимъ въ настоящее изданіе, составлены подстрочныя примѣчанія. Эти примѣчанія имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ, въ нихъ устанавливается время, къ которому относится письмо, и мѣсто, откуда оно написано, если на самомъ письмѣ такихъ помѣтъ не имѣется [1]; во-вторыхъ, въ примѣчаніяхъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ, приводятся заглавія сочиненій, о которыхъ говоритъ Ю. Ѳ., объясняются событія, вскользь упоминаемыя въ письмахъ, и вообще, по возможности, все,

[1]) Эти помѣты, внесенныя при редактированіи, выставляются и передъ текстомъ письма, при чемъ, чтобы отличить ихъ отъ помѣтъ Ю. Ѳ-ча, онѣ заключены въ скобки.

что можетъ представляться неяснымъ для современнаго читателя. При составленіи этихъ примѣчаній источниками служили: Русскій Архивъ, Русская Старина. Русскій Біографическій Словарь, Энциклопедическій Словарь Брокгауза, Россійская Родословная Книга кн. П. В. Долгорукова, Родословный Сборникъ Руммеля, Остафьевскій Архивъ, Московскій и С.-Петербургскій Некрополь, Москвитянинъ, Московскія и С.-Петербургскія Вѣдомости, Адресъ-Календари, сочиненіе Г. А. Власьева: „Потомство Рюрика", сочиненіе Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина" и другіе источники, изъ которыхъ иногда дѣлались дословныя выписки. Ссылокъ на эти источники и указаній на выписки изъ нихъ мы не сочли нужнымъ дѣлать въ примѣчаніяхъ. Наконецъ, къ послѣднему отдѣлу писемъ будетъ приложенъ алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ письмахъ Ю. Ѳ-ча, которыя будутъ печататься въ собраніи его сочиненій.

Въ издаваемый нынѣ XII томъ сочиненій Юрія Ѳедоровича вошли первые два отдѣла писемъ. Значительная часть этихъ писемъ издается вторично. Такъ, большая часть писемъ перваго отдѣла (письма 1—49, 51—56, 58—62, 65, 66—70,80, 83, 87, 88, 90—116) напечатана была Д. Ѳ. Самаринымъ во II книгѣ „Русскаго Архива" за 1880 годъ; теперь они перепечатываются оттуда почти безъ всякихъ измѣненій, со всѣми примѣчаніями и предисловіемъ, написанными Д. Ѳ-чемъ. Какъ наиболѣе существенныя отступленія отъ изданія 1880 года нужно отмѣтить измѣненія, внесенныя въ письмо 31-ое послѣ свѣрки его съ оригиналомъ, который не былъ извѣстенъ Д. Ѳ-чу, и нѣкоторыя новыя примѣчанія, которыми необходимо было дополнить примѣчанія Д. Ѳ-ча. Вторично также издаются письма: 63 и 64, напечатанныя первоначально проф. Бильбасовымъ въ „Новомъ Словѣ" 1894 г. и включенныя затѣмъ въ его „Историческія монографіи", письмо 72 и конецъ письма 79, напечатанные Н. П. Барсуковымъ въ его сочиненіи

„Жизнь и труды М. П. Погодина". Вновь печатаются въ этомъ отдѣлѣ только письма: 50, 57, 71, 73 — 78, начало письма 79, 81, 82, 84 — 86 и 89; содержаніе писемъ 84 — 86 было, впрочемъ, изложено, съ приведеніемъ изъ нихъ выдержекъ, въ предисловіи Д. Ѳ. Самарина къ V т. сочиненіи Ю. Ѳ-ча. Изъ писемъ второго отдѣла ранѣе были уже напечатаны письма: 147 (во II т. писемъ И. С. Аксакова, стр. 402), 149 (въ „Руси" 1880 г., № 7), 153 и 154 (въ „Русской Старинѣ" 1889 г., іюль, стр. 167 и 174), 159, 160, 162—164 (въ сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина" т. X, стр. 30, 31 и 163; т. XI, стр. 544 и т. XII, стр. 165), 228 (въ „Моск. Вѣд." 1909 г., № 65), 246 и 248 (въ предисловіи Д. Ѳ. Самарина къ VII т сочиненій Ю. Ѳ-ча), 258 и 259 (въ „Русскомъ Архивѣ" 1907 г., кн. II). Остальныя письма второго отдѣла или совсѣмъ не были напечатаны (письма 119, 120, 123—128, 130, 131, 132, 135 — 146, 148, 150 — 152, 155, 157, 165—167, 170—172, 174—180, 182, 183, 185—205, 207, 208, 210, 215, 217 221, 223—227, 229—237, 239 — 241, 244, 245, 247, 249, 253, 254, 256, 257) или напечатаны въ выдержкахъ (въ предисловіи Д. Ѳ. Самарина къ V т. сочиненій Ю. Ѳ-ча письма: 117, 118, 121, 122, 129; въ предисловіи Д. Ѳ. Самарина къ VII т. сочиненій Ю. Ѳ-ча письма: 129, 133, 134, 168, 169, 173, 181, 184, 206, 209, 211—214, 216, 222, 238, 242, 243, 250—252, 255; въ сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина" т. IX, стр. 29 и 353, т. X, стр. 40 письма: 156, 158 и 161). Приложенія къ XII т. почти всѣ были уже напечатаны: приложенія I, III и IV въ „Русскомъ Архивѣ" (II книга 1880 г., стр. 331), а приложеніе V въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1909 года (№ 65). Вновь печатается приложеніе II — два письма А. Н. Попова къ Ю. Ѳ-чу по вопросу о развитіи Церкви; впрочемъ, содержаніе и этихъ писемъ, съ приведеніемъ даже

выдержекъ изъ нихъ, изложено въ предисловіи Д. Ѳ. Самарина къ V т. сочиненій Ю. Ѳ-ча.

Выпуская этотъ первый томъ писемъ Юрія Ѳедоровича, считаемъ долгомъ своимъ принести искреннюю благодарность П. П. Чулкову за оказанное имъ содѣйствіе при составленіи примѣчаній.

Петръ Самаринъ.

Іюль 1910 г.

ПИСЬМА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

1840—1844.

За десятилѣтіемъ сороковыхъ годовъ признано въ настоящее время такое важное значеніе въ исторіи нашего общественнаго самосознанія, что все, что̀ можетъ служить для уясненія этой эпохи, имѣетъ цѣну матеріала историческаго. Сверхъ того, уже не разъ было высказано желаніе, чтобы была написана біографія Ю. Ѳ. Самарина, а для этого должны быть предварительно собраны и приведены въ систематическій порядокъ матеріалы для нея. По этимъ соображеніямъ, мы рѣшились передать въ общественное достояніе всѣ уцѣлѣвшія письма Ю. Ѳ—ча за періодъ времени съ начала 1840 г., когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, до отъѣзда его изъ Москвы на службу въ Петербургъ 6-го августа 1844 года.

Въ это пятилѣтіе Самаринъ, подъ воздѣйствіемъ друга своего Константина Сергѣевича Аксакова, увѣровалъ въ великое значеніе для Россіи ея коренныхъ народныхъ началъ, сочувствіе къ которымъ таилось въ глубинѣ его души въ видѣ неясныхъ ощущеній. Чтобы возвести эту вѣру въ сознаніе, онъ принялся за изученіе народныхъ началъ въ ихъ историческомъ проявленіи, и обратился для этого къ памятникамъ русской старины. Самою темою диссертаціи своей, о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, надъ которою онъ трудился съ 1840 по 1843 г., онъ былъ наведенъ на изученіе православія по отношенію его къ русской народности и къ двумъ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. Изслѣдуя вліяніе католицизма и протестантизма на нашу церковь въ XVII и XVIII в., вникая въ состязанія, которыя происходили, съ одной стороны, между богословами православными и западными, а съ другой, между католиками и протестантами,

онъ самъ переживалъ на себѣ всѣ эти фазисы, чрезъ которые проходило человѣчество, усиливаясь усвоить себѣ въ сознаніи и жизни Божественную истину.

Но это изученіе происходило въ такое время, когда философія Гегеля властвовала надъ умами, удаляла на второй планъ вопросы вѣроисповѣдные и выдвигала на первую очередь вопросъ о значеніи самой религіи въ развитіи человѣческаго духа. Сначала Ю. Ѳ. думалъ устранить этотъ вопросъ, потомъ пытался оправдать православіе философіею Гегеля, допустивъ для этого ихъ мирное сосуществованіе и отмежевавъ каждому изъ нихъ отдѣльную сферу. Но такая сдѣлка не могла, конечно, удовлетворить его: вопросъ объ отношеніи философіи къ религіи поставленъ былъ ребромъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта. Очевидно, отвѣтъ этотъ не могъ даться ему легко и долженъ былъ вызвать тяжелую внутреннюю борьбу. Самаринъ пережилъ ее въ 1843 году, и она разрѣшилась для него въ началѣ 1844 года, подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ Хомякова, который возвратилъ ему цѣльность религіознаго сознанія.

Таково, въ главныхъ чертахъ, значеніе въ жизни Самарина тѣхъ лѣтъ, къ которымъ относятся печатаемыя письма. Болѣе подробныя разъясненія процесса развитія его за это время читатели могутъ найти въ статьѣ нашей „Данныя для біографіи Ю. Ѳ. Самарина за 1840—1845 гг.“, помѣщенной въ V томѣ его сочиненій.

Такъ какъ въ эти годы убѣжденія, которыхъ Ю. Ѳ. держался въ теченіе всей своей жизни, еще только слагались, то понятно, что въ письмахъ за это время не могутъ не встрѣчаться такіе отзывы о лицахъ и такія сужденія, которыя противорѣчатъ его позднѣйшимъ мнѣніямъ. Мы не усомнились, однако, въ виду біографическаго значенія этихъ писемъ, напечатать ихъ безъ пропусковъ, исключивъ только въ трехъ мѣстахъ выраженія слишкомъ рѣзкія, которыхъ онъ самъ никогда бы не допустилъ въ печать, и опустивъ въ письмахъ къ отцу то, что̀ касается другихъ членовъ семьи и не имѣетъ никакого интереса для публики. Можетъ быть даже мы были въ этомъ отношеніи недоста-

точно строги и разборчивы; но намъ казалось, что, въ полномъ собраніи писемъ за извѣстную эпоху, и мелкія записки, незначительныя по своему содержанію, должны быть сохранены, какъ могущія все-таки послужить матеріаломъ для изслѣдованій, а нѣкоторыя семейныя подробности могутъ быть удержаны, коль скоро въ нихъ отражается характеръ лица, для біографіи котораго печатаются самыя письма.

Время написанія обозначено на весьма незначительномъ числѣ писемъ и записочекъ, сохранившихся за первое пятилѣтіе 40-хъ годовъ; между тѣмъ для того, чтобы они могли служить матеріаломъ для біографіи Ю. Ѳ—ча и для другихъ изслѣдованій, необходимо было установить, хотя приблизительно, время написанія каждаго письма. Для большей части намъ это удалось сдѣлать по разнымъ указаніямъ, находящимся въ письмахъ, что̀ и выяснено въ примѣчаніяхъ. Осталось только незначительное число большею частью коротенькихъ записокъ, время написанія которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью и которыя поэтому пришлось отнести къ тому или другому году по бумагѣ и другимъ внѣшнимъ признакамъ.

Дмитрій Самаринъ.

I.

Къ Константину Сергѣевичу Аксакову.

1.

(Конецъ 1839 или начало 1840 г.) [1].

Aliis aliae curae [2], а у насъ съ вами, любезный Аксаковъ, забота одна. Итакъ, пойдемте рука объ руку по избранной дорогѣ, на вольную страсть, на судъ Давыдова [3]. Завтра въ 5 часовъ я буду у васъ, и мы усладимся чтеніемъ Озерова и Княжнина. Меня тѣмъ болѣе радуетъ ваше предложеніе [4], что скука начинаетъ одолѣвать меня; сомнѣніе и недовѣрчивость растетъ по мѣрѣ приближенія къ рѣшительной минутѣ, и меня беретъ раздумье, не бросить ли книги и не ѣхать ли въ Петербургъ съ 10-мъ классомъ. Я сейчасъ, не переводя духа, прочелъ три трагедіи Сумарокова. Что за созданія, и какъ послѣ нихъ я усладился чтеніемъ вашихъ гекзаметровъ! Счастливъ, кому дано говорить языкомъ небожителей!

---

[1] Записки отъ № 1 до № 4 включительно должны быть отнесены къ январю и февралю 1840 г., а можетъ быть и къ концу 1839 г., такъ какъ изъ семейныхъ писемъ Аксаковыхъ видно, что въ зиму съ 1839 на 1840 г. Аксаковъ и Самаринъ готовились вмѣстѣ къ экзамену и сдали его въ февралѣ 1840 года.

[2] У всякаго своя забота.

[3] Профессоръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (род. въ 1794 г., ум. въ 1863 г.) читалъ въ то время въ Московскомъ университетѣ русскую словесность.

[4] Предложеніе готовиться вмѣстѣ къ магистерскому экзамену.

2.

(Конецъ 1839 или начало 1840 г.).

Любезный Аксаковъ, нельзя ли отложить наши занятія до 5 часовъ вечера? Чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше мы успѣемъ приготовиться, а для меня это будетъ гораздо удобнѣе. Если вамъ нельзя принять моего предложенія, потрудитесь назначить день и часъ и будьте увѣрены въ моей пунктуальной аккуратности.

Воскресенье.

3.

(Конецъ 1839 или начало 1840 г.).

Увѣдомьте, любезнѣйшій, какой отвѣтъ отъ Каткова [1]. Сердце говоритъ мнѣ, что Каченовскій [2] боленъ и что можно приложить все стараніе къ эстетикѣ. Это было бы для меня тѣмъ пріятнѣе, что вчера вечеромъ, послѣ того, какъ я пріѣхалъ отъ васъ и сталъ было заниматься, кровь кинулась мнѣ въ голову, и я обезпамятѣлъ; вслѣдъ за этимъ сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ до самаго утра.

4.

(Конецъ 1839 или начало 1840 г.).

Вчера вечеромъ Крюковъ [3]) поразилъ было меня извѣстіемъ, что онъ намѣренъ спрашивать насъ изъ исторіи философіи и больше изъ ничего, а отъ эстетики отказывается за незнаніемъ и неспособностью. Мнѣ показалось это страннымъ, и я попытался, не преодолѣютъ ли его упрямства мои увѣщанія и рѣшительный отказъ отъ имени ва-

---

[1]) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (род. въ 1818 г., ум. въ 1887 г.). извѣстный публицистъ, былъ товарищемъ по университету Ю. Ѳ—ча, кончилъ курсъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1838 г. и тоже готовился къ магистерскому экзамену.

[2]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (род. въ 1775 г., ум. въ 1842 г.) въ званіи заслуженнаго профессора читалъ съ 1836 г. до кончины своей исторію и литературу славянскихъ нарѣчій и былъ съ 1837 г. ректоромъ Московскаго университета.

[3]) Дмитрій Львовичъ Крюковъ (род. въ 1809 г., ум. въ 1845 г.) былъ профессоромъ римской словесности и древностей и сверхъ того препода-

шего и моего экзаменоваться изъ исторіи философіи. Наконецъ моя взяла; онъ только немного поломался и будто бы изъ снисхожденія согласился на мои требованія. Такимъ образомъ дѣло остается при старомъ. Совѣтую вамъ приготовиться изъ общихъ началъ эстетики: далѣе Крюковъ спрашивать не будетъ. Изъ исторіи же эстетики онъ совѣтовалъ, кромѣ обозрѣнія Гегелева, обратить вниманіе на древнихъ (по книгѣ Шевырева[1]), которую я на бѣду свою сжегъ) и на ученіе Баумгартена[2]), изложенное въ исторіи эстетики Моргенштерна[3]). Болѣе не слыхать ничего. Морошкинъ[4]) расположенъ къ намъ какъ нельзя лучше; Каченовскій на насъ грозится и начинаетъ излагать свои сомнѣнія о достовѣрности[5]) нашихъ свѣдѣній и занятій по его части; добрые люди желаютъ намъ успѣха, а на злыхъ мы не посмотримъ. Посылаю вамъ статью Каченовскаго. Къ Давыдову слѣдовало бы намъ ѣхать вмѣстѣ; не хотите ли, чтобы я заѣхалъ за вами часовъ около 7-ми?

валъ древнюю исторію; подъ псевдонимомъ Dr. D. Pellegrino онъ издалъ въ Лейпцигѣ изслѣдованіе: Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebeier.

1) Степанъ Петровичъ Шевыревъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1864 г.), профессоръ Московскаго университета, читалъ исторію словесности всеобщей и русской, а студентамъ 1 курса всѣхъ факультетовъ преподавалъ русскую словесность. Съ 1838 до половины 1840 г. былъ за границею; вѣроятно, поэтому изъ эстетики экзаменовалъ Самарина и Аксакова въ февралѣ 1840 г. проф. Крюковъ. Подъ книгою Шевырева разумѣется докторская его диссертація: „Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. М. 1837 г."

2) Александръ-Готлибъ Баумгартенъ (род. въ 1714 г., ум. въ 1762 г.)—нѣмецкій философъ школы Вольфа, профессоръ Франкфуртскаго (на Одерѣ) университета, основатель нѣмецкой эстетики. Его „Aesthetica" вышла въ свѣтъ во Франкфуртѣ (на Одерѣ) въ 1750—58 гг.

3) Карлъ-Симонъ Моргенштернъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1852 г.)—нѣмецкій филологъ и нумизматъ, профессоръ Дерптскаго университета по каѳедрѣ эстетики, краснорѣчія и древне-классической филологіи; здѣсь разумѣется, вѣроятно, его сочиненіе: „Grundriss einer Einleitung zur Aesthetik. Dorp. 1815".

4) Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1857 г.)—профессоръ гражданскихъ законовъ.

5) Намекъ на скептицизмъ М. Т. Каченовскаго; извѣстно, что онъ былъ главнымъ виновникомъ скептическаго направленія въ изученіи русской исторіи въ 1830—1835 годахъ.

Ваше молчаніе я приму за знакъ согласія. Дочитываю введеніе Гегеля.

P. S. Иннокентія я привезу завтра.

5.

(1840).

Любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ, я былъ вчера вечеромъ у Павлова[1]), но Крюкова не видалъ; слѣдовательно переговоры съ нимъ надобно будетъ отложить до самаго экзамена. Авось ли въ эту минуту его тронетъ неизвѣстность нашей участи и онъ будетъ сговорчивѣе. Я приготовилъ вчера вопросы объ идеѣ изящнаго, изящномъ въ природѣ, изящномъ въ искусствѣ, развитіи идеала въ особенные образы искусства и символическомъ искусствѣ. Кажется, надобно будетъ просить Крюкова исключить вопросы 11, 12, 13 и 6. Теперь остается мнѣ пройти по Шевыреву исторію эстетики, на это и думаю посвятить нынѣшній вечеръ. Если мое намѣреніе будетъ согласно съ планомъ вашихъ занятій, увѣдомьте меня, и я къ вамъ пріѣду; въ противномъ случаѣ, время дорого, и я не стану прерывать васъ и попрошу доставить мнѣ книгу Шевырева нынче послѣ обѣда. Можетъ быть, я заѣду за нею самъ и скажу вамъ о стихахъ Хомякова, которые онъ намъ читалъ вчера[2]).

6.

(1840 или 1841).

Любезнѣйшій Аксаковъ, я готовъ нынче ночью итти подъ вашимъ покровительствомъ въ соборъ или на пло-

---

[1]) Николай Филипповичъ Павловъ (род. въ 1805 г., ум. въ 1864 г.) и жена его Каролина Карловна, рожденная Янишъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1894 г.), были въ то время очень извѣстны въ литературѣ нашей: Николай Филипповичъ—своими повѣстями, а жена его—прекрасными переводами въ нѣмецкихъ и французскихъ стихахъ русскихъ поэтовъ, а впослѣдствіи и своими русскими стихами. На ихъ вечерахъ собирались почти всѣ московскіе литераторы и многіе профессора.

[2]) Записка эта была написана, очевидно, незадолго до экзамена, который былъ въ февралѣ 1840 г.; слѣдовательно, въ самомъ началѣ 1840 года Ю. Ѳ. уже встрѣчался у Павловыхъ съ А. С. Хомяковымъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1860 г.) и былъ уже знакомъ съ нимъ. Подъ стихами, читанными Хомяковымъ, разумѣется, вѣроятно, его

щадь [1]), куда вамъ разсудится вести меня. Итакъ, если вы остались при своемъ намѣреніи, дайте мнѣ знать, въ которомъ часу я долженъ быть у васъ или вы у меня.

7.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, не можете ли вы нынче явиться на Тверской бульваръ около $5^1/_2$ или 6 часовъ? Вы знаете, что мнѣ остается только одно это средство съ вами видѣться, и вѣрно не откажетесь отъ предлагаемаго вамъ свиданія [2]) съ душевно вамъ преданнымъ Ю. Самаринымъ.

8.

(1840) [3]).

Любезнѣйшій Аксаковъ, вотъ ужъ Богъ знаетъ сколько времени, какъ мы съ вами не видались; нельзя ли вамъ заѣхать ко мнѣ послѣ обѣда, нынче? Много воды утекло послѣ послѣдняго моего свиданья съ вами — мнѣ кое-что хочется разсказать вамъ. Прислалъ ли вамъ Погодинъ для меня сочиненія Гоголя [4])? Если прислалъ, то потрудитесь привезти съ собою, буду ждать васъ.

9.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, я такъ давно не видался съ вами и такъ давно имѣю желаніе побесѣдовать о предметахъ, которые занимаютъ развѣ только васъ и меня, что наконецъ рѣшаюсь приступить къ перепискѣ, которая съ

извѣстное стихотвореніе: „Гордись! тебѣ льстецы сказали", написанное имъ въ 1840 году; на него ссылается Ю. Ѳ. въ своемъ письмѣ къ Могену (см. № 68).

[1]) Очевидно въ Кремль, въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье; эта записка могла быть написана въ 1840 или 1841 году.

[2]) По какому случаю прервались свиданія—неизвѣстно; записка эта написана, вѣроятно, въ первой половинѣ 1840 года.

[3]) Записка эта написана, вѣроятно, въ первой половинѣ 1840 года.

[4]) Вѣроятно, „Арабески, разныя сочиненія Н. Гоголя. Спб. 1835 г. 2 ч.", такъ какъ первое изданіе собранія сочиненій Гоголя въ 4 частяхъ вышло только во 2-й половинѣ 1842 года, а записка эта не можетъ быть отнесена къ этому времени.

моей стороны кончится не прежде переѣзда въ Москву [1]). Если бъ вы знали, какъ хорошо на дачѣ! Прокалякавъ въ Москвѣ цѣлые два мѣсяца лучшаго времени, я наконецъ увидалъ деревню во всей прелести вполнѣ распустившейся зелени. А зелень необыкновенно богата и свѣжа! Деревья противъ прошлогодняго выросли на цѣлые полъ-аршина. Яровые похожи на ковры изъ рытаго бархата. Въ воздухѣ носятся какіе-то чудные запахи и располагаютъ къ лѣни и созерцанію. Мнѣ не нужно увѣрять васъ, что я совершенно поддаюсь вліянію лѣтняго воздуха, которое какъ нельзя лучше гармонируетъ съ моею природою. Не съ этимъ намѣреніемъ я выѣхалъ изъ Москвы, но не въ первый же разъ мнѣ и отказываться отъ своихъ намѣреній для другого образа жизни. А хотите ли знать, что̀ это за образъ жизни? Я встаю поздно и одѣваюсь лѣниво. Одѣвшись, я выхожу безъ галстука въ поле и лежу на спинѣ до обѣда. Послѣ обѣда опять выхожу въ поле, лежу на спинѣ и пью холодную воду. Хотѣлось бы мнѣ курить, да не достаетъ рѣшимости, выкуривши одну трубку, высѣкать огонь. Вотъ какая лѣнь напала! Отъ частаго лежанія на спинѣ я не чувствую земли подъ ногами и гораздо лучше знаю, что̀ дѣлается на небѣ. Иногда я утромъ замѣчу какую-нибудь тучку и послѣ, въ продолженіе цѣлаго дня, почти не свожу съ нея глазъ. Какія чудеса дѣлаются надъ нами! Что̀ за переливы свѣта и тѣни! Какія прихотливыя формы, и между тѣмъ никогда нѣтъ безобразія! Признаюсь вамъ, я очень доволенъ этимъ занятіемъ — встрѣчать и провожать тучи. Во-первыхъ, оно возобновляется каждый день безъ всякаго усилія съ моей

[1]) Письмо это написано въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ изъ Измалкова, подмосковной въ 20 верстахъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ, гдѣ Ю. Ѳ. проводилъ каждое лѣто до самаго отъѣзда своего въ Петербургъ осенью 1841 года; въ Москвѣ же онъ жилъ на Тверской, въ домѣ отца своего, и только зиму съ 1839 на 1840 г. онъ провелъ на Бронной, въ домѣ Неклюдова. Мы относимъ это письмо къ 1840, а не къ 1841 году, такъ какъ изъ письма видно, что Ю. Ѳ. еще только начиналъ заниматься своею диссертаціею, а изъ слѣдующей выписки изъ дневника его видно, что онъ въ іюлѣ 1840 г. читалъ „Камень Вѣры“, слѣдовательно уже изучалъ матеріалы для своей диссертаціи: „Juillet. Voilà où j'en suis parvenu après avoir étudié le Камень Вѣры et une partie de la grande controverse des protestants et des Grecs“.

стороны; во-вторыхъ, нѣтъ лучшаго средства забыть и мѣсто, и время, и всѣ заботы, которыя такъ скучны. А между тѣмъ, иногда, въ самыя безмятежныя минуты душевной дремоты, мнѣ кажется, что стоитъ за мною угрюмое лицо Стефана Яворскаго, негодуя на мое равнодушіе къ его памяти. Боже мой! Жалко мнѣ этого человѣка, если въ эту минуту во всемъ царствѣ русскомъ одному мнѣ судьба велѣла печись о его памяти. Долго придется ему скитаться тревожною тѣнью, пока я отпущу его на вѣчный покой. Но о Стефанѣ Яворскомъ я разскажу вамъ въ другой разъ, а теперь послушайтесь моего совѣта: поѣзжайте въ деревню, повезите съ собою побольше книгъ, но ради Бога не трогайте ихъ, а лежите на спинѣ, курите и пейте холодную воду. У васъ же славный полотняный сюртукъ, словно нарочно сшитый для лежанія на спинѣ. Что̀ это за сюртукъ у Константина Сергѣевича[1])! Единая вещь, которой я завидую на семъ свѣтѣ.

10.

(1840).

Благодарю васъ...[2]), любезнѣйшій Аксаковъ, и за книгу, и за обѣщаніе пріѣхать вскорѣ. Я также все это время сидѣлъ дома, дочитывалъ „Камень Вѣры“[3]), и только нынче разрѣшилъ себѣ итти на охоту. Вообще этотъ мѣсяцъ былъ ознаменованъ для меня многими пріобрѣтеніями матеріальными и умственными. Изъ первыхъ особенно замѣчательна рукопись „Возраженіе на Пасквиль (Пашквиль) на книгу Камень Вѣры“, о которомъ говоритъ Евгеній[4]); потомъ „Знаменія пришествія антихристова“[5]), „Духовный Регламентъ“ Петра Великаго, „Аполлодорова библіотека“[6]), 5 томовъ бо-

[1]) Фразы и обороты изъ Гоголя безпрестанно встрѣчались въ рѣчи молодыхъ людей того времени, его восторженныхъ поклонниковъ.

[2]) Одно слово не разобрано.

[3]) Слѣдовательно, писано въ іюлѣ 1840 г.; см. 1-е прим. къ № 9.

[4]) Митрополитъ Евгеній въ своемъ „Словарѣ духовныхъ писателей“.

[5]) Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка, соч. Стефана Яворскаго.

[6]) Аполлодора Аѳинейскаго баснословіе или библіотека о богахъ. М. 1725 г. Предисловіе къ этой книгѣ написано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

гословскихъ сочиненій Ѳеофановыхъ и т. д. Все это обошлось мнѣ очень дешево, не болѣе 50 руб. На дняхъ получу остальныя сочиненія Ѳеофановы. Что касается до моихъ занятій, они идутъ довольно успѣшно. Я не могу сказать вамъ, какъ я былъ вознагражденъ за эти, повидимому, сухіе и безплодные труды. Вопросъ о католицизмѣ и протестантизмѣ, о религіи вообще начинаетъ мнѣ уясняться. Наконецъ воскресаетъ во мнѣ давно почившая, живая, нетерпѣливая дѣятельность мысли. Она кипитъ во мнѣ и не даетъ мѣста другимъ интересамъ въ моемъ существованіи. Есть такіе вопросы, которые меня никогда и нигдѣ не покидаютъ. Они принимаютъ въ глазахъ моихъ различныя формы, сначала неточныя и произвольныя, потомъ яснѣютъ, приближаются ко мнѣ ближе и ближе, наконецъ... Да можно ли передать словами отрадное сознаніе этой живой, органической работы ума, которая совершается въ насъ отъ времени до времени и стократно вознаграждаетъ насъ за цѣлые періоды скуки и безплодныхъ занятій! До свиданія.

11.

(1840) [1].

Любезнѣйшій Аксаковъ, я вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда, въ Москву, и черезъ нѣсколько часовъ ѣду къ себѣ назадъ. Не надѣясь встать рано и попасть къ вамъ, прошу васъ зайти ко мнѣ утромъ, только пораньше, часовъ въ 8, и разбудить меня безпощадно, если я буду спать. Мнѣ очень хочется хоть одинъ часъ поговорить съ вами. Извините, что назначаю свиданіе такъ рано.

12.

(1840).

Любезный Аксаковъ, посылаю вамъ назадъ „Отечественныя Записки“ [2]) и двѣ части Гофмана [3]). Въ его Erzählun-

[1]) № 11 писанъ лѣтомъ, вѣроятно, 1840 года.

[2]) „Отечественныя Записки“ Свиньина перешли съ 1-го января 1839 г. къ Краевскому и начали выходить въ видѣ толстыхъ книжекъ; со второй половины 1839 г. Бѣлинскій и его друзья разстались съ „Московскимъ Наблюдателемъ“ и приняли дѣятельное участіе въ изданіи „Отечественныхъ Записокъ“.

[3]) Письма за №№ 12, 13 и 14 писаны осенью, вѣроятно въ августѣ

gen есть одна повѣсть очень замѣчательная и которая на меня сильно подѣйствовала; это—der Elementargeist. Если вы можете на нѣсколько дней ссудить меня слѣдующимъ номеромъ „Отечественныхъ Записокъ", то много обяжете. А еще лучше сдѣлаете, если достанете мнѣ еще что-нибудь Гофмана. Въ эту сырую, мрачную погоду онъ одинъ спасалъ меня отъ скуки.

13.

(1840).

Я очень радъ, любезнѣйшій Аксаковъ, что Погодинъ [1]) доставилъ мнѣ случай внести мою лепту [2]), не требуя денегъ въ ту же минуту. Пусть же онъ, ради стѣсненныхъ моихъ обстоятельствъ, займетъ для меня 150 рублей.—Я получилъ ваше письмо только нынче вечеромъ, поэтому отвѣтъ вы получите не прежде, какъ завтра. Очень вамъ благодаренъ за Гофмана. Сбираюсь писать къ вамъ длинное письмо о немъ, а если вы захотите отъ него избавиться, пріѣзжайте на дняхъ къ намъ въ деревню; это будетъ лучше.

14.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, какъ жаль мнѣ, что я не могу изустно отблагодарить васъ за двѣ книги Гофмана, которыми

или сентябрѣ 1840 г., изъ деревни, такъ какъ изъ дневника Ю. Ѳ—ча видно, что онъ въ это время много читалъ Гофмана: „8 сентября. Все это время я читалъ Гофмана и рисовалъ фигуры, безпрестанно восходившія въ моемъ воображеніи". Сверхъ того указаніе въ № 14 на ожиданіе „нашихъ путешественниковъ", подъ которыми Ю. Ѳ. разумѣетъ мать свою, сестру и брата, ѣздившихъ лѣтомъ 1840 г. за границу, даетъ несомнѣнное основаніе для пріуроченія этихъ трехъ писемъ къ 1840 году. Въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ молодые люди кружка Станкевича и другіе сильно увлекались Гофманомъ (1776—1822), читали его „Серапіоновыхъ Братьевъ", „Кота Мурра" и другія его повѣсти, и помѣщали переводы ихъ въ тогдашнихъ журналахъ.

[1]) Михаилъ Петровичъ Погодинъ (род. въ 1800 г., ум. въ 1875 г.) – профессоръ русской исторіи.

[2]) По случаю пріѣзда въ Москву хорвата Людевита Гая (род. въ 1809 г., ум. въ 1872 г.), главнаго проповѣдника и вождя иллиризма. Его дѣятельность литературная и политическая обращена была на объединеніе Сербовъ, Хорватовъ и вообще всѣхъ „иллирскихъ народовъ"

я въ продолженіе всего этого времени наслаждался исключительно. Признаюсь вамъ, Гофманъ совершенно заслонилъ для меня и Шиллера и Гёте, не говоря о Французахъ. Я не могу понять, какъ я до сихъ поръ могъ не знать его и оставаться равнодушнымъ къ поэту, который совершенно приходится мнѣ по сердцу. Паки и паки благодарю васъ за знакомство съ нимъ. Во второй части его Erzählungen есть двѣ повѣсти, которыя мнѣ особенно понравились. Это—Datura fastuosa и der Feind.—Johannes Wacht былъ мнѣ извѣстенъ по переводу, помѣщенному въ „Наблюдателѣ". Основная мысль первой изъ этихъ повѣстей напоминаетъ стихотвореніе Кар. Карлов. Павловой: „Et j'avais dit". То же отчужденіе отъ дѣйствительности, то же абстрактное направленіе, тѣ же усилія неопытнаго юноши удержаться въ тѣсной сферѣ искусственныхъ отношеній и тѣ же искушенія, со всѣхъ сторонъ его осаждающія. Разница та, что отчужденіе отъ жизни въ Евгеніи не было слѣдствіемъ гордаго замысла, заранѣе взвѣсившаго радости и обольщенія жизни, но какой-то дѣтской преданности памяти любимаго наставника, наукѣ и образу жизни, который онъ завѣщалъ ему. Поэтому безсознательный проступокъ Евгенія искупается тою, которая, также по невѣдѣнію, была всему причиною. Смертью der Frau Professorin возвращается Евгенію свобода, и выборъ его доказываетъ, что онъ уже научился ею пользоваться. Особенный характеръ этой повѣсти, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что оба лица, Евгеній и Профессорша, совершенно безвинно нарушаютъ вѣчный законъ бытія. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ корыстнаго умысла, нѣтъ злого намѣренія, и, несмотря на это, они приводятъ другъ друга на край погибели. Такъ разумно устроена жизнь, такъ премудры законы бытія, что малѣйшая попытка отъ нихъ уклониться влечетъ за собою необходимую гибель. Начало зла въ этой повѣсти занимаетъ второй планъ, поэтому веселый колоритъ ея почти не нару-

въ старомъ славянскомъ вѣроисповѣданіи (православномъ) и на сближеніе ихъ посредствомъ общаго литературнаго языка, которому онъ далъ названіе иллирскаго. Съ цѣлью найти матеріальную поддержку своимъ литературнымъ предпріятіямъ Гай пріѣхалъ лѣтомъ 1840 года въ Россію и въ августѣ былъ въ Москвѣ. Здѣсь, при содѣйствіи Погодина, ему удалось собрать свыше 15000 рублей.

шается до самаго конца. Передъ развязкою Профессоршѣ и Евгенію открываются глаза—идея торжествуетъ, и сознаніе ея облегчаетъ для виновной переходъ изъ жизни конечной въ вѣчную. Я забылъ еще сказать объ одномъ. Каждый человѣкъ одаренъ природою потребностью живой, дѣйствительной жизни. Обстоятельства замедляютъ или ускоряютъ удовлетвореніе этой потребности. Когда человѣкъ, по собственному выбору, ударится въ ложное направленіе и возмечтаетъ о совершенномъ удовлетвореніи внѣ законовъ бытія, потребность эта можетъ на время умолкнуть, но она никогда не исчезаетъ и остается на днѣ души смутнымъ воспоминаніемъ какого-то нѣкогда угаданнаго блаженства. Вотъ, что̀ значитъ въ повѣсти Гофмана эта прекрасная невѣста, явившаяся Евгенію во всемъ блескѣ подвѣнечнаго убранства. Какъ естественно послѣ этого, что при первомъ сотрясеніи извнѣ, какъ скоро ему пахнуло въ лицо свѣжее дыханіе жизни, воспоминаніе всплыло на поверхность его души, взволновало ее томительною жаждою счастья, и онъ, изъ одной крайности ударившись въ другую, бросается впередъ за осуществленіемъ мечты. Изъ всего этого выдается одна идея—человѣкъ созданъ для дѣйствительности; проявлять всѣ силы, которыми наградила его природа, жить всею полнотою жизни есть не только потребность, но необходимый долгъ, наложенный на него свыше. Я не стану напоминать вамъ подробностей этой повѣсти; онѣ такъ хороши, такъ вѣрно возсоздаютъ этотъ милый, нѣсколько глупый образъ жизни Нѣмцевъ, что вы вѣрно помните ихъ не хуже меня. Да, такой повѣсти не написать Французу! То же самое происшествіе могло бы случиться и съ нимъ, и онъ угадалъ бы въ немъ сюжетъ для повѣсти; но дѣло въ томъ, что онъ понялъ бы его только съ анекдотической стороны. Никогда бы сквозь нее не сквозила у него эта идея, которою проникнуто все цѣлое; никогда бы она, по прочтеніи повѣсти, не предстала вамъ живой, не въ отвлеченной сухости, не въ формѣ афористическаго изреченія, но какъ глубокій смыслъ, безъ котораго факты—ничто. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами о der Feind и объ die Elixiere des Teufels, которые выше всего; но я предоставляю это другому вре-

меня [1]), да не въ безмѣрное возрастетъ сіе мое посланіе (по выраженію Стефана Яворскаго).

Часъ отъ часу ожидаемъ нашихъ путешественниковъ. Послѣдніе дни въ деревнѣ будутъ посвящены имъ. Въ первыхъ числахъ октября я буду въ Москвѣ, и тогда мы переговоримъ съ вами о многомъ, о многомъ. Прощайте, мой любезнѣйшій Аксаковъ. Поклонитесь при случаѣ отъ меня Погодину.

15.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, я пріѣхалъ сейчасъ въ Москву [2]), по разнымъ дѣламъ. Не скрою, что мнѣ было бы очень пріятно провести вечеръ у Павловыхъ. Только ѣхать туда безъ особеннаго приглашенія и притомъ въ сюртукѣ (фракомъ я забылъ запастись) кажется мнѣ крайне неприличнымъ, а въ отношеніи къ Павлову въ особенности я ни за что бы не хотѣлъ нарушить приличія. Какъ вы думаете? Нынче утромъ я буду у васъ около 1 или 2 и, если позволите, отобѣдаю у васъ.

16.

(1840).

Любезный Аксаковъ, только что я пріѣхалъ въ деревню, на меня напала такая охота писать, что я въ три часа намаралъ длинное письмо къ Mauguin [3]) съ приличными учти-

---

[1]) Ю. Ѳ. продолжалъ читать Гофмана въ 1841 и 1842 г. На обертке принадлежавшаго ему экземпляра Hoffmann's sämmtliche Werke, изд. 1841 г., написана имъ, вѣроятно въ 1842 г., слѣдующая характеристика этого писателя: „Единственное сочетаніе самаго яркаго и выпуклаго реализма — изображеніе бюргеровъ, ученыхъ, микроскопическаго двора — съ самымъ утонченнымъ мистицизмомъ. Душа одинаково чуткая для впечатлѣній міра вещественнаго и міра духовнаго. Особенность его творчества заключается въ способности, нечувствительно для читателя и какъ будто безъ собственнаго своего вѣдома, переходить изъ одного міра въ другой. Черта, раздѣляющая ихъ, исчезаетъ; они сливаются, проникаются взаимно. При этомъ, посреди необузданнаго разгула самой прихотливой фантазіи, никогда не затемняется ясность нравственнаго чувства“.

[2]) Изъ подмосковной, лѣтомъ или осенью, вѣроятно, 1840 года.

[3]) Письмо это написано въ августѣ мѣсяцѣ. Изъ подмосковной Ю. Ѳ. пріѣзжалъ на день или на два въ Москву и видѣлся тамъ съ Аксако-

востями и оговорками, впрочемъ нисколько не сглаживающими рѣзкости моего мнѣнія о трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности, православіи и самодержавіи. Вы получите это письмо завтра, и, я надѣюсь, перешлете ему вмѣстѣ съ своимъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы въ своихъ замѣткахъ уяснили ему, чего я не успѣлъ сдѣлать, т.-е. то, какимъ образомъ Нѣмцы избавили насъ отъ ига Франціи и приготовили, своими поэтическими произведеніями и своею философіею, къ періоду разумной національности. Я также ничего не сказалъ о народномъ характерѣ, языкѣ, повѣрьяхъ и т. д., зная, что вы объ этомъ пишете. Какъ-то переваритъ все это его французскій желудокъ? Во всякомъ случаѣ соглашаться или не соглашаться— его дѣло; лишь бы онъ не исковеркалъ нашего мнѣнія и не приписалъ бы намъ чего мы не думаемъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, мы можемъ положиться на его добросовѣстность. Впрочемъ, такъ или иначе, но мнѣ право кажется, что мы слѣдуемъ не простой прихоти народнаго честолюбія и обращаемся не къ одной личности Mauguin, а выполняемъ волю судьбы, такъ нечаянно забросившей его въ нашъ кружокъ.

17.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, вотъ посланіе къ Mauguin. Прочтите и скажите, довольны ли вы. Если вы пошлете его не сейчасъ, не худо бы дать просмотрѣть Пако[1]); вѣроятно, вкрались ошибки противъ правописанія. Каролина Карловна[2]) сказывала мнѣ, что переводъ стихотворенія Хомякова

вымъ, бывалъ у Павлова, гдѣ и встрѣтился, вѣроятно, съ членомъ Камеры Депутатовъ Могеномъ (Mauguin), бывшимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1840 г. и пріѣзжавшимъ потомъ вмѣстѣ съ С. И. Пако на одинъ день въ Измалково, къ отцу Ю. Ѳ—ча, Ѳедору Васильевичу Самарину. Письмо Ю. Ѳ—ча къ Могену помѣщено подъ № 68.

[1]) Степанъ (или Адольфъ) Ивановичъ Пако (Pascault, род. въ 1800 г., ум. въ 1862 г.) —наставникъ и воспитатель Ю. Ѳ—ча съ пятилѣтняго возраста до поступленія его въ университетъ. Съ 1836 г. Пако былъ лекторомъ французскаго языка при Московскомъ университетѣ.

[2]) Павлова; см. пр. 1-е къ письму № 5.

находится у самого автора и можно его достать. Попросите у него и пришлите мнѣ, я спишу и возвращу скоро. Какъ нашъ пріятель[1]) провелъ послѣдній день въ Москвѣ? Прощайте, любезнѣйшій Аксаковъ. Мнѣ кажется, что присутствіе Mauguin еще болѣе насъ сблизило и зажгло между нами еще болѣе сочувствія.

18.

(1840).

Любезный Аксаковъ, вчера разсказы Шевырева и остроты Андросова[2]) заставили меня забыть спросить васъ о Кудрявцевѣ[3]). Есть ли рѣшительный какой отвѣтъ? Мнѣ совѣстно развлекать васъ хлопотами о нашемъ дѣлѣ, а нужно бы поскорѣе принять мѣры въ случаѣ отказа. Во всякомъ случаѣ вы бы прислали мнѣ его адресъ, авось я какъ-нибудь съ нимъ столкнусь.

19.

(1840).

Любезный Аксаковъ, батюшка поручилъ мнѣ спросить васъ, не знаете ли вы, на чемъ остановились переговоры съ Кудрявцевымъ. Вчера я видѣлъ Крюкова, но онъ ничего

---

1) Могенъ.

2) Василій Петровичъ Андросовъ (род. въ 1802 г., ум. въ 1841 г.)—любимый ученикъ Мерзлякова, ученый статистикъ, бывшій въ 20-хъ годахъ помощникомъ директора Земледѣльческой школы въ Москвѣ проф. М. Г. Павлова, человѣкъ очень даровитый; въ 1835 году основалъ въ Москвѣ журналъ „Московскій Наблюдатель“ и издавалъ его до 1838 г., при дѣятельномъ участіи С. П. Шевырева. Въ 1838 г. редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“ былъ Бѣлинскій.

3) Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ (род. въ 1814 г., ум. въ 1858 г.) окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1840 году; съ 1847 г. до кончины былъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ. Записки за №№ 18, 19 и 20 написаны осенью, вѣроятно въ октябрѣ, 1840 года. Въ это время Ѳ. В. Самаринъ, устраивая уроки своихъ дѣтей, которые всѣ воспитывались дома, желалъ пригласить для преподаванія исторіи П. Н. Кудрявцева; переговоры объ этомъ съ нимъ шли черезъ К. С. Аксакова, и Кудрявцевъ принялъ предложеніе. Въ то время онъ уже былъ извѣстенъ своими повѣстями, которыя печаталъ въ „Телескопѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ буквами А. Н., а впослѣдствіи подъ псевдонимомъ А. Нестроева.

не умѣлъ сказать мнѣ. Всѣ навѣдывались о причинѣ вашего отсутствія. Было много споровъ. Главныя схватки: 1) Шевырева съ Крюковымъ о томъ, можно ли молиться богу Гегеля! Шевыревъ подрѣзанъ съ ногъ славно. 2) Шевырева съ Рѣдкинымъ [1]) о первобытномъ состояніи человѣка. Рѣдкинъ спорилъ прекрасно. Шевыревъ прикрылъ постыдное отступленіе криками и общими мѣстами, но онъ долженъ былъ погибнуть совершенно, если бы не вмѣшался Дмитріевъ [2]) и не отвлекъ Рѣдкина. 3) Споръ Рѣдкина съ Дмитріевымъ о томъ же. Дмитріевъ мистикъ несносный; вздумалъ въ спорѣ философскомъ приводить тексты, и споръ дошелъ было до личностей. 4) Наконецъ, мой споръ съ Орловымъ [3]), вздумавшимъ излагать мнѣ какую-то свою систему. И удалось мнѣ смиренному Давиду повалить грознаго Голіаѳа! Нынче или завтра вечеркомъ я буду у васъ. Мнѣ нужно васъ видѣть до воскресной сходки.

+ 20.

(1840).

Благодарю васъ премного, любезнѣйшій Аксаковъ, за извѣстіе о Кудрявцевѣ. Я буду ожидать его на дняхъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Третьяго дня былъ у Павловыхъ. Каролина Карловна встрѣтила меня комплиментами за мое письмо [4]), и Николай Филипповичъ непремѣнно требовалъ, чтобы я прочелъ ему. Что̀ касается до моихъ заня-

---

[1]) Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ (род. въ 1808 г., ум. въ 1891 г.) съ 1835 г. по 1848 г. былъ профессоромъ Московскаго университета и читалъ энциклопедію права.

[2]) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1866 г.)—племянникъ Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстный стихотворецъ и эпиграмматистъ; написалъ „Мелочи изъ запаса моей памяти“, „Жизнь кн. И. М. Долгорукова“, перевелъ Горація.

[3]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1842 г.)—флигель-адъютантъ, свиты генералъ-маіоръ, одинъ изъ славныхъ дѣятелей 1812 года, подписавшійся въ 1814 году подъ капитуляціею Парижа; позднѣе, находясь въ опалѣ за свои связи съ декабристами, М. Ѳ. жилъ до кончины своей въ Москвѣ, гдѣ принималъ близкое участіе во многихъ ученыхъ и литературныхъ обществахъ и кружкахъ; онъ былъ директоромъ Московскаго Художественнаго Общества и однимъ изъ основателей Училища живописи, ваянія и зодчества.

[4]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о письмѣ Ю. Ѳ-ча къ Могену.

тій, я еще все въ разъѣздахъ. Вчера занялъ у Крамера [1]) Шамиссо [2]) и сталъ читать. Его der Mann ohne Schatten—славная повѣсть, въ родѣ Гофмана. Еще я видѣлъ на дняхъ гр. Строганова; онъ спрашивалъ о васъ, о Катковѣ; потомъ непримѣтно разговоръ сбился на католицизмъ, протестантизмъ и т. д. Я не утерпѣлъ, увлекся желаніемъ высказать мое задушевное убѣжденіе, и онъ цѣлый часъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Но объ этомъ до перваго свиданія. Мы, кажется, собирались къ Шевыреву на лекцію [3])? Когда это будетъ? Должно также ѣхать вмѣстѣ къ импровизатору [4]). Если вы не перемѣнили намѣренія, поручите мнѣ взять билеты. Раздаетъ ихъ Шевыревъ, и я заразъ потребую ихъ нѣсколько. Итакъ, до свиданія.—Папенька, которому я сейчасъ сообщилъ извѣстіе о Кудрявцевѣ, поручаетъ мнѣ сказать вамъ искреннюю благодарность.

21.

(1840).

Любезнѣйшій Аксаковъ, вотъ билетъ [5]). Онъ стоитъ 10 рублей. Сдѣлайте одолженіе, вычтите изъ него два четвертака, которые я занялъ у вашего человѣка, и рубль за мороженое. Мнѣ бы хотѣлось ѣхать туда съ вами вмѣстѣ. Нельзя ли условиться? Ожидаю съ нетерпѣніемъ Кудрявцева. Нынче или завтра буду у васъ.

22.

(Зима 1840/41 г.).

Любезный Аксаковъ, нельзя ли вамъ прислать мнѣ Исторію русской литературы Греча? Изъ моего экземпляра вы-

[1]) Домашній учитель.

[2]) Альбертъ фонъ Шамиссо (род. въ 1781 г., ум. въ 1838 г.)—по происхожденію французскій эмигрантъ, нѣмецкій поэтъ романтической школы и естествоиспытатель.

[3]) Шевыревъ возобновилъ свои лекціи осенью 1840 г. послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею.

[4]) Италіанецъ поэтъ-импровизаторъ Джустиніани, впослѣдствіи лекторъ итал. языка въ Петербургскомъ университетѣ. Первая импровизація была 18 сентября, вторая—13 октября 1840 г. Темы для импровизаціи были даны ему слѣдующія: пожаръ Москвы 1812 г., смерть лорда Байрона, литературный шарлатанъ, торжество импровизатора и т. д.

[5]) На импровизацію Джустиніани.

пало нѣсколько листковъ. Вчера у Свербеевыхъ [1]) дѣло зашло о Шиллерѣ и т. д. Я вспомнилъ о васъ и пожалѣлъ о вашемъ отсутствіи; но объ этомъ послѣ. До свиданія.

23.

(Зима 1840/41 г.).

Любезнѣйшій Аксаковъ, буду васъ ждать до 11 часовъ. Вы помните наше намѣреніе? Да еще есть до васъ просьба: не можете ли на нѣсколько дней ссудить меня „Киршею Даниловымъ“ или „Словомъ о полку Игоря“? Мнѣ бы хотѣлось кое-что брату прочитать.

P. S. Былъ у меня Клюшниковъ [2]).

24.

(Зима 1840/41 г.) [3]).

Любезнѣйшій Аксаковъ, пріѣхалъ ли Павловъ? Я спрашиваю отъ того, что мнѣ нужно знать, рано ли начнется вечеръ и поздно ли кончится. Если собраніе будетъ полное, мнѣ можно будетъ сдѣлать предварительный визитъ; если же будутъ только избранные, я начну съ Павловыхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ надѣюсь васъ видѣть. Пріѣхалъ ли вашъ батюшка?

Четвергъ.

---

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ и К. С. Аксаковъ очень часто бывали у Дмитрія Николаевича (род. въ 1799 г., ум. въ 1874 г.) и Екатерины Александровны (род. въ 1808 г., ум. въ 1892 г.) Свербеевыхъ; въ началѣ 40-хъ годовъ на ихъ оживленные вечера собирались какъ западники, такъ и славянофилы. Записка эта написана, вѣроятно, въ зиму съ 1840 на 1841 годъ

[2]) Иванъ Петровичъ Клюшниковъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1895 г.)— поэтъ кружка Н. В. Станкевича; свои стихотворенія онъ печаталъ подъ буквою — Ѳ—въ „Телескопѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Ю. Ѳ. познакомился съ Клюшниковымъ въ 1837 или 1838 г. и видѣлся съ нимъ въ то время довольно часто, такъ какъ онъ давалъ тогда уроки русской словесности брату и сестрѣ Ю. Ѳ-ча. Въ то время Клюшниковъ „совершенно овладѣлъ мною“, но „вліяніе это наконецъ стало тягостно, ужасно; я убѣжалъ отъ него... развязаться я бы не могъ никакъ“— такъ опредѣляетъ Ю. Ѳ. свои отношенія къ Клюшникову въ нѣсколькихъ строкахъ, сохранившихся въ дневникѣ его 1841 года, когда всѣ сношенія съ Клюшниковымъ были уже порваны. Записка эта написана, вѣроятно, въ зиму съ 1840 на 1841 годъ.

[3]) Записка эта написана, вѣроятно, въ зиму съ 1840 на 1841 годъ

25.

(1841).

Вчера я просидѣлъ битыхъ три часа вдвоемъ съ Каролиной Карловной. Мы перебрали всѣ вопросы, которые занимали и занимаютъ васъ и меня. Говорили о Фаустѣ, о Французахъ, о Зандѣ, о безсмертіи души, о Гегелѣ, о любви и т. д. Она прочла мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ недавно вышедшей Философіи Ламене въ 3 частяхъ, толстыхъ и полновѣсныхъ. Еслибъ вы знали, что̀ онъ наврáлъ о Фаустѣ! Кажется, умный Французъ, Французъ добросовѣстный, съ убѣжденіемъ, терпящій за свои убѣжденія, не гонящійся за литературною извѣстностью, а между тѣмъ клеймо націи, это пристрастіе къ своему, эта ограниченность, эти поверхностныя сужденія еще рѣзче и отвратительнѣе выдаются въ его сентенціяхъ, въ его притязаніи на глубокомысліе. Каролина Карловна сказывала мнѣ, что вы съ ней спорили о томъ, признаетъ ли Гегель откровеніе, признаетъ ли въ Іисусѣ Христѣ Сына Божія, и будто вы сказали, что признаетъ? Въ такомъ случаѣ намъ должно будетъ уяснить этотъ вопросъ, потому что я думаю совсѣмъ иначе. Мнѣ кажется, Гегель понимаетъ всю исторію, все развитіе, какъ откровеніе Божіе, но не принимаетъ откровенія въ извѣстное только время, одному или нѣкоторымъ лицамъ. Какъ вы думаете?—Говорили мы также и очень долго о безсмертіи души, о сотвореніи міра, потомъ перешли къ Шевыреву.—Кстати, что̀ Шевыревъ наговорилъ въ своемъ „Взглядѣ Русскаго на современную образованность Европы“ [1])!—Читала мнѣ нѣсколько новыхъ стиховъ, очень хорошихъ и т. д.—Пріѣхавши домой, я невольно призадумался—20-е число, und noch nichts für die Dissertation gemacht [2])! Страшно—не предвижу конца моему коснѣнію. Развѣ твердое намѣреніе, крутой переломъ въ образѣ жизни, развѣ отказаться отъ

---

[1]) Статья Шевырева „Взглядъ Русскаго на современное образованіе Европы“ помѣщена въ № 1 „Москвитянина“ 1841 года, который началъ издаваться Погодинымъ въ этомъ году при дѣятельномъ участіи С. П. Шевырева. Это письмо написано, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ 1841 года.

[2]) Извѣстное восклицаніе Донъ-Карлоса (у Шиллера): Drei und zwanzig Jahre, und nichts für die Unsterblichkeit gethan!

свѣта и баловъ, помолиться Богу и засѣсть! А завтра у Мещерскихъ балъ, завтра черные глаза К—ой. „Ничего, ничего! Молчанье"...[1]) До свиданія.

26.

(1841).

Вчера я задумалъ крѣпкую думу о моей, увы! неподвижной диссертаціи. Мало, очень мало сдѣлано, а сколько еще предстоитъ впереди трудностей и остановокъ. Признаюсь, я вижу ясно, что задумалъ слишкомъ огромный трудъ и не въ силахъ буду выполнить обѣщаніе, которое я далъ самому себѣ. Множество матеріаловъ приводитъ меня въ смущеніе, и я, какъ юродивый домостроитель, долженъ буду уступить ихъ другому за половину цѣны, въ которую они мнѣ достались. Это горькое сознаніе мнѣ одному суждено испытать. Съ вами его не будетъ. Въ диссертаціи философской предметъ развивается изъ самого себя, одна мысль выходитъ изъ другой, и нѣтъ трудности въ выборѣ. Напротивъ того, передо мною масса фактовъ, и все кажется мало; эти факты надобно представить въ настоящемъ свѣтѣ и вывести общій результатъ. Найдутся многіе, которые станутъ понимать ихъ иначе, отроютъ какой-нибудь частный случай и вздумаютъ опровергать имъ тысячи другихъ, болѣе важныхъ. Несмотря на то, однажды подъятый крестъ я понесу до конца, какія бы ни суждено мнѣ было терпѣть поруганія. Приближается время вольной страсти.—Все это я говорю къ тому, чтобы увѣдомить васъ, мой любезнѣйшій Аксаковъ, о моемъ намѣреніи отложить занятія логикою до другого, лучшаго времени, т. е. до окончанія диссертаціи. Теперь мнѣ нужно все свое время и всѣ силы отдать ей. Итакъ, не ждите меня ни нынче, ни завтра къ Клеферу[2]) и представьте ему мою просьбу объ увольненіи за неспособностью къ слушанію Гегеля. Убояхся бездны премудрости! Сейчасъ получилъ „Мо-

---

[1]) Гоголь. Записки сумасшедшаго.

[2]) Клеферъ—очень образованный преподаватель нѣмецкаго языка, бывшій въ то время домашнимъ учителемъ у кн. Мещерскихъ, впослѣдствіи директоромъ одной изъ московскихъ гимназій. При его содѣйствіи К. С. Аксаковъ изучалъ Гегеля.

сквитянина". Куда какъ плохъ! До чего дошелъ Хомяковъ съ своей точки зрѣнія! Наполеона повергла не сила народовъ и не ровный (вмѣсто равный) ему соперникъ, но Тотъ, Кто и т. д. Какъ будто не въ общемъ возстаніи и не въ исторіи, а въ чемъ-то другомъ обнаруживается воля Божія или законъ необходимости. Только прекрасную статью Крюкова я прочелъ съ истиннымъ наслажденіемъ, за исключеніемъ первыхъ строкъ, въ которыхъ онъ нѣсколько сбивчивъ. Хроника Погодина не дурна; остального еще не читалъ [1]). До свиданія. Если вы собираетесь завтра къ Павлову, поѣдемте вмѣстѣ.

27.

(29 мая 1841).

Любезнѣйшій Аксаковъ, я заѣзжалъ къ вамъ звать васъ къ Павловымъ. Не предлагаю вамъ ѣхать вмѣстѣ отъ того, что я не прежде, какъ въ 11 часовъ, буду свободенъ. Будетъ Тучковъ [2]), и прочтется его письмо къ Хомякову о предметѣ прошлаго спора. Вы вѣрно слышали о внезапной болѣзни Пако. Онъ очень меня перепугалъ, оттого все это

---

[1]) Стихи Хомякова „Еще объ немъ", статья Крюкова „О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита" и статья Погодина „Еще двѣ недѣли въ Парижѣ" помѣщены въ № 3 „Москвитянина" за 1841 г.; слѣдовательно, письмо это написано въ мартѣ 1841 года. Ю. Ѳ. указываетъ на слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи Хомякова:

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Рѣзкость отзыва Ю. Ѳ—ча о стихахъ Хомякова указываетъ, какъ въ то время воззрѣніе Хомякова еще мало раздѣлялось Самаринымъ и Аксаковымъ.

[2]) Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1878 г.), старшій братъ Московскаго генералъ-губернатора, воспитанникъ Муравьевской школы колонновожатыхъ, поручикъ генеральнаго штаба, Пензенскій предводитель дворянства, былъ близокъ къ декабристамъ кн. Е. П. Оболенскому и Муравьевымъ-Апостоламъ и потому въ 1826 г. былъ арестованъ въ Москвѣ; черезъ три мѣсяца онъ былъ освобожденъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился въ Пензенскомъ имѣніи. Младшая его дочь была за мужемъ за Н. П. Огаревымъ.

время я не былъ ни дома, ни у васъ. Теперь ему лучше. Завтра всѣ наши ѣдутъ въ Воскресенское [1]), оттуда прямо на дачу. Я останусь въ Москвѣ до вторника. Нужно намъ почаще съ вами видѣться. Первая часть моей диссертаціи у меня организируется, т. е. въ головѣ, не на бумагѣ. Кажется, будетъ строго и полно. Теперь я пришелъ въ такое состояніе, что развѣ остановлюсь за трудностями изложенія, или другія внѣшнія обстоятельства мнѣ помѣшаютъ, но отчаяться въ себѣ самомъ, въ успѣхѣ диссертаціи я уже не могу. Вижу возможность возвести ее на ту точку, на которую хотѣлось и хочется. Прощайте.

P. S. На дняхъ купилъ за безцѣнокъ „Правду воли Монаршей".

28.

(1841).

Какъ давно, любезнѣйшій Аксаковъ, я не имѣлъ отъ васъ извѣстій. Впрочемъ, виноватъ и я. Собрался было писать къ вамъ на другой день по моемъ пріѣздѣ въ деревню [2]), но развлеченъ былъ охотою, прогулкою и непреодолимымъ желаніемъ досыта насладиться воздухомъ, запахомъ березъ и всѣмъ, чѣмъ мила деревенская жизнь. Теперь я отдыхаю; загорѣлъ, усталъ, но чувствую себя здоровымъ и бодрымъ. Вы вѣрно понимаете, что этотъ разгулъ физической жизни, которому я по обыкновенію своему предался неумѣренно, не много принесъ пользы медленному шествію моей диссертаціи. Должно прибавить ей ходу. Чувствую, а нѣтъ силъ приняться за дѣло. Между тѣмъ у меня мысленно обработались нѣкоторыя мѣста. Скажу вамъ на первый случай, что вступленіе я совершенно передѣлаю. Оно будетъ не такъ многословно и витіевато. Этотъ недостатокъ я давно замѣтилъ. Раздѣленіе будетъ строже. А первая часть, кажется, будетъ не безъ достоинства, если только я не ошибаюсь и не принимаю за внутреннее достоинство труды, которыхъ она мнѣ стоила и которые я теперь преодолѣлъ.—

[1]) Изъ сохранившагося письма Софьи Юрьевны Самариной (матери Ю. Ѳ—ча) къ Ѳ. В. Самарину отъ 29 мая 1841 г. видно, что поѣздка изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, а затѣмъ въ Саввинъ назначена была на 30 мая; состоялась же она 31 мая (см. письмо № 89).

[2]) Писано, вѣроятно, въ іюнѣ.

Не спрашиваю о вашей диссертаціи, этой старшей сестрѣ моей, болѣе крѣпкой, болѣе здоровой и которой суждена болѣе долгая жизнь. Да приметъ же ваша мою подъ свой покровъ и защититъ отъ поруганія! Шутки въ сторону, я думаю, что у васъ дѣло горитъ и клонится къ развязкѣ. Скажите же мнѣ, какъ вы можете, что̀ дѣлаете, скоро ли переѣдете и куда?—Что̀ дѣлаютъ всѣ наши знакомые: Хомяковъ, передъ которымъ я не сдержалъ слова, Погодинъ, у котораго увезъ книги, Шевыревъ, съ которымъ не успѣлъ проститься, Павловы, Грановскій и т. д.? Дайте знать, что̀ творится въ Бѣлокаменной, ибо я на большой дорогѣ къ Западу Европы, въ 20 верстахъ отъ столицы русскаго царства, живу совершенно въ глуши. По газетамъ [1]) видно, что въ Болгаріи рѣзня продолжается и Туркамъ хочется поскорѣе кончить дѣло. Они обѣщаютъ амнистію. Въ Англіи министерство должно рухнуть [2]). На этотъ разъ прощайте. Обнимаю васъ отъ души и жду письма.

P. S. Пако рѣшительно выздоравливаетъ.

29.

(1842).

Любезный Аксаковъ, такая откровенность между нами не только допускается, но даже необходима. Я очень понимаю твою недовѣрчивость послѣ того, что̀ ты мнѣ разсказалъ въ одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій; но мнѣ кажется, что въ твоихъ настоящихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего такого, что̀ бы могло ее питать. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, и я откровенно скажу тебѣ, что̀ я думаю. Странный человѣкъ Кирѣевскій! Нынче я съ нимъ видѣлся, и онъ съ торжествующимъ видомъ спрашивалъ о нашемъ

---

[1]) Иностраннымъ, такъ какъ въ то время „Московскія Вѣдомости", сообщая извѣстія по возникшему снова египетскому вопросу, умалчивали, вѣроятно поневолѣ, о волненіяхъ въ Болгаріи. Въ Revue des Deux Mondes, въ chronique de la quinzaine 14 мая 1841 г., сказано: Les troubles de l'île de Candie ne sont pas apaisés; la Syrie est toujours mécontente, inquiète, agitée; les populations chrétiennes de la Bulgarie lèvent la tête et osent regarder en face leurs oppresseurs".

[2]) Министерство виговъ (лордъ Дж. Россель) вслѣдствіе предложенія сэръ Робертъ-Пиля объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ.

споръ [1]). Мнѣ это показалось болѣе нежели нескромнымъ, и если что-нибудь помѣшало мнѣ отвѣчать ему рѣзко, такъ это было просто чувство гордости: не хотѣлось показать ему, что онъ задѣлъ за живую струну. И чему они [2]) радуются? Развѣ мы закабалили себя одинъ другому? Развѣ когда-нибудь ты или я жертвовали другому своими убѣжденіями? А если они понимаютъ, что стоять вмѣстѣ, что знать на кого опереться бываетъ весело и даетъ бодрость, тогда непростительно съ ихъ стороны радоваться и шутить. Ужели они думаютъ, что тому не больно, кто, при каждомъ движеніи души, не надуваетъ губъ и не сводитъ бровей. Богъ съ ними! Между нами могло возникнуть несогласіе; вѣроятно, это случится и не разъ, но разорвать насъ они не могутъ; всякій споръ между нами есть споръ домашній, отъ котораго имъ прибыли не будетъ. Да, насъ тѣсно сближаютъ родные, самые близкіе сердцу интересы. Чувствую это живо и обнимаю тебя отъ всей души. Да, мы все-таки gehen vereint dem nächsten Tag entgegen. Твой Юрій Самаринъ.

Нынче утромъ ко мнѣ заѣзжалъ Шеппингъ и сказывалъ, что ты будешь у него; итакъ, мы увидимся.

30.

(1842) [3]).

Любезный Аксаковъ, не можешь ли ты заѣхать ко мнѣ нынче? Я буду дома весь вечеръ; Свербеевы не принимаютъ. Сегодня утромъ я видѣлся съ Каролиною Карловною, которая что-то такое разсказывала мнѣ про тебя и про Кирѣевскую, въ чемъ я не могъ добиться толку. Я самъ хотѣлъ

---

[1]) Въ зиму съ 1841 на 1842 годъ Ю. Ѳ. велъ съ А. Н. Поповымъ (см. примѣч. 2-е къ письму № 62) письменную полемику по вопросу о развитіи церкви. Въ этой полемикѣ приняли участіе Хомяковъ, Кирѣевскій и всѣ ихъ друзья. Сначала Самаринъ былъ одного мнѣнія съ Аксаковымъ, но потомъ они разошлись во взглядахъ по этому вопросу, и, такъ какъ они въ первый разъ оказались разныхъ мнѣній и вступили между собою въ споръ, это удивило всѣхъ и дало поводъ къ тѣмъ толкамъ, на которые намекается въ письмѣ. Полемическія письма Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову по вопросу о развитіи церкви см. дальше (№№ 84—86).

[2]) Хомяковъ и Кирѣевскій.

[3]) Писано, вѣроятно, весною 1842 года.

къ тебѣ ѣхать, да не на чемъ. Впрочемъ, если ты очень занятъ, увидимся въ другой разъ.

31.

(1842) [1].

Любезный Аксаковъ, въ наше послѣднее свиданіе мы говорили о поэмѣ Гоголя и о томъ, какъ ее судятъ и понимаютъ. Много было высказано о ней самыхъ разнообразныхъ отзывовъ, обвиненій, возраженій и похвалъ. Въ числѣ ихъ попадалось нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и очень много пустыхъ. Я самъ, послѣ второго чтенія, началъ было писать о ней статью, но, прочтя твою брошюрку [2], я вполнѣ ею удовлетворился и отложилъ это дѣло. Мнѣ кажется, ты сказалъ о „Мертвыхъ Душахъ“ все, что̀ можно и что̀ должно было сказать, представивъ характеръ созерцанія Гоголя, акта творчества, и устранивъ вопросъ о содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, о содержаніи поэмы пока еще говорить нельзя отъ того, что мы имѣемъ передъ собою только начало. Шевыревъ въ своихъ первыхъ статьяхъ [3]) дѣльно и умно опровергнулъ нѣсколько пошлыхъ обвиненій; но почти все, сказанное имъ отъ себя, не только не уясняетъ того впечатлѣнія, которое не могли не произвести „Мертвыя Души“ на всякаго непредубѣжденнаго и не мудрствующаго читателя, но, напротивъ, мутитъ его, заслоняетъ значеніе великаго созданія Гоголя и портитъ наслажденіе. Это произошло,

---

[1]) Письмо это написано либо въ концѣ 1842, либо въ началѣ 1843 года; подлинникъ его находится въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея.

[2]) К. С. Аксаковъ напечаталъ въ 1842 г. отдѣльною брошюрою статью: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Онъ проводилъ въ ней мысль о сходствѣ Гоголя, по акту творчества и силѣ созданія, съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Эта брошюра вызвала полемику и окончательный разрывъ Аксакова съ Бѣлинскимъ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 8) помѣщенъ былъ разборъ брошюры Аксакова, который отвѣчалъ въ „Москвитянинѣ“ (№ 9); Бѣлинскій снова возражалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 11).

[3]) Двѣ статьи С. П. Шевырева о „Мертвыхъ Душахъ“ помѣщены въ №№ 7 и 8 „Москвитянина“ за 1842 годъ; другихъ статей его о поэмѣ Гоголя не было, но посвящено ей двѣ-три страницы въ его „Критическомъ перечнѣ произведеній русской словесности за 1842 г.“ въ № 1 „Москвитянина“ за 1843 годъ

мнѣ кажется, отъ излишняго мудрованія. Въ Шевыревѣ нѣтъ той простоты и того смиренія, безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенія, не можетъ быть полнаго наслажденія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ критикъ, что онъ изучалъ искусство, что онъ былъ въ Италіи и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италіи и не изучали искусства. Зато никогда не откроется ему то, что̀ утаено отъ премудрыхъ и открыто младенцамъ. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только то, что̀ можетъ видѣть всякій. Нѣтъ! Онъ придумаетъ что-нибудь помудренѣе, позамысловатѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою. Не имѣя подъ рукою „Москвитянина", я приведу въ примѣръ что̀ помню. Только Шевыревъ могъ открыть хитрую мысль, спрятанную поэтомъ за Петрушкою и Селифаномъ: „Петрушка, который ближе къ своему барину, провонялъ отъ него; а Селифанъ—нѣтъ, отъ того, что отъ него подальше". Видите ли, какая тутъ штука. Такъ точно въ изображеніи помѣщиковъ и всей ихъ обстановки: прислуги, крестьянъ, деревни, сада и т. д. Гоголь, по мнѣнію Шевырева, хочетъ доказать, какъ характеръ и свойства помѣщиковъ отпечатываются на всемъ ихъ окружающемъ, и дать имъ полезный урокъ.

Мнѣ приходитъ на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумѣю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: „Коробочка, вѣрно, очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону". Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна? Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что всѣ другія свойства старушки-

помѣщицы, не высказанныя поэтомъ, вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, что̀ бы подумала и что̀ бы сказала? Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ, намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленіе, провести его дальше, то не значитъ ли это, что то немногое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ заключается тайна творчества, и выше ея нѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь изображаетъ, и каждое его лицо истинно, живо и полно, какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты—исчисленія всѣхъ свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и вообще этотъ родъ критики, отыскивающей чего-то невысказаннаго, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношеній къ чему-нибудь, если такого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его созданіе, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямого, такъ рѣзко обличаетъ свое безсиліе, такъ становится глупа и смѣшна, когда прилагается къ произведенію Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать), то не значитъ ли это, что оно исключительно и высоко-художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на внѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ? Все, что̀ она замѣчаетъ, что̀ хвалитъ и что̀ порицаетъ, не лежитъ въ произведеніи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержаніе.

Но довольно о Шевыревѣ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою о другомъ сужденіи, недавно нами услышанномъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ. Ты знаешь, кого я разумѣю. Ихъ отзывъ не былъ высказанъ печатно, и потому не было на него печатныхъ опроверженій. Признаюсь, я искренно, отъ всей души, жалѣю объ этихъ людяхъ. Все, что̀ нужно для того, чтобы наслаждаться художественнымъ произведеніемъ, въ нихъ есть, но они сами отказываютъ себѣ въ этомъ наслажденіи. Имъ хотѣлось бы предаться поэту просто, всею душою, но они совѣстятся сдѣлать это и на-

сильно подавляютъ въ себѣ смѣхъ и радость, вытѣсняя ее умышленнымъ чувствомъ сожалѣнія и скорби. „Какъ можно радоваться и наслаждаться, когда художникъ выводитъ на сцену цѣлый рядъ жалкихъ, смѣшныхъ, отвратительныхъ явленій, взятыхъ изъ той дѣйствительности, въ которой мы живемъ, которая есть наша дѣйствительность, наша родина! Плакать и скорбѣть должно, а не смѣяться". Такъ они говорятъ, и въ ихъ словахъ выражается искренняя, почтенная любовь къ своему, родному, но любовь слишкомъ тѣсная и потому легко переходящая въ отчаяніе. Маловѣры! Вы любите не Россію, а то, что̀ въ ея жизни нравится вамъ лично; себя вы любите въ ней, а не ее. Ваше сочувствіе ограничивается одною стороною, однимъ или двумя столѣтіями, не болѣе, а потому, не находя въ настоящемъ того, что̀ нравилось вамъ въ прошедшемъ, не узнавая его въ новомъ его превращеніи, вы отчаиваетесь и не видите, сколько утѣшительнаго для насъ всѣхъ заключаетъ въ себѣ явленіе такого художественнаго произведенія, каково „Мертвыя Души". Но такъ какъ вы не отъ природы неспособны понимать его, а вслѣдствіе ложнаго убѣжденія разсудка, то я постараюсь опровергнуть это убѣжденіе и сдѣлать для васъ доступнымъ то, къ чему вы призваны. Не касаясь вопроса о Россіи вообще и о современномъ ея состояніи, я думаю, что изъ возможности явленія въ наше время чисто-художественнаго произведенія, изъ новаго факта въ мірѣ искусства, котораго отрицать нельзя, можно вывести заключеніе о самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли такой моментъ въ исторіи, такой народъ дать предметъ для художественнаго произведенія (принимая это слово въ самомъ строгомъ значеніи, какое даетъ ему наука), въ которомъ нѣтъ ничего высокаго, идеальнаго, дѣйствительнаго, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? Очевидно, жизнь, представляющая собою чистое отрицаніе, отсутствіе всего дѣйствительнаго, не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія. Одна тѣнь не составитъ картины. Поэтому художникъ, родясь въ эпоху разрушенія, въ народѣ, подгнившемъ въ корнѣ своемъ, беретъ предметъ изъ его жизни, но понимаетъ и изображаетъ его только какъ отрицаніе того, что̀

было, или какъ отсутствіе того, что̀ будетъ. Отсюда рождается сатира. Поэзія становится обличеніемъ настоящаго. Поэтъ, неспособный воспринимать съ любовью предметы его окружающіе и возводить ихъ въ перлъ созданія (говоря словами самого Гоголя), не находя въ настоящемъ ничего такого, что̀ бы удостоилось удержать на себѣ его взоръ, уходитъ отъ него въ прошедшее, или весь погружается въ упованіе на будущее. Въ его созданіяхъ вы вѣчно будете находить двѣ стороны, вѣчный антитезъ, вѣчное противоположеніе, исключающее гармонію, отъ того, что въ самой жизни нѣтъ этой гармоніи. Такъ напр. Горацій, изображая темную сторону своей эпохи и своего народа, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуетъ зарю обновленія, зачинающуюся на сѣверѣ, въ лѣсахъ Германіи. Но не ищите въ его произведеніяхъ той нераздѣльности художника съ жизнью, того въ себѣ самомъ сосредоточеннаго спокойствія, какимъ запечатлѣны всѣ произведенія Гоголя; мысль поэта римскаго и его сочувствіе вѣчно уносятъ его за предѣлы той жизни, изъ которой онъ беретъ содержаніе. И не можетъ быть иначе. Только та жизнь можетъ быть предметомъ чисто-художественнаго произведенія, и особенно эпоса, которая сама собою удовлетворяется, сама въ себѣ имѣетъ право на бытіе, а не та, которая существуетъ какъ отрицаніе идеи, внѣ ея зарождающейся. Но не всякому доступно пониманіе жизни во всемъ ея объемѣ, во всей ея глубинѣ. Человѣку сродно видѣть и останавливаться преимущественно на томъ, что̀ его оскорбляетъ, и въ этомъ виноватъ самъ человѣкъ, а не жизнь. И если среди этой жизни возникаетъ поэтъ съ высокою, чисто-художническою организаціею, и если онъ отразитъ въ себѣ всѣ явленія этой жизни, самыя смѣшныя, мелкія и темныя и создастъ изъ нихъ не сатиру, а поэму, такую, какъ „Мертвыя Души", то мы должны принять ее какъ сильнѣйшее, какъ самое неопровержимое ручательство за жизнь, и всѣ наши опасенія, нашъ страхъ, наши жалобы должны умолкнуть... Скажите, найдете ли вы въ поэзіи народовъ отживающихъ что-нибудь похожее на „Мертвыя Души", и есть ли въ „Мертвыхъ Душахъ" хотя призракъ сатиры? Ужели не всякому ясно, что нѣтъ поэта, который бы былъ такъ да-

лекъ отъ сатиры, какъ Гоголь, что во всякомъ другомъ поэтѣ, напр. въ Жуковскомъ, гораздо болѣе сатирическаго начала, нежели въ Гоголѣ? Нѣтъ, та жизнь, которую поэтъ могъ полюбить и возвести въ ясное, свѣтлое созданіе искусства, та жизнь, повѣрьте, далека отъ разрушенія.

Конечно, въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" мы видимъ ея темную сторону; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже, чего не дай Богъ, что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться. Одинъ огромный, неопровержимый фактъ — возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь.

Скажу искренно, не горячась, безъ преувеличенія: послѣ прочтенія поэмы Гоголя, я чувствую, что, встрѣтясь съ Собакевичемъ, Ноздревымъ, Маниловымъ, со всѣми смѣшными и отвратительными лицами и явленіями, которыми угащиваетъ насъ наша настоящая дѣйствительность, я не впаду въ уныніе, не приду въ отчаяніе. Воскреснетъ въ моей памяти образъ любезнаго намъ всѣмъ поэта, его свѣтлый, проницательный и спокойный взоръ, его ясное чело, услышу его звонкій голосъ, и снова миръ и упованіе сойдутъ въ мою душу...

32.

(Зима 1842/43 г.).

Любезный Аксаковъ, нынче вечеромъ мнѣ нельзя будетъ быть у тебя для свиданія съ Герценомъ[1]). Но завтра или послѣ завтра и т. д., какъ тебѣ и ему будетъ угодно. Хомяковъ меня выручилъ. Я къ тебѣ заѣду послѣ обѣда, часовъ въ 5 или $5^1/_2$, и разскажу.

[1]) Александръ Ивановичъ Герценъ (род. въ 1812 г., ум. въ 1870 г.) поступилъ въ Московскій университетъ по физико-математическому отдѣленію въ октябрѣ 1829 г., пробылъ въ немъ 4 года (въ томъ числѣ хо-

33.

(1843).

Любезный Аксаковъ, когда же ты будешь ко мнѣ? Жду—не дождусь. По крайней мѣрѣ напиши мнѣ хоть словечко. Работа у меня идетъ живо. Второй части осталось дописать нѣсколько страницъ, но поправлять придется много. Какъ было дѣло при свиданіи Филарета съ Хомяковымъ? Надѣюсь, до свиданія у меня въ деревнѣ. Обнимаю тебя отъ души.

P. S. Пришли мнѣ или привези томъ Древней Вивліоѳики, въ которомъ помѣщена исторія Кіевской и Московской академіи.

34.

(1 апрѣля 1843).

Нынче именины Марьи Дмитріевны Ховриной [1]. Всѣ будутъ тамъ. Буду и я. Не худо бы и тебѣ пріѣхать; а я пріѣду самъ по себѣ, съ своей сотроны, потому что передъ этимъ мнѣ нужно будетъ еще кое-куда заѣхать. До свиданія.

35.

(1843).

Я вижу, ты отговариваешься, и потому пристаю къ тебѣ. Дай слово, что поѣдешь. Ну поѣзжай для меня. Мнѣ сдается, что вечеръ будетъ не пустой, что будутъ споры, что ты будешь нуженъ. Если жъ будетъ скучно, что̀ мѣшаетъ тебѣ уѣхать и приняться за дѣло?

лерный) и вышелъ изъ университета кандидатомъ въ іюлѣ 1833 года. Въ половинѣ 1842 г. Герценъ поселился въ Москвѣ; Ю. Ѳ. жилъ въ это время въ подмосковной, гдѣ провелъ и всю зиму съ 1842 на 1843 г., только изрѣдка, дня на два, пріѣзжая въ Москву. Въ запискѣ говорится, вѣроятно, о первомъ свиданіи, назначавшемся у Аксакова для того, чтобы познакомить Самарина съ Герценомъ. Это свиданіе произошло въ зиму съ 1842 на 1843 г., въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 года.

[1]) У М. Д. Ховриной, рожденной Лужиной (род. въ 1801 г., ум. въ 1877 г.), въ зиму съ 1842 на 1843 г. бывали часто литературные вечера.

36.

21 апрѣля (1843).

Любезный Аксаковъ, что это тебя нигдѣ не видать? Ни у Павлова не былъ, ни ко мнѣ не заѣдешь? Зову тебя къ себѣ нынче вечеромъ въ 7 часовъ. Я звалъ Хомякова и Боборыкина[1]). Захвати съ собою „Отечественныя записки", тотъ №, въ которомъ помѣщены стихи Лермонтова, внушенные ему какимъ-то пророческимъ чувствомъ его смерти[2]). До свиданія.

Середа.

37.

(1843).

Любезный Аксаковъ, я исполнилъ твое порученіе. На мою просьбу Мейендорфъ[3]) отвѣчалъ, что не знаетъ навѣрное, найдутся ли три билета, потому что ты поздно хватился. Тогда я обратился къ Марьѣ Дмитріевнѣ Хованской, уповая на ея всесильное ходатайство, и просилъ ее отъ своего имени и для себя требовать трехъ билетовъ. Мейендорфъ сдался, и тогда я сказалъ ему, чтобы онъ не искалъ болѣе билетовъ для тебя, а доставилъ бы эти три М. Д. Ховриной, которая тебѣ передастъ ихъ. Итакъ, тебѣ остается къ ней съѣздить и поблагодарить ее. Цѣны еще не знаю, а время и мѣсто означены на билетахъ. Какъ мнѣ жаль, что ты не былъ вчера. Ты потерялъ высокое наслажденіе:

---

[1]) Николай Николаевичъ Боборыкинъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1888 г.), поэтъ, знатокъ иностранной литературы, въ 70-хъ годахъ служилъ въ Румянцевскомъ музеѣ, потомъ былъ цензоромъ.

[2]) Въ № 3 „Отечественныхъ Записокъ" 1843 года помѣщено стихотвореніе Лермонтова „Сонъ":

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

[3]) Баронъ Александръ Казиміровичъ Мейендорфъ (род. въ 1798 г., ум. въ 1865 г.) служилъ до 1824 г. въ военной службѣ, а съ 1829 г. въ департаментѣ мануфактуры и внутренней торговли; въ 1842 г. поселился въ Москвѣ и, состоя на службѣ по министерству финансовъ, оказывалъ просвѣщенное содѣйствіе развитію русской промышленности.

Листъ [1]) превзошелъ себя и явился съ совершенно новой стороны, опровергающей твое сужденіе. Я вижу теперь, что ему вполнѣ доступна die fromme deutsche Musik. Во вторникъ ты убѣдишься самъ. Не забудь переписать для меня стихи.

Понедѣльникъ.

38.

(1843).

Любезный Аксаковъ, я на прощальномъ вечерѣ у Хованскихъ. Очень желаютъ, чтобы ты пріѣхалъ. Будетъ Тургеневъ[2]), молодой, тоже желаетъ тебя видѣть.

39.

(1843).

Я не могъ понять изъ твоего письма, любезный Аксаковъ, будешь ли ты къ Хомякову или нѣтъ. А мнѣ хотѣлось бы тебя видѣть. Вчера былъ у меня Тургеневъ и спрашивалъ, когда бы намъ у тебя съѣхаться; мы было думали сговориться нынче. Въ четвергъ мнѣ нельзя будетъ пріѣхать. Я отозванъ на вечеръ. Какъ быть?

40.

(1843).

Любезный Аксаковъ, вотъ что: маменька и сестра ѣдутъ нынче утромъ въ концертъ [3]) и требуютъ, чтобы я провожалъ ихъ. Поэтому я не могу быть у Мейендорфа. Совѣтую тебѣ ѣхать одному по тремъ причинамъ: во-первыхъ, кажется, что поѣздка устроена для насъ; во-вторыхъ, дѣло само по себѣ интересно; въ-третьихъ, ты скажешь ему о брошюркѣ и остановишь изданіе. Принявъ все это въ уваженіе, рѣшись. Право лучше. Если же ты не захочешь ѣхать, то напиши или съѣзди къ нему предварительно, ибо

По его мысли былъ открытъ 18 марта 1843 г. на Кузнецкомъ мосту магазинъ „Русскихъ издѣлій“, т.-е. рядъ магазиновъ въ одномъ домѣ, для продажи исключительно русскихъ товаровъ.

[1]) Извѣстный композиторъ-піанистъ Листъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1886 г.) былъ въ Москвѣ и давалъ концерты во второй половинѣ апрѣля 1843 года.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ.

[3]) Вѣроятно, концертъ Листа (25 апрѣля) или Рубини (въ мартѣ).

я сказалъ, что если ты ничего не дашь знать, то это будетъ знакъ согласія. А если будешь писать, то не забудь посыпать и дать высохнуть, а не то Казиміровичъ ужъ вовсе ничего не разберетъ. Съѣздъ назначенъ ровно въ 3 часа. До свиданія.

P. S. Нынче вечеромъ, въ 9 или 9½, повезу Соллогуба [1]) къ Ховрипымъ, просижу не болѣе получаса и домой.

41.

(1843).

Любезный Аксаковъ, я никакъ не могу отлучиться, ибо назначилъ нынче вечеромъ свиданіе старому товарищу, недавно пріѣхавшему изъ Кіева—Каменскому. Не знаю, будетъ ли онъ, ибо часъ, имъ назначенный, уже прошелъ, но все же долженъ подождать его. Я получилъ приглашеніе отъ Сенявиной [2]) на завтрашній вечеръ. Загоскинъ и Вельтманъ будутъ читать. Любопытно послушать. Завтра утромъ постараюсь къ тебѣ заѣхать на минуту. Видѣлъ Казиміровича, но не успѣлъ переговорить.

42.

(1843).

Двухъ вальдшнеповъ, завернутыхъ въ кулькѣ, прошу тебя, любезный Аксаковъ, поднести отъ меня твоему батюшкѣ, какъ приношеніе знатоку и охотнику испытанному отъ охотника молодого, подвизающагося. Тебя же зову къ себѣ завтра по утру въ 12½ отвѣдать моей дичи вмѣстѣ съ Мещерскимъ и Скалономъ. Жду тебя непремѣнно. Вечеромъ, часовъ въ 9 или попозже, я думаю къ тебѣ заѣхать, если только ты будешь дома.

43.

(1843).

Любезный Аксаковъ, мнѣ еще третьяго дня поручилъ Мейендорфъ звать тебя къ нему на обѣдъ въ субботу. Онъ

---

[1]) Графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ (род. въ 1813 г., ум. въ 1882 г.)—извѣстный писатель-беллетристъ.

[2]) Однимъ изъ центровъ московскаго общества въ то время былъ домъ гражданскаго губернатора Ивана Григорьевича Сенявина (род. въ 1801 г., ум. въ 1851 г.). Супруга его Александра Васильевна отличалась красотою и любознательностью.

хочетъ насъ познакомить съ какимъ-то ученымъ, Haxthausen по имени, который объѣзжаетъ всѣ Славянскія земли и изучаетъ бытъ Славянъ; у меня его брошюра [1]). Не знаю, увидимся ли мы до того времени; поэтому предваряю тебя письменно. Пріѣзжай ко мнѣ часа въ три, и мы поѣдемъ вмѣстѣ. Дописываю третью часть [2]).

44.

20 мая 1843 г.

Любезный Аксаковъ, у меня есть просьба до твоего братца [3]), которую прошу тебя передать ему; надѣюсь, что онъ не откажется ее исполнить. Вотъ въ чемъ дѣло. Митя Оболенскій [4]) рапортовался больнымъ и уѣхалъ въ деревню, не видавъ переписчика, которому поручена моя диссертація. Я теперь не знаю, какъ идетъ у него дѣло и скоро ли онъ кончитъ. Поэтому прошу Ивана Сергѣевича взять на себя трудъ завтра въ Сенатѣ спросить переписчика Иванова отъ имени князя Оболенскаго, на чемъ онъ остановился, взять у него, якобы для передачи кн. Оболенскому, готовыя тетради, буде таковыя у него окажутся, и переслать ихъ мнѣ, а съ остальными велѣть ему поспѣшать. Иванову мой двою-

---

[1]) Баронъ Августъ фонъ Гакстгаузенъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1866 г.)—авторъ извѣстнаго сочиненія „Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, 2 Th. 1847, 3 Th. 1852. Онъ пріѣзжалъ въ Москву вмѣстѣ съ нѣмецкимъ публицистомъ и политико-экономомъ Козегартеномъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1868 г.) въ маѣ 1843 года, очень интересовался русскою сельскою общиною и высказывался за освобожденіе крестьянъ цѣлыми обществами, не считая полезнымъ индивидуальное освобожденіе какъ съ землею, такъ и безъ земли.

[2]) Магистерской диссертаціи: „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники".

[3]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ (род. въ 1823 г., ум. въ 1886 г.), по окончаніи курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1842 г., вернулся въ Москву, поступилъ на службу во 2 отд. VI департ. Прав. Сената и въ послѣднихъ числахъ декабря 1843 г. отправился въ Астрахань членомъ ревизіонной комиссіи подъ начальствомъ князя П. П. Гагарина.

[4]) Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій (род. въ 1822 г., ум. въ 1881 г.), двоюродный братъ Ю. Ѳ-ча, впослѣдствіи членъ Госуд. Совѣта, по окончаніи курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1842 г. опредѣленъ былъ въ Москву въ канцелярію 2 отд. VI департ. Прав. Сената и съ 26 декабря 1842 г. состоялъ младшимъ помощникомъ секретаря.

родный братъ отдалъ эту работу отъ себя для вящшаго его поощренія. Само собою разумѣется, что Дм. Оболенскій уполномочилъ меня на мою просьбу. Сговорился ли ты съ Герценомъ?

Четвергъ.

45.

(1843).

Любезный Аксаковъ, кое-что я долженъ сообщить тебѣ для тебя интересное. Во-первыхъ, я узналъ отъ Буслаева [1]), который былъ у меня, что уставъ о приватъ-доцентахъ съ 1000 руб. жалованья рѣшительно утвержденъ. Въ выборѣ предмета предоставляется совершенная свобода. Магистерскій и докторскій экзаменъ облегченъ. Первый вертится около одного главнаго предмета за исключеніемъ побочныхъ; второй вовсе отмѣненъ и замѣняется одною диссертаціею. Тотъ же Буслаевъ, разсказывая мнѣ о сочиненіи, которое онъ готовитъ: о преподаваніи словесности русской въ гимназіи [2]), сказалъ мнѣ, что онъ предлагаетъ въ немъ конспектъ изученія Ломоносова. При этомъ онъ открылъ сличеніемъ различныхъ изданій, начиная отъ древнѣйшихъ, и различныхъ, самимъ Ломоносовымъ цитуемыхъ отрывковъ изъ его же одъ, что онъ многое измѣнялъ и поправлялъ, иногда къ лучшему, а иногда наоборотъ, такъ что весь этотъ процессъ исправленія онъ возстановилъ. Вотъ по твоей части. А вотъ по моей: книга Хворостинина [3]) ничего особеннаго

[1]) Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ (род. въ 1818 г., ум. въ 1897 г.) былъ товарищемъ Ю. Θ—ча по университету и кончилъ курсъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1838 году.

[2]) Сочиненіе Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“, въ 2-хъ частяхъ, вышло въ 1844 году.

[3]) Князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ (ум. въ 1625 г.), окольничій и кравчій при Лжедимитріи I, при Шуйскомъ за еретичество и близость къ самозванцу сосланъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ ему былъ объявленъ указъ, изъ котораго видно, что онъ писалъ „укоризны всякимъ людямъ Московскаго государства...“; за еретичество—склонность къ латинству, дурные отзывы о русскихъ людяхъ и намѣреніе уѣхать въ Литву онъ былъ вторично сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1623 г., но онъ скоро раскаялся. Главный трудъ его: „Словеса дней и царей, и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи“, сохранившійся въ единственномъ неполномъ спискѣ (въ Публичной Библіотекѣ), напечатанъ въ Русской Исторической Би-

не содержитъ, и я обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Феноменологію[1]) я отложилъ, ибо не могъ одолѣть статьи о Wahrnehmung и принялся за Энциклопедію, которая дается легко. Во вторникъ или въ середу надѣюсь съ тобою увидѣться. Застану ли я Хомякова въ Москвѣ?

P. S. Пишу статью о книгѣ Штейна[2]) не для печати.

46.

(1843).

Любезный Аксаковъ, какъ мнѣ жаль, что твое здоровье до сихъ поръ не поправляется и что воды не принесли тебѣ той пользы, которой я отъ нихъ ожидалъ! Надѣюсь, что теперь тебѣ лучше. Сдѣлай милость, хоть изрѣдка давай знать о себѣ. Извѣстіе, которое ты сообщилъ мнѣ, очень важно. Не нужно и говорить, что я радъ ему какъ нельзя болѣе. Дѣло доброе во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ идутъ твои занятія? Ты говоришь, что будешь ко мнѣ не прежде, какъ по окончаніи первой части. Если ты теперь пишешь, то я не зову тебя, не желая отрывать тебя отъ дѣла. Но если ты еще не засѣлъ или занимаешься такъ, прохлаждаясь, то потерянный день для тебя ничего не значитъ, и я повторяю тебѣ мою просьбу пріѣхать ко мнѣ. Разсуди и рѣши самъ. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Москвѣ и, разумѣется, съ тобою увижусь, и кое о чемъ переговорю.—Ты пишешь, что думаешь представить Ѳеофана въ новомъ свѣтѣ. Не знаю, въ чемъ состоитъ это новое и очень имъ интересуюсь. Боюсь, чтобы ты не понялъ его слишкомъ односторонно; вѣдь кромѣ проповѣдей ты, кажется, ничего не читалъ. Ты знаешь, что кое-какія его сочиненія есть у меня, поэтому можешь во всякое время имѣть ихъ.—Кстати. Знаешь ли ты, что въ

бліотекѣ (т. III): здѣсь изложены событія русской исторіи отъ Бориса до взятія Москвы Пожарскимъ. Написалъ онъ также другія сочиненія, между прочимъ противъ Западной церкви: „Предисловіе и слововѣщанія почитателемъ, имуща нѣчто къ родителемъ о воспитаніи чадъ“ и „Повѣсть слезная о Лисгрискомъ, сирѣчь Ѳеларскомъ, и Флорентійскомъ разбойническомъ, кровопролитномъ осмомъ соборѣ“. Ему приписывали нѣкоторые третью часть хронографа Кубасова.

[1]) Лѣтомъ 1843 года Ю. Ѳ. изучалъ Гегеля.

[2]) Ueber den Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs.

англійскомъ языкѣ нѣтъ будущаго времени [1])? Что̀ Москва? Что̀ наши друзья и противники? Пребывающимъ въ Москвѣ передай отъ меня дружескій привѣтъ. Обнимаю тебя отъ души. До свиданія.

47.

(1843).

Ну, братъ, перещеголялъ ты меня; видно, мнѣ съ тобою еще не по силамъ тягаться въ знаніи англійскаго языка; признаю тебя побѣдителемъ. Какъ мнѣ жаль, что я не поѣхалъ къ Мельгунову [2]); а я все ждалъ отъ тебя письма и весь вечеръ просидѣлъ дома. Не поѣхалъ же я одинъ потому, что боялся встрѣтиться съ Шевыревымъ, который съ тѣхъ поръ, какъ онъ по милости твоей возымѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе, сталъ для меня еще вдвое страшнѣе. Вчерась я былъ у Чаадаева [3]); встрѣтилъ тамъ Дмитріева, который былъ очень милъ и разсказалъ много интереснаго и забавнаго. Раза два рѣчь заходила о Хомяковѣ; Чаадаевъ на него нападалъ, а Дмитріевъ заступался. Вотъ, что̀ есть въ описаніи путешествія Погодина [4]) и что̀ мы пропустили: „ѣхалъ вмѣстѣ съ попавшимся мнѣ Виртембергцемъ, котораго для краткости буду называть Швабомъ". Каковъ! До свиданія. Можетъ быть, нынче утромъ заѣду къ тебѣ; но не могу сказать навѣрное.

48.

(1843).

Я сбираюсь нынче вечеромъ къ Чаадаеву. Что̀ бы тебѣ, съ своей стороны, отправиться туда же? Я давно уже выдержи-

---

[1]) Намекъ на любимую мысль К. С. Аксакова, что въ русскихъ глаголахъ нѣтъ „временъ", а то, что̀, по образцу иностранныхъ грамматикъ, называется „временами", есть не болѣе, какъ означеніе качества дѣйствія. Эта мысль выражена имъ въ его статьѣ о русскихъ глаголахъ, вышедшей отдѣльной брошюрой въ 1855 г. и перепечатанной во II томѣ его сочиненій.

[2]) Николай Александровичъ Мельгуновъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1867 г.)— литераторъ, стремившійся примирить славянофильство съ западничествомъ.

[3]) Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (род. въ 1794 г., ум. въ 1856 г.) видный представитель западническаго направленія, поклонникъ католицизма, авторъ извѣстныхъ „Философическихъ писемъ".

[4]) „Москвитянинъ" 1843 г., № 9, статья Погодина: „Швейцарія, изъ путевыхъ записокъ".

ваю одинъ его нападенія, намеки и прочее. Пора на смѣну. Не зову тебя ѣхать вмѣстѣ, потому что поѣду къ нему не прямо изъ дому. До свиданія. Буду у Чаадаева въ началѣ десятаго.

49.

(1843).

Любезный Аксаковъ, благодарю тебя, что подумалъ извѣстить меня о ходѣ; но едва ли мнѣ удастся быть на немъ. Я жду гостей и до двухъ часовъ не выѣду. Головная моя боль прошла; но я все еще не совсѣмъ здоровъ. Чувствую какую-то пустоту и слабость въ умѣ, сердцѣ и въ тѣлѣ. Нынче я, вѣроятно, къ тебѣ заѣду хоть на минуту, ибо буду въ твоей сторонѣ.

50.

(1843) [1]).

Любезный Аксаковъ, мнѣ никакъ нельзя быть у тебя нынче вечеромъ, потому что я послѣ завтра ѣду, а нынѣшній вечеръ употреблю на то, чтобы кое къ кому съѣздить проститься. Я располагалъ пріѣхать къ тебѣ завтра утромъ, рано, т.-е. въ 12-омъ или 1-омъ, и отъ тебя ѣхать на лекцію [2]). Послѣ обѣда, завтра, съѣзжу къ Погодину за письмами, потомъ на минуту къ Грановскому, а потомъ и домой. Итакъ, до свиданія. Если ты будешь не дома утромъ, то дай мнѣ знать, потому что время дорого и всѣ мои часы до отъѣзда разочтены.

---

[1]) Письмо это относится, вѣроятно, къ 26 ноября 1843 г. и написано Ю. Ѳ—чемъ передъ своимъ путешествіемъ по Россіи. Выѣхавъ изъ Москвы на Ярославль, онъ заѣхалъ къ теткѣ своей А. В. Валуевой въ Бельбажскую пустынь Костромской губерніи, оттуда черезъ Симбирскъ проѣхалъ въ заволжское имѣніе своего отца и вернулся черезъ Казань въ Москву въ первой половинѣ января 1844 г.

[2]) Тимоѳей Николаевичъ Грановскій (род. въ 1813 г., ум. въ 1855 г.), профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, 23 ноября 1843 г. открылъ свой первый публичный курсъ объ исторіи среднихъ вѣковъ; курсъ продолжался до 20 апрѣля 1844 года и имѣлъ большой успѣхъ. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, вторая лекція Грановскаго, бывшая 27 ноября.

51.

Казань. Наканунѣ новаго года.
(31 декабря 1843 г.)

Любезный Аксаковъ, насилу я получилъ отъ тебя два письма, посланныя тобою на имя Оболенскаго[1]). Благодарю тебя за нихъ отъ всей души, несмотря на досаду, которую они заставили испытать меня. Цѣлыхъ четыре часа я бился надъ ними, и то половины разобрать не могъ. По совѣсти, можно ли такъ писать? Въ Москвѣ пусть бы такъ. Но каково же мнѣ, на такомъ разстояніи, послѣ долгой разлуки, не имѣя никакихъ извѣстій о тебѣ и о всѣхъ нашихъ, получить два письма интересныхъ, давно желанныхъ и сидѣть надъ ними, какъ надъ іероглифами, къ которымъ я не имѣю ключа! Жестоко ты поступаешь со мною! Но это въ сторону; я отъ души благодарю тебя. Помарокъ въ твоемъ письмѣ много; и за это благодарю тебя, и ты самъ себя поблагодари. Всѣ твои извѣстія меня очень интересуютъ. Радуюсь успѣху Грановскаго и досадую на оплошность Погодина и Шевырева. Все, что ты говоришь по случаю рукоплесканій, я принимаю безусловно и вполнѣ сочувствую; не знаю, почему ты думалъ, что я буду противъ этого спорить. Послушай, Аксаковъ! Ты давно на меня сердишься за то, что съ недавняго времени я чаще сталъ не соглашаться съ тобою и спорить. Я радъ, что ты, наконецъ, высказалъ все то, что у тебя было на сердцѣ. Такъ, я спорю съ тобою, но ради Бога не думай, чтобы я находилъ въ этомъ удовольствіе и чтобы я дѣлалъ это потѣхи ради. Нѣтъ, я спорю съ тобою, потому что давно я веду тяжелый, мучительный споръ съ самимъ собою. Въ письмѣ мнѣ нельзя распространиться объ этомъ, но ты меня любишь, ты повѣришь мнѣ, и потому немногихъ моихъ словъ будетъ достаточно на то, чтобы истребить зародышъ досады на меня, если онъ есть въ твоей

[1]) Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій служилъ въ это время въ Казани, будучи причисленъ къ департаменту министерства юстиціи 25 авг. 1843 г.; черезъ годъ, 8 авг. 1844 г. онъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность казанскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго.

душѣ. Скажу тебѣ одно: все это время я провелъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа. Вопросы, мнѣ давно знакомые и на время усыпленные, но не побѣжденные, проснулись во мнѣ и требуютъ рѣшительнаго да или нѣтъ. Какое бы слово мнѣ ни пришлось произнести, чувствую, что съ нимъ сопряжена будетъ великая жертва. Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе. Мнѣ невыносимо тяжело и грустно. Я не ребенокъ, ты это знаешь; тебѣ я могу высказать все. Много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни: Провидѣніе, и послѣ этого можетъ быть легко и спокойно на сердцѣ? Но я не могу много писать объ этомъ; отложу до свиданія, котораго нетерпѣливо жду. Объ одномъ прошу тебя: не сердись, не досадуй на меня и не осуждай. Болѣе, нежели когда-нибудь, мнѣ нужно твое сочувствіе, полное, довѣрчивое. Кое-чѣмъ я занимался. Статья по случаю Штейна кончена. Многимъ ты, я думаю, будешь доволенъ, а кое-чѣмъ нѣтъ. Передай отъ меня дружеское привѣтствіе и поздравленіе съ новымъ годомъ твоему батюшкѣ [1]), Ивану Сергѣевичу, Павлову, Хомякову, если онъ въ Москвѣ, Языковымъ, Свербееву, Кирѣевскому, Грановскому, Герцену и всѣмъ нашимъ, а тебя обнимаю крѣпко, отъ всей души.

52.

(1844).

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя ѣхать на выборы [2]): батюшка отправляется завтра въ Симбирскъ и поручаетъ мнѣ кое-какія закупки ему въ дорогу. Если ты поѣдешь одинъ, то возьми на себя исполнить то, о чемъ меня просила и что я обѣщалъ Кат. Алек. Свербеевой—займи для нея мѣсто. Не знаю, попаду ли я къ Сенявиной. Какъ провелъ ты ночь и какъ себя чувствуешь нынче утромъ? На четвертый пунктъ проситъ отвѣта твой Юрій Самаринъ.

---

[1]) Зиму 1843-44 г. Аксаковы жили въ Москвѣ, на Никитской, на углу Кудрина, въ домѣ кн. Голицына.

[2]) Дворянскіе выборы въ Москвѣ были открыты 18 января 1844 года.

53.

(1844).

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя будетъ ѣхать съ тобою къ Чаадаеву: батюшка далъ мнѣ порученіе, по которому я долженъ ѣхать сейчасъ и, вѣроятно, проѣду прямо къ Чаадаеву, не заѣзжая домой. Впрочемъ, можетъ быть, я и вовсе не попаду къ нему. Каково твое горло?

Середа.

54.

(1844) [1].

Любезный Аксаковъ, мы сбирались съ тобою къ Грановскому нынче вечеромъ; я и ему далъ слово, но у меня экипажа нѣтъ; поэтому я только въ томъ случаѣ поѣду, если ты возьмешься доставить меня туда. Нельзя ли тебѣ ко мнѣ пріѣхать въ 8-омъ часу? Долго оставаться мнѣ нельзя будетъ. Вчера меня сильно напоилъ Герценъ, и теперь у меня въ головѣ ералашъ.

55.

(1844).

Dearest Аксаковъ, Пако былъ у насъ нынче утромъ, но твою записку я получилъ послѣ того, какъ онъ уѣхалъ. Впрочемъ, я буду у него нынче вечеромъ и твое порученіе исполню. Я сбираюсь нынче послѣ обѣда къ Грановскому, часовъ въ 5, и пробуду до 8. Оттуда поѣду къ Пако. Хорошо будетъ, если ты тоже къ Грановскому поѣдешь. Нападемъ на него вдвоемъ, врасплохъ; этотъ человѣкъ видимо колеблется.

56.

(1844).

Любезный Аксаковъ, въ 9 я никакъ не могу быть у тебя, потому что въ $8^1/_2$ ѣду къ Мещерскимъ, а оттуда къ Гага-

---

[1]) Въ точности нельзя опредѣлить времени, когда были написаны записки за №№ 54 и 55: вѣроятно въ началѣ 1844 года, но можетъ быть и осенью 1843 года.

ринымъ. Отложить этихъ визитовъ мнѣ нельзя, и потому лучше, если ты ко мнѣ заѣдешь до $8^1/_2$. Да вотъ еще что. Ты забылъ, что въ четвергъ диспутъ Кавелина [1]). Тебѣ нельзя не быть на немъ, и придется отложить поѣздку или воротиться изъ деревни къ четвергу.

57.

(1844) [2]).

Любезный Аксаковъ, такъ какъ я не знаю, когда увижу тебя (а не знаю потому, что вчера почти въ одно время пріѣхалъ батюшка изъ Симбирска и одинъ Казанскій мой знакомый, который у меня теперь на рукахъ), то и передаю тебѣ письменно порученіе княгини Трубецкой. На заданный тобою вопросъ дочь ея отвѣчала совершенно удовлетворительно, т.-е. въ смыслѣ московскомъ и человѣческомъ. Не знаю, удастся ли мнѣ быть у Языкова [3]), только едва ли, а передай отъ меня всѣмъ Языковымъ, что батюшка встрѣтилъ гдѣ-то на станціи, подъ Муромомъ, Александра Михайловича [4]), который путешествуетъ прохлаждаясь, жалуется на дороги и на всякой станціи останавливается часа по три пить чай. До свиданія.

58.

(1844).

Любезный Аксаковъ, я видѣлся съ Погодинымъ и многое отъ него узналъ о тебѣ. Отъ всей души благодарю тебя за твою откровенность и прямоту. Твои слова разсѣяли много

---

[1]) Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (род. въ 1818 г., ум. въ 1885 г.) кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1839 г. и 24-го февраля 1844 года защищалъ свою магистерскую диссертацію: „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“.

[2]) Это письмо относится къ началу 1844 г., на что указываетъ фраза: „вчера почти въ одно время пріѣхалъ батюшка изъ Симбирска и одинъ Казанскій мой знакомый“ (см. письмо № 52).

[3]) Николай Михайловичъ Языковъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1846 г.)—поэтъ, старшій братъ жены А. С. Хомякова, въ августѣ 1843 г. пріѣхавшій въ Москву изъ-за границы.

[4]) Александръ Михайловичъ Языковъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1874 г.); съ нимъ Ю. Ѳ. особенно сошелся во время своей непродолжительной службы въ Симбирскѣ въ 1849 г.

непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ искаженными передачами твоихъ отзывовъ, слухами, наговорами и прочею всякою всячиною. Что до меня, то я совершенно съ тобою примирился и могу такъ же крѣпко пожать тебѣ руку и отъ всей души обнять тебя, какъ въ то время, которое, по твоимъ словамъ, стало для тебя прошедшимъ. Я люблю тебя такъ же, какъ и прежде, хотя со многимъ не согласенъ и буду спорить до послѣдняго издыханія. Всего болѣе возмущаютъ меня не мнѣнія твои, сколько необыкновенная исключительность и взыскательность твоя. Если бъ не ты писалъ, если бъ не зналъ я тебя насквозь, я подумалъ бы, что ты ищешь предлога къ разрыву. „Я горячъ, будь и ты горячъ; я чувствую призваніе къ такой-то дѣятельности, избери ее и ты; воспитаніе, обстоятельства и пр. опредѣлили меня такъ, а не иначе, пересоздай и ты себя по моему образу и подобію“— таковыми представляются твои требованія (разумѣется, въ преувеличенномъ, карикатурномъ видѣ). Если бъ въ разномысліи нашемъ было что-нибудь существенное, я, скрѣпя сердце, рѣшился бы покориться необходимости и разойтись съ тобою; но мнѣ больно и досадно видѣть, что существеннаго разномыслія нѣтъ и что при этомъ твоя исключительность, твоя нетерпимость и какое-то отсутствіе смысла для той дѣйствительности, въ которой мы живемъ, почти всегда заставляютъ тебя быть несправедливымъ въ сужденіяхъ о лицахъ, между прочимъ и обо мнѣ. Я понимаю, до какой степени трудно объясниться съ тобою, такъ трудно, что почти невозможно, а между тѣмъ ошибка твоя ясна для меня какъ дважды два—четыре. Я буду отвѣчать тебѣ также подробно и откровенно; до тѣхъ поръ прошу тебя объ одномъ: не спѣши разрывомъ со мною и обрати вниманіе хоть на одно это, что я увѣренъ твердо, что, какъ бы мы ни расходились теперь, мы непремѣнно сойдемся, когда ты признаешь возможность другого человѣка съ тѣмъ же направленіемъ, съ тѣми же убѣжденіями, какъ и ты. Въ заключеніе скажу тебѣ одно: я, съ своей стороны, никогда не разойдусь съ тобою[1]). Обнимаю тебя крѣпко. Поклонись отъ меня тво-

[1]) Отношеніе К. С. Аксакова къ Ю. Ѳ—чу начало измѣняться уже въ началѣ 1844 г.

ему батюшкѣ, твоей матушкѣ, Ивану Сергѣевичу и всѣмъ твоимъ.

59.

(1844).

Любезный Аксаковъ, какъ я радъ, какъ хорошо, что ты пріѣхалъ нынче, и вмѣстѣ какъ жаль, что не исполнилъ ты своего обѣщанія и не заѣхалъ ко мнѣ въ 9 часовъ. Я былъ здѣсь въ 9-мъ часу. Пріѣзжай, если можешь, ко мнѣ завтра утромъ, только не позже 10¼, потому что въ 10½ я долженъ быть у Тропинина [1]), который съ меня пишетъ портретъ. Если же тебѣ нельзя быть у меня, то жди меня къ себѣ во второмъ часу. Нужно увидаться поскорѣе, чтобы сговориться, какъ провести время.

60.

(1844).

Любезный Аксаковъ, три книги, тобою присланныя, я принимаю, а грамоты не принимаю, ибо никакихъ на нее правъ не имѣю. Посылаю тебѣ обратно твоего Гизо. Кажется, другихъ твоихъ книгъ у меня нѣтъ, развѣ не твой ли у меня экземпляръ «Слова о полку Игоря»? Не припомню, ты ли у меня занималъ его или я у тебя? Я былъ у тебя въ самый день моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ, и не засталъ. Мнѣ сказали, что ты живешь на дачѣ [2]). Къ себѣ я тебя не зову, потому что я въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Не увидимся ли мы нынче вечеромъ у Языкова [3])? Оттуда не заѣхать ли мнѣ къ тебѣ? Кое-что хотѣлось бы разсказать тебѣ. Диспутъ мой въ субботу [4]), въ 10 часовъ утра.

---

[1]) Василій Андреевичъ Тропининъ (род. въ 1780 г., ум. въ 1857 г.)—извѣстный живописецъ; онъ написалъ въ 1844 г. два портрета Ю. Ѳ—ча, изъ которыхъ одинъ находится у Ѳ. Д. Самарина, а другой—у гр. Н. М. Соллогубъ.

[2]) Въ Петровскомъ паркѣ.

[3]) Николая Михайловича (см. примѣч. 2-ое къ письму за № 57).

[4]) 3 іюня 1844 г.

61.

(1844).

Любезный Аксаковъ, я былъ у тебя вчера вечеромъ и не засталъ. Ты, видно, бо́льшую часть дня проводишь въ Петровскомъ. Нынче вечеромъ, можетъ быть, я буду дома, и въ такомъ случаѣ будетъ у меня Хомяковъ. Дать тебѣ знать навѣрное я не могу, и потому прошу тебя заѣхать ко мнѣ въ десятомъ или въ десять. Не удастся ли намъ провести вечеръ вмѣстѣ? Завтра я отправляюсь пѣшкомъ въ деревню.

62.

(1844).

Любезный Аксаковъ, какъ я радъ, что твоя матушка была такъ добра и доставила мнѣ случай написать тебѣ нѣсколько строкъ, нѣсколько строкъ въ буквальномъ смыслѣ, потому что твой братъ ѣдетъ черезъ нѣсколько часовъ. Я получилъ твой портретъ-дагеротипъ [1]), и благодарю тебя отъ всей души. Онъ удался прекрасно; жаль только, что выставить его въ Петербургѣ нельзя: видъ у тебя до такой степени суровый и неблагонамѣренный, что на одномъ основаніи этого портрета тебя можно изъ предосторожности сослать въ Сибирь. Здѣсь Поповъ [2]); я его видѣлъ вчера. Онъ нисколько не перемѣнился ни въ отношеніи къ своей наружности, ни въ мысляхъ и убѣжденіяхъ. О Шеллингѣ разсказываетъ много интереснаго; очень желаетъ тебя видѣть. Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ: онъ будетъ жить лѣтомъ въ Кунцовѣ, въ 15 вер-

---

[1]) Этотъ портретъ, на которомъ Константинъ Сергѣевичъ снятъ въ русскомъ костюмѣ, упоминается въ письмѣ И. С. Аксакова къ отцу отъ 1 іюля 1844 г.

[2]) Александръ Николаевичъ Поповъ (род. въ 1820 г., ум. въ 1877 г.)— юристъ и историкъ, примыкавшій къ московскому кружку славянофиловъ. Ю. Ѳ. познакомился съ нимъ въ 1836 г., когда оба они были въ университетѣ, и сохранялъ съ нимъ дружбу до самой своей кончины. Въ 1841 году Поповъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію: „О Русской Правдѣ въ отношеніи къ уголовному праву“ и защищалъ ее 14 марта 1842 года. Вскорѣ послѣ этого, кажется въ маѣ мѣсяцѣ, онъ уѣхалъ за границу и прожилъ тамъ 1842 и 1843 годы, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Славянскихъ земляхъ. Настоящее письмо Ю. Ѳ—ча написано, очевидно, вскорѣ по возвращеніи Попова въ Москву.

стахъ отъ меня; ты пріѣдешь ко мнѣ, а я зазову его къ себѣ, или мы къ нему поѣдемъ. Когда и какъ—объ этомъ я напишу тебѣ, и ты напишешь мнѣ, угоденъ ли тебѣ мой проектъ. Да вотъ еще что: какъ къ тебѣ писать? Есть ли часто оказіи и нельзя ли предварять меня, т. е. посылать къ намъ въ домъ дня за два или за три впередъ? Прощай. До свиданія, послѣдняго! Обнимаю тебя отъ всей души.

P. S К. А. Свербеева мнѣ сказала, что ты желаешь имѣть мой дагеротипъ; я закажу его.

II.

Къ кн. Ивану Сергѣевичу Гагарину [1]).

63.

19 іюля 1840.

C'est aujourd'hui le 19 juillet, mon cher ami, j'irai passer la journée de demain à Iassenewo[2]) et pour ce soir je veux me donner le plaisir de causer avec vous. Il y a déjà longtemps que j'avais l'intention de vous écrire; toutes les fois qu'il m'arrive d'éprouver quelque émotion nouvelle, de concevoir vivement une chose qui m'occupe, à la joie de me sentir avancer dans la vie vient se joindre le désir de vous en faire part et d'avoir votre avis.

---

[1]) Кн. Сергѣй Ивановичъ Гагаринъ (дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ, почетный опекунъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ 1777 г., ум. въ 1862 г.) и Ѳ. В. Самаринъ находились, какъ лично, такъ и семьями, въ самыхъ близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ; вслѣдствіе этого Ю. Ѳ. съ дѣтства былъ знакомъ съ кн. Ив. Серг. Гагаринымъ (род. въ 1814 г., ум. въ 1882 г.) и искренно былъ къ нему привязанъ. Въ 1842 г. кн. Ив. Серг. уже склонялся къ переходу изъ православія въ католицизмъ; по этому случаю Ю. Ѳ. велъ съ нимъ дѣятельную переписку, о чемъ свидѣтельствуетъ приписка въ письмѣ № 65; сохранились на то въ бумагахъ Ю. Ѳ—ча и другія указанія. Полемика Ю. Ѳ—ча съ кн. И. С. Гагаринымъ по поводу наклонности его къ католицизму могла бы въ значительной степени выяснить, какъ развивались богословскія убѣжденія Ю. Ѳ—ча; къ сожалѣнію, изо всей обширной переписки его съ кн. Гагаринымъ съ 1838 по 1844 г. въ наше распоряженіе передано только два письма, которыя мы и печатаемъ здѣсь за №№ 65 и 66. Первыя два письма за №№ 63 и 64 перепечатываются изъ журнала „Новое Слово“ 1894 г., гдѣ они помѣщены были проф. Бильбасовымъ; они же напечатаны въ „Историческихъ монографіяхъ“ В. А. Бильбасова.

[2]) Подмосковное имѣніе Гагариныхъ.

Peu de temps après votre départ, j'ai vu défiler par Moscou toute la fraction des 16[1], qui tient route vers le midi. J'ai beaucoup vu Лермонтовъ pendant tout le temps de son séjour. C'est une nature éminemment artistique, insaisissable et qui échappe à toute influence extérieure grâce à un infatigable esprit d'observation et à un grand fond d'indifférence. Avant qu'on ne l'ait abordé, il vous a compris; rien ne lui échappe; son regard est lourd et fatigant à supporter. Les premiers instants, la présence de cet homme m'était désagréable; je le sentais doué d'une grande force d'investigation qui lisait dans ma pensée, et en même temps je comprenais que cette force ne procédait que d'une simple curiosité, dénuée d'intérêt et à laquelle il est humiliant de se sentir céder. Ce n'est jamais ce que vous lui dites, c'est vous que cet homme écoute et observe, et après qu'il vous a observé et compris, vous ne cessez pas d'être pour lui quelque chose de purement extérieur, qui n'a droit à rien changer dans son existence. Dans la position où je me trouve, je regrette de ne pas l'avoir vu plus longtemps. Je conçois qu'entre lui et moi des rapports auraient été possibles qui m'auraient aidé à comprendre bien des choses.

64.

Moscou, le 3 août 1841.

Je vous écris, cher ami, sous l'impression douloureuse de la nouvelle que je reçois à l'instant. Lermontoff vient d'être tué en duel au Caucase par Мартыновъ. Les détails sont atroces. Il a tiré en l'air, et son adversaire l'a tué presqu'à bout portant. Cette mort à la suite de celle de Пушкинъ, de Грибоѣдовъ et d'autres encore inspire de bien tristes réflexions. C'est la mort de Pouchkine qui a évoqué Lermontoff jusqu'alors inconnu, et Lermontoff dans la plupart de ses oeuvres a été

---

[1]) Такъ назывался петербургскій кружокъ молодыхъ людей, образовавшійся въ 1839 году. Къ нему принадлежали между прочимъ: Лермонтовъ, кн. И. С. Гагаринъ, гр. Петръ Александровичъ Валуевъ, Ксаверій Корчакъ-Бравицкій, кн. Александръ Николаевичъ Долгоруковъ, баронъ Дмитрій Петровичъ Фредериксъ, Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, кн. Сергѣй Васильевичъ Долгоруковъ, гр. Андрей Павловичъ Шуваловъ.

l'écho de Pouchkine, mais dans une génération nouvelle et meilleure.

Il emporte aves lui plus que des espérances. Par son roman, Герой нашего времени, il avait contracté une dette d'expiation que personne ne pourra payer pour lui. A lui seul il appartenait de se justifier. Aussi pour bien du monde la dernière impression qu'il a laissée a été pénible et immorale—son oeuvre était incomplète. Bien peu d'hommes ont compris que son roman signalait une époque de transition, et pour ceux-là la direction que prendrait Lermontoff était une question du plus haut intérêt [1]).

Pour moi individuellement j'ai senti de suite un grand vide. Je connaissais peu Lermontoff, mais il semblait avoir de l'amitié pour moi. C'était un des hommes que j'aimais à rencontrer en parcourant des yeux le monde qui m'entoure. Il était pour quelque chose dans toutes mes idées, dans mes travaux; son approbation me réjouissait. C'était un intérêt de plus dans ma vie. A son dernier passage par Moscou je l'ai beaucoup vu. Je n'oublierai jamais notre dernière entrevue, une demi-heure avant son départ. Au moment de me dire adieu il m'a laissé une pièce de vers, son oeuvre dernière [2]). Tout cela me revient

---

[1]) Получивши извѣстіе о смерти Лермонтова, Ю. Ѳ. писалъ въ своемъ дневникѣ 1841 г.:

„Лермонтовъ убитъ. Его постигла одна участь съ Пушкинымъ. Невольно сжимается сердце, и при новой утратѣ болѣзненно отзываются старыя. Грибоѣдовъ, Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ. Становится страшно за Россію при мысли, что не слѣпой случай, а какой-то приговоръ судьбы поражаетъ ее въ лучшихъ изъ ея сыновъ, въ ея поэтахъ. За что такая напасть... и что выкупаютъ эти невинныя жертвы? Бѣдный Лермонтовъ! Онъ умеръ, оставивъ по себѣ тяжелое впечатлѣніе. На немъ лежалъ великій долгъ, его романъ—Герой нашего времени. Его надлежало выкупить, и Лермонтовъ, ступивши впередъ, оторвавшись отъ эгоистической рефлексіи, оправдалъ бы его и успокоилъ многихъ. Въ этомъ отношеніи участь Пушкина была завиднѣе. Въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ силъ, всѣми признанный, безпороченъ и чистъ отъ всякаго упрека умчался Пушкинъ, и кромѣ слезъ и воспоминаній на долю его пережившихъ друзей ничего не осталось. Пушкинъ не нуждается въ оправданіи. Но Лермонтова признали не всѣ, поняли немногіе, почти никто не любилъ его. Нужно было простить ему"...

[2]) Стихотвореніе: „Споръ", см. слѣд. примѣч. и письмо къ Погодину № 72.

à la mémoire avec une incroyable vérité. Il était assis au même endroit d'où je vous écris. Il me parlait de son avenir, de ses projets littéraires, et, au milieu de tout cela, il jetait quelques mots sur sa fin prochaine que je prenais pour une plaisanterie habituelle. J'ai été le dernier à Moscou qui lui ai serré la main [1]).

---

[1]) О знакомствѣ своемъ съ Лермонтовымъ Ю. Ѳ. пишетъ въ своемъ дневникѣ 1841 г. слѣдующее:

„Въ первый разъ я встрѣтился съ Лермонтовымъ на вечерѣ на Солянкѣ (у кн. А. П. Оболенскаго). Онъ возвращался съ Кавказа (начало 1838 г.). Я былъ въ восторгѣ отъ его стиховъ на смерть Пушкина. Послѣ двухъ или трехъ свиданій онъ плѣнилъ меня простымъ обращеніемъ, дѣтскою откровенностью. Послѣ того я увидалъ его нѣсколько лѣтъ спустя на обѣдѣ у Гоголя (9 мая 1840 г.). Это было послѣ его дуэли съ Барантомъ. Лермонтовъ былъ очень веселъ. Онъ узналъ меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина; тутъ онъ читалъ свои стихи—Бой мальчика съ барсомъ (Мцыри). Ему понравился Хомяковъ. Помню его сужденіе о Петербургѣ и петербургскихъ женщинахъ. Лермонтовъ сдѣлалъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Ко мнѣ онъ охотно обращался въ своихъ разговорахъ и звалъ къ себѣ. Два или три вечера мы провели у Павловыхъ и у Свербеевыхъ. Лермонтовъ угадалъ меня. Я не скрывался. Помню послѣдній вечеръ у Павловыхъ. Къ нему приставала К. К. П. (Каролина Карловна Павлова). Онъ уѣхалъ грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльцѣ. Встрѣтились мы послѣ того въ его проѣздъ съ Кавказа у Россетти (конецъ 1840 или начало 1841 г.). Молодежь собралась провожать его. Лермонтовъ самъ пожелалъ меня видѣть и послалъ за мной. Онъ имѣлъ обо мнѣ выгодное мнѣніе, какъ сказывалъ Р. Онъ очень мнѣ обрадовался. Р. пѣнялъ мнѣ, что я обошелся съ нимъ холодно. Черезъ 3 мѣсяца (апрѣль 1841 г.) онъ снова пріѣхалъ въ Москву. Я нашелъ его у Розена. Мы долго разговаривали. Онъ показывалъ мнѣ свои рисунки. Воспоминанія Кавказа его оживили. Помню его поэтическій разсказъ о дѣлѣ съ горцами, гдѣ раненъ Трубецкой... Его голосъ дрожалъ, онъ былъ готовъ прослезиться. Потомъ ему стало стыдно и онъ, думая уничтожить первое впечатлѣніе, пустился толковать, почему онъ былъ растроганъ, сваливая все на нервы, растворенные лѣтнимъ жаромъ. Въ этомъ разговорѣ онъ былъ виденъ весь. Его мнѣніе о современномъ состояніи Россіи: Ce qu'il y a de pire, ce n'est pas qu'un certain nombre d'hommes souffre patiemment, mais c'est q'un nombre immense souffre sans le savoir. Вечеромъ онъ былъ у насъ. На другой день мы были вмѣстѣ подъ Новинскимъ. Онъ каждый день посѣщалъ меня. За нѣсколько дней до своего отъѣзда онъ провелъ у насъ вечеръ съ Голицыными и Зубовыми. На другой день я видѣлся съ нимъ у Оболенскихъ. Его занимала К. В. Потапова (Катерина Васильевна Потапова), тогда еще не замужемъ. Помню нашъ споръ и

On va publier ses oeuvres posthumes. Nous reverrons son nom là où on aimait à le chercher, nous aurons encore quelques unes de ces inspirations toujours franches, mais comme ces derniers jets de poésie sont tristes, comme tout ce nouveau fait mal, quand on se rappelle que la source est tarie. Tout à vous.

65.

(1842) [1].

Mon cher ami, deux lettres de ma part vous arriveront à la fois. Je n'ai pas pu vous faire parvenir la première plus tôt. Je suis inquiet sur l'effet que la première fera sur vous. Après l'avoir écrite, j'ai longtemps réfléchi et je crois avoir agi comme mes convictions me l'ordonnent. Je vous conjure de ne pas partir sans m'écrire un mot. Il me serait trop pénible de me séparer de vous dans cet état d'incertitude. Quoiqu'il arrive, sachez que vous me laissez vous aimant plus que jamais.

P. S. Tâchez de me faire parvenir votre dernière lettre le plus tôt possible, afin que je puisse achever ma réfutation.

66.

12 octobre 1842.

Bien cher ami, j'ai reçu votre lettre à Moscou où je suis venu passer un jour pour voir mes parents et leur persuader que j'étais content, bien portant et heureux. J'étais impatient d'avoir de vos nouvelles. Dans ma retraite j'ai bien souvent songé à vous. L'heureuse expérience que je fais de la solitude ne m'a pas laissé douter un seul instant que vous ne fussiez

---

отвѣтъ Лермонтова: „ласковые глазки, теплыя ручки, чего жъ больше“. Одного утра, проведеннаго у Росс., я никогда не забуду. Лермонтова что-то тревожило, и досада и желчь его изливались на Золотницкаго. Тутъ онъ разсказалъ съ неподражаемымъ юморомъ, какъ Ловицкій дурачилъ Иваненко. Дуэль напоминала нѣкоторыя черты изъ дуэли Героя нашего времени. Мы простились. Вечеромъ, часовъ въ 9, я занимался одинъ въ своей комнатѣ. Совершенно неожиданно входитъ Лермонтовъ. Онъ принесъ мнѣ свои стихи для „Москвитянина“—Споръ. Не знаю почему мнѣ особенно было пріятно видѣть Лермонтова въ этотъ разъ. Я разговорился съ нимъ. Прежде того какая-то робость связывала мнѣ языкъ въ его присутствіи“.

[1]) Нельзя съ увѣренностью опредѣлить, написано ли это письмо прежде или послѣ письма за № 66.

content[1]). Jamais je n'aurais cru que l'isolement et le recueillement puissent faire autant de bien. Comme on se voit, comme on s'entend mieux soi-même! J'ai repris en idée tout mon passé et j'ai compris bien des choses qui me troublaient. Dans mes heures de loisir j'ai écrit un chapitre ou deux de mon histoire que je vous enverrai pour vos instants perdus. Il y a des moments où je ne pense pas, où je ne fais rien, mais où j'éprouve un indicible bien-être. Je me sens mûrir. En vérité je plains ceux qui cherchent et qui travaillent et qui ne s'isolent pas. Mon ouvrage avance lentement. Les recherches historiques me prennent beaucoup de temps.

Ce que vous me dites sur notre langue me comble de joie. Là-dessus je fonde des espérances que pour le moment je ne vous dirai pas. Pour ce qui est de la traduction des livres saints, vous pourriez bien avoir raison. Je ne puis pas en juger par moi-même, parce que je n'ai pas de point de comparaison; mais je conçois qu'il peut y avoir des incorrections et des passages obscurs, puisque la traduction slavone a été faite dans des temps et pour des peuples différents. L'influence des divers idiomes slaves y est très-sensible. Je me suis empressé d'acheter les livres que vous me demandez. Vous aurez la traduction de Dobrovsky[2]; le texte est épuisé depuis longtemps et impossible à trouver. Je vous enverrai également un dictionnaire slavon. Je me réserve de vous écrire par la même occasion plus au long. En attendant adieu et ne me laissez pas trop longtemps sans me donner de vos nouvelles.

---

[1]) Кн. Ив. Серг. Гагаринъ самъ жилъ въ это время въ Данковской деревнѣ своего отца.

[2]) Вѣроятно, „Грамматика церковно-славянскаго языка“ чешскаго филолога Іосифа Добровскаго (род. въ 1753 г., ум. въ 1829 г.), въ переводѣ Погодина и Шевырева.

III.

Къ кн. Варварѣ Михайловнѣ Гагариной [1]).

67.

1 août 1843.

Il y a si longtemps, ma très-chère tante, que je n'ai eu le bonheur de vous voir, que vous ne me refuserez certainement pas quelques lignes de réponse sur l'état de votre santé. J'espère aussi que, connaissant bien l'intérêt de coeur que je porte à votre fils, vous voudrez bien me communiquer les nouvelles que vous recevez de lui. Depuis la lettre que vous m'avez apportée de Berlin, je ne sais absolument rien.— L'autre jour, en arrivant à Moscou, j'ai eu le désappointement de ne plus vous y trouver. Je comptais me présenter chez vous à Ясенево aujourd'hui ou demain, mais des affaires appellent papa en ville, et je ne pourrai mettre mon projet à exécution qu'à la fin de cette semaine ou au commencement de la semaine prochaine. Puis-je espérer vers ce temps de vous trouver à Ясенево? Maman et ma soeur me chargent dans leurs lettres de mille choses pour vous. Veuillez agréer en même temps l'expression du profond respect et de l'affection sincère de votre tout dévoué.

P. S. La lettre ci-jointe m'a été confiée par le prince Nicolas Troubetskoy pour être remise à mon oncle.

---

[1]) Мать кн. Ивана Сергѣевича Гагарина, рожд. Пушкина (род. въ 1779 г., ум. въ 1854 г.); Ю. Ө. приходился ей троюроднымъ племянникомъ.

IV.

Къ члену Камеры Депутатовъ г. Могену [1]).

68.

septembre 1840.

Monsieur!

Vous nous avez accordé une attention si soutenue et si flatteuse pendant le peu de jours que vous avez passés dans notre ville, nous avons été si agréablement surpris de reconnaître en vous une absence de préjugés complète et une bonne foi sincère, à laquelle, permettez moi de le dire, nous n'étions pas habitués, que c'est pour nous un devoir, que nous saisissons avec empressement, de vous aider à nous connaître et à nous faire connaître. Bien plus: outre que nous sommes heureux de répondre par notre empressement à la confiance que vous nous avez témoignée, en venant au milieu de nous, nous étudier de vos propres yeux et nous interroger franchement sur ce que nous pensions de nous-mêmes, c'est encore un service que nous rendons à notre pays. Oui, monsieur, nous en sommes convaincus, et vous l'avez dit, la Russie doit gagner à être connue, et nous ajoutons pour notre part: connue par un homme consciencieux et dont la parole aura du retentissement. Puissé-je dans cette lettre, que vous m'avez demandée, vous exposer brièvement les ré-

---

[1]) См. примѣчаніе къ № 16. Письмо это сохранилось въ копіи 1840 года, исправленной Ю. Ѳ—чемъ. Переводъ его на русскій языкъ, сдѣланный Д. Ѳ. Самаринымъ, помѣщенъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому (приложеніе I).

sultats de notre manière de voir, que mon ami m-r Aksakoff et moi n'avons pu qu'imparfaitement vous faire connaître.

La Russie vient d'entrer dans une phase nouvelle de son existence. Nous avons été nationaux jusqu'à Pierre-le-Grand, parce qu'en dehors de notre pays nous ne connaissions rien et que nos rapports avec nos voisins avaient toujours été hostiles. L'histoire des 7 à 8 premiers siècles de la Russie se compose d'un enchaînement de guerres presque perpétuelles, tantôt civiles (jusqu'au XV siècle à peu près) entre les princes apanagés, tantôt extérieures, soit avec les peuples de race tartare qui venaient tour à tour inonder le Midi (les Khosars, les Petchénègues, les Polovtsy et enfin les Mongols, qui lancèrent sur la Russie les Tartares proprement dits), soit avec nos voisins d'Occident (les Polonais, les Lithuaniens, les Hongrois). Tous ces peuples vinrent tour à tour se ruer sur la Russie, comme pour étouffer dans son berceau leur futur vainqueur; mais au milieu de ces luttes incessantes de races à races, la nationalité russe se fortifia, et à l'entrée du XV siècle [1]) son existence matérielle était assurée. Dès lors il lui fallut combattre pour son indépendance spirituelle; il lui fallut se raidir contre une civilisation antinationale que l'Occident voulait lui imposer: il lui fallut résister aux insinuations du Pape qui ne la perdait pas de vue, à un immense mouvement catholique qui, tantôt par les armes et tantôt par une propagande sourde et infatigable, s'efforçait d'arracher la Russie à son isolement pour la faire entrer dans le mouvement des peuples occidentaux. L'influence catholique subjugua le Midi de la Russie et établit à Kieff, l'ancien berceau de l'orthodoxie, son centre d'action sur tout le Nord. Mais alors Moscou était déjà puissante. Moscou, par cette désertion du Midi, devint le coeur de la Russie et le refuge de son orthodoxie et de sa nationalité, comme dans les temps de crises guerrières elle avait été son palladium. Le temps n'était pas venu pour la Russie de se mêler à l'Occident; d'ailleurs c'était à nous à lui ouvrir nos portes, non pas à lui à les briser. Peu après l'influence catholique et presque en même temps qu'elle, se manifesta l'influence protestante. Celle-ci agit sur tout le Nord et nous vint de l'Allemagne; mais comme nous n'avions

[1]) Въ копіи письма Ю. Ѳ-ча къ г. Могену стоитъ, очевидно, по ошибкѣ: „du X siècle“

pas été catholiques, nous n'eûmes pas à devenir protestants. La réforme religieuse ne trouva pas de prise sur nos croyances, et l'orthodoxie et la nationalité russes restèrent vainqueurs. Telle Pierre-le-Grand trouva la Russie. Elle avait subit bien des influences, elle avait beaucoup souffert; mais le germe de sa nationalité, n'ayant pas eu le temps de se développer au milieu de ces luttes incessantes, n'avait pu être étouffé. Il s'était conservé intact et pur des erreurs et des bienfaits de la civilisation de l'Occident: il était tout entier pour l'avenir.

Jusqu'à Pierre-le-Grand, comme je l'ai dit, nous avions été nationaux, faute de connaître nos voisins. Un instinct admirable de cet avenir tout exceptionnel, tout indépendant, qui lui était destiné, avait préservé la nation russe de toute influence absolue de la part des peuples de l'Occident, qui peut-être aussi pressentaient en elle une rivale qui devait un jour les dépasser. Cet instinct mutuel nous mit dans des rapports ennemis et nous sauva. Dès lors notre nationalité affermie n'eut plus à craindre une civilisation étrangère; Pierre-le-Grand, au nom de tout son peuple, alla la demander à l'Occident, et ici commence dans notre histoire une période nouvelle. Le principe national semble disparaître. Eblouis par l'éclat de l'Occident, séduits par les magnifiques bienfaits d'une civilisation à laquelle il nous convie, nous nous jetons tête baissée dans des voies qui n'étaient pas les nôtres, nous oublions notre passé, nous devenons Français, puis Allemands; puis les deux influences se combinent, et l'élément national semble vouloir s'éteindre. L'influence française et allemande se manifesta chez nous sous d'autres formes que l'influence du catholicisme et du protestantisme. Elle ne s'attaqua pas à notre existence matérielle, elle ne menaça pas notre religion; à l'Occident les questions religieuses n'étaient plus les questions du jour. Ce fut à notre ordre social qu'elle en voulut. Elle s'attacha à détruire notre principe gouvernemental—notre monarchie absolue; elle voulut nous faire croire que nous gémissions sous le joug d'une tyrannie arbitraire, elle essaya de nous infuser sa haine contre le despotisme, juste et raisonnable ailleurs, absurde chez nous. Sous le règne de l'impératrice Anne, il y eut une conspiration de la haute noblesse pour créer une constitution aristocratique; de nos jours

il y en eut une d'un genre différent. Sous nos yeux une génération tout entière, que nous pleurons encore, se laissa séduire. La mort et l'exil furent son partage. Elle avait méconnu son pays, elle avait trop aimé l'Occident. C'était un tort immense dont l'expiation fut terrible et qui passera comme éternel enseignement pour l'avenir. Ce fut alors, dans ces moments critiques, où un principe vital, le principe monarchique absolu, sembla devoir crouler, que l'on sentit palpiter vivement cette nationalité qui semblait éteinte. Ce fut par son silence qu'elle protesta contre des réformes, qu'on voulait faire passer pour sa volonté; elle renia les réformateurs, et encore une fois notre principe monarchique fut sauvé, comme le furent jadis l'indépendance matérielle de la Russie et son principe religieux. Néanmoins l'influence française avait été de trop longue durée, elle s'était présentée sous des formes trop séduisantes pour ne pas assujetir ne fut-ce qu'une partie de la nation. Mais le mal s'arrêta là. Le peuple y resta étranger. Ce fut surtout notre littérature, notre langue et nos moeurs qui la subirent. Elle fut bienfaisante sous bien des rapports, nuisible sous beaucoup d'autres; elle donna lieu à des excès d'imitation dont nous seuls sommes coupables. Une nationalité aussi prononcée, aussi fière, aussi remplie d'elle-même, que l'était la nationalité française, devait, dans les commencements surtout, avoir une influence immense. Il y eut un temps où nous mendiions les suffrages des coryphées littéraires du XVIII siècle, où nous rivalisions avec les Français dans la connaissance de leur langue et de leur littérature, où ce qu'on appelait un homme civilisé osait à peine parler sa langue maternelle, où au contraire le français était cultivé dans toute sa pureté... Ce temps n'est plus; ma lettre, monsieur, en témoigne, malgré moi.

Ainsi la première période de notre histoire, celle de la nationalité instinctive et exclusive, fut suivie d'une période d'imitation qui nous conduisit à un cosmopolitisme pâle et dénué de vie; ce cosmopolitisme à son tour, tendance essentiellement fausse, mais par laquelle il nous fallait passer pour parvenir à la conscience de notre nationalité, s'efface de jour en jour, et ses derniers représentants ne trouvent plus de sympathie. Tout est dans l'avenir. Mais cet avenir ne peut être que le résultat

du passé. Donc étudions notre passé. Exhumons le de ses cendres et recherchons y ces germes de vie, ces principes qui nous sont propres, et qui jusqu'à ce jour n'ont pu se développer. La Russie n'a encore joué dans le monde qu'un rôle passif; elle a passé près de dix siècles sur la défensive; son influence sur l'Occident n'a encore été que purement matérielle, le temps viendra où elle agira par ses idées. L'influence de l'Occident sur la Russie est finie, nous ne lui emprunterons plus que les résultats matériels de la civilisation, tels que l'industrie; désormais notre développement sera tout excentrique.

Et ici, monsieur, permettez-moi de vous rappeler ce que d'autres mieux que moi vous ont déjà dit. La Russie vous fait ombrage; vous lui supposez une ambition plus vaste que son territoire, des rêves de conquête embrassant l'univers. Si à ce mot d'ambition vous attachez une idée vulgaire, si c'est l'amour du carnage, l'appas du butin et la soif des conquêtes que vous nommez ainsi, détrompez-vous, monsieur. Ce n'est pas à une invasion que nous sommes appelés par cette Providence qui gouverne le monde, et la gloire guerrière ne suffit pas à notre ambition que, sans la comprendre, mais avec raison, vous appelez immense. Mais ici je m'arrête. Je craindrais de m'enfoncer dans les voies impénétrables de l'avenir et je garderai pour moi des convictions qui nous sont chères, mais que vous ne voudrez partager que quand les faits seront là pour les justifier. D'ailleurs vous en avez entre les mains une admirable expression poétique [1]). Donc la question du jour est de définir les éléments dont se compose notre nationalité.

Ces éléments sont: le principe religieux et le principe monarchique absolu.

Développer ici le caractère de la religion grecque nous entraînerait trop loin; la question d'ailleurs serait trop au dessus de mes forces. Qu'il suffise de la considérer sous le point de vue historique. La religion grecque est également éloignée des travers du catholicisme et des erreurs du protestantisme. Entre ces deux extrêmes qui se partagent aujourd'hui

[1]) Il s'agit d'une pièce de vers de Chomiakoff (Гордись! тебѣ льстецы сказали) traduite en français par madame Pawloff.

Примѣч. Ю. Θ-ча.

l'Occident, elle occupe un juste milieu. Mais ce milieu n'est pas, comme beaucoup de monde l'ont cru, le résultat d'un travail éclectique. Je n'ai pas besoin de parler de l'ancienneté de la doctrine grecque; elle repose sur un principe indépendant qui lui est propre, et jamais l'influence catholique ou protestante n'a pu l'entamer.

Ainsi que les catholiques, nous reconnaissons l'autorité de l'Église, mais nous n'admettons d'infaillibilité, par conséquent d'autorité absolue, que dans les conciles oecuméniques. Notre Église n'a pas, comme celle de Rome, confisqué à son profit la promesse, qu'en quittant la terre Jésus fit à l'Église en général; elle n'a pas incarné l'unité spirituelle de l'Église dans la personne du Pape, elle n'a pas matérialisé le christianisme. Dénuée de pouvoir temporel, son action dans notre histoire a été purement morale. Son influence sur la nation avait une base plus puissante que des droits écrits et des armées, et par cela même elle n'était pas soumise aux chances des choses de ce monde. N'ayant pas à se mêler des affaires temporelles et à soigner d'intérêts terrestres, elle n'a pas été dans le cas de dévier de sa mission et de transiger avec elle-même en autorisant des abus aux principes qu'elle professait. Ainsi l'absence d'autorité absolue et permanente dans la personne d'un seul, l'absence de pouvoir temporel, voilà ce qui nous a sauvés des abus du catholicisme; voilà ce qui a fait qu'après que près de 9 siècles se sont écoulés depuis que la Russie est chrétienne, nous n'avons pas eu à séparer la cause de l'Église de celle de la religion.

Quant à ce qui nous sépare du protestantisme, je crois inutile d'en parler. Il a lui-même prononcé sa condamnation en dévoilant son impuissance. Le protestantisme n'est qu'une série de négations engendrées par les abus du catholicisme, et qui se tiennent par un enchaînement logique et nécessaire. Le dernier résultat de cette tendance, fausse dans son principe, mais admirablement suivie, est le livre de Strauss. Aussi le protestantisme n'est pas une religion: il n'est que la négation du catholicisme, manquant de principe vital, incapable de rien produire.

Strauss d'un côté, de l'autre Lamenais, Lamenais qui à lui seul a passé par toutes les croyances et toutes les erreurs de l'humanité chrétienne, deux hautes intelligences, que les deux doctrines qui les ont engendrées ne pourront jamais renier, vi-

vantes et irrécusables protestations contre tout l'Occident: voilà, monsieur, ce qui, mieux que tous mes raisonnements, vous prouvera qu'à l'Occident la cause de la religion est à jamais perdue. Je ne crois pas me tromper en disant que la doctrine grecque est la seule qui satisfasse aux exigences de l'humanité.

Le principe monarchique est le grand fait de notre histoire. Elle n'est autre chose que le développement de ce principe. Représentez-vous, monsieur, l'étendue du pays entre le lac Ladoga, les monts Ourals, les monts Karpathes et la Mer Noire, peuplée au IX siècle par une foule de peuples slaves et finnois (au Nord), indépendants les uns des autres, ne se connaissant même pas et séparés entre eux par des forêts, des marais et des steppes inhabitables. Tel aspect présentait le pays qu'on nomme aujourd'hui la Russie, lorsque l'an de grâce 862, quatre peuplades, les Slaves de Nowgorod, les Krivitchi, les Wess, les Tchoudes, fatiguées du désordre qui régnait parmi elles, s'en vinrent en Scandinavie demander aux Variagues (les Normands) des princes qui voulussent bien régner chez eux et y amener l'ordre. Trois frères appartenant à une des races scandinaves (les Rousses, de là la Russie) répondirent à leur appel et vinrent avec un petit nombre d'hommes s'établir en Russie, c'est-à-dire à Nowgorod, sur le lac Blanc (Bieloïé Ozéro) et à Isborsk. Voici le fait tel que le raconte notre plus ancien chroniqueur Nestor, fait unique dans l'histoire du monde et d'où se développe toute notre histoire postérieure. Vous voyez, monsieur, que chez nous les rapports des deux races, de la race aborigène et des Normands, furent tout à fait autres qu'en France et en Angleterre. Il n'y eut point de conquête; il ne pouvait pas y en avoir, précisément à cause de la position géographique du pays et du petit nombre de ceux qui composaient la race étrangère; de là point de féodalité, point d'aristocratie militaire, comme principe indépendant, point de représailles possibles des vaincus aux vainqueurs, donc point de révolution, point de constitution possible. Les Normands ne firent pour ainsi dire que traverser la Russie en courant. Ils firent le tour de toutes les peuplades slaves, mais leur humeur aventurière les poussait ailleurs, et vers l'an 1000 ils disparaissent de notre histoire, et avec eux leur influence. Voici leur rôle en Russie: ils apprirent aux peu-

ples slaves à se connaître, ils les mirent en rapport avec Constantinople, ils y introduisirent le Christianisme. Ce fait est encore d'une très-grande importance; vous me permettrez de le raconter tel que le rapportent nos chroniques. L'an 988 St. Vladimir, après avoir conclu un traité avec les Grecs, épousa la princesse Anne, sœur des empereurs alors régnants, et reçut le baptême. Instantanément tout son peuple imita son exemple, en disant ces paroles mémorables: „Puisque le prince l'a voulu, cela ne peut être que bien". Et le Christianisme fut introduit parmi nous sans guerre, sans violence, par un assentiment unanime de toute la nation; et un siècle plus tard nous avions nos martyrs, nos couvents, toute une littérature religieuse.

Les Normands ayant disparu, le système des apanages se développa rapidement. De nouvelles peuplades entrèrent dans ce mouvement de développement, non pas par la conquête, mais par une occupation pacifique des pays incultes, par la fondation de villes et de principautés nouvelles. Toutes ces principautés étaient indépendantes les unes des autres, et la grande principauté, celle de Kieff, ne conservait sur elles qu'une prédominence morale et à peu près fictive. Ici commencent les guerres civiles; il nous manquait l'unité politique, un centre visible, une capitale; mais à défaut de l'unité politique que la nation n'avait pas encore trouvée, l'unité religieuse sauva le principe national.

Toute cette période de notre histoire peut être appelée centripète ou plutôt celle de la recherche d'un centre visible, qui semblait errer à travers la Russie de Kieff à Vladimir, de Vladimir à Galitch. Enfin ce centre fut trouvé. Ce fut d'abord la position géographique de Moscou au milieu même de la Russie, ce fut ensuite l'influence des Tartares qui aidèrent Moscou à surgir du milieu des débris de l'ancien ordre de choses. Il serait trop long ici de développer le caractère de l'influence tartare, influence tout extérieure qui ne changea rien à notre religion, presque rien à notre langue et à nos moeurs, et qui aida à notre développement politique. Moscou fut notre première et notre seule capitale. Autour d'elle se forma le noyau de l'état; elle attira à elle les disjecta membra de la Russie, et ici, dans la première moitié du XIV siècle sous le grand-prince Jean, fils de Daniel, surnommé Kalita (bourse) à cause de ses écono-

5*

mies, commence notre période de développement excentrique. La capitale, le centre de la Russie, une fois établie, il lui fallait une idée gouvernementale, un centre vivant, le tzar. Ce fut en la personne de Jean III au XV siècle que s'incarna le principe monarchique absolu. Mais la lutte n'est pas encore terminée. Il y avait encore au dedans des principes de trouble, et l'établissement définitif de la monarchie absolue, telle qu'il la fallait à la Russie, dut être assuré par trois grandes luttes, qui sont représentées par trois grands noms: la lutte à l'extérieur que commença Jean III et qu'accomplirent ses successeurs; la lutte à l'intérieur avec les débris des princes apanagés qui s'étaient établis en aristocratie autour du trône pour intercepter au tzar la vue de sa nation et qu'abattit Jean IV; la lutte du pouvoir séculier avec la partie de notre clergé qui voulait introduire une sorte de papauté et qu'accomplit le tzar Alexis, père de Pierre-le-Grand. De ces trois luttes le principe monarchique absolu et national sortit vainqueur.

Je résume—point de conquête, point de féodalité, point d'aristocratie, comme principe indépendant, point de contrat social entre le tzar et la nation. Un pouvoir absolu, un et national, agissant au nom de tous, marchant en tête de notre civilisation et accomplissant chez nous, sans le côté hideux des révolutions, ce qui à l'Occident est le fruit de guerres intestines, de guerres religieuses, de troubles et de bouleversements. Telle est la forme de gouvernement que la nation russe s'est faite à elle-même. C'est un legs sacré de notre histoire et nous n'en voulons pas d'autre, car tout autre serait une tyrannie.

Voilà, monsieur, comment nous envisageons la question de notre nationalité. Je laisse à un autre à vous parler du caractère national, de notre tolérance, de notre universalité, de notre langue, de notre poésie, des croyances et des moeurs de la nation.

Après ce que vous avez bien voulu entendre, vous comprendrez pourquoi nous croyons les peuples slaves destinés à une grande oeuvre de régénération; cette oeuvre, nous le savons bien, il nous faudra l'accomplir seuls et sans appuis: nous n'aurons pas les sympathies des peuples de l'Occident, et longtemps encore il faudra nous résigner à n'être pour eux qu'un objet de mépris ou de crainte.

Je termine, monsieur, ma lettre déjà trop longue. Vous m'avez permis d'être franc, et je vous ai exprimé nos espérances et notre opinion sur le passé et sur l'avenir avec la franchise d'une conviction qui n'est pas seulement la mienne, mais celle de beaucoup de monde en Russie. Nous serons tous heureux si, en récompense des choses nouvelles que vous nous avez apprises et des idées que vous avez rectifiées sur la France, vous voulez bien nous rendre le même service auprès de vos compatriotes et si surtout, après avoir laissé un souvenir agréable en Russie, vous en emportez un pareil.

Veuillez, monsieur, agréer l'expression des sentiments respectueux de votre tout dévoué [1]).

---

[1]) Г. Могенъ отвѣчалъ К. С. Аксакову слѣдующимъ письмомъ:

S. Pétersbourg 18 (30) VII—bre 1840.

Monsieur, j'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 2 (14) de ce mois. J'aurais dû vous en accuser réception plus tôt, mais j'ai été malade... Je vous prie de remercier m-r Samarine de la note qu'il m'a adressée; j'y ai trouvé des renseignements fort curieux et dont j'espère bien faire usage, si, comme je l'espère, je mets à exécution mon projet de publier quelques lettres sur la Russie. Vous avez raison, m-r Samarine et vous, de compter sur l'impartialité de mes récits; en tout je cherche franchement la vérité, et je trouve qu'il est de votre intérêt qu'on la dise; vous êtes peu connus et vous méritez de l'être d'avantage. Avec cela je me suis trouvé ici dans une position particulière, et quoique mon séjour en Russie n'ait pas été tout-à-fait de deux mois, j'ai pu voir beaucoup plus que tout autre. Grâce à vous et à deux ou trois autres personnes, j'ai pu connaître promptement Moscou et quelques unes de ses sociétés. Ici, à Pétersbourg, l'Empereur a donné des ordres si obligeants pour moi, que j'en ai été confus: tout m'a été ouvert, et j'ai pu tout voir dans les plus petits détails. — A vous parler franchement, c'est le séjour de Moscou que je préférerais, et j'ai regretté sérieusement de ne pouvoir y passer 7 ou 8 jours de plus. Je ne saurais trop vous prier de me rappeler au souvenir des personnes que vous m'avez fait connaître, et notamment de m-r et de m-me Pawloff et de leur société. Je n'oublierai pas la soirée que j'ai passée avec eux. Dites bien, je vous prie, à m-me Pawloff et à son mari qu'ils m'obligeront beaucoup s'ils peuvent me procurer une occasion de leur être agréable; qu'ils disposent de moi à Paris. Je tiendrai à leur prouver, ainsi qu'à vous et à m-r Samarine, que je n'oublie pas la bonne et gracieuse hospitalité que j'ai reçue à Moscou. Je partirai demain par le bâteau du Hâvre et je retourne directement en France. Si la mer n'y met obstacle, je serai à Paris dans 10 ou 11 jours. Je n'oublie pas, monsieur, que vous me devez aussi quelques notes; peut-être aussi vous écrirai-je de Paris pour de nouveaux renseignements. Mais je ne craindrai pas d'abuser de votre obligeance, parce qu'il s'agit de votre pays.—Veuillez présenter mes compliments à m-r Samarine et croire aux sentiments distingués de votre tout dévoué Mauguin.—13 Rue Gaillon à Paris.

V.

Къ кн. Дмитрію Александровичу Оболенскому [1]).

69.

(1844).

Любезный другъ Митя, Зыбинъ [2]) такъ неожиданно пріѣхалъ и такъ скоро ѣдетъ въ Казань, что я едва успѣю написать тебѣ нѣсколько строкъ. Дѣло въ томъ, что я ужасно занятъ: въ субботу мнѣ назначенъ диспутъ, и я теперь готовлюсь итти на вольную страсть. Посылаю 5 экземпляровъ моей диссертаціи: тебѣ, Петрову [3]), Ковалевскому [4]), Солнцеву [5]) и Фуксу [6]);

---

[1]) О немъ см. примѣч. 2-ое къ письму за № 44 и примѣч. 1-ое къ письму за № 51. Письма за №№ 69 и 70 сохранились только въ копіяхъ.

[2]) Вѣроятно, Ипполитъ Аѳанасьевичъ Зыбинъ (ум. въ 1893 г.) — адъютантъ Казанскаго военнаго губернатора.

[3]) Вѣроятно, Павелъ Яковлевичъ Петровъ (род. въ 1814 г., ум. въ 1875 г.)—оріенталистъ, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ санскрита въ 1841—1852 гг.

[4]) Осипъ Михайловичъ Ковалевскій (род. въ 1800 г., ум. въ 1878 г.)—первый русскій монголистъ, профессоръ Казанскаго университета, впослѣдствіи ректоръ того же университета и профессоръ Варшавскаго университета.

[5]) Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ (род. въ 1786 г., ум. въ 1866 г.)—докторъ правъ, профессоръ и ректоръ Казанскаго Университета, съ 1824 г. Казанскій губернскій прокуроръ.

[6]) Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ (род. въ 1776 г., ум. въ 1846 г.) — врачъ, этнографъ, археологъ, историкъ и нумизматъ, профессоръ Казанскаго университета сначала естественной исторіи и ботаники, потомъ по каѳедрѣ патологіи, тераціи и клиники, въ 1824—27 гг. ректоръ того же университета. Его жена Александра Андреевна, ур. Апехтина (род. въ 1805 г., ум. въ 1853 г.), — поэтесса и первая русская писательница по этнографіи.

потрудись надписать имена на двухъ послѣднихъ—я позабылъ, къ стыду своему, имена сихъ сановниковъ—и доставь по принадлежности. Въ скоромъ времени къ тебѣ подоспѣетъ въ Казань новый товарищъ, нѣкто Жихаревъ, племянникъ Чаадаева, очень порядочный мальчикъ [1]). Ради меня обласкай его. Послѣ того пріѣдетъ Валуевъ [2]), мой товарищъ по университету, которому я дамъ длинное письмо къ тебѣ. О себѣ не могу сказать тебѣ ничего рѣшительнаго. Кажется, до осени я останусь здѣсь. Знаешь ли ты, что здѣсь Миша [3]), братъ твой? Онъ присланъ курьеромъ. Твои всѣ здоровы и разъѣхались по разнымъ концамъ. Посылаю тебѣ славянскія облатки; онѣ здѣсь въ большой модѣ. О тебѣ гремитъ слава не только по Россіи, но по всей Европѣ, мало того, по всей землѣ; того и гляди, что ты попадешь на какой-нибудь нѣмецкій престоликъ. Что̀ бы тебѣ стоило пріѣхать въ Москву жениться! Невѣстъ у насъ много, одна другой лучше. Одну, не прогнѣвайся, ты уже упустилъ — П—у. Время кончить. Обнимаю тебя отъ всей души, до другого случая. Не забудь всѣмъ поклониться и напомнить обо мнѣ. Сочини какую-нибудь фразу покудрявѣй и потемнѣе и скажи отъ меня N—ой такъ, чтобы рѣшительно не было мысли, это произведетъ эффектъ.

70.

(1844).

Любезный другъ, это письмо отдастъ тебѣ мой университетскій товарищъ Дмитрій Александровичъ Валуевъ. Я думаю, ты не знакомъ съ нимъ, хотя, можетъ быть, и встрѣчалъ у Свербеевыхъ или у Аксакова. Это—человѣкъ, одаренный необыкновенною дѣятельностью и предпріимчивостью въ дѣлѣ ли-

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Жихаревъ (род. въ 1820 г.)—біографъ Чаадаева.

[2]) Дмитрій Александровичъ Валуевъ (род. въ 1820 г., ум. въ 1845 г.)—талантливый представитель славянофильства.

[3]) Кн. Михаилъ Александровичъ Оболенскій (род. въ 1821 г., ум. въ 1886 г.) состоялъ съ ноября 1843 по апрѣль 1846 г. младшимъ секретаремъ посольства нашего въ Мюнхенѣ.

тературы. Два-три изданія у него теперь на рукахъ [1]). Онъ преимущественно занимается историческими изслѣдованіями и ѣдетъ въ Казань для того, чтобы порыться въ архивѣ и библіотекѣ. Цѣль благородная, но неудобоисполнимая при суровой необязательности нашихъ архиваріусовъ и библіотекарей. Онъ просилъ меня дать ему письмо къ тебѣ, во-первыхъ, потому, что желаетъ съ тобою познакомиться лично, во-вторыхъ, потому, что содѣйствіе и покровительство человѣка сильнаго можетъ ему быть полезно. Я надѣюсь, что слава, почести и прочіе служебные соблазны тебя не избаловали, что демонъ гордости не закрался въ твою душу, я смѣло прошу тебя принять моего пріятеля радушно, ласково и, если представится случай, оказать ему содѣйствіе. Я увѣренъ, что ты самъ будешь радъ его пріѣзду. Онъ знаетъ Москву литературную и ученую, т. е. лучшую сторону Москвы, какъ свою подноготную, и можетъ многое тебѣ разсказать про нее. Кромѣ того онъ очень умный и добрый малый. Между прочимъ, познакомь его съ Солнцевымъ, Петровымъ, Фуксомъ и его женою. Къ Ковалевскому я дамъ ему особое письмо.

До тебя уже дошла моя диссертація и, можетъ быть, слухи о моемъ диспутѣ. Это дѣло кончено; цѣлый періодъ жизни замкнулся, и теперь начинается для меня новое тяжелое испытаніе. Когда деканъ произнесъ поздравительную рѣчь, раздались рукоплесканія и я сошелъ съ каѳедры, не могу сказать тебѣ, какъ болѣзненно сжалось мое сердце. Мнѣ стало невыносимо грустно, при мысли, что теперь разорвана послѣдняя нить, связывавшая меня съ университетомъ, съ прежними занятіями, съ тѣснымъ кругомъ близкихъ ко мнѣ людей. Вступленіе въ службу, которое мнѣ предстоитъ, есть просто актъ покорности и подчиненія необходимости. Оно противорѣчитъ и убѣжденію моему, и сочувствіямъ, и цѣлямъ; оно не согласно ни съ

[1]) „Симбирскій сборникъ, часть историческая, томъ I, Москва 1844 г.“. Предисловіе подписано издателями П. А. Н. Языковыми, А. Хомяковымъ и Д. Валуевымъ. Въ этой книгѣ, какъ введеніе къ разрядной книгѣ 1559 г., помѣщено обширное изслѣдованіе Валуева о мѣстничествѣ. Другое изданіе Д. А. Валуева, вышедшее въ 1845 году: „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, т. I“. Онъ издалъ также нѣсколько книжекъ „Библіотеки для воспитанія“.

призваніемъ моимъ, ни съ способностями моими. Сильное желаніе влечетъ меня въ другую сторону, и мнѣ страшно подумать, въ какое я бросаюсь противорѣчіе, какую предпринимаю борьбу, рѣшительно безплодную для меня, и сколько пропадетъ даромъ невозвратнаго дорогого времени. При одной мысли объ этомъ во мнѣ разыгрывается желчь и досада, которую еще болѣе питаютъ совѣты, наставленія и надежды другихъ. Ненавижу глубоко этотъ городъ[1]), этотъ бытъ, эту дѣятельность, этихъ людей. Ты настолько знаешь меня, что навѣрное не станешь предполагать во мнѣ ни особенной любви къ спокойной, беззаботной жизни, ни презрѣнія къ службѣ и практической дѣятельности вообще. Первое — не въ моемъ характерѣ, второе было бы слишкомъ нелѣпо; но мнѣ ужасно тяжело отдаляться на неопредѣленное время отъ цѣли моихъ стремленій и надеждъ, никогда не измѣнявшихся съ шестнадцатилѣтняго возраста. А дѣлать нечего. Можетъ быть, непредвидѣнный случай все поворотитъ къ лучшему. Теперь я буду стараться объ одномъ, какъ можно скорѣе раздѣлаться съ Петербургомъ и достать мѣсто въ провинціи. Еслибъ въ Казань или въ Симбирскъ! Я бы радъ былъ, еслибъ меня сослали къ тебѣ на заточеніе; говорятъ, у тебя въ тюрьмѣ лучше устроено, чѣмъ въ любой гостинницѣ — такой комфортъ, что нужно палками выгонять заключенныхъ! Это дѣлаетъ тебѣ немало чести, а между тѣмъ все-таки я скажу, что про тебя гремитъ такая слава и столько говорятъ отцы и матери, ставя тебя въ примѣръ юнымъ сыновьямъ, что, право, за одно это можно не взлюбить тебя. Я даже разъ нашелся вынужденнымъ говорить противъ тебя и объявить, что ты при мнѣ получилъ взятку — сахарную голову. Кстати, чтобы не забыть, что̀ это ты вздумалъ знакомить Аксакова съ Долгорукимъ[2])? Предвидѣлъ ли ты или нѣтъ, сколько изъ этого выйдетъ драматическихъ столкновеній и

[1]) Т.-е. Петербургъ, гдѣ Ю. Ѳ-чу предстояло поступить на службу.

[2]) Кн. Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ (род. 1816 г., ум. въ 1868 г.), по прозванію Bancal, извѣстный генеалогъ, авторъ „Россійскаго родословнаго сборника“, „Россійской родословной книги“ и „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“; съ 1859 года онъ переселился за границу, гдѣ имъ издано нѣсколько книгъ о Россіи.

смѣшныхъ положеній? Долгорукій думаетъ поселиться въ Москвѣ; онъ держитъ себя точно такъ, какъ держалъ себя Валенштейнъ въ опалѣ [1]). Признаюсь тебѣ, что мысль, что я избавлюсь отъ его дружбы и частыхъ посѣщеній, одна утѣшаетъ меня при отъѣздѣ изъ Москвы. Ѣду же я въ послѣднихъ числахъ іюля, т. е. 24 или 25. Значитъ, когда ты получишь это письмо, я буду въ Петербургѣ. Куда поступлю, еще не знаю, къ Панину [2]) или къ Перовскому [3]); но вѣроятнѣе ко второму. Изъ Петербурга я напишу тебѣ и тогда прошу не забывать меня и писать хоть изрѣдка. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души и желаю продолженія успѣховъ по всѣмъ частямъ твоей дѣятельности. Что твое здоровье? Всей Казани въ совокупности, а хорошимъ знакомымъ въ особенности бью челомъ. Une bonne poignée de main de ma part à Зыбинъ et à Петровъ; mes respects à Солнцевъ, et surtout ne m'oubliez pas auprès de la p. O. D. Tout à vous.

P. S. Si par hasard vous avez quelque chose de copié pour moi, remettez tout à Валуевъ. Ne vous donnez pas la peine de faire copier le livre latin: je l'ai trouvé à Moscou...

P. S. Не забудь, пожалуйста, познакомить Валуева съ купцомъ, у котораго мы жили—Зайцевымъ; поклонись ему отъ меня и попроси, чтобы онъ показалъ свою часовню и распятіе, присланное ему изъ Сибири.

---

[1]) Онъ былъ передъ тѣмъ сосланъ въ Вятку.

[2]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (род. въ 1801 г., ум. въ 1874 г.)—министръ юстиціи (съ 1839 по 1862 г.).

[3]) Левъ Алексѣевичъ Перовскій (род. въ 1792 г., ум. въ 1856 г.), съ 1849 г. графъ, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1841 по 1852 г.

VI.

Къ Михаилу Петровичу Погодину [1],

71.

(1840 или 1841).

Посылаю вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, 150 р., которые оставался вамъ долженъ [2]). Извините, что такъ поздно. Батюшка поручилъ мнѣ попросить у васъ образецъ шрифта, который вы обѣщались ему доставить для надписи подъ бюстъ графа Матвѣева [3]).

72.

(1841).

Посылаю вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, приношеніе Лермонтова въ вашъ журналъ [4]). Онъ просилъ напечатать его просто, безъ всякихъ примѣчаній отъ издателя, съ подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за васъ, и за всѣхъ читателей „Москвитянина".

Понедѣльникъ.

---

1) Подлинники писемъ Ю. Ө-ча къ М. П. Погодину находятся въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея.

2) Можетъ быть, тѣ 150 р., которые упоминаются въ запискѣ за № 13.

3) Здѣсь, вѣроятно, ошибка. Рѣчь идетъ, повидимому, о бюстѣ боярина А. С. Матвѣева, заказанномъ Ө. В. Самаринымъ скульптору Витали.

4) Стихотвореніе „Споръ", напечатанное въ іюньской книжкѣ „Москвитянина" за 1841 г. См. выше письмо Ю. Ө. къ кн. И. С. Гагарину № 64.

73.

(1842).

Вотъ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, извѣстіе о карусели и базарѣ [1]). Больше ничего не запомню. Нельзя ли вамъ ссудить меня на нѣсколько дней Никоновскою лѣтописью?

Середа.

74.

(1842).

Одолжите мнѣ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, 6 или 7 первыхъ томовъ Исторіи Петра Голикова. Мнѣ нужно будетъ перебрать ее всю; но на сей разъ довольно будетъ и этихъ. Вамъ хорошо извѣстны всѣ источники и пособія. Нѣтъ ли другихъ книгъ, записокъ, монографій, указовъ временъ Петровыхъ, касающихся дѣлъ духовныхъ и вообще его отношеній къ Церкви?

75.

(1842).

Отсылаю вамъ двѣ части Голикова, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, прошу о слѣдующихъ, побольше вдругъ. Да еще къ вамъ просьба: въ университетской библіотекѣ есть книжка, отъ которой я не сплю по ночамъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что она имѣется; это—Examen canonum concilii Tridentini какого-то Хемниція, около 1590-хъ годовъ [2]). Нельзя ли достать ее для меня? Въ вашей власти одолжить несказанно душевно вамъ преданнаго Юрія Самарина.

Суббота.

---

[1]) Въ 1842 году, на пятой недѣлѣ великаго поста (со 2 апрѣля), былъ базаръ, устроенный графиней Софьей Владиміровной Паниной; объявленія о немъ помѣщены были въ №№ 21 и 24 „Московскихъ Вѣдомостей".

[2]) Examinis concilii Tridentini, per D. D. Martinum Chemnicium scripti, opus integrum, quatuor partes, in quibus praecipuorum capitum totius doctrinae papisticae firma et solida reputatio, tum ex Sacrae Scripturae fontibus, tum ex orthodoxorum patrum consensu, collecta est. Francf. ad M. MDLXXXV—книга, написанная противъ дѣяній Тридентинскаго собора и преимущественно противъ толкованій и выводовъ іезуита Андрадія.

76.

(1842).

Отсылаю вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, 4 части Голикова. Девятаго тома не было. Прошу васъ, если вы его имѣете, прислать мнѣ вмѣстѣ съ слѣдующими. Въ 7 томѣ, въ примѣчаніи на стр. 219, помѣщенъ анекдотъ изъ Татищева [1]). Для меня онъ очень важенъ. Можно ли на него положиться? Не знаете ли чего-нибудь подтверждающаго или опровергающаго его подлинность? До сихъ поръ я помѣстилъ только одинъ билетъ „Москвитянина". Вы поздно прислали; всѣ желавшіе уже подписались. Не знаю, найдутся ли еще охотники. Деньги посылаю.

Воскресенье.

77.

(1842).

Благодарю васъ за Голикова, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Теперь прошу васъ доставить мнѣ собраніе указовъ временъ Петровыхъ и позднѣйшихъ. Стоглавъ пока

---

[1]) Здѣсь разумѣется слѣдующій разсказъ Татищева, приведенный Голиковымъ въ VII томѣ „Дѣяній Петра Великаго": „При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ дворянинъ убилъ для деревень брата своего и съ женою, и за то сей злодѣй осужденъ былъ по закону къ смерти. Но онъ, ища себя отъ толико заслуженныя имъ казни избавить, великими подарками и обѣщаніями склонилъ царскаго духовника за себя просить; и какъ Государь духовнику законно отказалъ, то сія духовная особа, озлобяся, дерзнула Государя, готовящагося къ причастію, отлучить отъ пріобщенія Святыхъ сихъ Таинъ. Государь просилъ патріарха Никона о разсмотрѣніи, но патріархъ, какъ самъ власти надъ Государемъ искалъ, духовниково запрещеніе разрѣшить отрекся, отъ чего Государь пришелъ въ великую печаль. О семъ увѣдавъ, князь Долгорукій пріѣхалъ къ Государю ночью, увѣщавалъ его духовника перемѣнить, однакожъ Государь, вѣря болѣе Никонову хитрому и его вредному разсужденію, не смѣлъ того учинить, не получа разрѣшенія. Вѣрный сей сынъ отечества, князь Долгорукій, поѣхалъ тотчасъ къ духовнику и объявилъ ему: есть ли онъ у Государя не испроситъ прощенія, то сей же часъ, оковавъ его, пошлетъ въ Соловки, въ вѣчное заточеніе. Попъ, убоявся, просилъ сего князя о предстательствѣ, которой его взявъ привелъ къ Государю, и духовникъ, падши на землю, просилъ прощенія, по которому, его Государь оставя, взялъ другого. Но Никонъ, озлобясь, клялъ Долгорукаго, токмо сей мужъ на то не смотрѣлъ".

мнѣ не нуженъ. О дѣвочкѣ я не забылъ. Какъ скоро откроется ваканція, я дамъ вамъ знать. Князь Голицынъ привезъ съ Кавказа стихотвореніе Лермонтова—описаніе дѣла съ горцами подъ Валерикомъ. Я выхлопоталъ его для „Москвитянина" [1]). Завтра или послѣ завтра я вамъ его доставлю.

P. S. За билетъ „Москвитянина"—40 рублей.

Четвергъ.

78.

(1844).

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, будьте такъ добры, пришлите Посошкова [2]). Изъ монастыря я получаю письмо за письмомъ. Святыя жены [3]) начинаютъ безпокоиться. Да еще Louis Blanc три части [4]), которыя, говорятъ, у васъ. Я пріѣхалъ въ Москву на нѣсколько часовъ; думалъ навѣстить васъ, да не успѣлъ. Итакъ, до слѣдующаго моего пріѣзда въ Москву. Напишите хоть одну строчку. Какъ себя чувствуете и когда конецъ вашему испытанію [5])?

79.

(1844).

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, извините, что я не тотчасъ отвѣчалъ на вашу записку. Я получилъ ее въ самую минуту отъѣзда въ деревню; задерживать батюшки, съ которымъ я ѣхалъ, мнѣ не хотѣлось. Теперь дамъ вамъ отвѣтъ по пунктамъ. 1. За вашу брошюрку [6]) очень вамъ благода-

---

[1]) „Валерикъ" напечатанъ былъ въ альманахѣ Владиславлева „Утренняя Заря" 1843 года.

[2]) Сочиненія Ивана Посошкова, изданныя на иждивеніе Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ М. П. Погодинымъ въ 1842 году.

[3]) Вѣроятно Бельбажской пустыни Костромской губерніи, куда Ю. Ѳ. ѣздилъ въ концѣ 1843 года.

[4]) Louis Blanc. Histoire de dix ans (1830—1840).

[5]) 16 мая 1844 г. Погодинъ, ѣхавши въ университетъ, переломилъ себѣ ногу, и послѣ того вынужденъ былъ лежать на спинѣ, неподвижно, восемь недѣль.

[6]) Во время своей болѣзни, лѣтомъ 1844 года, Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ описаніе своего путешествія по Западной Европѣ, подъ заглавіемъ: „Годъ въ чужихъ краяхъ, 1839 г. Дорожный дневникъ".

ренъ. Я видѣлъ ее у Аксакова и хотѣлъ васъ просить о ней. Нельзя ли вамъ дать мнѣ и первую? 2. Ружьевъ испробовать я уже не успѣю, не имѣя при себѣ нужнаго на то прибора. 3. За предложеніе ваше уступить намъ часть библіотеки благодарю васъ; но едва ли она понадобится батюшкѣ, потому что наша домашняя библіотека снабжена всѣми историческими книгами, нужными для преподаванія; даже много лишнихъ.

Что касается до совѣта посвятить себя русской исторіи, то я принимаю его отъ васъ съ радостью и благодарностью, тѣмъ болѣе, что съ нимъ вполнѣ совпадаетъ мое желаніе и мои наклонности. Я не могу сказать вамъ, какъ мнѣ дорогъ этотъ напутственный вашъ совѣтъ, именно какъ идущій отъ васъ. За все прежнее, настоящее и будущее ваше участіе ко мнѣ, въ которомъ я увѣренъ, отъ всей души благодаритъ васъ преданный вамъ Юрій Самаринъ.

P. S. Сейчасъ получилъ я изъ Казани старую рукопись: „Исторіи: 1) о россійскомъ кавалерѣ Александрѣ и братѣ его Владимірѣ, 2) объ Александрѣ Македонскомъ, 3) о разбойникѣ гишпанскомъ Барбароссѣ“.

VII.

Къ Александру Николаевичу Попову.

80.

(1841) [1].

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, я сейчасъ пріѣхалъ изъ деревни на день или на два; нетерпѣливо желаю васъ видѣть. Я теперь у Катерины Александровны Свербеевой. Нельзя ли вамъ пріѣхать къ ней и привезти съ собою Кавелина [2]), съ которымъ мнѣ также хотѣлось бы видѣться.

81.

(1841 или 1842).

Никакъ не могъ отыскать у себя замѣтки, которая вамъ нужна; знаю только навѣрное, что должно быть въ 10 или 11 томѣ „Дополненій“, подъ 1716 [3]). Самихъ книгъ у меня нѣтъ, а можетъ Аксаковъ взять ихъ у Погодина. Въ „Словарѣ духовныхъ писателей“, въ статьѣ о Поликарповѣ есть

[1]) Эта записка была написана, очевидно, лѣтомъ, но въ которомъ году—трудно опредѣлить съ точностью; вѣроятно въ 1841 году.

[2]) См. письмо № 56.

[3]) Здѣсь разумѣются „Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго“ Голикова. Въ XI томѣ этихъ Дополненій (стр. 7) говорится о представленіи Поликарповымъ Петру Великому порученныхъ ему для составленія части русской исторіи и треязычнаго словаря, а также о порученіи ему напечатать географическую книгу.

извѣстіе о томъ же[1]). Совѣтую вамъ также просмотрѣть, нѣтъ ли чего-нибудь въ письмахъ Петра къ Мусину-Пушкину[2]), черезъ котораго шло все это дѣло[3]).

82.

(1842).

Въ первомъ томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи, подъ годомъ 1551, въ соборномъ приговорѣ подъ № 227, содержится то извѣстіе, о которомъ я вамъ говорилъ, т. е. право выкупа земель, завѣщанныхъ монастырямъ. Помнится мнѣ, что то же самое было повторено въ 1581 году, но утверждать не стану[4]).

Воскресенье.

83.

(Зима 1841/42 г).

Вотъ мое исповѣданіе вѣры[5]). Нетерпѣливо буду ждать отвѣта. Пріѣдете ли вы на чтеніе Канта? Да нельзя ли по-

---

[1]) Ѳедоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ (ум. въ 1731 г.) былъ справщикомъ и начальникомъ Московской духовной типографіи. Въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія упоминаются составленный Поликарповымъ „Словено-греко-латинскій лексиконъ“ 1704 г. и переведенная имъ съ латинскаго „Варенiева генеральная географія“ 1718 г., русская же исторія совсѣмъ не упоминается.

[2]) Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ начальникомъ Монастырскаго приказа и поэтому Поликарповъ былъ ему подчиненъ.

[3]) Въ настоящей запискѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о какомъ-нибудь изданіи, предпринятомъ Петромъ Великимъ.

[4]) Въ соборномъ приговорѣ 1551 г. говорится о запрещеніи выкупать вотчины, данныя монастырямъ по душѣ, если въ духовныхъ, данныхъ и другихъ крѣпостныхъ актахъ не будетъ оговорено право родственниковъ выкупать землю у монастыря. Въ томъ же томѣ Актовъ, подъ № 308, напечатанъ соборный приговоръ отъ 15 января 1581 г. о запрещеніи духовенству пріобрѣтать вотчины. О выкупѣ вотчинъ здѣсь сказано слѣдующее: „Вотчины никоторымъ судомъ и тяжбою у митрополита, и у владыкъ, и у монастырей не емлютъ и не выкупаютъ, а кто которые мѣсто и не утвердили крѣпостьми, и того у монастыря не выкупати и впередъ съ монастыри о вотчинахъ не тягатися“.

[5]) При настоящей запискѣ было послано Ю. Ѳ. чемъ къ Попову первое его письмо о развитіи Церкви, которое заканчивалось словами: „Мы, т. е. пока Аксаковъ и я, исповѣдуемъ Церковь развивающуюся“ (см. письма за №№ 29 и 64).

позже, часовъ въ 8. Если вы вовсе не будете, или хотите съѣхаться пораньше, потрудитесь дать знать Аксакову, а онъ передастъ мнѣ.

Суббота.

84 [1]).

(Зима 1841/42 г.).

Церковь развивается, т. е. она постоянно приводитъ къ своему сознанію вѣчную, неисчерпаемую истину, которою она обладаетъ.

Воплощеніемъ Сына Божія совершилось примиреніе между человѣкомъ и Богомъ въ лицѣ Бого-человѣка. Но видимое присутствіе Спасителя на землѣ должно было кончиться. Спаситель возносится и даетъ ученикамъ своимъ обѣтованіе Духа—создаетъ Церковь. Духъ Божій постоянно живетъ въ Церкви. Церковь называетъ себя невѣстою, тѣломъ Христовымъ. Слѣдовательно, фактъ воплощенія, совершив-

---

[1]) Письма 84, 85 и 86 относятся къ полемикѣ Ю. Ѳ-ча съ А. Н. Поповымъ по вопросу о развитіи Церкви, полемикѣ, происходившей въ зиму съ 1841 на 1842 годъ и окончившейся въ апрѣлѣ 1842 года, передъ отъѣздомъ Попова за границу. Значеніе этой полемики въ умственномъ развитіи Ю. Ѳ-ча подробно разъяснено въ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ V тому его сочиненій. Здѣсь же достаточно замѣтить, что богословскія воззрѣнія Ю. Ѳ-ча, которыя проводились въ этихъ письмахъ, въ значительной степени измѣнились впослѣдствіи подъ вліяніемъ Хомякова, и что характеръ изложенія въ этихъ письмахъ показываетъ, что они представляютъ собою не законченныя статьи, а скорѣе программы для устнаго обмѣна мнѣній. Письма эти сохранились въ написанныхъ рукою Ю. Ѳ-ча черновикахъ и въ бѣловыхъ экземплярахъ, имъ же переписанныхъ. Черновики всѣхъ трехъ писемъ такъ же, какъ набѣло переписанное третье письмо (№ 86), находятся въ архивѣ Ю. Ѳ-ча, а набѣло переписанныя письма первое и второе (№№ 84 и 85) найдены недавно среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго, къ которому эти два письма поступили, вѣроятно, черезъ К. С. Аксакова (см. предисловіе Д. Ѳ. Самарина къ V т. сочиненій Ю. Ѳ-ча, стр. XLIX). Въ настоящемъ изданіи всѣ три письма Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову о развитіи Церкви (№№ 84, 85 и 86) печатаются съ бѣловыхъ экземпляровъ. Отвѣтныя письма А. Н. Попова помѣщены въ отдѣлѣ приложеній къ настоящему тому (см. приложеніе II).

Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что письма, печатаемыя нами подъ №№ 84 и 85, были недавно, по ошибкѣ, включены въ первую сотню второго изданія (1911 г.) сочиненій И. В. Кирѣевскаго подъ № 40 (см. томъ II, стр. 291).

шійся въ одномъ лицѣ Бого-человѣка, совершается невидимо въ Церкви. Итакъ, въ Церкви—два элемента: Божественный и человѣческій. Весь вопросъ лежитъ въ томъ, какъ они взаимно относятся. Пребываютъ ли они равнодушно одинъ къ другому: Духъ, какъ вѣчная истина, въ своей полнотѣ и неподвижности, а человѣчество подъ своимъ опредѣленіемъ постояннаго развитія? Въ такомъ случаѣ изъ двухъ предположеній вы должны будете допустить одно: или вы оторвете человѣчество отъ Бога, примите ветхозавѣтное отношеніе и низведете Церковь на степень жреческой касты, но тогда вы отрицаете существенный фактъ христіанства, или же изъ общаго развитія человѣчества вы исключите одно лицо и укажете на него, какъ на такое, въ которомъ Духъ постоянно конкретируется; тогда это лицо будетъ Церковь, а все остальное—случайная толпа людей. Такъ было въ католицизмѣ. Частныя лица рѣзко отдѣляются отъ Церкви и относятся къ ней, какъ подданные къ Государю; они живутъ подъ Церковью, но не въ Церкви. Они развиваются, Церковь остается неподвижною. Очевидно, такое отношеніе возможно только въ католицизмѣ, при мысли, что Духъ прикованъ къ одному лицу, къ одной каѳедрѣ. Для того, чтобы имѣть право сказать: развиваются частныя лица, развиваются отрасли Церкви, а не Церковь, должно предварительно указать пальцемъ на Церковь. Итакъ, то и другое предположеніе ложно. Остается допустить тѣсное, неразрывное сочетаніе двухъ элементовъ: частныхъ лицъ, представляющихъ собою Церковь, и Духа—развивающееся сознаніе Церкви.

Каждый догматъ заключаетъ въ себѣ живое начало, зародышъ; но этотъ зародышъ можетъ развиться только въ почвѣ Церкви, т. е. перейдя въ сознаніе людей. Здѣсь онъ необходимо подвергается случайнымъ видоизмѣненіямъ, преломляется на мнѣнія, и въ Церкви является раздвоеніе, раздвоеніе не самаго догмата, отвлеченно взятаго, но Церкви, исповѣдующей догматъ. Вы скажете, что это—не раздвоеніе, а отторженіе нѣкоторыхъ отъ Церкви. Безспорно. Но почему же вы отличите сторону правую отъ неправой? Безсознательное, непосредственное убѣжденіе частныхъ лицъ можетъ удержать

ихъ въ истинѣ, но, пока въ этихъ лицахъ Церковь не сознала себя, ихъ убѣжденіе остается мнѣніемъ. Церковь совокупляется во Вселенскій соборъ; она предлагаетъ себѣ вопросъ и рѣшаетъ его вслѣдствіе присущаго въ ней Духа: *изволися Духу Святому и намъ.* Итакъ, Вселенскій соборъ имѣетъ смыслъ для самой Церкви, а не для не Церкви. Ея вѣрные члены вслѣдствіе собора стали востолько выше, восколько разумное убѣжденіе выше мнѣнія.

Итакъ, Церковь развивается, но развитіе ея стоитъ безконечно выше всякаго человѣческаго развитія, потому что каждый моментъ его запечатлѣнъ Духомъ, каждый результатъ, каждое слово Церкви есть необходимо истинное. Поэтому самый путь, которымъ она достигла истины, Церковь должна признать, должна благословить развитіе. Торжество надъ зломъ, побѣда надъ смертью лежитъ въ основаніи Церкви. Это значитъ, что ей дана возможность непогрѣшительнаго развитія, постиженія всякой истины, обличенія всякой лжи.

Теперь о вашихъ возраженіяхъ. На вопросъ, почему такъ давно не было Вселенскихъ соборовъ, я отвѣчалъ вамъ на словахъ, сколько мнѣ кажется, удовлетворительно. Именно потому, что Церковь держитъ Вселенскій соборъ для себя, а не для тѣхъ, кто внѣ ея. Что касается до того, что̀ вы назвали жизненною стороною Церкви, т. е. совершенія таинствъ, безспорно Церковь, въ каждую минуту своего бытія, признаетъ себя вполнѣ на то властною, т. е. вполнѣ Церковью. Да кто же говорилъ, что она когда-нибудь была не Церковью, развивалась до Церкви? Совершеніе таинствъ составляетъ ея существенное опредѣленіе, подъ которое подходитъ и церковь католическая. Если отнять отъ нея это опредѣленіе, ея жизнь; тогда не будетъ Церкви, не будетъ и развитія. Но здѣсь еще нѣтъ противорѣчія тому, что̀ мною сказано. Точно такъ человѣкъ живетъ непосредственною жизнью, кромѣ того онъ можетъ развиваться въ сферѣ мысли. Вопросъ не въ томъ, почему Церковь есть Церковь, а можетъ ли, должна ли Церковь развиваться. Самая эта жизненная сторона Церкви можетъ быть предметомъ ея раціональнаго развитія. Въ признаніи и въ осуществленіи этого развитія лежитъ превосходство, истина нашей Церкви, примиреніе двухъ односторон-

нихъ началъ. Католицизмъ осуществилъ въ себѣ неподвижную церковь; протестантизмъ, признавши начало развитія, долженъ былъ отрицать Церковь, слѣдовательно, самое содержаніе этого развитія. Онъ остался при отвлеченномъ, безплодномъ движеніи. Мы же, т. е. пока Аксаковъ и я, исповѣдуемъ Церковь развивающуюся.

85.

(Зима 1841/42 г.).

Изъ вашей статьи [1]) стало ясно, въ чемъ мы согласны и въ чемъ расходимся. Начало я принимаю безусловно, принимаю опредѣленіе отношенія Церкви къ воплощенію, чего не было въ моей статьѣ, и что̀ составляло въ ней перерывъ. *Церковь есть вновь созданное человѣчество.* Съ вашихъ словъ я начинаю.

Въ чемъ заключалось это обновленіе? Въ побѣдѣ надъ грѣхомъ. Побѣда совершилась черезъ признаніе грѣха. Грѣхъ держалъ человѣка въ порабощеніи, пока человѣкъ не сознавалъ въ себѣ грѣха, вѣрилъ въ свою святость, въ возможность спастись закономъ. Отказаться отъ этой надежды— значило признать грѣхъ, какъ грѣхъ, т. е. какъ нѣчто человѣку чуждое, хотя постоянно въ немъ пребывающее, какъ противорѣчіе его опредѣленію. Признать—значило отъ него оторваться, стать выше его. Для новаго человѣка грѣхъ не существуетъ, грѣхъ ему не вмѣняется. Вотъ отрицательное значеніе христіанства, его отношеніе къ закону. Другой моментъ, положительный, тѣсно связанъ съ первымъ. Грѣхъ лишалъ человѣка свободы, т. е. возможности проявлять въ себѣ свое опредѣленіе, жить согласно съ своимъ назначеніемъ. Церковь признаетъ отсутствіе свободы въ поврежденіи разума и воли. Слѣдовательно, торжество надъ грѣхомъ было дарованіемъ свободы разуму и волѣ. Новый человѣкъ можетъ осуществить Божественное въ дѣйствительной жизни, можетъ постигать его мыслью. Возможность этихъ двухъ моментовъ и ихъ единство заключается въ дѣлѣ воплощенія. Явившись въ образѣ человѣка, Христосъ далъ возможность непосредственнаго съ нимъ общенія въ таинствѣ, черезъ причащеніе

[1]) Здѣсь разумѣется первое отвѣтное письмо А. Н. Попова, начинающееся словами: „Мы исповѣдуемъ Церковь развивающуюся—такой общій выводъ оканчиваетъ вашу статью“ (см. приложеніе II).

Его тѣлу и крови; Христосъ же, сравнивая ветхое человѣчество съ новымъ, говоритъ: *вы кланяетеся, егоже не вѣсте, мы кланяемся, егоже вѣмы* [1]). Итакъ, непосредственное общеніе съ Богомъ черезъ таинства и общеніе въ познаніи черезъ догму—вотъ, что дано новому человѣчеству христіанствомъ. Церковь, въ которой живетъ фактъ воплощенія, какъ совершенный, т. е. какъ возможность того и другого общенія, является съ этихъ двухъ сторонъ. Познаніе Бога, т. е. догму, осуществляетъ въ жизни, т. е. въ таинствахъ, и жизнь возводитъ въ догму. Но эта жизнь есть ея жизнь, эта догма есть ея мысль; тождество ихъ—въ полномъ самосознаніи Церкви. Вотъ мое понятіе объ идеальной Церкви, которой осуществленіе есть уже третій фазисъ Церкви—ея торжество. Въ Церкви воинствующей, еще не отрѣшенной отъ условій историческаго развитія, мы видимъ только стремленіе къ этому идеалу—развивающееся сознаніе.

Итакъ, удержимъ выводъ изъ всего сказаннаго. Церковь была постоянно Церковью, т. е. не развивалась до Церкви, а явилась полнымъ, живымъ организмомъ. Условія этого организма—жизнь и сознаніе— были въ Церкви отъ первой минуты ея бытія: жизнь, какъ совершенно готовая, не развивающаяся, сознаніе, какъ возможность постоянно проявляющаяся, какъ развитіе. Непосредственная жизнь Церкви представляетъ полную, замкнутую сферу церковнаго года, который повторяется во времени, въ одинаковыхъ формахъ. Таинства, въ ихъ послѣдовательной совокупности, обнимаютъ всю жизнь человѣка и прилагаются къ каждому лицу. Церковь встрѣчаетъ человѣка при его вступленіи въ жизнь. Церковь кладетъ на все его существо знаменіе креста, Церковь, предвидя его паденіе, предлагаетъ ему врачеваніе противъ болѣзней нравственныхъ и физическихъ, Церковь благословляетъ его для семейной жизни, Церковь удостоиваетъ его непосредственнаго общенія съ самимъ Богомъ въ Евхаристіи, наконецъ, она отверзаетъ ему входъ въ жизнь вѣчную и молится за усопшаго. Итакъ, жизнь Церкви есть постоянное повтореніе въ отношеніи ко всѣмъ ея членамъ и къ каждому изъ нихъ въ особенности однихъ и тѣхъ же явленій. Здѣсь нѣтъ развитія, здѣсь Церковь является органомъ благодати.

[1]) Евангеліе отъ Іоанна IV, 22.

Но эта жизнь, существуя въ своей непосредственности, отражается въ сознаніи Церкви [1]), въ ея доктринѣ. Въ ней она находитъ свое разумное оправданіе. Стремленіе къ возведенію жизни въ стройную систему догматовъ есть развитіе Церкви, какъ школы. Эта вторая сторона ея, по времени, проявилась позднѣе, по значенію своему, стоитъ выше первой. Таинства отъ начала существовали въ Церкви; но признаніе ихъ за таинства, признаніе ихъ седмеричнаго числа, оправданіе ихъ возведеніемъ въ догму—вотъ результаты развитія Церкви, совершающагося во времени, на исторической памяти, параллельно съ развитіемъ мысли человѣчества, и условившаго цѣлый рядъ соборовъ. Вселенскій соборъ въ развитіи Церкви есть высшая ступень, соотвѣтствующая въ этомъ отношеніи тому, что̀ таинство есть въ жизни, слѣдовательно—высшее проявленіе Церкви вообще. Возникаетъ новый вопросъ. Отвѣта Церковь ищетъ не внѣ себя, она даже не ищетъ его, но совокупляется въ одно цѣлое, уходитъ въ себя, смотритъ въ себя, признавая въ себѣ вѣчный источникъ откровенія. Истина и она тождественны; слѣдовательно, постигая и выговаривая истину, она дѣлаетъ то, что̀ было въ ней для себя—сознаетъ себя.

Отличивши въ Церкви двѣ стороны, мы признали необходимость ихъ постояннаго согласія. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ жизнь и догматы ссорятся, должно признать искаженіе жизни и чистоту догмата, или наоборотъ, или, наконецъ, искаженіе жизни и догмата вторженіемъ двухъ разныхъ началъ.

Католицизмъ, въ этомъ мы согласны, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, иначе онъ былъ бы просто ложенъ и не разрѣшился бы въ протестантизмъ. Въ чемъ же собственно наша Церковь признаетъ искаженіе? Церковь раздѣлилась въ X вѣкѣ приблизительно. Съ этого времени начинается католицизмъ. Но въ X вѣкѣ жизненная сторона Церкви су-

[1]) Вы говорите въ своей статьѣ, что таинство, будучи сознано раціонально, перестаетъ быть таинствомъ. Въ этомъ случаѣ мы разно понимаемъ предметъ сознанія въ таинствѣ. Я разумѣю подъ этимъ не механическое его разложеніе, не истолкованіе таинственнаго сочетанія благодати съ тѣмъ, что̀ мы называемъ матеріею таинства, однимъ словомъ, не отрицаніе его существа какъ таинства, а, напротивъ того, признаніе его необходимости и его значенія. Примѣч. Ю. Ѳ-на.

ществовала, равно какъ и прежде, во всей полнотѣ. Католицизмъ, признавъ себя за продолженіе вселенскаго развитія, удержалъ эту сторону, которая была не его дѣломъ. Въ этой сферѣ католицизмъ не былъ собою. Собственно католическое развитіе началось съ стремленія возвести жизнь до разумнаго сознанія. Но это стремленіе совершилось подъ вліяніемъ языческихъ преданій древняго Рима, и плодомъ его была католическая доктрина—рефлексъ христіанства въ латинскомъ представленіи. Въ наше послѣднее свиданіе я сказалъ вамъ, какъ я объясняю всю католическую систему изъ юридическаго, тѣснаго понятія о свободѣ, и вы со мной согласились. Здѣсь, т. е. въ ложномъ пониманіи, вся ложность католицизма. Если бъ можно было предположить на Западѣ обратный путь развитія, т. е. отъ доктрины католической къ жизни, тогда бы необходимо исказилась жизнь, и католицизмъ не носилъ бы въ себѣ противорѣчія. Но раціональное развитіе, отправляясь отъ жизни, какъ отъ даннаго, дошло до ложнаго о ней понятія, исказило ее въ догмѣ, но не въ явленіи, не въ ней самой. Наша Церковь, строго различая въ себѣ эти двѣ стороны, признаетъ дѣйствительность католическаго таинства въ католикѣ, обращающемся къ Православію, слѣдовательно отрекающемся отъ ложнаго католическаго пониманія: католиковъ не перекрещиваютъ [1]), и въ этомъ наша Церковь совершенно вѣрна самой себѣ. Но здѣсь можетъ возникнуть другого рода вопросъ: вы допустите, что ложная доктрина можетъ не искажать жизни непосредственно, но, искажая органы, черезъ которые льется эта жизнь, имѣетъ воздѣйствіе на самую жизнь, дѣлаетъ ее тщетною, безсильною. Часть Церкви, не захотѣвши быть въ духовномъ общеніи, своимъ отторженіемъ нарушила догматъ. Вслѣдствіе этого нарушенія не удалился ли отъ нея Духъ Святой, не отвергнулъ ли ея посредство, какъ недостойное орудіе? Въ такомъ случаѣ недѣйствительность таинства будетъ не прямымъ результатомъ искаженнаго догмата, но казнью Божіею, падающею на всю церковь. Вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: ложное, вслѣд-

[1]) Предвижу возраженіе, но умолчу о немъ до времени, хотя отвѣтъ на него готовъ. Примѣч. Ю. Ѳ-ча.

ствіе личнаго заблужденія, понимапіе таинства дѣлаетъ ли ложно понимающаго неспособнымъ совершать оное? Если предположить себѣ весь Западъ, какъ одно лицо, тогда католицизмъ, въ общей судьбѣ Церкви, явится намъ такимъ же искаженіемъ христіанства въ личномъ пониманіи одного человѣка, какое въ Православной Церкви представляетъ каждый развратный и вовсе не понимающій или криво понимающій попъ. Спрашиваю: наша Церковь подчиняетъ ли дѣйствительность таинства условіямъ нравственности и пониманія въ лицѣ совершающемъ? Если не подчиняетъ, то это только потому, что различаетъ въ себѣ, равно какъ и въ католицизмѣ, двѣ стороны—непосредственную жизнь, какъ конченную и всегда дѣйствительную, и сознаніе, постоянно развивающееся. Католики, признавая въ своей церкви, т. е. въ папѣ, развитіе конченнымъ, полное сознаніе, требовали такого же сознанія отъ каждаго лица, совершающаго таинство, иначе считали его недѣйствительнымъ. Вы были совершенно правы, приписывая такое ученіе католицизму. Такъ думали схоластики; въ этомъ духѣ формулированъ канонъ XI изъ 7 засѣданія Тридентинскаго собора: „Si quis dixerit, in ministris, dum sacramenta conficiunt et conferunt, non requiri intentionem saltem faciendi quod facit Ecclesia, anathema sit“. Итакъ, православное ученіе о таинствѣ вытекаетъ изъ мысли о развитіи. Объясненіе католическаго догмата, высказаннаго въ XI канонѣ, кажется мнѣ вѣрнымъ, впрочемъ я не стою за него. Вотъ моя мысль.

Есть еще нѣкоторыя частности въ вашей статьѣ, съ которыми я не могу согласиться, но я пропускаю ихъ, потому что онѣ прямо не идутъ къ дѣлу и увлекли бы въ сторону.

Въ послѣднее наше свиданіе мы свели или лучше самый споръ свелся въ одинъ общій вопросъ о сознаніи. Сколько я могъ понять изъ немногихъ словъ, вы различаете два момента въ сознаніи, принимая это слово еще въ новомъ значеніи, противъ обыкновеннаго. Если, по прочтеніи моей статьи, вы найдете, что точно на этомъ вертится нашъ споръ, я буду просить васъ изложить, хотя кратко, вашу мысль, но отвѣчать на нее не буду, боясь вступить въ сферу философіи, почти для меня чуждую.

Въ заключеніе мнѣ остается повторить вами же недавно сдѣланное замѣчаніе о томъ, что высказанное противорѣчіе сближаетъ людей. Я, съ своей стороны, вполнѣ въ этомъ убѣдился.

86.

(Зима. 1841/42 г.).

Изложивши въ двухъ статьяхъ моихъ [1]) понятіе о Церкви развивающейся, какою мнѣ представляется Церковь Православная, я обязанъ теперь отвѣчать на ваши возраженія и сказать свои противъ вашего построенія. Кромѣ того я предложу еще нѣсколько вопросовъ. Такъ, вся статья будетъ имѣть характеръ отрицательный. Я начну разбирать ее съ самаго начала, и буду возражать на каждую мысль въ томъ порядкѣ, въ какомъ она стоитъ въ вашей статьѣ.

На первой страницѣ, въ самомъ началѣ, вы говорите, что *Церковь есть единственно безусловная сфера въ жизни духа*. Противъ этого слова я только протестую, возраженія остаются впереди. Далѣе, вы говорите, что *Церковь существуетъ, какъ моментъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вполнѣ оконченное цѣлое въ предвѣдѣніи Божественномъ*. Отсюда выводится необходимость *развитія, какъ стремленія каждаго момента слиться съ цѣлое Церкви*. Итакъ, для Церкви воинствующей, сознающей себя какъ моментъ, существуетъ и послѣдующій моментъ, т. е.[2]), какъ предчувствіе обѣщаннаго, существуетъ въ ея сознаніи. Таково же было отношеніе ветхозавѣтной Церкви къ новозавѣтной. Если бъ не было этого сознанія будущаго, лучшаго момента, не было бы и стремленія къ нему. Стремленіе предполагаетъ необходимо неудовлетвореніе настоящимъ, сознаніе его недостаточности и вѣру въ будущее, сознаніе его полноты, оконченности. Эти два необходимыя условія лежатъ только въ сознаніи Церкви. Жизнь, по вашимъ же словамъ, принадлежитъ ей, какъ моменту; слѣдовательно и стремленіе совершается въ сферѣ одного сознанія, слѣдовательно стремится самое сознаніе, развивается. Ваша мысль, выраженная такъ: каждый моментъ Церкви стремится слиться

---

[1]) Ю. Ѳ. разумѣетъ вышенапечатанныя письма за №№ 84 и 85.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ подлинникъ письма попорченъ: край листа оторванъ и утраченъ, вслѣдствіе чего въ текстѣ подлинника есть небольшой пробѣлъ; этотъ пробѣлъ и восполненъ въ печатномъ текстѣ посредствомъ выраженія „то-есть", которое, по смыслу фразы, всего болѣе сюда подходитъ.

въ одно цѣлое Церкви, кажется мнѣ тождественною съ моею, сказанною въ одной изъ моихъ статей: сознаніе Церкви развивается до той полноты, которой осуществленіе будетъ ея торжествомъ.

Въ сущности Церкви вы *замѣчаете двѣ стороны—побѣду надъ грѣхомъ и творчество*. Мнѣ кажется, эти двѣ стороны никакъ не различаются. Если бъ грѣхъ былъ что-нибудь положительное, отдѣльное начало, противоположное началу добра, тогда бы можно было по нимъ допустить двѣ стороны—отрицаніе перваго и положеніе второго. Но Церковь опредѣляетъ грѣхъ, какъ недостатокъ, какъ отсутствіе свободы или живого начала всякаго творчества. Побѣда надъ нимъ есть возвращеніе утраченной свободы. Слѣдовательно, побѣда надъ грѣхомъ опредѣляется только, какъ творчество, и, наоборотъ, творчество—только какъ побѣда надъ грѣхомъ. Отсюда и Церковь ветхозавѣтная представится въ другомъ видѣ. Я не могу понять въ ней совмѣщеніе двухъ началъ—закона и обѣтованія—иначе, какъ стремленіе самой Церкви, условленное сознаніемъ ея настоящаго момента и будущаго.

Закономъ опредѣляется грѣхъ. Цѣль закона состояла въ томъ, чтобы признать грѣхъ грѣхомъ. Я сказалъ бы узнать, но не признать. Послѣднее слово закона было слѣдующее: въ человѣкѣ есть грѣхъ, но можетъ и не быть его. Въ этомъ заключалась ложность закона въ отношеніи къ человѣчеству, которому онъ былъ данъ. Въ человѣкѣ есть необходимо грѣхъ; нѣтъ человѣка безъ грѣха—вотъ слово Христово, въ которомъ законъ разрѣшается. Первое можетъ быть названо познаніемъ грѣха, второе—его признаніемъ. Признаніе есть вмѣстѣ побѣда. Итакъ, я удерживаю сказанное мною въ началѣ второй статьи, какъ совершенно согласное, сколько мнѣ кажется, съ ученіемъ апостола Павла.

Слѣдуетъ въ вашей статьѣ одно мѣсто очень важное, о которомъ должно поговорить подробнѣе. Допустивъ *сознаніе непосредственной жизни въ догматѣ*, вы говорите, *что оно совершилось и кончилось, ибо съ VI Вселенскаго собора къ символу вѣры прибавленій не было.* Во-первыхъ, винюсь передъ вами въ ошибкѣ, въ которую ввелъ васъ по невѣдѣнію. Не шестой, а третій, Ефесскій соборъ въ 431-мъ году издалъ

канонъ, на который вы намекаете. Это обстоятельство для меня важно. Весь символъ былъ формулированъ на второмъ соборѣ; между тѣмъ запрещеніе прибавлять или убавлять отъ него относится къ третьему. Значитъ, не сознаніе полноты и оконченности символа, а другая причина, возникшая въ промежутокъ времени отъ второго до третьяго собора, условила это запрещеніе. Иначе оно послѣдовало бы немедленно за послѣднимъ выговореннымъ словомъ символа. Во-вторыхъ, самый канонъ заключаетъ въ себѣ не то, что̀ мы думали. Флёри [1]) говоритъ: „après cette lecture [2]) le concile défendit de proposer ou d'écrire aucune autre profession de foi que celle de Nicée, et ordonna, que ceux qui en proposeraient quelque autre à ceux qui voudraient se convertir du paganisme, du judaïsme ou de quelque hérésie que ce soit, seraient déposés, s'ils étaient évêques ou clercs, et anathématisés, s'ils étaient laïques“. Въ концѣ описанія того же собора Флёри говоритъ: „à ces six canons quelques éditions en ajoutent deux: savoir, la définition du concile de ne rien ajouter au concile de Nicée, a l'occasion du faux symbole de Théodore etc“. Изъ перваго мѣста видно только, что запрещается частнымъ лицамъ составлять символы. Второе—остается спорнымъ. Но, такъ какъ католикъ могъ имѣть явныя причины наводить на него сомнѣніе, мы примемъ его и разберемъ его смыслъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, обвиняя католиковъ въ прибавленіи filioque, предлагаетъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: „an symbolum Constantinopolitanum possit, non a synodo Oecumenica, sed a privata quadam vel persona, vel Ecclesia, aliis fratribus inconsultis, augeri quomodocunque, etiamsi vera essent, quae adderentur? et an hoc liceat per sanctionem Ephesinam?“ Итакъ, Ѳеофанъ, интересованный въ высшей степени въ соблюденіи всей строгости запрещенія, не распространяетъ его на Вселенскій соборъ. Далѣе, онъ выписываетъ самый канонъ: „Statuit Sancta Synodus, alteram fidem nemini licere proferre, aut conscribere, aut componere, praeter

[1]) Fleury: Histoire ecclésiastique (Bruxelles 1722), livre 25.

[2]) Дѣло идетъ о символѣ, сочиненномъ для новообращенныхъ еретикомъ Ѳеодоромъ. Примѣч. Ю. Ѳ-ча.

definitam a Sanctis Patribus Nicaeae cum Spiritu Sancto congregatis". Замѣтьте, что тутъ нѣтъ слова addere, и отрицается не самый фактъ прибавленія, отвлеченно взятаго отъ содержанія, но, напротивъ, всякое содержаніе противное символу, явится ли оно въ формѣ письменной или живого преподаванія. Это запрещеніе, по словамъ Ѳеофана, повторено почти въ тѣхъ же выраженіяхъ на четвертомъ, пятомъ и шестомъ соборѣ. Св. Кириллъ отъ себя повторяетъ то же самое: „Nullo modo patimur, ut ab aliquo fides illa, seu fidei symbolum concutiatur Neque enim aut nobis ipsis, aut ulli omnino alteri permittimus, vel unam immutare vocem ex iis, quae ibi positae sunt". Въ томъ же духѣ свидѣтельства Агаѳона Римскаго и другихъ св. отцовъ. Смыслъ запрещенія Ѳеофанъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Prohibet addi tam falsum, quam verum, ne quis sub specie veri audeat addere falsum, ut Latini fecerunt. Cautionis enim natura est, etiam speciem mali prohibere" [1]). Кажется, должно принять это объясненіе. Это была мѣра, предварявшая возможное заблужденіе, слѣдовательно касавшаяся только частныхъ лицъ. Изъ нея не слѣдуетъ, чтобы развитіе Церкви ею самою признано было за конченное, но только исключается изъ него элементъ личнаго произвола, и всѣ результаты онаго признаются за непреложно-истинные. Развитіе было и будетъ постоянно; нѣтъ причины ему кончиться.

Другой вопросъ, о которомъ мы уже говорили, касается возможности системы. Мнѣ она кажется невозможною; но на сей разъ мнѣ хотѣлось бы только узнать, какимъ образомъ вы разрѣшите противорѣчіе, возникающее для меня изъ вашихъ словъ. Я думаю, что, если Церковь признаетъ въ своихъ членахъ движеніе мысли, она должна принять систему не какъ нѣчто постороннее, но освятивши ее возведеніемъ на степень догмата, какъ сдѣлала церковь католическая на Тридентинскомъ соборѣ. Въ твореніяхъ св. отцовъ, заключающихъ въ себѣ ученіе, прини-

---

[1]) Christianae Orthodoxae Theologiae in Academia Kiowiensia Theophane Prokopovicz ejusdem Academiae rectore, postea archiepiscopo Novogrodensi, adornatae et propositae volumina tria. Lipsiae. MDCCLXXXII—MDCCLXXXIII. Liber tertius: de processione Spiritus Sancti, caput XIX.

маемое Церковью, можно отличить двѣ стороны: размышленіе, часто переходящее въ мечтаніе о вопросахъ, которыхъ Церковь не рѣшаетъ, и доказательства, раціональное оправданіе догматовъ. Первое стремленіе, въ строгомъ смыслѣ, выходитъ изъ предѣловъ Церкви. Если Церковь не рѣшаетъ вопроса, значитъ признаетъ его суетнымъ. Второе стремленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть самое важное и то, которымъ условливается система. Система, или наука богословская, есть не что иное, какъ приведеніе въ одно логическое цѣлое всѣхъ догматовъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ являлся не афоризмомъ, но раціонально доказаннымъ, связаннымъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Церковь, по вашему мнѣнію, признаетъ дѣйствительность требованія системы и опредѣляетъ ея свойство—согласіе съ Писаніемъ и догматами. Какое же значеніе имѣетъ въ отношеніи къ системѣ слово согласіе? Систематизированіе не есть созданіе новыхъ догматовъ, но логическое оправданіе старыхъ; слѣдовательно, система, согласная съ догматами, будетъ та, въ которой догматы доказаны такъ строго, что изъ каждаго доказательства вытекаетъ не болѣе и не менѣе того, что̀ содержится въ самомъ догматѣ. Спрашиваю: когда Церковь допустила доказываніе вообще, когда опредѣлила характеръ самыхъ доказательствъ, исключивши всѣ неудовлетворительныя, слабыя и признавши только тѣ, которыя въ своей совокупности представляютъ полное оправданіе догматовъ, т. е. систему, по какому праву она откажетъ этой системѣ въ догматическомъ значеніи? Потому ли, что она система? Но, признавши въ своей сферѣ потребность системы, стремленіе къ ней, она признала и самую систему. Потому ли, что система недостаточна? Но недостаточныя она исключаетъ безусловно, какъ не системы, и, слѣдовательно, признаетъ возможность вполнѣ удовлетворительной, т. е. вполнѣ системы. Такой точно вопросъ встрѣтилъ католицизмъ въ свое послѣднее и торжественное совокупленіе на Тридентинскомъ соборѣ, и его разумная сила положила непреодолимую преграду преобразовательному стремленію нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Допуская въ свою сферу требованія науки, Церковь необходимо разрѣшается въ философію.

Ваше объясненіе чудесъ, пророчества, монашества кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ, но я не думаю, чтобы оно принадлежало исключительно вашей Церкви. Мнѣ кажется могъ бы принять его и католикъ. Съ объясненіемъ монашества, какъ церковно-государственнаго учрежденія, я не согласенъ. Монашество имѣетъ въ католицизмѣ строго-догматическое оправданіе въ ученіи de operibus supererogationis.

Въ концѣ вашей статьи помѣщены возраженія. Признаю ихъ вполнѣ сильными и скажу откровенно, что до сихъ поръ я не нашелъ на нихъ удовлетворительнаго отвѣта. Впрочемъ, они, мнѣ кажется, опровергаютъ не основное мнѣніе, а доказательства, можетъ быть и ошибочныя.
Къ сожалѣнію, время не терпитъ. Васъ зоветъ чужбина, и я на этомъ оканчиваю—до времени. Если улучите время, прочтите эту статью Хомякову.

87.

(1842).

Наконецъ мы дождались отъ васъ вѣсточки, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ! Душевно радуюсь, что вы остаетесь въ Берлинѣ; прошу также не забывать обѣщанія и посылать намъ выписки изъ лекцій Шеллинга. Недавно оттуда пріѣхавшіе Мельгуновъ[1]) и Тургеневъ[2]) сказывали (это собственныя слова послѣдняго), что *всѣ порядочные люди* приняли сторону Шеллинга и что Гегель похороненъ. Что читаетъ Ранке? Къ этому человѣку я питаю особенную любовь и уваженіе. Скажите ему отъ меня, что живетъ дескать въ Москвѣ и т. д. Кстати о Гоголѣ. Вѣрно „Мертвыя Души“ дошли до васъ, вѣрно вы прочли ихъ съ наслажденіемъ и думали о тѣхъ немногихъ, которые также безусловно ими наслаждались въ Москвѣ, не резонируя и не отыскивая въ нихъ того, чего нѣтъ, какъ сдѣлалъ это Шевыревъ. Аксаковъ напечаталъ о поэмѣ Гоголя брошюру, съ

---

[1]) Николай Александровичъ Мельгуновъ, см. примѣч. 1-ое къ письму за № 47.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ.

которою я вполнѣ согласенъ, хотя многіе въ этомъ случаѣ сомнѣваются въ моей искренности, и на которую всѣ возстали . . . . . [1]), но объ этомъ пусть онъ вамъ напишетъ самъ; а я поговорю съ вами о моихъ занятіяхъ, увѣренный, что вы къ нимъ неравнодушны. Все лѣто и весну я провелъ почти безвыѣздно въ деревнѣ и трудился постоянно, безъ перерывовъ; передѣлалъ совершенно и кончилъ всю первую часть, которая стала вдвое больше и, какъ кажется, строже и полнѣе. Я особенно развилъ мысль, на которой мы съ вами разошлись передъ вашимъ отъѣздомъ, о томъ, что невозможна и вредна церковная система, богословіе, какъ наука, и что наша Церковь своимъ молчаніемъ и, повидимому, равнодушіемъ къ двумъ попыткамъ создать систему (разумѣю сочиненія Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича) самую мысль о системѣ признала ложною, чуждою себѣ, выходящею изъ своей сферы. Теперь тружусь надъ второю частью и къ октябрю надѣюсь непремѣнно все кончить. При этомъ я прочелъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій. О „Символикѣ“ Мёлера [2]) вы, вѣрно, наслышались; любопытно было бы мнѣ знать, что вы объ этой книгѣ думаете. Я не нашелъ въ ней рѣшительно ничего новаго; но изложеніе прекрасно. Есть нѣкоторыя очень несправедливыя обвиненія противъ протестантовъ; но вообще книга задумана очень умно. Изъ нея непосредственно слѣдуетъ, что протестантизмъ, какъ единое, цѣльное ученіе, не существуетъ; поэтому она такъ озадачила Нѣмцевъ. Только православный человѣкъ можетъ на нее отвѣчать. Также по вашему совѣту прочелъ я Розавена [3]). Очень умно; но можно отвѣчать на все, даже

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Знаменитый поборникъ католицизма въ Германіи Іоаннъ-Адамъ Мёлеръ (Moeler, Möhler)—католическій богословъ, священникъ, профессоръ Тюбингенскаго университета по церковной исторіи, патристикѣ и церковному праву (род. въ 1796 г., ум. въ 1838 г.) написалъ книгу подъ названіемъ: „Symbolik, oder Darstellung der dogmatischen Gegensätze der Katholiken und Protestanten nach ihren öffentlichen Bekentnisschriften (Mainz 1832)“, въ которой изложилъ, на основаніи символическихъ книгъ, ученіе католической церкви и ученіе протестантовъ о всѣхъ спорныхъ между ними догматахъ.

[3]) Жанъ-Луи Розавенъ (Rozaven de Liesseques), іезуитъ (род. въ 1772 г., ум. въ 1851 г.), нѣкоторое время (съ 1811 г.) жилъ въ Россіи и

должно бы, иначе послѣднее слово будетъ за ними. Теперь читаю „Исторію Иннокентія III“ [1]), которая, кажется мнѣ, много ниже своей славы...[2]). Да, наступило великое время для Россіи—сказать свое слово въ области науки; въ этой мысли мы дружно сходимся и ей посвятимъ всю нашу жизнь. Когда то мы всѣ трое [3]) снова сойдемся и сообщимъ другъ другу въ мирной бесѣдѣ, что̀ каждый успѣлъ узнать съ своей стороны? До тѣхъ поръ прощайте.

88.

Мѣсяца Декемврія, дня 5, года отъ Рождества по плоти Бога Слова 1842, въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, спасибо вамъ, что съ вершины Черной Горы вы вспомнили о семихолмной Москвѣ и подали дружескій голосъ двумъ смиреннымъ ея жителямъ, изъ которыхъ одинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ даже быть названъ ея нѣжнымъ поклонникомъ. Спасибо вамъ за интересныя, живыя извѣстія о Славянскомъ мірѣ. Но, сказать ли вамъ откровенно, мы ожидали другого, и письмо ваше подтвердило слухи о васъ, носившіеся здѣсь и прискорбные для любящихъ васъ москвичей. Насъ не много, трудящихся надъ однимъ дѣломъ, исполненныхъ одинаковыхъ надеждъ; единство стремленія, соединяющее

обратилъ въ католичество немало представителей петербургскаго высшаго общества, былъ преподавателемъ Петербургскаго іезуитскаго пансіона и профессоромъ Полоцкой іезуитской академіи. По изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи, онъ поселился въ Римѣ и былъ одно время фактическимъ правителемъ ордена. Ему поручалось опроверженіе сочиненій, враждебныхъ латинству. Его сочиненія: „Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe, par un jeune Russe“ (1816), „La vérité défendue et prouvée par les faits contre les calomnies anciennes et modernes“ (Полоцкъ 1817, Avignon 1825), „L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe“ (написано въ опроверженіе сочиненія Стурдзы: „Изслѣдованіе о ученіи и духѣ Православной Церкви“).

[1]) „Geschichte Papst Innocens III und seiner Zeitgenossen. Hamburg, 1834—1842“—сочиненіе Фридриха фонъ-Гуртеръ (Hurter), нѣмецкаго историка, защитника папства, который былъ сперва протестантскимъ пасторомъ, а въ 1844 г. перешелъ въ католичество.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Аксаковъ, Поповъ и Самаринъ.

насъ, несмотря на нѣкоторыя несогласія въ мнѣніяхъ, даетъ право каждому изъ насъ на совершенную откровенность съ другими, для блага этого общаго дѣла. Вы покинули ученую Германію для живого Славянскаго міра. Какъ понимать это неожиданное отступленіе отъ вашего намѣренія посвятить нѣсколько лѣтъ исключительно изученію философіи? Если это только эпизодъ, кратковременное отдохновеніе отъ другихъ занятій, то я вполнѣ его понимаю и радуюсь вмѣстѣ съ вами. Германская жизнь, стянутая условными приличіями, должна была сдѣлаться для васъ тягостною и возбудить въ васъ желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ Черногоріи. Но если ваша поѣздка имѣетъ другое значеніе, если Германія и наука, Славяне и жизнь для васъ—одно, то я не могу не сѣтовать. Къ несчастію, нѣкоторыя строки изъ вашего письма заставляютъ меня остановиться на послѣднемъ предположеніи. Участіе къ славянскому возрожденію, съ нѣкотораго времени, принимаетъ такой характеръ, который, мнѣ кажется, дѣлаетъ противодѣйствіе необходимымъ. Многіе стали понимать будущее торжество славянизма, какъ торжество жизни надъ наукою. Я готовъ согласиться, что прекрасенъ міръ Славянъ, что прекрасна эта жизнь свободная, этотъ уцѣлѣвшій бытъ; но существенное его достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ именно въ томъ, что этотъ бытъ и эта жизнь можетъ и должна быть оправдана наукою. Только тогда она сдѣлается нашею неотъемлемою собственностью и мы назовемъ ее вполнѣ своею. Поэтому дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю философію, а подъ философіею—Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее (отъ того, что эта наука выразила требованіе такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа), только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ. Между тѣмъ, многіе [1]), кажется мнѣ, слишкомъ склонны любить жизнь, какъ таковую, останавливаться на ней, ставить ее въ параллель

---

[1]) Едвали подъ „многими" не разумѣется преимущественно Хомяковъ.

съ наукою вообще и отдавать ей преимущество надъ послѣднею. Согласитесь сами, сколько бы свѣжихъ, невѣдомыхъ никому, по доселѣ сомкнутыхъ силъ ни заключалъ въ себѣ Славянскій міръ, не гораздо ли ниже останется онъ Германіи, положимъ даже издыхающей, пока наука будетъ исключительнымъ ея достояніемъ? Кромѣ того, искать славянскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ славянскихъ кажется мнѣ мыслью ошибочною. Цѣлью и окончательнымъ результатомъ всего славянскаго развитія было вынести Россію и въ ней явить средоточіе и всю полноту славянскаго духа, безъ всякой односторонности. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю вполнѣ мысль Морошкина[1]). Только въ Россіи славянскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ. Поэтому я готовъ признать, что изученіе исторіи другихъ родственныхъ племенъ можетъ объяснить многое въ нашемъ развитіи— вы сами представляете тому примѣръ—,можетъ Россія, какъ въ зеркалѣ, узрѣть нѣкоторыя свои стороны, нѣкоторые моменты своего развитія, тѣмъ болѣе, что она прошла черезъ нихъ и они стали ея прошедшимъ, тогда какъ другія племена на нихъ остановились, но я не думаю, чтобы что-либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ нихъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ общеславянскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ—сознать себя въ Россіи. Все это я пишу къ вамъ наугадъ, не зная навѣрное, какъ вы объ этомъ думаете, но пишу потому, что это—мое убѣжденіе, получившее для меня, послѣ трехлѣтнихъ занятій церковною исторіею, достовѣрность очевидности. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами объ этомъ предметѣ моихъ занятій, но чувствую, что трудно мнѣ будетъ не распространиться, и тогда вмѣсто одного листа пришлось бы написать ихъ 10 такихъ. Скажу вамъ одно: изученіе Православія, конечно ограничившееся однимъ моментомъ—проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей: католической и протестантской—привело меня къ результату, что Православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть,

[1]) Θедоръ Лукичъ Морошкинъ, см. примѣч. 5-ое къ письму за № 4.

и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о Церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля [1]). Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ философіи. Господи Боже мой, какой бы завязался у насъ споръ, если бъ вы были здѣсь! Жаль! Теперь дописываю вторую часть; много новаго и очень интереснаго я узналъ объ отношеніяхъ церкви къ государству въ Россіи. Первую часть я совершенно передѣлалъ и она уже переписана, но напечатана не будетъ. Вотъ уже $2^1/_2$ мѣсяца, какъ я живу въ деревнѣ совершенно одинъ, и не прежде переѣду въ городъ, какъ окончивши мой трудъ. Въ Москву же я пріѣзжаю каждыя двѣ недѣли повидаться съ своими. Удивляюсь, какъ вы не получили двухъ нашихъ писемъ. Одно было къ вамъ послано по почтѣ, а другое вручитъ вамъ вмѣстѣ съ брошюркою Аксакова о Гоголѣ мой двоюродный братъ millesimus ex gente Obolenscia, служащій при Берлинскомъ посольствѣ [2]). Прощайте. Обнимаю васъ и прошу не оставлять безъ извѣстія о себѣ. Аксакову я еще не успѣлъ сообщить вашего письма; по настоящему обо всемъ этомъ слѣдовало бы писать ему, оттого что это собственно его вопросы; но онъ не будетъ на меня сердиться за то, что я зашелъ въ его владѣнія. Я увѣренъ, что онъ одного со мною мнѣнія о славянизмѣ и напишетъ вамъ то же подробнѣе, живѣе и убѣдительнѣе. Еще разъ прощайте. Передайте отъ меня поклонъ Панову [3]).

---

[1]) Мысли, изложенныя въ этомъ письмѣ, объ отношеніи Россіи къ Славянамъ и Православія къ философіи Гегеля имѣютъ значеніе, по тогдашнему выраженію, момента въ развитіи Ю. Ѳ-ча. Въ 1843 году, какъ объяснено въ предисловіи къ первому отдѣлу писемъ Ю. Ѳ-ча, вопросы, возбужденные философіею Гегеля, породили въ Самаринѣ внутреннюю борьбу, которая разрѣшилась въ 1844 году подъ воздѣйствіемъ Хомякова.

[2]) Кн. Михаилъ Александровичъ Оболенскій съ 29 августа 1842 г. по 26 ноября 1843 г. состоялъ при нашей миссіи въ Берлинѣ.

[3]) Василій Алексѣевичъ Пановъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1849 г.)— писатель - славянофилъ, авторъ брошюры: „Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ Славянъ“, издатель двухъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 гг.

VIII.

Къ родителямъ [1]).

89.

Moscou, dimanche, le 2 juin 1841.

Mon cher papa, je reprends cette lettre au moment ou maman l'a laissée [2]). Elle n'est pas partie le jour qu'elle avait fixé à cause d'un violent orage et d'une très-petite pluie, qui n'a cessé que vers les 8 heures du soir. Cet orage, qui dans le fait n'était qu'un violent coup de vent, a traversé toute la ville dans une direction en diagonale. Il a enlevé bon nombre de toits, presque tous ont été endommagés ou relevés en crête de coq. Le lendemain seulement vers les 7 heures du matin les

---

[1]) Родители Ю. Ѳ-ча: Ѳедоръ Васильевичъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1853 г.) и Софья Юрьевна (род. въ 1793 г., ум. въ 1879 г.) Самарины въ 40-хъ годахъ проводили обыкновенно зиму въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Тверской, а лѣто, съ іюня или конца мая до половины сентября, въ подмосковной Измалковѣ. Ю. Ѳ., до поступленія на службу, жилъ съ родителями и потому постоянной переписки у нихъ не могло быть. Въ 1841—44 гг. только три раза разлучался онъ съ родителями; къ этимъ разлукамъ и относятся печатаемыя ниже письма. Письма 89, 90 и 91 относятся къ лѣту 1841 года, когда Ѳедоръ Васильевичъ со вторымъ своимъ сыномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ (род. въ 1824 г., ум. въ 1848 г.), выдержавшимъ весною 1841 г. вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ, ѣздилъ въ Крымъ, письма 92—110—къ зимѣ 1842/43 г., которую Ю. Ѳ. провелъ одинъ въ Измалковѣ съ цѣлью окончить скорѣе магистерскую диссертацію, изрѣдка наѣзжая въ Москву, чтобы повидаться съ родными и знакомыми, и, наконецъ, письма 111—115 относятся ко времени двухмѣсячной поѣздки Ю. Ѳ-ча по Россіи, начиная съ конца ноября 1843 г. до половины января 1844 г.

[2]) Настоящее письмо Ю. Ѳ-ча служитъ продолженіемъ письма Софьи Юрьевны къ Ѳ. В. Самарину отъ 29 мая 1841 г.

voyageurs sont partis[1]). Je n malheureusement pas de bonnes nouvelles à vous donner de m-r Pascault[2]). Il y a quatre jours, que se trouvant chez moi en mon absence il s'est senti un violent mal de côté qui lui coupait la respiration. N'ayant pas voulu rester chez nous, il s'est fait conduire en voiture à la maison, toujours en se plaignant beaucoup. Les remèdes vulgaires ont été employés et il s'est senti soulagé. Je l'ai quitte qu'il ne lui restait plus qu'une grande faiblesse et beaucoup de chaleur. Le lendemain le médecin est venu et lui a fait appliquer 15 sangsues au côté. Ceci m'a inquiété. Ayant toujours manqué le médecin chez Pascault, j'ai pris le parti de lui écrire pour le prier de m'informer de l'état de son malade. Mais Delaunay[3]) a jugé à propos de ne pas me répondre, et plus tard, quand je l'ai rencontré, il ne m'a pas soufflé le mot. Le lendemain le mal de côté avait disparu. Il ne restait qu'une grande faiblesse, de la chaleur, un état nerveux, des idées bizarres, mais qui ne dégénéraient pas en délire complet. Tout allait bien. M-me Pascault est venue passer une journée auprès de son mari; ce matin elle est repartie. La nuit d'hier a été mauvaise. Toujours beaucoup d'agitation. Ce matin les douleurs au côté ont repris. Il ne respirait qu'avec peine. Ce qui me fâche le plus c'est que Delaunay ne vient le voir que 2 fois par jour, le soir et le matin, et le reste du jour il est hors de la ville. Demain matin Pascault veut demander une consultation, moi je l'exigerai, car jusqu'à présent je ne sais à quoi m'en tenir. Une chose m'effraye. Dans le son de sa voix, tantôt faible et inintelligible, tantôt claire et perçante, dans l'agitation des bras et des jambes il y a quelque chose qui me rappelle d'une manière déchirante les derniers jours de Катя[4]). Comme j'ai suivi sa maladie pas à pas, j'irai demain (s'il n'y a pas consultation) consulter Jenichen[5]), pour savoir au juste le genre de sa maladie. Voilà où nous en sommes. J'avais l'intention de partir pour la campagne dès que maman m'aurait envoyé

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е къ письму за № 27.

[2]) См. примѣчаніе 1-е къ письму за № 17.

[3]) Петръ Карловичъ Делоне—московскій врачъ.

[4]) Младшая сестра Ю. Ѳ-ча Екатерина Ѳедоровна Самарина (род. въ 1825 г., ум. 1840 г.).

[5]) Іенихенъ—домашній докторъ и другъ семьи Ѳ. В. Самарина.

des chevaux, mais maintenant j'attendrai que je sois pleinement rassuré. J'oubliais de vous dire que l'on rattache la cause de la maladie à des efforts qu'il aurait fait en travaillant à son jardin de Сокольники. Je n'ai pas encore renvoyé mes livres et je resterai à Moscou. Ces jours-ci j'en ai encore acheté pour 45 roubles. Ce sont tous ceux que je trouvais chez Чертковъ, en sorte que je suis bien fourni et que je n'aurai plus besoin des secours de personne.

Outre les tristes nouvelles que je viens de vous apprendre, je n'ai rien à vous dire. Les Олсуфьевъ oncle et neveux [1]) vont tous beaucoup mieux. J'ai dîné chez la comtesse Panine [2]), où j'ai vu la jeune femme de Victor [3]). Tout le monde est parti, Moscou est vide, l'atmosphère lourde et brûlante. De nouvelles politiques pas. Je finis en vous embrassant de tout mon coeur.

90.

(1841) [4]).

Enfin, mon cher papa, nous avons reçu votre lettre que nous attendions depuis si longtemps. Je me réjouis pour vous et surtout pour Michel de la belle nature que vous avez sous les yeux. Les montagnes, la mer, le grand air, en un mot une belle réalité chasse mieux que tous les raisonnements du monde les rêveries abstraites et creuses. Je ne puis pas dire que je ne regrette pas de ne pas être avec vous; malgré cela je me trouve très-bien à Ismalkowo. Je crois que je n'ai jamais mieux employé mon été; jamais je n'ai mené un genre de vie plus régulier. Ma dissertation avance. La première partie est entièrement achevée et presque toute écrite. Reste à la mettre au net.

---

[1]) Здѣсь разумѣются, вѣроятно, графъ Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1858 г.), бывшій въ 1838—40 гг. московскимъ губернаторомъ, и одинъ изъ сыновей его брата Александра Дмитріевича (род. въ 1790 г., ум. въ 1853 г.)—московскаго совѣстнаго судьи, потомъ почетнаго опекуна.

[2]) Вѣроятно, графиня Александра Сергѣевна Панина, рожденная Толстая (род. въ 1800 г., ум. въ 1873 г.)—жена гр. Александра Никитича Панина, поселившагося въ Москвѣ въ 1839 г., послѣ выхода въ отставку.

[3]) Жена гр. Виктора Никитича Панина—министра юстиціи, графиня Наталья Павловна, рожденная гр. Тизенгаузенъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1899 г.).

[4]) Ѳ. В. поѣхалъ въ Крымъ 21 мая и вернулся 19 августа: слѣдовательно, письмо это написано въ концѣ іюня или въ началѣ іюля.

C'est ce qu'il y a de plus important et de plus difficile. Elle prend beaucoup sur la seconde qui sera plus courte. Elle contient: 1) une définition de ce que c'est que l'histoire de l'église en général; 2) une définition de notre église dans ses rapports avec les deux autres églises, catholique et protestante; 3) un aperçu rapide de l'histoire intérieure de notre église; 4) l'histoire de nos controverses avec les catholiques et les protestants; 5) l'exposé comparatif des doctrines théologiques des deux théologiens que j'étudie. Vous voyez que je n'ai pas travaillé pour rien, ni sur des riens; seulement la censure religieuse sera inévitable. Pour l'éviter il aurait fallu renoncer à ce qu'il y a de mieux dans mon ouvrage.—Ces jours-ci j'ai été en ville. On m'a donné de bonnes nouvelles sur Stroganoff [1]). On ne songe plus à l'amputation. La première fièvre est calmée et la seconde qu'on attendait pour le 10-me jour n'a pas eu lieu. Il commence à remuer les doigts du pied. Son fils et ses deux frères sont auprès de lui. M-r Pascault va tout-à-fait bien. Il fait pour l'année prochaine des projets de réforme. Moins de leçons et plus de pensionnaires. Du reste rien de nouveau excepté les orages, qui ne nous manquent jamais trois jours de suite.—J'ai oublié de vous demander si vous tenez absolument à ce que le compagnon de Michel loge dans notre maison ou s'il vous est indifférent qu'il ne vienne que pour l'heure des cours à l'université? C'est une indication indispensable pour trouver l'homme que vous désirez. Sur ce je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que le bon Michel.

91.

(1841).

Maman me dit, mon cher papa, que cette lettre sera probablement la dernière que vous recevrez de nous, si, comme vous le dites, vous partez le 20. Ceci rapproche le moment de notre réunion. Notre temps s'écoule toujours comme par le passé entre la pluie et l'orage. Ces jours-ci nous avons eu la visite d'Александръ Евлампіевичъ [2]) qui m'a chargé de bien

---

[1]) Гр. Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ (род. въ 1794 г., ум. въ 1882 г.)—въ то время попечитель Московскаго учебнаго округа; лѣтомъ 1841 г. онъ былъ боленъ отъ перелома ноги.

[2]) Александръ Евлампіевичъ Покровскій (родился въ 1785 году, ум. въ 1860 г.), по окончаніи курса въ Петербургской духовной акаде-

des choses pour vous et pour Michel. Puis nous avons eu Léon Gagarine [1]) dont l'oeil a beaucoup empiré. Il suit maintenant le traitement à la mode, c'est-à-dire l'eau froide. Hier jai été à cheval à Ильинское chez les Аксаковъ. Nous nous sommes lu nos dissertations. Elles vont de front. Il a terminé la première partie qui est fort bien. Je lui ai lu la mienne, et puis nous avons beaucoup discuté, et enfin je suis parti avec une bonne pluie chaude qui m'a accompagné jusque chez moi. Je ne me souviens plus si je vous ai donné les nouvelles plus satisfaisantes sur le comte Stroganoff que j'ai reçues ces jours-ci. On dit qu'il a recommencé à travailler et à signer les papiers de son administration. M-r Pascault a eu une rechute à la suite d'une course à Moscou et de tracasseries qu'il a eu avec un de ses étudiants qui ne veut pas retourner à la maison paternelle. Il faudra qu'il se ménage beaucoup cet hiver. Aujourd'hui a lieu à Лукино une noce, à laquelle nous avons tous contribué par une collecte générale et que nous allons voir, si toutefois l'orage qui gronde sur nos têtes nous en laisse la possibilité. Je ne vous dis rien de mes occupations, parce que je me souviens la fois passée vous en avoir donné des détails. A votre retour j'espère vous lire les trois premières parties [2]) au moins. Si la censure ecclésiastique a le sentiment de ses intérêts, elle doit l'applaudir et la laisser passer. Il en arrivera ce que Dieu voudra; dans tous les cas je devrai à ma dissertation des idées arrêtées sur bien des choses et des connaissances que je n'aurais peut-être jamais eu l'occasion d'acquérir, vu qu'elles ne sont pas encore l'objet d'études

---

міи, былъ профессоромъ математики, физики и французскаго языка въ Московской духовной семинаріи, а въ 1816 г. перемыщенъ въ Московскую духовную академію баккалавромъ математики и физики. Въ 1818 г. Покровскій рукоположенъ былъ во священника церкви Богоявленія на Разгуляѣ, гдѣ пробылъ 18 лѣтъ, будучи очень любимъ своими прихожанами; потомъ, въ санѣ протоіерея, онъ состоялъ при Московскомъ придворномъ Верхоспасскомъ соборѣ. О. Покровскій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, готовилъ Ю. Ѳ—ча къ университету по математикѣ и былъ, до самой кончины своей, духовникомъ Ю. Ѳ—ча и всей семьи Самариныхъ.

[1]) Кн. Левъ Николаевичъ Гагаринъ (род. въ 1828 г., ум. въ 1868 г.), бывшій съ января 1862 г. московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

[2]) То-есть первой части диссертаціи.

générales. En attendant le jour, où vous jugerez de tout cela par vous-même, je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que Michel.

92.

(1842) [1].

...Мнѣ кажется, вы вообще слишкомъ снисходительны къ молодымъ людямъ и, съ другой стороны, слишкомъ мало придаете важности ихъ мнѣніямъ. Я думаю, что вообще можно больше и скорѣе простить человѣку взрослому и старику, нежели молодому. Послѣдняго должно судить строже, оттого что привычки (разумѣя подъ этимъ словомъ все, что налагаютъ на насъ жизненныя условія и внѣшнія обстоятельства) имѣютъ надъ нимъ менѣе власти. Новое поколѣніе носитъ въ себѣ надежды будущаго, и худо, горе ему, если оно часто должно искать себѣ оправданія въ своей молодости. Не я одинъ такъ думаю. Бѣда не велика, если человѣкъ въ лѣтахъ пренебрегаетъ юношею; но непростительно человѣку молодому не понимать или забывать свое отношеніе къ старику. Въ послѣднемъ случаѣ возрастъ не только не извиняетъ, но еще увеличиваетъ вину. Вы находите во мнѣ самонадѣянность, и не во мнѣ одномъ. Часто вы упрекали въ этомъ порокѣ молодыхъ людей вообще. Не стану разбирать, до какой степени упрекъ справедливъ въ отношеніи къ послѣднимъ; буду говорить только о себѣ. Я знаю, что всякій порокъ заключаетъ въ себѣ возможность всѣхъ другихъ; въ этомъ смыслѣ и я могу быть самонадѣяннымъ; но, положа руку на сердце, скажу вамъ откровенно, что, сколько я себя знаю, противоположный недостатокъ, т. е. излишняя недовѣрчивость, происходящая, можетъ быть, отъ скудости вѣры, гораздо глубже укоренена во мнѣ. Я говорю это не для того, чтобы оправдать себя; то и другое—порокъ, и трудно сказать, который изъ нихъ хуже. По крайней мѣрѣ, вредъ и зло отъ послѣдняго я испыталъ на опытѣ. Что нѣтъ добра отъ дѣла,

---

[1]) Всѣ письма Ю. Ѳ-ча къ родителямъ, которыя начинаются этимъ письмомъ и заканчиваются весною 1843 г., писаны осенью 1842 г. и въ зиму съ 1842 на 1843 г., изъ Измалкова въ Москву; но такъ какъ числа на нихъ не выставлены, то послѣдовательность ихъ не можетъ быть опредѣлена съ точностью.

начатого не во славу Божію, что нѣтъ успѣха, гдѣ нѣтъ благословенія Божія, гдѣ не было смиренной молитвы—въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ. Можетъ быть, не всегда и не во всѣхъ случаяхъ я поступалъ согласно съ моимъ убѣжденіемъ, но въ этомъ я винюсь и сознаю свою слабость. По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, и, какъ я думаю, во многихъ другихъ, мы живемъ не въ разныхъ планетахъ. Что̀ касается до послѣднихъ строкъ вашего письма, въ которыхъ вы говорите о любви, я не могу вамъ выразить, какъ отрадно онѣ на меня подѣйствовали. Такъ, въ любви, обнимающей всего человѣка, а не одну способность, не одну силу души его, есть высокое общеніе, въ которомъ могутъ исчезнуть всѣ разногласія, всѣ противорѣчія, и прекрасны тѣ минуты, когда пробуждается въ груди человѣка эта любовь. За такую минуту благодарю васъ отъ всего сердца и съ этимъ чувствомъ обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. Прошу васъ поцѣловать отъ меня маменьку, Машу [1]) и всѣхъ дѣтей. Въ слѣдующее воскресенье буду самъ. Очень буду радъ Александру Евлампіевичу, но желалъ бы знать, когда именно онъ будетъ, чтобы быть въ это время дома. Также не худо бы велѣть прислать мнѣ рыбы, если онъ будетъ въ середу или пятницу. Вотъ, какъ способенъ человѣкъ молодой помнить мелочи. Еще разъ цѣлую васъ, до свиданія.

93.

(1842).

Je viens de recevoir votre lettre, ma chère maman, avec quelques lignes de papa et un billet de Macha. Ça m'a été une surprise agréable à mon retour d'une assez longue et infructueuse chasse. Le temps est beau, mais trop froid. Il n'y a guère moyen de rester à l'air plus de 3 heures de suite. Hier j'ai déménagé et je me trouve fort bien dans mon nouvel appartement. Du reste, les jours fuient et se ressemblent, excepté que ces derniers jours je suis rarement sorti, attendant toujours Александръ Евлампіевичъ. Jusqu'à présent je n'ai man-

---

[1]) Старшая сестра Ю. Ѳ-ча Марья Ѳедоровна (род. въ 1821 г. ум. въ 1888 г.), вышедшая въ 1846 году за мужъ за гр. Льва Александровича Соллогуба.

qué de rien, mais, quand cela sera nécessaire, j'emploierai le moyen que vous m'indiquez. Je suis très impatient de savoir la grande nouvelle.

Vous me demandez, mon cher papa, des nouvelles de ma dissertation. Je ne puis que vous répéter ce que je vous ai dit quand vous êtes parti. J'écris la seconde partie. J'en suis aux rapports du clergé et des princes jusqu'aux Tartares. Je ne lis rien, mais je revois les notes que j'ai prises, les matériaux que j'ai rassemblés. En fait de lecture, j'ai achevé de prendre copie de quelques passages d'un livre de théologie que m'a procuré Дмитрій Матвѣевичъ [1]) et que je lui renvoie. Dites, je vous prie, à Michel de faire demander la Кормчая Книга (qui est la même que le Номоканонъ) et de prendre le Прологъ, l'édition en trois volumes, si elle est aussi complète, si non, celle en quatre. Je lui envoie 10 roubles en sus des 25 que je lui ai donnés et samedi je lui rendrai ce qu'il m'avancera. Adieu, mon cher papa, je vous embrasse tendrement ainsi que maman. Dimanche je pourrai vous en dire d'avantage sur ma dissertation. Vendredi un paysan d'ici viendra prendre en ville ce qu'il y aura pour moi. Je voudrais bien que pour ce temps Michel me prépare les livres ci-dessus, car je les attends avec impatience.

Je suis bien fâché, ma chère Macha, de te savoir indisposée; mais je crois que cela tient au changement de genre de vie et à l'approche des froids, qui agit désagréablement sur le moral et le physique. J'espère que les jouissances musicales rétabliront l'harmonie dans l'un et l'autre. Dimanche, à mon arrivée, nous parlerons plus au long. En attendant je t'embrasse de tout mon coeur.

94.

(1842).

Mon cher papa, dans ma lettre d'hier j'ai annoncé l'envoi d'un livre que j'ai oublié de donner au дворникъ. Un paysan s'est chargé de le remettre chez nous, et je l'envoie à votre adresse afin qu'il parvienne plus sûrement, en vous priant de

---

[1]) Домашній учитель.

le faire remettre à Дмитрій Матвѣевичъ. Michel n'aura-t-il rien à m'envoyer? Je vous embrasse de tout mon coeur. A dimanche.

95.

(1842).

Mon cher papa, j'envoie dans ce paquet une lettre pour Gagarine que je vous prie de faire envoyer de suite dans leur maison, car elle doit lui être remise par son valet de chambre qui part demain à midi. C'est pour cela que j'ai envoyé un exprès. Macha m'a parlé d'une lettre pour lui, envoyée de Berlin; si elle l'a gardée ou reprise, elle peut l'envoyer conjointement avec mon paquet. Il parait que les Boutourlines vont mal, car voilà deux semaines que Gagarine n'a pas reçu de lettres ni de sa soeur, ni de ses parents. Du reste je n'ai rien de nouveau à vous annoncer. On dit que le temps se radoucit. Je vais faire une promenade pour me débarrasser d'un léger mal de tête causé par mon poêle. J'espère que Michel a rempli mes commissions, c'est-à-dire qu'il a félicité maman[1]), remis quelques feuillets à Macha et embrassé tout le monde comme je le fais en idée dans ce moment. A dimanche.

96.

(1842).

Voilà déjà toute une semaine, mon cher papa, que je n'ai pas eu d'occasion de vous écrire et de vous remercier pour les deux lettres que vous m'avez écrites. Pendant ce temps-là bien des choses se sont passées. D'abord j'ai manqué mourir de faim, grâce à un paysan qui a oublié de prendre les provisions préparées pour moi. Cet état de détresse a occasionné la condamnation à mort de deux poules que leur grand âge ainsi que la longue abstinence, qu'elles paraissent avoir pratiquée pendant leur vie, aurait dû préserver d'un aussi indigne traitement.—Mais pendant que le corps jeûnait, l'esprit travaillait. Pendant toute cette semaine j'ai été très-content de moi. J'ai beaucoup avancé mon travail. Tout ce que vous me dites

[1]) 17 сентября—день именинъ Софьи Юрьевны.

sur ma dissertation et le sort probable qu'elle éprouvera ne change en rien mon plan d'occupation. Je crois mon travail assez important par lui-même pour que je ne m'arroge pas le droit de ne pas tout dire ou bien de dire autrement que je ne pense, en un mot pour le modifier d'après des considérations et des exigences extérieures. Je l'ai essayé bien des fois et jamais je n'y ai réussi. Le désir de poser la question dans toute sa difficulté et avec la plus grande indépendance, seul moyen de parvenir à une solution, l'a toujours emporté. Vous regrettez que j'aie compris trop tard le prix du temps. Je vous assure que je n'en ai jamais douté; mais croyez vous qu'il soit possible à la pensée de travailler avec une précision mathématique et de produire par heure la même somme de travail? Quand l'esprit cherche ou qu'il se repose, ce n'est pas du temps perdu. Maintenant que la route que j'ai à suivre m'apparaît clairement et que je vois le but de mon pèlerinage, j'avance hardiment et rapidement. Mais pouvait-il en être de même quand j'étais entouré de ténèbres et que je m'entendais appeler à droite et à gauche? Je vous dis tout cela non pas que je pense avoir employé pour mon travail juste le temps nécessaire et pas une heure de plus; au contraire, un autre que moi, dans une position différente, l'eut mené à bout en six mois ou un an; mais je crois que, si j'y ai mis un terme trois fois plus long, la faute n'en retombe pas sur moi; du moins elle n'était pas volontaire. J'en vois la cause d'abord dans ma complète ignorance alors que j'ai commencé, puis ensuite dans l'absence de matériaux, et enfin dans une méfiance de moi-même inhérente à ma nature. Mais bientôt, je l'espère, le fruit de mon travail me justifiera aux yeux de tous. En attendant je trouve dans le travail même un grand charme. Je suis aussi heureux que je crois qu'il m'est donné de l'être. Chaque jour je me félicite de mon heureuse inspiration d'être resté à la campagne. Cette fois je suis convaincu que j'ai bien fait. —Mercredi nous avons eu messe, Te Deum, bénédiction des eaux. C'était l'anniversaire de la découverte des reliques du patron d'Ismalkowo[1]). Le prêtre, qui a déjeuné chez moi, m'a demandé des ro-

[1]) 21 сентября—празднованіе обрѣтенія мощей св. Димитрія, митр. Ростовскаго, престольный праздникъ Измалковской церкви.

mans et a été très étonné de savoir que je n'en avais pas.—Je vous remercie infiniment pour les journaux. L'article est fait de main de maître et très-intéressant; mais je ne puis comprendre commènt on ne l'a pas supprimé. Il m'en est resté une impression bien pénible. Les rôles ont changé: c'est nous qui sommes devenus les persécuteurs. Nous nous sommes mis vis-à-vis du catholicisme dans la position inverse à celle où nous étions au XVII siècle, et tout le blâme que nous avons jeté à bon droit sur Rome va retomber sur nous. C'est triste! J'ai encore beaucoup de choses à vous dire, mais j'attendrai le jour de mon arrivée à Moscou. Je ne puis vous dire combien je suis impatient de vous revoir tous et de vous embrasser. Dites, je vous prie, à Macha que je ne l'oublie pas et que je lui prépare des lectures. Je vous embrasse de tout mon coeur.

97.

(1842).

Любезный папенька, посылаю къ вамъ старосту. Мое лѣченіе мало помогло; онъ жалуется, что ноги у него холодны, какъ ледъ, и чувствуетъ въ нихъ ломъ. Мази у меня здѣсь нѣтъ, да и бузины не прислали, хотя я говорилъ объ этомъ въ Москвѣ. Такъ какъ онъ выходитъ на воздухъ, то я подумалъ, что лучше прислать его къ вамъ; вы разсудите, что съ нимъ дѣлать. Погода здѣсь стоитъ все одинаковая: морозъ, а снѣгу нѣтъ, и я почти не выхожу, а все сижу дома, читаю и пишу. Скажите, пожалуйста, Мишѣ, чтобы онъ попросилъ у Аксакова для меня „Кошихина" и велѣлъ бы купить на мой счетъ „Сборникъ Муханова", и ту и другую книгу доставилъ бы мнѣ въ возможной скорости; къ крайнему сроку привезъ бы ихъ съ собою въ субботу. Каковъ былъ балъ? Я думалъ о томъ, какъ суетятся въ Москвѣ, вчера ночью, ложась спать. Весело ли было Машѣ? Если она расположена, то попросите, чтобы она ко мнѣ отписала. Обнимаю васъ и маменьку отъ всей души.

98.

(1842).

Mon cher papa, je vous remercie pour tous vos envois et pour votre billet. Je suis enchanté que votre soirée ait réussi;

pour moi j'ai passé cette même soirée avec Аксаковъ à causer et à lire. Ce même jour, c'est-à-dire dimanche, mon valet de chambre est tombé malade de la fièvre avec frisson, mal de tête etc. Je l'ai fait coucher, et il a dormi sans se réveiller près de 36 heures. Maintenant il va mieux. Mon chasseur remplit dans mon ménage les gros ouvrages, et Матрена a pour moi tout plein d'attentions délicates, c'est-à-dire qu'elle me fait du café, lave les assiettes et autres détails de ce genre. Du reste, absolument rien de nouveau. Quant à la Revue, vous vous rappellerez qu'avant votre départ de la campagne vous avez pris les volumes qui se trouvaient chez moi: depuis je n'en ai pas eu à la campagne. Je sais aussi que je n'en ai prêté à personne. J'ai reçu les oeuvres complètes de Гоголь [1]) et je les lis dans ce moment-ci. Je vous engage beaucoup à vous les procurer et à lire surtout deux morceaux qui sont des chefs-d'oeuvre et en même temps très-remarquables par le fait qu'on les a laissé passer: „Шинель“ и „Театральный разъѣздъ“.—Прошу Мишу какъ можно поскорѣе возвратить мнѣ университетскія книги, а за исполненіе другихъ коммиссій и за посылки благодарю. A Dimanche. J'arriverai pour quelques jours, car j'aurai quelques lectures à faire en ville. En attendant je vous embrasse de tout mon coeur. Прикажите, пожалуйста, прислать мнѣ вина и корму для собаки. То и другое совсѣмъ у меня вышло.

99.

(1842).

Je profite de l'occasion, mon cher papa, pour vous remercier de la peine que vous vous êtes donné pour me procurer les livres dont j'avais besoin. J'ai passé tout ce temps à les lire et je les rapporterai dimanche avec moi. Il n'y a rien de nouveau dans nos parages, excepté un pied environ de neige qui rend les promenades très-fatigantes. Avant-hier j'ai tué deux perdrix dont je me suis régalé. Mon travail avance, mais moins vite que je ne voudrais; ce n'est certainement pas faute d'assiduité. Je vous remercie pour la Revue des deux Mondes.

---

[1]) Первое изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя вышло во второй половинѣ 1842 г.; на 1 и 2 т. пропускъ цензуры отъ 5 іюня, на 3-мъ отъ 15 сентября, на 4-мъ отъ 30 сентября.

J'en ai parcouru un numéro que je vous renvoie. Vous trouverez également dans ce paquet un livre (отчетъ Синода) que je vous prie de faire porter de ma part chez Tourguenieff [1]) avec remerciements. Mon mal de tête n'est pas revenu, ce qui fait que je n'ai pas profité de votre conseil. On avait fermé le poêle trop tôt. Si votre soirée musicale a lieu un jour où je serai à Moscou, tant mieux pour moi; si non, je ne ferai pas exprès de voyage pour y assister. Je veux avant tout en finir avec ma 2-me partie. Le староста a eu une rechute. C'est son fils qui vous remettra ce billet. Interrogez-le, je vous prie, et prescrivez quelque remède, car mon valet de chambre a entrepris la cure et, quoique pacifique de sa nature, il est pour les moyens violents quand il s'agit d'autrui, c'est-à-dire pour des sinapismes d'une force à faire lever des cloches sur une plaque de fer.— Maman me parle d'une heureuse nouvelle qu'elle veut m'apprendre dimanche. Je suis à me casser la tête pour deviner quel est l'O* ou la O* qui se marie cette fois. Dans tous les cas, comme ce ne peut être que G. ou M., félicitez les tous les deux de ma part.—Encore une commission, et je vous demande pardon de vous en donner tant. Dites, je vous prie, à Никита de m'acheter une pelisse pour békèche, lièvre ou écureuil, dans les prix de 25 à 35 roubles, et de me trouver un modeste et accommodant tailleur qui se charge de m'en faire un vêtement commode. Au revoir. Je vous embrasse de tout mon cœur...

100.

(1842).

Je profite du départ du jardinier pour son pèlerinage, mon cher papa, pour vous écrire et vous annoncer que 12 heures après mon départ de Moscou je me porte bien. J'ai trouvé ma résidence tout à fait dans l'état où je l'ai laissée, vu que personne n'y est entré. A peine dans ma chambre, je suis entré

---

[1]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1845 г.) — директоръ департамента духовныхъ дѣлъ въ 1810—1824 гг., собиратель и издатель заграничныхъ матеріаловъ для исторіи Россіи, другъ Карамзина, Жуковскаго и кн. Вяземскаго, принималъ участіе въ судьбѣ Пушкина и Батюшкова.

dans un ordre d'idées tout différent de tout ce que j'ai vu et fait pendant ces derniers jours; je puis dire que j'ai repris mes réflexions au point où je les avais laissées samedi sans le moindre effort. On dit que le староста est remis. Pour plus de sûreté j'ai voulu le voir, mais il était absent, et je n'ai pas encore pu le voir. Demain matin je remplirai votre commission. En attendant, je vous souhaite une bonne nuit et vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que maman et Macha, que je prie de ne pas oublier de m'envoyer Hoffmann.

101.

(1842).

Mon cher papa, Michel s'est fidèlement acquitté de vos commissions; j'espère qu'il fera de même pour moi en arrivant à Moscou. C'est lui que je charge de vous embrasser ainsi que maman, Macha et tous les enfants de ma part.—Vous me demandez des nouvelles de mon ouvrage. Il avance toujours, mais pas très-vite. Je vous assure pourtant que vous ne pouvez pas en désirer la fin plus ardemment que moi. Je ne sais pas encore si je resserrerai le cadre de la 2-me partie. Comme je suis déjà au patriarcat, je ne crois pas que cela soit nécessaire. A mon arrivée à Moscou, j'espère pouvoir donner à copier au net la 1-ère partie.—Vous me dites entre autres choses que vous m'attendez pour le premier. Je crois qu'il vaudrait mieux que je n'arrive que le 3 au matin pour ne pas me mettre en route le soir de ce jour solennel [1]. Cela m'arrangerait mieux. Je viendrais en traîneau à deux chevaux, après avoir fait dire la messe à Ismalkowo, et pour les 2 heures je serais à Moscou. Voilà mon avis. J'attendrai votre décision. Je vous embrasse de tout mon coeur. Bien des choses à tout le monde.

102.

(1842).

Я точно виноватъ передъ вами, любезный папенька, что давно не писалъ, но, правду сказать, мнѣ нечего было о себѣ писать. Все это время я жилъ въ XVII столѣтіи и

[1] 3 Ноября—день имeнинъ Ю. Ѳ-ча.

могъ бы только развѣ разсказать вамъ о томъ, какъ вѣнчался на царство Михаилъ Θеодоровичъ или какъ созывалъ земскую думу Алексѣй Михайловичъ. Славное было время! Куда противъ настоящаго лучше! Люди были поумнѣе нынѣшнихъ, а умничали меньше, поэтому и дѣло у нихъ шло лучше. Работа у меня идетъ успѣшно; всю недѣлю я занимался почти безвыходно. Ужасно хочется добраться до Петра. На охотѣ я былъ только одинъ разъ и убилъ пару русаковъ и бѣляка, а стрѣлять ихъ теперь легко и весело. Снѣгу выпало съ полъ-аршина, и они закапываются такъ, что не вытуришь. Однимъ не хорошо: ужасно тяжело ходить и устаешь скоро.

Прочелъ я книгу Бадера [1]), которую и отсылаю. Ужасно безтолково написана, а очень интересна. О его философскомъ воззрѣніи сказать ничего нельзя, потому что оно еще вполнѣ и въ ясности не высказано. Что̀ же касается до фактовъ, то нѣкоторые очень для насъ важны. Напрасно только думаютъ, что наша Церковь нашла въ немъ союзника; онъ почти столько же ея врагъ, сколько и католиковъ. Другую книгу, Souffrances et persécutions [2]), я еще не дочиталъ. Не могу сказать вамъ, до какой степени она меня мучитъ. По ночамъ не сплю. Съ одной стороны, больно видѣть, какъ дѣйствуютъ наши, сколько недобросовѣстности, лукавства, предательства и подлости. Съ другой стороны, невѣжество и это невыносимое, западное самохвальство автора. Если пожертвовать настоящимъ, если отказаться защищать дѣло объ уніи и то, что̀ теперь дѣлается въ Польшѣ, то можно написать чудесное возраженіе и всю книгу расщипать. Меня очень разбирало взяться за это, да некогда и не для кого. Нашихъ эта книга съ толку не собьетъ, а чужихъ не переучишь, да и уступить пришлось бы во многомъ. Не знаю, кому поручили отвѣчать; но врядъ ли будетъ прокъ. Оффиціальный отвѣтъ не можетъ быть дѣленъ.—Отрылъ я кое-

---

[1]) Franz Baader: Der morgenländische und abendländische Catholicismus.

[2]) Извѣстная книга объ уніи въ Бѣлоруссіи въ 1839 г.: „Persécution et souffrances de l'eglise catholique en Russie. Ouvrage appuyé de documents inédits par un ancien conseiller d'Etat de Russie. Paris 1842".

что очень интересное касательно введенія рабства въ Россіи. но объ этомъ я скажу вамъ послѣ...

Носятся также слухи, что вы сбираетесь куда-то въ путь и купили невиданную бѣлую шубу. Правда ли все это? Скажите, пожалуйста, Машѣ, что я виноватъ передъ нею, не послалъ листковъ изъ Гофмана; но все это время я былъ очень занятъ, а теперь займусь приготовленіемъ чтенія для нея. До будущаго воскресенья. Буду писать аккуратнѣе. Обнимаю васъ отъ всей души...

103.

(1842).

Mon cher papa, ce billet vous sera remis par mon chasseur que j'envoie à Moscou pour m'acheter deux lévriers. Comme la chasse au fusil est pour ainsi dire close, je veux essayer de celle-là. Je n'ai absolument rien à vous annoncer. Mon travail va bien; j'attends avec impatience le jour où je me retrouverai au milieu de vous tous.—Странный человѣкъ Мина! Пишетъ мнѣ, чтобы я хлопоталъ о постномъ кушаньѣ. Не итти же мнѣ въ лѣсъ за грибами и въ прудъ за рыбою; пусть онъ привезетъ съ собою чего-нибудь—масла, грибовъ и т. п. Прикажите, пожалуйста, моему егерю дать цѣлковый изъ тѣхъ денегъ, которыхъ я не бралъ за мѣсяцъ. У меня здѣсь мелочи осталось не много. Прощайте...

104.

(1843).

Un triste événement vient d'arriver chez nous. La mère de Матрена est morte, il y a quelques instants, suffoquée par la vapeur. Ce matin elle s'est sentie mal, malgré cela le jardinier et sa femme sont allés en traîneau avec le prêtre de Лукино pour conduire celui-ci je ne sais où. La vieille est restée, la tête emmaillottée, en fourrure, couchée dans son lit et à une archine du poêle. Il n'y avait pour la garder que son mari. Vers les 4 heures le jardinier, sa femme et le prêtre sont rentrés. Ils ont entendu gémir la vieille et se sont approchés d'elle tous les trois, en lui demandant: „что съ тобою, не дурно ли тебѣ, не нужно ли чего?“—„Нѣтъ ничего, я только уго-

рѣла, пройдетъ". Là-dessus, sans la faire sortir, sans lui ôter les bandeaux qu'elle avait sur la tête, ils sont sortis tous les trois. Un quart d'heure après] elle était morte. La bêtise et l'incurie du jardinier, de sa femme et du prêtre est inconcevable. Mon valet de chambre et moi nous avons fait tout ce qui était possible pour la ramener à la vie, mais elle était déjà froide, raide, pas de pouls, pas de respiration. Maintenant le jardinier me prie d'engager le prêtre à témoigner qu'il l'a vue mourir pour éviter les embarras de l'autopsie et de la police. Je vais le voir pour savoir si cela se peut faire.—Donnez-moi, je vous prie, des nouvelles de nos malades. Comme je suppose que cette mort subite vous donnera des inquiétudes pour moi, je m'empresse de vous faire savoir qu'on ne chauffe jamais mes chambres le soir, mais toujours le matin, et qu'on ne ferme le poêle qu'en ma présence. On fait de même chez mon valet de chambre...

105.

(1843).

Mon cher papa, ce matin on a enterré la vieille. Матрена a depuis trois jours une espèce de frisson qui n'est pourtant pas de la fièvre: au moindre bruit elle ressaute et tremble comme une feuille. Comme je suppose que c'est un dérangement de nerfs, je lui ai conseillé d'aller au bain. Du reste rien de nouveau chez nous. Le temps est supportable, mais il n'y a plus de chasse, ce qui fait que je mène un genre de vie plus sédentaire que jamais. Comment vont nos malades? Macha doit bien s'ennuyer, car je suppose que la plupart de nos amis ont rompu avec nous. Mon travail avance, mais je prévois que ma seconde partie sera très-imparfaite, faute de matériaux. Communiquez, je vous prie, à Michel les commissions suivantes.—Любезный Миша, попроси отъ меня у Погодина на нѣсколько дней Голикова („Дѣянія Петра Великаго"), томы 1 и 6. Потомъ возьми изъ библіотеки „Исторію Петра Великаго" Берха (послѣдніе томы у меня) [1]) и „Московскаго Вѣстника"

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка. „Исторіи Петра Великаго", написанной Берхомъ, нѣтъ. Существуетъ изданное Василіемъ Николаевичемъ Берхомъ „Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ, съ

ту часть, въ которой помѣщено дѣло Царевича [1]), и пришли все это ко мнѣ, уложивши въ коробокъ. За симъ до свиданія...

106.

(1843).

Mon cher papa, grâce à votre fourrure je suis arrivé sans avoir froid le moins du monde. J'ai trouvé mes chambres assez chaudes et pas d'odeur. Ainsi tout va mieux que je ne pensais. Je renvoie la fourrure, la casquette, le couteau de chasse et le sac avec marteau, baguette etc. pour charger les pistolets. Donnez-moi, je vous prie, des nouvelles des malades. Je vous remercie encore une fois pour la fourrure et vous embrasse tendrement ainsi que maman, Macha et Michel.

107.

(1843).

En vérité, mon cher papa, vous me faites trop de mérite d'avoir renoncé au dîner et au bal qu'on me proposait en ville. Le sacrifice n'a pas été grand pour moi: il y a longtemps que j'ai renoncé à tout cela en idée et que j'ai compris que c'était à la science que je devais demander mes plus grandes jouissances. Je m'y suis adonné autant par le sentiment de ma destinée personnelle que par les grandes espérances sur l'avenir de mon pays que j'ai conçues et auxquelles je me suis associé. Jusqu'à présent je n'ai pas éprouvé de regrets et j'espère ne m'être pas trompé sur mon compte. Mon travail avance. Je n'ai plus que quelques pages à écrire pour être au bout de ma seconde partie. Dimanche prochain, c'est-à-dire dans une semaine, j'espère pouvoir donner à copier au net ma première

---

отвѣтами на оныя" (4 ч., Спб. 1829—30), но здѣсь скорѣе разумѣется „Исторія Петра Великаго" Веніамина Бергмана, переведенная съ нѣмецкаго Егоромъ Аладьинымъ (6 частей, Спб. 1833—34, 2 изд. Спб. 1840—41).

[1]) Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1829 г. (ч. 5, стр. 5—138) напечатано „Объявленіе розыскного дѣла и суда, по указу Его Царскаго Величества на Царевича Алексѣя Петровича въ Санктъ-Питербурхѣ отправленнаго. И по указу Его Величества въ печать, для извѣстія всенароднаго сего іюля въ 25 день 1718 выданое".

partie [1]). Il me tarde autant qu'à vous d'en finir.—Nous avons toujours un singulier temps. Tantôt il pleut, tantôt il neige. Il n'y a pas de chasse possible, et je mène un genre de vie très-sédentaire. Rien de nouveau chez moi.—Voici les livres que je vous prie de faire demander à Масловъ: „Дѣянія Петра Великаго“ т. 7, „Дополненія“ т. 10, 12, 14 и 17. Мишу прошу привезти мнѣ учебникъ русской исторіи Погодина [2]). Надѣюсь, что онъ завтра ко мнѣ пріѣдетъ, если не соблазнитъ его балъ. Прилагаю два письма, которыя прошу васъ отослать по адресамъ... Я опять безъ бумаги. Нельзя ли прислать мнѣ тетрадки съ три?

108.

(1843).

Mon cher papa, je vous envoie un exprès, vu que personne du village ne va en ville pour ses propres affaires. Ayez la bonté de me faire parvenir ma pelisse et les provisions dont mon valet de chambre a donné la liste.—Nous avons depuis deux jours un temps magnifique qui réjouit le coeur. Quand on est seul et à la campagne, on sent très-vivement tous ces changements de l'atmosphère. Dans les champs et sur les coteaux il n'y a plus de neige du tout: l'eau coule et la glace rompt de toute part.—Je corrige la seconde partie de ma dissertation et je prends des notes pour la troisième. J'ai vu qu'il était impossible d'écrire les deux parties à la fois. Dimanche je donnerai au copiste la moitié de la seconde.—Il y a longtemps que je n'ai eu de nouvelles... A dimanche. Je vous embrasse de tout mon coeur... P. S. Миша, пришли мнѣ Лаврентьевскій списокъ для

[1]) Въ письмѣ къ Попову отъ 5 декабря (№ 88) Ю. Ѳ. писалъ, что первая часть уже переписана и что онъ дописываетъ 2-ую часть; на сохранившейся рукописи 1-ой части, переписанной переписчикомъ и значительно исправленной затѣмъ Ю. Ѳ-чемъ, сдѣлана имъ на обертлѣ надпись: „кончена въ декабрѣ 1842 г. въ Измалковѣ“. Но для представленія въ университетъ, очевидно, первая часть диссертаціи должна была быть снова переписана. Если въ письмѣ говорится о первой перепискѣ, то оно должно быть отнесено къ ноябрю 1842 года; но вѣроятнѣе, что тутъ разумѣется вторичная переписка.

[2]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, учебникъ М. П. Погодина подъ заглавіемъ: „Начертаніе русской исторіи для гимназій“ (1-ое изд. 1835 г. 2-ое изд. 1837 г.).

на два и Mélanges littéraires de Villemain. Никиту прошу прислать съ этой оказіей табакъ; у меня вышелъ весь.

109.

(1843).

Mon cher papa, je vous envoie les journaux que j'ai parcourus. Il n'y a pas eu d'occasion plus tôt. Voilà de nouveau l'hiver. Nous avons déjà une demi-archine de neige et il en tombe toujours. Pas moyen de mettre le nez dehors, ce qui me contrarie beaucoup vu que je n'ai qu'à me promener de long en large dans mes trois chambres, ce qui fait juste 12 pas. Mon ouvrage avance, et j'espère pouvoir revenir définitivement de dimanche en huit. J'ai rempli la commission de maman relativement à la pension de la jeune demoiselle. Comment va votre santé et celle de Macha? Je n'espère pas avoir de nouvelles de longtemps, car le paysan qui vous remettra ce billet ne reviendra pas. Je suis encore à me demander comment j'ai fait pour oublier de prendre congé de vous mardi passé. Je suis persuadé que vous ne m'en voulez pas, mais je vous prie en sus d'oublier mon étourderie et de ne pas me la rappeler, vu qu'elle n'est même pas dans mon caractère. Je vous embrasse de tout mon coeur... Любезный Миша, купи мнѣ Посошкова на мои деньги и, когда поѣдешь къ Аксакову, не забудь спросить у него, что думаетъ Хомяковъ о моей рукописи [1]).

110.

(1843).

Mon cher papa, voulez-vous de moi pour samedi? J'ai tout fini, tout emballé. Si votre impatience est seulement la moitié de la mienne, j'aurai les chevaux vendredi soir pour partir samedi matin. Je n'ai pas besoin de vous dire, qu'en définitive je me soumets à votre décision, tout en vous priant de ne pas me laisser longtemps dans mes chambres vides. J'envoie 3 caisses avec mes livres et mes papiers. Ayez la bonté de les faire porter dans la chambre de gymnastique et qu'on n'y touche

---

[1]) Вѣроятно, о первой части диссертаціи: „Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ, какъ богословы".

pas sans moi. Il est tout-à-fait inutile de m'envoyer un laquais, vu que tout est fait et que ce serait un poids de plus. Je vous embrasse de tout mon coeur et remets mon sort entre vos mains. Любезный Миша, ты прислалъ только одинъ чехолъ, а ихъ нужно два; не забудь прислать.

111.

Ярославль, вторникъ 30 ноября, 9 часовъ утра (1843).

Любезный папенька, пишу къ вамъ изъ Ярославля [1]) на всякій случай, не зная, когда пойдетъ мое письмо. Я пріѣхалъ сюда не такъ чтобы скоро, не такъ чтобы тихо, въ $1/2$ перваго. Задержекъ нигдѣ не было, но дорога не вездѣ одинаково хороша. Здѣсь снѣгу вдоволь, и если на что можно пожаловаться, такъ это на его рыхлость. Ничего достопримѣчательнаго я не видалъ, не слыхалъ и не случалось со мною. Чай, возня съ извозчиками, куреніе, сонъ, прерываемый толчками—вотъ и все. Повозка моя очень покойна, люди довольно расторопны. Видѣлъ я два города: Переяславъ и Петровскъ, въ которыхъ церквей гораздо больше, чѣмъ домовъ; черезъ Ростовъ, къ сожалѣнію моему, меня провезли поздно вечеромъ; жалѣю я потому, что сквозь сумерки со всѣхъ сторонъ представлялось множество церквей: и большихъ, и малыхъ, пятиглавыхъ, осьмиглавыхъ, старинныхъ и пр. Сейчасъ я отправилъ Ивана за подорожною: а почта московская идетъ въ четвергъ; слѣдовательно, это письмо я отдамъ кому-нибудь на попеченіе. Длинный путь лежитъ передо мною; все бы хорошо, если бы не тараканы и другіе обыватели того же рода. Пойду осматривать городъ; прощайте...

Midi et $1/2$. J'avais fermé ma lettre, espérant partir dans peu, mais voilà les tribulations du voyage qui commencent. Il se trouve qu'on ne me laisse pas partir, c'est-à-dire on me refuse une подорожная, vu que je n'ai pas de свидѣтельство de la police. Иванъ l'a laissé au comptoir de la diligence.

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е къ письму за № 50.

Pour mon bonheur j'ai trouvé ici Serge Troubetskoy [1]), qui sert auprès du gouverneur, et qui m'a promis de me faire partir. Heureusement que je n'ai pas poussé sans подорожная jusqu'à Кострома. Sans cela Dieu sait combien de temps j'aurais perdu; maintenant ce ne sera qu'un jour, ce qui du reste est déjà beaucoup. Je ne fermerai ma lettre que quand je saurai à quoi m'en tenir.

2 heures.

Je viens de recevoir ma подорожная et je pars; je vous embrasse encore une fois.

112.

4 декабря (1843).

Любезный папенька, вчера, въ пятницу, въ 7 часовъ утра, я пріѣхалъ въ монастырь. На послѣдней станціи, въ Долахъ, я стоялъ очень долго. Ямщики прижали; мы съ ними возились часа четыре. Они все еще не могли позабыть вашего возка и долго ходили около моей повозки, разглядывали со всѣхъ сторонъ и приподнимали: не того ли мастера работа, что̀ надъ возкомъ трудился. Мнѣ отвели великолѣпные покои, назначенные для преосвященнаго. Стѣны оклеены розовою бумажкою, убраны всякаго рода образами; главное дѣло, чисто, тепло, и, кромѣ насъ троихъ, другихъ жильцовъ, кажется, нѣтъ. Какъ скоро я пріѣхалъ, такъ я просилъ встрѣтившую меня монашенку не сказывать о моемъ пріѣздѣ Александрѣ Васильевнѣ [2]). Не тутъ-то было. Въ одну минуту вѣсть разнеслась и дошла до игуменьи. Она стала было понемногу готовить къ ней Александру Васильевну. Александра Васильевна долго не вѣрила, чтобы этотъ Самаринъ былъ изъ ея родни; наконецъ перепугалась ужасно, не умеръ ли кто, нѣтъ ли другой бѣды, не потерпѣлъ ли я по службѣ и пр. Она тотчасъ прибѣжала ко мнѣ встревоженная и въ слезахъ. Въ ту же минуту я ее успокоилъ, и тогда вы можете себѣ представить, что ра-

[1]) Кн. Сергѣй Васильевичъ Трубецкой (род. въ 1815 г., ум. въ 1859 г.), гвардейскій офицеръ, переведенный на Кавказъ, гдѣ былъ секундантомъ Мартынова во время дуэли съ Лермонтовымъ, 18 марта 1843 г. былъ уволенъ отъ военной службы за болѣзнью.

[2]) Валуевой, см. примѣчаніе 1-е къ письму за № 50.

дости ея не было конца. Между тѣмъ она пробыла у меня не долго и отправилась къ обѣднѣ, а я легъ спать и проспалъ до 12 часовъ. Послѣ того тетенька повела меня къ игуменьѣ. Вамъ извѣстно, сколько, при этихъ свиданіяхъ бываетъ низкихъ поклоновъ, поздравленій съ пріѣздомъ, разспросовъ и подчиванія всякою всячиною. Вечеромъ я пилъ чай у Александры Васильевны. Ей отвели теперь другую келью, подлѣ старой церкви. Послѣ того, что̀ я слышалъ о болѣзни, которую не такъ давно вытерпѣла Александра Васильевна, я думалъ найти въ ней большую перемѣну противъ прежняго. Но меня обрадовало противное. Александра Васильевна нисколько не состарѣлась. Она очень худа, какъ и прежде, но цвѣтъ лица хорошъ; иногда даже показывается на щекахъ румянецъ; наконецъ, она жива, бодра и говорлива. Подробнѣе я разскажу вамъ при свиданіи. Такъ какъ въ 7 часовъ вечера монастырскія ворота запираются, то Александра Васильевна на эти три дня отвела себѣ комнатку въ гостинницѣ; проводитъ вечеръ со мною и ночуетъ въ гостинницѣ. Вчерашній день, т. е. пятницу, я провелъ такъ же, какъ и четвергъ. Особеннаго было одно, но этого одного я въ вѣкъ не забуду. Игуменья звала къ себѣ обѣдать. Долго я крѣпился и упирался, наконецъ надобно было уступить, и пошло угощенье: грибки, грузди, варенье, сельди, лимоны, вино подслащенное и подкрашенное, какая-то невиданная рыба, вся обсыпанная корицею и гвоздикою, сушеныя груши съ перцемъ, какой-то черный, какъ деготь, супъ и т. д. Вспомнить страшно. Всего я отвѣдалъ, всего поѣлъ и все вытерпѣлъ. Правда, что цѣлый день я лежалъ и кряхтѣлъ. Если я начиналъ просить о пощадѣ, мнѣ отвѣчали: „по крайней мѣрѣ отвѣдайте, попробуйте и скажите, вкусно ли; вотъ вашего тятеньку мы и подчивать не смѣемъ, тотъ нашей стряпни не жалуетъ, такъ ужъ вы, батюшка, и за него-то, да и за себя". Нечего дѣлать, потерпѣлъ я и за себя, да и тятенькиныхъ долговъ уплатилъ не мало. Нынче обѣдалъ дома; завтра, послѣ ранней обѣдни, отправлюсь въ путь на здѣшнихъ лошадяхъ. Не знаю, удастся ли мнѣ писать къ вамъ съ дороги. Прощайте, до свиданія. Обнимаю отъ всей души папеньку, маменьку, Машу, Мишу... и кланяюсь всѣмъ нашимъ.

P.S. Всего въ письмѣ передать вамъ я не могу; нужно оставить кое-что до свиданія. Поэтому съ вечера запечатаю это письмо и завтра отдамъ его на почту въ Пучежѣ.

113.

(1843).

Любезный папенька, вчера, въ пятницу утромъ, въ 12 часовъ, я пріѣхалъ въ Васильевское... [1]) Впрочемъ, ужъ если разсказывать все по порядку, такъ надобно начать съ Симбирска. Я писалъ къ маменькѣ изъ Симбирска, что выѣду на другой день поутру, и точно выѣхалъ, несмотря на просьбы Языковыхъ, которые хотѣли удержать меня до другого дня и показать мнѣ балъ въ Симбирскѣ. Ѣхалъ я оттуда довольно скоро; на послѣдней станціи, на половинѣ дороги, т. е. въ 10 верстахъ отъ Сызрани, вотъ что̀ случилось. Ѣхали мы ночью, было около 2 часовъ утра, и начала подниматься метель; мы ѣхали проселкомъ, кругомъ была голая степь, я дремалъ. Вдругъ слышу стонъ и крикъ: „добрый человѣкъ, спаси, не дай погибнуть и пр.“. Я велѣлъ остановить; мы выскочили изъ кибитки и видимъ: въ сторонѣ отъ дороги лежитъ мужикъ до половины въ снѣгу. Шапка съ него слетѣла, рукавицы спали съ рукъ, которыя такъ же, какъ и ноги, окостенѣли отъ холода; ночь была preхолодная. Мы должны были поднять его и на рукахъ нести до кибитки. Мужчина былъ предюжій, и мы съ трудомъ ввалили его въ повозку и окутали въ шубу. Кто онъ, откуда, куда шелъ, мы никакъ не могли добиться и замѣтили, что онъ пьянъ: воетъ и молится. Вотъ образчикъ нашего разговора съ нимъ: „Чей ты?“ — „Владыкинъ, Христа Спасителя.“—„Откуда?“ — „Не знаю, научи, милый человѣкъ!“—„Куда шелъ?“—„Къ Христу Спасителю за добрыми дѣлами“ и т. д. Съ одной стороны было смѣшно, съ другой—ужасно жалко. Въ безсвязной рѣчи и въ смѣшной формѣ выражались его помышленія въ виду почти неминуемой смерти. Долго мы съ нимъ ломались въ кибиткѣ; наконецъ, довезли до города и отдали на руки ямщикамъ. Оказалось,

[1]) Точки въ подлинникѣ.

что онъ ничего себѣ не отморозилъ. На другой день узналъ я, что онъ съ двумя товарищами ѣздилъ покупать коровъ въ Сызрань. Тамъ они подпили. На возвратномъ пути лошади ихъ сбили и привязались къ обозу; товарищи нашего мужика сперва было повели его подъ руки, а потомъ бросили, какъ рогожу, въ степи, въ снѣгъ, ночью и въ 18, по крайней мѣрѣ, градусовъ морозу. Къ этому я вспомнилъ, что, когда мы ѣхали ночью и услыхали крикъ, и увидѣли этого человѣка въ снѣгу, мой извозчикъ промчался мимо и не подумалъ остановиться. Вотъ, что̀ ужасно, и почему это такъ?—Только что я пріѣхалъ въ Сызрань на нашъ дворъ и вошелъ въ избу, которую старый дворникъ изъ усердія натопилъ, какъ баню, и напустилъ дыму и угару, какъ явился ко мнѣ нѣкто Степанъ Яковлевичъ Мясниковъ, мужчина въ $2^1/_2$ аршина ширины и въ $1^1/_2$ вышины, и звалъ къ себѣ на чай. Это было въ 3 часа утра; но я пошелъ, чтобы только дать время освѣжить комнату. На другой день отправился въ Васильевское и пріѣхалъ въ первомъ часу. Петръ Яковлевичъ [1]) встрѣтилъ меня съ несказанною радостью тѣмъ болѣе, что Титъ Аѳанасьевичъ [2]) увѣрилъ его, что я потому не пріѣхалъ въ Васильевское къ сроку, что навѣрное съ лошадьми и кибиткою провалился въ прорубь и отправился назадъ сушиться въ Москву. Петръ Яковлевичъ встрѣтилъ меня съ подробнымъ рапортомъ и отчетомъ, по формѣ написаннымъ и обстоятельнымъ. Нынче являлся ко мнѣ приказчикъ съ рапортомъ и пр. Въ первый разъ въ жизни я почувствовалъ себя бариномъ-помѣщикомъ — ощущеніе, не чуждое своего рода пріятности. Нынче я уже началъ съ Петромъ Яковлевичемъ заниматься хозяйствомъ и вглядываться въ вотчинныя дѣла. Занятія у меня расположены

---

[1]) Петръ Яковлевичъ Воронковъ — управляющій изъ дворовыхъ: управлялъ имѣніемъ около 40 лѣтъ и оставилъ по себѣ добрую память во всемъ Заволжскомъ краѣ своею честностью, справедливостью и попеченіемъ о благосостояніи крестьянъ.

[2]) Макаровъ, воспитанникъ Московскаго университета, былъ около 40 лѣтъ лѣкаремъ въ имѣніи Ѳ. В. Самарина въ то время, когда Заволжскій край еще былъ захолустьемъ, почти не связаннымъ никакими путями съ внутреннею Россіею; онъ былъ тогда единственнымъ лѣкаремъ во всей Заволжской степи и умеръ тамъ въ началѣ 70-хъ годовъ, оставивъ по себѣ добрую память въ мѣстномъ народонаселеніи.

по порядку: сперва планъ всей земли, общія постановленія и т. д.; потомъ хлѣбопашество, овцеводство и фабрика; наконецъ, крестьяне и управленіе. Петромъ Яковлевичемъ, какъ учителемъ, я очень доволенъ. Онъ разсказываетъ все обстоятельно, въ порядкѣ и съ снисхожденіемъ къ моему невѣжеству. 14 числа онъ поѣдетъ въ Сызрань, на торги [1]); по возвращеніи его, мы отправимся изъ Васильевскаго въ другія вѣдомства. Какъ мнѣ ни хочется съ вами свидѣться, но я вижу, что я Рождество отпраздную здѣсь, и прошу васъ дать мнѣ волю и не вызывать назадъ. Богъ вѣдаетъ, когда снова представится случай побывать въ этой сторонѣ... Воронковъ подробно разспрашивалъ меня обо всѣхъ васъ и особенно о Петѣ [2]). J'ai découvert qu'à l'endroit de Петя [3]) Воронковъ n'était autre chose que Паша [4]), en culottes, ou, si vous aimez mieux, que Паша est Воронковъ en jupon...

114.

Samedi, 18 décembre [5]) 1843.

Mon cher papa, d'après votre dernière lettre, vous devez me supposer à l'heure qu'il est déjà bien loin de Васильевское; je ne crois pas que vous ayez reçu ma dernière lettre dans laquelle je vous fais part de mon projet de rester à Васильевское jusqu'à Noël; aussi je n'espère plus avoir de vos nouvelles avant mon arrivée à Kazan. Peut-être adresserez-vous une lettre pour moi à Dmitry Obolensky. Je n'ai pas besoin de vous dire, combien ce que vous me dites dans votre dernière lettre me rend impatient de savoir ce qui se fait chez nous. Je crois pourtant et j'espère qu'il n'en sera rien.—Je n'ai rien de particulier à vous raconter sur mon séjour à la campagne. J'ai passé deux jours à Гремячево, j'ai visité Дубровка,

---

1) Снимать въ оброчное содержаніе удѣльные участки.

2) Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ (род. въ 1830 г., умеръ въ 1901 г.)—одинъ изъ младшихъ братьевъ Ю. Ѳ—ча.

3) По привязанности къ нему.

4) Няня, страстно любившая своего Петю и обижавшаяся тѣмъ, что его не обучаютъ по-гречески, тогда какъ старшаго его брата учили и по-латыни и по-гречески.

5) Въ подлинникѣ, въ этомъ мѣстѣ и дальше, по ошибкѣ написано: „septembre".

Владимірское, Озерецкое. Il me reste à aller à Вязовка. La journée d'aujourd'hui a été consacrée à toutes sortes de plaisirs: chasse aux lévriers—résultat 3 русака; chasse au fusil—résultat 6 perdrix; pêche au filet—résultat 15 brochets et tout un tonneau d'écrevisses. Ça n'est pas si mal comme vous voyez. Nous avons eu pour nous favoriser un temps magnifique, un ciel serein et un beau soleil. J'ai admiré des effets de lumière de toute beauté. Le côté montagneux se présentait de loin comme une chaîne de glaciers. C'est singulier que tous les paysagistes en général aient méconnu les beautés et le pittoresque de l'hiver. Je ne doute pas que l'art n'ait de grandes destinées en Russie, au nombre je mets la réhabilitation de l'hiver sous le rapport du pittoresque. Demain Воронковъ doit aller à Сызрань pour batailler avec le comptoir des apanages. C'est lui qui portera ma lettre. Voici l'heure où il va venir chez moi prendre le thé. C'est là qu'il me communique les résultats de sa longue expérience. Adieu donc. Je vous embrasse de tout mon coeur... Faites que nos amis ne m'oublient pas.

19 décembre. Торги отложены на 3 дня и потому письмо мое будетъ отправлено только нынче. Нѣсколько строкъ я успѣю приписать. Сегодня, въ воскресенье, у насъ была обѣдня и молебенъ. По моей просьбѣ служба началась рано, т. е. въ 8 часовъ. Послѣ того мы отправились въ займище и затравили 6 русаковъ. Завтра утромъ ѣдемъ въ Вязовку. Погода стоитъ у насъ очень теплая; нынче было 2 градуса тепла къ моему удовольствію и къ великому неудовольствію Петра Яковлевича, который прекратилъ молотьбу. Изъ Васильевскаго я еще разъ буду писать къ вамъ, а потомъ не ждите отъ меня писемъ до самаго моего пріѣзда въ Казань. Еще разъ обнимаю васъ отъ всего сердца.

115.

Васильевское, 25 декабря (1843).

Любезный папенька, маменька..., поздравляю васъ всѣхъ и обнимаю отъ всей души. Въ первый разъ мнѣ случилось встрѣчать Рождество безъ васъ, и теперь Богъ знаетъ, когда удастся праздновать вмѣстѣ. Я надѣялся получить хоть письмо, но и того не было. На-дняхъ пріѣхали В. и С., за

день до нихъ обозъ съ машиною. Изъ письма вашего къ Петру Яковлевичу я вижу, что вы предполагаете, что меня уже нѣтъ въ Васильевскомъ. Видно письмо, посланное мною изъ Симбирска черезъ Языкова, не дошло до васъ или дошло поздно, а я писалъ аккуратно изъ монастыря, изъ Симбирска и два раза изъ Васильевскаго. Значитъ, до самаго моего пріѣзда въ Москву я останусь безъ вѣсточки объ васъ. Жаль! Нынче мы праздновали Рождество. Церковь была набита биткомъ, но куда какъ было холодно. Я стоялъ въ теплыхъ сапогахъ, и то ноги промерзли. Послѣ обѣдни разгавливались у меня Петръ Яковлевичъ и Титъ Аѳанасьевичъ, потомъ явился Керфъ съ поздравленіемъ и прочія власти. Во время службы новопріѣзжіе В. и С. всѣхъ восхитили и изумили своимъ пѣніемъ: первый несравненнымъ басомъ, а второй неслыханнымъ дискантомъ. Вечеромъ у меня пилъ чай священникъ. Вотъ и конецъ моему пребыванію въ Васильевскомъ. Прошло оно не безъ пользы для меня и не безъ удовольствія. Ваши порученія я всѣ исполнилъ; ѣду я завтра поутру, часу въ девятомъ. До Сызрана меня провожаетъ Титъ Аѳанасьевичъ, а Петра Яковлевича я уговорилъ остаться. У него кое-какія дѣла; къ тому же онъ поджидаетъ верхòвыхъ и Хвалынскихъ купцовъ (по здѣшнему, сумъ), которые не ѣдутъ. Я здѣсь перерылъ всѣ кладовыя и нашелъ двѣ бумаги по разнымъ отношеніямъ интересныя. Первая: просьба, поданная въ дворянское депутатское собраніе Василіемъ Николаевичемъ[1]), о включеніи въ гербовникъ рода Самариныхъ, съ приложеніемъ вѣрныхъ копій съ двухъ грамотъ, изъ которыхъ одна пожалована Ѳедору Васильевичу Самарину царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а другая—сыну его Алексѣемъ Михайловичемъ. Вторая: вами поданная и подписанная просьба о принятіи васъ въ службу, въ артиллерію, въ которой вы говорите, что французскому языку вы обучены вполнѣ, нѣмецкому отчасти, фортификаціи также и намѣрены на службѣ продолжать учиться. Все это я везу съ собою. Итакъ, завтра я выѣду. Новый годъ буду праздновать въ Казани; не знаю еще, попаду ли я въ Москву

[1]) Василій Николаевичъ Самаринъ (род. въ 1741 г., ум. въ 1811 г.)—дѣдъ Ю. Ѳ-ча.

къ Крещенію; если по расчету не долженъ успѣть, то останусь въ Казани, чтобы не пришлось праздновать Крещеніе на какой-нибудь станціи. Прощайте; всѣхъ васъ обнимаю отъ души. Передайте отъ меня поклонъ и поздравленіе княгинѣ Гагариной.

IX.

Къ Алексѣю Степановичу Хомякову.

116 [1].

(1843).

Любезный Алексѣй Степановичъ, при многихъ намъ обоимъ общихъ убѣжденіяхъ, насъ раздѣляетъ, какъ кажется, только одинъ вопросъ. Но этотъ вопросъ такъ великъ и важенъ, рѣшеніе его должно быть такъ плодовито результатами, что если въ немъ одномъ мы не сходимся, то согласіе между нами въ какомъ бы то ни было другомъ вопросѣ науки необходимо одного изъ насъ обличаетъ въ непослѣдовательности. Я разумѣю вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи. На этотъ разъ я не думаю приступать ученымъ образомъ къ его разрѣшенію. Я даже не въ состояніи этого сдѣлать, потому что я самъ только что дошелъ до него. Хочу только разсказать вамъ, какъ мои занятія меня привели къ нему и какъ тѣсно, по моему мнѣнію, онъ связанъ съ судьбою нашей Церкви. Безъ малаго три года я занимался почти исключительно изученіемъ православія. Будучи связанъ внѣшнею цѣлью, диссертаціею, заданною мнѣ университетомъ, я долженъ былъ очертить себѣ извѣстный кругъ занятій и не переступать за него. Поэтому многіе

---

[1] Подлинное письмо не сохранилось; печатаемъ его по уцѣлѣвшему черновому наброску. Оно написано въ сентябрѣ 1843 года, когда, послѣ изученія философіи Гегеля, вопросы, ею возбужденные, потребовали рѣшительнаго отвѣта, и пришлось Ю. Ѳ—чу либо окончательно перейти на точку зрѣнія Гегеля, либо утвердиться въ томъ воззрѣніи, которое проведено имъ было въ диссертаціи.

очень важные вопросы остались у меня въ сторонѣ. Несмотря на то, изучивъ вполнѣ одинъ моментъ изъ исторіи нашей Церкви, проявленіе въ ней католическаго и протестантскаго начала, я могъ, такъ мнѣ кажется, понять отношеніе ея къ двумъ вѣроисповѣданіямъ Запада, въ которомъ, по моему мнѣнію, есть опредѣленіе православія вообще. Вотъ результатъ, до котораго я дошелъ: существенная разница между католицизмомъ и протестантизмомъ, и нашею Церковью заключается въ томъ, что католицизмъ, изъявляя притязаніе на исключительность, есть вмѣстѣ наука и государство; протестантизмъ, признавая полную свободу науки и государства и отрицая исключительность Церкви, отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь и религію вообще; наша Церковь не есть наука и не есть государство: она сознаетъ себя только, какъ Церковь (не говорю, какъ моментъ, потому что этого слова вы не допустите, а съ тѣмъ, что̀ сказано до сихъ поръ, вы, кажется, согласитесь). Но наука и государство должны быть; слѣдовательно, если Церковь не признаетъ ихъ въ своей сферѣ, значитъ они существуютъ внѣ ея, какъ отдѣльныя сферы, и власть Церкви на нихъ простираться не должна. Поэтому, если дѣйствительно наука и государство имѣютъ въ себѣ эту силу, существуютъ независимо, какъ отдѣльныя сферы, то Церковь православная истинна, и воздержаніе ея, то, что она не изъявляетъ притязанія на то, что̀ ей недоступно, ручается за ея истину. Если же нѣтъ—выводъ будетъ противоположный. Отстранивъ вопросъ о государствѣ, о которомъ у насъ нѣтъ спора, я полагаю слѣдующій вопросъ (и вы примете его въ этомъ видѣ): философія существуетъ, какъ отдѣльная отъ Церкви сфера, подчиненная ей, или, наоборотъ, подчиняетъ ее себѣ? Я думаю, что если наука, существуетъ, какъ отдѣльная отъ искусства и религіи сфера духа, то она должна быть сферою высшею, послѣднимъ моментомъ развитія идеи...

ПИСЬМА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

1844 — 1853.

Письма Ю. Θ—ча, помѣщенныя во второмъ отдѣлѣ, относятся ко времени его государственной службы, точнѣе къ тому періоду его жизни, который начинается съ переѣзда его въ Петербургъ, въ августѣ 1844 года, для поступленія на службу и оканчивается выходомъ его въ отставку въ февралѣ 1853 года.

Государственная служба, составлявшая главное занятіе Ю. Θ—ча въ этотъ періодъ его жизни и продолжавшаяся сравнительно недолго, всего восемь съ небольшимъ лѣтъ, была довольно разнообразна: сперва, года полтора, онъ служилъ по министерству юстиціи—въ департаментѣ министерства (съ 27 октября 1844 года по 20 февраля 1845 г.) и въ Сенатѣ (съ 20 февраля 1845 г. по 9 февраля 1846 г.), а затѣмъ семь лѣтъ—по министерству внутреннихъ дѣлъ: въ комитетѣ по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ (февраль—іюнь 1846 г.), въ Рижской ревизіонной комиссіи (іюль 1846 г.—іюль 1848 г.), въ Остзейскомъ комитетѣ (декабрь 1848 г.—мартъ 1849 г.), наконецъ въ Симбирскѣ (августъ—октябрь 1849 г.) и въ Кіевѣ (декабрь 1849 г.—февраль 1853 г.), въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ, откомандированнаго въ распоряженіе Симбирскаго губернатора и Кіевскаго генералъ-губернатора; въ Кіевѣ, со 2 октября 1850 г., Ю. Θ—чу поручено было исправлять должность правителя канцеляріи генералъ-губернатора, а 13 марта 1851 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Съ той добросовѣстностью, которая всегда была ему присуща, Ю. Θ. посвящалъ службѣ всѣ свои силы; часто работалъ онъ и сверхъ силъ. Но вся эта напряженная работа

не удовлетворяла его; рѣдко за это время онъ бывалъ доволенъ своей дѣятельностью, большею частью онъ ею тяготился. И это происходило не отъ слабости воли, не отъ избалованности, а отъ того, что онъ сознавалъ въ себѣ силы для дѣла бо̀льшей важности. Такимъ дѣломъ представлялась ему сперва профессура. Тѣмъ не менѣе Ю. Ѳ. признавалъ вполнѣ уже и въ это время значеніе, которое имѣла государственная служба для его развитія, для его будущей дѣятельности. „Я постоянно смотрѣлъ на свои занятія, какъ на школу и приготовленіе самого себя, ничего не ожидая отъ нихъ въ настоящемъ",—писалъ Ю. Ѳ. въ іюлѣ 1846 года, покидая Ригу. То же самое говоритъ онъ и въ концѣ этого періода, въ письмѣ къ А. Н. Попову отъ 4 февраля 1852 года: „служба—писалъ онъ Попову—занимаетъ меня, какъ школа". Государственная служба была для Ю. Ѳ—ча дѣйствительно школой и притомъ въ трехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, служба познакомила его съ сложнымъ административнымъ механизмомъ того времени и дала ему нѣкоторый административный навыкъ. „Ты не повѣришь—писалъ онъ К. С. Аксакову 11 декабря 1850 г.—, сколько мнѣ открылось вѣдомствъ, присутственныхъ мѣстъ, всякихъ должностей, сословій, существованія которыхъ я не подозрѣвалъ. Я ужъ обрекаю себя на изученіе всего этого: нужно же, чтобы кто-нибудь изъ насъ овладѣлъ знаніемъ нашей оффиціальной дѣйствительности. Можетъ быть когда-нибудь и эти знанія пригодятся". А въ концѣ этого періода, 4 февраля 1852 года, онъ писалъ А. Н. Попову: „собственно только теперь ознакомился я съ служебной практикой и убѣдился, до какой степени я въ ней невѣжда." Во-вторыхъ, благодаря службѣ въ Лифляндскомъ комитетѣ 1846 года, а также въ Кіевѣ, во время введенія инвентарей въ Юго-западномъ краѣ, Ю. Ѳ. былъ два раза за это время свидѣтелемъ практическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Ю. Ѳ. увидалъ, что этотъ вопросъ положительно поддается законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ; предъ нимъ раскрылись и главныя составныя части, на которыя распадается этотъ вопросъ при практическомъ его рѣшеніи; онъ уяснилъ себѣ даже формулу, по которой разрѣшается одна, и притомъ самая главная, изъ этихъ составныхъ

частей. Въ третьихъ наконецъ, за это же время, благодаря участію въ Лифляндскомъ комитетѣ и въ Рижской ревизіонной комиссіи, Ю. Ѳ. впервые ознакомился съ Остзейскимъ вопросомъ и впервые посвятилъ его разработкѣ и уясненію два слишкомъ года упорнаго труда. Такимъ образомъ государственная служба была дѣйствительно для Ю. Ѳ—ча приготовительной школой для разрѣшенія тѣхъ двухъ главныхъ вопросовъ, которымъ онъ посвятилъ себя впослѣдствіи: крестьянскаго вопроса въ Россіи—того дѣла, которое онъ уже и въ то время начиналъ считать задачею своей жизни, и Остзейскаго, которымъ онъ занимался въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Среди этой службы, требовавшей большого и упорнаго труда, Ю. Ѳ—чу оставалось мало времени, а главное досуга, для тѣхъ занятій, которыя его интересовали, по крайней мѣрѣ, которыя онъ самъ себѣ избиралъ. Но когда онъ могъ, онъ работалъ надъ тѣмъ, что̀ соприкасалось съ предметами его думъ и сочувствій. Это была прежде всего русская исторія. Слѣдуя напутственному совѣту, данному Погодинымъ—посвятить себя русской исторіи, Ю. Ѳ., по пріѣздѣ въ Петербургъ въ августѣ 1844 года, занялся изученіемъ Кіевскаго періода русской исторіи, главнымъ образомъ исторіею Новгорода, и плодомъ этихъ занятій была статья подъ заглавіемъ: „Вѣче и Князь", оконченная имъ въ началѣ 1845 года. Статья эта встрѣчена была очень сочувственно А. С. Хомяковымъ и возбудила большіе толки и споры въ московскомъ кружкѣ славянофиловъ. Будучи въ Ригѣ, Ю. Ѳ. пользовался своими служебными занятіями, чтобы извлекать изъ древнихъ актовъ города Риги все, относящееся къ русской исторіи, и чтобы попутно изучать нѣмецкое вліяніе на исторію Новгорода, а въ Кіевѣ, въ первое особенно время, онъ занялся изученіемъ исторіи Малороссіи и Литвы. Всѣ эти занятія объясняются желаніемъ провѣрить и подкрѣпить фактами тѣ общія положенія насчетъ русской исторіи, которыя выработаны были въ московскомъ кружкѣ славянофиловъ. По крайней мѣрѣ этимъ мотивомъ руководствовался Ю. Ѳ. при занятіяхъ русской исторіей въ 1845 году. „Нашъ общій недостатокъ—писалъ онъ К. С. Аксакову въ февралѣ 1845 года—бѣдность знанія

фактическаго. Я занимаюсь теперь русскою исторіею и чувствую потребность воздержаться на время отъ общихъ выводовъ и общихъ построеній; я хочу подвергнуть изслѣдованію всѣ наши положенія: объ отсутствіи завоеванія, объ отсутствіи аристократіи, о значеніи личной власти и т. д. Для этого нужно пройти всѣ источники русскіе и иностранные, работы предо мною много. Зато, кромѣ книгъ, прямо относящихся къ моему предмету, я уже рѣшительно ничего не читаю". Лѣтомъ того же 1845 года онъ писалъ К. С. Аксакову: „при этой скудости во времени я дорожу каждою минутою и посвящаю ее на изученіе лѣтописей; я учусь, чтобы не отстать, чтобы заготовить цѣлый арсеналъ въ пользу нашихъ убѣжденій". Къ сожалѣнію, кромѣ вышеупомянутой статьи „Вѣче и князь", Ю. Θ—чу не удалось написать за это время никакого историческаго изслѣдованія, но изученіе памятниковъ русской старины несомнѣнно отразилось на другихъ его работахъ этого періода. Таковы прежде всего его двѣ критическія статьи, занимающія видное мѣсто въ полемикѣ славянофиловъ съ западниками; это—разборъ сочиненія гр. В. А. Соллогуба „Тарантасъ" и разборъ статей Кавелина, Никитенки и Бѣлинскаго, помѣщенныхъ въ первой книжкѣ „Современника" за 1847 годъ. Обѣ эти статьи имѣли большой успѣхъ, показали силу анализа и діалектики, которой обладалъ Ю. Θ. и способствовали уясненію основныхъ положеній московскаго кружка славянофиловъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важна вторая статья, возбудившая сильную полемику. Еще болѣе пригодились Ю. Θ—чу его историческія занятія для извѣстныхъ „Рижскихъ Писемъ", написанныхъ имъ въ 1848 году и навлекшихъ на него заключеніе въ Петропавловскую крѣпость. Въ этой первой публицистической работѣ уже проявилась вмѣстѣ съ блестящимъ литературнымъ и критическимъ талантомъ его серіозная научная подготовка, которая давала ему возможность подкрѣплять свои политическія воззрѣнія обширнымъ и тщательно провѣреннымъ фактическимъ матеріаломъ. На ряду съ работами по русской исторіи, съ критическими и публицистическими статьями шли занятія Ю. Θ—ча по изученію крестьянскаго дѣла. Уже въ 1846 году,

вскорѣ по пріѣздѣ въ Ригу, Ю. Ѳ. сталъ заниматься исторіей сельскаго сословія въ Россіи, а по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ началъ изучать исторію поселянъ въ Польшѣ и написалъ замѣтки объ инвентаряхъ, напечатанныя во II томѣ его сочиненій. Въ тѣсной связи съ изученіемъ крестьянскаго вопроса стоятъ занятія Ю. Ѳ—ча политической экономіей и финансами лѣтомъ 1849 года.

Душевное состояніе Ю. Ѳ—ча за это время было состояніемъ переходнымъ — отъ сомнѣній и борьбы къ полному примиренію. Это было постепенное религіозное возрожденіе, переходъ отъ сознанія верховнаго значенія вѣры къ жизненному ея воспріятію. Такъ это и должно было быть, ибо то событіе въ духовной жизни Ю. Ѳ—ча, которое совершилось весною 1844 года подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Хомяковымъ, могло быть только „началомъ поворота къ лучшему". Но къ концу этого періода время сомнѣній для Ю. Ѳ—ча, повидимому, миновало, онъ утвердился въ воззрѣніяхъ религіозныхъ и политическихъ, которыя начали въ немъ слагаться еще въ Москвѣ, и онъ готовъ былъ открыто заявить, „что опытъ служебный и жизненный ни въ чемъ не измѣнилъ его убѣжденій". Ближайшимъ послѣдствіемъ этого былъ, во-первыхъ, окончательный разрывъ Ю. Ѳ—ча съ Герценомъ въ февралѣ 1845 года, а въ лицѣ послѣдняго со всѣми западниками. Хотя Ю. Ѳ. видался съ Герценомъ и Грановскимъ и послѣ того, но прежняго согласія у нихъ уже не могло быть: сознано и высказано было то многое, что̀ ихъ разлучало, что̀ дѣлало ихъ прежнее согласіе неискреннимъ. Другимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста убѣжденій была все бо̀льшая и бо̀льшая самостоятельность Ю. Ѳ—ча въ воззрѣніяхъ и все меньшая и меньшая зависимость его отъ К. С. Аксакова. До переворота, совершившагося подъ вліяніемъ Хомякова, Ю. Ѳ., по его собственнымъ словамъ, „шелъ за К. С. Аксаковымъ". Мало-по-малу, образъ мыслей Ю. Ѳ—ча сталъ опредѣляться, и „только теперь, чувствуя въ себѣ полную независимость, онъ могъ вполнѣ признать и оцѣнить Аксакова, какъ другого, но съ которымъ онъ связанъ единствомъ основныхъ убѣжденій и сочувствій". Наконецъ, въ тѣсной связи съ переходомъ воз-

зрѣній, воспринятыхъ въ Москвѣ, въ стойкія убѣжденія находится исканіе Ю. Ѳ—чемъ дѣла живого, которому онъ могъ бы посвятить всѣ свои силы, съ полнымъ сознаніемъ несомнѣнно приносимой имъ пользы. Его не удовлетворяли, его раздражали прежніе теоретическіе споры, происходившіе еще въ московскомъ кружкѣ его друзей, и онъ часто за это время напоминалъ имъ, что „веселая и шумная пора споровъ прошла невозвратно, и что наступило время сосредоточиться въ себѣ самихъ, собраться каждому изъ нихъ и употребить тѣ силы, которыя тратились до сихъ поръ на доказываніе возможности новаго направленія мысли, на положительное осуществленіе ея въ капитальныхъ трудахъ по разнымъ отраслямъ науки, сельскаго хозяйства, государственной службы“. Несмотря на упорный служебный трудъ и на работы, которыя онъ предпринималъ по собственному почину, Ю. Ѳ. все время чувствовалъ какое-то томленіе по дѣлу великой важности. Служебнымъ трудомъ Ю. Ѳ. могъ только заглушить тоску и досаду, когда раскрывались передъ нимъ язвы государственной и общественной жизни того времени. Но онъ томился по такомъ дѣлѣ, въ которомъ осуществлялись бы его чаянія и мысли, которое способно было бы вывести Россію, по его выраженію, „въ чистое поле“. Со времени участія въ Лифляндскомъ комитетѣ Ю. Ѳ. уже почуялъ такое дѣло; это—уничтоженіе крѣпостного состоянія въ Россіи. Передъ этимъ дѣломъ, незамѣтно для него, отошло на второй планъ и то научное дѣло, о которомъ онъ долго мечталъ по выходѣ изъ университета, и въ 1847 году онъ уже говорилъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой: „задачи науки ничтожны и мелки передъ задачею жизни“. Къ этому-то дѣлу Ю. Ѳ. уже начиналъ готовиться, и скоро оно должно было охватить всѣ его помыслы, стать центральнымъ дѣломъ лучшихъ лѣтъ его жизни.

Петръ Самаринъ.

I.

Къ Константину Сергѣевичу Аксакову.

117.

Петербургъ, сентября 10-го, 1844.

Ну что Аксаковъ? Вотъ я и въ Петербургѣ. Живу второй мѣсяцъ [1]). Сперва произвела на меня свое обычное дѣйствіе вода, потомъ воздухъ: я простудился, а теперь, слава Богу, здоровъ и бодръ. Ты ждешь отъ меня многаго, но я не могу удовлетворить твоего любопытства. Вопреки моему ожиданію, Петербургъ не произвелъ на меня сильнаго, внезапнаго впечатлѣнія. Я еще ничего не могу сказать о немъ. Я видѣлъ только клочки изъ высшаго общества, которое вездѣ имѣетъ одинъ характеръ. Мертво и скучно. Многіе предметы, о которыхъ говорятъ въ Москвѣ, исключены изъ разговора. Это понятно. Чиновнаго круга я почти не знаю; въ немъ поразило меня въ особенности одно: это — глубоко вкорененное убѣжденіе людей сколько-нибудь мыслящихъ, что всѣ дѣйствія правительства рѣшительно ни къ чему не ведутъ, что правительство ничего сдѣлать не можетъ, что оно безсильно, что вообще настоящее положеженіе таково, что никакіе указы, никакія учрежденія, вообще никакія формы помочь не могутъ. Но эти люди, которые по опыту знаютъ, какъ ужасно настоящее положеніе, лишены всякихъ положительныхъ убѣжденій и даже на-

[1]) Ю. Ѳ. выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для поступленія на государственную службу 7-го августа 1844 года.

деждъ. Это—какое-то спокойное, апатическое отчаяніе, это—смерть духовная въ самомъ страшномъ видѣ; въ этомъ кругу гаснетъ все: ревность къ общему дѣлу, готовность жертвовать собою, негодованіе, все, рѣшительно все. Нужно побывать въ Петербургѣ, чтобы понять, что̀ значитъ сила привычки и какъ можетъ быть безплодно самое ясное сознаніе ложнаго положенія. Эта безо̀бразная, нѣмая сила есть самый ужасный врагъ, какого мы можемъ встрѣтить. Его ничѣмъ нельзя раздразнить, онъ все стерпитъ, всякое оружіе объ него притупляется. Одна мысль о такой борьбѣ наводитъ ужасъ. Вотъ, что̀ еще замѣчательно въ Петербургѣ: простого народа, кромѣ рабочихъ, ты нигдѣ не увидишь. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я не слыхалъ русской пѣсни, не слыхалъ голоса мужика. Послѣ уже я узналъ, что здѣсь запрещено пѣть [1]). Въ дополненіе нужно прибавить, что воздухъ похожъ на мыло, разведенное въ чернилахъ. Нечего сказать, пріятный городъ!—Я видаю довольно часто Надеждина [2]). Онъ значительно перемѣнился и сдѣлался рѣшительно чиновникомъ; при старой небрежности и беззаботности въ немъ замѣтна какая-то гордость человѣка будто-бы практическаго, который понялъ тщету безкорыстныхъ поры-

---

[1]) Въ подлинникѣ, сбоку, противъ мѣста письма, начинающагося словами: „Но эти люди“ и оканчивающагося фразой: „Послѣ уже я узналъ, что здѣсь запрещено пѣть“, сдѣлана слѣдующая приписка: „Кромѣ Хомякова и Свербеевыхъ не сообщай этого никому. Я даже своимъ ничего подобнаго не пишу: это бы только огорчило и встревожило ихъ“.

[2]) Николай Ивановичъ Надеждинъ (родился въ 1804 г., ум. въ 1856 г.), профессоръ археологіи, теоріи изящныхъ искусствъ и логики въ Московскомъ университетѣ съ 1831 по 1835 г. и одновременно съ этимъ (1831—1836) издатель „Телескопа“ и „Молвы“, былъ передъ тѣмъ (съ 1826 по 1831 г.) домашнимъ наставникомъ Ю. Ѳ—ча; Надеждинъ преподавалъ Ю. Ѳ—чу Законъ Божій, русскій языкъ въ связи съ церковно-славянскимъ, исторію и, нѣкоторое время, нѣмецкій языкъ. Въ мартѣ 1842 года Надеждинъ, по прошенію, опредѣленъ былъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и въ половинѣ августа отправился въ Петербургъ; здѣсь онъ вступилъ въ должность редактора журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, который съ 1843 года сталъ выходить въ преобразованномъ видѣ. Состоя на этой службѣ, Надеждинъ завѣдывалъ кромѣ того дѣлами по расколу и занимался исторіей расколовъ и ересей въ Россіи (въ 1845 г. вышло его сочиненіе „О скопческой ереси“). Съ 1846 г., не покидая прежней службы, Надеждинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ Русскаго Географическаго Общества.

вовъ молодости и обратился къ положительному. Самое замѣчательное, по моему мнѣнію, лицо въ Петербургѣ это—Александра Осиповна Смирнова [1]); съ нею я видаюсь часто и толкую о Гоголѣ. Онъ, какъ видно по тѣмъ его письмамъ, которыя она мнѣ читала, очень ее полюбилъ и возымѣлъ на нее сильное вліяніе. Они въ постоянной перепискѣ. Письма Гоголя къ ней одного содержанія съ письмами его къ Языкову и Шевыреву, но приспособлены къ женскому пониманію. Онъ теперь въ Бельгіи, здоровъ, бодръ и много пишетъ. До него дошла моя диссертація, которую онъ читалъ въ послѣднее время. На-дняхъ мнѣ стало ужасно тяжело и грустно по Москвѣ; я отправился къ Кетчеру [2]) и засталъ у него Бѣлинскаго и Щепкина [3]), который сообщилъ мнѣ извѣстія о Герценѣ и Грановскомъ. Наконецъ, скажу тебѣ нѣсколько словъ о себѣ. Я не унываю и продолжаю заниматься русскою исторіею. Пишу статью о Новѣгородѣ [4]); объ этомъ я писалъ Хомякову и повторять не хочется. Ты что̀ подѣлываешь? Что̀ диссертація [5]), что̀

---

[1]) Александра Осиповна Смирнова, рожд. Россетъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1882 г.), извѣстная своей красотой и умомъ, своей дружбой съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и Гоголемъ, ровно мѣсяцъ до написанія этого письма (10 августа) вернулась изъ-за границы и поселилась въ Петербургѣ. Знакомство Ю. Ѳ—ча съ А. О. Смирновой, начавшееся въ это время, скоро перешло въ дружбу, которая продолжалась до самой кончины Ю. Ѳ—ча.

[2]) Николай Христофоровичъ Кетчеръ (род. въ 1806 г., ум. въ 1886 г.), врачъ и переводчикъ Шекспира, принадлежавшій къ литературному кружку Герцена и Грановскаго, служилъ въ это время въ Петербургѣ въ медицинскомъ управленіи.

[3]) Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1863 г.), извѣстный артистъ Московскаго Малаго театра, игралъ въ это время въ Петербургѣ. „Сегодня, писала А. О. Смирнова Н. В. Гоголю 13 сентября 1844 года, Щепкинъ играетъ въ Ревизорѣ. Братья, Самаринъ и я ѣдемъ вмѣстѣ туда—въ театръ. Вами, вамъ ѣдутъ радоваться“.

[4]) Здѣсь разумѣется статья „Вѣче и Князь“, которая окончена была Ю. Ѳ—чемъ въ началѣ 1845 года и послана была А. С. Хомякову. Въ письмѣ своемъ къ Ю. Ѳ—чу отъ 28 февраля 1845 года А. С. Хомяковъ говоритъ: „Благодарю за письмо, какъ и всегда, за дружескую память: но какъ благодарить за статью, не знаю: такъ она меня обрадовала и утѣшила“. Статья эта не была напечатана. Въ настоящее время сохранилась только вторая ея часть, въ которой выясняется понятіе о княжеской власти, сложившееся въ древней Руси.

[5]) Магистерская диссертація К. С. Аксакова на тему: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“, которая въ началѣ 1845 года была окончена и передана для прочтенія профессорамъ.

хандра? Жду отъ тебя подробныхъ извѣстій о твоемъ здоровьѣ и занятіяхъ. Вотъ тебѣ, между прочимъ, наставленіе: 1) въ своихъ письмахъ не упоминай объ этомъ письмѣ; 2) ни слова о Петербургѣ, ни о Москвѣ въ отношеніи къ Петербургу: ради Бога, никакихъ намековъ, ничего такого, что̀ бы могло подать тѣнь подозрѣнія, вообще соблюдай крайнюю осторожность; 3) все, что̀ я писалъ о Надеждинѣ и о Смирновой, должно оставаться между нами; ты можешь мнѣ писать о себѣ, о своихъ занятіяхъ, о нашихъ знакомыхъ, а объ остальномъ никакъ не по почтѣ, а черезъ вѣрныхъ людей; 4) ради Бога, пиши четко и не склеивай страницъ. Наконецъ, поклонись отъ меня твоему батюшкѣ и маменькѣ, всѣмъ нашимъ знакомымъ, Герцену и Грановскому пожми руку такъ, какъ ты знаешь[1]), и не забывай отъ всей души тебя любящаго и крѣпко обнимающаго Ю. Самарина.

P. S. Мой адресъ: на Гагаринской улицѣ, противъ Пустого рынка, въ домѣ Бибиковой.

118.

(Петербургъ), октября 2-го, 1844.

Любезный Аксаковъ, я получилъ твое письмо отъ никотораго числа; видно ужъ такой выдался день безъ числа. Изъ него я увидалъ, что ты соблюдаешь всѣ условія, о которыхъ я тебя просилъ, кромѣ одного—почерка. Надѣюсь, что это происходитъ отъ того, что ты прилагаешь все свое стараніе на переписываніе диссертаціи, а на дружескую переписку его не хватило. Воспользуйся моимъ опытомъ: избѣгай, по возможности, философской терминологіи, а къ тѣмъ словамъ, которыхъ никакъ замѣнить нельзя, прилагай объясненіе въ скобкахъ. Со всѣхъ сторонъ я слышу обвиненія: зачѣмъ въ моей диссертаціи такъ много иностранныхъ, непонятныхъ выраженій. Ты не повѣришь, какъ это отбиваетъ охоту читать; у насъ рѣдко кто потрудится вникнуть. Что̀ до моей диссертаціи, то пусть ее не читаютъ и не понимаютъ—она по самому содержанію не могла произвести впечатлѣнія, но твоя—другое дѣло. Отъ всей души желаю ей

[1]) К. С. Аксаковъ жалъ руку такъ, что невольно приходилось просить пощады.

счастливаго окончанія, но паче всего желаю, чтобы къ диспуту ты совершенно выздоровѣлъ, нѣсколько охладѣлъ и сдѣлался снисходительнѣе къ чужому мнѣнію.—Это письмо вручитъ тебѣ Щепкинъ. Мнѣ было несказанно пріятно встрѣтить его на чужбинѣ. Я славно побесѣдовалъ съ нимъ и съ Кетчеромъ. О томъ, какъ его приняли въ Петербургѣ, какъ даютъ здѣсь Гоголя и т. д., онъ тебѣ разскажетъ самъ. Высшій литературный кругъ Петербурга, т. е. Вяземскій [1]), Одоевскій [2]) и т. д., вполнѣ его оцѣнили. Былъ я на двухъ такъ-называемыхъ литературныхъ вечерахъ у Даля [3]). Нѣтъ, это не то! Нѣтъ той свободы, той веселости, той теплоты: съѣзжаются люди чиновные, не глупые, но убитые службою, изнуренные мертвящимъ трудомъ и физически неспособные вырваться изъ душнаго круга мелкихъ заботъ и мелкихъ занятій. Они отдыхаютъ молча за чашкою чая или же разсказываютъ анекдоты, или, наконецъ, толкуютъ объ оперѣ. Кстати о литературѣ: одинъ мой знакомый доставилъ мнѣ бумаги Лермонтова; я нашелъ въ нихъ три недоконченныя повѣсти и нѣсколько неизвѣстныхъ стихотвореній. Я получилъ право отдать ихъ въ любой журналъ; дай мнѣ совѣтъ и, пока я не напишу тебѣ объ этомъ вторично, не говори никому. Удастся ли хоть одно изъ замышляемыхъ въ Москвѣ литературныхъ предпріятій? Будетъ ли издаваться новый журналъ? Обновится ли „Москвитянинъ“ [4])? Если есть на-

[1]) Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. въ 1792 г., ум. въ 1878 г.).

[2]) Кн. Владиміръ Федоровичъ Одоевскій (род. въ 1803 г., ум. въ 1869 г.), писатель-энциклопедистъ, музыкантъ, филантропъ, былъ въ то время старшимъ чиновникомъ во II отдѣленіи Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

[3]) Владиміръ Ивановичъ Даль (род. въ 1801 г., ум. въ 1872 г.), докторъ медицины, авторъ повѣстей и сказокъ подъ псевдонимомъ казака Владиміра Луганскаго, составитель толковаго словаря живого великорусскаго языка, завѣдывалъ въ это время особой канцеляріей министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, числясь на службѣ по удѣльному вѣдомству.

[4]) Подъ литературными предпріятіями, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Ю. Ѳ., нужно разумѣть журналъ „Ежемѣсячное Обозрѣніе“, который предполагалъ издавать Грановскій съ друзьями, и затѣмъ „Москвитянинъ“ подъ редакціей И. В. Кирѣевскаго. Первое изданіе не было разрѣшено, а переговоры между Погодинымъ и Кирѣевскимъ, начавшіеся весною 1844 г., окончились только въ октябрѣ, когда было заключено условіе, по которому Погодинъ, оставаясь отвѣтственнымъ издателемъ „Москвитянина“, передавалъ редакцію его И. В. Кирѣевскому.

дежда, то я поврёменю и доставлю все, что есть у меня, для помѣщенія въ первомъ номерѣ; если же нѣтъ, то придется отдать въ „Москвитянинъ". Еще разъ—объ этомъ не говори до времени. Здѣсь собирается издавать журналъ князь Вяземскій; онъ звалъ меня въ сотрудники, но я отказался, потому что считаю себя закабаленнымъ Москвѣ. Но Москва!..[1]) Воля ваша, вы всѣ виноваты въ томъ, что своимъ бездѣйствіемъ даете предлогъ порочить ее. Тысячу разъ я готовъ бываю заступиться за нее, а указать не на что. Я знаю твой отвѣтъ: „Москва должна молчать, потому что Москва не признана, потому что Москва не на своемъ мѣстѣ". Нѣтъ, это не такъ: признаніе вынуждается, мѣсто берется приступомъ, добровольно его никогда не отведутъ; мало того, что есть права, нужно заявить ихъ. Все это тысячу разъ мнѣ приходитъ на умъ въ томъ городѣ, гдѣ враждебная судьба указала мнѣ жить. Ради Бога, пишите и печатайте! Недавно пріѣхалъ сюда Тютчевъ. Завтра вечеромъ долженъ меня съ нимъ познакомить Вяземскій [2]). Здѣсь очень интересуются Славянами; не повѣришь, какъ это смѣшно. На-дняхъ я получилъ очень для меня пріятное извѣстіе: Гоголь читалъ мою диссертацію и былъ ею доволенъ. Потрудись всѣ приложенныя письма доставить кому слѣдуетъ. Отъ всей души обнимаю тебя.

119.

(Петербургъ, 1844) [3]).

Любезный Аксаковъ, меня очень обрадовало твое письмо и другія извѣстія, которыя почти въ одно время я получилъ о тебѣ. Признаюсь тебѣ, по разнымъ слухамъ, доходившимъ до меня, я начиналъ крѣпко досадовать на тебя; твое письмо пришло очень кстати. Я такъ радъ, что ты оканчиваешь диссертацію и уже готовишься предпринять новый трудъ. Да, трудъ добросовѣстный, даже суровый, усп-

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Ѳ. И. Тютчевъ въ это время только что переѣхалъ въ Россію послѣ 22-лѣтняго пребыванія за-границей и поселился въ Петербургѣ. Съ княземъ Вяземскимъ онъ сошелся еще въ 1843 году, когда онъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву и Петербургъ, чтобы предварительно подготовить свое перемѣщеніе въ Россію и устроить дѣло по службѣ.

[3]) Это письмо, какъ видно изъ его содержанія, относится къ ноябрю или, можетъ быть, къ началу декабря 1844 года.

ленныя занятія наукою—вотъ, чтò теперь нужно. Со стороны недостатки какъ-то виднѣе. Пора каждому изъ насъ сосредоточиться въ какомъ-нибудь предметѣ, будетъ ли то грамматика, исторія, все равно, только бы увидали плоды нашего направленія. Это будетъ лучшимъ отвѣтомъ на всевозможныя насмѣшки и другіе толки нелѣпые, а не менѣе того досадные. Вспомни послѣдній совѣтъ Гоголя [1]; онъ хорошо зналъ, чтò нужно. Мнѣ кажется, что всѣ мы мало пишемъ и ничего не издаемъ въ свѣтъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мы, можетъ быть, уже черезчуръ взыскательны и строги къ себѣ; во-вторыхъ, мы живемъ въ тѣсномъ кругу короткихъ знакомыхъ, которые замѣняютъ для насъ или, лучше, заслоняютъ публику. Мысль, высказанная въ этомъ кругу, обсужденная и, наконецъ, принятая, кажется намъ мыслью всѣмъ доступною, всѣмъ извѣстною; нѣсколько спустя она дѣлается пошлою истиною, о которой не только писать, даже говорить не хочется, а между тѣмъ она не нашла выраженія, кромѣ, можетъ быть, умышленно обезображеннаго. Я теперь попалъ въ среду совершенно новую и вижу, до какой степени то, чтò мы принимаемъ за извѣстное, за допущенное, за доказанное,—для большинства людей умныхъ вовсе неизвѣстно, не доказано, даже не понятно.—Я продолжаю заниматься русскою исторіею понемногу. Ужасно мало остается времени. Ты, вѣроятно, знаешь, что я на службѣ, хотя еще не занимаю штатнаго мѣста [2]. Пока меня причпшутъ къ столу, я буду составлять доклады. Прошу тебя исполнить два порученія. Первое: скажи Хомякову, что Николай Мухановъ ждетъ съ нетерпѣніемъ отъ него

---

[1] Вѣроятно совѣтъ Гоголя К. С. Аксакову, въ письмѣ изъ-за границы 1842 года, заняться изученіемъ русскаго языка. „Стряхните пустоту и праздность вашей жизни, писалъ Гоголь К. С. Аксакову. Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Предъ вами громада—русскій языкъ". Письмо свое Гоголь заключалъ слѣдующими словами: „Исполните эту мою просьбу; это моя послѣдняя просьба душевнаго, серьезнаго содержанія. Больше я не буду васъ просить ни о чемъ, чтò относится лично къ вамъ, и никогда не потребую, чтобы вы давали важность словамъ моимъ".

[2] Ю. Ѳ. поступилъ на службу по министерству юстиціи 27-го октября 1844 года въ качествѣ чиновника, причисленнаго къ департаменту министерства, „впредь до открытія въ томъ департаментѣ приличной званію его штатной вакансіи".

письма [1]); Волынскій архіерей требуетъ отъ него отвѣта или рукописи, которую онъ доставилъ Погодину [2]). Второе: скажи Попову, что я третьяго дня получилъ письмо его; передъ этимъ писалъ ко мнѣ Хомяковъ, чтобы я справился, нѣтъ ли вакантной каѳедры въ университетѣ, но теперь Поповъ спрашиваетъ меня о другомъ; скажи ему, что я исполню его порученіе, какъ скоро увижусь съ графомъ Віельгорскимъ, котораго теперь нѣтъ въ Петербургѣ, и въ тотъ же день напишу ему отвѣтъ [3]). Хотя переѣздъ его изъ Москвы въ Петербургъ происходитъ вслѣдствіе неудачъ, не менѣе того я душевно радуюсь, что будетъ, съ кѣмъ поговорить. Прощай, любезный Аксаковъ! Да осѣнитъ тебя духъ труда и смиренномудраго терпѣнія! Я не забылъ обѣщаннаго тебѣ дагеротипа и скоро пришлю. Обнимаю тебя крѣпко; всѣмъ передай отъ меня поклоны, привѣтствія, рукопожатія и т. д. Каковъ бѣдный Погодинъ? Скажи ему, что я принимаю живѣйшее участіе въ его горѣ [4]).

---

1) Николай Алексѣевичъ Мухановъ (род. въ 1802 г., ум. въ 1871 г.), въ то время—членъ консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, впослѣдствіи—членъ Государственнаго Совѣта, былъ друженъ съ А. С. Хомяковымъ.

2) Здѣсь, вѣроятно, рѣчь идетъ о преосвященномъ Анатоліи, епископѣ Острожскомъ, викаріи Волынской епархіи съ 10-го іюня 1841 г. по 22-ое ноября 1844 года, когда онъ былъ назначенъ епископомъ Могилевскимъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1872 г.). Въ 1843 году преосвященный Анатолій прислалъ Погодину для напечатанія свое сочиненіе „Объ иконописаніи“; оно вышло въ 1845 году.

3) Вернувшись изъ-за границы лѣтомъ 1844 года, Александръ Николаевичъ Поповъ сталъ искать каѳедры въ Московскомъ университетѣ, но здѣсь ему не посчастливилось; тогда онъ сталъ думать о полученіи мѣста въ Петербургскомъ университетѣ или въ Академіи Художествъ. Въ письмѣ своемъ къ Ю. Ѳ—чу Поповъ просилъ похлопотать для него о каѳедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ при Академіи Художествъ. Вотъ почему Ю. Ѳ. хотѣлъ просить за Попова гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (оберъ-шенкъ, род. въ 1787 г., ум. въ 1856 г.), пользовавшагося большимъ значеніемъ при Дворѣ и въ средѣ науки, литературы и искусствъ. Отвѣтъ Ю. Ѳ—ча Попову, помѣченный 16 декабря 1844 года, см. ниже (№ 165).

4) 6-го ноября 1844 г. скончалась супруга М. П. Погодина Елизавета Васильевна.

120 [1]).

(Петербургъ, 1844).

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, любезнѣйшій Аксаковъ, пора мнѣ, наконецъ, переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, очень важномъ для насъ всѣхъ, именно о томъ, какъ намъ понимать отношеніе Москвы къ Петербургу, что̀ говорить и какъ дѣйствовать. Я думаю для васъ будетъ интересно узнать мнѣніе Петербурга о томъ, что̀ творится въ Москвѣ; для меня еще важнѣе узнать, какъ вы понимаете настоящее время и какое вы хотите избрать положеніе. Я разыгрываю въ Петербургѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ роль представителя московскаго направленія; всякій считаетъ себя въ правѣ обращаться ко мнѣ съ вопросами и съ требованіями объясненій. Поэтому не я даю вамъ совѣты, а прошу васъ наставить меня. Мысль о современномъ значеніи Москвы, пущенная въ ходъ Аксаковымъ, встрѣтила между нами и даже въ болѣе широкомъ кругу сочувствіе и одобреніе; она сдѣлалась предметомъ нашихъ разговоровъ сдѣлалась, по своей общедоступности, господствующимъ интересомъ. Въ это время уѣзжалъ Гоголь. Ты помнишь, Аксаковъ, то письмо, которое онъ написалъ къ тебѣ? Онъ упрекалъ тебя въ томъ, что ты испортилъ ему то прекрасное, отрадное чувство, которое онъ питалъ къ Москвѣ; онъ просилъ тебя перестать толковать о значеніи Москвы, взяться за трудъ и т. д. [2]). Гоголь предчувствовалъ то, что̀ теперь сбылось. Толки о Москвѣ продолжались три года; вражда къ Петербургу усилилась; на каждаго выходца оттуда мы ополчались толпою и вымещали на немъ наше негодованіе. Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени Москва не явила

---

[1]) Настоящее письмо помѣщено въ числѣ писемъ къ К. С. Аксакову, хотя оно адресовано не только Аксакову, но и Хомякову, потому что, по содержанію и по тону, оно болѣе относится къ К. С. Аксакову. Написано оно, судя по отвѣтному письму А. С. Хомякова (соч. Хомякова VIII т., стр. 250), въ концѣ 1844 г.

[2]) Ю. Ѳ. имѣетъ здѣсь въ виду письмо Гоголя къ К. С. Аксакову изъ-за границы 1842 года, въ которомъ Гоголь говоритъ: „Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ", и призываетъ К. С. Аксакова заняться изученіемъ русскаго языка.

ни одного плода своей умственной дѣятельности; такимъ образомъ она стала извѣстна Петербургу и вообще всей Россіи только съ одной, чисто-отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себѣ и больше заявляли правъ на уваженіе, можетъ быть, всеобщее вниманіе само собою обратилось бы на Москву; тогда бы узнали ее съ положительной стороны; можетъ быть, это было бы лучше. Теперь всѣмъ извѣстно, что Москва имѣетъ какія-то притязанія, пока еще неоправданныя, и что со дня на день въ ней усиливается страстное чувство вражды противъ Петербурга. Появились несчастныя мурмолки и святославки [1]). Согласитесь сами, что ихъ нельзя было не принять за условный знакъ соединенія и что должна была пробѣжать мысль о политической партіи, а всякую партію, всякое оппозиціонное направленіе противъ правительства общее мнѣніе у насъ осуждаетъ. Къ этому присоединились еще тосты съ прибавленіями [2]). Мы дошли до того, что московское направленіе, еще ни въ чемъ не успѣвшее выразиться вполнѣ и оправдать себя, навлекло на себя сильное незаслуженное подозрѣніе со стороны власти и недовѣрчивость со стороны общества. Славяне, москвичи, вообще люди, носящіе мурмолки, сдѣлались для одних предметомъ страха и ненависти, для другихъ — предметомъ насмѣшекъ. Воля ваша, это не хорошо; какъ бы то ни было, а за общественное мнѣніе объ насъ отвѣчаемъ мы. Вы скажете, что такъ смотритъ на насъ Петербургъ, но что Москва думаетъ иначе. Едва ли. Многіе изъ жителей Москвы любятъ насъ и слушаютъ охотно. Но ужели наше направленіе сдѣлалось господствующимъ въ

---

[1]) Мурмолка — шапка, упоминаемая въ сказкахъ и пѣсняхъ. Въ это время К. С. Аксаковъ носилъ бороду и русское платье.

[2]) Ю. Ѳ. имѣетъ здѣсь, вѣроятно, въ виду тосты на обѣдѣ, который устроенъ былъ западниками и славянофилами весною 1844 года въ честь Грановскаго и на которомъ распорядителями были: отъ славянофиловъ — Юрій Ѳедоровичъ, а отъ западниковъ — Герценъ. На этомъ обѣдѣ К. С. Аксаковъ предложилъ тостъ за Москву. Въ эту самую минуту раздался звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ. Шевыревъ, воспользовавшись этимъ, произнесъ: „Слышите ли, господа: московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ“. Это, съ одной стороны, возбудило улыбку, съ другой — восторгъ. Константинъ Аксаковъ подошелъ къ Шевыреву, и они бросились въ объятія другъ друга.

Москвѣ? Ужели многіе, не говорю приняли, а узнали наши убѣжденія и требованія? Ужели, если завтра власть объявитъ насъ бунтовщиками и еретиками, многіе изъ нашихъ друзей не говорю станутъ за насъ, а только внутренно усомнятся въ нашей винѣ? О томъ, что уже сдѣлано и чего поправить нельзя, говорить нечего; но настоящее положеніе уяснить надобно. Оно вотъ какого рода. Власть убѣждена, что въ Москвѣ образуется политическая партія, рѣшительно враждебная правительству, что кличъ, здѣсь хорошо извѣстный: „да здравствуетъ Москва и да погибнетъ Петербургъ"—значитъ: да здравствуетъ анархія и да погибнетъ всякая власть. Повѣрьте, что это такъ. Общество дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ одна раздѣляетъ мнѣніе правительства, а другая смѣется надъ правительствомъ и надъ нами и только жалѣетъ о томъ, что пропадутъ ни про что̀ ни за что̀ добросовѣстные и невинные сумасброды. Можетъ быть, вы подумаете, что я преувеличиваю; позвольте разсказать вамъ факты. Я здѣсь видаюсь часто съ А. О. Смирновой. Я говорилъ съ ней обо всемъ, но ни разу не упоминалъ ни о Москвѣ, ни о нашемъ обществѣ, ни о нашихъ костюмахъ. Достаточно было частыхъ моихъ посѣщеній для того, чтобы возбудить въ ея мужѣ сильное подозрѣніе [1]). Онъ твердо увѣренъ, что я вербую ее въ партію. А знаете ли, что̀ значитъ одно такое случайно произнесенное слово? Теперь онъ пристаетъ къ ней и безпрестанно разспрашиваетъ о томъ, что̀ я говорилъ, что̀ пишутъ изъ Москвы, черезъ кого я веду сношенія, чего добиваются славяне, какая разница между голубою и красною мурмолкою. Киселевъ [2]) встрѣтился съ ней гдѣ-то на вечерѣ и завелъ рѣчь о московской партіи, желая что-нибудь вывѣдать; онъ прибавилъ: я самъ славянинъ и, лишь только зашевелится Москва, я пристану къ ней. Великій Князь [3]) отзывался о Московскомъ универси-

---

[1]) Николай Михайловичъ Смирновъ (род. въ 1807 г., ум. въ 1870 г.), служившій до того по министерству иностранныхъ дѣлъ, переходилъ въ это время въ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ іюнѣ 1845 года онъ получилъ мѣсто губернатора въ Калугѣ.

[2]) Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1872 г.)—въ то время министръ государственныхъ имуществъ.

[3]) Вѣроятно, Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

тетѣ слѣдующимъ образомъ: направленіе его самое опасное и скверное. У Бутурлина [1]) собраны были отцы отечества: за партіею виста сказано было вотъ что: въ Москвѣ оказываются признаки вреднаго политическаго движенія, зачинщиками въ немъ поляки, они умышленно затѣваютъ дѣло ко вреду Россіи, а другіе пристали къ нимъ по глупости. Наконецъ, одинъ очень умный человѣкъ, съ которымъ я познакомился, отказался ко мнѣ ѣздить, чтобы себя и меня не ввести въ бѣду. Многія записки доходятъ до меня распечатанныя. Графиня Соллогубъ намѣрена написать А. И. Васильчиковой [2]), чтобы она остерегалась отъ славянъ. Повторяю вамъ еще разъ: я жду наставленія, я вашъ во всякомъ случаѣ; моя участь и ваша связаны нераздѣльно. Рѣшитесь на что-нибудь. Тосты и возгласы противъ Петербурга не могутъ продолжаться вѣчно. Они дошли до того, что всѣ въ правѣ ожидать послѣ словъ дѣла. Мы вели такіе разговоры, столько въ нихъ было страсти, что не итти на другой день на Петербургъ войною значитъ дать шагъ назадъ и уронить себя въ общемъ мнѣніи. Если вы на это рѣшились,—съ Богомъ! Примитесь за дѣло; объявите войну Петербургу. Мало ли на это средствъ! Напишите ко мнѣ письмо по почтѣ и изложите въ немъ ваши убѣжденія. Если вы думаете, что время начать дѣйствовать наступило, что вы и Москва—одно, что Москва отъ старыхъ своихъ грѣховъ очистилась и купила право поднять знамя, если вы вѣрите въ возможность какого бы то ни было прямо-враждебнаго и чисто-отрицательнаго дѣйствія, начинайте! Можетъ быть и подлинно Россія много выиграетъ, когда насъ разбросаютъ по разнымъ концамъ, прогонятъ профессоровъ и на университет-

---

[1]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (род. въ 1790 г., ум. въ 1849 г.)—членъ Государственнаго Совѣта и вмѣстѣ директоръ Публичной библіотеки, нѣсколько лѣтъ спустя бывшій членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ Негласнаго Цензурнаго Комитета 1848 г.

[2]) Графиня Софья Ивановна Соллогубъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1854 г.)—мать графовъ Владиміра и Льва Александровичей Соллогубъ— и Александра Ивановна Васильчикова (род. въ 1795 г., ум. въ 1855 г.)— мать Петра и Александра Алексѣевичей Васильчиковыхъ, гр. Анны Алексѣевны Барановой и кн. Екатерины Алексѣевны Черкасской—были родныя сестры, дочери генерала Ивана Петровича Архарова.

скія каѳедры посадятъ учителей, набранныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ..... [1]). Но если вы этого не думаете и не хотите, то, ради Бога, перемѣните образъ жизни, образъ дѣйствія, бросьте мурмолки, перестаньте провозглашать тосты и не упоминайте ни о Петербургѣ, ни о Москвѣ. Я вамъ говорю, что гроза накопилась. Не то бѣда, если мы пойдемъ противъ нея; жаль будетъ, если она разразится надъ нами врасплохъ. Воля ваша, я не вѣрю, чтобы такъ трудно было намъ воздержаться, чтобы снять мурмолки, не говорить о Петербургѣ и о Москвѣ, а служить Москвѣ значило покоряться условнымъ началамъ и посягать на свободу жизни.... [2]). Не знаю, какъ вы примите мое письмо. Вижу, Аксаковъ, изъ твоихъ писемъ, что ты сердитъ на меня; вижу и предчувствую, что ты внутренно назовешь меня петербургеромъ и скажешь, что я испортился. Признай, по крайней мѣрѣ, что, такъ какъ я все это знаю и предчувствую, то съ моей стороны потребна была доля мужества для того, чтобы написать это письмо. Прошу васъ объ одномъ: никому, даже изъ нашихъ, не показывать этого письма и не передавать сообщенныхъ петербургскихъ вѣстей. Довольно будетъ, если вы его прочтете и, чего дай Богъ, согласитесь. Обнимаю васъ отъ всей души. Вашъ quand-même Юрій Самаринъ.

Аксакову.

Это письмо пролежало у меня цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ представился случай переслать его. Я перечиталъ его и вижу, что въ этотъ промежутокъ времени положеніе не измѣнилось. Между тѣмъ я узналъ, что происходило на вечерѣ у Павлова [3]) въ присутствіи Шевичевыхъ [4]), и пришелъ въ

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Николай Филипповичъ, см. о немъ 1-ое примѣчаніе къ письму за № 5.

[4]) Ю. Ѳ. разумѣетъ, вѣроятно, Лидію Дмитріевну Шевичъ (род. въ 1815 г., ум. въ 1885 г.), младшую дочь гр. Дмитрія Николаевича Блудова (о немъ см. ниже въ письмѣ за № 248), жену Егора Ивановича Шевичъ, который по мачехѣ, Марьѣ Христофоровнѣ, приходился племянникомъ гр. Александру Христофоровичу Бенкендорфу—первому главноуправляющему III Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Лидія Дмитріевна проводила зиму 1844 года въ Москвѣ, кажется, уже вдовой.

ужасъ. Просто я не могу понять этой неосторожности. Какъ до такой степени не понимать почти неизбѣжныхъ послѣдствій! Иногда можно подумать, что китайская стѣна или цѣлое море отдѣляетъ Петербургъ отъ Москвы. Но это въ сторону, а вотъ, что̀ мнѣ давно хотѣлось сказать тебѣ. Если бъ ты высказывалъ передъ всякимъ и всякому, и несмотря ни на что̀, то, что̀ у тебя въ головѣ и на сердцѣ, вслѣдствіе внутренней, глубокой потребности, я бы пожалѣлъ о тебѣ и ничего бы не посмѣлъ сказать въ упрекъ. Я понимаю, что мысль, чувство, убѣжденіе можетъ до такой степени овладѣть человѣкомъ, что высказать его во что̀ бы то ни стало становится для него необходимостью; высказываніе въ такомъ случаѣ есть долгъ, отъ котораго уклоняться не должно. Но, скажи по правдѣ, много ли такихъ людей? Ты назовешь мнѣ пророковъ, апостоловъ, еще коекого. Признайся не мнѣ, а самому себѣ: вѣдь ты не таковъ. Ты не получилъ призванія на мученичество, ты не имѣешь права жертвовать собою, другими, подвергать самое дѣло неминуемой опасности для того только, чтобы облегчить свою душу. Какъ ни наполняетъ тебя твое убѣжденіе, оно не отнимаетъ у тебя сна, не мѣшаетъ заниматься другимъ, не дѣлаетъ тебя нечувствительнымъ ко всему остальному. Скажи по совѣсти, вполнѣ ли ты умертвилъ свое *я*, вполнѣ ли ты раздѣлался съ нечистыми побужденіями мелкаго самолюбія, однимъ словомъ, достоинъ ли ты быть чистымъ органомъ идеи, орудіемъ чуда? Этотъ вопросъ ты самъ рѣшишь для себя; я думаю, что нѣтъ. Мнѣ кажется, что ты повинуешься не внутреннему призванію, а увлекаешься внѣшними обстоятельствами: положеніемъ, спорами и т. д. Тебя просто можно раздразнить. Можетъ быть, я ошибаюсь. Впрочемъ, едва ли: во-первыхъ, я искренно люблю тебя, во-вторыхъ, этотъ самый грѣхъ я знаю за собою; множество разъ со мною бываетъ то же самое. Аксаковъ, ты сердишься на меня; но, если я дѣйствительно виноватъ передъ тобою, ты долженъ простить мнѣ все ради этого письма.

P. S. Можешь написать ко мнѣ письмо и поручить Юрію Оболенскому [1]).

---

[1]) Кн. Юрій Александровичъ Оболенскій (род. въ 1825 г., ум. въ 1890 г.)—двоюродный братъ Юрія Ѳедоровича.

P. S. На-дняхъ Уваровъ [1]), разговаривая съ людьми значительными объ университетахъ и прочемъ, сказалъ: entrez dans ma position; il ne s'agit pas pour moi d'avoir une fournée de professeurs et de maîtres, quand je me dis que chaque génération, qui sort des écoles, va peut-être emporter toute la boutique. Передай Хомякову.

121.

(Петербургъ, 1845) [2]).

Любезный Аксаковъ, начну съ того, что поблагодарю тебя за послѣднія твои письма. Они меня очень обрадовали, потому что въ нихъ я уже не нашелъ признаковъ внутренней исключительности, ни выраженія отрицательной стороны "москвитизма". Еще болѣе обрадовалъ меня вообще тонъ его, изъ котораго, зная тебя, я заключаю, что ты освободился отъ своей хандры и попрежнему бодръ и готовъ на всякое доброе дѣло. Я не могу сказать о себѣ того же. Ужасно много времени у меня пропадаетъ даромъ, и, кромѣ того, трудно мнѣ быть одному, обходиться безъ поддержки людей, одинаково мыслящихъ. Здѣсь рѣшительно не съ кѣмъ переговорить, даже поспорить. До чего ни коснись, непремѣнно наткнешься на такія основы, которыхъ никоимъ образомъ мыслью поколебать нельзя: чувствуешь, что здѣшній мыслящій человѣкъ получилъ другое воспитаніе, что его интересуетъ другое, что, наконецъ, вся жизнь его, мысль, сочувствія, дѣятельность направлены не въ ту сторону, въ которую смотримъ мы. Охота спорить пропадаетъ; молчишь и съ внутреннею досадою пропускаешь мимо ушей оскорбительные, полные надменнаго пренебреженія отзывы о нашей старинѣ, о нашей вѣрѣ, о русскомъ народѣ вообще. Если бъ, напримѣръ, ты зналъ, что̀ я сподобился слышать нынче отъ ум-

[1]) Гр. Сергій Семеновичъ Уваровъ (род. въ 1786 г., ум. въ 1855 г.) — въ то время министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) Письмо это относится, вѣроятно, къ началу февраля 1845 года. На это указываетъ фраза: „на-дняхъ полученъ здѣсь Москвитянинъ", гдѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста письма, разумѣется первый номеръ „Москвитянина" подъ редакціей Кирѣевскаго. Этотъ номеръ вышелъ 27-го января 1845 г., слѣдовательно, могъ прійти въ Петербургъ или въ послѣднихъ числахъ января, или, скорѣе, въ началѣ февраля.

ныхъ людей о Гоголѣ!.... [1]). Ну, да что̀ говорить объ этомъ! Необходимость жить въ кругу такихъ людей можетъ имѣть свою пользу. При внутреннемъ единствѣ направленія, какое господствуетъ у насъ въ Москвѣ, случается часто, что иная мысль, пущенная въ ходъ, принимается всѣми на вѣру, по непосредственному сочувствію. Это прекрасно, и дай Богъ, чтобы никогда не умирало въ человѣкѣ это довѣріе, эта внезапность сочувствія; но мысль должна быть доказана и оправдана не только ради возраженій, которыя она встрѣтитъ при своемъ распространеніи, но ради самой себя. Мы еще ничего не доказали или очень немногое; все, что̀ мы утверждаемъ о нашей исторіи, о нашемъ народѣ, объ особенностяхъ нашего прошедшаго развитія, все это угадано, а не выведено. Въ этомъ еще болѣе убѣдила меня статья Погодина, напечатанная въ „Москвитянинѣ" [2]). Нашъ общій недостатокъ—бѣдность знанія фактическаго. Я занимаюсь теперь русскою исторіею и чувствую потребность воздержаться на время отъ общихъ выводовъ и общихъ построеній; я хочу подвергнуть изслѣдованію всѣ наши положенія: объ отсутствіи завоеванія, объ отсутствіи аристократіи, о значеніи личной власти и т. д. Для этого нужно пройти всѣ источники русскіе и иностранные; работы передо мною много. Зато, кромѣ книгъ, прямо относящихся къ моему предмету, я уже рѣшительно ничего не читаю. На-дняхъ полученъ здѣсь „Москвитянинъ". Сколько я могу судить, его приняли здѣсь безъ сочувствія, но съ должнымъ уваженіемъ. Первый номеръ дѣйствительно составленъ прекрасно. Я увѣренъ, что каждая строка была поводомъ къ безконечнымъ спорамъ. Между нами: что̀ ты думаешь о статьѣ Кирѣевскаго [3])? Она очень умна, интересна, написана прекрасно, это все такъ; но въ ней я не нашелъ того одушевленія, той жизни и свѣжести, которой бы, кажется, можно

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Вѣроятно, помѣщенная въ первомъ номерѣ „Москвитянина" 1845 г. статья М. П. Погодина подъ заглавіемъ: „Параллель русской исторіи съ исторіею западныхъ государствъ".

[3]) Статья И. В. Кирѣевскаго, о которой идетъ рѣчь, озаглавлена: „Обозрѣніе современнаго состоянія словесности". Въ первой книжкѣ „Москвитянина" 1845 года была помѣщена только первая часть этой статьи.

было ожидать отъ человѣка, который молчалъ такъ долго и въ тишинѣ воспитывалъ свою мысль. Характеристики нѣсколько безцвѣтны; полной картины западнаго движенія, проникнутой одною мыслью, я все-таки не вижу; наконецъ, послѣдняя мысль, мысль, лежащая въ основаніи всему направленію, нисколько не вытекаетъ изъ предыдущаго; она какъ-то приклеена довольно неловко [1]). Моего мнѣнія объ этомъ ты не говори никому по разнымъ причинамъ, а напиши отъ себя, что̀ ты думаешь. Да скоро ли, наконецъ, ты подашь свою диссертацію? Прощай, будь здоровъ, бодръ и не забывай, что твердость основныхъ убѣжденій, строгая послѣдовательность мысли нисколько не исключаетъ христіанскаго духа терпимости. Поклонись отъ меня Сергѣю Тимоѳеевичу и Ивану Сергѣевичу. Оболенскій сообщилъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ его стиховъ; удивительно, какъ много онъ двинулся впередъ.

122.

(Петербургъ, 1845) [2]).

Любезный Аксаковъ, какой ты странный человѣкъ! Если бы кто прочелъ твое послѣднее письмо ко мнѣ, то могъ бы подумать, что мы познакомились вчерашняго дня, сближаемся понемногу, осторожно, дипломатически, повѣряя и толкуя каждый шагъ и каждое движеніе. Между тѣмъ, это не такъ. Скажи, ради Бога, къ чему толковать себѣ каждое слово, когда должно быть хорошо извѣстно постоянное, господствую-

[1]) Здѣсь имѣется въ виду слѣдующее мѣсто статьи Кирѣевскаго: „Если справедливо все замѣченное нами о настоящемъ состояніи западной образованности, то нельзя не убѣдиться, что на днѣ европейскаго просвѣщенія въ наше время всѣ частные вопросы о движеніяхъ умовъ, о направленіяхъ науки, о цѣляхъ жизни, о различныхъ устройствахъ обществъ, о характерахъ народныхъ, семейныхъ и личныхъ отношеній, о господствующихъ началахъ внѣшняго и самаго внутренняго быта человѣка—всѣ сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра Православно-Словенскаго“.

[2]) Письмо это относится, вѣроятно, къ началу марта 1845 г. На это указываетъ фраза: „Говорилъ ли тебѣ Герценъ о моей перепискѣ съ нимъ“, такъ какъ переписка Ю. Ѳ-ча съ Герценомъ происходила въ самомъ концѣ февраля.

щее расположеніе человѣка, которое видоизмѣняется, по въ существѣ все-таки одно и то же. Или ты принадлежишь къ числу тѣхъ людей истинно-несчастныхъ, которые не могутъ увѣриться въ человѣкѣ разъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, надолго, и для которыхъ другой, какъ бы близокъ онъ ни былъ, составляетъ вѣчный, никогда не разрѣшающійся вопросъ?.. Но будетъ объ этомъ; я увѣренъ, что то минутное чувство, которое выразилось въ твоемъ письмѣ, давно прошло и безъ слѣдовъ, и потому, съ полнымъ довѣріемъ, начну говорить съ тобою попрежнему и какъ всегда. — Нѣтъ, Аксаковъ, воля твоя, въ тебѣ есть исключительность, но только ты не чувствуешь ея. Помилуй, развѣ одна оговорка: „я люблю Москву не провинціально", развѣ это голос увѣреніе можетъ загладить впечатлѣніе, которое произведено многими другими словами, живыми, изъ-подъ сердца вырвавшимися и тысячу разъ повторенными съ жаромъ и одушевленіемъ? Первую фразу говоритъ умъ; сердце, весь человѣкъ выразился въ другихъ, наполняющихъ всѣ твои письма. Не потому, что я не вслушивался въ твои слова, не потому, чтобы принималъ твою оговорку за что-либо новое, а, напротивъ, потому, что въ твоихъ словахъ я слушалъ не только мысль, а человѣка съ его живымъ голосомъ, потому, что эта старая оговорка забывается тобою безпрестанно, вотъ почему я виню не мысль твою, а тебя самого въ исключительности. Послѣ этого очень мнѣ позволительно радоваться, когда я не нахожу ея тамъ, гдѣ бы я могъ ее встрѣтить.—О твоихъ стихахъ [1]) я тебѣ не писалъ, потому что я уже давно ихъ зналъ, прежде, чѣмъ ты прислалъ ихъ. Помимо ихъ литературнаго достоинства, они обрадовали меня еще потому, что они какъ-то живо тебя мнѣ напомнили и какъ-будто изобразили тебя въ ту минуту, когда ты ихъ читаешь. Кстати о стихахъ. Дм. Оболенскій [2]) читалъ мнѣ чудесныя вещи твоего брата [3]).

---

[1]) Какіе стихи К. С. Аксакова имѣетъ здѣсь въ виду Ю. Ө., трудно сказать, но очень вѣроятно, что стихотвореніе: „Къ союзникамъ", написанное въ концѣ 1844 года, въ разгаръ споровъ западниковъ съ славянофилами.

[2]) Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій служилъ въ это время въ Тулѣ исправляющимъ должность товарища предсѣдателя палаты гражданскаго суда.

[3]) Рѣчь идетъ, можетъ быть, о „Зимней дорогѣ" И. С. Аксакова.

Онъ удивительно какъ двинулся впередъ. Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ [1]? Подробностей я не знаю; но рано или поздно это должно было случиться. Такъ, неприступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренно, то-есть не было прочнымъ, жизненнымъ согласіемъ. Вспомни, какими искусственными средствами оно поддерживалось. Многое, очень многое насъ разлучаетъ и, въ особенности, то, что для насъ многое осталось святынею, въ чемъ они видятъ безжизненныхъ идоловъ. Но вотъ, что мнѣ кажется: не замѣшалось ли много страсти, много личности съ той и другой стороны? Разрывъ былъ необходимъ, но, можетъ быть, въ иномъ видѣ. Говорилъ ли тебѣ Герценъ о моей перепискѣ съ нимъ [2]? Если не говорилъ, то и ты не упоминай.—Хотѣлось бы мнѣ обо многомъ поговорить съ тобою, именно обо мнѣ, о службѣ, которой сладость я теперь вкушаю, но не хватитъ на этотъ разъ

---

[1] Размолвка К. С. Аксакова съ Герценомъ и Грановскимъ произошла въ концѣ 1844 года. Она вызвана была, съ одной стороны, горячими спорами славянофиловъ съ западниками по поводу публичныхъ лекцій, которыя читалъ то время С. П. Шевыревъ („Объ исторіи русской словесности, преимущественно древней“), съ другой стороны, стихотвореніями Н. М. Языкова: „Къ Шевыреву“, „Къ не нашимъ“, „Къ молодому человѣку“ (къ К. С. Аксакову) и къ Чаадаеву, стихотвореніями, полными негодованія на западниковъ.

[2] Въ началѣ декабря 1844 года, въ самый разгаръ споровъ славянофиловъ съ западниками въ Москвѣ, когда разрывъ между ними былъ неминуемъ, но до размолвки К. С. Аксакова съ западниками не доходило, Герценъ написалъ Ю. Ѳ—чу письмо, въ которомъ изложилъ ему „вполнѣ свое мнѣніе о славянахъ, объ этой пустотѣ, болтовнѣ, узкомъ взглядѣ, стоячести и проч.“, полагая, что онъ одинъ изъ славянофиловъ „можетъ еще спастись“. На это письмо Ю. Ѳ. отвѣтилъ въ февралѣ 1845 года, при чемъ, повидимому, весьма опредѣленно высказалъ Герцену, что всѣ надежды привлечь его на сторону западниковъ тщетны. Получивъ это письмо, Герценъ написалъ въ своемъ дневникѣ: „На-днях получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный, какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, къ квіэтизму, толкуетъ о связи съ преданіемъ! Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня писалъ ему отвѣтъ; въ немъ я сказалъ ему: „Encore une étoile qui file et disparaît! Прощайте, идите иной дорогой! Какъ попутчики мы не встрѣтимся, это навѣрное“. Это отвѣтное, послѣднее въ то время письмо Герцена къ Ю. Ѳ—чу помѣчено 27-мъ числомъ февраля.

времени. Лобановъ [1]) ѣдетъ завтра утромъ, а теперь уже 4 часа утра. Страшно и подумать, что въ 10 часовъ надобно быть въ Сенатѣ. Если бъ ты зналъ, Аксаковъ, что̀ это за каторга! На-дняхъ напишу подробнѣе о службѣ и о себѣ тебѣ или Хомякову, это все равно; письмо будетъ общее. Прощай, обнимаю тебя крѣпко и прошу любить и не гнѣваться, хоть изъ состраданія къ участи несчастнаго помощника секретаря перваго отдѣленія Правительствующаго Сената [2]).

123.

(Петербургъ, 1845) [3]).

Любезный Аксаковъ, пишу къ тебѣ наскоро, по надобности, съ порученіемъ, которое и огорчитъ и изумитъ тебя. Смирнова получила на-дняхъ письмо отъ Гоголя, самое грустное и полное мрачныхъ предчувствій. Онъ страдаетъ ужасно и физически отъ болѣзни и нравственно отъ одиночества [4]).

[1]) Вѣроятно, кн. Михаилъ Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій (род. въ 1819 г., ум. въ 1858 г.)—товарищъ Ю. Ѳ-ча по университету; см. письмо за № 253.

[2]) Старшимъ помощникомъ секретаря перваго департамента Правительствующаго Сената Ю. Ѳ. опредѣленъ былъ 20-го февраля 1845 года.

[3]) Это письмо такъ же, какъ и слѣдующія два, относится къ среднимъ числамъ іюня 1845 года. Это видно изъ слѣдующаго. Во-первыхъ, эти письма писаны несомнѣнно послѣ 4-го іюня 1845 г., т. е. послѣ отправки Ю Ѳ-чемъ въ Москву А. Н. Попову статьи о сочиненіи гр. Соллогуба „Тарантасъ“ (см. дальше письмо Ю. Ѳ-ча къ Попову отъ 4 іюня 1845 г., за № 166), такъ какъ въ первыхъ двухъ письмахъ Ю. Ѳ. спрашиваетъ К. С. Аксакова, получилъ ли онъ отъ Попова вышеупомянутый разборъ, а въ третьемъ отвѣчаетъ на запросъ московскихъ пріятелей о томъ, гдѣ помѣстить этотъ разборъ. Во-вторыхъ, эти письма могли быть написаны не ранѣе среднихъ чиселъ іюня, такъ какъ въ первыхъ двухъ идетъ рѣчь о письмѣ А. О. Смирновой къ С. Т. Аксакову, написанномъ послѣ полученія письма Гоголя отъ 4-го іюня, т. е. числа 8—9 іюня. Въ-третьихъ, послѣднее изъ этихъ писемъ, въ которомъ Ю. Ѳ. предоставляетъ своимъ пріятелямъ напечатать вышеупомянутый разборъ „Тарантаса“ не въ „Москвитянинѣ“, написано, вѣроятно, до 23 іюня, такъ какъ въ письмѣ А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ-чу отъ 23-го іюня 1845 г. говорится, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, что разборъ Ю. Ѳ-ча не будетъ помѣщенъ въ „Москвитянинѣ“.

[4]) Здѣсь разумѣется письмо Гоголя къ А. О. Смирновой изъ Гомбурга отъ 4-го іюня 1845 г., въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: „Здоровье мое съ каждымъ часомъ хуже и хуже. Воды Гомбурга дѣйствуютъ дурно и этому помогаетъ, можетъ быть, опасное положеніе совершеннаго одиночества. Всякое занятіе умственное невоз-

Будучи не въ состояніи помочь ему, она написала письмо къ твоему батюшкѣ, которое при семъ прилагается [1]). Содержаніе его мнѣ извѣстно изъ ея словъ. Не знаю, что̀ вы рѣшите, а оставлять его тамъ нельзя. Постарайтесь отправить къ нему кого-нибудь или соединенными усиліями вызвать его въ Москву. Гдѣ вы теперь, въ Москвѣ или на дачѣ [2])? Что̀ ты подѣлываешь, что̀ наши, что̀ „Москвитянинъ“ [3])? Поздній выходъ номеровъ много повредилъ ему. Получена ли моя статья [4]), и что̀ ты о ней думаешь? Тебѣ, вѣрно, она показалась слишкомъ мягкою. Мое житье-бытье по-старому; только теперь всѣ мои знакомые разъѣхались и потому свободнаго времени у меня больше. Если бъ ты зналъ, что̀ такое лѣто въ Петербургѣ! Представь себѣ, что гораздо хуже, чѣмъ въ Москвѣ. Время ѣхать въ Сенатъ. Прощай. Не пеняй за краткость письма и не обрѣзывай отвѣта по его мѣрѣ. Обнимаю тебя крѣпко и прошу тебя обнять твоего батюшку

можно и усиливаетъ хандру, а всякое другое занятіе - не занятіе, а потому также усиливаетъ хандру. Изнуреніе силъ совершенное. Вотъ вамъ мое состояніе“. То же самое писалъ Гоголь Н. М. Языкову 5-го іюня.

[1]) Вѣроятно, объ этомъ письмѣ Смирновой къ С. Т. Аксакову говоритъ Вѣра Сергѣевна Аксакова въ письмѣ къ М. Г. Карташевской: „Получено письмо... по поводу Гоголя, который теперь въ такой хандрѣ и такъ боленъ, что не знаютъ, что̀ съ нимъ дѣлать. Онъ въ перепискѣ съ Смирновой и пишетъ къ ней о своемъ положеніи; и здѣсь также получены отъ него письма такого же содержанія“.

[2]) Въ письмѣ къ Гоголю изъ Москвы отъ 11-го іюня 1845 года С. Т. Аксаковъ говоритъ: „завтра, если Богъ допуститъ, мы съ Ольгой Семеновной и нашей несчастной страдалицей Оленькой отправимся въ деревню“.

[3]) Ю. Ѳ-чу было, конечно, извѣстно, что еще въ началѣ мая И. В. Кирѣевскій отказывался отъ редакторства „Москвитянина“; Ю. Ѳ. былъ въ то время въ Москвѣ (получивши 28-дневный отпускъ, Ю. Ѳ. 19 апрѣля поѣхалъ въ Москву и оставался тамъ до 16 мая). Но ему неизвѣстно было, что И. В. Кирѣевскій, несмотря на уговоры семьи и друзей, рѣшительно отказался отъ редакторства, что послѣдующіе переговоры между Погодинымъ и славянофилами о выборѣ новаго редактора не привели ни къ чему и что „Москвитянинъ“ остался въ исключительномъ завѣдываніи Погодина.

[4]) Подъ статьею нужно разумѣть разборъ сочиненія гр. В. А. Соллогуба: „Тарантасъ“, напечатанный первоначально въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 г., а затѣмъ въ I томѣ сочиненій Ю. Ѳ-ча.

и брата [1]). Каковы глаза Сергѣя Тимоѳеевича? [2]) Еще разъ прощай.

124.

(Петербургъ, 1845).

Любезный Аксаковъ, я получилъ твое письмо позднѣе, чѣмъ слѣдовало, потому что три дня я жилъ на Островахъ и не имѣлъ съ городомъ никакихъ сообщеній. Теперь, получивъ его и обдумавъ, я спѣшу отвѣтить. Жаль, очень жаль, что „Москвитянина“ издавать намъ нельзя; вѣрю, что съ вашей стороны всѣ усилія были употреблены и потому не стану распространяться объ этомъ, какъ о дѣлѣ конченномъ [3]). Что жъ касается до твоего желанія замѣнить журналъ брошюрами, наполненными критиками и библіографіями, то оно кажется мнѣ рѣшительно неудобоисполнимымъ и просто невозможнымъ. Я согласенъ, что критическій разборъ книгъ—необходимая, самая важная часть журнала, но я не понимаю книги, состоящей изъ однѣхъ критикъ. Критика возможна при другомъ. Кто подписался на журналъ, кому приносятъ его ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, тотъ прочтетъ и критику. Но кто же станетъ покупать однѣ критики? Кому нужда до твоего, до моего мнѣнія о той или другой книгѣ? Мнѣніе журнала — другое дѣло. Но мнѣніе неизвѣстнаго или мало извѣстнаго лица? Первое мое возраженіе: выпуски, тобою предполагаемые, не возбудятъ участія; ихъ не будутъ чи-

---

[1]) И. С. Аксакова, который, по возвращеніи изъ Астрахани въ концѣ 1844 года, жилъ въ Москвѣ и послѣ Пасхи занялъ опять въ Правительствующемъ Сенатѣ прежнюю должность секретаря 2-го отдѣленія VI-го департамента.

[2]) Весною 1845 года Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ заболѣлъ глазами: онъ сталъ плохо видѣть сперва лѣвымъ глазомъ, а потомъ и правымъ.

[3]) Переговоры славянофиловъ съ Погодинымъ о выборѣ новаго редактора для „Москвитянина“, вслѣдствіе отказа И. В. Кирѣевскаго, продолжались до конца мая, когда переговоры эти прекратились и „Москвитянинъ“ остался въ исключительномъ завѣдываніи Погодина. 31 мая Н. М. Языковъ писалъ своему брату Александру Михайловичу: „„Москвитянинъ“ возвращается въ полныя объятія Погодина“.

тать. Ты отвѣчаешь на это своею брошюрою [1]). Во-первыхъ, когда дождемся мы такой книги, какъ „М. Д.“ [2]), которая бы столько, такъ повсемѣстно читалась, столько бы возбудила толковъ всякаго рода? Во-вторыхъ, ты знаешь самъ, что твоя брошюра имѣла успѣхъ (т. е. задѣла за живое „Отечественныя Записки“ и кое-кого изъ нашихъ знакомыхъ [3])), потому что въ ней думали найти яркую нелѣпость, дикое преувеличеніе. Избави Богъ всякій журналъ отъ такого успѣха! Весь успѣхъ основанъ былъ на недоразумѣніи, недобросовѣстномъ только со стороны немногихъ, а не большинства. Вотъ мое первое возраженіе. Второе заключается въ скудости современной литературы. О чемъ мы будемъ говорить? Согласись самъ, не смѣшно ли издавать книгу о „Тарантасѣ“ [4]), о поэмѣ Майкова [5]) и прочихъ бездѣлицахъ? Другое дѣло литературныя студіи: о Ломоносовѣ—книга, о Державинѣ—другая, о Пушкинѣ—третья и т. д.; но это будутъ ученые трактаты, а не критики современныхъ явленій, не журнальныя статьи. Что касается лично до меня, то вотъ мой отвѣтъ, который ты вѣрно одобришь. Тотъ день для меня счастливый, въ который мнѣ удается три часа посвятить на свои занятія. При этой скудости во времени, я дорожу каждою минутою и посвящаю ее на изученіе лѣтописей; я учусь, чтобъ не отстать, чтобы заготовить цѣлый арсеналъ въ пользу нашихъ убѣжденій. Но писать для другихъ, заниматься тѣмъ, что̀ ничего не прибавитъ или прибавитъ весьма немногое къ моимъ знаніямъ,—я не могу. Правда, я обѣщалъ содѣйствовать „Москвитянину“, и во что̀ бы то ни стало я сдержалъ бы слово, потому что въ моихъ глазахъ было важно поддержать журналъ—органъ Москвы, не дону-

[1]) Подъ брошюрою К. С. Аксакова нужно разумѣть его разборъ „Мертвыхъ Душъ“, написанный въ 1842 году и отпечатанный отдѣльными брошюрами. См. примѣч. 2-ое къ письму за № 31.

[2]) Т. е. какъ „Мертвыя Души“ Гоголя.

[3]) Т. е. Бѣлинскаго, помѣстившаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ критику на вышеупомянутый разборъ К. С. Аксакова, и С. П. Шевырева, отговорившаго Погодина помѣстить статью К. С. Аксакова въ „Москвитянинѣ“.

[4]) О соч. гр. В. А. Соллогуба: „Тарантасъ“.

[5]) Поэма А. Н. Майкова: „Двѣ судьбы“, вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ въ 1845 году.

скать его до паденія послѣ стольких возбужденныхъ ожиданій. Если бъ я могъ думать, что модныя картинки, мною рисованныя, увеличатъ успѣхъ „Москвитянина“, я сталъ бы рисовать модныя картинки. Но теперь—дѣло другое. Зачинать дѣло новое, въ неудачѣ котораго я увѣренъ, согласись самъ, я не могу. Одного я не понимаю въ твоемъ письмѣ. Ты говоришь о новомъ журналѣ, который можно будетъ предпринять съ будущаго года. Но неужели ты думаешь, что, если шлёпнется „Москвитянинъ“, кто-нибудь повѣритъ новому объявленію? Ясно будетъ доказана невозможность журнала въ Москвѣ. И потому я думаю: въ какія бы руки ни перешелъ „Москвитянинъ“, какою бы дрянью ни наполнялъ его Погодинъ, поддерживать его всѣми силами до будущаго года, т. е. помѣщать въ немъ отъ времени до времени все, что удастся написать помимо другихъ занятій, чтобы только поддержать журналъ, какъ органъ. Не то, если на этомъ поприщѣ нѣтъ успѣха, бросить журналистику совсѣмъ и налечь на другое. Диссертаціи, книги, лекціи не позволятъ забыть, что есть на свѣтѣ Богомъ спасаемая Москва. Что̀ диссертація Каткова [1]? Получилъ ли ты письмо, которое поручено мнѣ было переслать твоему батюшкѣ [2]? Сообщилъ ли тебѣ Поповъ мою статью о „Тарантасѣ“? Пишу къ тебѣ изъ Сената, въ которомъ я ночую въ качествѣ дежурнаго. Я вписалъ въ реестръ 175 заглавій полученныхъ бумагъ съ числомъ, содержаніемъ и померомъ. Рука устала, голова болитъ ужасно; отъ сторожей вонь пренепріятная...

125.

(Петербургъ, 1845).

Любезный Аксаковъ, наскоро отвѣчаю тебѣ на письмо, которое я получилъ отъ Попова. Мнѣніе мое о предполагае-

---

[1] Магистерская диссертація М. Н. Каткова: „Объ элементахъ и формахъ Словено-Русскаго языка“.

[2] Т. е. письмо А. О. Смирновой, о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову.

момъ тобою изданіи [1]) ты знаешь: моя мысль та, что лучше поддерживать „Москвитянина", чѣмъ заводить новое. Что жъ касается до моей статьи о „Тарантасѣ", то располагайте ею, какъ сами знаете, только, если ужъ выходить ей когда-нибудь, то надобно поскорѣе, а иначе о „Тарантасѣ" успѣютъ 20 разъ перезабыть [2]). Скажи Попову, что я скоро дамъ ему отвѣтъ и жалѣю и радуюсь его пріѣзду [3]). Какъ жаль, что я не узналъ этого ранѣе! Мы могли бы нанять квартиру вмѣстѣ, а теперь поздно; я уже распорядился. Спѣшу въ Сенатъ. Прощай. Поклонись отъ меня батюшкѣ твоему и брату. На досугѣ написалъ бы ты мнѣ два-три слова о диспутѣ Каткова [4]).

126.

(Петербургъ, 1845) [5]).

Любезный Аксаковъ, Богъ вѣдаетъ, сколько времени ты ко мнѣ не писалъ. Узналъ я стороною отъ Бюлера [6]), къ

[1]) Подъ этимъ изданіемъ нужно, вѣроятно, разумѣть зарождавшійся въ то время „Московскій Сборникъ". Не поладивъ съ Погодинымъ, Московскій кружокъ славянофиловъ задумалъ издавать альманахъ или сборникъ. „Погодинъ не робѣетъ—писалъ 6-го іюля 1845 года Н. М. Языковъ своему брату Александру Михаиловичу, —а юное поколѣніе, которому онъ никакъ не захотѣлъ повѣрить „Москвитянинъ", собирается издавать альманахъ, коимъ завѣдывать будетъ Пановъ".

[2]) Свой разборъ „Тарантаса" Ю. Ѳ. предполагалъ помѣстить въ „Москвитянинѣ", но, когда этотъ журналъ остался снова (послѣ отказа И. В. Кирѣевскаго отъ редакторства) въ исключительномъ завѣдываніи Погодина, К. С. Аксаковъ и нѣкоторые другіе московскіе друзья Ю. Ѳ-ча не рѣшились отдать эту статью Погодину.

[3]) А. Н. Поповъ собирался въ это время ѣхать въ Петербургъ для поступленія на службу; осенью 1845 года онъ рѣшился поступить въ Сенатъ.

[4]) Диспутъ М. Н. Каткова на степень магистра происходилъ 9-го іюня 1845 года въ Московскомъ университетѣ.

[5]) Письмо это относится къ среднимъ числамъ сентября 1845 года: о своемъ рѣшеніи оставить Петербургъ Ю. Ѳ. могъ написать, только получивши совѣтъ отца просить о мѣстѣ въ губерніи, а объ этомъ Ѳ. В. писалъ Ю. Ѳ-чу 16-го сентября (см. письмо за № 204); на это же время указываетъ и фраза: „Александра Осиповна Смирнова, наконецъ получила записку отъ Гоголя и, зная, какъ вы его любите, поручаетъ мнѣ переслать ее къ твоему батюшкѣ".

[6]) Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ (род. въ 1821 г., ум. въ 1896 г.), впослѣдствіи почетный опекунъ и директоръ Московскаго Глав-

которому писалъ Иванъ Сергѣевичъ, что ты удивляешься, почему я не отвѣчаю на твое письмо, въ которомъ ты вызывалъ меня участвовать въ альманахѣ, а меня еще болѣе удивляетъ то, что ты какъ будто не получалъ моего письма, въ которомъ я подробно написалъ тебѣ, что̀ я думаю объ альманахѣ. Помню, что ты говорилъ объ немъ въ то время, какъ о дѣлѣ предполагаемомъ, но никогда не получалъ я отъ тебя приглашенія участвовать, котораго, впрочемъ, я не сталъ бы и дожидаться, если бы узналъ, что ты точно издаешь его. Но ты объ этомъ мнѣ не написалъ ни слова, и я думалъ, что и это предпріятіе не состоялось. Впрочемъ, я буду отвѣчать такъ же, какъ отвѣчалъ на вызовъ участвовать въ „Москвитянинѣ", т. е., если напишется что-нибудь, я, разумѣется, отдамъ тебѣ, а обѣщать не могу, потому что начатаго у меня нѣтъ ничего, а, главное, недостаетъ свободнаго времени. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени я заваленъ работою, да еще какою! Утро, какъ извѣстно тебѣ, я провожу въ Сенатѣ, да оттуда беру на домъ работы на 4, на 5 часовъ, а иногда просиживаю за нею до пѣтуховъ. Ты можешь себѣ представить, какъ легко должно быть на сердцѣ послѣ такой работы и какъ свѣжа голова. Всего досаднѣе то, что время и труды пропадаютъ даромъ. Въ этой кипѣ бумагъ, которую я перечиталъ, знаю напередъ,—недобросовѣстная, умышленная ложь или вранье; читаешь и чувствуешь, что тебя надуваютъ, а дѣлать нечего. Завтра наскоро, поверхностно разскажешь все это, а тебя не только не будутъ слушать, даже не возьмутъ на себя труда принять видъ, что слушаютъ. Съ какою оскорбительною небрежностью все это дѣлается, ты себѣ представить не можешь. За этимъ бездѣльемъ проходятъ дни, недѣли и мѣсяцы. Когда въ свободный часъ я беру книгу, лѣтопись ли, журналъ ли, предметы нашихъ обычныхъ бесѣдъ точно несутся ко мнѣ навстрѣчу, точно завязывается

наго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, служилъ въ это время въ Сенатѣ. Баронъ Бюлеръ кончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія годомъ раньше И. С. Аксакова и участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1844 году въ Астраханской ревизіонной комиссіи подъ начальствомъ кн. П. П. Гагарина.

снова прерванный разговоръ, и какъ тогда и досадно, и грустно, и завидно на тебя. Ахъ, Аксаковъ, сколько мы съ тобой потеряли времени! По крайней мѣрѣ, утѣшь меня хоть тѣмъ, что ты теперь усердно трудишься для общаго дѣла. Грѣхъ тебѣ не писать ко мнѣ! Или ты не понимаешь, что мнѣ тяжело невтерпёжъ, что я не пишу потому, что я всячески въ себѣ самомъ заглушаю вѣчныя жалобы и не даю разливаться желчи, которою полна моя душа? Неужели ты теперь вздумаешь считаться со мною письмами? Хорошо тебѣ жить на свободѣ и по сердцу; попробовалъ бы ты моей доли! Въ заключеніе и себѣ и тебѣ въ утѣшеніе объявляю, что я скоро, скоро оставлю Петербургъ и ужъ навсегда. Памятенъ мнѣ будетъ этотъ годъ! Куда я поѣду, не знаю. Хочется мнѣ на Волгу или въ Малороссію. Только прошу тебя никому не говорить объ этомъ, кромѣ Хомякова; на это у меня много причинъ. Прощай. Пиши же ко мнѣ, о себѣ, о своей диссертаціи, о занятіяхъ, о Москвѣ, о нашихъ знакомыхъ, обо всемъ, и, если можно, такъ четко, если по почтѣ, то осторожно. Александра Осиповна Смирнова, наконецъ, получила записку отъ Гоголя и, зная, какъ вы его любите, поручаетъ мнѣ переслать ее къ твоему батюшкѣ [1]). Еще разъ прощай. Обнимаю тебя крѣпко. Поклонись отъ меня Сергѣю Тимоѳеевичу и напиши, въ какомъ положеніи его глаза. Ивану Сергѣевичу перешли мое дружеское привѣтствіе [2]).

[1]) Подъ запиской Гоголя нужно разумѣть его письмо къ А. О. Смирновой изъ Грефенберга отъ 11-го сентября 1845 года, въ которомъ Гоголь извѣщаетъ, что онъ уже съ мѣсяцъ лѣчится у Присница и на слѣдующей недѣлѣ отправляется въ Римъ. Это письмо было получено А. О. Смирновой, повидимому, уже по переѣздѣ ея съ дачи, изъ Павлина, въ Петербургъ, а передъ тѣмъ она въ теченіе четырехъ недѣль не имѣла писемъ отъ Гоголя и начинала безпокоиться на его счетъ. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, написанномъ изъ Петербурга 19 сентября, повидимому вскорѣ по полученіи письма Гоголя, А. О. Смирнова, между прочимъ, сообщала Гоголю слѣдующее: „Я переслала вашу послѣднюю записку Аксакову—порадовать старика доброю вѣстью о васъ. Вы, кажется, любите новости, а у насъ ихъ такъ много, что высказать трудно. Я же живу между Петербургомъ и Москвою, потому часто вижу Самарина, напитаннаго еще духомъ премудрости вашихъ друзей и вѣрнаго ему по сихъ поръ, но грустящаго и, кажется, колеблющагося“.

[2]) И. С. Аксаковъ служилъ въ это время въ Калугѣ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты.

127.

(Петербургъ), 27 января (1846).

Любезный Аксаковъ, нужно ли говорить тебѣ, что я давно, давно собираюсь къ тебѣ писать? А чтобы объяснить тебѣ, почему до сихъ поръ не удалось мнѣ привести моего желанія въ исполненіе, надобно бы тебѣ разсказать по днямъ и по часамъ всю жизнь мою—задача трудная и неблагодарная, и потому я оставляю ее въ сторонѣ. Вѣроятно до тебя уже дошло и даже я просилъ сообщить тебѣ извѣстіе о перемѣнѣ моей службы. Мнѣ предложили ѣхать въ Ригу. Возможность увидѣть новый край въ самую занимательную минуту, когда пробуждено столько важныхъ вопросовъ, представилась мнѣ, какъ самый благопріятный случай изучить предметы и отношенія, съ которыми я, можетъ быть, въ другой разъ не встрѣчусь. Я согласился и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ [1]), отъ котораго буду командированъ въ Ригу, къ Головину [2]). На долго ли, этого я не знаю; это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Рѣшившись на это, я долженъ былъ отказаться отъ надежды побывать въ Москвѣ, встрѣтить въ ней весну и обнять всѣхъ васъ. Разумѣется, это стоило мнѣ многаго, но я все-таки думаю, что я поступилъ хорошо. Послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ было мнѣ гораздо менѣе въ тягость, чѣмъ первый годъ. Всѣ мои отношенія съ здѣшнимъ обществомъ не то что прервались, а нечувствительно развязались. Присутствіе Попова было для меня великою отрадою, потомъ подъѣхалъ братъ мой [3]), Дмитрій Оболен-

[1]) Принять должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, прикомандированнаго къ генералъ-губернатору Остзейскихъ губерній Е. А. Головину, Ю. Ѳ. рѣшился еще въ декабрѣ 1845 года, но прошеніе о перечисленіи изъ министерства юстиціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ Ю. Ѳ. подалъ только 14-го января 1846 года; причисленъ онъ оффиціально къ министерству вн. дѣлъ, согласно этому прошенію, 9-го февраля 1846 года.

[2]) Евгеній Александровичъ Головинъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1858 г.), главнокомандующій на Кавказѣ съ 1838 по 1842 годъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній въ 1845 году.

[3]) Михаилъ Ѳедоровичъ Самаринъ въ январѣ 1846 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Сенатъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вслѣдствіе болѣзни, долженъ былъ оставить службу и уѣхать за границу.

скій[1]), такъ что мысль Хомякова о Московской колоніи начинаетъ осуществляться [2]). Извѣстія изъ Москвы я получаю постоянно, къ сожалѣнію все больше грустныя. Бѣдный Валуевъ [3])! Не разъ придется его помянуть. На-дняхъ получилъ я два письма: одно отъ Попова, другое отъ Шевырева, и узналъ отъ нихъ, что твоя диссертація пропущена и печатается, и что роковой день диспута приближается. Жаль, что меня не будетъ, не могу сказать, какъ жаль! Во-первыхъ, мнѣ хотѣлось бы присутствовать при торжественной минутѣ, которая, конечно, есть одна изъ свѣтлыхъ точекъ въ нашей безцвѣтной, сѣренькой жизни; наконецъ, кромѣ того, можетъ быть мнѣ удалось бы чѣмъ-нибудь услужить тебѣ такъ же, какъ на послѣднемъ обѣдѣ Шевыреву. Помнишь [4])? Узналъ я также, что ты получилъ письмо отъ Гоголя; я угадываю содержаніе—оно для меня въ высшей степени любопытно [5]). Я также получилъ отъ него письмо на-дняхъ, которое когда-

---

[1]) Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій съ конца октября 1845 г. по іюль 1851 г. исправлялъ должность товарища предсѣдателя 1-го департамента С.-Петербургской палаты гражданскаго суда.

[2]) Въ письмѣ къ А. В. Веневитинову (см. примѣч. 8-ое къ письму за № 169) отъ 24 октября 1844 года А. С. Хомяковъ говорилъ между прочимъ слѣдующее: „Поддержи въ Самаринѣ его московскіе, т. е. общечеловѣческіе, интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ характеромъ московскимъ, въ которомъ бывать, т. е. людямъ не испортившимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно и привольно. Такой кружокъ возстановилъ бы многихъ, утратившихъ отчасти свою лучшую натуру, и, я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это, по настоящему, твое бы было дѣло по той простой причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ Петербургѣ, а Москва, т. е. Русь, не имѣетъ“.

[3]) Дмитрій Александровичъ Валуевъ, смерть котораго Ю. Ѳ. здѣсь оплакиваетъ, скончался въ Новгородѣ, по пути за границу, 23 ноября 1845 года; см. о немъ письма за №№ 69 и 70.

[4]) Обѣдъ въ честь Шевырева, устроенный его друзьями и знакомыми по окончаніи имъ публичнаго курса лекцій 1844—1845 года, состоялся 3-го мая 1845 года. Но остается неизвѣстнымъ, про какую услугу говоритъ здѣсь Ю. Ѳ.

[5]) Письмо это до сихъ поръ не опубликовано. Оно отправлено было Гоголемъ при письмѣ къ Сергѣю Тимоѳеевичу отъ 25 ноября 1845 года; о немъ упоминаетъ А. О. Смирнова въ письмѣ къ Гоголю отъ 7 февраля 1846 года.

нибудь сообщу тебѣ, но разсказать содержаніе трудно, а выписывать долго. Онъ вызываетъ меня на переписку; разумѣется, я этимъ воспользуюсь [1]). Теперь хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твои письма и на то, что доходило до меня стороною о тебѣ. Во-первыхъ, ты поручалъ батюшкѣ и брату своему черезъ Дмитрія Оболенскаго развѣдать, получилъ ли я твои два письма и почему такъ долго не отвѣчаю. Трудно мнѣ угадать, о какихъ именно письмахъ ты говоришь, когда ты никогда не выставляешь на нихъ чиселъ. Два письма я точно получилъ, въ одномъ изъ нихъ шла рѣчь о моей статьѣ о „Тарантасѣ"; но эти письма были отвѣтами на мои письма. Послѣ того получилъ я еще одно; вотъ и все. Наконецъ, позволь мнѣ попрежнему побранить тебя: батюшка писалъ мнѣ о томъ, какъ вы разъ на вечерѣ до того спорили, что почти поссорились. Я не знаю подробностей, да и не нуждаюсь въ подробномъ разсказѣ, ибо легко могу вообразить, о чемъ и какъ вы спорили; знаю также, что по убѣжденію я былъ бы болѣе на твоей сторонѣ. Но одно меня удивляетъ и огорчаетъ, какъ ты до сихъ поръ не можешь понять, что и какъ кому должно говорить, какъ не понимаешь ты, до какой степени мысль можетъ быть принята лицомъ, и что, наконецъ, человѣкъ въ извѣстныхъ лѣтахъ, воспитанный своимъ временемъ и событіями извѣстнымъ образомъ, не можетъ перемѣнить образа мыслей и, въ угоду намъ, изъ 60-лѣтняго сдѣлаться 30-лѣтнимъ. Наконецъ, онъ, можетъ быть, и приметъ мысль, но нужно представить ее извѣстнымъ образомъ; можетъ быть онъ безсознательно съ нею сочувствуетъ, не признавая только всѣхъ ея послѣдствій,

[1]) См. приложеніе III: письмо Гоголя отъ 3 января 1846 г. Объ этомъ письмѣ къ Ю. Ѳ-чу Гоголь говоритъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 27 января 1846 года: „Вы писали мнѣ въ прежнемъ письмѣ вашемъ, чтобы я не дичился съ Самаринымъ, если онъ будетъ писать ко мнѣ. На это скажу вамъ, что еще не дичился въ такомъ смыслѣ ни одного человѣка и не оставлялъ безъ отвѣта ни одного письма, если только было подвинуто душевнымъ побужденьемъ, если оно было что-нибудь похожее на душевную исповѣдь или даже на потребность душевную. А доказательство всему этому то, что я, не получивши отъ Самарина ни строки, написалъ ему на-дняхъ самъ вызовъ".

а ты всегда выразишь ее такъ, что не только не привлечешь, а, напротивъ, оттолкнешь. Я говорю тебѣ это потому, что въ послѣднее время я узналъ впечатлѣніе, произведенное тобою на людей различныхъ разборовъ. Вообще изъ разговоровъ съ тобою всѣ выносятъ личное къ тебѣ уваженіе, убѣжденіе въ твоихъ способностяхъ, но ничего отъ тебя не принимается, оттого что ты вовсе не соображаешь, съ кѣмъ ты говоришь. Кажется ясно, что такое соображеніе вовсе не заключаетъ въ себѣ предосудительной уступчивости; это—простое и необходимое условіе всякаго разговора: надобно говорить языкомъ внятнымъ не только для ушей, но для ума и сердца, а твой разговоръ имѣетъ характеръ лиризма.

27 января. Я думалъ, что мнѣ придется послать это письмо по почтѣ и потому хотѣлъ написать тебѣ о многомъ глухо и осторожно, но вотъ представился неожиданный случай доставить тебѣ это письмо въ руки; итакъ, я могу говорить свободно. Слышалъ ли ты о томъ, что̀ дѣлается въ Остзейскихъ провинціяхъ? Отстранивъ всѣ подробности и частности, можно выразить сущность тамошняго движенія слѣдующимъ образомъ: народъ, угнетенный высшимъ сословіемъ, проситъ защиты у русскаго правительства и зоветъ его на помощь и освобожденіе. Дѣло святое и чистое; но, кромѣ послѣдствій, которыя оно можетъ имѣть и не имѣть для Латышей, оно чрезвычайно важно для Россіи, можетъ измѣнить отношеніе власти къ намъ самимъ, т. е. къ Русскимъ. Принимая сторону народа, до сихъ поръ чуждаго ему и отдѣленнаго отъ него высшимъ сословіемъ, противъ вѣрнаго и преданнаго сословія дворянскаго, правительство, очевидно, дѣйствуетъ наперекоръ себѣ, своему духу и направленію, какъ правительству отвлеченному, нѣмецкому. Въ этомъ дѣлѣ оно представляется защитникомъ началъ народнаго, религіознаго, антиаристократическаго и протестантскаго, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ и, разумѣется, безсознательно, подчиняетъ свой произволъ отвлеченной власти всѣмъ этимъ началамъ. Нѣмцы поняли это прежде насъ и высказали открыто въ цѣломъ рядѣ запрещенныхъ и, вѣроятно, не дошедшихъ до васъ статей. Между

тѣмъ такое дѣйствіе правительства, во-первыхъ, лишитъ его надежной опоры наемной дружины—Нѣмцевъ, защитниковъ отвлеченнаго начала, во-вторыхъ, свяжетъ его на будущее время. Вотъ, какъ я смотрю на дѣло, и почему, несмотря на всѣ увѣщанія, предостереженія и оскорбительныя обвиненія, я рѣшился всѣми силами содѣйствовать успѣшному окончанію начатаго дѣла.—Почти въ одно время съ этимъ письмомъ дойдетъ до тебя извѣстіе о моемъ пожалованіи въ камеръ-юнкеры [1]). Что это мнѣ весьма непріятно, что я не зналъ о представленіи моемъ, иначе сдѣлалъ бы все возможное для отвращенія непрошенной милости, ты догадаешься самъ. Отвратить ее не было никакой возможности; потому я покоряюсь молча и, скрѣпя сердце, принимаю поздравленія. Теперь моя къ тебѣ просьба: ни о видахъ моихъ, ни о взглядѣ на происшествія въ Остзейскихъ провинціяхъ, ни о камеръ-юнкерствѣ, н и к о м у н и с л о в а. Этого письма... [2]) н и к о м у не читай, кромѣ Сергѣя Тимоѳеевича, если захочешь, б о л ь ш е н и к о м у. Пускай меня бранятъ въ твоемъ присутствіи и дразнятъ тебя, что нарядили меня въ придворный мундиръ, ты изъ дружбы ко мнѣ не заступайся и молчи. Въ Ригу ты ко мнѣ лучше не пиши, ибо едва-ли ты будешь въ состояніи написать цѣлое письмо, не упоминая о Москвѣ и Петербургѣ, о народѣ, о Нѣмцахъ и т. д., а малѣйшая неосторожность можетъ испортить дѣло, по крайней мѣрѣ, восколько я въ немъ буду участвовать. На сей разъ прощай. Обнимаю тебя крѣпко. Мой сердечный привѣтъ Сергѣю Тимоѳеевичу и брату твоему, и всѣмъ нашимъ. Если можешь написать такое письмо, которое можно послать по почтѣ, то напиши; я очень желалъ бы узнать о судьбѣ твоей диссертаціи, о диспутѣ и т. д. Еще разъ прощай, будь здоровъ и остороженъ.

---

[1]) Ю. Ѳ. пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера 19-го января 1846 года.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ оторвана часть листка, одно слово не сохранилось.

128.

(Петербургъ, 1846) [1]).

Любезный Аксаковъ, Богъ знаетъ, сколько времени ты ко мнѣ не писалъ. Знаю, что въ этомъ отчасти виноватъ я самъ, но я думалъ, что ты догадаешься, что съ моей стороны это была временная мѣра осторожности. Я просилъ тебя не писать ко мнѣ, потому что со дня на день ждалъ назначенія въ Ригу и зналъ, что всѣ письма, пересылаемыя въ Ригу, любознательными людьми читаются; но меня пошлютъ туда еще не скоро. Ты зналъ, что я назначенъ былъ къ здѣшнему комитету [2]); наконецъ, могъ же ты найти случай написать ко мнѣ не по почтѣ. Слишкомъ три мѣсяца я не имѣю никакихъ извѣстій о васъ всѣхъ. Одна только Катерина Александровна [3]) изрѣдка ко мнѣ пишетъ; на-дняхъ еще я получилъ отъ нея письмо; не знаю навѣрное, кѣмъ оно было привезено, кажется твоею тетушкою. Хомяковъ совсѣмъ забылъ меня. Я не могу быть къ этому равнодушенъ; не могу также слышать безъ прискорбія тѣхъ толковъ обо мнѣ, которые доносятся изъ вашего круга. Мнѣ бы не хотѣлось и говорить объ этомъ, но если уже слышали объ этомъ и посторонніе люди (Александръ Карамзинъ [4])), то надобно же намъ объясниться. Я думаю, никому не приходило въ голову, чтобы я желалъ камеръ-юнкерства и

---

[1]) Объясненія Ю. Ѳ-ча по поводу пожалованія его въ камеръ-юнкеры, упоминаніе про стихи изъ „предполагаемаго" водевиля К. С. Аксакова, нѣсколько строкъ о „Петербургскомъ Сборникѣ"—указываютъ, что это письмо относится къ 1846 году, упоминаніе про службу Ю. Ѳ-ча въ Лифляндскомъ комитетѣ заставляетъ отнести это письмо къ первой половинѣ 1846 года, а фразы: „слишкомъ 3 мѣсяца я не имѣю никакихъ извѣстій о васъ всѣхъ" и „Хомяковъ совсѣмъ забылъ меня"—указываютъ, что оно написано въ мартѣ мѣсяцѣ, такъ какъ въ серединѣ декабря 1845 года и въ началѣ апрѣля 1846 г. А. С. Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ-чу.

[2]) Ю. Ѳ. былъ назначенъ помощникомъ производителя дѣлъ двухъ комитетовъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ—главнаго и приготовительнаго—14 февраля 1846 года.

[3]) Екатерина Александровна Свербеева; см. примѣч. къ письму за № 22.

[4]) Александръ Николаевичъ Карамзинъ (род. въ 1815 г., ум. въ 1888 г.)—сынъ историографа, бывшій во время губернскихъ комитетовъ 1858—1859 гг. предводителемъ дворянства Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

радовался, получивъ его. Это сдѣлалось безъ моего спроса и вѣдома, не въ знакъ особеннаго ко мнѣ благоволенія, а потому, что такъ заведено, что этого миновать нельзя. Получивъ камеръ-юнкерство, отказаться отъ него значило бы подвергать себя по малой мѣрѣ ссылкѣ въ Вятку. Въ настоящемъ моемъ положеніи, не признавая себя въ правѣ располагать собою безусловно, я не могъ и думать объ этомъ. Если бъ я былъ одинъ на свѣтѣ и вполнѣ независимъ, можетъ быть я бы подумалъ объ этомъ, но, вѣроятно бы, не сдѣлалъ, не потому, чтобы я считалъ себя неспособнымъ пожертвовать собою, а потому, что, если идти на жертву, такъ не въ маломъ дѣлѣ, которое касается до меня лично. Неминуемо представятся иного рода случаи, въ которыхъ нужна будетъ вся сила воли и все самоотверженіе не для того, чтобы, зажмуривъ глаза, рискнуть своею участью или жизнью, а для того, чтобы, безъ всякой надежды на успѣхъ, постоять за мысль, которой никто не пойметъ и не оцѣнитъ, наконецъ, просто для того, чтобы сохранить вѣру въ нее и исповѣдать ее, сознавая ясно невозможность приложить ее къ дѣлу и осуществить. То направленіе мысли, которое характеризуетъ Москву, современемъ проникнетъ всюду и пересоздастъ государственную, общественную и семейную жизнь, но это время еще ужасно далеко. Мысль московская еще не вступила въ моментъ обособленія; она не можетъ дать отвѣта ни на одинъ изъ тѣхъ вопросовъ законодательныхъ, административныхъ и прочихъ, которые безпрестанно возникаютъ и должны же быть рѣшены какъ-нибудь. Вотъ почему такъ называемое петербургское направленіе идетъ своимъ чередомъ, и почему отрицательный образъ дѣйствія противъ него совершенно безплоденъ. — Я читалъ твои стихи изъ предполагаемаго водевиля [1]; они отчасти были мнѣ извѣстны. Ты знаешь, что я вполнѣ раздѣляю то чувство, которое ихъ внушило, но, какъ

[1]) Рѣчь идетъ о водевилѣ К. С. Аксакова: „Почтовая Карета", который былъ поставленъ на сценѣ Московскаго Малаго театра 24 апрѣля 1846 года. Въ немъ были куплеты о Петербургѣ и Москвѣ, куплеты, въ которыхъ Петербургъ противополагался Москвѣ, какъ городъ чуждый Россіи.

поступокъ, какъ вещь, придуманную для того, чтобы произвести эффектъ и подвинуть дѣло, считаю ихъ совершенно безплодными. Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что я получилъ письмо отъ Гоголя и отъ А. О. Смирновой отрывокъ изъ его письма къ тебѣ, переписанный ею для меня [1]). Мнѣ бы весьма хотѣлось знать, какое впечатлѣніе оно произвело на тебя. Что до меня, то я могу сказать только, что я не раздѣляю этого взгляда; не такъ я понимаю Его, но я не рѣшусь никакъ сказать, чтобы взглядъ этотъ былъ ложенъ, ибо много разъ случалось, что съ иными мнѣніями Гоголя, оскорблявшими меня, я мирился вполнѣ черезъ нѣсколько времени. Читалъ ли ты въ „Петербургскомъ Сборникѣ" строфу Тургенева, въ которой говорится о московскихъ юношахъ, носящихъ мурмолки [2])?... Поповъ и я—мы перестали ему кланяться; весьма бы желалъ, чтобы дошло до объясненія. Я началъ писать статью о народѣ или, лучше сказать, о религіозномъ характерѣ вопроса о значеніи народа. Мнѣ хочется развить въ ней ту мысль, что оправданіе народа, какъ народа (не возведеніе его на другую ступень посредствомъ распространенія грамотности и т. д.), предполагаетъ непре-

[1]) Разумѣются письма Гоголя, упомянутыя въ предыдущемъ письмѣ.

[2]) Въ началѣ 1846 года изданъ былъ Некрасовымъ „Петербургскій Сборникъ", въ которомъ помѣстили свои произведенія Бѣлинскій, Герценъ, кн. Одоевскій, гр. Соллогубъ, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ и Панаевъ. Между прочимъ тамъ помѣщенъ былъ разсказъ Тургенева въ стихахъ подъ заглавіемъ: „Помѣщикъ"; въ немъ находится та строфа, о которой упоминаетъ Ю. Ѳ.:

„Превозносимый всѣмъ уѣздомъ
Домъ обольстительной вдовы
Бывалъ обрадованъ пріѣздомъ
Гостей нежданныхъ изъ Москвы.
Чиновникъ, на пути въ отцовскій
Далекій, незабвенный кровъ—
(Спасаясь зайцемъ отъ долговъ)
Заѣдетъ... умница московскій
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о......
Отъ шапки-мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья—
Ѣстъ рѣдьку—западныхъ людей
Бранитъ—и пишетъ... донесенья".

мѣнно признаніе односторонности и ложности логическаго знанія, того знанія, на которомъ основана вся современная образованность, и признаніе превосходства того знанія, которое Хомяковъ называетъ жизненнымъ, объ опредѣленіи котораго хлопочетъ Шеллингъ и Мицкевичъ. Однимъ словомъ, народъ, какъ народъ, можетъ быть оправданъ только съ точки зрѣнія религіозной. Не знаю, понимаешь ли ты меня; я это понимаю очень ясно, и мысль эта, въ послѣднее время мнѣ уяснившаяся, сильно меня занимаетъ. Что̀ твоя диссертація [1]? Что̀ другія занятія? Что̀ отношенія твои ко всѣмъ нашимъ? Пожалуйста, напиши мнѣ обо всемъ этомъ, напиши все, что у тебя на сердцѣ, брани меня и пр. Прощай. Обнимаю тебя крѣпко. Поклонись отъ меня всѣмъ и, въ особенности, Сергѣю Тимоѳеевичу. Не читай этого письма никому; я ни передъ кѣмъ не виноватъ и потому не хочу оправдываться.

129.

(Петербургъ), 19—20 Іюля (1846) [2].

Любезный Аксаковъ, я писалъ тебѣ, что буду подробно отвѣчать на твое письмо; пора начать. 21-го числа, то-есть черезъ 4 дня, я ѣду отсюда, и, вѣроятно, письмо мое повезетъ Оболенскій уже по отъѣздѣ моемъ. Я буду говорить совершенно откровенно, не стараясь смягчать выраженій; впередъ прошу тебя не оскорбляться, если сорвется съ языка слишкомъ рѣзкое слово.

Во-первыхъ, о службѣ, о возможности какой-нибудь дѣятельности, объ отношеніи нашемъ къ другой сторонѣ и пр. Я надѣюсь, что ты помнишь хорошо содержаніе своего письма, и потому я не буду выписывать изъ него тѣхъ мѣстъ, на которыя буду отвѣчать, выраженія жъ, изъ нихъ заимствованныя, буду подчеркивать [3]). Если я въ письмѣ къ тебѣ

---

[1]) К. С. Аксаковъ въ это время печаталъ свою диссертацію.

[2]) Это письмо написано передъ самымъ отъѣздомъ Ю. Ѳ-ча въ Ригу въ качествѣ чиновника ревизіонной комиссіи, на которую было возложено: изучить городское устройство и хозяйство Риги и составить проектъ о преобразованіи ея средневѣковаго устройства.

[3]) Выраженія, заимствованныя Ю. Ѳ чемъ изъ письма К. С. Аксакова, напечатаны курсивомъ.

употребилъ выраженіе: „я начинаю службу дѣйствительную“, какъ бы въ противоположность прежней, то я готовъ сознаться, что не точно выразился; я хотѣлъ этимъ сказать, что мнѣ представляется возможность встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тою дѣйствительностью, которая доселѣ извѣстна мнѣ была по отчетамъ и донесеніямъ, что, имѣвъ прежде дѣло съ бумагами, я увижу теперь живыхъ людей. Ты, вѣроятно, согласишься, что второе, какъ школа, какъ предстоящій опытъ, лучше перваго, и, слѣдовательно, я имѣлъ причины радоваться перемѣнѣ обстоятельствъ. Несмотря на это, я всё-таки считаю себя лично неспособнымъ къ службѣ, какой бы то ни было; я предпочелъ бы другой родъ дѣятельности; время, употребляемое мною на службу, я считаю, если не потеряннымъ, то худо употребленнымъ и вотъ почему я оставилъ бы службу, если бы это отъ меня зависѣло. Кромѣ того, я увѣренъ, что вообще служба, при современномъ ея устройствѣ, при господствующихъ теперь понятіяхъ о чиновникѣ и его обязанностяхъ, при его образѣ жизни, есть самый неблагодарный родъ дѣятельности. Всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т. е. учеными, купцами, помѣщиками и пр., люди же должностные, по самому положенію своему невѣжды, будутъ лишь письмоводителями или исполнителями. Такъ, между прочимъ, рѣшенъ былъ въ моихъ глазахъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ, никогда не служившимъ [1]), такъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ и пр. Вотъ,

[1]) Ю. Ѳ. имѣетъ здѣсь въ виду одного изъ двухъ членовъ Лифляндскаго комитета, назначенныхъ правительствомъ отъ лифляндскаго дворянства, именно барона Фелькерзама (см. примѣч. 7 къ письму за № 252), доказывавшаго, что недостаточно обезпечить за отдѣльными крестьянами непрерывное владѣніе арендуемыми ими участками, а должно обезпечить владѣніе землею за всѣмъ крестьянствомъ, какъ сословіемъ. Этотъ принципъ былъ принятъ Лифляндскимъ комитетомъ и проведенъ въ первой статьѣ заключеній.

что̀ я думаю о службѣ. Но тебѣ этого мало; ты прямо и безусловно отрицаешь возможность всякой общей пользы отъ службы; ты пишешь: *пусть частная польза приносится тобою, но никакой планъ болѣе общій, никакая мысль правительственная не должна и не можетъ нами поддерживаться; ты не долженъ приносить туда своего участія.* Что̀ это значитъ? То ли, что правительство не можетъ выдумать ничего общеполезнаго, или, что, хотя бы оно вздумало осуществить дѣло полезное, его поддерживать не должно? Первое кажется мнѣ нелѣпымъ; второе есть чисто-условная opposition systématique, которая едва-ли вытекаетъ изъ живого возрѣнія на жизнь. Я признаю цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, возможныхъ и въ настоящее время, общеполезными по себѣ; эти мѣры, преимущественно отрицательныя, освобождая отъ выстроенныхъ преградъ, снимая наложенныя цѣпи, прямо и положительно содѣйствуютъ развитію духа народнаго и, слѣдовательно, служатъ земскому дѣлу. Если, напримѣръ, позволятъ завтра издавать въ Москвѣ журналъ и освободятъ его отъ цензуры графа Строганова [1]), если дадутъ крестьянамъ право собственности или право выкупа, если сдѣлаютъ какой-нибудь шагъ къ эмансипаціи, если въ устройствѣ городского управленія дадутъ мѣсто общему голосу всѣхъ горожанъ безъ различія сословій (что̀ отчасти уже сдѣлано), если уничтожатъ привилегіи дворянъ, если позволятъ Латышамъ переходить въ православіе, я не только встрѣчу всякую такую мѣру съ радостью. но всячески буду ей содѣйствовать съ полнымъ, сердечнымъ участіемъ. Ты скажешь: этого не захотятъ сдѣлать. Все могутъ захотѣть при современномъ порядкѣ или безпорядкѣ. Какое мнѣ дѣло до того, что̀ именно имѣлъ въ виду тотъ человѣкъ или то правительство, которое предложило и осуществило эту мѣру? Можетъ быть, этому человѣку нужно было подслужиться, схватить крестъ, ленту или графскій титулъ; можетъ быть, это правительство искало только денежной прибыли или бо̀льшей централизаціи, или усиленія своей

[1]) Гр. Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ былъ въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа и предсѣдателемъ Московскаго цензурнаго комитета.

беззаконной власти—пусть судитъ Богъ и народъ—,а мѣра все-таки сама по себѣ хороша: жизнь народная потечетъ въ открытое русло; всякая льгота, всякое дарованное право свободнаго движенія принесетъ благія непредвидѣнныя послѣдствія, а своекорыстная цѣль лица пропадетъ и забудется. Я не говорю, чтобы однѣми отрицательными мѣрами могло совершиться возрожденіе. Это было бы нелѣпо. Но недостаточность ихъ есть вообще недостаточность всей сферы правительственной. Правительство не творитъ жизни, но оно можетъ подавлять ее сознательно и безсознательно, можетъ также содѣйствовать ея развитію. Впрочемъ, кажется, вопросъ между нами не въ томъ. Ты не потому отрицаешь возможность служебной дѣятельности, что она кажется тебѣ неспособною принести пользу, а потому, что она является тебѣ запечатлѣнною смертнымъ, неисцѣльнымъ грѣхомъ. Ты разсуждаешь такъ: правительство отдѣлилось отъ народа и приняло въ себя начала чужеземныя; оно передъ народомъ виновно; всякій человѣкъ служащій становится орудіемъ или представителемъ правительства въ отношеніи къ народу и, слѣдовательно, причастнымъ этой винѣ. Ты былъ бы совершенно правъ, если бы, во-первыхъ, правительство сознательно и преднамѣренно было враждебно духу народному, какъ чужеземецъ-завоеватель къ землѣ завоеванной, и, во-вторыхъ, если бы всякій служащій давалъ обязательство дѣйствовать въ томъ же духѣ. Но какъ бы ни думали о правительствѣ, мы не можемъ считать его таковымъ, и потому примѣръ Конрада Валленрода[1]), тобою приводимый, вовсе не идетъ сюда. Современное зло есть слѣдствіе исторической необходимости; это—вина всей земли. Если теперь это зло поддерживается правительствомъ, то, конечно, безсознательно, и потому, кто гласно дастъ присягу служить правительству и, про себя,—присягу служить землѣ, тотъ нисколько не измѣняетъ ни тому, ни другому, никого не обманываетъ и не выдаетъ. Изъ того, что онъ носитъ мундиръ, не слѣдуетъ, чтобы онъ признавалъ законность угнетенія, какъ не слѣ-

[1]) Конрадъ Валленродъ, гросмейстеръ Тевтонскаго ордена (ум. въ 1393 г.), по преданію, литовецъ, вступившій въ орденъ съ цѣлью отомстить ему за разореніе своей родины, герой поэмы Мицкевича: „Конрадъ Валленродъ“.

дустъ изъ того, что ты теперь надѣлъ нѣмецкое платье, что ты сдѣлался Нѣмцемъ, что мы признаемъ рабство дѣломъ хорошимъ изъ того, что всѣ мы—болѣе или менѣе помѣщики. Ошибочность твоего взгляда въ этомъ случаѣ и во многихъ другихъ происходитъ отъ стремленія, противъ котораго я всегда спорилъ и буду спорить. Признавъ несовмѣстимость и противоположность двухъ началъ, выражающихся въ распаденіи общества, въ антагонизмѣ Петербурга и Москвы, ты хочешь всю современную дѣйствительность размежевать по нимъ на двѣ стороны, провести между ними рѣзкую черту и заклеймить ихъ внѣшними признаками. Такими внѣшними примѣтами являются: платье, мѣсто жительства, въ настоящемъ же случаѣ служебныя занятія. Отсюда—вся твоя терминологія: *должно стоять на противоположной сторонѣ, не соприкасаться съ тѣмъ, что считаемъ гнилымъ* и пр. и пр. Если бы дѣйствительно эти двѣ стороны обозначились такъ рѣзко, то время борьбы миновалось бы, мы уже могли бы трубить побѣду. Но пора страшнаго суда, когда раздѣлятся избранные и отверженные, уже выходитъ изъ предѣловъ нашей дѣйствительности. Говоря языкомъ богословскимъ, ты стѣсняешь Церковь невидимую до предѣловъ Церкви видимой. Можетъ быть ты и допустишь, что принципъ, осуществляясь въ массѣ лицъ, въ каждомъ человѣкѣ, отдѣльно взятомъ, преломляется, видоизмѣняется по законамъ личныхъ случайностей, а не логической необходимости, что другія начала, часто прямо противоположныя, могутъ перевѣшивать его, что эта противоположность можетъ быть и сознательная и безсознательная, но въ сужденіяхъ о частныхъ лицахъ, о различныхъ родахъ дѣятельности ты это забываешь: ты или безусловно благословляешь, или безусловно проклинаешь, ты не признаешь ни сферы индифферентной по себѣ, въ которой можетъ развиваться и доброе и злое начало, ни людей, въ которыхъ мысль въ разладѣ съ жизнью.

Въ томъ, что̀ я сказалъ, заключается уже отвѣтъ на вторую мысль твою, *что жизнь сама себѣ цѣль* (противъ чего я, конечно, не стану спорить), *что въ этомъ смыслѣ не должно разсчитывать, ни думать о завтрашнемъ днѣ, что должно только протестовать, высказывать мысль* и т. п. Возвѣщать

мысль можно словомъ, дѣломъ, примѣромъ; можно возвѣщать ее безотчетно, безъ цѣли, для облегченія сердца, въ порывѣ лирическаго восторга или негодованія, но можно высказывать ее также съ цѣлью чисто-христіанскою, съ желаніемъ обратить или наставить другихъ, съ потребностью участія въ слушателяхъ. Такой образъ дѣйствія предполагаетъ цѣль и планъ. Я знаю въ Петербургѣ многихъ людей, прямо противоположныхъ мнѣ по образу мыслей. При первой встрѣчѣ съ ними, я далъ себѣ слово съ ними не знаться. Совершенно внѣшняя необходимость меня съ ними сблизила, и у многихъ изъ нихъ я долженъ былъ признать свѣтлыя, незараженныя стороны, нѣкоторыя живыя движенія, скованныя ложнымъ образомъ мыслей. Я сблизился съ ними и убѣдился, что тѣ, которыхъ я считалъ погибшими, способны обратиться. Можно было склонить ихъ къ другому образу мыслей, но за это надобно было взяться благоразумно. Иной чувствовалъ превосходство русскаго человѣка надъ нѣмецкимъ, народа надъ образованнымъ классомъ, въ другомъ еще жива была потребность вѣры, третій зналъ и любилъ Москву, хотя, можетъ быть, съ чисто-художественной стороны. Если бъ я потребовалъ отъ нихъ, чтобы они надѣли мурмолки, если бъ я прочелъ имъ нѣкоторые изъ твоихъ стиховъ, если бъ я высказалъ имъ всѣмъ вдругъ и съ одного разу весь мой образъ мыслей, они бы съ ужасомъ отвернулись. Надобно было дѣйствовать на нихъ иначе: съ однимъ говорить о Москвѣ и до поры до времени не упоминать о православіи, съ другимъ—наоборотъ. Повѣрь мнѣ, что я вовсе не хвалюсь обращеніями, но я могъ бы назвать тебѣ людей, которые усомнились въ истинѣ своего направленія, въ которыхъ мы уже не встрѣтимъ враговъ, если и не найдемъ готовыхъ совѣтниковъ. Я дѣйствовалъ съ цѣлью, благоразумно, напирая болѣе на то, въ чемъ съ ними сходился. Видна ли въ этомъ уступка, видно ли послабленіе? Я думаю, что нѣтъ. Я убѣжденъ, что, говоря съ другимъ и для другого, мы обязаны говорить его языкомъ, языкомъ доступнымъ не только его пониманію, но сердцу; все это предполагаетъ цѣль, расчетъ, благоразуміе. Благоразуміе! Я очень хорошо понимаю, сколько оскорбительнаго можетъ быть въ этомъ

словѣ. Я знаю, что всякій любитъ въ другомъ увлеченіе, охотно прощаетъ ребяческую запальчивость и презираетъ благоразуміе потому только, что оно можетъ походить на старческую робость. Пусть думаютъ обо мнѣ, что хотятъ—я благоразуменъ по убѣжденію, можетъ быть и по природѣ; я признаю это вслухъ; но я желалъ бы, чтобы мнѣ указали на человѣка сознательно неблагоразумнаго. Я опять поневолѣ долженъ говорить о себѣ и о своемъ камеръ-юнкерствѣ, надѣюсь уже въ послѣдній разъ. Не могу теперь припомнить точныхъ словъ моихъ объ этомъ предметѣ въ письмѣ къ тебѣ, но за смыслъ ихъ ручаюсь. Я хотѣлъ сказать тебѣ, что, если бъ мнѣ предложили частнымъ образомъ эту награду или честь, я бы уклонился отъ нея; но мнѣ ее навязали, не спросясь; отвергнуть ее по полученіи—я не могъ по семейнымъ моимъ обязанностямъ, но если бы и могъ, то не захотѣлъ бы...: это значило бы погубить себя, а я въ этомъ случаѣ не чувствовалъ потребности самопожертвованія, не считалъ его нужнымъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ, болѣе важномъ, оно было бы безусловно обязательнымъ долгомъ. Опредѣлить по внѣшнимъ примѣтамъ, когда самопожертвованіе нужно, когда нѣтъ, опять-таки нельзя; эти вопросы рѣшаетъ совѣсть человѣка про себя. Скажи мнѣ откровенно: если бы, передъ тѣмъ, какъ тебѣ отдавать въ цензуру статью о Москвѣ, тебѣ сказали, что отнынѣ впредь тебѣ запретятъ печатать что̀ бы то ни было, удержалъ бы ты статью, или нѣтъ? Если бъ удержалъ, счелъ ли бы ты себя виновнымъ, упрекала ли бы тебя совѣсть? Скинувъ мурмолку и терликъ [1]), поступилъ ли ты хорошо или дурно? Ты понимаешь, что я вовсе не обвиняю, не сужу и не оправдываю тебя; мнѣ нужна не оцѣнка твоего поступка, а хочу я знать, какъ по твоему должно бы поступать въ подобномъ случаѣ. Наконецъ, оставивъ въ сторонѣ все, до насъ лично касающееся, я не могу не указать тебѣ на первообразы нравственной чистоты, на идеалы духовной дѣятельности. Отчего апостолы и самъ Спаситель, проповѣдуя Евангеліе, въ однихъ случаяхъ и не разъ уклонялись отъ угрожавшей гибели, убѣгали отъ преслѣдованій, а въ другихъ добро-

[1]) Родъ долгаго кафтана, съ перехватомъ и короткими рукавами.

вольно отдавались имъ въ руки? Слѣдовательно, въ одномъ случаѣ, они думали о завтрашнемъ днѣ, въ другомъ—нѣтъ. Я остаюсь при той мысли, что правило, принятое тобою, одностороние. Я вижу, что въ иныхъ случаяхъ можно и должно беречь себя для другого времени, а въ другихъ должно собою жертвовать; кромѣ того, я вѣрую, что каждый получитъ во время внутреннее извѣщеніе требуемой отъ него жертвы. Въ тебѣ, какъ лицѣ, болѣе развита способность лирическаго, безотчетнаго увлеченія, чѣмъ сознательной, спокойной дѣятельности; въ этомъ—твоя особенность, которую не дай Богъ тебѣ утратить, но ты ошибаешься, возводя ее на степень образа дѣйствія для всѣхъ обязательнаго, абсолютнаго. Поповъ, которому я прочелъ нѣкоторые отрывки изъ твоего письма, сдѣлалъ одно, весьма вѣрное замѣчаніе. Говоря, что жизнь сама себѣ цѣль, что нечего разсчитывать, нечего думать о завтрашнемъ днѣ, ты какъ будто идентифируешь лицо съ народомъ, ибо только народъ живетъ безъ цѣли, безъ оглядки, безотвѣтственно, по какому-то безошибочному откровенію. Ты пишешь мнѣ, что Хомяковъ, которому ты читалъ начало твоего письма, съ тобою согласенъ. Это что-то странно. Впрочемъ, я не могу не замѣтить, что во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ мы расходились, я всегда долженъ былъ признать, что твое мнѣніе истинно, какъ половина полной истины. Поэтому споръ съ тобою есть не что иное, какъ дополненіе недостающей половины; при этомъ весьма трудно уберечь себя отъ противоположной односторонности.

Но сужденіе твое объ А. О. Смирновой даже вполовину не истинно; оно показываетъ только, что ты ея не знаешь: ты остановился на наружныхъ признакахъ, какъ тѣ, которые видятъ въ Хомяковѣ ко всему равнодушнаго болтуна и спорщика. Впрочемъ, сужденіе твое меня нисколько не удивило; я понимаю его возможность тѣмъ лучше, что самъ нѣкогда думалъ то же. Много разъ, когда я уже готовъ былъ съ нею сблизиться, вдругъ одно какое-нибудь слово разрушало впечатлѣніе многихъ вечеровъ; какъ будто оборотившись, она становилась въ моихъ глазахъ другою женщиною. Но въ ея пользу говорили во мнѣ сильно ея отношенія съ Гоголемъ.

ихъ переписка. Всё-таки я зналъ, что Гоголь не полюбитъ одинъ блескъ ума и за многообъемлемость интересовъ; эта мысль не давала окончательно выразиться уже готовому сужденію. Я долго недоумѣвалъ, но, наконецъ, узнавъ ее короче, я не могъ не оцѣнить и не полюбить ее вполнѣ. Я узналъ такія стороны души, которыя все искупаютъ, я убѣдился, что доброе начало, вынесенное сквозь такія испытанія, какимъ никто изъ насъ не подвергался, перевѣшиваетъ все случайное, наносное зло, что доброе въ ней зрѣетъ и растетъ, а ложное отпадаетъ. Теперь меня уже ничто не можетъ смутить; я имѣю къ ней полное довѣріе. Что̀ бы ни думали и ни говорили другіе, что̀ бы ни говорила она сама, какъ бы, повидимому, ни противорѣчила себѣ самой, я не перемѣню образа мыслей, не перестану любить и уважать ее. Я читалъ прекрасные стихи твоего брата, писанные послѣ разговора съ нею[1]... Мнѣ кажется, что подобные стихи должны быть прочтены только тому или той, о комъ они писаны, особенно, если дѣло идетъ о женщинѣ. Твой братъ, думаю я, перемѣнитъ образъ мыслей, когда узнаетъ лучше А. О., но тѣ, которые прочли стихи и не знаютъ ее, будутъ порочить ее на вѣру. Подобныя впечатлѣнія не истребляются, и я предсказываю твоему брату, что онъ будетъ сожалѣть. Вспомни при этомъ случаѣ, сколько разъ ты ошибался въ сужденіяхъ своихъ, особенно, когда дѣло шло о женщинахъ. Это происходило всегда отъ того, что ты въ человѣкѣ видишь какъ бы строгій силлогизмъ на двухъ ногахъ; ты берешь нѣсколько основныхъ данныхъ изъ поступковъ и сужденій человѣка и потомъ дѣлаешь изъ нихъ выводъ, можетъ быть и стро-

---

[1]) Здѣсь разумѣются стихи И. С. Аксакова, служившаго въ то время въ Калугѣ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты, къ А. О. Смирновой, которая еще въ ноябрѣ 1845 года переѣхала въ Калугу, гдѣ служилъ ея мужъ губернаторомъ. Стихи написаны были 15-го іюня послѣ рѣзкаго разговора, происшедшаго у нихъ наканунѣ. Они начинаются такъ:

„Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру,
И вашу мудрость, вашу вѣру
Теперь я понялъ глубоко“.

И. С. Аксаковъ пересылалъ эти стихи своимъ, и вскорѣ они получили въ Москвѣ широкую огласку.

гій, но часто несознанный лицомъ или вовсе не присущій въ его жизни. Въ тебѣ какъ будто недостаетъ непосредственнаго ощущенія живой личности со всѣми ея противорѣчіями и особенностями. Поэтому, увидавши разъ, какъ плакала княжна Мещерская [1]) при чтеніи „Шинели", ты могъ придать ей многое, чего въ ней не было, и, вслѣдъ за тѣмъ, узнавъ, что она вышла замужъ за Нѣмца, — отрицать въ ней многое, что дѣйствительно въ ней есть; то же повторялось съ Ховриными и другими. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Я могъ бы многое разсказать въ оправданіе Смирновой, но это бы ни къ чему не повело: нравственное достоинство лица ощущается непосредственно, его не докажешь.

Заключеніе твоего письма меня глубоко тронуло: мнѣ казалось, какъ будто я слышу твой знакомый голосъ и чувствую ударъ по плечу твоей тяжелой руки. И мнѣ живо памятно то время, о которомъ ты говоришь, какъ о невозвратно прошедшемъ. Дѣйствительно, наши отношенія измѣнились, должны были измѣниться потому только, что оба мы созрѣли; но въ сущности они тѣ же, они должны оставаться тѣ же, какъ остается собою самимъ, тѣмъ же человѣкомъ, юноша, вступающій въ возрастъ мужа. Ты можешь настоять на томъ, что мы должны разойтись, но я, кладя руку на сердце, говорю тебѣ, что это — твое заблужденіе, твоя воля, а вовсе не необходимость. Ты понимаешь неясно наши прежнія отношенія. Въ то время, о которомъ говоришь ты, между нами не было еще свободнаго согласія, ибо я находился подъ сильнымъ твоимъ вліяніемъ; но ты этого не видѣлъ и не видишь до сихъ поръ — за это я высоко цѣню тебя. Ты первый высказалъ для меня всѣ неясныя ощущенія души моей, неопредѣленныя сочувствія, требованія пробудившейся мысли. Я все принималъ отъ тебя, я не былъ еще въ состояніи съ тобою спорить; подъ твоимъ вліяніемъ опредѣлился мой образъ мыслей. Мы шли не вмѣстѣ, но я шелъ за тобою. Этотъ образъ мыслей сдѣлался, наконецъ, вполнѣ моимъ, когда мы разошлись въ занятіяхъ, когда я началъ зани-

---

[1]) Вѣроятно, княжна Елена Васильевна Мещерская (род. 1820 г., ум. въ 1865 г.), вышедшая замужъ въ 1845 году за принца Калликста-Густава-Германа Бирона (род. въ 1817 г., ум. въ 1882 г.).

маться диссертаціею, богословіемъ, а ты—филологіею. Вотъ, когда мы разошлись, то-есть пошли независимо другъ отъ друга. Мало-по-малу рѣзче опредѣлялся мой образъ мыслей и твой, еще болѣе обозначалась разница въ нашихъ характерахъ и способностяхъ, и только теперь, чувствуя въ себѣ полную независимость, я могу вполнѣ признать и оцѣнить тебя, какъ другого, но съ которымъ я связанъ единствомъ основныхъ убѣжденій и сочувствій, въ которомъ я несомнѣнно увѣренъ и котораго люблю просто, какъ живое лицо, не различая хорошихъ сторонъ отъ дурныхъ. Я не хочу ставить тебѣ въ упрекъ слѣдующихъ словъ твоихъ: *если бъ мы встрѣтились, я бы показался тебѣ смѣшнымъ, даже пустымъ сумасбродомъ* и пр. Одумайся и возьми ихъ назадъ. Долгая разлука, сплетни добрыхъ людей, можетъ быть взаимная досада много напустили между нами тумана. Если бъ мы могли взглянуть другъ другу прямо въ лицо, онъ разсѣялся бы вмигъ, и тогда всѣ эти объясненія были бы не нужны. Я сказалъ тебѣ почти все, что хотѣлъ; обдумай и напиши мнѣ по почтѣ въ двухъ словахъ свое послѣднее впечатлѣніе. Пиши на имя Попова. Это письмо повезетъ Оболенскій. Въ воскресенье 21 числа я ѣду въ Ригу, на Псковъ и Витебскъ. Прощай, крѣпко тебя обнимаю. Поклонись отъ меня Сергѣю Тимоѳеевичу и брату твоему [1].

Адресъ Попова: на Моховой, въ домѣ Усти(новой).

130.

(Рига, 1847) [2].

Любезный Аксаковъ, я вовсе не сердился на тебя за то, что ты не отвѣчалъ на мое письмо [3]), но я боялся, что оно до тебя не дошло, потому что оно было послано послѣ моего

---

[1]) И. С. Аксакову, который, получивъ трехнедѣльный отпускъ, жилъ съ родителями въ подмосковной Абрамцевѣ до половины іюля, а 20 іюля уже вернулся въ Калугу.

[2]) Все содержаніе этого письма, особенно же фраза: „Герценъ говорилъ мнѣ о твоей драмѣ“, заставляетъ отнести его къ февралю 1847 года, когда Ю. Ѳ. былъ въ Ригѣ.

[3]) Здѣсь имѣется, вѣроятно, въ виду небольшое письмо Ю. Ѳ-ча изъ Петербурга отъ 28 ноября 1846 года, письмо, не вошедшее въ настоящее изданіе, въ которомъ Ю. Ѳ. извѣщаетъ о результатѣ своихъ хлопотъ въ министерствѣ юстиціи насчетъ перевода И. С. Аксакова изъ Калуги въ Москву оберъ-секретаремъ департамента Сената.

отъѣзда изъ Петербурга [1]) человѣкомъ, точности котораго я не очень довѣрялъ. Строки Сергѣя Тимоѳеевича меня такъ обрадовали, что я не знаю, какъ и возблагодарить его. Онѣ удостовѣряютъ меня въ выздоровленіи твоего батюшки лучше, чѣмъ самый подробный медицинскій отчетъ [2]). Я не пишу къ Сергѣю Тимоѳеевичу особо, потому что желаю, чтобы ты прочелъ это письмо при немъ, особенно то, что относится къ книгѣ Гоголя и болѣе никому бы не читалъ его и не говорилъ о его содержаніи.

Я, разумѣется, прочелъ снова всю твою диссертацію [3]), кромѣ нѣкоторыхъ, рѣшительно для меня непонятныхъ, филологическихъ разсужденій, и долженъ тебѣ сказать о ней мое мнѣніе со всею откровенностью и строгостью, какой я въ правѣ ожидать и отъ тебя. Главный ея недостатокъ—въ томъ, что она запоздала появленіемъ двумя или тремя годами. Съ тѣхъ поръ и ты и всѣ мы ушли впередъ; книга твоя осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она задумана была въ то время, давно прошедшее. Тогда можно было думать о возможности объяснить историческій процессъ русской жизни началами Гегелевой логики; теперь всѣ мы, и ты первый, поняли явную ихъ несообразность и неприложимость. Объ этомъ я не стану и распространяться. Кромѣ того, по моему убѣжденію, самое начало Гегелевой логики ложно. Общее, какъ общее, осуществляется (ты понимаешь, что я хочу сказать). Законъ двойного отрицанія или троичности совершается въ замкнутомъ кругѣ бытія Божественнаго, и выходъ въ міръ конечныхъ явленій есть вовсе не актъ логической необходимости, но актъ нравственной свободы, не развитіе, а творчество. Формула двойного отрицанія понята тобою чисто формально, то-есть отвлеченно, какъ упругая схема, и

---

[1]) Ю. Ѳ. разумѣетъ свой отъѣздъ изъ Петербурга на обратномъ пути изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ въ ноябрѣ 1846 г. на свадьбу своей сестры Маріи Ѳедоровны.

[2]) Въ январѣ 1847 г. здоровье Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова стало поправляться. 27-го января онъ писалъ Гоголю: „я не страдаю отъ своей болѣзни и понемногу оправляюсь".

[3]) Магистерская диссертація К. С. Аксакова: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка" была напечатана въ концѣ декабря 1846 года, и Ю. Ѳ. могъ получить ее въ январѣ 1847 года.

потому всѣ твои приложенія совершенно произвольны и не имѣютъ никакой цѣны въ смыслѣ философскомъ. Взявши любое понятіе, можно сказать, что оно, какъ отвлеченно-общее, не осуществляется, что оно, какъ негацію свою, полагаетъ цѣлое множество явленій, и, наконецъ, что одно явленіе должно воплотить въ себѣ понятіе. Напримѣръ: личность, какъ личность, не существуетъ; подъ понятіемъ личности—бездна явленій-личностей; наконецъ, должна явиться единая личность, какъ достойное выраженіе единаго понятія. Понятіе дерева—множество деревъ—идеальное дерево и т. д. Что національность соотвѣтствуетъ Besonderheit—это совершенно произвольно: какъ понятіе, она есть общее, какъ явленіе—единичное. Вообще вся философская часть твоей диссертаціи, по моему мнѣнію, основана на ложномъ началѣ, произвольно приложенномъ,—я ее отвергаю безусловно. Но что сказать объ изложеніи?.... Ты знаешь, что я понимаю требованіе философской строгости. Но неужели оно удовлетворяется безпрестаннымъ голословнымъ повтореніемъ одного и того же? Неужели эти повторенія нужны? Неужели самая терминологія эта необходима? Я бьюсь объ закладъ, что, взявши на выдержку длинный періодъ изъ первой части, выражу его втрое короче и такъ же, не говорю изящно (потому что изящество тобою принесено въ жертву), но такъ же строго и отчетливо. Ты долженъ съ этимъ согласиться самъ.—Взглядъ на русскую исторію произволенъ, какъ приложеніе той же формулы, о которой я говорилъ. Произвольное приложеніе формулы въ историческомъ возрѣніи выразилось, во-первыхъ, въ томъ, что ты не могъ совладать съ вліяніемъ христіанства и отдѣлался слишкомъ легко тѣмъ, что будто бы оно не могло быть доступно народу въ эпоху исключительной національности. Я думаю, ты самъ отъ этого откажешься, и потому не стану возражать, а напомню только одно мѣсто изъ Несторовой лѣтописи. Окончивъ описаніе обычаевъ различныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи, онъ говоритъ: „мы же (т. е. христіане) законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся, и во Христа облекохомся". Кажется, торжество общечеловѣческаго надъ племеннымъ довольно ясно выражено. Другой недостатокъ историческаго

обозрѣнія, происходящій также отъ насильственнаго приложенія философской формулы, есть тотъ, что многимъ событіямъ случайнымъ придана слишкомъ огромная важность, напримѣръ, прекращенію династіи. Ты понимаешь его, какъ необходимое условіе выхода изъ исключительной національности; я понимаю его, какъ одно изъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ разрѣшенію національности, которая никогда не была исключительною. Независимо отъ этого, взглядъ на русскую исторію, кромѣ прекраснаго, истинно-поэтическаго изложенія нѣкоторыхъ мѣстъ, имѣетъ въ моихъ глазахъ несомнѣнное достоинство: въ первый разъ является въ немъ попытка создать исторію народа, а не государства; я слышу въ немъ въ первый разъ (я говорю въ первый разъ, потому что оно было написано прежде статей Хомякова) заявленное движеніе цѣлаго народа. Поэтому-то оно поражаетъ новизною и оригинальностью.—О филологической части я не могу судить. Это для меня—terra incognita; но мнѣ кажется, что, если уже вдаваться въ изслѣдованія столь мелкія и подробныя, надобно обнять болѣе широкій кругъ явленій, т. е. прочесть все, что̀ до насъ дошло, чего ты далеко не исполнилъ. Кромѣ того, кажется, нельзя было обойтись безъ другихъ славянскихъ нарѣчій. При ограниченности матеріаловъ, надъ которыми ты работалъ, твой трудъ имѣетъ слишкомъ великое притязаніе на полноту и подробность. Въ послѣдней части много хорошаго, но она писана наскоро, гораздо поверхностнѣе, чѣмъ все предшествующее. Вотъ, въ немногихъ словахъ, мое мнѣніе, выраженное со всевозможною строгостью, какъ подобаетъ въ письмѣ и при нашихъ отношеніяхъ.

Говорить ли о книгѣ Гоголя [1])? Она произвела на меня тяжелое и грустное впечатлѣніе, такое грустное, какого я давно не испытывалъ. Прочтя ее, я написалъ было длинное письмо, котораго не послалъ и въ которомъ почти слово въ слово говорилъ то же, что̀ ты. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная изъ всѣхъ гордостей, затемняетъ его сознаніе о его призваніи. Слова его не ложатся въ душу.

---

[1]) Т. е. о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, появившихся въ самомъ началѣ января 1847 года.

Это публичное покаяніе, это завѣщаніе и пр.—все это не изъ души льется, а выполняется по какой-то обязанности. Меня особенно поражаетъ отсутствіе потребности сочувствія съ публикою. Я понимаю возможность публичной исповѣди, но только, какъ дѣла общаго, въ которомъ одинаково участвуетъ и кающійся и толпа. Но, когда нѣтъ этого согласнаго настроенія чувства, когда кающійся знаетъ, что въ видѣ кающагося его не узнаютъ, не поймутъ, въ такомъ случаѣ выходить къ публикѣ и исповѣдываться вслухъ—дерзко, оскорбительно. Это значитъ: какое мнѣ дѣло до васъ, вы, пожалуй, себѣ соблазняйтесь, я исполняю свой личный обѣтъ, а вы мнѣ нужны только, какъ обстановка. Не слышу я въ немъ простой, безотчетной потребности повѣдать всѣмъ красоту святого, подѣлиться со всѣми теплымъ чувствомъ, ясною мыслью, ниспосланною Богомъ. Эта потребность—самое чистое и высокое побужденіе художника; это—та же любовь въ области искусства. Ея уже не слыхать. Съ невыносимою гордостью повторяетъ онъ: дѣло мое—душевная польза, и вдругъ онъ отдалился отъ всѣхъ на необъятное пространство, куда уже не хватаетъ сочувствіе, а только одно сожалѣніе. Какъ онъ всѣмъ сталъ чуждъ! Какъ самъ онъ раззнакомился съ русскою публикою и пересталъ понимать ее! Онъ ждетъ пользы отъ своего сочиненія! Онъ думаетъ, напримѣръ, что мы пришли къ тому, что отчаялись когда-либо съ народомъ сблизиться и что насъ нужно ободрять и показывать намъ, какъ это дѣло легко. Онъ не понимаетъ, что письмо о помѣщикѣ сведетъ слабоумныхъ на ту же пародію, какую разыгрывала, къ соблазну цѣлой губерніи, N въ своемъ имѣніи. Это отверстое Евангеліе, эти тексты, помѣщикъ, заставляющій крестьянъ кланяться передъ налоемъ и лобызать слова, которыя онъ (т. е. помѣщикъ) изрѣдка слышитъ въ церкви и пропускаетъ мимо ушей... [1]) и все это говоритъ Гоголь! Оно вышло бы совершенно иначе, если бы ложная мысль о его назначеніи не присутствовала при зарожденіи каждой статьи. Вся книга должна была вылиться въ другой формѣ. Читая нѣкоторыя письма, на-

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

примѣръ: „Женщина въ свѣтѣ“, чувствуешь, какъ постепенно возникаетъ въ его представленіи живое лицо, образъ; онъ видитъ его и могъ бы показать его другимъ, но вмѣсто того, чтобы показать, онъ толкуетъ и наставляетъ, какова должна быть та женщина. Живой образъ онъ самъ отогналъ. Я увѣренъ, что и образъ помѣщика явился бы вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ представляется теперь, если бы онъ отлился въ формѣ художественной, а не аналитической. Наконецъ, еще двѣ вины: оскорбительный и крайне несправедливый приговоръ Погодину и умышленное умолчаніе о Москвѣ. Правду говоритъ Гоголь: остается за него молиться! Духовное разобщеніе его со всѣми и самоувѣренность дошли до того, что уже ничьи слова не подѣйствуютъ на него. Повѣрь мнѣ, если вы всѣ сговоритесь и напишите ему сообща, это еще болѣе раздражитъ его и удалитъ отъ насъ. Правду если писать ему, такъ для него, а не для насъ самихъ. Мнѣ кажется: если уже писать, такъ врозь и не сговариваясь.

Однако, надобно честь знать, я ужъ черезчуръ разговорился, а всё-таки не все сказалъ. Герценъ говорилъ мнѣ о твоей драмѣ [1]; напрасно, кажется, ты читаешь ее по мѣрѣ того, какъ она пишется. Я, конечно, въ этомъ не судья, а кажется мнѣ, что лучше бы выдерживать и вынашивать въ себѣ подолѣе. Отъ всей души обнимаю тебя и Сергѣя Тимоѳеевича. Поклонись отъ меня всѣмъ, но содержанія письма никому не говори по той же самой причинѣ, которую я уже привелъ. Всякая общая молва еще болѣе удалитъ Гоголя.

131.

Рига, 12 іюня 1847.

Любезный Аксаковъ, поблагодари отъ меня твоего батюшку за присылку „Записокъ объ уженьѣ“ [2]; я прочелъ объ нихъ публикацію въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и хотѣлъ себѣ выписать, но онъ предупредилъ меня. Онѣ пришлись

---

[1]) 28-го января 1847 года Герценъ, проѣздомъ за границу, былъ въ Ригѣ, видѣлся съ Ю. Ѳ-чемъ и подарилъ ему экземпляръ своего романа: „Кто виноватъ?“. К. С. Аксаковъ писалъ въ это время драму: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“.

[2]) „Записки объ уженьѣ рыбы“ С. Т. Аксакова вышли въ первой половинѣ мая 1847 года.

мнѣ какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ послѣднее время я началъ проникать въ таинства уженья, подъ надзоромъ опытнаго рыболова, здѣшняго англійскаго консула, страстнаго охотника до уженья и стрѣльбы. Сергѣй Тимоѳеевичъ удивится моей смѣлости, но я намѣренъ на-дняхъ обратиться къ нему письменно съ возраженіями на нѣкоторыя его сужденія, между прочимъ объ искусственныхъ мошкахъ, и сообщить ему о новомъ устройствѣ удочекъ, превосходство которыхъ я испыталъ на дѣлѣ. Но объ этомъ до другого раза, а теперь обращаюсь къ тебѣ съ двумя просьбами. Во-первыхъ, передай Погодину мою рецензію на Кавелина, которую оставилъ у тебя Хомяковъ. Я предлагаю Погодину напечатать ее въ „Москвитянинѣ“ вмѣстѣ съ двумя другими рецензіями моими, которыя перешлетъ ему Поповъ [1]). Прошу тебя прочесть ихъ и написать мнѣ подробно и, по возможности, чётко свое мнѣніе. Я бы никакъ не желалъ, чтобы Кавелинъ на меня разсердился, и надѣюсь, что онъ пойметъ, что я никакъ не имѣлъ намѣренія уколоть его, а почелъ только нужнымъ возразить, потому что его статья произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Другая просьба: я получилъ письмо отъ секретаря Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, который требуетъ отъ меня за три года 90 руб. серебромъ; отвѣчать ему я не могъ, потому что не могъ разобрать его подписи (онъ пишетъ почти такъ же чётко, какъ ты) и не

[1]) Подъ рецензіями, здѣсь упоминаемыми, нужно разумѣть отдѣльныя части критической статьи Ю. Ө-ча: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“, помѣщенной въ № 2 „Москвитянина“ 1847 года и перепечатанной въ I томѣ соч. Ю. Ө-ча. Въ этой статьѣ Ю. Ө., указывая недостатки перваго номера „Современника“ за 1847 годъ, вышедшаго подъ новой редакціей Никитенки, останавливается въ своемъ разборѣ на трехъ статьяхъ, которыя, по собственному признанію „Современника“, должны были познакомить читателей съ его духомъ и направленіемъ: Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, Никитенки (см. примѣч. 3-е къ письму за № 139) „О современномъ направленіи русской литературы“ и Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“. Первую часть своего разбора, посвященную статьѣ Кавелина, Ю. Ө. написалъ еще въ началѣ апрѣля и послалъ въ Москву на просмотръ Хомякова, а послѣдній, уѣзжая за границу въ маѣ, передалъ ее К. С. Аксакову. О напечатаніи этой статьи въ „Москвитянинѣ“ Ю. Ө. писалъ Погодину 9-го іюня; см. это письмо ниже (№ 156).

знаю его адреса; сдѣлай одолженіе, сходи къ нему и изъясни ему, что я, выѣхавши изъ Москвы и переставъ платить ежегодный взносъ 30 р. сер., этимъ самымъ пересталъ быть членомъ Общества. Я имѣлъ полное право считать себя выбывшимъ членомъ, когда въ продолженіе 3-хъ лѣтъ никто отъ меня ничего не требовалъ. Дѣло въ томъ, что я думаю гораздо лучше употребить эти деньги, пославъ ихъ Иванову [1]). Третья просьба (это уже болѣе до тебя касается). До меня доходятъ стороною слухи о твоей драмѣ съ величайшими похвалами, въ которыя я вполнѣ вѣрю по тому, что знаю. Ты долженъ быть увѣренъ, что я душевно радуюсь твоему успѣху, но надобно, чтобы успѣхъ былъ полный, т. е. чтобы ее позволили представить на сценѣ. Для этого я тебя прошу, во-первыхъ, не многимъ ее читать, чтобы не разошлись кривые толки и вздорные слухи въ публикѣ прежде, чѣмъ она поступитъ въ цензуру, иначе ее какъ разъ забракуютъ; чѣмъ больше будутъ говорить о ней, чѣмъ больше изъявлено будетъ участія, тѣмъ строже будетъ цензура [2]). Во-вторыхъ, прежде, чѣмъ отдавать ее въ цензуру, посовѣтуйся хорошенько съ цензоромъ московскимъ, разумѣется, частнымъ образомъ, и узнай, возьметъ ли онъ на себя пропустить ее, не посылая ее предварительно въ Петербургъ. Это весьма невѣроятно. Цензоръ московскій откажется, и тогда надобно будетъ послать ее прямо въ Петербургъ. Но прежде, чѣмъ посылать, напиши мнѣ объ этомъ; я постараюсь какъ-нибудь уладить это дѣло въ Петербургѣ.

Я получилъ и прочелъ книгу Соловьева [3]). Славный трудъ, такой трудъ, какого у насъ давно не являлось! Объ немъ можно бы сказать очень многое и почти все въ похвалу. Я вполнѣ принимаю его, какъ изслѣдованіе одного факта и дѣлаю при этомъ оговорку: когда авторъ напишетъ

[1]) Когда А. А. Иванову было выдано въ послѣдній разъ денежное пособіе Академіей Художествъ, московскіе друзья его, еще въ маѣ 1846 г., по инціативѣ Чижова (см. примѣч. 4-е къ письму за № 140), задумали подписку, чтобы дать ему возможность окончить картину: „Явленіе Мессіи народу"; эту-то подписку и имѣетъ въ виду Ю. Ѳ. въ настоящемъ письмѣ.

[2]) Въ подлинникѣ, вѣроятно по ошибкѣ: „публика".

[3]) Докторскую диссертацію С. М. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома", которую Соловьевъ защищалъ 6-го іюня 1847 года.

исторію земли русской и земель Кіевской, Владимірской, Полоцкой и т. д., онъ самъ пораздвинетъ родовыя отношенія, чтобы дать воздуху землѣ русской. Можно бы также возразить кое-что на частности и на взглядъ автора на Іоанна Грознаго, который мнѣ кажется пристрастнымъ. Очень желаю знать твое мнѣніе. Да что ты не пишешь? Я заваленъ дѣломъ, точно заваленъ; мнѣ простительно, что я рѣдко пишу, а ты всё-таки человѣкъ досужій. Или намъ считаться письмами? Не припомню теперь, отъ тебя ли или отъ Катерины Александровны [1]) я получилъ письма Соловьева въ стилѣ 1612 года [2]). Точно отъ тебя... [3]). Я совершенно согласенъ, что это—не поддѣлка, а скорѣе пазову художественнымъ произведеніемъ. Пора на почту. Прощай, любезный Аксаковъ, крѣпко обнимаю тебя. Поклонись всѣмъ нашимъ и не забывай меня.

132.

(Рига), 17 іюня 1847.

...Я не хочу подымать вопроса о томъ, хорошо ли поступилъ Строгановъ, когда ты защищалъ диссертацію [4]); это повело бы далеко. Но скажу тебѣ только, какъ мое мнѣніе, что ты неправъ и будешь всегда неправъ въ отношеніи къ нему, потому что ты смотришь на него, какъ на полновластнаго распорядителя, тогда какъ онъ—лицо правительственное, представитель и заступникъ университета, лицо, отвѣтствующее за все, что въ немъ происходитъ. Статьи о благотворительности я прочелъ [5]) и всё-таки нахожу, что вопросъ

---

[1]) Свербеевой.

[2]) Въ самомъ концѣ 1846 г. или въ началѣ 1847 г. С. М. Соловьевъ сблизился съ К. С. Аксаковымъ и разъ, по какому-то случаю, написалъ ему записку, ради шутки, старымъ русскимъ языкомъ XVII вѣка; затѣмъ, въ мартѣ, Соловьевъ написалъ лѣтописнымъ языкомъ два „сказанія“: о томъ, какъ славяне, т. е. славянофилы, ѣздили жениться, по поводу помолвки Панова, и о томъ, какъ Аксаковъ писалъ и защищалъ свою диссертацію. Эта-то записка, а, можетъ быть, и „сказанія“ присланы были Ю. Ѳ-чу въ Ригу.

[3]) Точки въ подлинникѣ.

[4]) К. С. Аксаковъ защищалъ свою магистерскую диссертацію 6-го марта 1847 года.

[5]) Въ февралѣ 1847 года, великимъ постомъ, Дамское Попечительство о бѣдныхъ устроило въ Москвѣ увеселенія въ пользу бѣдныхъ: катанье

не рѣшенъ. Разумѣется, я сочувствую съ направленіемъ или, лучше, съ побужденіемъ, вызвавшимъ твою статью; но она имѣетъ только отрицательное значеніе: благотвореніе не должно быть предлогомъ къ удовлетворенію суетныхъ и даже безнравственныхъ потребностей свѣта. Конечно такъ. Но ты выводишь изъ этого, что общественная благотворительность вовсе не годится; выводъ не вѣренъ. Благотворительности, служащей только предлогомъ, противополагается благотворительность, служащая себѣ самой цѣлью. Благотворительность общественная противополагается благотворительности личной. Какъ дѣло лица и какъ дѣло многихъ, она можетъ быть и тѣмъ и другимъ, т. е. предлогомъ и цѣлью. Но общественная благотворительность (независимо отъ всѣхъ злоупотребленій и искаженій) выше, дѣйствительнѣе, полезнѣе благотворительности личной (также понятой an sich). Наконецъ, противъ этого нельзя спорить, есть въ настоящее время потребность общественной благотворительности, которой не можетъ удовлетворить ни исчерпать посильная дѣятельность изолированныхъ лицъ. Зачѣмъ же противополагать искаженную общественную благотворительность идеализированной частной? Не въ томъ вопросъ, а вотъ въ чемъ: какъ бы очистить общественную благотворительность, не уничтожая начала общественности, отъ искаженій ея, или: какъ бы расширить начало, лежащее въ основаніи личной благотворительности, до размѣровъ совокупной дѣятельности?

по городу и катанье съ горъ. Это возбудило негодованіе К. С. Аксакова, и онъ напечаталъ въ № 20 „Московскихъ Вѣдомостей“ статью подъ заглавіемъ: „Общественная благотворительность нашихъ дней“, въ которой противополагалъ простой, личной благотворительности необразованныхъ людей „веселую, цивилизованную общественную благотворительность“. Эта статья возбудила полемику между Шевыревымъ и Мельгуновымъ. Мельгуновъ помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: „Нѣсколько словъ въ дополненіе къ статьѣ: Общественная благотворительность нашихъ дней“; въ отвѣтъ на эту статью Шевыревъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мистерію: „Послѣдніе на землѣ бѣдные или человѣколюбивая утопія, очеркъ драмы въ трехъ лицахъ и четырехъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ“, а Мельгуновъ заключилъ споръ отвѣтомъ Шевыреву, помѣщеннымъ въ „Современникѣ“.

Этого не показалъ ни ты, ни Мельгуновъ [1]), ни Шевыревъ; да этого пока никто еще сказать не можетъ, потому что это—вопросъ будущаго. Но пока это будущее не наступило, пока не образовалось общества на христіанской основѣ, до тѣхъ поръ общественная благотворительность со всѣми ея искаженіями имѣетъ столько же права на существованіе, сколько и личная благотворительность. Я выразился очень неясно. Не знаю, понялъ ли ты, что̀ я хотѣлъ сказать?—Прочти, пожалуйста, мою вторую статью [2]); я думаю, нѣкоторыя мѣста въ ней должны тебѣ понравиться. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души.

133.

Рига, 10 ноября 1847.

Нынче утромъ получилъ я твое письмо, любезный Аксаковъ, и сажусь немедленно отвѣчать на него, хотя нынче нѣтъ почты и оно пойдетъ только завтра. Ты совсѣмъ не то сдѣлалъ, о чемъ я тебя просилъ. Я просилъ тебя извѣстить меня передъ тѣмъ, какъ ты соберешься послать свою драму въ цензуру [3]), потому что я надѣялся впередъ расположить цензора въ ея пользу черезъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, а ты пишешь мнѣ, что она уже послана, значитъ въ настоящую минуту уже представлена и, вѣроятно, забракована, потому что, хотя ты и говоришь, что она въ цензурномъ отношеніи безукоризненна, но я не поручусь, что твой взглядъ на вещи и взглядъ цензора совершенно сходны. Что жъ я теперь могу сдѣлать? Кромѣ того, ты обѣщалъ мнѣ рукописный экземпляръ твоей драмы; я и думалъ послать его отъ себя съ письмомъ къ Вяземскому или Віельгорскому и уговорить ихъ, чтобъ они похлопотали объ ней. Но теперь поздно. Все, что̀ я могъ сдѣлать, я сдѣлалъ, то-есть напи-

---

[1]) Николай Александровичъ Мельгуновъ; см. о немъ примѣч. 1-е къ письму за № 47.

[2]) Подъ второю статьею Ю. Ѳ. разумѣетъ, вѣроятно, вторую и третью часть своей критической статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

[3]) Драма К. С. Аксакова: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ была окончена уже въ іюнѣ.

салъ инструкцію Дмитрію Оболенскому [1]), чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не представлялъ ея, не увѣрившись въ успѣхѣ. Жаль мнѣ очень, что я щелкнулъ Никитенко [2]), а то бы его можно было уговорить, чтобъ онъ за это дѣло взялся. Виноватъ я—не подумалъ объ этомъ. Ты хочешь знать, когда мы увидимся. Я писалъ, что, можетъ быть, буду зимою въ Москву, Смирновой, отъ которой ежемѣсячно получаю письма; писалъ то же Погодину, который спрашивалъ моего мнѣнія и содѣйствія для „Москвитянина“ [3]). Потомъ на меня навалили новую работу, и тогда я написалъ Катеринѣ Александровнѣ [4]), что я не надѣюсь видѣться съ нею въ этомъ году—Катеринѣ Александровнѣ, которая пишетъ мнѣ постоянно и, зная, что каждая строка ея приноситъ мнѣ утѣшеніе, не считается со мною письмами и не обижается, когда мнѣ случалось на два и на три письма ея не отвѣчать, въ твердой увѣренности, что это происходитъ не отъ равнодушія или забывчивости съ моей стороны. Теперь я нахожусь въ такомъ положеніи, что я, право, не могу сказать о себѣ ничего положительнаго. Можетъ быть, въ генварѣ будущаго года удастся, можетъ быть и нѣтъ, потому что это зависитъ отъ хода не однихъ только моихъ занятій. Къ веснѣ я надѣюсь совсѣмъ отдѣлаться отъ Риги; тогда я поѣду въ Петербургъ и, тамъ пробывъ нѣсколько

[1]) Кн. Дмитрію Александровичу Оболенскому.

[2]) Въ статьѣ: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“. Александръ Васильевичъ Никитенко (род. въ 1804 г., ум. въ 1877 г.)—профессоръ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ и цензоръ, впослѣдствіи академикъ.

[3]) Осенью 1847 года М. П. Погодинъ, видя паденіе „Москвитянина“, который въ 1847 году вышелъ въ количествѣ четырехъ книжекъ вмѣсто прежнихъ двѣнадцати, сталъ думать о привлеченіи, въ качествѣ сотрудниковъ, славянофиловъ. Прежде всего онъ вошелъ въ переговоры съ Ю. Ѳ-чемъ и написалъ ему письмо, въ которомъ онъ просилъ Ю. Ѳ-ча высказать свое мнѣніе о „Москвитянинѣ“ и не отказать въ своемъ сотрудничествѣ. Ю. Ѳ. отвѣтилъ на эту просьбу письмомъ, помѣченнымъ 9 октября 1847 года (см. ниже № 155). Переговоры съ славянофилами не привели ни къ чему, Погодинъ рѣшилъ издавать „Москвитянинъ“ въ 1848 году вмѣстѣ съ Шевыревымъ и 28 октября помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе о возобновленіи „Москвитянина“ въ 1848 году по прежнему плану и въ прежнемъ объемѣ.

[4]) Свербеевой.

дней, пріѣду въ Москву; изъ Москвы, въ маѣ мѣсяцѣ, отправлюсь съ отцомъ въ Симбирскъ, потомъ назадъ въ Москву, а изъ Москвы за границу, осенью. Вотъ, какъ представляется мнѣ пока моя будущность. Теперь же, хоть и смѣшно повторять все одно и то же, я въ буквальномъ смыслѣ заваленъ дѣломъ: работаю днемъ и ночью до 3 и 4 часовъ утра. Послѣ такихъ занятій встаешь со стула съ одною потребностью подышать воздухомъ, хотя и не свѣжимъ, или посмѣяться въ театрѣ.— Погодинъ просилъ моихъ статей и моего содѣйствія для обновленнаго „Москвитянина“. Какое тутъ содѣйствіе при такихъ занятіяхъ! Впрочемъ, если что-нибудь у меня напишется, я ему пошлю, потому что всё-таки „Москвитянинъ“, хотя и не выражаетъ достойнымъ образомъ направленіе національное, но всё-таки имѣетъ желаніе выражать его, и въ этомъ родѣ онъ одинъ. Ты что̀ дѣлаешь и чѣмъ занимаешься? Благодарю тебя, что вспомнилъ мои именины. Послѣднихъ строкъ твоего письма я не понялъ и потому не могу отвѣчать на нихъ. Передай мое почтеніе твоему батюшкѣ и твоей матушкѣ, всѣмъ нашимъ поклонись отъ меня, а тебя крѣпко обнимаю.

134.

(Рига, апрѣль 1848) [1].

Любезный Аксаковъ, я давно получилъ твое письмо и до сихъ поръ не отвѣчалъ на него; сознаю себя виноватымъ, но уже оправдываться не буду, потому что мы уже заключили насчетъ этого мировую за прошедшее время и договоръ на будущее. Ты слышалъ, вѣроятно, о кончинѣ моего брата [2]) и, вѣрно, принялъ участіе въ нашемъ семейномъ горѣ. Меня это извѣстіе поразило совершенно неожиданно, и хотя я перенесъ его бодро, но оно меня надолго разстроило. Независимо отъ кровнаго родства, между мною и покойнымъ братомъ существовали особенныя отношенія. Онъ былъ единственный человѣкъ, которому я точно былъ

---

[1]) Письмо это относится, несомнѣнно, къ 1848 году и окончено на Святой, т. е. въ среднихъ числахъ апрѣля. Пасха въ этомъ году была 11-го апрѣля.

[2]) Михаила Ѳедоровича Самарина, скончавшагося въ Неаполѣ 11-го февраля 1848 года.

нуженъ, почти необходимъ. Съ меня снята теперь одна изъ семейныхъ обязанностей, лежавшихъ на мнѣ, одна изъ тѣхъ, въ истинѣ, въ дѣйствительности которыхъ я не могъ никакъ сомнѣваться. Чего бы я ни далъ теперь, чтобы не чувствовать этого облегченія!

Я началъ это письмо великимъ постомъ и теперь оканчиваю его на Святой. Христосъ воскресе! Крѣпко обнимаю тебя, любезный Аксаковъ. Вчера получилъ я совершенно неожиданно два экземпляра твоей драмы [1]). Конечно, ни одинъ подарокъ не могъ меня обрадовать такъ, какъ этотъ. Я давно не имѣлъ никакихъ извѣстій о твоей драмѣ; немножко на тебя досадовалъ, что ты въ письмѣ своемъ не упомянулъ о ней; писалъ о томъ же къ Попову, но отъ него никакого отвѣта не получилъ. Я считалъ ее забракованною, какъ вдругъ она явилась передо мною въ нарядной оберткѣ, чудеснымъ шрифтомъ отпечатанная и, какъ кажется мнѣ, въ совершенной цѣлости, безъ пропусковъ. Очень любопытно знать, какое она произведетъ впечатлѣніе. Позволено ли представлять ее на сценѣ? На то вѣдь, кажется, нужно особое разрѣшеніе? Мнѣ хочется также знать, поѣдешь ли ты въ Симбирскъ. Статьи твоей объ адолесанткахъ [2]) я не читалъ, потому что не получаю „Вѣдомостей". Охота вамъ затѣвать сборникъ [3])! Вѣдь напередъ знаете, что не пойдетъ. Публика увидитъ въ неудачѣ доказательство нашего безсилія, а изъ нашихъ многіе, между прочими и ты, будутъ отвлечены отъ другихъ, болѣе существенныхъ занятій. Ты знаешь, что это—не отговорка, потому что я говорилъ то же самое гораздо прежде, чѣмъ узналъ о намѣреніи воскресить „Сборникъ". Что касается до меня, то, до отъѣзда моего изъ Риги, я едва-ли успѣю написать что-нибудь путное. Мои теперешнія занятія, тѣсно связанныя съ тѣмъ, что дѣлается у меня передъ глазами, совершенно отнимаютъ у меня не только время, но

---

[1]) Драма К. С. Аксакова: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году" вышла въ началѣ апрѣля 1848 года.

[2]) Статья К. С. Аксакова, помѣщенная въ № 18 „Московскихъ Вѣдомостей" 1848 года, о дѣтскихъ и полудѣтскихъ балахъ: „Балъ адолесантокъ".

[3]) Предполагалось, очевидно, продолжить изданіе „Московскаго Сборника", начатое въ 1846 и 1847 годахъ В. А. Пановымъ.

возможность сосредоточить вниманіе на другомъ предметѣ. Систематическое угнетеніе Русскихъ Нѣмцами, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей—вотъ, что̀ теперь волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми. Независимо отъ служебныхъ моихъ занятій, я пишу теперь письма объ Остзейскомъ краѣ [1]), которыя буду посылать въ Москву на имя Хомякова, которому они давно обѣщаны. Прошу и тебя не только прочесть ихъ, но дать имъ ходъ. Я слышалъ большія похвалы какимъ-то двумъ стихотвореніямъ твоимъ, которыя попали въ Петербургъ, но ровно ничего объ нихъ не знаю; слышалъ также много такого, что̀ касается до тебя лично, но все это слишкомъ неопредѣленно, и я всё-таки держусь пока того, что̀ ты самъ пишешь мнѣ о себѣ. До свиданія, то есть, вѣроятно, до іюля, впрочемъ, можетъ быть, и прежде. Какъ скоро привезутъ въ Москву тѣло брата, я пріѣду отдать ему послѣдній долгъ. Грустно, Аксаковъ! Прощай, пиши ко мнѣ; обнимаю тебя крѣпко. Передай мой поклонъ твоему батюшкѣ и Ивану Сергѣевичу.

135.

(Москва, октябрь 1848) [2]).

Любезный Аксаковъ, благодарю тебя за твое интересное письмо. Я очень понимаю всю важность словъ, произнесенныхъ Филаретомъ [3]). Въ сочувствіи его нельзя было сомнѣваться, но важно изъявленіе его въ присутствіи свидѣтелей. Впрочемъ, я почти сожалѣю о томъ, что этотъ разговоръ происходилъ именно теперь, потому что, подъ вліяніемъ его,

[1]) Это—извѣстныя „Рижскія Письма“, напечатанныя въ VII т. сочиненій Ю. Ѳ-ча.

[2]) Это письмо относится къ концу октября 1848 года, когда Ю. Ѳ., пользуясь, послѣ службы въ Ригѣ, четырехмѣсячнымъ отпускомъ, даннымъ ему въ концѣ іюля, находился въ Москвѣ.

[3]) Можетъ быть, здѣсь имѣется въ виду сочувствіе митрополита Филарета взгляду на Остзейскій вопросъ, проведенному Ю. Ѳ-чемъ въ его „Рижскихъ Письмахъ“. Между прочимъ, митрополитъ Филаретъ обѣщалъ свое содѣйствіе для сбора денегъ въ Москвѣ на русское народное и ремесленное училище, которое правительство разрѣшило открыть въ Ригѣ.

ты, вѣроятно, не обратишь должнаго вниманія на то, что я имѣю сообщить тебѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Погодинъ и Шевыревъ поручили мнѣ сказать тебѣ, что Уваровъ, разговаривая съ ними о Хомяковѣ и узнавъ, что онъ надѣлъ русское платье, выразился слѣдующимъ образомъ: „скажите ему отъ меня, что, показавшись въ этомъ платьѣ въ Москвѣ, онъ подвергнется большимъ непріятностямъ, что Закревскій [1]), по крайней мѣрѣ, донесетъ о томъ въ Петербургъ и что тамъ это произведетъ самый скверный эффектъ и можетъ повредить всѣмъ вашимъ друзьямъ". Вотъ его слова. Простое ли это предположеніе или слѣдствіе разговора съ Закревскимъ—мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что ты не долженъ до поры до времени выѣзжать изъ деревни. Что бы ни говорилъ Филаретъ, всё-таки за тебя онъ не заступится, хотя и будетъ о тебѣ жалѣть. Онъ не спасетъ тебя отъ необдуманнаго распоряженія Закревскаго, который можетъ сослать тебя туда, куда ты вовсе итти не желаешь. Я предлагалъ Погодину попросить Ермолова [2]), чтобы онъ образумилъ Закревскаго, но онъ за это не взялся, увѣряя, что Ермоловъ ничего сдѣлать не можетъ. Обдумай все это. Совѣтовъ я тебѣ не даю; мое мнѣніе тебѣ извѣстно.—Вчера вечеромъ кончилъ я чтеніе моихъ писемъ объ Остзейскомъ краѣ у Свербеева [3])... Прощай, крѣпко обнимаю тебя и ѣду проститься съ Иваномъ Сергѣевичемъ [4]), который взялся переслать тебѣ это письмо.

---

[1]) Гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій (род. въ 1783 г., ум. въ 1865 г.)—въ то время московскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Алексѣя Петровича Ермолова (род. въ 1777 г., ум. въ 1861 г.), жившаго въ то время въ Москвѣ.

[3]) Дмитрія Николаевича Свербеева; см. примѣч. къ письму за № 22.

[4]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ въ концѣ октября 1848 г. въ Москвѣ проѣздомъ изъ Петербурга въ Бессарабію, куда онъ былъ посланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ для изслѣдованія тамошняго раскола.

136.

(Москва, апрѣль 1849) [1].

Любезный Аксаковъ, я не могъ отвѣчать тотчасъ на твое письмо и не могу пріѣхать прежде послѣ-обѣденнаго времени [2], т. е. 6-го часа; поэтому буду отвѣчать письменно. На всѣ предложенные тобою вопросы и сомнѣнія въ словахъ графа Орлова, мною тебѣ переданныхъ, были ясные отвѣты [3]. Что ты и батюшка твой носите бороды при русскомъ платьѣ, это для правительства—не новость. Объ этомъ платьѣ было говорено вдоволь; Бажановъ [4] видѣлъ тебя въ полномъ убранствѣ [5]; я говорилъ съ нимъ о бородахъ и зипунахъ,

---

[1]) Письмо это, написанное по поводу слуховъ о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ запрещалось дворянамъ носить бороды, относится къ первой половинѣ апрѣля 1849 года, вѣроятно къ 12-му числу, т. е. къ концу пребыванія Государя въ Москвѣ по случаю освященія Кремлевскаго Большаго Дворца.—Ю. Ѳ. находился въ это время въ Москвѣ.

[2]) К. С. Аксаковъ жилъ въ это время съ родителями въ Москвѣ.

[3]) Послѣ своего освобожденія изъ Петропавловской крѣпости, Ю. Ѳ. пріѣхалъ въ Москву и здѣсь ждалъ рѣшенія насчетъ своей дальнѣйшей службы. Онъ полагалъ сперва, что ему не долго придется ждать, однако время шло, а онъ не получалъ назначенія. Тогда онъ рѣшился ѣхать, чтобы узнать о своей судьбѣ, къ шефу жандармовъ гр. Алексѣю Ѳедоровичу Орлову (род. въ 1787 г., ум. въ 1862 г.), который не разъ обнаруживалъ свое доброе къ нему расположеніе. Разговоръ его съ гр. Орловымъ продолжался довольно долго и коснулся, между прочимъ, славянофиловъ и ихъ направленія; тутъ-то гр. Орловъ замѣтилъ, что Государю не нравятся бороды. К. С. Аксаковъ такъ былъ увѣренъ въ русскихъ чувствахъ Государя, что чистосердечно думалъ, что предполагавшійся циркуляръ о запрещеніи дворянамъ носить бороды вовсе не относится къ славянофиламъ, такъ какъ въ немъ осуждалось ношеніе бороды, какъ „увлеченіе подражанію *западнымъ* затѣямъ".

[4]) Василій Борисовичъ Бажановъ (род. въ 1800 г., ум. въ 1883 г.)—духовникъ Государя съ 1848 г.

[5]) 11-го апрѣля 1848 г. С. Т. Аксаковъ писалъ въ Петербургъ сыну своему Ивану Сергѣевичу: „По совѣту Самарина Константинъ очень мало выѣзжаетъ; но еще до пріѣзда Государя я прислалъ его къ Александрѣ Ивановнѣ Васильчиковой, чтобы поблагодарить ее за участіе (А. И. Васильчикова, бывшая въ дружбѣ съ родителями Ю. Ѳ-ча, по полученіи извѣстія объ освобожденіи Ю. Ѳ-ча изъ Петропавловской крѣпости, пріѣхала сама рано утромъ, не бывъ еще у Самариныхъ, поздравить Константина Сергѣевича), и онъ встрѣтился тамъ съ духовникомъ Государя, на котораго произвелъ невыгодное впечатлѣніе своимъ платьемъ, видомъ и словами, въ которыхъ не было ничего неблаговиднаго".

объясняя ему твой поступокъ. Слѣдовательно, правительство не по невѣдѣнію, а сознательно запрещаетъ бороды, какъ принадлежность или хотя и принадлежность русской одежды. Что правительство не хочетъ, чтобы дворяне носили русскую одежду, это заключалось буквально въ словахъ графа Орлова: „дворянина во всякое время можетъ потребовать къ себѣ генералъ-губернаторъ или предводитель, и тогда онъ долженъ явиться въ мундирѣ, при которомъ не можетъ быть бороды". Ясно ли это? Итакъ, правительство воспрещаетъ вообще всякую непринятую, бросающуюся въ глаза одежду, но не дѣлая при этомъ особеннаго ударенія на словѣ русскую; оно воспрещаетъ ее не какъ русскую. Теперь ты предлагаешь такой вопросъ, который поставитъ правительство въ необходимость сказать: „да, я запрещаю вамъ носить русскую одежду". Я спрашиваю тебя: отъ такого отвѣта выиграетъ ли дѣло или потеряетъ? Слова графа Орлова, сказанныя мнѣ, были такъ ясны, что я не могу задавать ему вновь вопросы, на которые имѣю уже отъ него отвѣты и не хочу брать на себя худыхъ послѣдствій, которыя мнѣ кажутся несомнѣнными, не для меня, а для всѣхъ васъ. Впрочемъ, я не отрицаю безусловно возможности довести ваши сомнѣнія до правительства; но это, мнѣ кажется, слѣдуетъ сдѣлать въ другой формѣ. Я свое дѣло сдѣлалъ, передавъ вамъ то, что̀ до васъ касалось; но вы можете сомнѣваться въ томъ, вѣрно ли, точно ли я вамъ передалъ волю правительства, и это сомнѣніе вы можете употребить, какъ поводъ къ объясненію. Въ такомъ случаѣ необходимо начать письмо съ того, что, если дѣйствительно Государю Императору не угодно, чтобы дворяне носили русскую одежду и бороды, то вы немедленно скинете первую и сбреете вторыя, но, дабы не оставалось никакихъ недоразумѣній насчетъ того, что̀ побудило васъ одѣться въ русское платье и какое значеніе вы придаете этому поступку, вы просите позволенія высказать то и то.... [1]). Воспослѣдуетъ неминуемо запрещеніе, но вы, по крайней мѣрѣ, объяснили свой поступокъ и сдѣлали что̀ могли. Но я все-таки настаиваю на томъ, что этому письму

[1]) Точки въ подлинникѣ.

надобно дать видъ не просьбы объ удержаніи русскаго платья, а объясненія, начавъ съ изъявленія готовности скинуть его. Этотъ путь я предпочелъ бы отъѣзду въ деревню. Но если вы рѣшились уѣхать изъ Москвы, то о письмѣ и помышлять нельзя, ибо, получивъ въ отвѣтъ на письмо, что Государю не угодно русское платье, оставить его на себѣ и ѣхать въ деревню было бы явнымъ сопротивленіемъ. О твоемъ батюшкѣ собственно не было рѣчи. Его лѣта и то, что онъ дѣйствительно никуда не выѣзжаетъ, полагаютъ разницу между его и твоимъ положеніемъ. Къ тому же, онъ надѣлъ русское платье, почти не говоря о немъ; ты надѣлъ его съ трубнымъ звукомъ и показывался въ немъ. Вотъ мое мнѣніе. Если вы рѣшитесь послѣдовать моему совѣту, то терять времени не должно; сочините письмо и покажите его мнѣ [1]).

137.

(Симбирскъ, октябрь 1849) [2]).

Любезный Аксаковъ, ты, вѣрно, не разъ уже досадовалъ на меня за долгое мое молчаніе, и на этотъ разъ я готовъ сознаться, что ты не совсѣмъ неправъ. Дѣйствительно, по уговору нашему, мнѣ слѣдовало первому подать тебѣ голосъ, но да послужитъ мнѣ извиненіемъ желаніе написать

---

[1]) 13 апрѣля С. Т. Аксаковъ отправилъ начальнику тайной полиціи Перфильеву письмо, въ которомъ онъ просилъ довести до свѣдѣнія гр. Орлова свои объясненія по поводу слуховъ о запрещеніи дворянамъ носить бороды. Въ этихъ объясненіяхъ С. Т. Аксаковъ говорилъ: „если, по какимъ бы то ни было причинамъ, пребываніе въ Москвѣ русскаго дворянина въ русскомъ платьѣ, даже исключительно въ собственномъ домѣ, появленіе его на улицѣ и въ храмѣ Божіемъ можетъ показаться предосудительнымъ, то мы съ сыномъ немедленно переѣдемъ въ деревню и не будемъ въѣзжать въ Москву до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство того не позволитъ“.

[2]) Письмо это написано изъ Симбирска, куда Ю. Ѳ. былъ откомандированъ въ распоряженіе губернатора приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го августа 1849 года. Пріѣхавъ въ Симбирскъ 28-го августа, Ю. Ѳ. вскорѣ испросилъ разрѣшеніе на поѣздку въ имѣніе отца своего, с. Васильевское, находящееся на луговой сторонѣ Волги, въ 30 верстахъ на югъ отъ Сызрани. Эту-то поѣздку Ю. Ѳ. и описываетъ въ настоящемъ письмѣ, относящемся къ началу октября 1849 года.

на досугѣ длинное письмо, для котораго я не находилъ времени. Разъѣзды, знакомства, хлопоты при устройствѣ домашняго хозяйства, занятія по службѣ — все это развлекало меня. Теперь, отправляя человѣка, провожавшаго меня въ Симбирскъ, обратно въ Москву, я имѣю самую вѣрную оказію писать къ тебѣ; но выходитъ, что рѣшительно нечего сообщать по секрету, и это письмо могло бы пройти черезъ самыя неделикатныя руки. Итакъ, знай же, что я отъ тебя ничего не скрываю и что всѣ хитрости, къ которымъ ты обыкновенно прибѣгалъ, чтобы вывѣдывать отъ меня предполагаемыя тайны, были бы безполезны. Зная твою мнительность, я счелъ нужнымъ предупредить тѣ сомнѣнія, на которыя навело бы тебя, вѣроятно, невинное содержаніе моего письма и путь, которымъ оно дойдетъ до тебя.

Теперь, съ чего начать? Мнѣ такъ часто случалось начинать письма жалобами, выраженіемъ тоски и досады (особенно изъ Петербурга и Риги), что я теперь не нарадуюсь самъ собственному расположенію духа. Да, я совершенно радъ и доволенъ; доволенъ Симбирскомъ, доволенъ великолѣпною приволжскою природою, доволенъ предстоящими мнѣ занятіями, доволенъ отсутствіемъ свѣта и его соблазновъ... Я не могу передать тебѣ, какъ благодатно подѣйствовала на меня дорога и какою бодростью повѣяло на меня съ береговъ Волги. Могу сказать, что я испыталъ такое же внутреннее дѣйствіе, какое испытываетъ тѣло, когда пахнетъ въ лицо свѣжій вѣтеръ съ луговой стороны, пронесшійся черезъ Волгу. Волга, все Волга! Каждая мысль какъ-то естественно примыкаетъ къ ней. Все здѣсь живетъ ею и для нея. Все подчиняется ей. Присутствіе ея ощущается даже тамъ, откуда не видать ея. Это—наша рѣка, русская рѣка по преимуществу, живой образъ спокойнаго могущества и ясной глубины, образъ величія, какъ понимаетъ его русскій человѣкъ въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ нравственномъ. Я былъ здѣсь давно, въ то время, какъ я былъ еще студентомъ, и сильно въ то время подѣйствовала на меня Волга съ ея поемными лугами, свѣжими займищами, озерами, камышами, со всею ея обстановкою. Тѣ же впечатлѣнія я испыталъ и теперь. Сочувствіе къ природѣ, мнѣ кажется,

не должно истощаться и потому именно, что въ немъ нѣтъ ни тѣни эгоизма, оно сопровождаетъ человѣка до самой поздней старости.

Пріѣхавъ въ Симбирскъ, я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Меня такъ и подмывало за Волгу, въ Сызранскій уѣздъ, въ ваше имѣніе. И мнѣ удалось туда съѣздить и провести шесть дней въ степи, съ утра до поздней ночи. Ты можешь себѣ представить, что это было для меня временемъ полнаго наслажденія. Удивительная погода благопріятствовала мнѣ. Уборка хлѣба подходила къ концу. За деревнями строились и росли съ каждымъ часомъ богатые скирды; длинные обозы тянулись по степямъ; ночью табуны лошадей паслись на свободѣ, въ поляхъ, и пастухи, подавая другъ другу голосъ, прерывали торжественное молчаніе. Тройка башкирскихъ лошадей мчала меня по дорогѣ твердой и гладкой, какъ паркетъ. А степь! Она такъ хороша, что ее можно только любить всѣми силами души, а не описывать. А вѣдь что̀ въ ней такого? Это—не Малороссійская степь, не Гоголевская степь, зеленая и усѣянная цвѣтами, это—чистая, голая степь, проросшая ковылемъ, и болѣе ничего. А между тѣмъ, чувствуешь, что такою ей слѣдуетъ быть, что это—настоящая степь. Да, любезный Аксаковъ! Что̀ твоя тощая береза и жиденькая травка, да узенькая рѣченка и вся твоя подмосковная природа въ ея однообразіи и тѣсныхъ рамкахъ! Ты бы ужъ лучше не заикался про нее! Скажу тебѣ одно: стрепета и куропатки со свистомъ срывались изъ-подъ моихъ ногъ, а ружье не поднималось; глазъ только слѣдилъ за ними, а сердце радовалось богатству края и баснословному изобилію дичи. Знаю, что это тебя не трогаетъ, и потому предоставляю себѣ отвести душу въ припискѣ къ твоему батюшкѣ.

Замѣчателенъ и народъ Симбирскій, особенно заволжскій. Это—племя трудовое, работящее, передъ которымъ переселенные сюда Туляки кажутся тунеядцами. Любовь крестьянина-хлѣбопашца къ землѣ—черта, которой ты не замѣтишь подъ Москвою,—даетъ особенный характеръ труду, облагораживаетъ его. Человѣкъ трудится здѣсь не по принужденію, не по нуждѣ; чтобъ оградить себя отъ нужды, достаточно

бы было десятой доли его труда; потребности нажиться, какъ у крестьянъ-промышленниковъ, тоже не замѣтно, но есть другое побужденіе: это—увѣренность, что всякій трудъ будетъ вознагражденъ съ избыткомъ. Земли здѣсь много, земля обильна, и человѣкъ спѣшитъ, какъ будто, собрать эти первые плоды, которыми такъ щедро даритъ его природа, еще не тронутая. Разумѣется, все это скоро измѣнится; земли выпахаются, ковылъ совсѣмъ исчезнетъ, залежей не будетъ, и степное хозяйство скоро обратится въ миѳъ. А сколько здѣсь любопытныхъ предметовъ для изученія! Можно заслушаться однихъ разсказовъ опытныхъ хлѣбопашцевъ о разныхъ родахъ и свойствахъ почвъ, о способѣ ихъ воздѣлыванія, о барщинѣ и вольнонаемныхъ работникахъ, о Башкирцахъ, недавно начавшихъ заниматься земледѣліемъ, о судоходствѣ и бурлакахъ, о правахъ Татаръ и конокрадствѣ, о хлѣбной торговлѣ, о томъ, какъ наживаются приказчики, обманывая народъ самымъ наглымъ образомъ при ссыпкѣ хлѣба и т. д. Все это я могу теперь видѣть собственными глазами, изучить на мѣстѣ, и сердце радуется, чуя обильную жатву въ другомъ родѣ. Учиться, узнавать можно!

Мнѣ предстоитъ множество занятій. Теперь я изучаю распредѣленіе и способъ отправленія земскихъ повинностей во всей подробности. Разумѣется, это потребуетъ изслѣдованій на мѣстѣ и разъѣздовъ. Потомъ займусь проектомъ пароходства—статья очень важная, потомъ раскольниками, потомъ ревизіею городовъ и хлѣбной торговли на пристаняхъ.

Князь Черкасскій [1])—благородный, умный, прекраснѣйшій человѣкъ. Я говорю это теперь съ полнымъ убѣжденіемъ и прибавляю, что я просто не понимаю, какъ могла клевета коснуться такого человѣка. Вся губернія сознается, что такого губернатора до сихъ поръ не бывало. Онъ изучалъ добросовѣстно и спеціально хозяйственный бытъ Россіи, торговые пути наши, онъ знаетъ то, чего у насъ почти никто и не подозрѣваетъ, и потому разговоръ его чрезвычайно поучителенъ. Но болѣе всего цѣню я въ

[1]) Кн. Петръ Дмитріевичъ Черкасскій (род. въ 1790 г., ум. въ 1852 г.)— въ то время Симбирскій губернаторъ.

немъ глубокое уваженіе къ человѣческому достоинству, къ искреннему убѣжденію, къ правамъ мысли вообще. Всякое насиліе, все, что̀ отзывается грубою замашкою власти, ему противно, и, можетъ быть, никто такъ охотно не выслушиваетъ совѣтовъ и противорѣчія. Потребность убѣдить въ пользѣ его предпріятій, снискать довѣренность, имѣть общественное мнѣніе за себя въ немъ неподдѣльна, совершенно искренна, а это—не бездѣлица. Лучшаго начальника я для себя не желаю. Всѣ вообще приняли меня въ Симбирскѣ чрезвычайно ласково. Я уже не говорю о твоемъ братѣ [1]); но не могу не упомянуть о семьѣ Корфовъ, отъ которыхъ я даже не ожидалъ дружескаго расположенія. Впрочемъ, Корфъ совершенно обрусѣлъ [2]). Языковыхъ еще нѣтъ въ городѣ [3]). Впрочемъ, объ обществѣ мы поговоримъ въ другой разъ, а вотъ тебѣ на прощанье анекдотъ, разсказанный мнѣ княземъ Черкасскимъ. Проѣзжая въ свое Саратовское имѣніе, онъ остановился на постояломъ дворѣ и замѣтилъ на стѣнѣ цѣлые столбцы черточекъ и крестиковъ, начертанныхъ мѣломъ. „Что это у тебя записано?" спросилъ онъ у хозяина.—„А это расчетъ мой съ ямщикомъ; долгъ на него записанъ".—„А на много ли?"—„Да тысячи на полторы будетъ".— „Вотъ какъ! А какъ же ты вѣришь на такую сумму ямщику?"—Хозяинъ посмотрѣлъ на Черкасскаго свысока, помолчалъ и, поворачиваясь къ нему спиною, отвѣчалъ: „да кому же и вѣрить, коли не мужику?"—Поблагодарите меня за этотъ разсказъ, Константинъ Сергѣевичъ! На первый разъ будетъ. Теперь я буду ждать отъ тебя письма и обѣщаннаго отчета въ твоихъ занятіяхъ. Еще разъ прошу тебя быть осторожнымъ, потому что неосторожность можетъ надѣлать мнѣ хлопотъ, а мнѣ бы не хотѣлось портить моего теперешняго положенія. Помни, что намъ нечего убѣждать

[1]) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ (род. въ 1820 г., ум. въ 1891 г.) служилъ въ это время въ Симбирскѣ губернскимъ прокуроромъ.

[2]) Баронъ Фердинандъ Николаевичъ Корфъ — предсѣдатель Симбирской коммиссаріатской коммиссіи.

[3]) Братья поэта: старшій, Петръ Михайловичъ (род. въ 1798 г., ум. въ 1851 г.)—минералогъ, и средній, Александръ Михайловичъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1874 г.), съ которымъ Ю. Ѳ. особенно сошелся въ Симбирскѣ.

и горячить другъ друга; мы, слава Богу, другъ друга знаемъ. Напиши мнѣ также о всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Затѣмъ, обнимаю тебя крѣпко. Передай мое почтеніе твоей матушкѣ, обними за меня Гоголя и прочти слѣдующее приложеніе твоему батюшкѣ [1]).

P. S. Адресуй на мое имя, просто въ Симбирскъ.

138.

Москва, (ноябрь 1849) [2]).

Любезный Аксаковъ, ты, вѣроятно, уже знаешь о моемъ пріѣздѣ отъ твоей матушки. Въ первую минуту свиданія съ нею я увлекся однимъ желаніемъ поскорѣе обнять тебя, но потомъ вспомнилъ, что ты, вѣроятно, явишься въ русскомъ платьѣ, и призадумался. Я не намѣренъ заводить теперь съ тобою спора, который ни къ чему бы не привелъ, но вотъ, что̀ я долженъ сказать тебѣ. Ты теперь не долженъ разгуливать въ Москвѣ въ русскомъ платьѣ—въ этомъ можешь повѣрить мнѣ на слово. Поэтому я убѣдительно прошу тебя пріѣхать въ нѣмецкомъ, обыкновенномъ платьѣ, хотя бы и съ бородою. Если же ты на это не рѣшишься, то, по крайней мѣрѣ, пріѣхавши, остановись у себя въ домѣ и, не показываясь на улицѣ, пошли за мною. Я бы далъ тебѣ этотъ совѣтъ во всякомъ случаѣ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; но я еще болѣе въ правѣ настаивать на этомъ теперь, потому что ты пріѣзжаешь собственно для меня. Итакъ, одно изъ двухъ: или пріѣзжай на тѣхъ условіяхъ, которыя я тебѣ предлагаю, или совсѣмъ не пріѣзжай. Во всякомъ случаѣ я пріѣду къ вамъ въ деревню черезъ 7 или 10 дней. Мое почтеніе твоему батюшкѣ, а тебя крѣпко обнимаю.

Понедѣльникъ.

---

[1]) См. ниже письмо за № 149.

[2]) Будучи откомандированъ, приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 15 октября 1849 года, въ распоряженіе Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, Ю. Ѳ. 5-го ноября выѣхалъ изъ Симбирска. Настоящее письмо написано въ понедѣльникъ 14-го ноября изъ Москвы, куда Ю. Ѳ. пріѣхалъ по дорогѣ въ Кіевъ 11-го ноября. К. С. Аксаковъ жилъ въ это время вмѣстѣ съ родителями въ подмосковной—Абрамцевѣ.

139.

(Москва, мартъ 1850) [1].

Любезный Аксаковъ, я былъ у тебя въ пятницу, въ субботу было чтеніе у Хомякова, а затѣмъ начался постъ; слѣдовательно, время сидѣнія по ночамъ и поздняго вставанія кончилось. Вчера отцу моему было хуже; нынче не совсѣмъ хорошо. Постараюсь быть у тебя нынче въ 12-томъ часу, но обѣщать этого не могу. Надѣюсь быть у тебя завтра, также поздно. Вторая часть „Мертвыхъ Душъ" превосходна. Я былъ такъ вполнѣ увлеченъ чтеніемъ, что мнѣ просто было невозможно думать о достоинствѣ читаннаго и объ оцѣнкѣ.

140.

(Кіевъ), 11 декабря (1850) [2].

Любезный Аксаковъ, вѣрить ли слухамъ, доходящимъ до меня изъ Москвы? Твоя драма ставится на сценѣ [3]) и явится безъ пропусковъ! Я ломаю себѣ голову и не могу понять, какъ это могло сдѣлаться. Признаюсь тебѣ, должно быть я просто поглупѣлъ, а мнѣ приходитъ на мысль, что это—капканъ, ловушка, поставленная предательскою рукою. Впрочемъ, что̀ бы то ни было, я понимаю и раздѣляю твою радость. И меня не будетъ на первомъ представленіи! Не увижу и не услышу я оправданія публичнаго того впечатлѣнія, которое произвела на меня твоя драма! До сихъ поръ благосклонная публика твоя была немногочисленна; она состояла изъ двухъ лицъ: Хомякова и меня; но я не сомнѣваюсь, что при представленіи толпа будетъ на нашей

---

[1]) Получивъ извѣстіе о болѣзни отца (9-го февраля у Ѳ. В-ча былъ легкій ударъ), Ю. Ѳ. поспѣшилъ пріѣхать изъ Кіева въ Москву, гдѣ пробылъ съ 19 февраля по 10 марта 1850 года. Къ этому-то времени, именно къ началу марта, и относится настоящая записка, сохранившаяся въ неполномъ видѣ. Въ эту зиму Гоголь читалъ въ Москвѣ первыя главы 2-ой части „Мертвыхъ Душъ".

[2]) Первыя же строки этого письма указываютъ, что оно относится къ 1850 году, слѣдовательно написано изъ Кіева.

[3]) Драма К. С. Аксакова: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году" была представлена въ Московскомъ Маломъ театрѣ 14 декабря 1850 года.

сторонѣ. Не могу тебѣ выразить, какъ мнѣ досадно, что меня не будетъ! Это неожиданное извѣстіе миритъ меня со многимъ; можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ все дѣлается къ лучшему. Конечно, при теперешнихъ обстоятельствахъ, появленіе твоей драмы на сценѣ будетъ многозначительнѣе и на общество подѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ если бы ее дали за три года тому назадъ. Завидую Павлову, который вручитъ тебѣ это письмо и, вѣроятно, будетъ на первомъ представленіи. Предупреждаю тебя, что я ожидаю отъ тебя письма, которое ты поручишь ему же и въ которомъ подробно разскажешь мнѣ, какъ все обошлось.—Что̀ тебѣ сказать о себѣ? Мои занятія, мой образъ жизни отстоятъ такъ далеко отъ твоей среды, что я даже не буду пытаться перетащить тебя въ мою теперешнюю сферу. Довольно тебѣ знать, что должность правителя канцеляріи[1]) многотрудна, и что я занятъ ежедневно отъ утра до поздней ночи. Десять часовъ—это обыкновенная мѣра занятій, часто бываетъ 12; но больше я не въ состояніи работать. Первый мѣсяцъ я провелъ въ какомъ-то лихорадочномъ, раздраженномъ состояніи; даже ночью я не могу сказать, чтобъ я отдыхалъ, потому что во снѣ тянулась прерванная работа. Я подчинилъ себя труду, не ради результатовъ, а ради самаго труда. Занятія мои, по предметамъ, чрезвычайно безсвязны и разнообразны; отъ множества новыхъ свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ каждаго дѣла, у меня въ полномъ смыслѣ трещитъ голова. Ты не повѣришь, сколько мнѣ открылось вѣдомствъ, присутственныхъ мѣстъ, всякихъ должностей, сословій, существованія которыхъ я не подозрѣвалъ. Я ужъ обрекаю себя на изученіе всего этого: нужно же, чтобы кто-нибудь изъ насъ овладѣлъ знаніемъ нашей оффиціальной дѣйствительности. Можетъ быть, когда-нибудь и это знаніе пригодится.—Сегодня я былъ въ перепискѣ съ се-

[1]) 2-го октября 1850 г. Ю. Ѳ-чу поручено было генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ управленіе его канцеляріей по дѣламъ полицейскимъ, хозяйственнымъ, суднымъ, казначейскимъ, по цензурѣ и регистратурѣ, а съ 13 марта 1851 года Ю. Ѳ. утвержденъ былъ въ должности правителя канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора, при чемъ его вѣдѣнію подлежали тѣ же дѣла.

строю Гоголя, которой въ глаза не видалъ; я сообщилъ ей вашъ адресъ, а отъ нея узналъ, что Гоголь здоровъ и зиму проводитъ въ Одессѣ. Кстати о зимѣ: 9-го декабря я гулялъ въ легкомъ пальто и вспотѣлъ. Чижовъ [1]) тоже скоро собирается въ Москву. Поклонись отъ меня Сергѣю Тимоѳеевичу, Ольгѣ Семеновнѣ и твоимъ сестрицамъ, всѣмъ вашимъ обо мнѣ напомни, обними Хомякова. Не забудь, что я ожидаю отъ тебя письма. Какъ бы хорошо было, если бы къ отъѣзду Павлова Хомяковъ приготовилъ письмецо. Прощай, старый другъ, крѣпко обнимаю тебя.

P. S. Пожалуйста, вложенное письмо отдай сестрѣ моей.

P. S. Не смущайся видомъ печати. Это письмо мною самимъ было распечатано.

141.

(Петербургъ, мартъ 1851) [2]).

Любезный Аксаковъ, у меня уже было начато письмо къ тебѣ, когда я получилъ твое. Поступокъ И. С. всѣхъ ошеломилъ [3]); меня онъ глубоко огорчилъ. Я тотчасъ же

[1]) Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1877 г.), профессоръ математики въ Петербургскомъ университетѣ съ 1832 по 1845 г., писатель, примыкавшій по своимъ убѣжденіямъ къ московскому кружку славянофиловъ и замѣчательный инціаторъ въ области торговой и промышленной жизни Россіи, жилъ въ это время верстахъ въ 50-ти отъ Кіева и занимался распространеніемъ въ тамошнемъ краѣ шелководства.

[2]) Письмо это относится къ самому началу марта 1851 года, когда Ю. Ѳ. былъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, въ качествѣ его правителя канцеляріи.

[3]) Рѣчь идетъ о рапортѣ, посланномъ И. С. Аксаковымъ министру внутреннихъ дѣлъ 19-го февраля 1851 года, съ просьбой объ отставкѣ. Поступокъ этотъ вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Во время службы И. С. Аксакова въ Ярославлѣ, въ ноябрѣ 1850 года, вслѣдствіе слуховъ о предосудительномъ содержаніи произведенія И. С-ча „Бродяга", министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ отъ него присылки этого сочиненія. Ознакомившись съ этимъ произведеніемъ, министръ не нашелъ въ немъ „ни предосудительныхъ мыслей, ни сомнительнаго направленія по цѣли", однако выразилъ желаніе, чтобы И. С. прекратилъ свои авторскіе труды въ виду того, что „человѣкъ, посвятившій себя службѣ и занятый исполненіемъ важнаго порученія, довѣріемъ начальства на него возложеннаго, едва-ли можетъ найти, безъ ущерба для службы, довольно времени для литературныхъ или другихъ постороннихъ занятій". И. С. отвѣчалъ министру письмомъ, въ которомъ говорилъ: „Авторскія занятія мои такъ рѣдки и службѣ моей посвящается мною столько времени, что я не могу убѣдиться въ необходимости прекратить труды, которые, если и не имѣютъ особеннаго литературнаго достоинства, зато важны для

написалъ къ нему письмо [1]), на которое ожидаю въ скорости отвѣта. Можетъ быть, мы съ тобою смотримъ на все это дѣло разно, но это только потому, что ты еще примѣняешь къ начальству такія требованія, мѣряешь его такимъ аршиномъ, съ которымъ я и не думаю приступать къ нему... Въ сущности все это дѣло было плёвое—простая канцелярская отписка, облеченная... въ глупую форму. Какъ бы она ни оскорбила И. С-ча, онъ не могъ принять данное ему наставленіе за серьезное убѣжденіе министра въ несовмѣстности службы съ литературными занятіями. Это была придирка, ложь, а онъ отвѣчалъ на нее, какъ на правдивое слово. Если бъ затронутъ былъ принципъ—другое дѣло; а здѣсь—вопросъ личный. Милютинъ [2]) показывалъ мнѣ письмо И. С-ча, въ которомъ онъ проситъ его ускорить его увольненіе и не требовать окончанія работы. Въ томъ же письмѣ нѣсколько фразъ противъ петербургскихъ чиновниковъ, въ которыхъ мастерски очерчена личность самого Милютина. „Посмотрите, какъ меня отдѣлалъ И. С.“—сказалъ онъ мнѣ, подавая письмо. Григорій Сергѣевичъ [3]) полагаетъ возможнымъ добиться, чтобы министръ написалъ И. С—чу въ родѣ извиненія. Это и невозможно и не повело бы ни къ чему, потому что

меня, какъ единственный способъ освѣженія моихъ, утомленныхъ службою, нравственныхъ силъ“. Въ отвѣтъ на это И. С. получилъ отъ А. А. Гвоздева—директора канцеляріи министра, письмо, въ которомъ говорилось, что министръ нашелъ „весь тонъ письма“ И. С-ча „совершенно неприличнымъ“, что, „дозволивъ себѣ войти въ разборъ полученнаго предписанія отъ министра“, И. С. „отступилъ отъ самаго основного правила службы—отъ строгой подчиненности, а возгласы и жалобы, что отъ служебныхъ трудовъ терпятъ литературныя занятія, могутъ привести къ одному заключенію, что эти жалобы и возгласы сами по себѣ странны и крайне неумѣстны“. По полученіи этого письма, И. С. написалъ вышеупомянутый рапортъ и приложилъ къ нему прошеніе объ отставкѣ.

[1]) Письмо Ю. Ѳ-ча къ И. С. Аксакову отъ 27 февраля 1851 года; см. ниже (№ 147).

[2]) Николай Алексѣевичъ Милютинъ (род. въ 1818 г., ум. въ 1872 г.) былъ въ то время вице-директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ въ половинѣ 1850 года, согласно прошенію, причисленъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ августа 1850 года состоялъ членомъ комиссіи, учрежденной для введенія общественнаго управленія въ Петербургѣ, съ порученіемъ ему устройства торговой депутаціи.

И. С—чу нужны не комплименты. Съ нетерпѣніемъ жду его отвѣта.—Мнѣ было очень любопытно услышать здѣсь, какое впечатлѣніе ты произвелъ на петербуржцевъ [1]). Единогласный отзывъ о тебѣ—самый благопріятный. Всѣ жалѣютъ, что ты рано уѣхалъ. Желали бы еще послушать новенькаго. Только одинъ, одинъ Ханыковъ [2]) глубоко оцѣнилъ силу убѣжденія, котораго вполнѣ не раздѣляетъ. Я здѣсь веду почти такой же образъ жизни, какъ и въ Кіевѣ [3]), т. е. провожу все утро у генералъ-губернатора [4]), а работаю ночью, почти никуда не ѣзжу, мало съ кѣмъ видаюсь и даже Григорія Сергѣевича видѣлъ только два раза. Послѣ праздниковъ мы отсюда уѣзжаемъ и ѣдемъ въ Москву. Итакъ, скоро, скоро я обниму тебя. Усердно кланяюсь Сергѣю Тимоѳеевичу и Ольгѣ Семеновнѣ. Поклонись отъ меня Хомякову. Прощай.

P. S. Стихи хороши; но къ нимъ нужно сдѣлать выноску и, для объясненія добровольной уступки Нова-города, сослаться на послѣднія страницы Новогородской и, въ особенности, Псковской лѣтописи, гдѣ эта добрая воля излилась плачемъ Іереміи [5]).

---

[1]) Въ первой половинѣ февраля 1851 г. К. С. Аксаковъ ѣздилъ въ Петербургъ къ брату Григорію Сергѣевичу, у котораго скончался сынъ черезъ два дня послѣ рожденія.

[2]) Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ (род. въ 1818 г., ум. въ 1862 г.), старшій членъ рижской ревизіонной коммиссіи 1846—48 гг., въ которой участвовалъ Ю. Ѳ., а съ 1852 года Оренбургскій гражданскій губернаторъ, въ 1851 году состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, профессоромъ Александровскаго лицея и секретаремъ Географическаго Общества.

[3]) Ю. Ѳ. пробылъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ два мѣсяца—съ половины февраля до половины апрѣля.

[4]) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1870 г.), генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, Кіевскій военный губернаторъ и генералъ-губернаторъ Подольскій и Волынскій съ 1837 по 1852 г.

[5]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, стихотвореніе К. С. Аксакова „Новгородъ", въ которомъ есть слѣдующая строфа:

„Новгородъ, ты цѣлой Руси
Уступилъ права,
И избранница всей Руси
Поднялась Москва".

Стихотвореніе это напечатано было И. С. Аксаковымъ въ № 14 „Дня" за 1861 г. и отнесено тамъ, повидимому ошибочно, къ 1852 году.

142.

(Кіевъ, 1851) [1]).

Любезный Аксаковъ, долго мы не подавали другъ другу голоса—почти цѣлый годъ! Я не виню тебя за долгое молчаніе; ты еще менѣе въ правѣ винить меня. Я прекратилъ переписку со всѣми, разумѣется кромѣ родныхъ, не потому только, что я уразумѣлъ необходимость отучить себя отъ употребленія почтъ, книгопечатанія и другихъ изобрѣтеній прихотливой роскоши, но и по другимъ чисто-личнымъ причинамъ. Въ моемъ положеніи, при моихъ ежедневныхъ спасительныхъ для меня занятіяхъ, мнѣ необходимо спокойствіе, хотя наружное, если ужъ внутренній миръ невозможенъ. Это спокойствіе только и можетъ быть сохранено при безусловномъ молчаніи. Когда, кромѣ горечи и горечи, опытъ жизни ничего не оставляетъ на сердцѣ, къ чему шевелить и поднимать этотъ отсѣдъ? Остается сложить руки и молить Бога: да пріидетъ не Царствіе Его, котораго мы недостойны, а да постигнетъ насъ заслуженный гнѣвъ Его. Я до такой степени внутренно съёжился [2]) и очерствѣлъ душой, что я почти не нахожу въ себѣ того голоса, которымъ я привыкъ говорить съ тобой. Ты спросишь меня, отчего я добровольно остаюсь въ такомъ положеніи. Оттого, мой другъ, что я не вижу для себя другого, и, наконецъ, и оттого, что служба меня занимаетъ. Корабль, на которомъ мы всѣ стоимъ, тонетъ—въ этомъ я твердо увѣренъ, ничто [3]) не спа-

---

[1]) Это письмо, сохранившееся только въ копіи, нужно отнести къ осени 1851 года, къ октябрю или ноябрю мѣсяцу. На то, что оно писано изъ Кіева, указываетъ, во-первыхъ, упоминаніе про письмо К. С. Аксакова къ Ригельману, служившему въ Кіевѣ, и, во-вторыхъ, то, что его долженъ былъ отвезти Чижовъ, жившій около Кіева. А что это письмо написано осенью 1851 года—доказывается фразой: „судя по задуманному изданію Сборника", гдѣ разумѣется изданіе „Московскаго Сборника", предпринятое И. С. Аксаковымъ осенью 1851 года. Наконецъ, фраза: „скоро, нынче зимою, надѣюсь я обнять тебя, любезный Аксаковъ, и подышать вашимъ воздухомъ, котораго нигдѣ нѣтъ, кромѣ Москвы",—показываетъ, что письмо это написано, вѣроятно, въ октябрѣ или въ ноябрѣ; по крайней мѣрѣ, въ письмахъ къ братьямъ Владиміру и Николаю Ю. Ѳ. начинаетъ говорить о поѣздкѣ въ Москву только съ октября мѣсяца 1851 года.

[2]) Въ копіи, съ которой печатается это письмо, очевидно по ошибкѣ, написано: „съжился".

[3]) Въ копіи, съ которой печатается это письмо, вмѣсто слова „ничто" стоитъ: „но это".

сеть его; но я предпочитаю каютѣ, еще не залитой водою, мое мѣсто на открытой палубѣ. Съ этого мѣста видно то, что̀ закрыто отъ другихъ. Всматриваясь въ окружающее меня, я часто вспоминаю библейское сказаніе о язвахъ, ниспосланныхъ на Египетъ. Какая бездна неисчислимыхъ, невѣдомыхъ страданій всякаго рода!..... А доживемъ ли мы съ тобой до кризиса? Ибо все идетъ къ тому и я уже потерялъ всякую надежду на мирный исходъ. Судя по тону твоего письма къ Ригельмаву[1]), судя по задуманному изданію „Сборника", ты далеко не къ тому пришелъ. Признаюсь, я душевно буду радъ, если ты не измѣнился. Мнѣ хочется найти тебя такимъ вполнѣ, какимъ я тебя оставилъ. Скоро, нынче зимою, надѣюсь я обнять тебя, любезный Аксаковъ, и подышать вашимъ воздухомъ, котораго нигдѣ нѣтъ, кромѣ Москвы.—Недавно дошло до меня извѣстіе, что 2-ой томъ „Мертвыхъ Душъ" не пропущенъ[2]). Судя по источнику, откуда оно идетъ, нельзя въ немъ сомнѣваться. Какъ я ни приготовленъ ко всему, а это извѣстіе меня сразило. Я всё-таки надѣялся, Богъ знаетъ почему, что на трудъ Гоголя не поднимется рука. Бѣдный Гоголь, я воображаю, каково должно быть ему! Прощай, крѣпко тебя обнимаю. Передай мое почтеніе твоимъ родителямъ и дружескій поклонъ Ивану Сергѣевичу. Это письмо отвезетъ тебѣ Чижовъ...[3]). Мнѣ нужно теперь быть въ покоѣ.

---

[1]) Николай Аркадіевичъ Ригельманъ (род. въ 1817 г., ум. въ 1887 г.), товарищъ по университету Ю. Ѳ-ча, примыкавшій къ московскому кружку славянофиловъ, служилъ въ это время въ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора.

[2]) Осенью 1851 года Гоголь отдавалъ въ цензуру свои прежнія сочиненія, желая ихъ выпустить вторымъ изданіемъ, и, когда получилъ разрѣшеніе, началъ печатать ихъ; одновременно съ этимъ онъ работалъ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ". Можетъ быть, въ письмѣ Ю. Ѳ-ча—ошибка, и вмѣсто 2-го тома „Мертвыхъ Душъ" нужно читать: 2-ое изданіе сочиненій Гоголя. Если же въ письмѣ Ю. Ѳ-ча идетъ рѣчь дѣйствительно о цензурѣ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ", то нужно разумѣть не отдачу въ цензуру 2-го тома, а хлопоты Гоголя насчетъ цензуры этого тома, хлопоты, которыя дѣйствительно были еще лѣтомъ 1851 года; невѣрный слухъ объ этомъ могъ дойти до Ю. Ѳ-ча.

[3]) Точки въ копіи, съ которой печатается это письмо.

143.

(Кіевъ, 11 мая 1852) [1]).

Любезный другъ Аксаковъ, благодарю тебя отъ души за твое длинное, прекрасное письмо, прибавлю: за твое разборчивое письмо. Въ немъ есть одна строка, которая меня поразила тѣмъ, что ты какъ будто вычиталъ ее изъ моей души. Смѣло могу тебѣ сказать, что ты въ два послѣдніе года много созрѣлъ и при этомъ не очерствѣлъ. Вотъ, что̀ страшно. Ты можешь повѣрить моему слову, потому что я люблю тебя безъ ослѣпленія, не такъ, какъ любитъ меня одинъ мой пріятель, способный увѣрять серьезно, что я рисую лучше Мамонова [2]) и могъ бы даже, если бы захотѣлъ, писать правильные стихи. Признаюсь тебѣ, мнѣ худо вѣрится въ недоброжелательство къ тебѣ, на которое ты намекаешь [3]). Я знаю, о комъ ты говоришь. Мнѣ кажется, что объясненіе гораздо проще. Оно лежитъ въ характерѣ лицъ. Разумѣется, тебѣ отъ этого нисколько не легче, и я совершенно понимаю, что твое положеніе тяжело; но, какъ я писалъ твоему батюшкѣ, я вѣрю, что все устроится.—Стихи твои очень хороши, но, по моему мнѣнію (ты знаешь, что я въ этомъ дѣлѣ не судья), вся пьеса могла бы быть сжата на половину. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ твоихъ стихахъ. Въ нихъ видна исторія мысли, пробивающейся наружу.

---

[1]) Это письмо—безъ указанія на годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто, откуда оно написано, но сравненіе его съ письмомъ Ю. Ѳ-ча къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову отъ 11-го мая 1852 года (№ 152) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оба эти письма написаны одновременно. То же подтверждаетъ и письмо Ю. Ѳ-ча къ И. С. Аксакову отъ 10-го іюня 1852 года (№ 148).

[2]) Эммануилъ Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. въ 1826 г., ум. въ 1883 г.)—художникъ, оставившій много живыхъ набросковъ-портретовъ современныхъ ему выдающихся лицъ.

[3]) К. С. Аксаковъ искалъ въ это время руки Софьи Петровны Бестужевой (впослѣдствіи она была замужемъ за И. Д. Давыдовымъ), которая по матери приходилась племянницей супругѣ А. С. Хомякова. Въ апрѣлѣ 1852 г. Софья Петровна уѣхала изъ Москвы въ Симбирское имѣніе своихъ родителей, обѣщая прислать оттуда отвѣтъ К. С-чу.

искапіе соотвѣтственной формы. Мысль какъ-будто примѣряетъ на себѣ различныя выраженія и оставляетъ одно за другимъ. Отъ этого—повторенія. Мнѣ кажется, ты вообще слишкомъ рано садишься писать. Внутренній трудъ уяспенія мысли, то, что я назвалъ исторіею ея, долженъ совершаться про себя. Кстати о стихахъ. Эпиграфъ къ „Запискамъ Охотника" очень хорошъ [1]). Я еще не могъ отыскать рецензіи въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" [2]). Статьи въ „Современникѣ" о Гоголѣ я тоже еще не читалъ [3]). По мнѣ попалась въ „Отечественныхъ Запискахъ" статья подъ заглавіемъ: „Матеріалъ для біографіи Гоголя", кажется такъ [4]). Въ ней описано его дѣтство и пребываніе въ Нѣжинскомъ училищѣ. Статья прекрасная. Видно, что многое изъ привычекъ, даже причудъ дѣтства сохранилось въ Гоголѣ до самой его смерти, разумѣется въ другихъ формахъ и размѣрахъ. Да, это былъ нашъ художникъ, художникъ нашего переходнаго, ищущаго поколѣнія. Прощай, любезный Аксаковъ. Я знаю, что ты не унываешь и ни въ какомъ случаѣ не упадешь духомъ, но еще разъ: дай Богъ, чтобы скорѣе

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, не сохранившійся эпиграфъ, сочиненный К. С. Аксаковымъ; въ „Запискахъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи" изданія 1852 года никакого эпиграфа нѣтъ.

[2]) Фельетонъ о „Запискахъ ружейнаго охотника" С. Т. Аксакова за подписью Н. М. помѣщенъ былъ въ № 82 „Петербургскихъ Вѣдомостей" 1852 года.

[3]) Въ это время въ „Современникѣ" не было помѣщено никакой статьи о Гоголѣ, если не считать небольшой рецензіи брошюры: „Нѣсколько словъ о Гоголѣ". Первая статья о Гоголѣ въ „Современникѣ" 1852 года помѣщена была въ октябрьской книжкѣ; это—„Замѣтки для біографіи Гоголя" В. П. Гаевскаго. Поэтому слова Ю. Ѳ-ча нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ „Современникѣ" онъ еще не нашелъ какой-то статьи о Гоголѣ, появленіе которой ожидалось. Вѣроятно, ожидался біографическій очеркъ Гоголя, надъ которымъ въ это время работалъ П. А. Кулишъ (см. примѣч. 1-е къ письму за № 171) и который въ законченномъ видѣ печатался въ „Современникѣ" 1854 года.

[4]) „Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя"—статья безъ подписи, помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ". Она принадлежитъ П. А. Кулишу и представляетъ собою первоначальный набросокъ первой главы его сочиненія: „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя со включеніемъ до сорока его писемъ".

прошло это время тяжелаго испытанія и напраснаго мученія. Обними отъ меня Ивана Сергѣевича и Хомякова. Напиши мнѣ вашъ адресъ, куда посылать письмо; я забылъ, въ чьемъ домѣ вы стоите.

144.

(Кіевъ, 1852) [1].

Любезный Аксаковъ, это письмо берется доставить къ вамъ въ домъ профессоръ здѣшняго университета Павловъ [2]), твой противникъ по родовому быту, котораго твоя статья [3]) поколебала, но не убѣдила. Если ты съ нимъ познакомишься, пожалуйста будь помягче; онъ нѣженъ, слабъ и застѣнчивъ. Получилъ ли ты и твой батюшка мое письмо? Чтò и какъ? Я думаю, пока еще нѣтъ отвѣта. Рано. Правда ли, что найдены 4 главы „Мертвыхъ Душъ“ и толкованіе на литургію [4])?—Я получилъ послѣднее слово Гоголя къ друзьямъ [5]).

---

[1]) Это письмо, годъ, мѣсяцъ и число котораго не помѣчены, относится къ концу мая или началу іюня 1852 года. Оно написано послѣ отправки предыдущаго письма, чтò видно изъ словъ: „Получилъ ли ты и твой батюшка мое письмо“, и до полученія комедіи К. С-ча, слѣд. до 10-го іюня, такъ какъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову отъ 10-го іюня Ю. Ѳ. говоритъ, что получилъ комедію. Все это подтверждается также письмомъ И. С. Аксакова къ Ю. Ѳ-чу отъ 26 мая 1852 года, въ которомъ мы читаемъ: „Получили-ли вы комедію брата? Она отправлена къ вамъ уже съ недѣлю тому назадъ“.

[2]) Платонъ Васильевичъ Павловъ (род. въ 1823 г., ум. въ 1895 г.)—профессоръ Кіевскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи.

[3]) Статья К. С. Аксакова, помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 г.: „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ)“.

[4]) При распечатаніи бумагъ Гоголя найдены были, между прочимъ черновыя рукописи 4-хъ первыхъ главъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“, объясненіе литургіи и то послѣднее слово друзьямъ, о которомъ Ю. Ѳ. говоритъ дальше въ этомъ же письмѣ.

[5]) Это послѣднее слово Гоголя къ друзьямъ составляло часть его завѣщанія. Приводимъ его полностью:

„Друзьямъ моимъ. Благодарю васъ много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово. Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, моляся въ тишинѣ. Общество тогда только поправится, когда всякій частный человѣкъ займется

Оно удивительно напоминаетъ его. Это была его задушевная мысль и та, на которой онъ остановился. Для настоящей минуты онъ безусловно правъ.—Недавно видѣлся я съ Чижовымъ; онъ не совсѣмъ доволенъ статьею И. В. Кирѣевскаго[1]) и хочетъ писать тебѣ свои замѣчанія. Здѣсь вообще этой статьи не поняли, несмотря на то, что она произвела большое впечатлѣніе на тѣхъ немногихъ, которые ее читали. Большинство читателей и людей мыслящихъ такого свойства, что они не вмѣщаютъ въ себѣ принципа какого бы то ни было, когда онъ выводится передъ ними во всей его строгости. Они терпѣть не могутъ, когда ихъ ставятъ въ необходимость избрать одно изъ двухъ направленій. Хотѣлось бы избрать новое, но съ тѣмъ, чтобы забрать съ собою всѣ предубѣжденія, привычки, затѣи стараго. Нѣтъ въ нихъ ни логики мысли, ни логики жизни, которая есть твердость воли. Страшно принять даръ свободы. Онъ слишкомъ обязателенъ. Здѣсь жалко именно то, что отсутствіе логики въ мысли происходитъ отъ слабости воли. Мысль не идетъ впередъ, потому что ее не пускаютъ. не хотятъ видѣть ясно и видѣть все. Надобно сознаться, что мы вообще—дрянь. Что жъ я не получаю твоей комедіи[2])? Или ее зачитали на пути? Пожалуйста, пришли мнѣ свой адресъ. Прощай, крѣпко обнимаю тебя, Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергѣевича.

145.

Кіевъ, 6 ноября 1852.

Любезный Аксаковъ, я получилъ вчера твое письмо отъ 23 октября. Признаюсь тебѣ, оно меня поразило. Я ждалъ другого отвѣта.—Почему?—Не могу тебѣ объяснить; можетъ

собою и будетъ жить, какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему. И человѣчество двинется впередъ"...

[1]) Статьей И. В. Кирѣевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника" 1852 года: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи".

[2]) Комедія К. С. Аксакова: „Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню" была только что написана, напечатана же она была позднѣе.

быть, именно потому, что отказъ былъ вѣроятнѣе [1]), а въ жизни, сколько я замѣчалъ, чаще сбывается невѣроятное. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя, другъ мой. Я не стану говорить тебѣ, что это—ничего, что все къ лучшему и другія подобныя утѣшенія. Это—утрата въ полномъ смыслѣ, но das Leben ist Entsagung—сказалъ гдѣ-то Гёте [2]), и эти слова меня поразили, когда я былъ еще очень молодъ. Конечно, никто искреннѣе, живѣе меня не желалъ для тебя того, что̀ составляетъ верхъ земного счастья; но, съ моей стороны, это желаніе было тоже Entsagung. Наши отношенія непремѣнно бы измѣнились, и я помышлялъ объ этомъ съ грустью. Теперь мы опять свои и, вѣроятно, навсегда, по крайней мѣрѣ такъ съ моей стороны. Посмотри, какъ теперь закипитъ у тебя работа. Ты сдѣлаешь много хорошаго. Я получилъ твою комедію и читалъ ее нѣкоторымъ знакомымъ. Она была принята съ восторгомъ; всѣ нашли, что я читаю превосходно. Это уже прямо свидѣтельствуетъ о достоинствѣ комедіи, потому что я читаю прескверно.—Между нами: я оставляю службу и окончательно переселяюсь въ Москву [3]). Ты думаешь: „насилу за умъ взялся! давно пора!" — Нѣтъ, не давно, а именно теперь, но теперь точно пора. Въ концѣ ноября или началѣ декабря я оставляю Кіевъ; во всякомъ случаѣ праздники и новый годъ мы встрѣтимъ вмѣстѣ. До отъѣзда я еще надѣюсь повалить кабана, иначе буду недоволенъ всю жизнь моимъ пребываніемъ въ Кіевѣ. Прощай,

---

[1]) Отказъ, полученный К. С. Аксаковымъ отъ Софьи Петровны Бестужевой.

[2]) Ю. Ѳ. передалъ этими двумя словами слѣдующее мѣсто изъ 4-й сцены 1-ой части „Фауста":

Was kann die Welt mir wohl gewähren?
Entbehren sollst du! sollst entbehren!
Das ist der ewige Gesang,
Der jedem an die Ohren klingt,
Den, unser ganzes Leben lang,
Uns heiser jede Stunde singt.

[3]) Послѣ назначенія Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ Ю. Ѳ. рѣшилъ выйти въ отставку. „Нѣтъ причины долѣе служить, я узналъ довольно, служить долѣе было бы противно совѣсти"—писалъ Ю. Ѳ. въ своемъ дневникѣ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Ю. Ѳ-чу хотѣлось помогать отцу въ управленіи имѣніями.

крѣпко обнимаю тебя. Обними за меня Ивана Сергѣевича и твоего батюшку.

P. S. Недавно я устраивалъ облаву, на которой убито: два кабана, три волка, коза и лисица.

146.

(Москва, декабрь 1852).

Пріѣхавши въ Москву [1]), я узналъ къ крайнему моему огорченію, что все семейство ваше въ Абрамцевѣ и что вашъ домъ въ Москвѣ совсѣмъ закрылся. Не сомнѣваюсь, любезный Аксаковъ, что это было необходимо. Радуюсь душевно, что здоровье твоей сестрицы позволило вамъ исполнить ваше намѣреніе, но тѣмъ не менѣе я никакъ не мирюсь и не свыкаюсь съ мыслью, что уже нельзя будетъ во всякое время съ вами видѣться. Ты очень хорошо знаешь, какъ много для меня значилъ вашъ домъ въ Москвѣ. Любезный другъ, какъ бы намъ свидѣться? Я проведу въ Москвѣ праздники; около 8 или 9 будущаго января поѣду на короткій срокъ въ Петербургъ, а оттуда назадъ въ Москву и, вѣроятно, уже навсегда. До возвращенія моего изъ Петербурга мнѣ едва-ли удастся съѣздить къ вамъ, и потому я усердно зову на свиданіе тебя и Ивана Сергѣевича. Передай мое почтеніе и искреннее привѣтствіе твоимъ родителямъ и сестрицамъ. Прощай, крѣпко тебя обнимаю. А всё-таки невыносимо досадно, что время моего возвращенія въ Москву совпадаетъ съ вашимъ выѣздомъ изъ нея. Не знаю, удастся ли тебѣ разобрать это письмо, такъ оно скверно писано; однако не пеняй мнѣ, это произошло отъ того, что у меня ушиблена рука и одинъ палецъ плохо слушается.

---

[1]) Получивши четырехмѣсячный отпускъ, Ю. Ѳ. въ половинѣ декабря 1852 г. пріѣхалъ въ Москву и болѣе не возвращался въ Кіевъ; въ февралѣ 1853 года онъ вышелъ въ отставку.

II.

Къ Ивану Сергѣевичу Аксакову.

147.

(Петербургъ), 27 февраля 1851 [1]).

Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, съ крайнимъ удивленіемъ и прискорбіемъ узналъ я, что вы подали рапортъ объ отставкѣ. Я не могу говорить съ вами иначе, какъ совершенно откровенно, — признаюсь, я этого отъ васъ не ожидалъ. Предшествовавшая переписка между вами и министерствомъ была мнѣ извѣстна, также и послѣдняя бумага Гвоздевской редакціи. Я почувствовалъ на себѣ, что она могла оскорбить, но, сообразивъ ее съ ходомъ дѣла, съ заведеннымъ у насъ изстари порядкомъ, по которому, когда по какому бы то ни было поводу отъ подчиненнаго требуются объясненія, послѣднее слово всегда должно оставаться за начальникомъ, и подчиненному дѣлается внушеніе даже въ томъ случаѣ, когда онъ окажется совершенно правымъ, такъ, для завершенія дѣла, сообразивъ, что въ этомъ случаѣ совѣтъ былъ явно не серьезенъ, я былъ увѣренъ, что послѣ первой минуты вы приняли это дѣло, какъ личную, безъ сознанія сдѣланную вамъ непріятность. Положа руку

---

[1]) Письмо это перепечатывается изъ II тома писемъ И. С. Аксакова (стр. 402), такъ какъ подлинника его въ семейномъ Самаринскомъ архивѣ не оказалось. Поводъ, по которому написано это письмо, разъясненъ во 2-мъ примѣчаніи къ вышепомѣщенному письму Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову изъ Петербурга отъ начала марта 1851 года (№ 141).

на сердце, можете ли вы не признать, что дѣйствительно дѣло это таково? Можете ли вы съ какой-нибудь стороны, безъ натяжки, прицѣпить его къ одному изъ тѣхъ общихъ началъ и убѣжденій, въ которыхъ уступки не допускаются? А если это—личная непріятность, если нѣтъ вопроса о принципѣ, то хорошо ли вы сдѣлали? Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ; но, по прочтеніи вашего письма къ министру, дѣло стало для меня совершенно ясно. Расположеніе духа вашего въ настоящую минуту отразилось въ немъ вполнѣ, и я вижу, что вы написали рапортъ объ отставкѣ не вслѣдствіе послѣдней бумаги, а потому, что душа ваша до края переполнена была горечью, а эта бумага послужила только поводомъ къ ея разлитію. Я понимаю и сочувствую, можетъ быть болѣе всякаго другого, душевной мукѣ, которую вы терпите; но вспомните, что подъ вліяніемъ минутнаго, случайнаго повода вы опредѣлите свою будущность на много лѣтъ. Не стану утѣшать васъ возможностью загладить дѣйствіе одной бумаги другою. Къ чему вамъ это? Не стану повторять вамъ то, что̀ говорятъ обыкновенно для удержанія на службѣ. Скажу вамъ только по совѣсти, что вашъ поступокъ мнѣ кажется необдуманнымъ, незрѣлымъ. Наконецъ, по праву давнишней связи съ вами и съ вашимъ семействомъ, прошу васъ убѣдительно позволить мнѣ разорвать вашъ рапортъ и прислать вамъ клочки въ конвертѣ. Поповъ [1]), Оболенскій [2]), Ханыковъ [3]), братъ вашъ [4]) — всѣ одного мнѣнія со мною. Искренно васъ уважающій и любящій Юрій Самаринъ.

Я теперь въ Петербургѣ съ генераломъ Бибиковымъ.

---

[1]) А. Н. Поповъ состоялъ въ то время на службѣ во II отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи подъ начальствомъ гр. Д. Н. Блудова.

[2]) Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій; см. примѣч. 4-е къ письму за № 127.

[3]) Яковъ Владиміровичъ.

[4]) Григорій Сергѣевичъ; см. вышеуказанное письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову отъ начала марта 1851 года (№ 141).

148.

(Кіевъ), 10 іюня (1852) [1]).

Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, не грѣхъ вамъ дразнить меня? Неужели вы думаете, что я бы сталъ ожидать настоятельнаго вашего требованія, если бы могъ сколько-нибудь надѣяться, что мнѣ удастся написать для „Сборника" хоть что-нибудь. Оставляя въ сторонѣ всякую условно-неискреннюю скромность, я весьма далекъ отъ мысли, что мое участіе для „Сборника" нужно; но мнѣ бы самому было пріятно доказать себѣ, что я еще могу возвратиться къ прежнимъ занятіямъ—въ чемъ я крѣпко сомнѣваюсь—,хотѣлось бы мнѣ также заявить печатно передъ моими знакомыми, что опытъ служебный и жизненный ни въ чемъ не измѣнилъ моихъ убѣжденій. Но я теперь рѣшительно не въ состояніи исполнить вашего и моего желанія: канцелярская работа отнимаетъ у меня всякую возможность заняться чѣмъ-либо другимъ. Рѣчь идетъ не столько о недостаткѣ времени, котораго, по правдѣ сказать, остается дѣйствительно немного, сколько о недостаткѣ досуга. Я не въ состояніи оторвать мысли отъ служебныхъ занятій и сосредоточить ее на чемъ-либо другомъ. Составъ 2-го тома много обѣщаетъ [2]). Дай Богъ вамъ успѣха! Удивляетъ меня, что ни отъ васъ, ни отъ Константина, ни отъ батюшки вашего я ничего не слышу о найденыхъ главахъ „Мертвыхъ Душъ" 2-го тома и другихъ

---

[1]) Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо И. С. Аксакова къ Ю. Ѳ-чу отъ 26 мая 1852 года, въ которомъ И. С. убѣдительно просилъ Ю. Ѳ-ча прислать статью для 2-го тома „Московскаго Сборника". „Ваше участіе необходимо—писалъ въ этомъ письмѣ И. С.—,безъ васъ не полно слово, не полновѣсенъ смыслъ всего изданія".

[2]) 2-й томъ „Московскаго Сборника", который предполагалось выпустить къ 1 октября, долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ статей: a) статья Хомякова: дополненіе къ статьѣ Кирѣевскаго, помѣщенной въ 1-мъ томѣ „Московскаго Сборника"; b) статья С. Т. Аксакова: воспоминаніе о знакомствѣ его съ Державинымъ; c) статья К. С. Аксакова о богатыряхъ; d) 12 русскихъ пѣсенъ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго; e) статья кн. В. А. Черкасскаго: исторія Юрьева дня; f) статья Попова; g) уложеніе, данное крестьянамъ села Песочнаго Кошелева, или уложеніе, данное крестьянамъ же Шиповымъ, съ предисловіемъ И. С. Аксакова; h) статья Шеппинга; i) глава изъ „Бродяги"; j) статья кн. Георгія Львова о поѣздкѣ его по Камчаткѣ; k) стихи К. С. и И. С. Аксаковыхъ; l) смѣсь, составленная И. С. Аксаковымъ.

сочиненіяхъ Гоголя, еще неизвѣстныхъ. Объ этомъ писалъ сюда Погодинъ, и слухъ дошелъ до Тифлиса [1]). Оттуда мнѣ пишутъ то же. Скажите, пожалуйста, правда ли это?—Я получилъ письма отъ Сергѣя Тимоѳеевича и отъ Константина Сергѣевича и отвѣчалъ тогда же; но, не помня адреса вашего, послалъ письма на имя брата, для пересылки по принадлежности. Увѣдомьте, пожалуйста, дошли ли до васъ мои письма. Комедію Константина [2]) я также получилъ, за которую усердно благодарю; мнѣ не удалось еще прочесть ее. Какъ вашъ „Бродяга" хорошъ! Я еще разъ перечиталъ его съ величайшимъ удовольствіемъ и помню почти наизусть [3]). Прочли ли вы въ „Сѣверной Пчелѣ" прекрасную статью о кончинѣ Жуковскаго [4])? Недавно было два диспута въ здѣшнемъ университетѣ. Одинъ—о сошномъ письмѣ, весьма дѣльный и интересный; если мнѣ удастся добыть диссертацію, которая не будетъ напечатана, я велю ее списать и пришлю вамъ [5]). Другой—Селина, воспитанника Московскаго университета, о русской драматической поэзіи, чрезвычайно живой. Если бы Константинъ Сергѣевичъ на немъ присутствовалъ,

---

[1]) Въ это время въ Тифлисѣ служилъ братъ Юрія Ѳедоровича Николай Ѳедоровичъ.

[2]) „Кн. Луповицкій или пріѣздъ въ деревню".

[3]) Ю. Ѳ. пишетъ это, вѣроятно, перечитавши отрывки изъ первой части „Бродяги", напечатанные въ 1-мъ томѣ „Московскаго Сборника" 1852 года. Въ числѣ этихъ отрывковъ были самыя лучшія мѣста: лѣтній вечеръ, шоссе, всенощная.

[4]) Здѣсь разумѣется письмо священника Іоанна Базарова къ редактору Журнала министерства народнаго просвѣщенія изъ Штутгарта отъ 17/29 апрѣля 1852 года о послѣднихъ дняхъ жизни Жуковскаго. Это письмо было сперва напечатано въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, а оттуда было перепечатано въ №№ 115 и 116 „Сѣверной Пчелы" 1852 г.

[5]) Ю. Ѳ. говоритъ здѣсь о диспутѣ на магистра государственнаго права Василія Андреевича Незабитовскаго (род. въ 1824 г., ум. въ 1883 г.), бывшаго до защиты диссертаціи преподавателемъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, а послѣ защиты профессоромъ Кіевскаго университета по каѳедрѣ общенароднаго правовѣдѣнія. Магистерская диссертація была озаглавлена такъ: „О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада Петромъ Великимъ". Напечатана она впервые уже послѣ смерти Незабитовскаго, въ полномъ собраніи его сочиненій.

то, вѣроятно, на другой день онъ бы слегъ въ постель [1]. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я вѣстей изъ Оренбурга [2]. Прощайте. Крѣпко обнимаю васъ и Константина. Передайте мое почтеніе Ольгѣ Семеновнѣ и Сергѣю Тимоѳеевичу.

---

[1]) Александръ Ивановичъ Селинъ (род. въ 1816 г., ум. въ 1877 г.), профессоръ Кіевскаго университета по каѳедрѣ русской словесности, въ 1852 году защищалъ диссертацію на степень доктора славянской филологіи. Сочиненіе озаглавлено было такъ: „О драматической поэзіи въ Россіи, преимущественно о комедіи въ XVIII столѣтіи". Въ своемъ дневникѣ Ю. Ѳ. такъ говоритъ объ этомъ диспутѣ: „Вступительная рѣчь проговорена очень дурно. Содержаніе: Народъ ничего не знаетъ и не разумѣетъ; все хорошее сверху, а не снизу; не только выдумать мы не можемъ сами, даже принять благодѣтельныхъ предначертаній Верховной Власти мы иначе не можемъ, какъ изъ-подъ палки. Мы таковы, что насъ должно заставлять силою дѣлать доброе. Такъ, Владиміръ принялъ христіанство и завелъ школы (!!!?!), такъ Петръ и т. д. Ученый профессоръ окончилъ тѣмъ, что теперь мы подвизаемся на пути самостоятельнаго развитія, что у насъ процвѣтаетъ народность и т. д.".

[2]) Туда въ апрѣлѣ былъ назначенъ вице-губернаторомъ братъ И. С. Аксакова Григорій Сергѣевичъ, а губернаторомъ былъ также только что назначенъ Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ. Наконецъ, туда же поступали на службу младшіе братья Юрія Ѳедоровича, Петръ Ѳедоровичъ и Дмитрій Ѳедоровичъ.

III.

Къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову.

149.

(Симбирскъ, октябрь 1849) [1].

Собственно къ вамъ обращаюсь я теперь, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, зная, что вы не прочь поговорить объ охотѣ и освѣжить воспоминаніе о вашихъ прежнихъ подвигахъ. Новаго для васъ въ моихъ разсказахъ ничего не будетъ: приволжскій край извѣстенъ вамъ гораздо лучше, чѣмъ мнѣ; но мнѣ-то пріятно подѣлиться съ вами знакомыми радостями и ощущеніями.

Представьте же себѣ, что̀ долженъ былъ испытать скромный охотникъ, пріученный къ безуспѣшнымъ поискамъ въ окрестностяхъ Москвы, когда, ступивъ на лѣвый берегъ Волги, онъ услышалъ—въ отвѣтъ на первый вопросъ: „водится ли дичь?"—слѣдующія слова: „есть кое-какая; вотъ, съ недѣлю тому назадъ, робята въ болотѣ убили 30 паръ дупелей". Иначе здѣсь и не ведутъ счета дичи, какъ десятками. Однако дупелями я не могъ насладиться. Морозы ихъ прохватили наканунѣ моего пріѣзда, и они пролетѣли, оставивъ за собою жирныхъ бекасовъ и дюжихъ гаршнеповъ.

Какъ только я переѣхалъ Волгу, началась охота. Тарантасъ ѣхалъ за мною шагомъ, а я пошелъ съ ружьемъ по

---

[1]) Письмо это, содержащее въ себѣ описаніе пребыванія Ю. Ѳ-ча въ заволжскомъ имѣніи, написано одновременно съ письмомъ къ К. С. Аксакову изъ Симбирска (№ 137).

займищу. Вамъ знакомы эти чистыя озера, кругомъ только обросшія темнымъ и высокимъ камышомъ. Утки всевозможныхъ сортовъ: кряковныя, чирки и даже красныя то и дѣло важно выплывали изъ осоки на чистую воду и, завидя меня, собирались въ кучу и оставались неподвижны, какъ-будто выжидая выстрѣла. И не одинъ удачный выстрѣлъ взрывалъ поверхность воды, на которой долго трепетали послѣ того смертельно раненыя неосторожныя утки. Но эта стрѣльба мнѣ скоро надоѣла, тѣмъ болѣе, что я не могъ доставать изъ воды убитыхъ птицъ, и потому я сталъ довольствоваться тѣми, которыя летѣли мнѣ навстрѣчу или поперекъ. Такимъ образомъ я срѣзалъ ихъ три пары. Это былъ почииъ. На другой день я сѣлъ на тарантасъ, запряженный тройкою неутомимыхъ лошадей, и велѣлъ ѣхать на удѣльные хутора; тамъ множество прудковъ, и можно было надѣяться найти болото. Дѣйствительно, я набрелъ на болото несравненное. Имѣя не болѣе двухъ съ половиною десятинъ, оно тянулось, по крайней мѣрѣ, на 4 версты. По серединѣ—топь и некось, а по бокамъ—отава. Вѣтеръ дулъ мнѣ навстрѣчу, прямо въ лицо. Собака моя, привезенная изъ Москвы, соскочила съ тарантаса, вытянула шею противъ вѣтра и, казалось, впивала въ себя воздухъ, исполненный знакомыхъ испареній. Вѣрное чутье не обмануло ее. Я, нисколько не преувеличивая, могу вамъ сказать, что она цѣлую версту шла передо мною, постоянно *подбираясь*, пріостанавливаясь съ поднятою лапою, вытянутымъ судорожно хвостомъ, оглядываясь на меня выпученными глазами и вздрагивая изрѣдка. Бекасы безпрестанно вскакивали изъ-подъ нея. Я убилъ ихъ 7 паръ, надавалъ множество пуделей, захватилъ по дорогѣ двѣ пары утокъ и воротился домой. На третій день я долженъ былъ ѣхать осмотрѣть нашу единственную рощу; она стоитъ посреди степи и составляетъ драгоцѣнность въ томъ безлѣсномъ краѣ. Но ее такъ тщательно содержатъ и прочищаютъ, что въ ней я нашелъ только одного вальдшнепа и, не надѣясь найти что-либо въ гладкой степи, усѣлся на тарантасѣ и, закуривъ сигару, велѣлъ ѣхать домой. Кучеръ погналъ мелкой рысью и затянулъ было пѣсню, но вдругъ повернулся ко мнѣ и, не останавливая лошадей, спросилъ меня очень спокой-

нымъ голосомъ: „Ю. Ѳ., стрепетовъ вы не изволите стрѣлять?“—„Чтò!!! Какъ не изволю! Да гдѣ они?“—„А вотъ сейчасъ проѣхали-съ“.—„Какъ проѣхали?!“—Надобно вамъ доложить, что я въ жизнь мою не видалъ стрепетовъ и что сердце мое горѣло желаніемъ съ ними ознакомиться. Нечего и говорить, что я велѣлъ ѣхать назадъ, но, какъ ни напрягалъ я зрѣніе, ничего не было видно на гладкой степи, на чистомъ мѣстѣ, покрытомъ невысокою отавою и которое, по моимъ понятіямъ, никакъ не могло служить притономъ для такой птицы, какъ стрепетъ. Я хотѣлъ было пустить собаку, но кучеръ этому воспротивился и былъ правъ. Оказалось, что, несмотря на флегматическій характеръ, онъ могъ служить на этой охотѣ лучше наилучшей лягавой собаки. Приподнявшись на тарантасѣ, онъ медленно и спокойно озирался и, наконецъ, проговорилъ: „вотъ они“. — „Гдѣ?“ — „А вотъ направо подлѣ сурчинки“.—„Ничего не вижу!“—„А мы подъѣдемъ; съ тарантаса такъ и извольте бить; они подпустятъ близко“. Мнѣ все не вѣрилось. Мы подъѣхали. „Извольте видѣть: вонъ они подняли головы; видите, четыре штуки гуськомъ потянулись; вонъ шейки торчатъ изъ травы; вотъ притаились“. Наконецъ, я увидалъ тоненькія шейки, которыя торчали неподвижно, какъ колышки, и, несмотря на увѣщанія кучера, который все увѣрялъ, что можно вплоть подъѣхать, прицѣлился и хватилъ по головкамъ въ 60 шагахъ. Одинъ стрепетъ остался на мѣстѣ, трое поднялись со свистомъ и гремя бѣлыми крыльями; я подхватилъ ихъ въ летъ, и другой стрепетъ завертѣлся и упалъ. Кучеръ поднялъ одного; собака моя схватила и начала мять другого. Я бросился къ ней, зная за нею привычку потрошить до времени; она отскочила, и въ ту минуту, какъ я готовился поднять подстрѣленную и измятую птицу, она поднялась, съ трудомъ махая крыльями, потомъ оправилась и улетѣла изъ виду. Вотъ и случай, выходящій изъ ряду ежедневныхъ приключеній. Однако я былъ доволенъ и, разумѣется, продолжалъ объѣзжать стрепетовъ. Оказалось, что эта голая степь просто населена ими, и я, въ какой-нибудь часъ, убилъ ихъ 6 штукъ. Одинокій стрепетъ вскакиваетъ изъ-подъ ногъ; маленькая артель подпускаетъ на выстрѣлъ съ подъѣзда; къ большой артели приступа нѣтъ. Но я скоро

изучилъ ихъ нравъ. Они поднимаются на большомъ разстояніи, только не всѣ вдругъ: одни раньше, другіе позднѣе. Какъ скоро поднималась главная стая, я бросался опрометью на то мѣсто, и такимъ образомъ мнѣ удавалось не разъ захватывать запоздалыхъ. На четвертый [1]) день—охота по тетеревамъ, а по дорогѣ, забавы ради, по перепеламъ. Охота по тетеревамъ въ нашемъ имѣніи удивительная, потому что у насъ, и то въ одномъ мѣстѣ, на маленькомъ пространствѣ водится единственный въ томъ краѣ мелкій березникъ и осинникъ; разумѣется, туда не пускаютъ скотины, тамъ нѣтъ покоса, и тамъ—сборное мѣсто тетеревамъ и куропаткамъ. Но подробностей этой охоты я вамъ описывать не стану. Убито тетеревей въ нѣсколько часовъ три пары, въ тотъ же день—пара стрепетовъ и 10 паръ перепеловъ. Это была послѣдняя охота; отъ сапогъ моихъ остались одни голенища; въ пороховницѣ не осталось ни зерна; собака едва передвигала ноги.

Въ Симбирскѣ, съ наступленіемъ поздней осени, началась охота по зайцамъ. Одно изъ лучшихъ мѣстъ подъ самымъ городомъ. Эта охота производится въ большой компаніи. Меня приняли въ нее съ радостью, благодаря моему покровителю барону Корфу [2]). Вы выѣзжаете въ 7 часовъ утра и ѣдете по дорогѣ къ Волгѣ на сборное мѣсто. Впереди и позади несутся на рысяхъ неуклюжіе, уродливые, но въ высшей степени покойные тарантасы. Издали они кажутся навьюченными шубами; но изъ каждой шубы торчитъ ружье. Вотъ пріѣхали на мѣсто. Шубы приходятъ въ движеніе. Изъ нихъ выползаютъ все знакомыя лица. Вотъ баронъ Корфъ, флегматическій охотникъ, степенный и опытный, обрусѣлый Нѣмецъ и надежный человѣкъ. Вотъ вашъ старинный знакомый Н. П. Ахматовъ [3]), славный человѣкъ,

---

[1]) Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, написано: „третій".

[2]) Баронъ Фердинандъ Николаевичъ Корфъ; см. примѣч. 4-е къ письму за № 137.

[3]) Николай Петровичъ Ахматовъ (ум. въ 1871 г.), бывшій конногвардеецъ, братъ покойнаго оберъ-прокурора Св. Синода, изъ потомственныхъ дворянъ Симбирской губерніи, во время ополченія 1855—56 года командовалъ дружиною.

про котораго кромѣ добра ничего не услышите; по одеждѣ, походкѣ и по всему, виденъ охотникъ—не новичекъ. А вотъ съ трудомъ передвигается прокуроръ, Григорій Сергѣевичъ [1])— человѣкъ хорошій, око правосудія, но охотникъ средней руки. Убранство на немъ заемное и потому не вполнѣ приспособленное: ружье взято у меня, шубейка у барона, шапка у стряпчаго, сапоги у непремѣннаго засѣдателя приказа. Ничего! со временемъ все заведемъ свое. Но всѣ какъ будто чего-то ожидаютъ. Гдѣ жъ Александръ Ивановичъ? О! Александръ Ивановичъ — великій человѣкъ. Это—самъ Юрловъ [2]), глава и патріархъ всѣхъ здѣшнихъ охотниковъ. Онъ принялъ и меня подъ свою высокую руку. Александръ Ивановичъ весь, съ головы до ногъ—охотникъ, или, лучше, съ головою, ногами и сердцемъ онъ охотникъ и болѣе ничего, какъ охотникъ. Онъ приспособилъ себя вполнѣ къ своему назначенію: высушилъ себя, отбросилъ лишнюю тягость и сохранилъ лишь крайне необходимое—кости да кожу. Александръ Ивановичъ явился; но не думайте, чтобъ онъ опоздалъ. Нѣтъ! онъ прибылъ на сборное мѣсто прежде всѣхъ и, видя, что рано, пошарилъ въ кустахъ, такъ, сдѣлалъ маленькій крюкъ, верстъ въ 10, и пріобрѣлъ убѣжденіе, что наканунѣ это мѣсто имъ было очищено такъ, что въ немъ уже нѣтъ ни пера. Надобно вамъ дать понятіе и о мѣстности. Правый берегъ Волги оканчивается обрывомъ, изсѣченнымъ трещинами и дождевыми промоинами. Эти трещины и промоины въ самомъ низу образуютъ лощины, овраги и ямы; все это проросло самымъ частымъ кустарникомъ, который стелется сверху внизъ и легкимъ скатомъ доходитъ почти вплоть до дороги, идущей вдоль берега

---

[1]) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ; см. примѣч. 3-е къ письму за № 137.

[2]) Александръ Ивановичъ Юрловъ (род. въ 1797 г., ум. въ 1885 г.)— потомственный дворянинъ Симбирской губерніи, братъ Петра Ивановича Юрлова, бывшаго два трехлѣтія Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Оба брата въ молодости участвовали въ войнѣ 1812 года и были свидѣтелями торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Затѣмъ А. И. Юрловъ вышелъ въ отставку и занялся устройствомъ своего хозяйства. Какъ Юрловъ, такъ и Ахматовъ были страстные псовые и ружейные охотники.

Волги. Въ этомъ кустарникѣ держится несмѣтное множество зайцевъ. Вы пускаете въ него гончихъ; борзыхъ разставляете на горѣ, на самомъ краю обрыва. Стрѣлкамъ—вездѣ мѣсто. Если вы любите покой, то стойте на краю обрыва; изъ десяти зайцевъ пять навѣрное побѣгутъ въ гору, и вамъ придется стрѣлять ихъ на чистомъ мѣстѣ. Эту позицію обыкновенно выбираютъ люди степенные, женатые. Но если вы нетерпѣливы, если нога у васъ тверда, ступайте внизъ, тамъ вы, конечно, рискуете упасть двадцать разъ, обломать себѣ ноги, исцарапать лицо и руки, но за то вы первые подхватите бѣляка, когда раздастся рогъ псарей и разбредутся гончія. Каждый выбираетъ себѣ мѣсто по своему вкусу; но Александра Ивановича не видать. Александръ Ивановичъ пропалъ; онъ отшатнулся отъ всѣхъ, прижался въ кусту или прилегъ въ какой-нибудь ямѣ и, въ то время, какъ другіе переговариваются, онъ молчитъ и себѣ на умѣ. Но вотъ гончія подали голосъ и начинается батальный огонь. Пальба продолжается до тѣхъ поръ, пока собаки высунутъ языкъ, потому что очистить мѣсто нѣтъ возможности; вверху травятъ, внизу гонятъ и стрѣляютъ, а зайцы все тутъ. Утомленные охотники поднимаются въ гору. Кто тащитъ бѣляка, кто двухъ, а Александръ Ивановичъ выходитъ изъ своей норы весь обвѣшанный русаками; не даромъ онъ постукивалъ въ сторонѣ изъ длиннаго своего ружья. Я говорилъ вамъ, что Александръ Ивановичъ—великій человѣкъ, и счастливъ тотъ, кто, подобно мнѣ, пріобрѣтетъ его дружбу.

Однако, надобно и честь знать. Простите болтовню искренно вамъ преданнаго Ю. Самарина.

150.

Кіевъ, 14 сентября 1850.

Почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, по желанію Константина Сергѣевича, посылаю вамъ обратно два письма, полученныя мною по отъѣздѣ его изъ Кіева[1]). Надѣюсь, что,

---

[1]) Въ половинѣ августа 1850 года К. С. Аксаковъ вмѣстѣ съ двумя больными сестрами (Вѣрой Сергѣевной и Надеждой Сергѣевной), по совѣту доктора Овера, отправился въ Кіевъ. Тамъ они пробыли недолго и въ среднихъ числахъ сентября вернулись въ подмосковную—Абрамцево.

когда вы получите ихъ, ваши путешественники будутъ уже подъ роднымъ кровомъ. Послѣ ихъ отъѣзда стояла постоянно сухая, довольно холодная погода, такъ что, я полагаю, они не имѣли причинъ жаловаться на дорогу. Но каково же въ такую погоду ѣхать изъ Кіева въ Москву цѣлыхъ десять дней! Каково Константину Сергѣевичу останавливаться по три раза въ сутки, несмотря на то, какъ онъ замѣчаетъ весьма основательно, что онъ не чувствуетъ ни малѣйшей усталости, а, напротивъ, ощущаетъ свѣжесть и бодрость во всѣхъ членахъ! Бѣдный Константинъ Сергѣевичъ! Да простить онъ мнѣ эту выходку! Она внушена мнѣ чувствомъ совершенной безопасности насчетъ моихъ реберъ, испытавшихъ два или три раза, во время его пребыванія въ Кіевѣ, дружеское прикосновеніе довольно тяжелаго кулака. Ригельманъ и Павловъ—оба ему кланяются. Встрѣча съ нимъ оставила въ обоихъ самое пріятное воспоминаніе. Нечего вамъ и говорить, какъ я былъ обрадованъ его пріѣздомъ. Эта недѣля протекла для меня незамѣтно, и я, признаюсь вамъ, не поскупился на доводы и убѣжденія, чтобъ удержать его на нѣсколько дней. Вскорѣ послѣ отъѣзда его, нужно вамъ доложить, отправился я на охоту въ болото, въ 25 верстахъ отъ Кіева. Лучшаго мѣста я не видывалъ. Вчетверомъ, въ одно утро, мы убили 40 паръ дупелей и бекасовъ; на мою долю пришлось 11 паръ. Наканунѣ, въ томъ же болотѣ, охотились три стрѣлка и передъ этимъ не проходило дня безъ отчаянной стрѣльбы. Завтра я опять отправляюсь въ другое болото, и, вѣроятно, это будетъ послѣдняя моя охота по дупелямъ и бекасамъ. Затѣмъ, ожидаетъ меня большая облава въ лѣсу, въ которомъ подмѣчены три выводка волковъ. На этой облавѣ предстоитъ мнѣ испробовать англійское ружье, только что привезенное мнѣ изъ Одессы. Если волчья охота удастся или будетъ почему-либо примѣчательна, я не откажу себѣ въ удовольствіи описать вамъ ее въ тѣхъ подробностяхъ, которыя настоящему охотнику не могутъ надоѣсть. Затѣмъ, позвольте съ вами проститься, обнявши искренно васъ и Константина Сергѣевича. Потрудитесь передать мое почтеніе Ольгѣ Семеновнѣ и Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

151.

(Кіевъ), 16 января 1851.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, вчера пріѣхалъ Павловъ [1]), а завтра ѣдетъ Чижовъ. Едва успѣю я написать вамъ нѣсколько строкъ. Душевно признателенъ вамъ за ваше длинное, прекрасное, интересное письмо. Благодарю также и Константина Сергѣевича. Такого удовольствія, какое я имѣлъ при чтеніи этихъ писемъ, я давно не испытывалъ. Выраженіе не совсѣмъ вѣрно. Это не то, что удовольствіе, потому что немало примѣшалось и досады; но я вдругъ какъ-будто бы ожилъ цѣлою половиною души, которая мнѣ въ Кіевѣ не нужна и постепенно нѣмѣетъ. Ожила вокругъ меня и та среда, знакомая, близкая сердцу, близкая и по воспоминаніямъ, и по сочувствію, и даже по негодованію, которое ничто такъ не вызываетъ, какъ нѣкоторыя ея явленія. Все московское общество, какъ я вижу изъ вашихъ писемъ и какъ я ожидалъ, отозвалось на драму. Скажите ради Бога, какого же еще желать успѣха? Неужели можно было ожидать, что всѣмъ она придется по сердцу, въ томъ числѣ и прокислымъ либераламъ, искупающимъ теперь кое-какіе невинные грѣхи первой молодости, и глубокомысленнымъ политикамъ, узнавшимъ вчера, что есть на свѣтѣ какой-то коммунизмъ, и услужливымъ поборникамъ правительства, которое, вѣроятно, держится на ихъ плечахъ и ихъ совѣтами живетъ? Всѣ эти господа свое дѣло сдѣлали, и меня нисколько не удивляетъ, почти не сердитъ ихъ ожесточеніе. Но меня чрезвычайно радуетъ дѣйствіе, произведенное драмою на актеровъ. Можно ли было ожидать такой живой воспріимчивости отъ людей, воспитанныхъ за кулисами на французскихъ драмахъ, по ремеслу своему обязанныхъ угождать той самой публикѣ, которая теперь ворчитъ и бранится[2])? Вотъ,

---

[1]) Павловъ, какъ видно изъ письма Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову отъ 11-го декабря 1850 г. (№ 140), ѣздилъ въ Москву и долженъ былъ присутствовать на представленіи драмы К. С. Аксакова: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“. Онъ привезъ Ю. Ѳ-чу письма С. Т. и К. С. Аксаковыхъ съ описаніемъ этого представленія.

[2]) Въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 25 декабря 1850 года И. С. Аксаковъ говоритъ: „На другой день представленія (драмы К. С. Аксакова) бенефиціантъ Леонидовъ давалъ, по обыкновенію, обѣдъ всѣмъ

чѣмъ хороша Москва! Драма разыграна на сценѣ, но, какъ я вижу, доигрывается теперь въ публикѣ. Теперь публика стала на сцену, какъ греческій хоръ, и любопытно очень знать, что̀ скажетъ единственный зритель этой дополнительной драмы. Я, признаюсь вамъ, не опасаюсь никакихъ послѣдствій.—Меня такъ заняли ваши письма, что мнѣ трудно оторваться отъ Москвы и написать вамъ что-нибудь о себѣ. Вы, вѣроятно, знаете, что я управляю канцеляріею [1]). Никогда еще обстоятельства не требовали отъ меня такой постоянно напряженной дѣятельности. Обыкновенная мѣра занятій отъ 9 до 10 часовъ въ сутки, часто бываетъ болѣе, а половина дѣла дѣлается на вѣру, легкомысленно, недобросовѣстно. Какъ трудно въ служебныхъ занятіяхъ спасти свою добросовѣстность! Есть тысячи искушеній, о которыхъ я не думалъ прежде, а съ которыми приходится бороться, такъ они близко приступаютъ. Въ этомъ отношеніи служебная дѣятельность способна, мнѣ кажется, болѣе всякой другой разочаровать человѣка на его собственный счетъ. Homo sum, nihil humanum a me alienum esse puto—сказалъ кто-то изъ древнихъ[2]), а я повторяю про себя: я чиновникъ, и нѣтъ такой мерзости, которую бы я могъ считать совершенно мнѣ чуждою.—Какъ бы мнѣ ни хотѣлось получить извѣстія о послѣдствіяхъ драмы, но я долженъ васъ просить, если бы даже представился случай, не писать мнѣ въ Кіевъ, потому что весьма могло бы случиться, что письмо не застало бы меня въ Кіевѣ (это очень между нами)[3]). Кстати, напрасно Константинъ Сергѣевичъ разсказывалъ Павлову о слѣдствіи надъ расколь-

---

актерамъ, участвовавшимъ въ его бенефисѣ. На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ братъ, котораго актеры честили съ самымъ живымъ чувствомъ, и однимъ изъ нихъ (Ленскимъ) были прочтены сочиненные по этому случаю куплеты, которые я вамъ и посылаю и которые свидѣтельствуютъ о томъ, что драма была понята актерами. Они, дѣйствительно, играли прекрасно; но обстановка была очень плоха".

[1]) См. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову отъ 11 декабря 1850 г. (№ 140).

[2]) Terentius: „Heautontimorumenos" act. I, sc. 1: „Homo sum: humani nihil a me alienum puto".

[3]) Ю. Ѳ. разумѣетъ здѣсь предполагавшуюся поѣздку его въ Петербургъ вмѣстѣ съ ген.-губ. Бибиковымъ (см. № 141).

никами въ Ярославской губерніи [1]); П. человѣкъ хорошій, но не всегда умѣетъ держать языкъ за зубами. Прощайте, еще разъ отъ души благодарю васъ и Константина. Передайте мое почтеніе Ольгѣ Семеновнѣ. Всѣмъ нашимъ кланяюсь.

152.

Кіевъ, 11 мая 1852.

Не знаю, какъ возблагодарить васъ, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, за ваше письмо отъ 17 апрѣля. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ извѣстій, часто или, лучше сказать, постоянно думалъ о Константинѣ, о различныхъ возможныхъ исходахъ начатаго дѣла, представлялъ себѣ, какое дѣйствіе долженъ произвести на него тотъ или другой исходъ, однимъ словомъ, я обдумалъ и разсмотрѣлъ дѣло со всѣхъ сторонъ, такъ что, повидимому, ничего не могло остаться непредвидѣннымъ, а тутъ-то и вышло непредвидѣнное, неожиданное, невѣроятное, вышло то, чего никакъ бы не придумалъ на досугѣ [2]). Признаюсь вамъ откровенно, я не могу себѣ объяснить этихъ колебаній, этого отъѣзда, хотя я чувствую, что все это должно быть просто, естественно, законно, какъ всякое проявленіе натуры человѣческой. Я увѣренъ, что тутъ нѣтъ ни умысла, ни расчета, ни на волосъ сознанія, а что это все—так ъ. На подобные случаи—одинъ отвѣтъ: все это—н и ч е г о! Все устроится, и Константину за то, что въ жизни онъ искалъ не утѣхъ и наслажденій, а нравственнаго подвига, *приложится*, по Евангельскому слову, счастливое супружество. Въ этомъ я не сомнѣваюсь и ожидаю извѣстій съ нетерпѣніемъ, но безъ опасеній.

---

[1]) Состоя съ сентября 1848 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ кандидатомъ на должности въ губерніи, И. С. Аксаковъ, въ маѣ 1849 года, получилъ оффиціальное порученіе обревизовать города Ярославской губерніи, составить имъ систематическое описаніе и изложить свои соображенія объ улучшеніи положенія городовъ, о средствахъ придать имъ больше значенія, о преобразованіи внутренней городовой администраціи; съ августа 1850 года ему предписано было, кромѣ того, принять участіе въ Ярославской коммиссіи о бѣглыхъ бродягахъ и пристанодержателяхъ. Вѣроятно, о слѣдствіяхъ этой коммиссіи разсказывалъ К. С. со словъ И. С. Аксакова.

[2]) Рѣчь идетъ о сватовствѣ К. С. Аксакова; см. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову, написанное одновременно съ этимъ (№ 143).

Книга ваша и въ Кіевѣ произвела эффектъ [1]). Это много значитъ. Мой товарищъ по охотѣ, профессоръ здѣшняго университета, впился въ нее, но не дочиталъ, потому что ее отбилъ у него профессоръ зоологіи [2]). Нѣсколько экземпляровъ разошлось изъ книжныхъ лавокъ. Я самъ читаю ее понемногу, по одной главѣ всякій день, послѣ обѣда, съ такимъ удовольствіемъ, котораго я вамъ передать не могу. Вы въ тысячу разъ больше моего видѣли и высмотрѣли, и едва-ли мнѣ удастся чѣмъ-нибудь дополнить ваши наблюденія, но желаніе ваше я буду имѣть въ виду. На половинѣ дороги изъ Москвы въ Кіевъ, въ Орловской губерніи, я засталъ весенній пролетъ. Неисчислимое множество гусей, утокъ и куликовъ пронеслось надо мною. Кстати, не припомню, описаны ли у васъ подробно воздушные маневры гусей и утокъ, которые совершаются съ такимъ чуднымъ согласіемъ? Знаете ли, что вамъ непремѣнно нужно прибавить главу о волкѣ и другую о лисицѣ. Это—богатая тема. Вамъ, вѣрно, извѣстна вся подноготная лисицы; выведите ее на чистую воду. Мнѣ еще ни разу не удалось быть за городомъ, да теперь и дѣлать нечего. Повѣрите ли, едва начинаютъ распускаться березы, а тяга вальдшнеповъ уже кончилась. Здѣсь она продолжается очень недолго, тогда какъ подъ Москвою я стрѣлялъ вальдшнеповъ на тягѣ постоянно до Петрова дня. Все это время шли безпрерывные дожди; болота затоплены, бекасы и дупеля пропали. Плохая надежда на осень.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ [3]) я принялся за работу и теперь вошелъ въ нее по-уши. Мнѣ удалось-таки пріучить себя спать не болѣе 6 часовъ, и я никогда не ложусь ранѣе четвертаго часа. Въ десять дней я разобралъ по волоскамъ три смѣты земскихъ повинностей, составленныя по новому уставу, и теперь разбираю огромное уголовное дѣло,

---

[1]) „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“ вышли въ мартѣ.

[2]) Карлъ Ѳедоровичъ Кесслеръ (род. въ 1815 г., ум. въ 1881 г.)—профессоръ зоологіи Кіевскаго университета съ 1842 по 1862 г.

[3]) Ю. Ѳ. вернулся въ Кіевъ изъ двухмѣсячнаго отпуска 11-го апрѣля. Во время отпуска Ю. Ѳ. жилъ въ Москвѣ и не надолго ѣздилъ въ Петербургъ.

слитое изъ 18-ти. Въ такомъ только трудѣ—спасенье, но нужно работать безъ отдышки и устранить мысль о результатѣ труда.—Благодарю Ивана Сергѣевича за „Сборникъ" [1]). Его читаютъ здѣсь съ большимъ участіемъ, т. е. мой экземпляръ и Ригельмановъ, потому что въ книжныхъ лавкахъ его нѣтъ еще. Павловъ [2]) (здѣшній представитель школы родового быта) сильно замотался; онъ ѣдетъ вскорѣ въ Москву и тамъ довершится его перевоспитаніе. Чижова я видѣлъ мелькомъ; онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ на нѣсколько часовъ и опять уѣхалъ на свои плантаціи. Еще разъ отъ души благодарю васъ за ваше письмо и крѣпко васъ обнимаю. Авось въ слѣдующемъ письмѣ удастся мнѣ васъ поздравить.

---

[1]) Здѣсь разумѣется первый томъ „Московскаго Сборника", изданный И. С. Аксаковымъ; онъ вышелъ 21 апрѣля 1852 г.

[2]) Платонъ Васильевичъ Павловъ, профессоръ Кіевскаго университета; см. примѣч. 2-ое къ письму за № 144.

IV.

Къ Николаю Васильевичу Гоголю.

153.

(Петербургъ, мартъ 1846) [1]).

Хорошо, что вы первые ко мнѣ написали, ибо я, кажется, не рѣшился бы начать переписки съ вами. Я давно отъ души желалъ съ вами сблизиться, еще прежде, чѣмъ познакомился съ А. Ос. [2]). Я желалъ этого не изъ любопытства или изъ тщеславія, а потому, что внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что вы можете сдѣлать мнѣ много добра. Вы не могли этого не замѣтить. По нѣскольку разъ брался я за перо и бросалъ неоконченныя письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы въ началѣ вашего письма. И вы и многіе другіе считали меня ненадежнымъ. Это, разумѣется, не могло отъ меня укрыться; я очень ясно видѣлъ, что на меня смотрѣли съ чувствомъ какого-то

---

[1]) На этомъ письмѣ нѣтъ помѣты года и мѣсяца, но содержаніе его указываетъ, что оно окончено, по всей вѣроятности, въ началѣ марта 1846 года. Оно служитъ отвѣтомъ на письмо Гоголя къ Ю. Ѳ-чу изъ Рима отъ 3-го января 1846 года (см. приложеніе V), письмо, полученное Ю. Ѳ-чемъ въ концѣ января (ср. слова Ю. Ѳ-ча въ письмѣ къ К. С. Аксакову отъ 27 января 1846 г.: „я также получилъ отъ него письмо на-дняхъ, которое когда-нибудь сообщу тебѣ"). Слѣдовательно, настоящее письмо начато было, вѣроятно, или въ концѣ января, или въ началѣ февраля, а окончено было, какъ видно изъ окончанія письма, спустя мѣсяцъ слишкомъ, т. е. въ началѣ марта. Подлинники писемъ Ю. Ѳ-ча къ Гоголю находятся въ Румянцевскомъ музеѣ.

[2]) Т. е. съ Александрой Осиповной Смирновой.

холоднаго соболѣзнованія, какъ на больного, осужденнаго на смерть и котораго никто не берется лѣчить, зная, что труды пропадутъ даромъ. Хорошо ли это было съ ихъ стороны и съ вашей—не мое дѣло разбирать. Можетъ быть, для меня нужно было провести нѣсколько лѣтъ подъ бременемъ всеобщей недовѣрчивости; можетъ быть, борьба съ общимъ мнѣніемъ, находившимъ отголосокъ во мнѣ самомъ, укрѣпила меня и принесла мнѣ пользу, но она оставила во мнѣ непріязненное чувство къ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, и мнѣ нужно было все это вамъ высказать, чтобы раздѣлаться съ нимъ разъ навсегда. Какъ бы то ни было, это тяжелое для меня время прошло. Я никогда не забуду, какою радостью наполнилась душа моя при первыхъ одобрительныхъ привѣтствіяхъ; каждое слово, сказанное въ мою пользу и доходившее до меня, хранится въ моей памяти вмѣстѣ съ дорогими именами тѣхъ немногихъ, которые первые рѣшились ихъ вымолвить, наперекоръ общему мнѣнію. Наконецъ, и отъ васъ я услышалъ, что я спасенъ, что вы не боитесь за меня. Вы сами вызвали меня сказать вамъ все то, что̀ хотѣлъ бы я сказать родному брату въ смыслѣ душевномъ. Многое хотѣлъ бы я сказать и не знаю, съ чего начать. Начну съ того, чѣмъ душа болитъ.

Болѣзнь моя принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ наше время, хотя врачеваніе противъ нихъ не найдено: это—одностороннее развитіе ума, погасившее чувство и подорвавшее волю; цѣльность нравственнаго бытія, согласіе душевныхъ силъ и способностей нарушены во мнѣ исключительнымъ преобладаніемъ быстро и уединенно развившейся мысли и усыпленіемъ другихъ способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словахъ одно, а на дѣлѣ покоряюсь другому; у меня есть убѣжденія, но нѣтъ ни вѣры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю отъ этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина души моей отсохла и онѣмѣла. Я знаю, какъ это случилось. Въ дѣтствѣ и въ первой молодости моей я жилъ, какъ и всѣ, цѣльною, полною жизнью. Все, что̀ уважали и чему поклонялись въ семейномъ кругу моемъ, казалось мнѣ естественнымъ, неприкосновеннымъ и святымъ; съ каждымъ новымъ понятіемъ,

пріобрѣтаемымъ мною, измѣнялась настроенность всей души моей; одно религіозно-нравственное мѣрило служило мнѣ для повѣрки всякаго моего поступка и всякой мысли, такъ что малѣйшее отступленіе отъ него, даже невольный соблазнъ, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаяніемъ. Изъ этого первобытнаго состоянія я вышелъ не самъ собой, не вслѣдствіе внутренняго побужденія, а вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, и потому, кажется мнѣ, вышелъ изъ него преждевременно. Случайно попались мнѣ въ руки нѣкоторыя произведенія современной французской литературы; я помню, какъ сильно они потрясли меня. Горделивое возстаніе личнаго духа противъ мірового порядка предстало мнѣ въ идеальномъ образѣ современной поэзіи; его неотразимый соблазнъ плѣнилъ меня. Я понялъ вдругъ возможность, не нарушая отношеній, среди которыхъ я былъ поставленъ, оторваться мыслью ото всего, чему я безсознательно покорялся, испытать одиночества и душевнаго безначалія, вкусить невѣдомыхъ высокихъ страданій и все это скрыть отъ другихъ. Съ этого времени обращеніе мое перемѣнилось, прежняя моя откровенность исчезла, но причины никто не угадалъ. Искусственно возбужденная мысль работала день и ночь; я умышленно убивалъ въ себѣ всѣ непосредственныя движенія души, подвергая ихъ строгому анализису и стараясь опорочить ихъ въ собственныхъ моихъ глазахъ. Это удалось мнѣ сверхъ чаянія. Въ жизни моей ничто не измѣнилось; я исполнялъ попрежнему всѣ предписанныя мнѣ обязанности, но я успѣлъ откинуть отъ себя всѣ сочувствія, врожденныя и привитыя воспитаніемъ, всю покорность религіознымъ началамъ, семейнымъ обычаямъ; мало-по-малу, все сдѣлалось для меня вопросомъ, предметомъ внутренняго спора; одно допущенное сомнѣніе влекло за собою другое и, разъ ступивши на эту дорогу, я уже не могъ остановиться. Говорятъ, что сомнѣніе находитъ на человѣка безъ его вѣдома и произволенія, какъ болѣзнь, неизбѣжная при переходѣ въ извѣстный возрастъ. Я не вѣрю этому; по крайней мѣрѣ, по собственному опыту я знаю, что бываетъ минута свободнаго соглашенія, въ которую человѣкъ добровольно подпускаетъ къ себѣ сомнѣніе и даетъ

ему власть надъ собой. Въ моемъ развитіи преступное желаніе сомнѣнія и внутренняго разрыва было началомъ, а не слѣдствіемъ, или, лучше, оно было для меня желанною цѣлью. Такимъ образомъ былъ я приготовленъ, когда я встрѣтился съ нашими общими знакомыми; мысль моя, развившись односторонно на счетъ другихъ способностей, пріобрѣла ту непреклонную, холодную послѣдовательность, ту безпощадную строгость развитія, которая позволила мнѣ стать съ ними въ уровень и принять самостоятельное участіе въ безконечныхъ спорахъ. Я не стану подробно разсказывать вамъ, какое вліяніе они на меня имѣли; скажу вамъ только вообще, что они помогли мнѣ быстрѣе пробѣжать весь кругъ философскаго отрицанія. Вотъ, въ двухъ словахъ, исторія моей мысли. Христіанство заключаетъ въ себѣ не одно ученіе, но вмѣстѣ начало жизни, творчество. Мы привыкли отдѣлять эти двѣ стороны, тогда какъ онѣ нераздѣльны; ихъ единство—въ Томъ, Который ставитъ норму, даетъ законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ человѣку способность понять его и силу исполнить. Поэтому христіанство воспринимается не однимъ умомъ, а всѣмъ существомъ человѣка. Тотъ, кто хочетъ понять его логически, какъ понимаемъ мы всякое другое ученіе, никогда не пойметъ его, ибо самое требованіе ложно, ибо понять живое можетъ только тотъ, кто живетъ его жизнью. Отстранивъ живое сочувствіе и приступивъ къ христіанству съ требованіями логическаго постиженія, я долженъ былъ дойти до того же, до чего дошла новѣйшая философія, то-есть до совершеннаго отрицанія не только христіанства, но вообще всякаго бытія первоначальнаго, независимаго отъ знанія. За этимъ крайнимъ предѣломъ отрицанія возникаетъ требованіе возсоздать разрушенное и это требованіе остается неудовлетвореннымъ; уничтоживъ бытіе, мысль оказывается несостоятельною сотворить отъ себя что-либо живое. Начало творчества вступаетъ въ свои права, какъ самобытное, отъ мышленія независимое начало. Послѣдствія ясны. Такимъ образомъ, пройдя весь этотъ путь, я дошелъ до признанія живой истины и необходимости живого ея постиженія, но самое это признаніе было результатомъ науки; это было только убѣжденіе, тоже

твореніе мысли. Повидимому, я пришелъ къ тому же, отъ чего я отправился, но тутъ только я понялъ всю цѣну утраченнаго, или, лучше, отвергнутаго мною. Я самъ обезсилилъ въ себѣ душевный органъ живого постиженія; я былъ равнодушенъ къ найденной истинѣ. Впрочемъ, и это я понялъ не скоро. Сильно возбужденная дѣятельность мысли, раздражаемой безпрестаннымъ противорѣчіемъ, скрывала отъ меня мертвенное усыпленіе другихъ способностей. Я могъ не чувствовать, что убѣжденіе и вѣра, что понятіе о любви и дѣйствительная любовь, что слово и дѣло—не одно и то же. Изрѣдка пробуждалось во мнѣ темное сознаніе односторонности моего развитія при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который въ умственномъ отношеніи стоялъ ниже меня, не выговаривалъ и не отстаивалъ своихъ убѣжденій, но который не боялся моихъ возраженій, котораго мои вопросы не смущали. Но все это были мимолетныя впечатлѣнія. Только съ переѣзда моего въ Петербургъ пріобрѣли они для меня всю достовѣрность и ясность пережитаго опыта. Здѣсь все мнѣ было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, въ которомъ бы я отстоялъ свое убѣжденіе, не могло быть. Я имѣлъ дѣло съ безмолвнымъ, неосязаемымъ врагомъ; не опроверженіями онъ подрывалъ мои убѣжденія, онъ грозилъ пересоздать меня съ ногъ до головы, приманками онъ склонялъ меня на уступки. И, къ стыду своему, я понялъ, какъ много я могъ уступить и какъ легко; понялъ, какъ слабо одно холодное убѣжденіе противъ давленія свѣта. Это была самая опасная минута. Спасла и поддержала меня встрѣча съ А. О.[1]). Она оцѣнила во мнѣ именно то, чего свѣтъ не цѣнилъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся; ея участіе вознаградило меня за всѣ мои страданія; я сдѣлался равнодушенъ къ свѣту и ко всѣмъ его приманкамъ; я совершенно отсталъ отъ него и навсегда. Не осуждайте меня за это. Чувство нравственнаго самосохраненія склонило меня на это; можетъ быть, когда-нибудь я окрѣпну духомъ, но теперь я еще не могу безнаказанно жить въ свѣтѣ. Я не могу быть полезенъ, ибо не преподаваніе истины пробуждаетъ въ человѣкѣ усыпленныя способ-

[1]) Т. е. съ Александрой Осиповной Смирновой.

ности души; пробудить къ жизни можетъ только живое. Я это знаю по опыту. Всѣ меня слушали съ любопытствомъ, но никогда ни на кого я не имѣлъ вліянія. И какъ имѣть мнѣ вліяніе на другого, когда во мнѣ самомъ жизнь и сознаніе въ такомъ разладѣ?

Я сказалъ вамъ, въ чемъ заключается болѣзнь души моей; она такъ извѣстна, такъ распространена въ наше время, что одного указанія вамъ достаточно, чтобы понять ее. Къ несчастію, она такого рода, что трудно придумать для нея образъ лѣченія. Мысль развивается сама собою, безъ всякаго внѣшняго побужденія, и пробѣгаетъ свой путь по законамъ логической необходимости; одно убѣжденіе смѣняется другимъ, имъ же условленнымъ, но никогда убѣжденіе само собою не породитъ вѣры, понятіе о любви не согрѣетъ души, знаніе не перейдетъ въ творчество. Все живое, творческое не пріобрѣтается, а падаетъ съ неба. Я вѣрю, что оно падетъ на каждаго, но я даже не имѣю силъ ни просить, ни желать его.

Это недописанное письмо пролежало въ моемъ столѣ болѣе мѣсяца. Различныя хлопоты развлекли меня. Я перемѣнилъ службу, перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и прикомандированъ былъ къ комитету по лифляндскимъ дѣламъ [1]); теперь я заваленъ дѣломъ. Я снова перечиталъ то, что̀ написалъ съ мѣсяцъ тому назадъ; многое хотѣлъ бы прибавить, но лучше отложить это до другого раза. Это письмо объяснитъ вамъ главное и будетъ основою всѣхъ послѣдующихъ. Теперь я буду писать къ вамъ всякій разъ, когда почувствую потребность исповѣди, не дожидаясь отвѣтовъ. Вы сами знаете, когда будетъ нужно отвѣчать, но вы должны знать еще, что ничьему наставленію я не послѣдую такъ охотно, какъ вашему; я готовъ слушаться васъ, я къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ вамъ мой адресъ: Юрію Ѳедоровичу Самарину, по Моховой улицѣ, въ домѣ Мелиховой. Вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или два я поѣду въ Ригу, но, во всякомъ случаѣ, пишите въ Петербургъ; я распоря-

---

[1]) См. примѣч. 1-ое къ письму за № 127 и примѣч. 2-ое къ письму за № 128.

жусь такъ, чтобы всѣ письма мнѣ пересылали. Отъ всей души васъ благодарю.

154.

(Москва, мартъ 1850) [1]).

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ, если бы я собрался слушать васъ съ намѣреніемъ критиковать и подмѣчать недостатки, кажется и тогда, послѣ первыхъ же строкъ, прочтенныхъ вами, я забылъ бы о своемъ намѣреніи. Я былъ такъ вполнѣ увлеченъ тѣмъ, что̀ слышалъ, что мысль объ оцѣнкѣ не удержалась бы въ моей головѣ. Вмѣсто всякихъ похвалъ и поздравленій скажу вамъ только, что я не могу вообразить себѣ, чтобы прочтенное вами могло быть совершеннѣе. Но вы непремѣнно требуете замѣчаній, а мнѣ хочется исполнить ваше желаніе, и потому посылаю вамъ нѣсколько придирокъ, касающихся не художественной стороны, а исторической вѣрности.

Обращаюсь къ вступленію Т—ва [2]) въ службу и къ впечатлѣнію, которое она произвела на него. Т—въ—человѣкъ, получившій ученое образованіе; на службу опредѣляетъ его дядя, дѣйств. стат. совѣтникъ; поэтому должно полагать, что онъ принятъ былъ въ министерство на тѣхъ же правахъ, на которыхъ поступаютъ всѣ молодые люди, прошедшіе полный курсъ наукъ и не лишенные вовсе протекціи. Но отъ такихъ людей теперь уже не требуютъ изящнаго почерка; ихъ не сажаютъ за переписываніе бумагъ. Ихъ опредѣляютъ прямо въ столоначальники или въ помощники столоначальниковъ, а помощникъ столоначальника и столоначальникъ занимаются тѣмъ самымъ, чѣмъ занимаются начальникъ отдѣленія и директоръ. Нелѣпость настоящаго устройства всѣхъ нашихъ департаментовъ и канцелярій заключается совсѣмъ не въ томъ, что образованнымъ людямъ задаются механическія занятія, что уча-

---

[1]) Настоящее письмо, безъ помѣты года и мѣсяца написанія, относится, по всей вѣроятности, къ началу марта 1850 года, когда Ю. Ѳ. былъ въ Москвѣ по случаю болѣзни отца. Въ эту зиму (1849—50 г.) Гоголь читалъ въ Москвѣ первыя главы 2-ой части „Мертвыхъ Душъ"; вѣроятно, послѣ одного изъ этихъ чтеній (можетъ быть на вечерѣ у Хомякова, ср. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову за № 139) Ю. Ѳ. и написалъ настоящее письмо по „требованію" самого Гоголя.

[2]) Тентетникова.

стіе ихъ въ дѣлопроизводствѣ слишкомъ ограниченно, а совершенно въ противномъ. Вспомните ходъ дѣлъ. Министръ распечатываетъ пакетъ и, если бумага не касается какихъ-либо личныхъ его отношеній, почему-либо для него значительныхъ, онъ передаетъ ее директору, директоръ — начальнику отдѣленія, начальникъ отдѣленія — столоначальнику. Здѣсь она останавливается и начинается надъ нею работа умственная. Столоначальникъ сочиняетъ отвѣтъ, кладетъ рѣшеніе. Онъ долженъ вникнуть въ содержаніе бумаги, задать себѣ вопросы такого рода: съ какой стороны взяться за дѣло? какое дать ему направленіе? приступить къ рѣшенію или оттолкнуть отъ себя на цѣлый годъ подъ предлогомъ новыхъ справокъ, соображеній? и т. п. Вообще, участь дѣла—въ его рукахъ; приступъ къ нему зависитъ отъ него, а этотъ первый шагъ есть самый важный. Заготовленный столоначальникомъ проектъ отвѣта идетъ на разсмотрѣніе начальника отдѣленія, который не изучаетъ сущности дѣла а ограничивается разсмотрѣніемъ того, что̀ сдѣлалъ столоначальникъ, т. е. нѣтъ ли въ подсунутой ему бумагѣ чего-либо противнаго закону или такого, что̀ бы могло не понравиться директору. Такъ какъ онъ только критикуетъ трудъ другого, то сравнительно съ столоначальникомъ (хотя и подчиненнымъ ему) дѣятельность его не такъ значительна. Далѣе, директоръ точно такъ же смотритъ, не вкралось ли въ бумагу одно изъ тѣхъ словъ, къ которымъ не благоволитъ министръ, и пущено ли хоть одно изъ тѣхъ, которыми можно его подкупить. Итакъ, направленіе дѣла, если только постороннія обстоятельства и личныя соображенія не перебьютъ его хода, почти всегда зависитъ отъ низшихъ чиновниковъ, т. е. столоначальниковъ. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверхъ до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряетъ постепенно характеръ, цвѣтъ, силу, иногда смыслъ, но почти никогда ничего не выигрываетъ, ничего не прибавляется къ сущности ея. Поэтому мнѣ кажется, что впечатлѣніе, произведенное на Т—ва его служебною дѣятельностью, также не совсѣмъ вѣрно, именно потому, что самая эта дѣятельность представлена у васъ слишкомъ ничтожною и ограниченною. Я встрѣчалъ на службѣ молодыхъ людей трехъ разрядовъ (не считая пріобрѣтателей). Большинство,

поступая прямо изъ училища, не имѣя яснаго понятія о практической дѣятельности, очень скоро втягивается въ служебный формализмъ и усвоиваетъ себѣ всѣ взгляды и понятія нашихъ столичныхъ учрежденій, то-есть они пріучаются къ мысли, что всякое министерство существуетъ само по себѣ и само для себя, что всякое дѣло въ его стѣнахъ начинается и въ нихъ оканчивается, и что вся задача въ томъ, чтобы провести его благополучно и не задѣвъ никого, отъ перваго стола до министра. Эти люди проникнуты сознаніемъ своей важности и отмѣнно довольны службою. Тѣ, которые стоятъ выше ихъ, впадаютъ въ тоску. Ихъ мучитъ именно эта отрѣшенность отъ жизни, эта отвлеченность ихъ дѣятельности. Имъ совѣстно рѣшать дѣла по бумагамъ, изъ которыхъ ничего не видно, на бумагѣ, которая въ жизнь не перейдетъ. Чѣмъ значительнѣе обязанность, на нихъ налагаемая, тѣмъ совѣстнѣе. Ихъ сокрушаетъ не ничтожность предмета занятій, а ничтожность, ограниченность взгляда на предметъ, преступная легкость, съ которою онъ обдѣлывается. Въ этомъ случаѣ страждетъ не самолюбіе, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросаютъ службу, или, какъ Т—въ, пріучаются смотрѣть на нее, какъ на дѣло второстепенное. Наконецъ, нѣкоторые, испытавъ все это, продолжаютъ, однако, служить, но смотрятъ на службу уже не какъ на средство дѣйствовать на жизнь, приносить пользу, а какъ на предметъ, достойный изученія во всей его мерзости, какъ на одну изъ коренныхъ болѣзней нашего времени. Вообще, первое соприкосновеніе съ службою почти всегда бываетъ рѣшительною минутою въ жизни человѣка и опредѣляетъ его надолго, если не навсегда.

Въ характерѣ Т—ва эта тема, конечно, не главная, и вы должны были коснуться ея слегка; поэтому все, что я сказалъ, можетъ быть, вовсе некстати; но все же мнѣ хотѣлось указать на предметъ, знакомый мнѣ и который, можетъ быть, вы когда-нибудь разработаете. Другихъ замѣчаній я рѣшительно сдѣлать не могу, и мнѣ остается только пожелать отъ всей души, чтобъ вы благополучно совершили дѣло, важность котораго для насъ всѣхъ болѣе и болѣе обнаруживается.

V.

Къ Өедору Ивановичу Іенихену.

155.

(Петербургъ, 3 марта 1849) [1].

Mon cher monsieur Iénichen, je m'adresse à vous, comme au médecin de ma famille et à l'ami de la maison, pour vous prier de remettre la lettre ci-incluse à mon père et de prévenir par toutes les mesures possibles les conséquences que les nouvelles qu'elle contient pourraient avoir sur la santé de maman. Voici ce dont il s'agit. Un manuscrit, que mon père connaît, a donné lieu à une dénonciation contre moi. L'Empereur a paru très mécontent et, quoiqu'on m'ait admis à me justifier, je prévois deux semaines ou un mois de forteresse. Voici ce que contient ma lettre. Tâchez, je vous prie, que la chose ne paraisse pas plus grave, qu'elle n'est; quant à veiller sur la santé de ma mère, je ne vous en prie pas, tant je suis sûr que cette fois-ci, comme dans tous les cas précédents, vous ferez tout ce que peut inspirer votre amitié pour notre famille et votre zèle éprouvé.

---

[1]) Письмо это написано Ю. Ө-чемъ 3-го марта 1849 года, по полученіи отъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго формальнаго запроса относительно „Рижскихъ Писемъ“; одновременно Ю. Ө-чемъ написано было письмо отцу (см. дальше письмо за № 213). Өедоръ Ивановичъ Іенихенъ (Jähnichen), докторъ медицины, въ 20—40 годахъ пользовавшійся широкою извѣстностью въ Москвѣ, директоръ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, былъ домашнимъ врачомъ и другомъ семьи Ө. В. Самарина.

VI.

Къ Михаилу Петровичу Погодину.

156.

Рига, 9 іюня 1847.

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, посылаю вамъ вторую половину статьи (первую вы получите отъ Аксакова), писанной для вашего журнала [1]). Если она покажется вамъ годною и не слишкомъ запоздалою, напечатайте ее въ „Москвитянинѣ". При этомъ, я думаю, надобно бы сказать въ примѣчаніи, что статья написана была давно, по выходѣ первой книжки „Современника", до появленія послѣдующихъ, но не могла быть напечатана ранѣе по причинамъ, не зависѣвшимъ ни отъ автора, ни отъ редакціи. Дѣйствительно, она совершила путешествіе изъ Риги въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ и теперь отправляется опять изъ Петербурга въ Москву. Прошу васъ также напечатать отдѣльно, для меня, 50 экземпляровъ, а если можно, даже болѣе.—Теперь мнѣ придется надолго отложить всѣ занятія неслужебныя, потому что заданный мнѣ трудъ отнимаетъ у меня все время. Я погрузился въ грамоты нѣмецкія, императорскія, ганзейскія и въ средневѣковыя лѣтописи Остзейскаго края. Впрочемъ, это занятіе наводитъ меня на многіе предметы любо-

---

[1]) Подъ статьею нужно разумѣть критическую статью Ю. Ѳ-ча: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ", а подъ второю ея половиною—критику статей Никитенки и Бѣлинскаго, помѣщенныхъ въ первомъ номерѣ „Современника" за 1847 годъ. См. примѣч. 2-ое къ письму за № 131.

пытные и важные для русской исторіи. Все, что попадается въ этомъ родѣ, я подвожу подъ три рубрики: 1) слѣды распространенія православной вѣры въ Остзейскомъ краѣ до нашествія нѣмецкихъ проповѣдниковъ; 2) торговыя сношенія съ Псковомъ, Новымъ-городомъ и Полоцкомъ—торговые пути и торговые права и уставы; 3) война съ Іоанномъ Грознымъ—тутъ больше анекдоты и свѣдѣнія о Русскихъ, начавшихъ перебѣгать въ нѣмецкую землю въ XVI вѣкѣ. Котошихинъ былъ далеко не первый въ своемъ родѣ. Прежде, чѣмъ Петръ началъ посылать русскихъ за границу, они сами нашли себѣ дорогу. Всего любопытнѣе сравненіе устройства нѣмецкихъ городовъ съ Новымъ-городомъ. Сходства и различія равно любопытны. Не знаю, извѣстно ли вамъ второе изданіе Сарторіуса (Лаппенберга) въ двухъ частяхъ [1]), изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ одни документы, въ томъ числѣ нѣсколько договоровъ съ Русскими и шраги, или уставы, Ганзейскаго двора въ Новѣ-городѣ? Онѣ во многихъ отношеніяхъ важны. Вообще, относительно Нова-города предстоитъ разрѣшить два вопроса, послѣ которыхъ уяснится все его устройство: 1) былъ ли Новгородъ замкнутымъ обществомъ, и пользовались ли правами гражданства (какъ-то: правомъ производить торговлю, промыслы, участвовать въ обсужденіи дѣлъ общественныхъ) всѣ пріѣзжавшіе и селившіеся въ Новѣ-городѣ, или принятію въ городское общество предшествовало избраніе? 2) имѣли ли право иногородные купцы торговать непосредственно съ иностранными купцами, ганзейцами и пр., или иногородные могли торговать съ ними только черезъ посредство новогородскихъ гражданъ? Эти два данныя такъ важны, что на основаніи ихъ можно почти навѣрное вывести a priori все устройство и управленіе города. Не знаю, удастся ли мнѣ разрѣшить эти два вопроса. Филаретъ [2])

---

[1]) G. F. Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. Herausgegeben von I. M. Lappenberg. II Bände. Hamburg, 1830.— Первое изданіе сочиненія профессора Гёттингенскаго университета Georg'a-Sartorius'a (род. въ 1765 г., ум. въ 1828 г.) подъ заглавіемъ: Geschichte des Hanseatischen Bundes (въ 3-хъ частяхъ) вышло въ 1802—3 гг.

[2]) Филаретъ Гумилевскій (род. въ 1805 г., ум. въ 1866 г.) былъ епископомъ рижскимъ съ 1841 по 1848 годъ.

печатаетъ свою церковную исторію. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте преданнаго вамъ душевно Ю. Самарина. Мое почтеніе Шевыреву.

P. S. Я нынче не успѣю написать къ Аксакову; потрудитесь потребовать отъ него сами начало моей статьи, оставленное у него Хомяковымъ [1]).

157.

Рига, 14 іюня 1847.

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, вы получите вторую половину моей статьи [2]) не отъ Попова, а отъ Катерины Александровны Свербеевой. Поповъ, безъ моего вѣдома, переслалъ ее. Сдѣлайте одолженіе, если будете ее печатать, вычеркните изъ статьи о Никитенкѣ (въ началѣ) то мѣсто, гдѣ говорится, что онъ самоучка. Я дѣлаю это по совѣту Хомякова [3]) и дѣйствительно нахожу, что онъ могъ бы этимъ обидѣться, т. е. не Хомяковъ, а Никитенко.

158.

Рига, 9 октября 1847.

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, я получилъ ваше письмо и радъ воспользоваться случаемъ побесѣдовать съ вами. На мое счастіе выдался свободный вечеръ. Во-первыхъ, о статьѣ моей. Я радъ, что она напечатана [4]) и вамъ понравилась; я дорожу въ ней не критикою, а тезисами, и потому не бѣда, что она выйдетъ поздно. Теперь пусть отвѣчаютъ, возражаютъ, бранятъ, я уже отвѣчать не буду, да и времени у меня бы на то не достало. Пожалуйста, пришлите мнѣ

---

[1]) Въ концѣ мая А. С. Хомяковъ отправился за границу для укрѣпленія здоровья своей жены, сильно потрясеннаго смертью племянника Валуева и родного брата Н. М. Языкова. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Хомяковъ оставилъ у К. С. Аксакова первую половину вышеупомянутой статьи Ю. Ѳ-ча, а вторую, которую онъ получилъ садясь въ дилижансъ, онъ захватилъ съ собою въ Петербургъ (ср. № 131).

[2]) Рѣчь идетъ о той же критической статьѣ противъ „Современника“.

[3]) См. письмо А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ-чу отъ 30 мая 1847 года (соч. Хомякова т. VIII, стр. 268).

[4]) Статья Ю. Ѳ-ча „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“ была напечатана въ № 2 „Москвитянина“ за 1847 г., вышедшемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

экземпляры, которые вы отпечатали для меня, или, чтобы избавить васъ отъ хлопотъ пересылки, доставьте ихъ моему брату; нужно раздать ихъ кое-кому въ Ригѣ и въ Петербургѣ. Во-вторыхъ, вы хотите, чтобы я написалъ вамъ искренно все, что̀ думаю о журналѣ [1]). Поживши три года внѣ Москвы и потолкавшись въ различныхъ кругахъ, я убѣдился, что журналъ, что литературная дѣятельность, вообще слово и, въ особенности, слово писанное у насъ не имѣетъ почти никакого вліянія на развитіе общественнаго мнѣнія. Богъ знаетъ отчего это. Я не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного человѣка, котораго бы все, что̀ пишется, печатается въ Москвѣ, обратило на путь истины, даже заставило бы усомниться въ истинѣ принятаго имъ другого направленія. Не понимаютъ насъ, не слушаютъ, а если читаютъ, такъ только изъ любопытства или изъ личнаго участія къ тому или другому изъ насъ. Я поневолѣ долженъ вамъ говорить о себѣ, потому что сообщаю вамъ результатъ моихъ наблюденій. Я служилъ въ Сенатѣ годъ слишкомъ и находился въ ежедневныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ молодыми людьми, вышедшими изъ Училища Правовѣдѣнія, большею частью безъ опредѣленнаго направленія. Можетъ быть, я имѣлъ вліяніе на нѣкоторыхъ изъ нихъ, но это было вліяніе личное. Познакомившись со мною, убѣдившись, что я въ состояніи сочинить докладъ и написать резолюцію не хуже другого, они рѣшили, что, хотя этотъ человѣкъ и принадлежитъ къ школѣ московскихъ славянофиловъ, однако онъ не совсѣмъ глупъ. Черезъ меня, какъ личность, иные изъ нихъ начали мириться съ образомъ мыслей школы. Но странно: всякій разъ, когда я начиналъ споръ или простое изложеніе моихъ мнѣній, я чувствовалъ, что вліяніе, какое я могъ пріобрѣсти на нихъ, какъ-будто исчезало, по крайней мѣрѣ ослабѣвало. Я читалъ на ихъ лицахъ: странно! не глупый человѣкъ, а что̀ за дикія понятія! То же самое я могъ замѣтить и въ другихъ обществахъ. Не думайте, впрочемъ, чтобы такъ смотрѣли только на нашъ образъ мыслей. Нѣтъ, такова участь всякаго опредѣленнаго образа мыслей. Такъ же

[1]) Т. е. о „Москвитянинѣ“; см. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову отъ 10 ноября 1847 года (№ 133).

смотритъ большинство на „Отечественныя записки“, на „Современника“ и пр. У насъ не ложное направленіе мысли, а безмысліе господствуетъ. Противъ него литературныя средства безсильны. И вотъ почему я пришелъ къ тому убѣжденію, что пора общественнаго вліянія журнальной дѣятельности или прошла, или еще не наступила. Мнѣ кажется, что теперь намъ надобно бы не соединяться для литературныхъ предпріятій, а разойтись врозь и дѣйствовать въ одномъ духѣ, каждый въ своемъ кругу, примѣромъ и личнымъ вліяніемъ. Такъ мнѣ кажется; можетъ очень быть, что я ошибаюсь. Итакъ, это въ сторону. Предположимъ, что нуженъ въ Москвѣ журналъ, и перейдемъ къ „Москвитянину“. Я долженъ вамъ сказать, и вы сами знаете, что „Москвитянинъ“ ужасно упалъ въ мнѣніи публики. „Москвитянина“ не читаютъ; худшей участи для журнала быть не можетъ. При современныхъ требованіяхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ издавался до сихъ поръ, онъ, мнѣ кажется, не можетъ и не долженъ издаваться долѣе. Онъ имѣлъ два существенныхъ недостатка. Во-первыхъ, неаккуратность выхода и прочее, что очень важно. Во-вторыхъ, въ составѣ каждой книжки замѣтна была какая-то случайность. Точно какъ будто статьи выдергивались на удачу изъ разныхъ портфелей. Объ иномъ важномъ литературномъ произведеніи или значительномъ происшествіи—ни слова, а рядомъ о какой-нибудь вздорной книжонкѣ—цѣлая статья. Выборъ повѣстей и прочаго, до изящной литературы относящагося, вообще былъ неудаченъ. Наконецъ, интересныя статьи, какъ-то: записки и пр., слишкомъ отрывочны, а очень интересные матеріалы для исторіи русской и литературы вы предлагали, такъ сказать, натурою, въ сыромъ видѣ, и потому только очень немногіе могли ихъ оцѣнить. Мнѣ кажется, что всякій матеріалъ въ журналѣ долженъ появляться не иначе, какъ съ комментаріемъ. Надобно растолковать, почему онъ важенъ, что̀ въ немъ особенно важно, и, по возможности, связать его значеніе съ современнымъ вопросомъ, показать, какъ и во сколько онъ служитъ доказательствомъ въ пользу или противъ того или другого изъ настоящихъ мнѣній. Другой вопросъ: можетъ ли „Москвитянинъ“ исправиться и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ

долженъ быть органъ московской мысли? Не думаю, ибо для успѣха не достаетъ двухъ условій: редактора и сотрудниковъ. Если сколько-нибудь есть правды въ упрекахъ, которые я сдѣлалъ „Москвитянину“, то вы сами должны согласиться, что для редактора журналъ долженъ быть главное; для васъ онъ былъ и будетъ очень и очень второстепеннымъ дѣломъ; вы всё-таки будете заниматься имъ между другимъ дѣломъ. А если для васъ журналъ, вами издаваемый, будетъ несущественнымъ занятіемъ, то для кого-жъ онъ будетъ существеннымъ? Сотрудниковъ у васъ тоже нѣтъ. С. П. Шевыревъ напишетъ вамъ много три или четыре прекрасныя критики, но этого мало. Кому вы скажете: вотъ вышла книга, на которую надобно непремѣнно написать критику? Вообще, можете ли вы распредѣлять работу, заказывать? Нѣтъ! Вы будете ждать: авось придетъ статья изъ Калуги, авось изъ Казани, и какъ-нибудь накопится номеръ. Что касается до меня лично, то я тоже ненадежный сотрудникъ. Я самъ работаю на заказъ и до такой степени заваленъ работою, что не только писать статей, даже прочесть книжонки внѣ круга моихъ занятій не успѣваю. Я теперь оканчиваю исторію рижскихъ сословій [1]), или, лучше, окончилъ первую, самую длинную и трудную половину. При этомъ ревизую цехи, при этомъ составляю сводъ привилегій, при этомъ на-дняхъ буду производителемъ дѣлъ въ комитетѣ для ревизіи городскихъ счетовъ. Довольно? Я, кажется, писалъ вамъ, что вижу возможность извлечь нѣкоторыя интересныя вещи для русской исторіи изъ здѣшнихъ источниковъ—и этого я не успѣю сдѣлать. Хорошо еще, если удастся сдѣлать выписки. Ко всему этому вы должны прибавить, что, живучи въ Ригѣ и занимаясь ревизіею, нѣтъ почти возможности отвлечься отъ впечатлѣній окружающаго общества. Я могу сказать это теперь: все здѣсь дышетъ ненавистью къ намъ, ненавистью слабаго къ сильному, облагодѣтельствованнаго къ благотворителю и вмѣстѣ гордымъ презрѣніемъ выжившаго изъ ума учителя къ переросшему его ученику. Здѣсь все окруженіе таково, что ежеминутно сознаешь себя, какъ русскаго, и, какъ

[1]) Работа Ю. Ѳ-ча подъ заглавіемъ: „Исторія городскихъ сословій въ Ригѣ“; см. о ней письмо за № 173.

русскій, оскорбляешься. Мое дѣло—чисто-литературное, но и тутъ ужаснаго усилія стоитъ сохранить въ себѣ ученое безпристрастіе и не допустить желчныхъ побужденій. Я думаю, что въ январѣ или февралѣ мы отсюда выѣдемъ; что̀ со мною будетъ послѣ, не знаю. Вѣроятно, я поѣду за границу. Все это я говорю къ тому, что я теперь, по обстоятельствамъ моимъ, не могу быть постояннымъ сотрудникомъ, не могу ничего обѣщать; но въ доброй волѣ моей вы не должны сомнѣваться, если будете издавать журналъ. По моему мнѣнію, лучше бы отложить изданіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, но имѣть это дѣло постоянно въ виду и копить матеріалы.

Бѣдный преосвященный [1]) борется всѣми силами съ вліяніемъ мѣстной жизни; ему приходится тяжеле всѣхъ; его положеніе въ Ригѣ —ежечасная пытка, которая ему не по силамъ. Ханыковъ [2]) благодаритъ васъ за память и кланяется вамъ. Мой усердный поклонъ передайте Шевыреву, Аксаковымъ и всѣмъ нашимъ. Константинъ Аксаковъ меня совсѣмъ забылъ. Скажите ему это отъ меня. Что̀ его драма [3])? Сегодня пришло ко мнѣ извѣстіе, что Москву опять посѣщаетъ холера. Помоги Богъ оттерпѣться!

159.

(Рига, апрѣль 1848) [4]).

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, я намѣренъ обратиться къ вамъ съ просьбою, которая, вѣроятно, васъ удивитъ. Мо-

---

[1]) См. прим. 3-ье къ письму за № 156.

[2]) Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ; см. примѣч. 7-ое къ письму за № 141.

[3]) Въ это время драма К. С. Аксакова: „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ была уже окончена; см. примѣч. 1-ое къ письму за № 133.

[4]) Это письмо такъ же, какъ и слѣдующая за нимъ „реляція“, относится къ началу апрѣля 1848 года. Это видно изъ слѣдующей фразы: „Я также готовлю теперь нѣсколько писемъ объ Остзейскомъ краѣ, которыя буду посылать Хомякову съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ имъ ходъ“,— фразы, вполнѣ соотвѣтствующей слѣдующему мѣсту изъ письма Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову, написаннаго въ началѣ апрѣля 1848 г.: „Независимо отъ служебныхъ моихъ занятій я пишу теперь письма объ Остзейскомъ краѣ, которыя буду посылать въ Москву на имя Хомякова, которому они давно обѣщаны“.

жетъ быть, до васъ уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ въ Ригу новаго генералъ-губернатора князя Суворова [1]) и о первыхъ его дѣйствіяхъ. Эти дѣйствія были такого рода, что они отодвинули разомъ на нѣсколько лѣтъ начатое преобразованіе края. Нѣмцы подняли голову, русское купечество повѣсило носъ, бѣдный архіерей плачетъ, какъ ребенокъ. Вся бѣда произошла отъ того, что князь Суворовъ поддался на приманку, конечно, самую соблазнительную. Нѣмцы встрѣтили его, какъ избавителя, и дали ему почувствовать, что онъ долженъ поддерживать ихъ, если только онъ не хочетъ прослыть, какъ его предшественникъ, человѣкомъ безхарактернымъ, орудіемъ другихъ людей и т. д. Однимъ словомъ, они овладѣли имъ совершенно. Мы долго думали, какъ бы этому помочь, и придумали слѣдующее. Суворовъ, къ счастью, дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ, или, лучше, онъ боится потерять популярность, неразлучную съ его именемъ. Если бы могъ дойти до него изъ Россіи неодобрительный голосъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, одумался. Въ Ригѣ естественно, что онъ его не слышитъ, потому что насъ пять человѣкъ, а прочіе русскіе затерты. Надобно устроить такъ, чтобы на его проказы отозвалась Москва. Есть въ Москвѣ такой человѣкъ, у котораго онъ служилъ подъ начальствомъ, котораго онъ любитъ, уважаетъ и боится. Это—А. П. Ермоловъ [2]). Одного слова его достаточно будетъ, чтобы привести его къ сознанію. Вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и поэтому можете принять на себя роль посредника. Вы получите отъ меня вскорѣ послѣ этого письма подробную реляцію о первыхъ дѣйствіяхъ Суворова; покажите ее Ермолову, не называя меня. А. П., вѣроятно, не захочетъ, полагаясь на одинъ этотъ документъ, написать князю Суворову своего мнѣнія: но мы этого не просимъ. Достаточно будетъ и того, если онъ препроводитъ къ нему копію съ этой реляціи съ простымъ вопросомъ: „вотъ, что̀ про тебя пишутъ—правда ли это?“. Если

---

[1]) Въ февралѣ 1848 года генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній вмѣсто генерала Головина былъ назначенъ князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1882 г.), который пріѣхалъ въ Ригу въ половинѣ марта.

[2]) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ; см. примѣч. 4-ое къ письму за № 135.

вамъ удастся склонить его къ этому, то вы окажете величайшую услугу всѣмъ Русскимъ, которыхъ судьба теперь въ рукахъ Суворова. Вѣроятно, я не успѣю послать вамъ начатой мною реляціи вмѣстѣ съ этимъ письмомъ; но мнѣ нужно было предувѣдомить васъ, а реляція можетъ итти по почтѣ. Я также готовлю теперь нѣсколько писемъ объ Остзейскомъ краѣ [1]), которыя буду посылать Хомякову съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ имъ ходъ. Вы не повѣрите, какъ во мнѣ разъигралась желчь отъ всего, что̀ я вижу и слышу. Да хранитъ васъ Богъ!

160.

(Рига, апрѣль 1848) [2]).

Грустно вообще быть свидѣтелемъ крушенія политической системы, которой мы сочувствовали, съ коей связаны были, по нашему убѣжденію, государственныя выгоды и народное достоинство; но еще тяжелѣе, когда съ подобною перемѣною сопряжено торжество партіи антинаціональной и глубоко-эгоистической, когда это торжество проявляется не въ одной перемѣнѣ основного направленія администраціи, но въ безполезныхъ, полудикихъ оскорбленіяхъ всего того, что̀ не можетъ не быть дорого русскому сердцу, наконецъ, когда это дѣлается не для какой-либо общеполезной цѣли, но безсознательно, изъ самолюбиваго желанія пріобрѣсти популярность, или, лучше, купить ее всевозможными жертвами и уступками. Между тѣмъ, именно это происходило у насъ передъ глазами, въ Ригѣ, съ пріѣзда князя Суворова, въ теченіе двухъ первыхъ недѣль. Казалось бы, трудно въ столь короткій срокъ рѣзко обозначить себя въ политической дѣятельности; но новому генералъ-губернатору это вполнѣ удалось, какъ вы легко убѣдитесь сами изъ слѣдующихъ строкъ.

Вы уже давно знаете, что ненависть и ожесточеніе Остзейскихъ Нѣмцевъ сосредоточиваются преимущественно на двухъ предметахъ: русскомъ языкѣ и православіи. Причина понятна: бароны и бюргеры очень хорошо знаютъ, что съ

---

[1]) „Письма изъ Риги", помѣщенныя въ VII т. соч. Ю. Ѳ-ча.

[2]) Это—та „реляція", про которую говорится въ предыдущемъ письмѣ.

преобладаніемъ русскаго языка въ губернскомъ управленіи неизбѣжно связано преобладаніе русскихъ законовъ и русскихъ исполнителей ихъ, а съ распространеніемъ православія—укорененіе въ Остзейскомъ краѣ (притомъ не въ однихъ только многолюдныхъ городахъ, но и въ селахъ) постоянныхъ, преданныхъ простому народу свидѣтелей дѣйствій помѣщика, должности коихъ, при всевозможныхъ интригахъ, нельзя будетъ никакъ замѣстить Нѣмцами, ибо можно достигнуть назначенія Нѣмца въ генералъ-губернаторы, въ губернаторы, въ прокуроры и т. д., но трудно даже Нѣмцамъ надѣяться кого-либо изъ своихъ посвятить въ архіереи или въ священники. Князь Суворовъ, вслѣдствіе ли уроковъ, данныхъ ему въ Петербургѣ Мейендорфами, Паленами и собратьею, или, можетъ быть, по придворному инстинкту, отгадалъ эти двѣ ненависти и, не знаю, умышленно или безотчетно, но, по крайней мѣрѣ, весьма удачно для своей популярности между Нѣмцами, умѣлъ польстить имъ съ перваго раза.

На границѣ Рижскаго уѣзда онъ былъ встрѣченъ ордпунгсъ-рихтеромъ, или капитаномъ-исправникомъ, который началъ рапортовать ему по-русски, но князь Суворовъ прервалъ его упрекомъ: зачѣмъ онъ не говоритъ съ нимъ на своемъ родномъ нарѣчіи? Это одно слово, мгновенно разнесшееся по всему краю, ниспровергло все, что̀ большими усиліями, въ теченіе трехъ лѣтъ, сдѣлано было для упроченія оффиціальнаго преобладанія русскаго языка и оправдало тѣхъ, которые смотрѣли на это, какъ на попытки нѣсколькихъ лицъ, противныя желанію высшаго правительства. По общему русскому обычаю, постоянно соблюдавшемуся даже всѣми Государями, торжественный въѣздъ въ городъ оканчивается молитвою въ соборѣ. Исполненіе этого обычая генералъ-губернаторомъ въ особенности важно въ Ригѣ при настоящемъ положеніи господствующей Церкви въ Остзейскомъ краѣ. Но князь Суворовъ не только не исполнилъ его, но даже, въ первое за тѣмъ воскресенье, пришелъ въ свою домовую церковь, куда собралась толпа народа посмотрѣть на него, передъ самымъ причастнымъ стихомъ и во все время, безостановочно, проговорилъ въ глазахъ всего народа съ генераломъ Ефимовичемъ о сдачѣ своего полка.

Правда, что вслѣдъ за тѣмъ, въ Благовѣщеніе, князь Суворовъ отправился въ приходскую церковь къ архіерейскому служенію, но, какъ бы для того, чтобы искупить это, въ тотъ же день вечеромъ, поѣхалъ en gala въ театръ смотрѣть „Свадьбу Фигаро", за что и встрѣченъ былъ нѣмецкою публикою громомъ рукоплесканій, который ясно свидѣтельствовалъ, что она вполнѣ оцѣнила этотъ поступокъ. Наконецъ, бывъ съ визитами у всѣхъ городскихъ пасторовъ, онъ не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ ни одного русскаго священника, хотя они и были ему представлены епископомъ.

Уже этихъ дѣйствій слишкомъ достаточно было для начала, но князь Суворовъ ими не ограничился и, какъ бы желая еще положительнѣе заявить свое сочувствіе съ Нѣмцами относительно православнаго духовенства, 23-го марта, при публичномъ пріемѣ просьбъ, когда въ залѣ было, съ одной стороны, много просителей, а съ другой—нѣсколько русскихъ и нѣмецкихъ чиновниковъ, онъ позволилъ себѣ слѣдующіе отзывы. Узнавъ, по случаю просьбы одной Еврейки, что обращающимся въ христіанство Жидамъ выдается отъ казны 30 рублей серебромъ, онъ разразился упреками противъ монаховъ, которые, будто-бы, стараются совращать въ православіе, не заботясь объ искренности убѣжденій переходящихъ, и присовокупилъ къ этому, Богъ знаетъ почему, насмѣшки надъ невоздержностью монаховъ. Затѣмъ, дойдя до четырехъ крестьянъ, которые явились просить о защитѣ ихъ отъ утѣсненій помѣщиковъ, князь спросилъ у нихъ: были ли они у архіерея? и, когда тѣ отвѣчали утвердительно, присовокупивъ къ этому, что преосвященный отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ ихъ дѣла и послалъ ихъ самъ къ генералъ-губернатору, князь Суворовъ разгнѣвался и приказалъ переводчику передать имъ слѣдующее: „скажите этимъ милымъ дѣтямъ православія, что если они ищутъ небесныхъ благъ, то шли бы къ своему нѣжному отцу архіерею, когда же заботятся о земныхъ, то не смѣли бы ходить къ нему, такъ какъ въ подобномъ случаѣ я не только не исполню ихъ просьбы, но еще накажу ихъ". И затѣмъ, обращаясь къ одному изъ свидѣтелей этой сцены, князь Суворовъ присовокупилъ во всеуслышаніе: „ce sacré

православіе, on l'a employé ici pour faire toutes sortes de cochonneries". А чтобы доказать, что это негодованіе происходитъ отнюдь не отъ чувства вѣротерпимости, онъ вслѣдъ за тѣмъ сказалъ двумъ раскольникамъ, просившимъ объ освобожденіи ихъ сыновей отъ рекрутства: „какіе у васъ сыновья, когда у васъ собачьи свадьбы; отыщите мнѣ родословную этой собаки моей!"—Вотъ факты невѣроятные, но тѣмъ не менѣе истинные, которые заставятъ васъ скорбѣть въ Москвѣ, а потому вы легко поймете, какое дѣйствіе они производятъ здѣсь, гдѣ всякое подобное слово раздуваетъ болѣе и болѣе наглость Нѣмцевъ и убиваетъ послѣднія, столько уже разъ обманутыя надежды Русскихъ. Неизбѣжныя послѣдствія поступковъ и рѣчей новаго генералъ-губернатора не замедлили обнаружиться.

Вы знаете, что по свѣтскому положенію пасторовъ, находящихся въ Лифляндіи на правахъ помѣщиковъ, и по философскому характеру образованія протестанскаго духовенства вообще, большая часть его всегда была далека отъ народа, который видѣлъ въ пасторахъ лишь исполнителей церковныхъ требъ, а отнюдь не наставниковъ и утѣшителей, и не только не прибѣгалъ къ нимъ съ довѣренностью въ своихъ нуждахъ и горестяхъ, но даже чуждался ихъ наравнѣ съ помѣщиками и со всѣми Нѣмцами. Православное духвенство, съ самаго начала, стало въ другія отношенія къ народу. Отвергнутое и даже гонимое землевладѣльцами, чуждое философской гордости, оно не гнушается бесѣдою съ поселяниномъ, не пренебрегаетъ изученіемъ его быта, не стыдится сочувствовать домашнимъ радостямъ и печалямъ крестьянской семьи. Это, разумѣется, не могло не подѣйствовать на Латышей и Эстовъ, и за христіанскую заботливость они вознаграждали священниковъ искреннимъ довѣріемъ, стали обращаться къ нимъ, какъ къ совѣтникамъ, во всѣхъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Разумѣется, что ни епископу, ни генералу Головину невозможно было, въ угоду пасторамъ и дворянамъ, воспретить священникамъ быть друзьями и наставниками крестьянъ, заставить насильно наше духовенство стать въ то самое положеніе, которое добровольно приняли пасторы, однимъ словомъ, побуждать

священниковъ искать утраты любви и довѣренности ихъ прихожанъ. Но этого-то именно постоянно требовали помѣщики. Въ короткости священниковъ съ крестьянами они видѣли подговоры къ бунту, а въ отказахъ противодѣйствовать этой короткости со стороны епископа и генералъ-губернатора — явное потворство какимъ-то мнимо-угрожавшимъ безпорядкамъ и возмущеніямъ. Эти нелѣпыя опасенія, иногда искренніе — проистекали въ подобномъ случаѣ изъ сознанія помѣщиковъ, что крестьяне точно имѣютъ причины быть недовольными своимъ положеніемъ,—большею же частью были вымышленныя, съ цѣлью застращать правительство и заставить его воспретить присоединеніе крестьянъ къ православію и даже упразднить епископскую каѳедру въ Ригѣ. Жалобы на мнимыя попытки православнаго духовенства возмущать крестьянъ въ Лифляндіи противу помѣщиковъ нагло повторялись въ продолженіе четырехъ лѣтъ, хотя факты постоянно опровергали ихъ, представляя со стороны поселянъ постоянное соблюденіе законнаго порядка не только въ ходѣ обычной сельской жизни, но даже во время голодныхъ годовъ и среди многолюдныхъ сборищъ для записки именъ у священниковъ. Къ тому же, сверхъ опыта, здравый смыслъ долженъ бы былъ убѣдить каждаго, не ослѣпленнаго пристрастіемъ, въ невозможности приписывать священникамъ намѣреніе бунтовать крестьянъ, ибо православное духовенство очень хорошо понимаетъ, что нарушеніе спокойствія между поселянами не только не принесетъ пользы ходу православія въ Лифляндіи, но, напротивъ того, можетъ повредить ему, доставивъ дворянству, какъ въ 1841-мъ году, предлогъ просить о прекращеніи присоединенія. Слѣдовательно, священники, уже по однимъ мірскимъ соображеніямъ, принуждены желать со стороны крестьянъ повиновенія помѣщикамъ, домогаться же противнаго могутъ только фанатики лютеранизма изъ надеждъ повредить православію. Не имѣя никакой причины къ возбужденію волненій въ народѣ, священники лишены и способовъ къ тому, такъ какъ обычно приписываемая имъ вина: приманивать крестьянъ къ переходу въ православіе обѣщаніемъ мірскихъ выгодъ — очевидно, невозможна. Ибо подобнаго рода обѣща-

нія неизбѣжно долженствовали бы давно уничтожить всякое довѣріе къ нашему духовенству въ поселянахъ, которыхъ горькій опытъ трехъ послѣднихъ годовъ не могъ ни убѣдить въ томъ, что перешедшіе въ Православную Церковь не только не пріобрѣли никакихъ льготъ, но подвергались беззащитно усиленнымъ притѣсненіямъ лютеранскихъ помѣщиковъ.

Несмотря однако же на очевидную нелѣпость и обветшалость обвиненія, возводимаго на нашихъ священниковъ, оно возобновлено было дворянствомъ немедленно по пріѣздѣ князя Суворова и офиціально принесено ему 20-го марта предводителемъ дворянства, ландратомъ и даже гражданскимъ губернаторомъ. Къ этому поступку, сверхъ надежды найти въ новомъ генералъ-губернаторѣ болѣе довѣрчивости, чѣмъ въ предшественникѣ его, побуждало дворянъ еще опасеніе, чтобы событія, потрясшія Западную Европу и значительно возбудившія вниманіе здѣшнихъ крестьянъ, не прервали долготерпѣнія ихъ и не побудили насильственно добыть себѣ давно обѣщанныхъ улучшеній. Въ этихъ ожиданіяхъ, дворянство, заблаговременною жалобою на священниковъ, не только надѣялось очернить ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сложить съ себя заранѣе и на всякій случай отвѣтственность за могущіе обнаружиться безпорядки. Не говоря уже о томъ, что князь Суворовъ не отгадалъ этой очевидной цѣли и не обратилъ вниманія на то, что признаки какой-то внутренней тревоги между крестьянами проявились теперь въ Курляндіи, то-есть въ той губерніи, гдѣ поселяне менѣе утѣснены, чѣмъ въ Лифляндіи, и гдѣ вовсе нѣтъ православныхъ священниковъ, онъ даже не далъ себѣ труда потребовать отъ представителей дворянства фактическихъ подтвержденій ихъ жалобъ, а прямо обратился къ епископу съ настояніемъ подтвердить православному духовенству, чтобы оно отнюдь не вмѣшивалось въ свѣтскія дѣла и не дѣлало крестьянамъ никакихъ обѣщаній. Мѣра эта по существу своему, разумѣется, ничтожна; она не произведетъ никакой перемѣны въ образѣ дѣйствія нашего духовенства, но она важна, какъ оскорбленіе, нанесенное ему по просьбѣ и въ виду протестантовъ, и какъ признаніе со стороны правительства обвиненій, возводимыхъ дворянствомъ на нашихъ священниковъ.

Подкрѣпивъ силою правительственной власти клеветы дворянства, князь Суворовъ не скрылъ, что онъ не врагъ и политической ереси, господствующей въ здѣшнихъ провинціяхъ, а именно: будто можно и достаточно быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, не питая никакого сочувствія къ Россіи. Въ одномъ изъ первыхъ разговоровъ своихъ по пріѣздѣ въ Ригу князь Суворовъ, въ порывѣ откровенности, сказалъ: „признаюсь, я не понимаю, къ чему эта заботливость о православіи, о распространеніи здѣсь русской народности; Остзейцы преданы Государю—къ чему же болѣе?"—Теорія эта, составляющая тайное, задушевное убѣжденіе всѣхъ Нѣмцевъ въ Россіи, есть, съ одной стороны, нелѣпость, съ другой, заключаетъ въ себѣ самое разрушительное и опасное для насъ начало. Кто же повѣритъ, кто въ состояніи разумно допустить, чтобы можно было вѣрно и надежно служить Государю и при этомъ оставаться равнодушнымъ, напримѣръ, къ погибели Москвы, ненавидѣть православіе, гнушаться русскаго языка, систематически преграждать Русскимъ доступъ въ торговыя и ремесленныя общества? Да и не дай Богъ, чтобы когда-либо подобная вѣра нашла мѣсто въ русской душѣ, ибо она подорвала бы самую основу нашей общественной жизни. Если Верховная Власть сильна у насъ любовію народною, то это именно потому, что народъ убѣжденъ въ единствѣ ея интересовъ и интересовъ русской земли, въ невозможности отдѣлить первые отъ вторыхъ. Это убѣжденіе сообщило нашимъ предкамъ и волю и силу терпѣливо перенести ужасы Іоанна Грознаго, оно заставило Сусанина стать подъ ножи Поляковъ, оно избавило насъ отъ позора видѣть Владислава на русскомъ престолѣ и оно-то именно уничтожается теоріею остзейскихъ патріотовъ, которой, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ новый генералъ-губернаторъ. Къ какимъ результатамъ приводитъ въ государствѣ связь Верховной Власти съ народонаселеніемъ, основанная не на любви къ общей отчизнѣ, а на личной привязанности къ Государю, лучше всего видно теперь изъ примѣра Венгерцевъ. Давно ли они пылали умереть за Марію-Терезію, а теперь они—главные виновники распаденія Австріи.

Дѣйствія Суворова были бы прискорбны со стороны всякаго, но въ особенности горько видѣть ихъ исходящими отъ

лица Суворова, отъ преемника одного изъ славнѣйшихъ русскихъ именъ, изъ тѣхъ, которые наиболѣе обязаны своею извѣстностью тѣмъ, что въ сердцѣ каждаго Русскаго они неразлучны съ чувствами приверженности къ Православной Церкви и къ народности. Если бы великій Суворовъ не былъ проникнутъ самъ этими двумя чувствами, если бы онъ не обладалъ даромъ пробуждать ихъ въ русскомъ человѣкѣ, если бы онъ не проявлялъ ихъ безусловнымъ уваженіемъ къ обрядамъ нашей вѣры и предпочтеніемъ русской натуры всѣмъ прочимъ, въ особенности же нѣмецкой, то, при всемъ его воинскомъ геніи, едва ли бы удалось ему быть побѣдителемъ подъ Рымникомъ и Нови......[1]), а теперь внукъ кощунствуетъ именно надъ тѣмъ, что̀ составило славу дѣда. Чтобы выразить, какъ глубоко новый генералъ-губернаторъ оскорбилъ русское народное чувство, достаточно сказать, что мы доведены до позора жалѣть о томъ, что вмѣсто Суворова не назначили любого Нѣмца. Нѣмецъ конечно бы не позволилъ себѣ всѣхъ описанныхъ выше выходокъ [2]).

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) М. П. Погодинъ исполнилъ просьбу Ю. Ѳ-ча и послалъ вышенапечатанную „реляцію" А. П. Ермолову при слѣдующей запискѣ: „Представляю вашему высокопревосходительству записку о рижскихъ чудесахъ, которая здѣсь ходитъ по рукамъ". Эту „реляцію" многіе прочли въ Москвѣ; Погодинъ и Шевыревъ остались ею очень довольны. Шевыревъ писалъ Погодину: „Записка Самарина вчера меня разстроила. Ну ужъ Суворовъ! Послать бы ему оттискъ автобіографіи дѣда его, да подчеркнуть въ ней слова: *Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ*. Неужели такіе поступки могутъ быть терпимы? Этому человѣку все ни по чемъ... Напиши, можно ли записку Самарина прочесть нѣкоторымъ, напримѣръ Чаадаеву, и вообще. Я боюсь нанести вредъ ему. Честь и слава Самарину за такой благородный протестъ! Это—подвигъ. Попову я прочту записку Самарина". Погодинъ отвѣчалъ: „Запиской Самарина я былъ очень доволенъ. Прочесть ее близкимъ людямъ можно; въ огласку не надо только пускать, думаю, его имени". Какъ отнесся А. П. Ермоловъ къ этой „реляціи"—остается неизвѣстнымъ.

161.

(Москва, октябрь 1848) [1]).

Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, завтра я буду читать у Свербеевыхъ свои письма объ Остзейскомъ краѣ и усерднѣйше прошу васъ, если имѣете нѣсколько свободныхъ часовъ, пожертвовать ихъ на слушаніе. Я не могъ предупредить васъ раньше, потому что чтеніе устроилось нынче утромъ. Оно начнется рано, въ 6 часовъ, потому что должно окончиться къ 9-ти или 9 съ $^1/_2$. Ожидаю отвѣта: ждать ли васъ или нѣтъ?

Середа.

162.

(Москва, ноябрь 1848) [2]).

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ, послѣднія происшествія въ университетскомъ кругу, о которыхъ говоритъ теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мнѣ впечатлѣніе, съ которымъ я не считаю себя въ правѣ принять вашего приглашенія. Мнѣ было очень тяжело написать эти строки, потому что я вамъ обязанъ за многое и

---

[1]) Эта записка относится, вѣроятно, къ половинѣ октября 1848 года, когда Ю. Ѳ., пользуясь своимъ четырехмѣсячнымъ отпускомъ, жилъ въ Москвѣ. Подъ письмами объ Остзейскомъ краѣ нужно разумѣть „Письма изъ Риги“. Чтеніе этихъ писемъ у Свербеевыхъ окончено было въ концѣ октября, какъ видно изъ письма Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову отъ конца октября 1848 г. (№ 135).

[2]) Это письмо написано было Ю. Ѳ-чемъ въ отвѣтъ на приглашеніе его М. П. Погодинымъ на вечеръ 11 ноября (день рожденія М. П. Погодина). Происшествія, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Ю. Ѳ., заключались въ напечатаніи въ первой книжкѣ „Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ сочиненія Флетчера „О государствѣ русскомъ“ и, въ связи съ этимъ, въ пріостановкѣ этой книжки „Чтеній“, въ объявленіи строжайшаго выговора президенту Общества гр. Строганову и въ переводѣ въ Казанскій университетъ секретаря Общества Бодянскаго (см. прим. 3-е къ письму за № 135). Въ то время въ Москвѣ сильно обвиняли Погодина и Шевырева въ томъ, что они „не только донесли гр. Уварову на президента и секретаря Историческаго Общества, но даже доставили ему статью Флетчера, которой онъ не могъ бы имѣть, настаивали, чтобы это дѣло было пущено въ ходъ, чтобы журналъ былъ запрещенъ и редакторъ отданъ подъ судъ“. Вслѣдствіе этихъ обвиненій Ю. Ѳ. пересталъ видѣться съ Погодинымъ, и эта размолвка продолжалась до конца марта 1852 г.

никогда не забуду живого участія, которое вы принимали издавна въ моихъ занятіяхъ и успѣхахъ; но это самое налагало на меня обязанность высказать вамъ, и вамъ однимъ, откровенно то, что̀ у меня на душѣ.

163.

(Москва, 29 марта 1852) [1].

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ, чрезвычайно тяготятъ меня отношенія, въ которыхъ мы находимся. Вы сдѣлали мнѣ много добра; будучи еще ребенкомъ, я полюбилъ васъ и съ тѣхъ поръ не переставалъ искренно васъ любить и вспоминать съ глубокою признательностью, что вамъ я обязанъ нѣкоторыми изъ коренныхъ моихъ убѣжденій. Накапунѣ и во имя Великаго Праздника прошу васъ отъ души забыть навсегда все, что̀ разлучило насъ, и позволить мнѣ дать вамъ братскій поцѣлуй. Я увѣренъ, что вы согласитесь; мнѣ кажется, что общая горесть, нами испытанная [2]), должна всѣхъ расположить къ миру. Впереди можетъ быть еще болѣе испытаній всякаго рода, и мы должны ихъ встрѣтить дружно [3]).

Суббота.

164.

(Москва), 5 апрѣля (1852) [4]).

Не взыщите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я рѣшительно не могъ располагать своимъ временемъ. Всѣ вечера я проводилъ дома, отлучаясь не долѣе, какъ на полчаса, для посѣщенія больного Пако [5]). Полученныя мною извѣстія о состояніи дороги заставляютъ меня отправиться въ путь не медля, нынче вечеромъ. Очень и очень сожалѣю,

---

[1]) Написано Ю. Ѳ-чемъ въ великую субботу, въ Москвѣ, гдѣ онъ находился съ половины февраля, получивъ двухмѣсячный отпускъ.

[2]) Вслѣдствіе недавней кончины Гоголя.

[3]) Въ самый день Пасхи Ю. Ѳ. былъ у Погодина, который въ своемъ дневникѣ записалъ: „Самаринъ. Очень радъ. Обнялись и поцѣловались. Много переговорили“.

[4]) Написано Ю. Ѳ-чемъ въ самый день выѣзда изъ Москвы въ Кіевъ.

[5]) Степанъ Ивановичъ Пако; см. примѣч. 1-ое къ письму за № 17.

что не удалось еще разъ съ вами видѣться. Возобновленіе прежнихъ отношеній нашихъ я уношу изъ Москвы, какъ единственное радостное впечатлѣніе, данное мнѣ въ этотъ послѣдній пріѣздъ. Обнимаю васъ крѣпко и отъ всей души.

Суббота.

VII.

Къ Александру Николаевичу Попову.

165.

(Петербургъ), 16 декабря 1844 [1]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, не обвиняйте меня въ забывчивости или въ медленности. Вы не повѣрите, какъ все здѣсь трудно дѣлается. Я относился ко многимъ изъ моихъ знакомыхъ, получалъ свѣдѣнія слишкомъ неопредѣленныя, часто противорѣчащія; наконецъ уже помогъ мнѣ Никитенко. Я узналъ отъ него вчера, что каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ при Академіи Художествъ нѣтъ и не было, но со временемъ будетъ. По крайней мѣрѣ, говорятъ, что предполагаютъ учредить ее; но на какихъ условіяхъ, на какомъ жалованьѣ, кому поручится—этого еще никто не знаетъ и сказать не можетъ. Ваша неудача меня огорчаетъ за васъ и за университетъ; съ другой стороны, признаюсь вамъ въ эгоистическомъ движеніи: меня утѣшаетъ мысль увидѣться съ вами и, можетъ быть, жить съ вами въ одномъ городѣ. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ всякое эгоистическое желаніе, я вамъ совѣтую ѣхать въ Петербургъ и занять мѣсто въ какомъ-нибудь министерствѣ, всего лучше въ министерствѣ юстиціи. Служить по ученой части, занимать каѳедру можно только въ Москвѣ. Здѣсь васъ не будутъ слушать. Ваши ученыя занятія пойдутъ своимъ чередомъ, и вамъ не удастся ввести

[1]) Ср. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову за № 119.

ихъ въ преподаваніе. Здѣсь требованія не такія. Вспомните, что, какъ профессоръ, гдѣ бы то ни было, вы будете постоянно получать одно жалованіе; на службѣ гражданской оно будетъ возрастать съ каждымъ повышеніемъ. Вотъ вамъ мой совѣтъ, основанный на опытѣ: ученыя занятія должны итти своимъ чередомъ, служебныя—своимъ; они никогда не встрѣтятся и и не сольются, и желать этого не надобно. Какъ бы ни была тяжела служба, она не отниметъ всего времени; посвятивши ей утро, вы свободно будете располагать вечеромъ. Время отчасти упруго и растягивается по мѣрѣ нашихъ желаній. Подумайте объ этомъ; но каѳедры въ Петербургѣ не ищите и не берите.

Поклонитесь отъ меня Валуеву[1]), Панову[2]), Кавелину[3]) и всѣмъ нашимъ.

166.

(Петербургъ), 4 іюня 1845 [4]).

Посылаю вамъ, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, статью о „Тарантасѣ" [5]). Раньше я никакъ не могъ ее окончить. Извольте распоряжаться съ нею, какъ заблагоразсудите, и мирить требованія мысли и достоинство журнала съ требованіями цензуры, буде между ними возникнетъ противорѣчіе. Впрочемъ, я этого не думаю. Кстати о цензурѣ. Прежде, нежели мы начнемъ помѣщать статьи объ иностранной литературѣ, кажется, нужно бы пустить впередъ нашу profes-

---

[1]) Дмитрій Александровичъ Валуевъ; см. письма за №№ 69 и 70.

[2]) Василій Алексѣевичъ Пановъ; см. примѣч. 5-е къ письму за № 88.

[3]) Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (см. примѣч. къ письму за № 56) съ осени 1844 года получилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто исправляющаго должность адъюнкта при каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства и занималъ его до 1848 года. До половины сороковыхъ годовъ Кавелинъ, по собственному признанію, былъ „наполовину славянофилъ". Съ славянофилами Кавелинъ сблизился еще во время своего обученія въ университетѣ.

[4]) Въ подлинникѣ стоитъ не 1845, а 1844 г. Очевидно, это—описка; содержаніе письма указываетъ, что оно относится къ 1845 г. Ср. письма Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову за №№ 123, 124 и 125.

[5]) Критическая статья Ю. Ѳ-ча о сочиненіи гр. В. А. Соллогуба: „Тарантасъ".

sion de foi относительно того, что творится на Западѣ [1]). Это бы развязало насъ на будущее время. Не написать ли статью въ такомъ родѣ? „Москвитянинъ“ по направленію своему не можетъ повторять сужденій журналовъ западныхъ о западныхъ же литературныхъ явленіяхъ. Посвящая себя служенію началамъ новымъ, онъ долженъ имѣть на нихъ свой особенный взглядъ. Его точка зрѣнія опредѣляется тѣмъ, какъ онъ понимаетъ отношеніе доживающаго къ рождающемуся, міра латино-германскаго къ славянско-православному. Это отношеніе можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: развитіе западное, съ одной стороны, опровергаетъ, разлагаетъ и уничтожаетъ всѣ элементы, которыми жили до сихъ поръ народы западные, съ другой стороны, оно ведетъ къ признанію чисто-логическому, слѣдовательно одностороннему, тѣхъ началъ, которыхъ живое осуществленіе представляется у насъ. Но, чтобы прійти къ послѣднему результату, нужно западному міру исчерпать и отказаться отъ всѣхъ своихъ мѣстныхъ началъ. Это онъ дѣлаетъ теперь. Значеніе современной литературы западной есть отрицательное, критическое, повидимому, безплодное и безвыходное. Мы не должны бояться этого отрицанія, потому что смыслъ и необходимость его для насъ понятны, потому что оно насъ не касается. Поэтому мы можемъ отдавать справедливость всему справедливому въ сферѣ условій западной жизни, ибо мы отвергаемъ эти условія и стоимъ внѣ этой сферы. Напримѣръ, западное государство отрицаетъ западную церковь, западная церковь отрицаетъ западное государство; мы говоримъ, что оба правы, и мы нисколько не враги ни Церкви, ни государства вообще, но мы признаемъ, что западная церковь—церковь ложная, западное государство—государство ложное. Такъ будемъ мы смотрѣть на всѣ явленія западныя и отклоняемъ заранѣе подозрѣніе и т. д. Что вы объ этомъ думаете? Не возьмется ли кто-нибудь написать такую статью? Она могла бы служить введеніемъ къ

[1]) Рѣчь идетъ объ участіи кружка московскихъ славянофиловъ въ „Москвитянинѣ“, который съ начала 1845 г. редактировался И. В. Кирѣевскимъ. См. примѣч. 5-ое къ письму за № 123 и примѣч 1-ое къ письму за № 124.

первой статьѣ о литературѣ иностранной. Я боюсь за это взяться, во-первыхъ, потому, что мало времени, и потому еще, что въ послѣдніе два года я вовсе не слѣдилъ за иностранною литературою. Изъ русскихъ книгъ здѣсь вышли двѣ, о которыхъ нужно упомянуть. Это—„Очеркъ литературы русской исторіи“ Старчевскаго[1]) и „Исторія русской литературы“ Никитенки [2]). Что̀ творится у васъ? Въ какомъ положеніи „Москвитянинъ“? Съ самаго отъѣзда моего я ни отъ кого изъ нашихъ не получалъ писемъ и потому не знаю, подвинулось ли дѣло. Напишите хоть нѣсколько строкъ, между прочимъ, довольны ли вы и другіе наши пріятели статьею о „Тарантасѣ“. Я предчувствую, что Аксаковъ обвинитъ меня въ мягкости, но дѣло въ томъ, что дразнить и озадачивать людей ни къ чему не ведетъ, а надобно вразумлять ихъ. Всѣмъ, въ Москвѣ обрѣтающимся, отъ меня поклонитесь. Прощайте и будьте здоровы.

P. S. Какъ доставить „Москвитянина“ Ковалевскому [3])? Послать билетъ или распорядиться такъ, чтобы ему посылали номеръ по почтѣ? Посылаю вамъ мой адресъ: на Гагаринской улицѣ, противъ Пустого рынка, въ домѣ Бибиковой.

167.

(Рига, 1846).

Любезнѣйшій Поповъ, вотъ я и въ Ригѣ, въ сквернѣйшемъ трактирѣ, и обдаетъ меня со всѣхъ сторонъ нѣмецкимъ духомъ. Трудно повѣрить, что находишься въ Россіи. Все здѣсь непріязненно и чуждо намъ, и, несмотря на это, съ участіемъ и почти съ сочувствіемъ смотришь на памятники и слѣды прошедшаго, утратившіе всякій смыслъ въ настоящемъ, потому именно, что вездѣ ощущается присутствіе свободно развившейся жизни. Въ этомъ отношеніи,

---

[1]) А. Старчевскій. Очеркъ литературы русской до Карамзина. С.-Петербургъ. 1845 г.

[2]) А. В. Никитенко. Опытъ исторія русской литературы. Книга первая, введеніе. С.-Петербургъ. 1845 г.

[3]) Вѣроятно, Егоръ Петровичъ Ковалевскій (род. въ 1811 г., ум. въ 1868 г.) — горный инженеръ, впослѣдствіи управляющій азіатскимъ департаментомъ.

чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе пробуждается археологическій интересъ. Въ Псковѣ почти нѣтъ слѣдовъ старины, въ Витебскѣ ихъ больше, Рига вся уцѣлѣла. На этотъ разъ не могу писать вамъ болѣе. Пожалуйста, перешлите поскорѣе какія у васъ есть письма на имя Ханыкова, старшаго члена ревизующей комиссіи, для передачи мнѣ, и припишите нѣсколько словъ отъ себя. Я совсѣмъ осиротѣлъ на землѣ. Поклонитесь всѣмъ нашимъ знакомымъ: Вяземскому, Карамзинымъ [1]), Россету [2]) и всему Сенату; Борису Карловичу [3]) въ особенности. Пріѣхала ли Александра Осиповна Смирнова? Что Княжескій [4])?

168.

(Рига, 1846) [5]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, пожалуйста передайте это письмо Россету и попросите его отъ моего имени, чтобы онъ послалъ его въ Калугу, если оно еще можетъ застать Александру Осиповну Смирнову, въ противномъ

---

[1]) Семья Екатерины Андреевны Карамзиной (род. въ 1780 г., ум. въ 1851 г.)—вдовы исторіографа.

[2]) Аркадій Осиповичъ Россетъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1881 г.)—братъ А. О. Смирновой, артиллерійскій полковникъ.

[3]) Борисъ Карловичъ Данзасъ (род. 1799 г., ум. въ 1868 г.), братъ секунданта Пушкина, въ 1846 г. былъ оберъ-прокуроромъ I департамента Сената (онъ занималъ эту должность съ 1 янв. 1845 г. по 13 сент. 1851 г.), впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ.

[4]) Захарій Петровичъ Княжескій (род. въ 1814 г., ум. въ 1877 г.), Болгаринъ, до 1839 г. былъ учителемъ въ Стара-Загорѣ, Габровѣ и Тырновѣ, а въ 1839—45 гг. учился въ Херсонской духовной семинаріи; въ 1846—47 гг. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ хлопоталъ о доставленіи возможности болгарскому народу получать образованіе въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и духовныхъ семинаріяхъ, и въ Москву, гдѣ печаталъ свои сочиненія. Княжескій былъ горячо преданъ дѣлу просвѣщенія Болгаръ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію по этому дѣлу и въ 70-хъ годахъ былъ посредникомъ между Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетомъ въ Москвѣ и Болгарами, желавшими получить образованіе въ Россіи. Послѣдніе годы онъ жилъ въ Рущукѣ и состоялъ при русскомъ генеральномъ консульствѣ.

[5]) Письмо это, какъ видно изъ его содержанія, написано Ю. Ѳ-чемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Ригу, т. е., вѣроятно, въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1846 г.

случаѣ вручилъ бы ей въ Петербургѣ [1]). Я всего получилъ два письма изъ Москвы и заключаю, что нѣкоторыя должны были пропасть, несмотря на принятыя мною мѣры. Скучненько въ Ригѣ! Городъ не представляетъ рѣшительно никакихъ общественныхъ ресурсовъ. Вчера мы съ Ханыковымъ объѣздили всѣхъ здѣшнихъ ратовъ и ауфзееровъ... Я радъ одному знакомству съ архіереемъ [2]). Я видѣлся съ нимъ только разъ и получилъ желаніе говорить съ нимъ много и обо многомъ. Я веду здѣсь образъ жизни, какой велъ въ 14 лѣтъ: встаю въ 7 часовъ, обѣдаю въ три, ложусь спать въ 10, сижу большею частью дома и занимаюсь выписками для исторіи сельскаго сословія. Предупреждаю васъ, что на-дняхъ я къ вамъ обращусь за Судебникомъ. Нѣтъ ли какихъ-нибудь извѣстій изъ Москвы? Какъ досадно мнѣ, если пропало письмо Чижова! Посылаю вамъ мой адресъ: на Малой Кузнечной улицѣ, въ домѣ Шультъ, №№ 263 и 264. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте.

169.

(Рига), 6 октября 1846.

Любезный Поповъ, я не скоро отвѣчалъ на ваше письмо не потому, чтобы не было свободнаго времени, а потому, что ждалъ, чтобы побольше накопилось содержанія для письма; лучше за одинъ разъ пересказать все. Я узналъ изъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“, которыя читаю прилежно, о вашемъ перечисленіи въ Собственную Канцелярію Е. В. [3]). Если вы довольны, то я радуюсь; а всё-таки мнѣ кажется, что вы мало обратили вниманія на то обстоятельство, о которомъ я неоднократно намекалъ вамъ, а именно, что Сенатъ всё-таки есть высшая инстанція. Но, видно, вы разсудили иначе.

Я своею службою доволенъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я не исключительно занятъ статистикою. Ханыковъ поручилъ

---

[1]) А. О. Смирнова предполагала пріѣхать въ Петербургъ въ іюлѣ 1846 г., но эта поѣздка не состоялась.

[2]) Епископъ Филаретъ Гумилевскій; см. примѣч. 3-ье къ письму за № 156.

[3]) А. Н. Поповъ перечисленъ былъ въ это время во II Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ онъ служилъ до конца своей жизни.

мнѣ составить исторію сословій городскихъ въ Ригѣ и обозрѣніе ихъ современныхъ правъ, привилегій и обычаевъ возможно полное. По этой части издано здѣшнимъ директоромъ гимназіи Напирскимъ много документовъ [1]); въ Лейпцигѣ вышелъ уже томъ полнаго собранія Остзейскихъ лѣтописей [2]); наконецъ, есть въ архивахъ множество матеріаловъ. Предметъ весьма интересенъ самъ по себѣ и, въ особенности, въ связи съ нашею исторіею, съ исторіею сѣверныхъ городовъ, которая меня давно занимаетъ. Много есть явленій сходныхъ, параллельныхъ; напримѣръ, постепенный переходъ магистрата (первоначально присутственнаго мѣста) въ значеніе отдѣльнаго сословія объясняетъ образованіе посадничества, какъ сословія въ XV вѣкѣ. Хотѣлось бы мнѣ сказать, что дѣленіе городской общины на членовъ большой гильдіи (Bürger) и членовъ малой гильдіи (Gesellen) соотвѣтствуетъ дѣленію Новогородцевъ на большихъ и малыхъ, на *мужей* и *людей*, но я боюсь увлечься внѣшнимъ сходствомъ и до времени воздерживаюсь отъ проведенія параллелизма черезъ ельтермановъ и старостъ, Aeltesten и старыхъ, Jüngsten и младшихъ. Въ торговыхъ же постановленіяхъ очень много, очевидно, тождественнаго; надѣюсь объяснить нѣкоторыя темныя выраженія, нѣкоторыя названія пошлинъ и пр. Какъ бы то ни было, городовое устройство нѣмецкое или объяснитъ или оттѣнитъ своею противоположностью нашъ древній городовой бытъ. Основныхъ же началъ, т. е. княжеской власти и вѣча, у насъ никто не отниметъ; этому здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Я предчувствую, что моя работа получитъ видъ ученаго изслѣдованія, а вовсе не министерской записки; придется по окончаніи перекраивать ее. Кромѣ этого, я продолжаю заниматься выписками для исторіи сельскаго сословія и скоро

---

[1]) Ю. Ѳ. разумѣетъ здѣсь Monumenta Livoniae antiquae (T. t. I—V. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835—1847), въ IV томъ которыхъ вошли документы, касающіеся Риги: Rigas ältere Geschichte in Uebersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen zusammengestellt; редакція этого тома принадлежитъ Напирскому.

[2]) Scriptores rerum Livonicarum—Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-Ehst und Kurland. Riga und Leipzig. II Band. 1 u. 2 Lieferung, 1846—1847. I Band, 1853.

потребую отъ васъ лѣтописей и актовъ; прикажите, пожалуйста, ихъ переплести.

Кругъ моихъ знакомыхъ очень ограниченъ. Кромѣ семейства Головиныхъ, у которыхъ мы обязаны бывать раза три или четыре въ недѣлю, и членовъ комиссіи, я видаюсь почти каждый день съ Ханыковымъ и на досугѣ, понемногу, работаю надъ его обращеніемъ отъ запада къ востоку. Я его искренно полюбилъ и глубоко уважаю за то, что въ кругу, въ которомъ онъ воспитывался и жилъ, при тѣхъ занятіяхъ, которыя достались на его долю, онъ сохранилъ религіозное убѣжденіе и не увлекся въ крайности практическаго направленія. Но начала истинныя у него какъ-то сплетены съ самыми дикими понятіями. Изучая его, я убѣждаюсь болѣе и болѣе въ невыгодѣ тона, господствующаго въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ. Доказательства у меня передъ глазами. Ханыковъ по всему долженъ бы былъ сочувствовать съ „Москвитяниномъ"; налегая на единство основныхъ убѣжденій, можно бы склонить его къ полному согласію, и не его одного, а между тѣмъ выходитъ наоборотъ. Появленіе московской статьи бросаетъ его въ жаръ и въ противоположную сторону; имена Аксакова и Хомякова приводятъ его въ содроганіе. Я не говорю, чтобы онъ былъ правъ, но во многомъ виноваты и наши, напрасно поддаются задору. Съ Филаретомъ я видаюсь рѣдко, хотя мы въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Настоящее занимаетъ его исключительно, онъ утомленъ, онъ робѣетъ, недоумѣваетъ, иногда довѣряетъ ложнымъ слухамъ, потомъ самъ на себя досадуетъ. Вообще, мнѣ кажется, что онъ не на своемъ мѣстѣ. У него нѣтъ спокойствія, твердости, умѣнія различать сразу существенное и важное отъ маловажнаго, вообще практическихъ способностей онъ не имѣетъ, а положеніе его—самое трудное. Онъ, кажется, вполнѣ монахъ и только монахъ, а, чтобы ладить съ здѣшними обывателями, скорѣе нуженъ полковой командиръ. Присмотрѣлся я къ Нѣмцамъ и узналъ вблизи, что̀ такое ихъ хваленая честность и нѣмецкій Biederkeitssinn [1]); если бъ я захотѣлъ

[1]) Нѣмецкое прямодушіе.

разсказать вамъ здѣшнюю скандалёзную хронику служебную, торговую и общественную, то я могъ бы исписать цѣлую тетрадь. Но здѣсь рука руку моетъ; для каждой продѣлки, самой подлой и гнусной, придуманъ благовидный предлогъ. Номенклатура, терминологія здѣсь хороша; напримѣръ, взятокъ гнушаются, но кто же осудитъ *добровольное приношеніе*? Хороши они особенно въ сношеніяхъ съ Русскими! Ну да Богъ съ ними!

Напрасно искалъ я и добивался письма Катерины Александровны [1]) со вложеніемъ отвѣта ко мнѣ Чижова. Оно, видно, пропало. Вообще, я получаю мало писемъ изъ Москвы, а мои какъ-то неаккуратно доходятъ. Ѣхать туда зимою я не предвижу возможности, а, впрочемъ, Богъ вѣсть, что̀ будетъ. Отъ Миши [2]) я получилъ недавно письмо; онъ собрался на зиму въ Римъ и вамъ кланяется, равно какъ и Ханыковъ. Отъ меня поклонитесь всѣмъ нашимъ знакомымъ, т. е. Вяземскимъ [3]), Карамзинымъ, Веневитиновымъ [4]), Соллогубамъ [5]), Віельгорскимъ [6]), Мещерскимъ [7]), Россету, Борису Карловичу [8]) и всему Сенату, а васъ прошу въ отвѣтѣ, мною нетерпѣливо ожидаемомъ, сообщить свѣдѣнія, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. Гдѣ обрѣтается и что̀ дѣлаетъ Княжескій?

---

[1]) Свербеевой.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Самаринъ; см. примѣч. 3-е къ письму за № 127.

[3]) Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій и супруга его кн. Вѣра Ѳедоровна, рожд. Гагарина (род. въ 1790 г., ум. въ 1886 г.).

[4]) Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1872 г.), женатый на гр. Аполлинаріи Михайловнѣ Віельгорской (род. въ 1818 г., ум. въ 1884 г.), младшій братъ поэта, служилъ въ это время въ министерствѣ вн. дѣлъ, управлялъ комитетомъ о земскихъ повинностяхъ.

[5]) Гр. Софья Ивановна Соллогубъ и ея сыновья; см. примѣч. 9-е къ письму за № 120.

[6]) Гр. Михаилъ (см. примѣч. 6-е къ письму за № 119) и Матвѣй (род. въ 1794 г., ум. въ 1866 г.) Юрьевичи Віельгорскіе.

[7]) Вѣроятно, кн. Петръ Ивановичъ Мещерскій (род. въ 1802 г., ум. въ 1876 г.), отставной гвардіи подполковникъ, женатый въ первый разъ на Екатеринѣ Сергѣевнѣ Кагульской, а во второй разъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Карамзиной (род. въ 1805 г., ум. въ 1867 г.)— дочери исторіографа.

[8]) Данзасу.

2. Гдѣ Оболенскій [1])?

3. Скоро ли выйдетъ сочиненіе Гоголя и о чемъ оно, какого рода? Не забудьте прислать [2]).

4. Чтò дѣлается въ Москвѣ? Чтò диссертація Аксакова?

5. Нѣтъ ли какихъ-нибудь литературныхъ новостей? Сюда по этой части ничто не доходитъ.

6. Напишете ли вы статью о Погодинскихъ изслѣдованіяхъ [3]), или ужъ мнѣ за нее взяться?

7. Чѣмъ вы занимаетесь?

Засимъ прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня.

170.

(Рига, декабрь 1846).

Здравствуйте, Александръ Николаевичъ! Чтò вы подѣлываете? Какъ поживаете? Какъ готовитесь встрѣтить новый годъ? Были ль вы въ Москвѣ? и пр. и пр. Какія имѣете извѣстія изъ Москвы? Съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхалъ [4]), я не получилъ ни строки ни отъ кого изъ нашихъ; правда и то, что я тоже никому не писалъ. Я вообще отрѣшился отъ міра, какъ нѣкій пустынникъ Ѳиваидскій, и провожу дни въ уединеніи и безмолвіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ женихомъ, Ханыковъ [5]), разумѣется, для меня былъ потерянъ. Поэтому мнѣ случается часто два дня сряду ни съ кѣмъ рѣшительно не говорить. Волею и неволею я много занимаюсь, читаю рижскія хроники, грамоты, записки ельтермановъ и выкапываю оттуда всякія мерзости, плутни и подлости. Конечно, можно бы употребить это время съ большею пользою и лучше, но и такъ оно не совсѣмъ пропадшее. Собственно для себя, я буду заниматься теперь

---

[1]) Вѣроятно, кн. Дмитрій Александровичъ.

[2]) Здѣсь разумѣется печатавшееся въ это время сочиненіе Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

[3]) Лѣтомъ 1846 г. Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ три тома своихъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о Русской Исторіи“.

[4]) Въ ноябрѣ 1846 г. Ю. Ѳ. ѣздилъ изъ Риги въ Москву на свадьбу сестры своей Марьи Ѳедоровны (свадьба была 10 ноября) и въ первыхъ числахъ декабря былъ уже въ Ригѣ.

[5]) Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ былъ женатъ на Екатеринѣ Евгеніевнѣ Головиной (род. въ 1821 г., ум. въ 1852 г.).

статьями, обѣщанными Чижову [1]). До васъ у меня двѣ просьбы: во-первыхъ, пришлите мнѣ Новогородскую лѣтопись мою для сличеній съ здѣшними, во-вторыхъ, купите мнѣ сигаръ... Какъ идутъ ваши занятія и что вы дѣлаете кромѣ работы казенной? Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ и пріятелямъ, начиная съ вашихъ сожителей и спускаясь внизъ по Моховой, Пустому рынку и такъ далѣе. Прощайте и не забывайте.

171.

Рига, 5 апрѣля 1847.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, сообщаю вамъ подъ строжайшимъ секретомъ очень дурное извѣстіе. Чижова, Савича и Кулиша велѣно схватить, какъ скоро они переѣдутъ черезъ границу, запечатать бумаги и препроводить съ жандармомъ въ Петербургъ [2]). За что?—Не знаю. Не знаю,

---

[1]) Ѳ. В. Чижовъ вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ предполагалъ издавать съ начала 1847 года журналъ „русскаго направленія“ и осенью 1846 года занимался вербовкой сотрудниковъ для новаго журнала. Между прочими его выборъ палъ и на Ю. Ѳ-ча, о которомъ онъ писалъ Гоголю въ октябрѣ 1847 г.: „между молодыми мнѣ нравится Самаринъ Юрій“. Изданіе этого журнала, о которомъ Чижовъ думалъ и въ 1847 г., послѣ смерти Языкова, не состоялось вслѣдствіе того секретнаго полицейскаго надзора, которому подчиненъ былъ литературный трудъ Чижова послѣ его ареста весною 1847 г. (см. письмо за № 171).

[2]) Это распоряженіе находится въ связи съ открытымъ въ началѣ 1847 года въ Кіевѣ Украйно-Словенскимъ Обществомъ св. Кирилла и Меѳодія, имѣвшимъ цѣлью конфедеративный союзъ всѣхъ Славянъ въ Европѣ на демократическихъ началахъ, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Къ этому обществу принадлежали Савичъ и Кулишъ. Николай Ивановичъ Савичъ (род. въ 1808 г., ум. въ 1892 г.), полтавскій помѣщикъ, въ 1847 г. былъ дѣйствительно арестованъ по возвращеніи изъ-за границы, а черезъ полгода высланъ былъ въ имѣніе; впослѣдствіи онъ былъ мировымъ судьей въ Одессѣ и сотрудникомъ „Одесскаго Вѣстника“. Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1897 г.)—малорусскій поэтъ, публицистъ и историкъ. Будучи лекторомъ русскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, Кулишъ былъ посланъ за границу на казенный счетъ изучать славянскія нарѣчія; его арестовали, когда онъ былъ уже въ Варшавѣ. Поводомъ къ его аресту послужила напечатанная имъ въ дѣтскомъ журналѣ „Звѣздочка“ краткая исторія Малороссіи, въ которой онъ говорилъ, что Малороссія должна или отторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Ѳ. В. Чижовъ не принадлежалъ къ этому обществу, но очень можетъ быть, что распо-

падаетъ ли это на нихъ лично или на образъ мыслей, слѣдовательно, на насъ всѣхъ. Всего вѣроятнѣе, что они проговорились неосторожно; во всякомъ случаѣ намъ надобно быть осторожными. Я писалъ объ этомъ по вѣрной оказіи Хомякову [1]) и поручилъ ему, если найдется средство, дать знать Чижову, чтобы онъ не везъ съ собою никакихъ опасныхъ бумагъ. Написать къ Чижову по почтѣ — объ этомъ и думать нельзя; написать съ кѣмъ-нибудь, ѣдущимъ за границу — можно, но надобно, чтобы человѣкъ былъ очень и очень надежный. Всего бы лучше дать кому-нибудь словесное порученіе. Если найдется такой человѣкъ, ѣдущій за границу, въ Петербургѣ, то дайте ему порученіе или письмо, какъ сами знаете, но предварительно посовѣтуйтесь съ Андреемъ Карамзинымъ [2]), которому я объ этомъ пишу. Онъ одинъ въ Петербургѣ долженъ и можетъ это знать; въ Москвѣ—одинъ Хомяковъ. На всякій случай примите мѣры и особенно просмотрите свои бумаги; мои бумаги, въ томъ числѣ стихи Аксакова, письма Гагарина [3]), Хомякова, одно письмо Кирѣевскаго находятся въ томъ портфелѣ, который я далъ вамъ на сохраненіе. Передайте его подъ какимъ-нибудь предлогомъ Оболенскому или Вяземскому, если они остаются въ Петербургѣ. Худо дѣло, и хотя я почти увѣренъ, что Чижовъ оправдается, но съ надеждою

ряженіе объ его арестѣ вызвано было подозрѣніемъ въ принадлежности его къ Украйно-Словенскому Обществу. Ближайшей причиной ареста Чижова былъ доносъ на него Австрійскаго правительства, который вызванъ былъ тѣмъ, что Чижовъ, во время путешествія по славянскимъ землямъ, помогъ Черногорцамъ выгрузить оружіе на Далматскомъ берегу и посѣтилъ Австрійскихъ Славянъ. По возвращеніи изъ-за границы весною 1847 года, Чижовъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ подвергнутъ допросу въ третьемъ отдѣленіи. Допросъ показалъ, что Чижовъ принадлежалъ къ московскому кружку славянофиловъ и не имѣлъ никакихъ сношеній съ Украйно-Словенскимъ Обществомъ. Вслѣдствіе этого онъ былъ освобожденъ и ему разрѣшено было продолжать литературныя занятія, однако съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ свои произведенія на предварительное разсмотрѣніе шефа жандармовъ. Послѣ этого Чижовъ поселился около Кіева и занялся тамъ шелководствомъ.

[1]) См. письмо за № 253.

[2]) Андрей Николаевичъ Карамзинъ (род. въ 1814 г., убитъ въ 1854 г.)—полковникъ, сынъ исторіографа.

[3]) Вѣроятно, кн. Ивана Сергѣевича Гагарина, іезуита.

издавать журналъ надобно проститься. Я посылаю по этой же самой оказіи Соллогубу мою статью противъ Кавелина [1]) для напечатанія въ прибавленіи къ „Сборнику“ [2]). Онъ ее повезетъ въ Москву, но я желалъ бы, чтобы вы прочли ее и написали бы мнѣ свое мнѣніе; только не задерживайте, чтобы Соллогубъ не забылъ взять ее съ собою. Не худо васъ предупредить, что всѣ письма мои и ко мнѣ распечатываются; изъ нѣкоторыхъ вынуты были листки, вѣроятно потому, что я въ послѣднее время былъ въ перепискѣ съ Чижовымъ. Вотъ, наконецъ, мы и дожили до того, о чемъ въ Москвѣ мы говорили столько разъ, почти шутя и какъ будто не вѣря въ возможность непріятныхъ послѣдствій отъ нашей неосторожности. Всѣ мы виноваты, кто самъ, кто поблажкою другимъ, а накроютъ насъ разомъ, Москва же скажетъ: попались голубчики, и по дѣломъ! Прощайте. Еще разъ: никому ни слова и будьте осторожны. Это письмо вмѣстѣ съ статьею передастъ вамъ Соллогубъ Левъ [3]).

172.

(Рига, 1847) [4]).

Любезный Александръ Николаевичъ, Яковъ Владиміровичъ [5]) Ханыковъ передастъ вамъ пакетъ на имя Льва Александровича Соллогуба [6]). Вскройте его, прочтите записку къ Соллогубу и записку на ваше имя. Прочтите разборъ статьи Кавелина и перешлите его въ Москву, по почтѣ, немедленно. А съ другимъ письмомъ такого же содержанія, какъ и за-

---

[1]) Первую часть статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

[2]) Изъ этого видно, что Ю. Ѳ. предполагалъ помѣстить свою статью въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года. Но этотъ „Сборникъ“ вышелъ уже въ концѣ марта (чего Ю. Ѳ. не могъ, конечно, знать 5-го апрѣля, находясь въ Ригѣ), и потому статья Ю. Ѳ-ча не могла быть тамъ помѣщена.

[3]) Гр. Левъ Александровичъ Соллогубъ (род. въ 1812 г., ум. въ 1852 г.)—мужъ Марьи Ѳедоровны Самариной.

[4]) Эта записка написана была, очевидно, послѣ письма за № 171.

[5]) Въ подлинникѣ, вѣроятно намѣренно, написано: „Владиміръ Яковлевичъ“.

[6]) Въ подлинникѣ стоитъ: „Льва Вл. Соллогуба“.

писка моя къ вамъ, распорядитесь, при удобномъ случаѣ, согласно съ запискою моею къ Соллогубу [1]).

173.

(Рига), 4 мая 1847.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, благодарю васъ за письмо. И мнѣ многое нужно бы сообщить вамъ на словахъ и вмѣстѣ узнать отъ васъ. Мнѣ любопытно знать, какое впечатлѣніе произвела на васъ Москва послѣ Петербурга и какъ вамъ представляется ихъ отношеніе. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тѣми, которые выслушали обѣ стороны, по опыту знаютъ ихъ жизнь, а не по наслышкѣ, и могутъ судить безпристрастно, а онъ такъ важенъ, что отъ рѣшенія его зависитъ опредѣленіе всей нашей дѣятельности, литературной и практической. Это—не только вопросъ общій, но личный вопросъ каждаго изъ насъ. Да нельзя ли намъ повидаться? Я вотъ что придумалъ. Мнѣ труднѣе ѣхать въ Петербургъ изъ Риги, чѣмъ вамъ выѣхать изъ Петербурга, потому что мнѣ надобно писать объ отпускѣ черезъ комиссію, которая и такъ разбредется на лѣто. Вамъ не трудно получить 8-дневный отпускъ, а я, вѣроятно, буду посланъ въ Ревель для справокъ по дѣламъ комиссіи. Предлагаю вамъ съѣхаться въ этомъ городѣ, на пароходѣ. Вы пріѣдете въ 24 часа и того менѣе... Намъ бы нужно переговорить вмѣстѣ и условиться во многомъ.—Вы, вѣроятно, получили отъ меня письмо и статью о Кавелинѣ [2]). Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе, разумѣется о статьѣ. Вторую и третью статью: о Никитенкѣ и Бѣлинскомъ я на-дняхъ отправлю прямо въ Москву [3]). Не думаю, чтобы ихъ напечатали: во-первыхъ, негдѣ, и, къ тому же, всѣ онѣ запоздали.—Я работалъ здѣсь очень прилежно всю зиму, а теперь опустился. Плоды трудовъ моихъ были двѣ записки о власти прокуро-

---

[1]) Можетъ быть, Ю. Ѳ. имѣетъ здѣсь въ виду свое письмо къ Хомякову, написанное, вѣроятно, одновременно съ предыдущимъ письмомъ къ Попову (см. дальше письмо къ Хомякову за № 253).

[2]) См. предыдущія два письма.

[3]) Подъ второю и третьей статьей разумѣются вторая и третья часть статьи Ю. Ѳ-ча: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

ровъ и стряпчихъ надъ крестьянскими судами и о рижскихъ раскольникахъ; вторая—большая. Теперь пишу историческое обозрѣніе Остзейскаго края, долженствующее служить введеніемъ къ отчету генералъ-губернатора. Затѣмъ примусь писать исторію городскихъ сословій и проектъ для ихъ преобразованія[1]). По этой части я уже собралъ множество матеріаловъ. Попадались и любопытныя вещи для русской исторіи, между прочимъ свидѣтельства нѣмецкихъ лѣтописцевъ о мирномъ распространеніи православной вѣры въ Лифляндіи до прибытія Нѣмцевъ. Все это не пропадетъ.—Аксаковъ прислалъ мнѣ нѣсколько писемъ Соловьева, писанныхъ языкомъ времепъ междуцарствія [2]). Они писаны такъ свободно, что это выходитъ не поддѣлка, а художественное произведеніе. Читалъ я также ваше письмо о книгѣ Гоголя [3]). Взглядъ вашъ новъ, оригиналенъ и, какъ я думаю, вѣренъ; но вы правы особенно въ отношеніи къ стремленію, а не къ выполненію. А каково письмо Черногорскаго владыки къ московскому обществу? Здѣшній преосвященный читалъ мнѣ его съ слезами на глазахъ. Напишите мнѣ, что вы думаете о свиданіи въ Ревелѣ и поклонитесь отъ меня Карамзинымъ, Вяземскимъ, Тютчеву [4]), Россету, Багратіону [5]) и всему 1-му департаменту Правительствующаго... Прощайте, жду отвѣта.

---

[1]) Первыя двѣ упоминаемыя здѣсь записки, составленныя Ю. Ѳ-чемъ такъ же, какъ и историческое обозрѣніе Остзейскаго края, вѣроятно, по порученію генералъ-губернатора, не были напечатаны. „Исторія городскихъ сословій въ Ригѣ" вошла въ составъ офиціальнаго изданія министерства внутреннихъ дѣлъ 1852 г.: „Общественное устройство города Риги. Изслѣдованія ревизіонной коммиссіи, назначенной министромъ внутреннихъ дѣлъ. 1845—1848. Томъ первый". Вторично напечатана она въ VII т. сочиненій Ю. Ѳ-ча.

[2]) См. выше письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову за № 131.

[3]) Здѣсь имѣются въ виду: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями".

[4]) Поэту Ѳ. И. Тютчеву.

[5]) Кн. Георгій Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій (род. въ 1822 г., ум. въ 1877 г.) въ 1845 г. былъ секретаремъ І-го департамента Прав. Сената, а въ 1846 году, оставаясь секретаремъ, былъ прикомандированъ къ экспедиціи для производства дѣлъ по торгамъ на питейные откупа, впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и статсъ-секретаремъ.

174.

Рига, 10 мая 1847.

Любезный Александръ Николаевичъ, я имѣю къ вамъ порученіе, которое прошу васъ обдумать и дать мнѣ отвѣтъ немедленно. Генералъ-губернатору нуженъ правитель канцеляріи. Вы знаете, что это мѣсто важное: всѣ дѣла и распоряженія высшей мѣстной власти идутъ черезъ него; подъ начальствомъ у него вся канцелярія и одинъ начальникъ— самъ генералъ-губернаторъ. Ханыковъ поручилъ мнѣ предложить это мѣсто вамъ. Вотъ условія: дѣла очень много, особенно первое время; нужно знаніе нѣмецкаго языка такъ, чтобы не только понимать, но и писать бумаги по-нѣмецки; жалованья и столовыхъ 1370 р. сер., квартирныхъ 500 р. сер., отъ города 300 р. сер., съ кораблей 600 р. сер. и болѣе; всего около 2770 р. сер., никогда менѣе, часто болѣе въ годъ. Генералъ-губернаторъ—человѣкъ умный, даже очень умный, обходительный, выслушивающій и подающійся на добрый совѣтъ. Съ нимъ очень легко имѣть дѣло. Что̀ вы на это скажете? Мѣсто несомнѣнно выгодное, но я предвижу для васъ, при многихъ выгодахъ, два неудобства: это, во-первыхъ, то, что дѣла у васъ будетъ очень много, такъ что свободнаго времени останется мало, во-вторыхъ, придется привыкать къ нѣмецкому дѣловому языку. Разсуждая объ этомъ съ Ханыковымъ, я, между прочимъ, сказалъ ему, что если вы откажетесь, то можно бы обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ къ Барановскому [1]). Я мало его знаю, но, кажется, онъ способенъ былъ бы для этой должности; не знаю только, хорошо ли онъ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ. Ханыковъ проситъ, чтобы вы сообщили ему это предложеніе, если признаете его способнымъ, и, разумѣется, если не захотите воспользоваться имъ сами. Я разсчитывалъ, что въ Ригѣ вы будете прожи-

[1]) Егоръ Ивановичъ Барановскій (род. въ 1821 г.), бывшій въ концѣ 50-хъ годовъ Оренбургскимъ губернаторомъ, въ началѣ 60-хъ Саратовскимъ губернаторомъ, а въ 80-хъ годахъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта, въ 1846—47 гг. состоялъ младшимъ секретаремъ 3 экспедиціи канцеляріи Св. Синода и испр. должность оберъ-секретаря VII департамента Сената. Правителемъ канцеляріи Рижскаго генералъ-губернатора онъ былъ назначенъ 13 іюля 1847 г.

вать не болѣе 1200 р. сер. въ годъ; слѣдовательно, въ 4 года у васъ составится 6280 р. сер. Объ этомъ подумать можно. Что касается до самыхъ занятій, то, конечно, въ началѣ у васъ будутъ на рукахъ и важныя дѣла и мелкія, пока вы себѣ не образуете хорошаго помощника. Положеніе края таково, что теперь именно правительство должно выйти изъ рутины и руководствоваться идеями, а не привычками; поприще открыто для мысли. Разумѣется, обо всемъ этомъ надобно говорить подробнѣе, но на первый случай нуженъ отвѣтъ; пожалуйста, не замедлите имъ. Вчера я послалъ свою статью Хомякову [1]). Прощайте.

175.

(Рига, 1847) [2]).

Любезный Александръ Николаевичъ, что вы со мною дѣлаете! Я вамъ написалъ письмо, сдѣлалъ вамъ предложеніе и просилъ васъ, если оно будетъ вамъ не по вкусу, передать его Барановскому. Затѣмъ получаю письмо отъ Барановскаго, отъ васъ ни слова. Онъ принимаетъ предложеніе, хотя съ нѣкоторыми условіями, а вы молчите. Въ правѣ ли я былъ заключить, что вы за себя отказываетесь? Я немедленно вступаю въ переговоры съ Барановскимъ, пишу къ нему и на другой день послѣ того получаю отъ васъ письмо, изъ котораго узнаю, что вы колеблетесь, принять или не принять. Какъ же мнѣ было угадать это? Впрочемъ, говоря откровенно, я думаю, что это мѣсто точно для васъ не годилось, потому что оно требуетъ человѣка, который бы посвятилъ себя ему исключительно. Тутъ уже нѣтъ мѣста для другихъ занятій, надобно бы было вамъ отказаться не только отъ писанія, но даже почти и отъ чтенія. Благодарю васъ за Черногорію [3]). Книга ваша очень интересна и даже въ

---

[1]) Ю. Ѳ. говоритъ о посылкѣ второй половины своей статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

[2]) Это письмо написано, вѣроятно, въ концѣ мая 1847 г. На это указываетъ вопросъ Ю. Ѳ-ча: „Что Хомяковъ, уѣхалъ или нѣтъ?“, такъ какъ Хомяковъ былъ въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу, въ концѣ мая 1847 года.

[3]) Т. е. за сочиненіе А. Н. Попова, вышедшее въ 1847 г.: „Путешествіе въ Черногорію“.

Ригѣ имѣла успѣхъ. Несмотря на это, я въ ней нахожу слѣдующіе недостатки. Статья о развитіи юридическаго быта[1]) какъ-то сбивчива и съ трудомъ понимается. Мнѣ кажется, она натянута; вы слишкомъ хитро объясняете его, слишкомъ много различаете моментовъ. Впрочемъ, можетъ быть, это только такъ кажется отъ недостатка изложенія, которое, за исключеніемъ разсказовъ и описаній, ужасно небрежно, а корректура держана такъ слабо (по выраженію великаго Пурлевскаго), что изъ четырехъ фразъ двѣ навѣрное остановятъ ошибкою, бросающеюся въ глаза, иногда затемняющею смыслъ.—Я получилъ отъ Катерины Александровны[2]) книгу Соловьева[3]). Славный трудъ! Одинъ вопросъ (отношеніе князей между собою) разсмотрѣнъ и рѣшенъ окончательно, на чистоту. Это самое, что разсмотрѣнъ только одинъ вопросъ, даетъ ей характеръ односторонности, которая, не знаю, есть ли въ мысли писавшаго. Напримѣръ, участіе народа нигдѣ не замѣтно, и вовсе исчезаетъ характеръ и борьба земель за отношеніями князей. Соловьевъ—мастеръ давать тонъ сухимъ, отрывочнымъ извѣстіямъ лѣтописца даже тамъ, гдѣ онъ передаетъ ихъ слово въ слово, и кажется, что этотъ талантъ свой—говорить отъ себя чужимъ голосомъ и притаившись за другимъ лицомъ—онъ нѣсколько употребляетъ во зло. А книга всё-таки славная, какой у насъ послѣ покойнаго Валуева не бывало[4]). Сдѣлайте одолженіе, достаньте и пришлите мнѣ брошюру Вяземскаго о Гоголѣ и Языковѣ[5]). Что Хомяковъ, уѣхалъ или нѣтъ? Какова Катерина Михайловна[6])? Если Хомяковъ еще въ Петербургѣ, то узнайте отъ него, получилъ ли онъ мои статьи, вторую и третью, посланныя

---

[1]) Здѣсь разумѣется V глава „Путешествія въ Черногорію", озаглавленная такъ: „Юридическій бытъ Черногоріи, очеркъ государственнаго, уголовнаго, гражданскаго и семейнаго права".

[2]) Свербеевой.

[3]) Докторскую диссертацію С. М. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова Дома".

[4]) Ю. Ө. имѣетъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, статью Д. А. Валуева: „О мѣстничествѣ", помѣщенную въ „Синбирскомъ Сборникѣ".

[5]) Т. е. статью кн. П. А. Вяземскаго: „Языковъ и Гоголь", помѣщенную въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

[6]) Супруга А. С. Хомякова.

вмѣстѣ [1]), и какъ онъ съ ними распорядился. Прощайте, будьте здоровы, не схватите гриппа и поклонитесь отъ меня Багратіону, Оболенскому [2]), Тютчеву, Россету и Вяземскому.

176.

Рига, 9 іюня 1847.

Любезный Александръ Николаевичъ, сейчасъ получилъ я письмо отъ Барановскаго, брошюру Вяземскаго и письмо отъ матери Хомякова съ приложеніемъ письма отъ нея на имя Алексѣя Степановича. Благодарю Барановскаго за изъявленное имъ согласіе и вмѣстѣ поздравляю его. Я буду писать къ нему, когда устрою то, о чемъ онъ проситъ и что совершенно совпадаетъ съ намѣреніемъ, которое я имѣлъ еще до полученія его письма. Матушка Хомякова писала ко мнѣ въ той увѣренности, что Алексѣй Степановичъ поѣдетъ на Ригу. Я теперь долженъ возвратить ей прилагаемое письмо на имя Алексѣя Степановича и вмѣстѣ съ тѣмъ пишу къ ней отъ себя; но вотъ бѣда: не знаю, какъ ее зовутъ по отчеству — Алексѣевна или Васильевна [3]). Пожалуйста, впишите отчество, надпишите адресъ и пошлите оба письма. Хомяковъ писалъ мнѣ, что мои статьи можно напечатать въ „Москвитянинѣ", но должно вымарать строки или измѣнить то мѣсто, въ которомъ сказано, что Никитенко—самоучка [4]). Пожалуйста, вы и это возьмите на себя и потомъ пошлите Погодину статьи вмѣстѣ съ прилагаемою къ нему запискою [5]). Если ужъ ихъ печатать, такъ поскорѣе.

---

[1]) Т. е. вторую и третью часть статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ".

[2]) Вѣроятно, кн. Дмитрію Александровичу.

[3]) Марья Алексѣевна Хомякова, рожденная Кирѣевская.

[4]) См. письмо Хомякова къ Ю. Ѳ-чу отъ 30 мая 1847 г. изъ Петербурга (Полн. собр. соч. А. С. Хомякова, т. VIII, стр. 267).

[5]) Здѣсь разумѣется письмо Ю. Ѳ-ча къ Погодину отъ 9 іюня 1847 г. (см. письмо за № 156). А. Н. Поповъ, до полученія настоящаго письма, отправилъ вторую половину статьи Ю. Ѳ-ча: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ", полученную имъ отъ Хомякова, къ Е. А. Свербеевой, вслѣдствіе чего Ю. Ѳ-чу пришлось написать Погодину другую записку, помѣченную 14 іюня 1847 г. (см. письмо за № 157).

177.

(Рига, 1847) [1].

Любезный Александръ Николаевичъ, недаромъ говорилъ Аксаковъ, что вы—человѣкъ ненадёжный и не крѣпкій стоятель. Во-первыхъ, въ Ревель не пріѣхали, во-вторыхъ, сто лѣтъ голоса не подавали. Впрочемъ, вы прервали молчаніе по такому для меня лестному случаю, что мнѣ было бы грѣшно вамъ пенять. Благодарю васъ за одобреніе, за письмо [2]), за всѣ извѣстія. Представьте себѣ, что Погодинъ написалъ мнѣ письмо, объявляетъ о возрожденіи „Москвитянина“ (стара штука, не повѣрятъ), но экземпляровъ моей статьи, которые я просилъ отпечатать особо, не посылаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ только забылъ, я ему объ этомъ писалъ и жду отвѣта. Если онъ мнѣ пришлетъ, то я попрошу васъ раздать нѣсколько экземпляровъ петербургскимъ нашимъ пріятелямъ... Хомякова я ждалъ съ нетерпѣніемъ [3]), послалъ ему письма навстрѣчу, и такъ какъ въ Ригѣ нельзя достать квартиры, то я готовился уступить ему свою и перебраться въ канцелярію нашей коммиссіи, но Петербургъ сманилъ его. Не благонадеженъ! Любопытно бы было послушать его теперь, но вѣдь его не понудишь написать длинное письмо. Здѣсь, кромѣ банкротствъ, возбуждающихъ соболѣзнованіе, и прежнихъ продѣлокъ, прежняго хвастовства, плутовства и сплетенъ, возбуждающихъ омерзѣніе и желчное расположеніе,—ничего новаго. Барановскій работаетъ постоянно и сильно. Онъ безпристрастенъ и не увлекается—великая добродѣтель, трудная, на которую я былъ бы не способенъ, за которую его любятъ, по крайней мѣрѣ, отдаютъ справедливость всѣ. Спросите вы: что я дѣлаю?—Многое по службѣ; внѣ службы—ровно ничего. Если бы половину того времени и тѣхъ трудовъ, которые я убиваю здѣсь, я посвятилъ на русскую исторію, сколько бы я успѣлъ сдѣлать!

---

[1]) Письмо это относится, судя по тому, что въ немъ говорится о напечатаніи статьи Ю. Ѳ-ча въ „Москвитянинѣ“, къ октябрю 1847 г.

[2]) Имѣется, вѣроятно, въ виду письмо А. Н. Попова по поводу статьи Ю. Ѳ-ча: „О мнѣніяхъ Современника“.

[3]) При обратномъ проѣздѣ его изъ-за границы.

Объ этомъ городишкѣ я уже написалъ тома три. Очень скучно! Зачѣмъ судьба запрятала меня въ это захолустье, зачѣмъ все съ нами дѣлается какъ-то случайно, безъ мысли, безъ нашего вѣдома, и что̀ мы за тряпки, что въ насъ нѣтъ столько воли, чтобы хоть сколько-нибудь ограничить самоуправство случая? Вѣдь и съ вами то же. Впрочемъ, вы менѣе виноваты. Поклонитесь отъ меня всѣмъ: Карамзинымъ, Мещерскимъ, Вяземскому, Тютчеву, Россету, Оболенскому, Данзасу, Котамъ, Правительствующему, который такъ сталъ мудръ въ своихъ рѣшеніяхъ, что я не узнаю его. Увидимся, надѣюсь, когда-нибудь. Ханыковъ вамъ кланяется.

178.

(Рига, 1847) [1].

Это письмо вы получите отъ графа Дмитрія Николаевича Толстого [2]. Пользуясь случаемъ, передаю вамъ порученіе отъ имени Ханыкова. Недавно пошло отъ Остзейскаго генералъ-губернатора представленіе въ вашу канцелярію [3] о необходимости ускорить изданіе Свода мѣстныхъ законовъ гражданскихъ [4]. Необходимость, дѣйствительно, очевидна, потому что ни одно присутственное мѣсто не можетъ сказать, по какимъ законамъ оно судитъ. Теперь желательно бы было знать: 1) какъ было принято это представленіе? 2) продолжаютъ ли заниматься Сводомъ гражданскихъ законовъ и намѣрены ли издать его, или это дѣло пріоста-

---

[1]) Письмо это относится, вѣроятно, къ концу октября 1847 г. Это можно заключить изъ слѣдующаго письма Ю. Ѳ—ча къ А. Н. Попову (см. № 179).

[2]) Гр. Дмитрій Николаевичъ Толстой (род. въ 1806 г., ум. въ 1884 г.), археологъ, въ 50-хъ годахъ губернаторъ въ Рязани, Калугѣ и Воронежѣ, въ 1861—63 гг. директоръ департамента полиціи, въ 1876—1879 гг. предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ это время былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ 1845—48 гг. былъ командированъ въ Прибалтійскій край.

[3]) Т. е. во II Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи, въ которомъ сосредоточивалось дѣло кадификаціи законовъ.

[4]) Первыя двѣ части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, заключающія въ себѣ учрежденія и законы о состояніяхъ (кромѣ сельскихъ обывателей) были изданы въ 1845 г., третья же часть этого Свода, содержащая законы гражданскіе издана была только въ 1864 г.

повлено? 3) когда можно надѣяться, что онъ выйдетъ, или должно отложить всякую надежду? 4) Желательно бы было, чтобы вы, по мѣрѣ своего вліянія, подбили Губе [1]) заняться этимъ предметомъ, и если нужно собрать доказательства его необходимости, то мы представимъ ихъ десятками. 5) Кто теперь занимается у васъ Сводомъ гражданскихъ законовъ для Остзейскаго края? Обо всемъ этомъ отпишите мнѣ ясно, но глухо, чтобы не было видно, что я васъ спрашивалъ.

179.

(Рига, 1847) [2]).

Любезный Александръ Николаевичъ, потрудитесь раздать приложенные экземпляры [3]): три вмѣстѣ, въ запискѣ—Россету, на одномъ потрудитесь выставить имя и отчество Тютчева, которыхъ я не помню; графу Толстому можете доставить черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Бумага, о которой я вамъ писалъ [4]), получена была 31 октября; слѣдовательно, только теперь вы можете исполнить мою просьбу и прислать мнѣ отвѣтъ черезъ пріятеля Барановскаго: Голубцова или Голубкова. Какъ бишь его зовутъ? Въ свободную минуту напишите мнѣ хоть вкратцѣ, бранятъ ли меня за статью [5]) и очень ли сильно. Погодинъ прислалъ мнѣ возраженіе Мельгунова [6]). Очень слабо!

---

[1]) Ромуальдъ Михайловичъ Губе (род. въ 1803 г., ум. въ 1890 г.)—польскій историкъ-юристъ, профессоръ Варшавскаго университета; по закрытіи этого университета, онъ былъ вызванъ въ 1833 г. въ Петербургъ для участія въ работахъ по ревизіи польскихъ законовъ и опредѣленъ на службу во II Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и членомъ Гос. Совѣта.

[2]) Это письмо, какъ видно изъ его содержанія, написано въ ноябрѣ 1847 г.

[3]) Экземпляры статьи Ю. Θ—ча: „О мнѣніяхъ Современника", присланные Погодинымъ.

[4]) Вѣроятно, то представленіе отъ Остзейскаго генералъ-губернатора во II Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи, о которомъ Ю. Θ. говорилъ въ предыдущемъ письмѣ.

[5]) Т. е. за статью: „О мнѣніяхъ Современника".

[6]) Возраженіе Н. А. Мельгунова на статью Ю. Θ—ча: „О мнѣніяхъ Современника" было напечатано въ № 3 „Москвитянина" за 1847 годъ.

180.

Рига, 27 января 1848.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, третьяго дня я получилъ ваше письмо никотораго числа (видно день, въ который вы писали, былъ безъ числа) съ приложеніемъ руководства къ составленію актовъ въ 5 томахъ, билета на „Современника" и второго тома „Попеченія Православной Церкви" [1]. За все это благодарю васъ. Окажите же еще одну милость: скажите, во-первыхъ, отчего вы не прислали мнѣ перваго тома той же книги, и, во-вторыхъ, послали ли вы на почту письмо, которое я далъ вамъ въ Петербургѣ, къ Ханыкову, потому что онъ его не получалъ.

Вы хотите, чтобы я вамъ подробно и обстоятельно разсказалъ про Москву [2]), что̀ и какъ, а сами отдѣлываетесь 15-ью строками, извѣстіями въ родѣ этихъ: Барановскій ведетъ себя хорошо и пр., да еще все это на такой прозрачной бумагѣ, что я половины не разобралъ. Такъ и быть, не буду слѣдовать вашему примѣру, а васъ да казнитъ собственная ваша совѣсть. Итакъ, о Москвѣ. Я видѣлъ всѣхъ, кромѣ Хомякова, который, несмотря на мои просьбы, не пріѣхалъ изъ Тульской деревни своей, потому что не было зимняго пути, Кирѣевскихъ, которые живутъ въ деревнѣ, и Елагиныхъ. Кружокъ нашъ, противъ того, что̀ было прежде и что̀ я еще засталъ въ прошломъ году, разнится тѣмъ, что теперь уже нѣтъ кружка. Онъ совсѣмъ и, кажется, навсегда разстроился. Теперь нѣтъ двухъ человѣкъ, которые бы стояли вмѣстѣ, заодно; всѣ разбрелись врозь, и даже не удержалось пріятельскихъ отношеній, чѣмъ-нибудь не помраченныхъ. Вслѣдствіе этого и вечеровъ нѣтъ. Пятницы распались на понедѣльники и четверги, но кромѣ меня, Ча-

---

за подписью: Л—го. Возраженіе это озаглавлено такъ: „Нѣсколько словъ по поводу статьи: О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ".

[1]) Сочиненіе свящ. Григорія Дебольскаго: „Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра". Первый томъ этого сочиненія вышелъ въ 1843 г., второй—въ 1847 г.

[2]) Ю. Ѳ. Ѣздилъ въ Москву на святки и вернулся въ Ригу въ среднихъ числахъ января 1848 г.

адаева [1]), Брусилова [2]) и Панова на нихъ никого не бывало. Вотъ что! Все это произошло, мнѣ кажется и я даже увѣренъ, отъ того, что мысль, доведенная до извѣстной степени развитія, должна перейти въ дѣло, осуществиться; за отсутствіемъ общаго дѣла, потребность дѣятельности порождаетъ ссоры, люди начинаютъ не соглашаться между собою потому только, что они два года, будучи во всемъ согласны, каждый вечеръ говорили объ одномъ и томъ же и только говорили. Повторяю опять: одно дѣло можетъ связать надежно. Въ университетѣ происходили чудеса. Кавелинъ, Грановскій и Рѣдкинъ, видя, что остается Крыловъ [3]), подали въ отставку, а Шевыревъ пошелъ на попятный дворъ [4]). Каролина Карловна [5]) прославляла благородство Грановскаго, Кавелина и Рѣдкина и бранила Шевырева. Пошли толки о томъ, кто благороденъ и кто нѣтъ... Происходилъ еще какой-то обѣдъ, на которомъ будто бы Шевыревъ пилъ: pereat Stroganoff! Я не вѣрю, но западные разнесли это по городу. Пошли объясненія, оправданія, вмѣшались во все это бабы. Просто тошно! Итакъ, разладица совершенная. Теперь объ отдѣльныхъ лицахъ. Константинъ Аксаковъ почти все время моего пребыванія былъ нездоровъ. Онъ доказывалъ мнѣ, что вы совсѣмъ *изворовались*; вамъ много повредили ваши обѣды

---

[1]) См. примѣч. 2-ое къ письму за № 47.

[2]) Вѣроятно, Николай Петровичъ Брусиловъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1849 г.)—одинъ изъ второстепенныхъ писателей начала XIX вѣка, подражавшій Карамзину, издавалъ въ 1805 г. „Журналъ Россійской словесности", а въ 1848 г. написалъ интересныя воспоминанія.

[3]) Никита Ивановичъ Крыловъ (род. въ 1807 г., ум. въ 1879 г.)—проф. Московскаго университета по каѳедрѣ римскаго права.

[4]) Въ 1846 году Кавелинъ, женатый на Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ, сестрѣ Любови Ѳедоровны—жены Крылова, вмѣшался въ семейные нелады Крылова съ женою. Съ нимъ заодно были: редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" Е. Ѳ. Коршъ и ихъ друзья, профессора Рѣдкинъ и Грановскій. Желая возвысить достоинство преподавателя до идеальнаго нравственнаго уровня, они требовали удаленія Крылова изъ университета и въ 1848 г., когда выяснилось, что Крыловъ остается въ Московскомъ университетѣ, подали прошеніе объ отставкѣ. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Коршъ получили отставку, а Грановскій долженъ былъ отслужить еще два года въ Московскомъ университетѣ. С. П. Шевыревъ держалъ сперва въ этомъ дѣлѣ сторону Кавелина, Грановскаго и Рѣдкина.

[5]) Павлова, рожд. Янишъ; см. примѣч. 1-ое къ письму за № 5.

у Милютина [1]) и дружба съ Арапетовымъ [2]), Панаевымъ [3]) и прочими. Я за васъ заступился и оправдалъ васъ. Аксаковъ читалъ мнѣ свою драму [4]). Она такъ хороша, такъ превосходна, что истинно онъ не сочинялъ ее, а самъ Богъ вложилъ ему ее готовою въ душу за великую, полную его любовь къ народу и Руси. Я не стану о ней распространяться, а если она выйдетъ въ свѣтъ, то, можетъ быть, напишу о ней статью. Кромѣ того читалъ онъ мнѣ начатую статью о Карамзинѣ и другую о современной литературѣ [5]); обѣ превосходны. Вообще, Константинъ Аксаковъ растетъ и, кажется, напалъ на свою дорогу; я всячески старался убѣдить его, чтобы онъ шелъ по ней. Иванъ Аксаковъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній и началъ большую поэму: „Бродяга", которая, судя по началу, будетъ выше всего, писаннаго имъ до сихъ поръ. Вотъ, все наиболѣе отрадное. Соловьевъ задумалъ написать русскую исторію. Кажется, рано! Онъ примѣрно трудолюбивъ, но столько же самолюбивъ; съ Аксаковымъ онъ, кажется, сочувствуетъ искренно, но любитъ, чтобы его ласкали и западные. Съ Кавелинымъ я видѣлся мелькомъ у Строганова, мы встрѣтились дружески. Погодинъ, поощренный завистью къ Соловьеву, тоже сильно занимается... Чаадаевъ сдѣлался совсѣмъ свѣтскимъ человѣкомъ и скоро будетъ танцовать кадрили vis-à-vis съ Боборыкинымъ [6]). Хвалятъ очень Каткова, какъ преподавателя. Меня Аксаковы, Свербеевы приняли какъ нельзя дружелюбнѣе, западные—болѣе, чѣмъ холодно. Грановскій не от-

---

[1]) Вѣроятно, Николая Алексѣевича.

[2]) Вѣроятно, Иванъ Павловичъ Арапетовъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1887 г.), занимавшій съ 1856 г. должность директора канцеляріи министерства удѣловъ, участвовавшій въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ 1859—60 гг,

[3]) Вѣроятно, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1859 г.)—директоръ канцеляріи министерства Имп. Двора съ званіемъ статсъ-секретаря, авторъ идиллій, похвальныхъ словъ, мелкихъ стихотвореній и небольшихъ повѣстей. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь имѣется въ виду его братъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ (род. въ 1812 г., ум. въ 1862 г.)—извѣстный писатель, издатель и редакторъ „Современника".

[4]) „Освобожденіе Москвы въ 1612 г."

[5]) Статья К. С. Аксакова „О современномъ литературномъ строѣ" написанная въ 1847 году, была напечатана въ № 7 „Руси" за 1883 г.

[6]) См. примѣч. 1-ое къ письму за № 36.

далъ визита, а московскіе Нѣмцы разсказывали про меня, что изъ-за какого-нибудь чинишки или крестика продамъ свою вѣру, отца и мать. Вотъ вамъ и весь отчетъ. Подробно, не по вашему. Поклонитесь отъ меня любезному Егору Ивановичу [1]; скажите ему, что его порученіе въ Смоленскѣ исполнено. Очень обрадовались его письму. Оболенскому, Карамзинымъ, Вяземскимъ, Тютчеву, Котамъ, Данзасу—мои поклоны. Нынче уже 27-е число, а я „Москвитянина" за январь не получалъ еще. Поклонитесь отъ меня Багратіону и поблагодарите его за добрую память...

181.

Рига, 24 марта 1848.

Любезный Александръ Николаевичъ, вы вѣрно приняли участіе въ моемъ горѣ и пожалѣли о бѣдномъ Мишѣ [2]). Меня это извѣстіе поразило совершенно неожиданно. Кажется, у васъ остались его мебель и вещи. Не знаю, оставилъ ли онъ вамъ въ томъ числѣ свои бумаги. Если вамъ попадется что-нибудь, писанное его рукою, пожалуйста, отложите въ сторону... Если вещи и бумаги его у васъ уложены, то не берите на себя труда разбирать ихъ; мы это можемъ сдѣлать вмѣстѣ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Мѣсяца черезъ два я надѣюсь быть тамъ. Работа наша подвигается къ концу. Всѣ мои предположенія [3]) теперь разстраиваются событіями западными. Паспортовъ, какъ вамъ извѣстно, не выдаютъ, и я долженъ опять отказаться отъ поѣздки, которою я такъ долго утѣшалъ себя. Я рѣшился взять отпускъ и ѣхать въ деревню. Здѣсь воцарился новый генералъ-губернаторъ [4]). Его встрѣтили со всякими изъявленіями восторговъ и надеждъ; были встрѣчи, Fackelzüge, Lieder, теперь начнутся обѣды. О Головинѣ жалѣли не многіе, но жалѣли искренно и безкорыстно. Съ другой стороны сыпались на него клеветы. Запершись дома, я не былъ свидѣтелемъ и

---

[1]) Барановскому.

[2]) Михаилъ Өедоровичъ Самаринъ, братъ Ю. Ө-ча; см. примѣч. 2-е къ письму за № 134.

[3]) Т. е. предположенная поѣздка за границу осенью 1848 г.; см. письмо Ю. Ө-ча къ К. С. Аксакову отъ 10 ноября 1847 г. (№ 133).

[4]) Кн. Александръ Аркадіевичъ Суворовъ.

не слышалъ собственными ушами всего этого; черезъ это избавился отъ порчи крови. Барановскій дѣйствуетъ неутомимо и превосходно; я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе люблю и уважаю его. Слышали вы, что въ Москвѣ хотятъ издавать сборникъ выпусками? Опять неудачная попытка и новое обличеніе нашего безсилія. Скажите, пожалуйста, что̀ сталось съ драмою Аксакова и сколько вы заплатили за словарь Рейфа [1]). Мнѣ нужно здѣсь получить за него деньги. Еще просьба: попытайтесь еще разъ достать мнѣ первый томъ „Попеченія Православной Церкви о спасеніи міра". Поклонитесь отъ меня нашимъ близкимъ знакомымъ. Обнимите за меня Багратіона и скажите ему, что въ вѣкъ не забуду, какъ онъ былъ добръ до моего брата [2]). Прощайте.

182.

(Рига, 1848) [3]).

Любезный Александръ Николаевичъ, потрудитесь прилагаемое письмо прочесть Александрѣ Осиповнѣ Смирновой наединѣ или въ присутствіи Аркадія Россета, но не оставляйте его въ ея рукахъ и не давайте ей съ него копіи; затѣмъ пошлите его Погодину вмѣстѣ съ другимъ письмомъ на его же имя [4]), которое уже должно быть вамъ передано — все это, разумѣется, не по почтѣ, а съ вѣрною оказіею. Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ, поблагодарите отъ меня Александру Осиповну за ея послѣднее письмо и скажите ей, что я не отвѣчаю ей, потому что я и огорченъ

---

[1]) Ю. Ѳ. выписывалъ этотъ словарь для себя и для Петра Александровича Валуева (род. въ 1814 г., ум. въ 1890 г.), служившаго въ то время въ Ригѣ чиновникомъ особыхъ порученій при Рижскомъ генералъ-губернаторѣ.

[2]) Во время кратковременной службы Михаила Ѳедоровича Самарина въ Сенатѣ въ 1846 г.

[3]) Судя по упоминаемымъ письмамъ къ Погодину, настоящее письмо нужно отнести къ апрѣлю 1848 г.

[4]) Здѣсь разумѣются, вѣроятно, письмо и „реляція" о дѣйствіяхъ новаго генералъ-губернатора кн. Суворова, посланныя Погодину въ апрѣлѣ 1848 г.; см. письма за №№ 159 и 160.

и раздраженъ, но сдѣлаю это немедленно, когда приду въ лучшее расположеніе духа. Жду отъ васъ письма.

P. S. Барановскій пока еще держится хорошо [1]).

183.

(Москва), 30 августа 1848.

Любезный Александръ Николаевичъ,... съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхалъ [2]), я жилъ почти постоянно въ деревнѣ и только изрѣдка пріѣзжалъ для свиданія съ Катериною Александровною [3]) и Иваномъ Аксаковымъ. На-дняхъ былъ я въ гостяхъ у Сергѣя Тимоѳеевича въ Абрамцевѣ [4]). Константинъ очень хорошъ въ бородѣ и русскомъ платьѣ. Глядя на него, и Сергѣй Тимоѳеевичъ сшилъ себѣ красную рубашку. Желаніе выйти изъ отвлеченности, изъ безплоднаго словопренія и положить начало приложенію мысли надъ самимъ собою заставило Константина Аксакова надѣть русское платье. Я понимаю и уважаю побужденіе, хотя, въ моихъ глазахъ, самое дѣло имѣетъ значеніе не какъ осуществленіе мысли, а какъ опытъ, сдѣланный надъ самимъ собою; не знаю только, достанетъ ли въ немъ силы выдержать его, перенести порицаніе, насмѣшки, разрывъ съ обществомъ, о которомъ онъ толкуетъ, кажется не вполнѣ сознавая его тягость. Я читалъ имъ ваше письмо и свои письма [5]); все это имѣло большой успѣхъ. Изъ профессоровъ я видѣлся только съ Погодинымъ и съ Грановскимъ мимоходомъ... Соловьевъ готовится издать цѣлый томъ изслѣдованій, подготавливаетъ другой и будетъ просить позволенія читать нынче зимою публичныя лекціи. На-дняхъ вы получите книжицу, которую посылаетъ

---

[1]) Вѣроятно, въ виду пріѣзда кн. Суворова, опасались увольненія Е. И. Барановскаго.

[2]) Получивши 4-мѣсячный отпускъ по окончаніи службы въ Ригѣ, Ю. О. провелъ августъ 1848 г. частью въ Москвѣ, частью въ подмосковной — Измалковѣ.

[3]) Свербеевой.

[4]) Ю. Ѳ. поѣхалъ въ Абрамцево 24 августа.

[5]) Т. е. „Письма изъ Риги“.

вамъ Погодинъ [1]). Прощайте, будьте здоровы и не забывайте преданнаго вамъ Ю. Самарина.

Поклонитесь всѣмъ нашимъ. Что дѣлаетъ Егоръ Ивановичъ?

184.

(Москва), 2 ноября (1848).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ,... вы хотите, чтобы я написалъ вамъ подробно о Москвѣ. Не лучше ли оставить этотъ предметъ до личнаго съ вами свиданія? Впрочемъ, чтобъ удовлетворить вашему любопытству, сообщу вамъ нѣсколько новостей. Катерина Александровна Свербеева родила благополучно сына Михаила [2]) и находится въ удовлетворительномъ положеніи. Хомяковъ еще въ деревнѣ; я гостилъ у него подъ Тулою [3]) девять дней, которые, естественно, прошли для меня незамѣтнымъ образомъ. Онъ пишетъ журнальную статью, которой начало мнѣ прочелъ [4]). Большая работа его подвигается [5]). Онъ мнѣ читалъ изъ нея превосходные отрывки. Вамъ кланяется Трубниковъ [6]). Аксаковы переѣхали на-дняхъ. Гоголь здѣсь, живетъ пока у Погодина, довольно веселъ и отъ людей не бѣгаетъ. Каѳедру Кавелина занялъ Калачовъ [7]); первыя лекціи его были далеко не бли-

---

[1]) Вѣроятно, сочиненіе Погодина: „Розысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ съ 1054 по 1240 годъ", напечатанное въ 7-ой книжкѣ XXIII тома Журнала министерства вн. дѣлъ за 1848 г. Можетъ быть, впрочемъ, имѣется здѣсь въ виду другое сочиненіе Погодина: „Источники для удѣльнаго періода русской исторіи", напечатанное во II томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

[2]) Михаилъ Дмитріевичъ Свербеевъ (род. въ 1848 г., ум. въ 1903 г.).

[3]) Ю. Ѳ. ѣздилъ къ Хомякову, въ его тульское имѣніе Богучарово, въ октябрѣ 1848 г.

[4]) Статья: „По поводу Гумбольдта", служащая продолженіемъ его письма объ Англіи и напечатанная такъ же, какъ и это послѣднее, въ I томѣ его сочиненій. Письмо объ Англіи появилось первоначально въ іюльской книжкѣ „Москвитянина".

[5]) Т. е. „Семирамида"—Записки о всемірной исторіи.

[6]) Василій Александровичъ Трубниковъ, управляющій тульскимъ имѣніемъ А. С. Хомякова, приходившійся, кажется, сродни А. Н. Попову.

[7]) Николай Васильевичъ Калачовъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1885 г.)— историкъ-юристъ, впослѣдствіи бывшій академикомъ и сенаторомъ. Въ 1848 г. Калачовъ занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру исторіи русскаго законодательства, которую только что долженъ былъ оставить Кавелинъ.

стательны. Отъ Чижова получены извѣстія изъ Кіева и двѣ статьи о кіевскихъ древностяхъ, которыя появятся въ „Москвитянинѣ“ [1]). Онъ находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Вашъ воспитанникъ Кошелевъ [2]) уже успѣлъ избаловаться и подчасъ съ нимъ бываетъ трудно соглашаться. Я вообще мало видаюсь съ этимъ кругомъ людей. Безплодное противорѣчіе меня раздражаетъ; споръ для спора становится мнѣ невыносимъ. Не понимаю, какъ можно находить въ немъ удовольствіе, какъ скоро человѣкъ пережилъ ту пору, когда устанавливаются собственныя убѣжденія, и утратилъ надежду обратить другихъ. Аксаковъ мнѣ сказалъ, что Ханыковъ безпокоится насчетъ своей жены, которая, говорятъ, больна [3]). Я бы очень желалъ знать, лучше ли ей. Скажите отъ меня Ханыкову, что старанія мои въ пользу рижскаго училища [4]) увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Слѣдующій анекдотъ передайте также Ханыкову. Въ Московскій университетъ вступило человѣка четыре юныхъ Рижанъ. Изъ нихъ одинъ написалъ сочиненіе о народномъ характерѣ Русскихъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, „что легкость, съ которою Русскіе приняли христіанство, доказываетъ, какъ мало они были убѣждены въ его истинѣ; имъ приказали и они крестились изъ послушанія, но, окунувшись въ воду, нѣкоторые почувствовали вдругъ такую ревность, что утопились“. Авторъ увѣряетъ, что послѣдній фактъ почерпнутъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Далѣе, въ томъ же сочиненіи: „Русскіе требуютъ отъ женъ своихъ, чтобъ онѣ какъ можно больше рожали и ходили за свиньями и болѣе ничего“. Это сочиненіе было подано Шевыреву.

---

[1]) Въ ноябрьской книжкѣ „Москвитянина“ за 1848 годъ напечатанъ, за подписью Ѳ. Ч. (т. е. Ѳ. В. Чижова), разборъ книгъ, изданныхъ Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Фундуклеемъ: „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ, 1847 г.“ и „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Кіевъ, 1848 г.“

[2]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1883 г.)— другъ-сверстникъ А. С. Хомякова и И. В. Кирѣевскаго, выдающійся общественный дѣятель и публицистъ, принимавшій видное участіе въ трудахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а также въ общественной жизни Россіи 60-хъ, 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

[3]) См. примѣч. 2-е къ письму за № 170.

[4]) См. примѣч. 2-е къ письму за № 135.

Пора посылать письмо на почту. Прощайте, до скораго свиданія. Поклонитесь отъ меня Ханыкову, А. О. Смирновой и Карамзинымъ.

185.

(Москва, 1849)[1].

Вы меня сильно озадачили, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, извѣстіемъ, что я ошибся въ указаніи томовъ Полнаго Собранія Законовъ. Я имѣю все собраніе до тома XL (1825 г. № 30600) включительно, затѣмъ три тома указателей, 4 тома штатовъ и одинъ томъ тарифовъ. О пріобрѣтеніи для меня остальныхъ усерднѣйше васъ прошу. Мы получили вашу брошюру объ уголовномъ судопроизводствѣ[2], которая нашла здѣсь лестное для васъ одобреніе. Но Н. А. Мухановъ, которому вы не прислали, приказалъ вамъ объявить свое неудовольствіе; вы также забыли Бодянскаго[3]). Это письмо передастъ вамъ Чижовъ. Онъ пробудетъ въ Петербургѣ около 10 дней. Потрудитесь, передъ отъѣздомъ его, предупредить Ханыкова; можетъ быть, онъ напишетъ ко мнѣ. Извѣстіе о закрытіи университетскаго

---

[1]) Указаніе на болѣзнь Ѳ. В. Самарина, въ связи съ другими извѣстіями, сообщаемыми Ю. Ѳ—чемъ, заставляетъ отнести это письмо къ концу мая или началу іюня 1849 г.

[2]) Въ № 1 „Сѣвернаго Обозрѣнія“ за 1849 г. А. Н. Поповъ помѣстилъ продолженіе своей статьи: „Устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ“, начало которой было напечатано въ № 11 Журнала министерства народнаго просвѣщенія за 1848 г.

[3]) Осипъ Максимовичъ Бодянскій (род. въ 1808 г., ум. въ 1877 г.), профессоръ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ Московскомъ университетѣ и секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 1848 г. за напечатаніе въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“ сочиненія Флетчера о Россіи былъ уволенъ и отъ секретарства и отъ профессуры въ Московскомъ университетѣ; будучи назначенъ въ Казанскій университетъ, онъ туда не поѣхалъ и 2 января 1849 года былъ уволенъ отъ службы, но съ 22 декабря 1849 г. опредѣленъ попрежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора Московскаго университета.

[4]) Ю. Ѳ. имѣетъ въ виду закрытіе Московскаго Дворянскаго Института, возникшаго въ 1830 году по упраздненіи Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и имѣвшаго цѣлью „доставить дворянству, въ Москвѣ проживающему, постоянное средство для приготовленія юношества къ университетскому образованію подъ надзоромъ правительства“. Высочайшее повелѣніе о закрытіи Московскаго Дворянскаго Института послѣдовало 30 апрѣля 1849 г.

пансіона[4]) и объ ограниченіи числа студентовъ въ университетахъ произвело здѣсь сильное и, разумѣется, очень непріятное впечатлѣніе. Андрей Карамзинъ[1]) прогостилъ здѣсь дня 4; теперь здѣсь, также проѣздомъ, Вяземскій и Тютчевъ. Другихъ новостей нѣтъ. Вѣроятно, вы уже знаете, что всѣ бороды сбриты[2]). Я провелъ эти послѣдніе дни въ сильномъ безпокойствѣ за отца моего, который было сильно захворалъ[3]); но теперь ему стало легче, и мы скоро переберемся на дачу. Прощайте, желаю вамъ здравія тѣлеснаго и спокойствія душевнаго отъ всей души.

186.

(Измалково, іюль 1849)[4]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ,... можетъ быть до васъ уже дошелъ какимъ-нибудь путемъ слухъ о томъ, что я ходатайствую о перечисленіи меня къ Симбирскому губернатору князю Черкасскому; отвѣта я еще не получалъ, но надѣюсь, что желаніе мое исполнится. Вѣроятно, мы теперь долго не увидимся, развѣ столкнемся въ Москвѣ, куда каждый служащій пріѣзжаетъ отдохнуть. Въ ожиданіи новыхъ занятій по службѣ, я наслаждаюсь удивительнымъ лѣтомъ и занимаюсь политической экономіею и финансами. Вамъ можно это сказать, а Аксаковъ поступилъ бы со мною за это, какъ съ чернокнижникомъ. Кстати объ Аксаковѣ. Я не могу передать вамъ о немъ никакихъ извѣстій, ибо не имѣю самъ. Д. Н. Свербеевъ, по возвращеніи изъ Тулы, былъ очень боленъ, но теперь ему лучше. Гоголь ѣздилъ

---

[1]) Андрей Николаевичъ Карамзинъ; см. примѣч. 3-е къ письму за № 171.

[2]) Вскорѣ по отъѣздѣ Государя изъ Москвы, въ 20-числахъ апрѣля 1849 г., полученъ былъ въ Москвѣ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, запрещавшій дворянамъ носить бороды. Вслѣдствіе этого славянофилы, носившіе бороды, получили приказъ явиться въ полицію, чтобы дать подписку о сбритіи бороды. Ю. Θ—ча этотъ циркуляръ не касался, такъ какъ онъ, состоя на службѣ, не носилъ бороды.

[3]) Θ. В. захворалъ въ серединѣ мая 1849 г. и уже въ концѣ мая сталъ поправляться.

[4]) Слова: „я ходатайствую о перечисленіи меня къ Симбирскому губернатору" указываютъ, что это письмо относится ко второй половинѣ іюля 1849 г., когда Ю. Θ. жилъ въ подмосковной—Измалковѣ.

въ Калугу къ А. О. Смирновой и, какъ носится слухъ, читалъ ей отрывки изъ 2-ой части „Мертвыхъ Душъ". Наши, слава Богу, всѣ здоровы и вамъ кланяются, а я васъ обнимаю, желая искренно всякаго добра, здоровья и успѣховъ.

187.

(Москва, ноябрь 1849) [1]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, сколько времени не имѣлъ я отъ васъ ни строчки! Конечно, вы въ правѣ отвѣтить мнѣ тѣмъ же восклицаніемъ, но я и не придаю ему тона упрека, а просто, передъ отъѣздомъ изъ Москвы на долгую разлуку, хочу поздороваться и въ то же время проститься съ вами. Я поручилъ Хапыкову передать вамъ извѣстія о моемъ пребываніи въ Симбирскѣ. Мнѣ было тамъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Не знаю, остался ли бы я въ томъ же расположеніи духа, если бы мое пребываніе продолжилось болѣе двухъ мѣсяцевъ, но я думаю, что скука не нашла бы на меня, потому что слишкомъ много было открытыхъ путей для дѣятельности всякаго рода, не только служебной, но даже общественной. Мысль православная и русская могла бы очень привяться въ Симбирскѣ, потому что тамъ интересъ возбужденъ, а къ слову еще не прислушались. „Я слѣдилъ за вами издали, господа"—говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ—„и мнѣ было досадно глядѣть на васъ. Вмѣсто того, чтобы тратить время и губить свѣжесть убѣжденій въ безплодныхъ спорахъ, въ тѣсномъ кругу, для котораго ваша мысль стала, наконецъ, игрушкою, почему не разошлись вы по разнымъ концамъ Россіи? Здѣсь бы васъ лучше приняли и приняли бы къ сердцу ваши слова". Это правда. Два, три человѣка (Татариновъ [2]), Анненковъ [3])) заправляютъ общественнымъ мнѣніемъ и налагаютъ на все общество отпечатокъ своей мысли; вытѣснить

---

[1]) Письмо это написано Ю. Ѳ-чемъ въ Москвѣ на пути изъ Симбирска въ Кіевъ, въ среднихъ числахъ ноября 1849 г.

[2]) Вѣроятно, Александръ Николаевичъ Татариновъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1861 г.)—членъ-экспертъ Редакціонныхъ Комиссій 1859—1860 гг.

[3]) Вѣроятно, Павелъ Васильевичъ Анненковъ (род. въ 1813 г., ум. въ 1887 г.)—извѣстный издатель Пушкина и литературный критикъ.

ее ничего бы не стоило потому уже, что эта мысль, чисто-западная, выкраденная изъ иностранныхъ журналовъ, не допускаетъ никакого примѣненія къ жизни, а здѣсь гораздо живѣе, чѣмъ въ Москвѣ, ощущается потребность примѣненія. Намѣреніе князя Черкасскаго [1]), надъ которымъ мы съ вами смѣялись,—пробудить въ краѣ участіе къ мѣстнымъ интересамъ—легко можетъ осуществиться. Вопросъ объ эмансипаціи занимаетъ многихъ, и здѣсь просто не вѣрятъ, чтобы правительство было къ нему такъ равнодушно, какъ оно есть на дѣлѣ. Вѣроятно, до васъ уже дошло печальное извѣстіе о кончинѣ нашего добраго товарища Панова [2]). Онъ умеръ скоропостижно, отъ воспаленія, вслѣдствіе простуды на охотѣ. Еще однимъ меньше стало! Очень безпокоятъ меня извѣстія о Хомяковѣ. Отъ собственной его неосторожности, воспаленіе въ глазахъ опять у него усилилось и произвело нестерпимую боль. Болѣе мѣсяца сидитъ онъ въ темной комнатѣ безъ чтенія, безъ занятій, безъ куренія и, въ добавокъ, безъ сна. Такого испытанія не выдержалъ и его характеръ: говорятъ, онъ сталъ суровъ и угрюмъ; молчитъ по цѣлымъ днямъ. По дорогѣ въ Кіевъ, я заѣду къ нему. Прощайте же, любезнѣйшій другъ. Желаю вамъ успѣшно заниматься, трудиться и трудиться, такъ какъ для насъ всѣхъ, я думаю, трудъ одинъ составляетъ и назначеніе наше, и единственную отраду, и единственное убѣжище...... Россету, Тютчеву, Оболенскому, Арцимовичу [3]) кланяюсь.

168.

(Москва, ноябрь 1849) [4]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, вашу записку я получилъ сейчасъ, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ

---

[1]) Губернатора Симбирскаго кн. Петра Дмитріевича Черкасскаго; см. примѣч. 2-ое къ письму за № 137.

[2]) Василія Алексѣевича Панова; см. примѣч. 5-ое къ письму за № 88.

[3]) Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (род. въ 1820 г., ум. въ 1893 г.), исправлявшій въ то время должность оберъ-секретаря I-го департамента Сената.

[4]) Письмо это написано передъ самымъ отъѣздомъ Ю. Ѳ-ча изъ Москвы въ Кіевъ, т. е. 26 ноября 1849 г.

Москвы. Благодарю васъ очень за попеченіе ваше о моихъ финансахъ. Оставьте у себя, какія у васъ есть, мои деньги для порученій, которыя мнѣ, можетъ быть, придется возложить на васъ. Не хорошо только то, что вы какъ будто унываете и клевещете на себя. Посмотрѣли бы вы, какъ бодро и весело я пускаюсь въ дальній путь и въ незнакомую сторону. Да хранитъ васъ Богъ и удаляетъ отъ васъ духъ праздности и унынія! А я васъ крѣпко обнимаю.

189.

(Кіевъ), 1 января 1850.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, Чижовъ передалъ мнѣ къ точному и непремѣнному исполненію ваши порученія; но изъ всѣхъ затребованныхъ вами книгъ я нашелъ только исторію Пскова [1]), притомъ единственный экземпляръ и въ довольно неопрятномъ видѣ. Вы должны знать, что у насъ всего труднѣе доставать книги тамъ, гдѣ онѣ изданы. Къ тому же, наканунѣ моего пріѣзда [2]), вся Лаврская библіотека и типографія сгорѣли до тла. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ. Дай Богъ намъ увидѣться въ 1850 году и дожить до болѣе спокойныхъ временъ!

190.

(Кіевъ, 1850) [3]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, я вамъ послалъ по почтѣ два тома Курбскаго [4]); по полученіи, увѣдомьте меня, это необходимо по причинѣ чрезвычайной неаккуратности здѣшней почты. Эти памятники въ высшей степени любопытны. Они дорисовываютъ замѣчательный образъ Курб-

---

1) Сочиненіе митрополита Евгенія: „Исторія княжества Псковскаго. Кіевъ, 1831 г.".

2) Ю. Ѳ. пріѣхалъ въ Кіевъ 2 декабря 1849 г.

3) Это письмо, судя по тому мѣсту, гдѣ говорится о первыхъ работахъ, заданныхъ ген.-губ. Бибиковымъ Ю. Ѳ-чу, относится къ началу апрѣля 1850 г., такъ какъ Бибиковъ вернулся въ Кіевъ изъ Петербурга, повидимому, въ концѣ марта (ср. письмо за № 218).

4) Здѣсь имѣется въ виду: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. — Акты, изданные Временною Коммиссіею, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ, 1849 г."

скаго и выводятъ такую обстановку, такой общественный бытъ, какого почти нельзя вообразить себѣ. Странная была земля эта—Литва и Польша! Полный разгулъ своеволія сдѣлался какъ бы условіемъ ея нормальнаго состоянія, и это опять таки—не феодальный міръ, а что-то особенное. Неограниченное самоуправство идетъ рядомъ съ утонченною ябедою. Всего болѣе поражаетъ крушеніе семейства. Впрочемъ, объ этомъ нечего распространяться.—Я уже отчасти обжился въ Кіевѣ. Знакомыхъ у меня немного, и тѣ разъѣзжаются. Галаганъ [1]) уѣхалъ вчера въ деревню. Чижовъ скоро ѣдетъ на шелковичную плантацію, которою онъ серіозно занимается. Остается Ригельманъ и два-три человѣка... Какъ хороша здѣсь природа! Весна—въ полномъ расцвѣтѣ. Воздухъ тепелъ и чистъ. Днѣпръ разлился великолѣпно, и я по цѣлымъ часамъ любуюсь на него съ горы. Мои отношенія къ генералъ-губернатору [2]) до сихъ поръ очень хороши. Онъ мнѣ задалъ кое-какія работы больше для испытанія меня. Теперь я изучаю разныя весьма интересныя дѣла, особенно инвентари. Начало сдѣлано и, что̀ бы ни говорили, оно удалось. Что̀ бы вамъ пріѣхать на лѣто погостить въ Кіевъ? Дорога хороша, а вамъ освѣжиться нужно. Квартира моя не велика, но всё-таки уголокъ для васъ будетъ. Теперь у насъ гоститъ А. Н. Муравьевъ [3]), пріѣхавшій съ Востока; завтра я долженъ съ нимъ вмѣстѣ провести вечеръ. Прощайте и не забывайте меня. Я почти ни отъ кого не имѣю писемъ. Подчасъ становится скучно. Поклонитесь отъ меня А. О. Смирновой и всѣмъ нашимъ знакомымъ. Это письмо, вѣроятно, дойдетъ до васъ не раньше праздника [4]), такъ что васъ можно обнять заочно и поздравить. Пере-

---

[1]) Григорій Павловичъ Галаганъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1888 г.), членъ-экспертъ Редакціонныхъ Комиссій 1859—1860 гг., въ 1850 г. былъ Борзенскимъ (Черниг. губ.) предводителемъ дворянства.

[2]) Дмитрію Гавриловичу Бибикову; см. примѣч. 9-ое къ письму за № 141.

[3]) Андрей Николаевичъ Муравьевъ (род. въ 1805 г., ум. въ 1874 г.)—извѣстный духовный писатель (авторъ „Правды Вселенской церкви о Римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ“, „Путешествія по святымъ мѣстамъ русскимъ“) и ревнитель церковнаго благочинія, младшій братъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго.

[4]) Пасха была въ этомъ году 23 апрѣля.

дайте прилагаемую записку камердинеру кн. Петра Мещерскаго—Руссову.

191.

(Кіевъ), 6 апрѣля 1850.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, благодарю васъ за дворцовыя записки [1]) и прошу васъ прислать мнѣ еще одинъ экземпляръ на мой счетъ для одного изъ здѣшнихъ моихъ пріятелей. Посылаю вамъ еще книжку о кіевскихъ достопримѣчательностяхъ[2])... Скоро я надѣюсь прислать вамъ „Кіевлянина", издаваемаго Максимовичемъ въ Москвѣ [3]). У насъ теперь гоститъ Андрей Муравьевъ, который производитъ необычайный эффектъ... распекаетъ духовенство, критикуетъ ходъ службы церковной и т. п. Чижовъ вчера уѣхалъ въ Одессу за коконами, а оттуда проѣдетъ на свои шелковичныя плантаціи. Мало-по-малу всѣ разъѣзжаются, и мнѣ предстоитъ провести лѣто въ совершенномъ одиночествѣ, которое надѣюсь употребить съ пользою. Изъ Москвы я не имѣю ровно никакихъ извѣстій. Поклонитесь всѣмъ нашимъ знакомымъ. Хотя поздно, посылаю вамъ братскій привѣтъ: Христосъ воскресе! и обнимаю васъ отъ сердца.

P. S. Я получилъ третьяго дня письмо отъ Дмитрія Толстого, съ которымъ вы, вѣроятно, видаетесь. Скажите ему, что я не отвѣчаю на его имя прямо, потому что не знаю его адреса, что я очень охотно беру на себя его порученіе, но не имѣю большихъ надеждъ на успѣхъ. Книжку о кіевской святынѣ пошлю по будущей почтѣ. Если вы не совсѣмъ еще утратили, живя въ Петербургѣ, сочувствіе къ природѣ, то пріѣзжайте на лѣто сюда. Чтò за зелень, чтò за ночи, чтò за соловьи!

---

[1]) Въ 1850 г. изданъ былъ II Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. Канцеляріи, по Высочайшему повелѣнію, первый томъ „Дворцовыхъ разрядовъ". Въ этомъ изданіи дѣятельное участіе принималъ А. Н. Поповъ.

[2]) Вѣроятно, „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ", изд. И. И. Фундуклеемъ въ Кіевѣ, въ 1847 г.

[3]) Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1873 г.), сперва, съ 1827 по 1834 г., преподаватель и профессоръ ботаники въ Московскомъ университетѣ, а съ 1834 по 1845 г. профессоръ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, предпринялъ въ 1850 году, въ Москвѣ, изданіе журнала „Кіевлянинъ".

192.

Кіевъ, 6 августа 1851.

Любезный Поповъ, я получилъ твое дружеское письмо отъ неопредѣленнаго числа Видно такой выдался день безъ числа. Да и квартира твоя должно быть безыменная, потому что ты и адреса не выставилъ, но въ этомъ отношеніи вывелъ изъ затрудненія Княжескій, который былъ здѣсь проѣздомъ. То, что ты пишешь о себѣ, удивительно какъ примѣняется ко мнѣ; и я живу въ прошедшемъ, чувствую, что кругъ людей, съ которыми я близокъ, навсегда очерченъ, что время сближеній прошло, что впереди можетъ быть хуже, лучше, чѣмъ въ прошломъ - ни въ какомъ случаѣ. Къ этому примѣшиваются припадки старой моей болѣзни—хандры, въ формѣ мучительной недовѣрчивости къ самому себѣ. Это чувство вообще тягостно, но оно становится несноснымъ при усиленныхъ занятіяхъ, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться. Въ этомъ-то состояніи соорудилъ я крайне неудачный проектъ о сокращеніи переписки. Работаю я черезъ силы, по 12 и 14 часовъ въ сутки, и безъ проку; все какъ-то измѣнило мнѣ вдругъ: и память, и соображеніе, и способность борзописанія. Неспособность моя править канцеляріею[1]) теперь дознана. Однимъ словомъ—не хорошо, да и только. Извѣстія, доходившія до меня стороною о Свербеевыхъ, меня ужасно безпокоили. На-дняхъ, однако, я получилъ отъ Катерины Александровны записку нѣсколько успокоительную. Лишь бы только они успѣли поскорѣе выбраться за границу Лучшаго средства, кажется, быть не можетъ. Что за вздоръ, что у тебя грудная болѣзнь; этого быть не можетъ; ты вовсе не такимъ смотришь. У меня здѣсь гостилъ Ханыковъ[2]) три дня; онъ все такой же живчикъ. Теперь у меня гостятъ братья[3]). Здѣсь, въ Кіевѣ, Паль-

---

[1]) См. примѣч. 3-ье къ письму за № 140.

[2]) Вѣроятно, Николай Владиміровичъ Ханыковъ (род. въ 1822 г., ум. въ 1878 г.), извѣстный оріенталистъ и писатель этнографъ, служилъ въ это время на Кавказѣ въ дипломатической канцеляріи главнаго управленія въ Закавказскомъ краѣ.

[3]) Владиміръ и Николай.

меръ [1]), пріѣхавшій изъ Греціи, куда онъ опять отправляется. Я случайно узналъ о его пріѣздѣ; очень бы хотѣлось съ нимъ познакомиться, но не знаю, какъ это сдѣлать. Нѣсколько времени тому назадъ я пріобрѣлъ для тебя великолѣпную литохромію, изданную въ Парижѣ, византійскаго образа кіевской Божіей Матери, но она такъ велика, что я не знаю, какъ ее отправить... Если бъ не занятія, не хандра и разныя заботы, какъ бы можно было великолѣпно жить въ Малороссіи! Лѣто было чудесное. Во всемъ изобиліе, дичи бездна, но все это не для насъ, осужденныхъ на сидячую жизнь.

Durum, sed levius fit patientia
Quidquid corrigere est nefas [2])!

Прощай, береги себя, не унывай и не забывай друзей.

P. S. Если А. О. Смирнова проѣдетъ черезъ Москву [3]), поклонись отъ меня и узнай ея адресъ, куда къ ней писать.

Слышалъ ли ты, что Егоръ Ивановичъ [4]) потерялъ мѣсто?

193.

(Кіевъ), 4 февраля 1852.

Любезный Поповъ, благодарю тебя, что ты меня вспомнилъ. Грустно было для меня впечатлѣніе твоего письма. *Exeunt omnes!* Вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ жены Хапыкова [5]), узналъ я, что Катерина Михайловна Хомякова [6]) отдала душу Богу. Бѣдный Алексѣй Степановичъ, говорятъ, убитъ горемъ. Какъ рѣдѣетъ кругъ нашихъ близкихъ знакомыхъ, рѣдѣетъ и не восполняется вновь! По крайней мѣрѣ такъ для меня. Если Яковъ Владиміровичъ еще въ Петер-

---

[1]) Виліамъ Пальмеръ (род. въ 1811 г., ум. въ 1879 г.)—діаконъ англиканской церкви, искавшій въ это время присоединенія къ Православной Церкви безъ перекрещиванія, чего требовалъ константинопольскій патріархъ, и, не получивши на это согласія, перешедшій въ католичество.

[2]) Horatius, Carm. I, 24.

[3]) Изъ с. Спасскаго Бронницкаго уѣзда Московской губ. въ Петербургъ.

[4]) Барановскій.

[5]) Якова Владиміровича Хапыкова.

[6]) Супруга А. С. Хомякова Екатерина Михайловна, рожд. Языкова, сестра поэта, скончалась 26 января 1852 г.

бургѣ, скажи ему, что я не писалъ къ нему потому только, что не надѣялся, чтобы письмо мое застало его въ Петербургѣ. Онъ найдетъ письмо отъ меня въ Москвѣ. Поклонись отъ меня Александрѣ Осиповнѣ [1]). Грустно мнѣ слышать, что она опять нездорова; она было, повидимому, поправилась. Я ей не пишу теперь единственно потому, что чувствую, что я не въ состояніи написать письма, которое бы не навело на нее еще большей тоски. Хочу проситься въ отпускъ въ Москву [2]), и если меня отпустятъ, то я на нѣсколько дней заверну въ Петербургъ собственно для свиданія съ нею и съ тобою. Время мое проходитъ въ тяжелыхъ, безпрерывныхъ, спасительныхъ занятіяхъ. Собственно только теперь ознакомился я съ служебною практикою и убѣдился, до какой степени я въ ней невѣжда. Служба меня занимаетъ, какъ школа; затѣмъ, развлеченіе одно и то рѣдкое — охота. Общества—никакого; пріятелей нѣтъ, есть только партнеры для ералаша. Чижовъ уѣхалъ въ Москву и Кострому. Первые шаги его на поприщѣ промышленности не были удачны; но предпріятіе должно пойти хорошо. Прощай. Авось, до скораго свиданія. Обнимаю тебя. Поклонись всѣмъ знакомымъ нашимъ.

---

[1]) Смирновой.

[2]) Ю. Ѳ. получилъ двухмѣсячный отпускъ 9 февраля и въ половинѣ февраля былъ уже въ Москвѣ. Въ началѣ марта Ю. Ѳ. ѣздилъ изъ Москвы въ Петербургъ.

VIII.

Къ родителямъ.

194.

Петербургъ, 7 сентября (1844).

Два письмеца я получилъ отъ васъ, любезный папенька, на которыя не успѣлъ еще отвѣчать. Въ одномъ изъ нихъ вы мнѣ даете совѣтъ обратить вниманіе на то, какъ легко и скоро мнѣ удалось попасть въ тотъ кругъ людей, который усвоиваетъ себѣ названіе свѣта [1])... Не разъ уже я размышлялъ о новомъ моемъ положеніи; но, признаюсь вамъ, я принимаю его только съ покорностью и не какъ непредвидѣнное счастіе, а какъ тяжелое испытаніе, котораго я страшился. Такъ называемый свѣтъ давно мнѣ надоѣлъ; еще будучи въ Москвѣ, я внутренно съ нимъ разстался навсегда. Я говорю вамъ это не въ минуту оскорбленнаго самолюбія, не съ досады, а съ духомъ совершенно спокойнымъ и послѣ долгихъ размышленій. Я никогда не любилъ свѣта; но было время, когда онъ сильно занималъ меня; много годовъ сряду я былъ подъ его вліяніемъ и служилъ ему, покоряясь всѣмъ его предразсудкамъ, говорилъ и дѣйствовалъ вопреки моимъ убѣжденіямъ. За эту глупую и опасную игру я дорого поплатился. Сердце мое сжалось и высохло. Слава Богу, это время прошло, съ пользою или безъ пользы — это сказать трудно. Испытанный вредъ дѣлаетъ человѣка осторожнымъ; но не было необходимости добровольно подвергать себя испытанію. Теперь я вовсе не гожусь для свѣта. Его приманки меня не соблазняютъ; все въ немъ меня оскорбля-

---

[1]) Ю. Ѳ. еще только мѣсяцъ жилъ въ Петербургѣ.

етъ; въ душѣ остается пустота, скука и горькое сознаніе, что пропадаетъ даромъ дорогое время. Съ московскимъ свѣтомъ я еще могъ бы ужиться, онъ не взыскателенъ; но съ здѣшнимъ шутить нельзя: ему надобно предаться вполнѣ; на томъ скатѣ, на которомъ я стою, трудно остановиться. Я отнюдь не дикъ и люблю общество, только не такое. Нужно, чтобы оно доставляло, если не развлеченіе, то отдыхъ; а здѣсь это—не отдыхъ, а тяжелая и безплодная работа. За двумя зайцами гнаться нельзя; нельзя искать успѣховъ во всемъ. Свѣтъ и ученыя занятія — двѣ вещи несовмѣстимыя. Отвѣдавъ той и другой, я теперь уже могъ выбирать, и выборъ мой сдѣланъ...

195.

(St.-Pétersbourg), 15 décembre 1844.

Mon cher papa, cette lettre vous sera remise par Georges Obolensky, qui vous donnera en même temps de mes nouvelles. J'avais l'intention de vous écrire au long et peut-être l'aurais-je fait, si j'avais su quelque temps d'avance, qu'il partirait. Au reste qu'aurais-je pu vous dire? Je suppose que les sales commérages du monde ne vous intéressent pas, ceux de la Cour encore moins. Je n'ai non plus rien de nouveau à vous dire sur mon service. Je continue toujours à faire des rapports, то-есть перевожу готовыя дѣла съ сѣрой бумаги на бѣлую съ прибавленіемъ знаковъ препинанія. Кромѣ Данзаса[1]), котораго я видаю раза два въ мѣсяцъ, я ни съ кѣмъ не имѣю дѣла. Изъ новостей правительственныхъ сообщу вамъ двѣ. Въ составъ новаго городового положенія войдетъ постановленіе, по которому право избирать городского голову распространено будетъ и на дворянъ и вообще на всѣхъ, обладающихъ извѣстнымъ недвижимымъ капиталомъ въ городѣ и платящихъ опредѣленную повинность; также распространено будетъ право быть избраннымъ[2]). Это—важное улучше-

---

[1]) Борисъ Карловичъ Данзасъ былъ въ то время директоромъ департамента министерства юстиціи; см. примѣч. 3-е къ письму за № 167.

[2]) Рѣчь идетъ о новомъ городовомъ положеніи, которое составлялось въ это время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и которое было примѣнено съ 1846 г. только къ Петербургу. Согласно этому положенію

ніе. Слышали ли вы, что всѣ предводители, губернаторы и т. д. получили циркуляръ, которымъ предписывается имъ заняться разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, какъ бы уравнять цѣны на хлѣбъ. Этотъ циркуляръ разосланъ по поводу проекта, представленнаго Государю Мальцовымъ [1]). Сколько я могу судить, проектъ этотъ простъ и вполнѣ достигаетъ цѣли. Поговариваютъ еще о проектѣ, представленномъ Государю Барятинскимъ [2]); этотъ—въ другомъ родѣ и столько же нелѣпъ, сколько проектъ Мальцова хорошъ. Дѣло идетъ объ учрежденіи маіоратствъ, о раздѣленіи дворянства на высшее и низшее, о новыхъ привилегіяхъ и т. п. Передайте княгинѣ Гагариной черезъ Marin или какъ лучше придумаете, что въ Государственный Совѣтъ поступило дѣло о Бакунинѣ, Головинѣ, кн. Ѳ. Голицынѣ и Иванѣ Гагаринѣ [3]). Какія будутъ приняты мѣры—неизвѣстно; но нужно, чтобы родители его узнали объ этомъ заранѣе, чтобъ указъ не засталъ ихъ врасплохъ...

дворяне потомственные и личные, владѣющіе въ городѣ недвижимою собственностью, входили въ составъ самоуправляющагося городского общества, тогда какъ, по общему, въ то время дѣйствовавшему закону, къ городскимъ обывателямъ, составлявшимъ городское самоуправляющееся общество, принадлежали только купцы, почетные граждане, мѣщане и ремесленники.

[1]) Въ 1844 году полковникъ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ, сынъ Ивана Акимовича (см. примѣч. 2-ое къ письму за № 196), впослѣдствіи генералъ-маіоръ, извѣстный заводчикъ (род. въ 1809 г., ум. въ 1893 г.), представилъ правительству проектъ о выдачѣ займовъ подъ залогъ хлѣба. Проектъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Министръ вн. дѣлъ придавалъ ему большое значеніе, будучи того мнѣнія, что осуществленіе этого проекта можетъ способствовать регулированію цѣнъ на хлѣбъ и образованію хлѣбныхъ запасовъ. Дѣло продолжалось до 1850 г., когда было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

[2]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, кн. Александръ Ивановичъ Барятинскій (род. въ 1815 г., ум. въ 1879 г.)—будущій фельдмаршалъ, въ то время состоявшій адъютантомъ Наслѣдника.

[3]) Въ 1844 г. въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривались дѣла о кол. секр. Иванѣ Головинѣ и прапорщикѣ Михаилѣ Бакунинѣ, судимыхъ за невозвращеніе изъ-за границы вопреки Высочайшей волѣ, а въ 1845 г.—о кол. ас. кн. Ѳедорѣ Александровичѣ Голицынѣ, судимомъ также за невозвращеніе изъ-за границы вопреки требованію правительства. Гагаринъ въ „Описи дѣлъ архива Государственнаго Совѣта“ не указанъ. Иванъ Гавриловичъ Головинъ (род. въ 1816 г., ум. въ 1883 г.), публицистъ, служилъ въ министерствѣ иностр. дѣлъ, въ 1845 г. перешелъ въ англій-

196.

(Петербургъ), 21 декабря 1844.

Любезный папенька,..... вы спрашиваете меня, въ чемъ состоятъ мои занятія по службѣ. Мнѣ присылаютъ изъ департамента въ запечатанныхъ конвертахъ дѣла, поступающія изъ Сената, т. е. докладныя записки съ сенатскими опредѣленіями. Я составляю изъ нихъ извлеченія, разбиваю нескладные, безконечные періоды на нѣсколько коротенькихъ, исключаю повторенія и риторическія прикрасы, повѣряю ссылки на Сводъ Законовъ, потомъ даю свое мнѣніе. Все это поступаетъ прямо къ Данзасу, который перечитываетъ, иногда совѣтуетъ кое-что дополнить, исключить или перемѣнить, и, наконецъ, все это поступаетъ къ гр. Панину. Дальнѣйшая участь моихъ докладовъ мнѣ неизвѣстна. Что до моихъ ученыхъ занятій, то я могу отдать вамъ отчетъ въ нихъ въ двухъ словахъ: я занимаюсь русскою исторіею, древнѣйшимъ періодомъ, читаю лѣтописи. Я думаю, вы должны были вчера получить отъ меня письмо; къ тому, что̀ я писалъ тогда, я ничего не могу прибавить. Нынче молодые люди, цвѣтъ петербургскаго юношества, даютъ дамамъ пикъ-никъ на Островахъ. Будетъ катанье, обѣдъ и танцы. Съ меня содрали 105 р., и этимъ я купилъ право не ѣхать. По этому случаю много произошло хлопотъ; дамы перессорились, мужья въ претензіи и т. д. Сейчасъ былъ у меня Кутузовъ [1]) и звалъ нынче на вечеръ къ Рибопьеру.

ское подданство; его книга La Russie sous Nicolas I (1845 г.) лишила его возможности возвратиться въ Россію; прощенный Имп. Александромъ II, онъ, однако, не вернулся на родину. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ (род. въ 1814 г., ум. въ 1876 г.)—извѣстный агитаторъ-анархистъ, въ то время сблизившійся съ нѣмецкими радикалами и соціалистическими кружками. Кн. Ѳедоръ Александровичъ Голицынъ (род. въ 1805 г., ум. въ 1847 г.) перешелъ въ католичество и поступилъ волонтеромъ въ папскія войска. Кн. Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, другъ дѣтства Юрія Ѳедоровича, перешелъ въ католичество и сдѣлался іезуитомъ.

[1]) Вѣроятно, гр. Василій Павловичъ Голенищевъ-Кутузовъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1873 г.), отставной полковникъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, военный агентъ въ Берлинѣ; онъ былъ женатъ на Софьѣ Александровнѣ Рибопьеръ, дочери бывшаго посла въ Константинополѣ и Берлинѣ, оберъ-камергера, члена Государственнаго Совѣта, съ 1856 г. графа Александра Ивановича Рибопьера (род. въ 1783 г., ум. въ 1865 г.).

Отъ Ив. Ак. Мальцова [1]) я получилъ брошюру Павлова, котораго благодарю, что вспомнилъ обо мнѣ...

197.

(Петербургъ), 29 декабря 1844.

Любезные папенька, маменька, Маша, Миша, Володя, Николенька, Петя и Митя, это письмо вы, вѣроятно, получите 1-го января 1845 года. Итакъ, поздравляю васъ всѣхъ съ новымъ годомъ, всѣмъ желаю здоровья, душевнаго спокойствія и мира, а каждому въ особенности, что̀ кому пріятно и нужно. Здѣсь нѣтъ ничего новаго, кромѣ назначенія гр. Воронцова на Кавказъ [2]), о которомъ вы, вѣроятно, уже узнали... Володю и Мишу благодарю за письма и прошу не сердиться, если я не отвѣчаю по этой почтѣ и отлагаю до слѣдующаго раза. Судя по тому, что̀ мнѣ пишетъ Володя, лекціи Шевырева [3]) не имѣли полнаго успѣха. Я такъ и полагалъ, что усердіе не по разуму повредитъ ему, и что онъ пересолитъ. Простоты не достаетъ ему...

198.

(Петербургъ), 9 января 1845.

Любезный папенька,..... въ вашемъ письмѣ вы пишете: „молодости суждено заплатить дань страстямъ, да не надобно же забывать свой домъ и своихъ друзей“. Эти строки меня бы огорчили глубоко, если бы я видѣлъ въ нихъ мысль, внушенную именно мною, а не наставленіе вообще, подобное тѣмъ, которыя обыкновенно даются молодымъ людямъ. Согласитесь сами, что ко мнѣ онѣ не идутъ. Когда и въ какихъ обстоятельствахъ я представился вамъ человѣкомъ страстнымъ, легко увлекающимся? Я не намѣренъ хвалить себя за то, въ чемъ съ моей стороны вовсе нѣтъ заслуги. Но скажите сами: можете ли вы упрекнуть меня въ одномъ изъ тѣхъ проступ-

---

[1]) Иванъ Акимовичъ Мальцовъ (род. въ 1774 г., ум. въ 1853 г.)—крупный помѣщикъ Орловской губ., извѣстный сельскій хозяинъ и заводчикъ.

[2]) Т. е. назначенія гр. Михаила Семеновича Воронцова (род. въ 1781 г., ум. въ 1856 г.) намѣстникомъ Кавказскимъ.

[3]) Публичный курсъ объ исторіи русской словесности, преимущественно древней.

ковъ или въ одной изъ тѣхъ шалостей, въ которыя непремѣнно впадаютъ молодые люди? Я до 25-лѣтняго возраста былъ неотлучно при васъ; кажется, страсти могли бы обнаружиться. Нашли ли вы во мнѣ хоть какой-нибудь ихъ признакъ: мотовство, безпорядочный образъ жизни, отсутствіе серьезныхъ занятій и т. п.? Замѣтили ли вы во мнѣ особенную склонность къ молодымъ людямъ? Кажется, ничего подобнаго во мнѣ не было. Между тѣмъ странно, что въ то время, когда другіе удивляются моей безстрастности, въ семействѣ я слыву пылкимъ ребенкомъ. Скоро минетъ мнѣ 26 лѣтъ; первая молодость прошла, и я не насладился ею такъ, какъ наслаждались ею другіе, я не былъ никогда молодымъ человѣкомъ въ обыкновенномъ значеніи слова. Не думайте, чтобы я жалѣлъ объ этомъ. Потому ли такъ называемыя пылкія страсти молодости почти не оставили слѣдовъ въ моей жизни, что ихъ во мнѣ не было, или воспитаніе, образъ жизни и занятія другого рода не дали имъ развернуться—я не знаю; но знаю, что какія во мнѣ были желанія, надежды и мечты давно слились въ одну любовь къ наукѣ, въ одну потребность знанія и распространенія познаннаго. Это такъ. Все остальное замолкло. Вы думаете, что я забылъ родной домъ и близкихъ людей. Если бъ вы могли перенестись въ мое положеніе и понять всю тягость моего одиночества душевнаго и умственнаго въ Петербургѣ, если бъ вы ощутили это совершенное отсутствіе сочувствія, вы бы не сказали этого... [1]). Но довольно объ этомъ... Что до вашихъ опасеній и грустныхъ размышленій насчетъ домашняго воспитанія, я, признаюсь вамъ, нахожу, что они не совсѣмъ основательны. До сихъ поръ все шло хорошо, хотя могло бы итти лучше; все, что можно было сдѣлать, было сдѣлано; слава Богу, ученье идетъ хорошо помимо гувернера; нравственному образованію положена добрая основа. Теперь дѣло пойдетъ само собою. Какого бы мы теперь ни добыли гувернера, большого вліянія на дѣтей онъ имѣть не будетъ потому, во-первыхъ, что ужъ они не ребята и успѣли привыкнуть къ Ивану Петровичу, и потому

[1]) Точки въ подлинникѣ.

еще, что ихъ трое, и, слѣдовательно, взаимное вліяніе одного на другого ослабляетъ вліяніе наставника на каждаго. По мнѣ и то хорошо, что нынѣшній гувернеръ при всей своей глупости не научилъ ихъ дурному и не офранцузилъ. Умные-то бываютъ часто хуже и опаснѣе дураковъ. Надѣюсь на-дняхъ дать вамъ подробныя свѣдѣнія о m-r Lévrier[1]). Новаго ничего нѣтъ. Я черезъ день ѣзжу къ Данзасу, который все еще не успѣлъ очистить мнѣ мѣста. Это не должно васъ удивлять. Всѣ мѣста заняты; на каждое мѣсто по десяти охотниковъ, и нѣтъ почти примѣра, чтобы кто-нибудь сразу получилъ штатное мѣсто...

199.

(Петербургъ), 21 февраля 1845.

Любезный папенька,..... изъ вашего отвѣта на вторую часть моего письма, въ которой я говорилъ о своей молодости, я вижу подтвержденіе необъяснимаго для меня разномыслія между нами. Вы, кажется, должны знать меня такъ же хорошо, какъ я самъ, между тѣмъ странно, что я совсѣмъ не такъ понимаю всю прошлую жизнь мою, какъ вы. Я не только не отрицаю, но вполнѣ и съ глубокою благодарностью признаю вліяніе, которое имѣло на меня воспитаніе; но тѣхъ переломовъ, тѣхъ признаковъ пылкихъ, но подавленныхъ страстей я рѣшительно не помню въ моемъ прошедшемъ и не нахожу въ настоящемъ. Какъ протекала моя жизнь въ Москвѣ, въ семейномъ кругу, такъ она течетъ теперь, только безотраднѣе; прибавилось только ощущеніе какой-то пустоты. Я писалъ къ вамъ, что я не насладился моею молодостію въ обыкновенномъ значеніи слова, но вы не такъ поняли мои слова: это было сказано безъ сожалѣнія. Во-первыхъ, эта мысль пришла мнѣ не теперь, я это зналъ и чувствовалъ давно, чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что это къ лучшему, что такъ быть должно. Чтобы понять заманчивость тревогъ и наслажденій жизни, мнѣ не нужно было ѣхать въ Петербургъ; чтобъ отказаться отъ нихъ и понять, что они не для меня,

---

[1]) Гувернеръ, котораго Ю. Ѳ. предлагалъ взять для младшихъ своихъ братьевъ.

мнѣ стоило только вслушаться въ внутренній голосъ, который еще издѣтства доходилъ до меня изъ другой стороны. Вы удивитесь и не повѣрите, если я скажу вамъ, какъ рано я это понялъ. Въ то время, какъ я поступилъ въ университетъ, для меня стало ясно, что мнѣ слѣдуетъ принести великую жертву и отказаться отъ многаго. Съ тѣхъ поръ и несмотря на минутныя, кратковременныя увлеченія это сознаніе меня никогда не покидало. Испытаніе, которое по вашему мнѣнію только что начинается для меня, на самомъ дѣлѣ уже давно кончилось, навсегда. Въ заключеніе этихъ объясненій я скажу вамъ, что хотя, конечно, мнѣ тяжело и непріятно говорить объ иныхъ предметахъ, хотя жаль мнѣ, что вы такъ ошибочно судите и обо мнѣ и о другихъ, но минутная досада во мнѣ прошла безъ слѣдовъ. Мнѣ жаль, что она имѣла мѣсто. Теперь осталось во мнѣ одно чувство благодарности, любви къ вамъ, сожалѣнія о безвинно причиненномъ вамъ безпокойствѣ. Отъ всей души обнимаю васъ. Я очень понимаю, что наставленія, безпокойства, даже всѣ заблужденія ваши на мой счетъ происходятъ отъ любви...

200.

(Петербургъ), 23 марта 1845.

Любезный папенька, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы увѣщаваете меня вооружиться терпѣніемъ для преодолѣнія сухого и скучнаго труда. Признаюсь, очень интересныхъ занятій, такихъ, которыя требовали бы сильнаго участія мысли, я и не ждалъ. Но сухость труда меня никогда не пугала; по цѣлымъ мѣсяцамъ мнѣ случалось дѣлать выписки изъ какой-нибудь лѣтописи. Пугаетъ и сокрушаетъ меня не сухость, а безплодность труда. Вы боитесь, чтобы я не вышелъ изъ 1-го департамента съ одностороннимъ образованіемъ. Это неизбѣжно; но иначе и быть не можетъ. Перейди я въ межевой департаментъ, я узнаю одну частичку межевыхъ дѣлъ; перейди я въ уголовный, я также узнаю порядокъ дѣлъ по одному какому-нибудь роду преступленій и т. д. Вспомните, что во всякомъ случаѣ я узнаю только одну, очень стѣсненную категорію дѣлъ, притомъ узнаю только тѣ, которыя идутъ черезъ мои руки. А много ли прой-

детъ дѣлъ черезъ руки одного человѣка?—„Москвитянинъ" дѣйствительно поднялся [1]). Я получаю его, но не успѣлъ еще прочесть всего 2 №. Статьи о промышленности я еще не читалъ [2]), а прочелъ я лекціи Линовскаго [3]), которыя чрезвычайно интересны по содержанію и замѣчательны по живости изложенія. Неловко заводить спора по перепискѣ, иначе я представилъ бы вамъ возраженія на проектъ Розенштрауха. Во-первыхъ, все, что было сказано противъ проекта Мальцовскаго, можно сказать противъ него. Кромѣ того, онъ несравненно многосложнѣе и предполагаетъ болѣе самопожертвованія со стороны правительства и несравненно болѣе знанія дѣла, точности и безкорыстія со стороны частныхъ лицъ. Какъ скоро я выѣду, я доставлю ваше письмо ко мнѣ П. А. Тучкову [4]); теперь же я сижу дома. Третьяго дня я слегка простудился и потому вчерашній день просидѣлъ дома; можетъ быть выѣду завтра или послѣ завтра. Новостей, кромѣ печальныхъ, нѣтъ. Жена кн. Григорія Гагарина [5]) при смерти; говорятъ, что уже нѣтъ надежды спасти ее. У Перовскаго Василія Алексѣевича [6]) сдѣлался на

---

[1]) Въ это время „Москвитянинъ" выходилъ подъ редакціей И. В. Кирѣевскаго.

[2]) „О мануфактурной промышленности Россіи въ отношеніи ея къ общей производительности и къ быту низшихъ классовъ народа"—статья, помѣщенная въ 1-ой книгѣ „Москвитянина" за 1845 г.

[3]) Ярославъ Альбертовичъ Линовскій (род. въ 1818 г., ум. въ 1846 г.), профессоръ сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ съ 1844 г., въ 1845 г. напечаталъ: „Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, составляющія курсъ этой науки, публично преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ 1844—45 академическомъ году". Подъ лекціями Ю. Ѳ. разумѣетъ или эти „Бесѣды", или, можетъ быть, статью Линовскаго, помѣщенную въ „Москвитянинѣ": „О средствахъ къ распространенію улучшенія хозяйства".

[4]) Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, предсѣдатель Коммиссіи прошеній (род. въ 1775 г., ум. въ 1858 г.) или его племянникъ, въ то время генералъ-маіоръ, директоръ военно-топографическаго бюро, а впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1864 г.).

[5]) Кн. Григорій Григорьевичъ Гагаринъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1893 г.), флигель-адъютантъ, оберъ-гофмейстеръ, вице-президентъ Академіи Художествъ, былъ женатъ въ первомъ бракѣ на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Долгоруковой (род. въ 1822 г., ум. 30 марта 1845 г.).

[6]) Василій Алексѣевичъ Перовскій (род. въ 1795 г., ум. въ 1857 г.), съ 1855 г. графъ, генералъ-адъютантъ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей

рукѣ, выше локтя, какой-то нарывъ, потомъ образовалось что-то твердое; говорятъ, придется отнимать всю руку ..... [1]). Слышу звонокъ; кто-то пріѣхалъ навѣстить меня. Прощайте, обнимаю васъ крѣпко, отъ всего сердца...

201.

(Петербургъ), 19 іюня (1845) [2]).

Любезный папенька,... по Сенату работы много, механической и скучной. Какъ ни бейся—ни перемѣнить, ни исправить, даже правописанія, ничего нельзя. Поневолѣ попадешь въ проложенную вѣковымъ формализмомъ колею. Свои занятія еще кое-какъ поддерживаютъ и оживляютъ умъ и душу. Я почти ни съ кѣмъ не видаюсь, кромѣ Вяземскихъ. Нынче только обѣдалъ у графини Нессельроде [3]). Изъ политическихъ новостей до васъ скоро дойдетъ одна, важная: указъ о дворянствѣ. Какое дѣйствіе онъ произвелъ въ чиновномъ кругу, вы догадаетесь сами. Говорятъ, что дополнительный указъ объ орденахъ явится за нимъ вслѣдъ [4]).

царствованія Николая 1-го, съ 1833 по 1842 г. былъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Послѣ неудачнаго Хивинскаго похода 1839—40 г. здоровье его сильно разстроилось.

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) На этомъ письмѣ не выставленъ годъ, но, такъ какъ изъ него видно, что Ю. Ѳ. служилъ въ это время въ Сенатѣ, оно несомнѣнно относится къ 1845 г.

[3]) Гр. Марія Дмитріевна Нессельроде, урожд. гр. Гурьева (род. въ 1786 г., ум. въ 1849 г.)—жена министра иностранныхъ дѣлъ.

[4]) 22 іюня 1845 г. опубликованъ былъ Высочайшій манифестъ отъ 11-го іюня, которымъ повышались чины, дававшіе дворянство. Согласно этому манифесту, личное дворянство давалось первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ, тогда какъ прежде этотъ чинъ давалъ потомственное дворянство; а потомственное дворянство давалось, согласно этому манифесту, первымъ штабъ-офицерскимъ чиномъ. На гражданской службѣ личное дворянство давалось, по этому манифесту, чиномъ 9 класса вмѣсто 14-го, а потомственное—чиномъ 5 класса вмѣсто 8-го. 22 іюля 1845 г. изданы были новые статуты орденовъ св. Владиміра и св. Анны. По ст. XXV статута ордена св. Владиміра „получившіе сей орденъ какой бы то ни было степени пріобрѣтаютъ потомственное дворянство, кромѣ лицъ купеческаго званія, коимъ чрезъ сіе пожалованіе даруется потомственное почетное гражданство", а по ст. XXVIII статута ордена св. Анны права

Впрочемъ, все по старому и состоитъ благополучно, кромѣ погоды. Рѣшительно здѣсь не бываетъ лѣта, ни одного въ самомъ дѣлѣ теплаго дня... Совсѣмъ было забылъ поздравить васъ съ кандидатомъ [1]); самого кандидата также поздравляю и обнимаю, и желаю, чтобы никакія предстоящія заботы и разнаго рода занятія не усыпили въ немъ пробужденной мысли и не истребили воспоминанія и преданій университетскихъ. А до такого времени, какое мы прожили студентами, дай Богъ когда-нибудь дожить и ему и мнѣ. Засимъ поздравляю еще разъ васъ и всѣхъ и обнимаю отъ души...

202.

(Петербургъ), 27 іюня (1845) [2]).

Любезный папенька,... что касается до умственнаго развитія Миши, то оно, конечно, во многихъ отношеніяхъ по лѣтамъ его недостаточно. Все зло произошло отъ излишней поспѣшности. Ему слѣдовало бы поступить въ университетъ гораздо позднѣе или поступить не въ юридическій факультетъ. Главный недостатокъ въ немъ—совсѣмъ не усыпленіе или неразвитость мысли. Напротивъ, мысль у него пробуждена, но она находится только въ самомъ первомъ періодѣ самобытнаго развитія, на степени темныхъ предчувствій. Безпрестанные споры свидѣтельствуютъ только о желаніи и объ усиліяхъ его самому себѣ уяснить мысль. Но бѣда въ томъ, что это уясненіе происходитъ у него чрезвычайно медленно и съ неимовѣрнымъ трудомъ. Онъ не умѣетъ выражаться, слово ему не покоряется; онъ не умѣетъ, не навыкъ обращаться съ нимъ. Я разумѣю подъ этимъ не только выговоренное для другихъ или написанное слово, но вообще ясное сознаніе

потомственнаго дворянства присвояются кавалерамъ этого ордена 1-ой степени, права дворянства личнаго—кавалерамъ этого ордена 2, 3 и 4 степеней.

[1]) Въ этомъ году окончилъ университетскій курсъ по юридическому факультету братъ Ю. Ѳ-ча Михаилъ Ѳедоровичъ; см. примѣч. 1-ое на стр. 101.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ 1844 г. Это, очевидно, описка. Въ письмѣ рѣчь идетъ о томъ, какого рода занятія избрать брату Ю. Ѳ-ча Михаилу Ѳедоровичу по окончаніи университета; поэтому его нужно отнести къ 1845 году.

мысли въ словѣ для самого себя, этотъ внутренній процессъ перехода мысли въ слово, который совершается въ самой головѣ до перехода на бумагу. Замѣтьте, какъ онъ говоритъ: онъ безпрестанно пробуетъ различные способы выраженія и никакъ не можетъ удовлетвориться; начнетъ говорить и задумается; скажетъ три слова и остановится—нѣтъ, не такъ, лучше я начну вотъ какъ—и опять броситъ фразу, не окончивши ея. Все это вовсе не удивительно, а свидѣтельствуетъ о томъ только, что въ немъ не развито слово. А не развито оно, потому что оно въ немъ не воспитано, потому что его не выдержали на выраженіи мыслей; его не умѣли заинтересовать къ этому, не умѣли пробудить въ немъ желанія видѣть свою же мысль ясно и изящно выраженною. Однимъ словомъ, онъ не прошелъ сквозь кругъ ученія словеснаго. По вашимъ же словамъ, неумѣніе выражаться, слабость письменныхъ трудовъ замѣтна была во всемъ факультетѣ. Я этому очень радъ. Пусть увидитъ Строгановъ и всѣ повѣрившіе ему, что̀ значитъ пренебрегать тѣмъ, что̀ искони вѣковъ признаваемо было за основу всякаго человѣческаго образованія: les humanités, или по-латыни: studia humaniora, или по-нашему: эта словесность, которою такъ пренебрегаютъ, какъ дѣломъ въ практической жизни безполезнымъ. Вотъ, что̀ значитъ, не позаботившись о развитіи слова, или способности ясно сознавать и выражать мысль вообще, засаживать за спеціальныя науки: за право, математику и т. д. Вышли люди ученые, но безграмотные. Бездѣлица! Самое незнаніе правописанія происходитъ отсюда. Чтобы научиться ему, нужно не только знать правила, нужна опытность, наглядное знаніе; чтобы видѣть и удержать въ памяти правописаніе, нужно, чтобы вниманіе было обращено на слово, на выраженіе, независимо отъ мысли, нужно пробудить охоту и любовь къ слову, и вотъ почему необходимы словесныя науки. Авось, урокъ послужитъ. Итакъ, главный недостатокъ въ образованіи Мишиномъ это — отсутствіе равновѣсія между мыслью и словомъ. Что жъ касается до Крылова [1]), то въ этомъ дѣлѣ онъ не совсѣмъ безпристрастный судья. Онъ

---

[1]) Никита Ивановичъ Крыловъ, профессоръ Московскаго университета; см. примѣч. 5-ое къ письму за № 180.

принялъ на вѣру нѣкоторыя начала, на которыхъ основалъ все свое преподаваніе. Увѣренный въ ихъ истинѣ, онъ досадуетъ, когда другой оспариваетъ или даже просто повѣряетъ то, что̀ кажется ему несомнѣннымъ. Споръ и повѣрка кажутся ему безполезною тратою времени. Въ этомъ онъ не правъ. Начала, которыя онъ принялъ, латино-германскія, не могутъ удовлетворить ни меня, ни Миши, ни многихъ другихъ. Но положить въ основаніе вполнѣ разработанной науки новыя начала—дѣло не легкое, за которымъ пріостановится и не Миша. Не менѣе того хорошо, что потребность новой мысли пробуждена: разъ пробужденную усыпить или остановить нельзя, какъ нельзя остановить естественнаго роста человѣка. Надобно только дать ей созрѣть...

203.

(Петербургъ), 29 іюля (1845).

Любезный папенька,... я удивляюсь, какъ вы не знаете до сихъ поръ, что я уже въ должности секретаря [1]); кажется, я вамъ писалъ объ этомъ и о внезапномъ приращеніи моихъ занятій. Присутствіе или отсутствіе Папина въ этомъ случаѣ ровно ничего не значитъ, также и откупа, которые доставляютъ только денежныя награды и во всякомъ случаѣ до меня не касаются. О службѣ я могъ бы сказать вамъ многое, но не хочется мнѣ трогать этой матеріи. Жаль, что вы не видите, что̀ такое служба у насъ теперь. Все, что̀ я могъ бы сказать вамъ, покажется вамъ преувеличеннымъ; наглядное знаніе, взглядъ на вещь вблизи объяснили бы вамъ вдругъ, почему мнѣ тяжело. Но лучше до поры до времени оставимте этотъ предметъ; трудно намъ сойтись въ мысляхъ, разсуждая заочно...

---

[1]) 28 іюня 1845 г. Ю. Ѳ-чу поручено было исправленіе должности секретаря 1-го департамента Сената; эту должность онъ исправлялъ до 5 октября того же года. Почти одновременно съ этимъ, 5 іюля 1845 г., Ю. Ѳ. былъ перемѣщенъ на должность секретаря общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ Сената, но въ исправленіе этой должности онъ вступилъ только 5 октября того же года.

204.

(Петербургъ, сентябрь 1845) [1]).

Любезный папенька, письмо ваше отъ 16-го сентября въ одно время и обрадовало и огорчило меня. Обрадовало, потому что вы предупредили мое желаніе оставить Петербургъ, о которомъ я хотѣлъ писать къ вамъ. Въ Петербургѣ дѣйствительно мнѣ нечего дѣлать; я оставлю его, оставлю навсегда и ужъ ни за что, ни за какія приманки не переѣду жить въ немъ. Я слишкомъ глубоко убѣдился, что жить въ немъ можно, только служа ему, а служить Петербургу значитъ измѣнять Россіи. Съ другой стороны, мнѣ больно видѣть, что въ дѣлѣ, самомъ для меня важномъ, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, вся моя участь, мы думаемъ и чувствуемъ разно... Послѣ пространной переписки и разговоровъ между нами о значеніи и пользѣ службы, я не считаю нужнымъ повторять то, что̀ говорилъ вамъ уже много разъ, но я не долженъ оставлять васъ въ заблужденіи относительно моего положенія. Не думайте, чтобы я свыкся съ службою. Служба меня душитъ, она осуждаетъ на бездѣйствіе всѣ мои способности и наполняетъ мнѣ сердце горечью. Вы говорите, что васъ радуетъ, что я совѣстливо исполняю свою обязанность. Это правда; мнѣ было бы противно пользоваться привилегіею ничего не дѣлать. Но если бъ вы знали, какія минуты ожидаютъ меня по окончаніи ежедневнаго труда, когда съ усталою головою и недовольнымъ сердцемъ я берусь за книгу и не понимаю, что̀ читаю, тогда вы вѣрно, по крайней мѣрѣ, не стали бы поздравлять меня. Я знаю, что можно со временемъ со всѣмъ этимъ свыкнуться, можно дойти до того, что вещь написанная будетъ казаться вещью сдѣланною, что вся Россія сосредоточится въ одномъ Петербургѣ и міръ дѣйствительности—въ канцеляріи. Но можно ли добровольно итти навстрѣчу къ такому успокоенію? Вотъ, что̀ у меня передъ глазами; мнѣ остается избрать одно изъ двухъ: или осудить себя на ребяческій и машинальный трудъ, или, вопреки совѣсти и убѣжденію, содѣйствовать

[1]) Письмо это относится къ среднимъ числамъ сентября 1845 г.; ср. письмо Ю. Ѳ-ча къ К. С. Аксакову за № 126.

тому, что̀ и вы, и я, и всѣ мы признаемъ вреднымъ и безнравственнымъ. Я знаю напередъ, что все это вамъ покажется преувеличеннымъ, но, допустивши, что я такъ вижу и такъ чувствую, вы поймете, какъ мнѣ должно быть тяжело слышать, что вы употребляете слова: „долгъ отечества“ и „долгъ христіанина“, говоря о той комедіи, которую разыгрываетъ правительство въ виду Россіи. Жаль мнѣ, что не могу я съ вами согласиться ни переубѣдить васъ. Но что̀ же дѣлать! Я не могу закрыть глазъ и заткнуть ушей; факты слишкомъ ясно говорятъ за себя; того, что̀ самъ испыталъ, не забудешь. Я уѣду отсюда и, какъ вы совѣтуете, попрошу гр. Панина, чтобъ онъ поскорѣе далъ мнѣ мѣсто въ губерніи; мнѣ хотѣлось бы въ Малороссію или на Волгу. Я рѣшаюсь на это, потому что я чувствую, что мнѣ еще годъ нуженъ на размышленіе; я хочу все испробовать и строго допросить себя. Черезъ годъ я скажу вамъ по совѣсти, что̀ мнѣ нужно и по какой дорогѣ пойду; тогда, по крайней мѣрѣ, вы не скажете, что я поступилъ необдуманно. Въ настоящее время я васъ отъ всей души прошу только объ одномъ: не считайте меня удовлетвореннымъ службою и не осуждайте меня слишкомъ скоро. Я не ищу ни беззаботныхъ наслажденій ни утѣхъ честолюбія, но я имѣю право искать на свѣтѣ такой дѣятельности, которая дала бы мнѣ душевное спокойствіе и увѣренность, что я исполняю свое призваніе. Высказавши вамъ все, что̀ я издавна имѣю на сердцѣ, я желалъ бы теперь броситься къ вамъ въ объятія, желалъ бы подлѣ васъ отвести душу и увѣрить васъ, что я попрежнему и больше прежняго васъ люблю. Нѣжно обнимаю маменьку, Машу, Мишу и всѣхъ...

205.

(St-Pétersbourg), 7 décembre (1845) [1].

Mon cher papa, le prince Galitzine s'est chargé de vous remettre cette lettre; je puis en conséquence vous parler plus

[1]) Годъ не значится на письмѣ, но такъ какъ рѣчь идетъ о переходѣ Ю. Ѳ-ча на службу по министерству вн. дѣлъ съ откомандированіемъ къ ген.-губернатору Остзейскихъ губерній Головину, то, очевидно, оно относится къ 1845 г.

longuement que je ne l'ai fait jusqu'ici de mes projets de service et de tout ce qui s'y rattache. L'affaire des provinces Baltiques est claire quoique très compliquée, et c'est cette complication qui la rend intéressante. Ce petit coin de terre a conservé jusqu'à nos jours des institutions féodales, fruit de la conquête, qu'on ne retrouve nulle part ailleurs. Ces institutions, toutes au profit de la noblesse, paralysent toute espèce de développement et de progrès. Le commerce et l'industrie y est en stagnation à cause des entraves que posent les jurandes, corporations etc. etc. Les biens-fonds perdent chaque jour de leur valeur, parce que les privilèges de la noblesse n'admettent pas d'acquéreurs en dehors de cette caste; enfin le peuple est dans un état de misère, d'ignorance et d'abrutissement fabuleux. Le gouvernement l'a fait sortir de l'esclavage, mais cela même n'a pas allégé son sort; sa dépendance est aussi grande que celle de nos paysans, et il n'y a pas entre lui et les seigneurs ce lien moral basé sur une même origine et sur une même religion qui existe chez nous. Combien d'années de prospérité se sont écoulées, sans que la noblesse ait songé à alléger son sort. Il n'a pas même de religion, car peut-il y en avoir là où le nombre des paroisses est tellement restreint que sur 10 mille habitans il y a à peine un prêtre. Il est naturel que dans cet état d'abandon il ait tourné les yeux vers la Russie, et qu'il ait compris d'instinct que le seul moyen de rompre le réseau de fer que les Allemands ont jeté sur lui était de se convertir à la religion grecque. Je suis loin pourtant d'expliquer ce mouvement spontané, que le gouvernement n'a pas provoqué, mais qu'il n'a aucun droit d'arrêter, par des besoins matériels; le culte protestant ne peut pas convenir à un peuple misérable et qui n'a aucune civilisation; il lui faut un culte qui parle au sens et au coeur; beaucoup de faits le prouvent; mais il serait trop long de vous les citer. Voici maintenant quelles sont les vues du gouvernement, ou à peu près.

1. Restreindre les privilèges de la noblesse ou plutôt les étendre aux autres classes en donnant au bourgeois et au peuple le droit de représentation et d'acquisition de biens-fonds.

2. Enlever les entraves posées au commerce en abolissant ou en modifiant les privilèges des corporations, en introduisant une plus grande liberté de concurrence.

3. Fixer les rapports des propriétaires et des paysans: leur assurer une portion de terre inamovible, leur donner le droit d'en acquérir, celui de passer des provinces Baltiques dans les provinces russes, et pour les Russes le droit de s'engager et d'acquérir des terres dans les provinces Baltiques.

4. Etablir le culte grec là où on le demande, sans violenter personne, mais sans souffrir de violence en sens contraire.

5. Introduire l'enseignement du russe dans les écoles.

Vous voyez que la chose est grave et va loin; je la crois bonne et juste; ici du moins le gouvernement agit dans un sens national et humain; ici du moins on peut lui donner plus que son travail mécanique. Pour le moment, je ne vous en dis pas davantage; je vous prie seulement de me garder le secret sur toutes ces choses. Je vous embrasse de tout mon coeur.

206.

Рига, 29 мая 1847.

Любезный папенька, я получилъ нѣсколько дней тому назадъ письмо отъ Маши, изъ котораго могу заключить, что она съ мужемъ уже отправилась въ дальній путь, что Володины и Николенькины экзамены кончились, и вы, вѣроятно, также помышляете о переѣздѣ въ Измалково. Надѣюсь, что экзамены кончились хорошо. Помню я, какъ весело бывало, отдѣлавшись на чистоту отъ послѣдняго, ѣхать отдыхать въ деревню отъ усиленныхъ занятій и ночей, проведенныхъ безъ сна, за повтореніемъ упущеннаго. Впрочемъ, вѣроятно, нынѣшніе студенты не слѣдуютъ глупой системѣ приготовленія къ экзаменамъ, которая была въ ходу въ наше время. Въ Ригѣ все тѣ же интересы, тѣ же торговыя хлопоты. Число кораблей доходило до 1500; теперь многіе уже отплыли съ хлѣбомъ, но со всѣхъ сторонъ изъ Европы доносятся слухи о голодѣ и о безпорядкахъ. Вчера англійскій консулъ сказывалъ мнѣ, что онъ получилъ изъ Лондона частное письмо, въ которомъ ему пишутъ, что во многихъ округахъ южной Англіи были возстанія очень нешуточныя; пропасть разграблено лавокъ и перебито народу; всего важнѣе то, что правительство запретило печатать объ этомъ въ газетахъ, чего въ Англіи никогда не бывало. Мой консулъ цѣлый день

ходилъ, повѣся носъ. Другое извѣстіе, которое надѣлало здѣсь не мало шума, это—утвержденіе новой желѣзной дороги изъ Ковно въ Либаву [1]. Часть рижской торговли непремѣнно перейдетъ въ этотъ послѣдній пунктъ. Наконецъ, у насъ господствуетъ грипъ, отъ котораго очень немногіе отдѣлались, въ томъ числѣ и я. Вотъ и всѣ новости. Я окончилъ всѣ мелкія, побочныя занятія и принялся опять за исторію сословныхъ правъ. Это — страшная путаница, бездна матеріаловъ неразработанныхъ, къ тому же писанныхъ на варварскомъ древнемъ нѣмецкомъ языкѣ. Положиться ни на кого нельзя, потому что какъ разъ надуютъ, а самому всего не прочесть. Я не предвижу конца этой работѣ... Дошелъ ли до васъ слухъ о пожертвованіи петербургскихъ купцовъ [2]? Судя по слухамъ, они сбавили довольно много съ цѣны на хлѣбъ. Одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ, которому Ханыковъ это разсказалъ, отвѣчалъ ему: „C'est grand, c'est beau, nous admirons, mais nous n'imiterons pas". Надѣюсь, что теперь, по окончаніи экзаменовъ, я получу письмо отъ Володи или отъ Николеньки. Прощайте, любезный папенька, обнимаю васъ, маменьку и всѣхъ братьевъ.

---

1) Въ 1847 г. въ Комитетѣ Петербургско-Московской жел. дороги разсматривался проектъ либавскаго купечества объ устройствѣ желѣзной дороги между Либавой и Юрбургомъ (пограничное мѣстечко Ковенской губ.). Комитетъ отнесся къ проекту сочувственно, но онъ не осуществился за невозможностью собрать потребныя для постройки дороги денежныя средства.

2) Въ 1847 г. неурожай въ Западной Европѣ и усиленный вывозъ русскаго хлѣба туда вызвали повышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ портахъ и особенно въ Петербургѣ. Министръ финансовъ, пригласивъ 10 мая къ себѣ главнѣйшихъ хлѣбныхъ торговцевъ, сообщилъ имъ желаніе Государя, чтобы изъ хлѣбныхъ запасовъ постепенно отдѣляема была примѣрно $^1/_{10}$ часть для продажи обывателямъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Торговцы обязались исполнить волю Государя, и Городской Думѣ предложено было выбрать въ каждой части города добросовѣстныхъ купцовъ для выдачи обывателямъ свидѣтельствъ на полученіе хлѣба по дешевымъ цѣнамъ. На докладѣ объ этомъ министра финансовъ Императоръ Николай написалъ: „Благодарить и сказать моимъ добрымъ братьямъ: я иного отъ нихъ не ожидалъ, я сердце ихъ знаю и этимъ горжусь".

207.

Рига, 25 августа 1847.

Любезный папенька,... я очень радъ, что вы одобрили мой совѣтъ понемногу вводить Володю и Николеньку въ дѣла хозяйственнаго управленія. Оно мнѣ всё-таки представляется болѣе труднымъ, чѣмъ вы полагаете. Вы ставите себя въ примѣръ. Точно, вы сдѣлали много въ короткое время. Но вы забываете при этомъ: во-первыхъ, что человѣкъ человѣку рознь; я увѣренъ, что вы имѣете гораздо болѣе практическихъ способностей, дѣятельности, предпріимчивости и пр., чѣмъ мы, т. е. я, Миша, Володя, во-вторыхъ, что вы въ дѣтствѣ и молодости живали много въ деревнѣ, что воспитаніе, ученіе не отвлекали васъ отъ того, что̀ дѣлалось передъ вашими глазами, вообще, по тогдашнему образу жизни и воспитанія, вы были гораздо ближе къ деревенской жизни, чѣмъ всѣ мы, наконецъ, что самое управленіе было въ то время простѣе, теперь оно стало сложнѣе и труднѣе, а впереди предвидятся трудности новыя и большія. Я вѣрю, что достаточно будетъ заботливости и порядка, чтобы поддержать имѣнія на той степени, на которую вы ихъ поставили, чтобы не разоряться и не быть въ нуждѣ, но есть еще другія стороны. Чтобъ ознакомиться хорошо съ бытомъ крестьянъ, чтобъ узнать степень умственнаго и нравственнаго образованія, на которой они стоятъ, наконецъ, чтобъ они узнали помѣщика лично, а не черезъ посредство управителей, на все это нужно очень много и времени и труда, и, повторяю опять, нужно видѣть опытнаго помѣщика на дѣлѣ.—Я провелъ въ Ревелѣ 6 дней [1]). Что за великолѣпный видъ на городъ, на паркъ и на море съ вершины утеснстаго берега! Описывать мѣстности я вамъ не буду, потому что описанія ничего не передаютъ. По утрамъ я занимался съ тамошнимъ бургомистромъ, а потомъ обѣдалъ и проводилъ вечера у Мещерскихъ [2]). Изъ знакомыхъ я засталъ въ Ре-

---

[1]) Ю. Ѳ. посланъ былъ въ Ревель для справокъ по дѣламъ рижской ревизіонной комиссіи, при которой онъ въ то время состоялъ; см. письмо Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову отъ 4 мая 1847 г. за № 173.

[2]) Кн. Петръ Ивановичъ и кн. Екатерина Николаевна Мещерскіе: см. примѣч. 11-ое къ письму за № 169.

велѣ кн. Голицына (Леонида)[1]) съ женою, графиню Потемкину[2]) и только. Завтра въ Ригѣ открывается дворянскій ландтагъ[3]) и подвергнутъ будетъ обсужденію проектъ положенія о крестьянахъ..

208.

Рига, 12 марта 1848.

Любезный папенька, я получилъ ваше письмо отъ 2 марта. Съ тѣхъ поръ, какъ оно писано, какъ уже положеніе дѣлъ въ Европѣ измѣнилось! Теперь отнюдь не Франція возбуждаетъ наиболѣе вниманія и опасеній. Въ Германіи готовится гораздо болѣе значительный переворотъ. Намъ очень трудно судить отсюда о настоящемъ положеніи дѣлъ. Конечно, революція, въ два дня совершившаяся во Франціи, кажется дѣломъ совершенно случайнымъ и сумасброднымъ, но не должно забывать при этомъ, что мы знаемъ обстоятельно только то, что̀ служило поводомъ или предлогомъ, а тайныя и существенныя причины, можетъ быть, раскроются впослѣдствіи. Одно кажется несомнѣннымъ: это то, что въ основѣ своей революція не есть политическая, а соціальная. Я хочу сказать, что не столько форма правленія вызвала противъ себя возстаніе, сколько слишкомъ долго непризнанныя требованія рабочаго класса. Мы знаемъ, что работники такого-то числа поднялись, выстроили баррикады, завязали перестрѣлку съ войскомъ и пр. и за это мы осуждаемъ ихъ, какъ возмутителей. Я противъ этого не спорю. Но кому же извѣстно, сколько они передъ этимъ выстрадали и наплакались? Кому извѣстно, сколько семействъ пошло ходить по міру вслѣдствіе иной новоизобрѣтенной машины? Всѣ эти вопросы, эта тяжба, которая изстари ве-

---

[1]) Кн. Леонидъ Михайловичъ Голицынъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1860 г.) — дѣйств. ст. совѣтникъ, камергеръ.

[2]) Графиня Елизавета Петровна Потемкина, рожденная княжна Трубецкая (род. въ 1794 г., ум. въ 1870-хъ годахъ)—жена послѣдняго графа Потемкина Сергѣя Павловича (ум. въ 1858 г.), потомъ жена сенатора Подчасскаго.

[3]) Ландтагъ этотъ созванъ былъ для составленія проекта новаго положенія о крестьянахъ согласно съ заключеніями Петербургскаго комитета для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ 1846 года.

дется между представителями капитала и представителями труда, до насъ не касается; но, хотя мы, Русскіе, славу Богу, въ ней не заинтересованы, мы должны, для соблюденія справедливости къ другимъ, взглянуть дѣлу прямо въ глаза. Слово коммунизмъ служитъ теперь пугаломъ для всѣхъ; я не думаю его оправдывать, но коммунизмъ есть только карикатура мысли прекрасной и плодотворной. Коммунизмъ относится къ ученію объ ассоціаціи, объ организаціи промышленности и земледѣлія, о пріобщеніи рабочаго класса къ выгодамъ производительности, какъ тиранія къ монархіи, какъ царствованіе Іоанна Грознаго къ власти царской. Опытъ Франціи и Англіи, а вслѣдъ за опытомъ наука доказали до очевидности, что при современномъ неустройствѣ земледѣлія и промышленности, при господствѣ ничѣмъ не ограниченнаго совмѣстничества, при теоріи du laissez faire неизбѣжно возвышается цѣнность капитала (земли или денегъ) въ той самой мѣрѣ, въ какой понижается задѣльная плата. Естественное послѣдствіе этого хода дѣлъ есть голодъ или выселеніе массами, а вы знаете, что выселять въ Америку цѣлые округи,— почти то же, что вести воловъ на скотобойню. Ирландія въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, пришла ранѣе другихъ земель къ тому результату, который ожидаетъ Англію и Францію, если нынѣшнее неустройство продлится. Неужели же, въ ожиданіи этого, надобно сидѣть сложа руки? Нѣтъ, лучше признать чистосердечно необходимость коренного преобразованія и совершить его правомѣрнымъ порядкомъ. Это, по моему, лучшее и единственно возможное средство обезсилить и побѣдить коммунизмъ. Если требованіе устройства земледѣлія и промышленности естественно и необходимо, то поэтому самому оно уже осуществимо. Намъ оно кажется несбыточною мечтою, но черезъ сто лѣтъ оно будетъ казаться дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ. Вспомнимъ, что все на свѣтѣ развивалось тѣмъ же порядкомъ. Было время, когда каждый землевладѣлецъ-баронъ былъ верховнымъ судьею для своихъ вассаловъ и смотрѣлъ на отправленіе судопроизводства, какъ на свою личную прерогативу; впослѣдствіи поняли же, что не должно быть столько правъ и столько судовъ, сколько

лицъ, что судъ—не личное дѣло, но что судъ и право должны быть для всѣхъ одни, что это—дѣло государственное, а не личное. Точно такъ же со временемъ приметъ и торговля, и земледѣліе, и промышленность характеръ общественной дѣятельности. Кажется, что во Франціи этотъ вопросъ начинаетъ приближаться къ разрѣшенію. Франція не затѣваетъ войны, никому не грозитъ, не мѣшается ни въ чьи дѣла, а заботится только о своихъ. Вѣроятно, никто извнѣ не захочетъ въ нихъ вступаться. Поэтому и потому еще, что, кажется, неоткуда внутри ея самой возникнуть сильному противодѣйствію, я не думаю, чтобы могъ вернуться терроризмъ. Гораздо менѣе надежно положеніе Германіи. Мнѣ жаль, что вы не читаете нѣмецкихъ газетъ. Какъ вы думаете, чѣмъ отдалось въ Германіи извѣстіе о Парижской революціи? Проклятіями на Россію. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ ожесточеніемъ, съ какою яростью говорятъ объ насъ. Лучше иго Франціи, чѣмъ помощь Россіи—вотъ тема, которую почти всѣ германскія газеты развиваютъ. Между прочими клеветами на Россію я прочелъ слѣдующую, довольно забавную: „Русскіе въ 1813 и 1814 годахъ отняли у насъ плоды нашихъ побѣдъ надъ Французами“. Каково! Странно, что народъ никакъ не можетъ простить другому полученное отъ него благодѣяніе. По крайней мѣрѣ, это отучитъ насъ проливать за нихъ нашу кровь и, взамѣнъ принесенныхъ за нихъ жертвъ, пожинать ненависть. Происшествія въ Берлинѣ и обѣ прокламаціи короля вамъ уже, безъ сомнѣнія, извѣстны. Кромѣ этого, частныя письма извѣщаютъ, что въ Берлинѣ войска сложили оружіе передъ народомъ и что всѣ пушки заколочены, наконецъ, что въ Тильзитѣ было что-то въ родѣ возстанія. За достовѣрность всего этого я не ручаюсь. Нѣмцы для меня гораздо хуже Французовъ; въ нихъ даже жаръ не свой, а заемный, и при этомъ невыносимыя претензіи на самостоятельность. Отъ Европы перехожу къ Ригѣ. Мы ждемъ князя Суворова черезъ три дня. Двина вчера прошла, и теперь уже наступила весна. На дворѣ не только тепло, а жарко...

209.

(Рига, мартъ 1848) [1].

Любезный папенька,.. вы, вѣроятно, прочли указъ о правѣ крестьянъ пріобрѣтать собственность [2]. Изъ редакціи его очевидно, что первоначальная мысль была затемнена и даже искажена уступками той партіи, которая не хочетъ допустить никакихъ перемѣнъ [3]; не менѣе того все, что испорчено на бумагѣ, можетъ быть исправлено на дѣлѣ. Не признаете ли вы нужнымъ отъ себя велѣть прочесть его во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ, съ присовокупленіемъ отъ вашего имени, что вы единожды навсегда даете всѣмъ и каждому разрѣшеніе, требуемое закономъ для того, чтобы крестьянинъ могъ пріобрѣтать собственность? Это обѣщаніе ваше будетъ важною гарантіею для крестьянъ, хотя и не будетъ имѣть никакого юридическаго значенія и не замѣнитъ письменнаго свидѣтельства о вашемъ согласіи, которое вы будете выдавать всякій разъ при совершеніи купчей крестьяниномъ.

[1]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ, когда оно было написано, но изъ содержанія его ясно, что оно относится къ марту 1848 года.

[2]) Именной указъ, данный Сенату 3 марта 1848 г. (а распубликованный 9 марта), о предоставленіи крестьянамъ помѣщичьимъ и крѣпостнымъ людямъ покупать и другими въ законахъ дозволенными способами пріобрѣтать въ собственность земли, дома, лавки и недвижимыя имущества, кромѣ лишь имѣній населенныхъ. Согласно этому указу, „пріобрѣтать такую собственность, а равно и отчуждать оную крѣпостные люди могутъ не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго и до совершенія акта пріобрѣтенія или отчужденія въ присутственномъ мѣстѣ предъявленнаго“. Относительно земель, домовъ и лавокъ, въ прежнее время купленныхъ крѣпостными людьми на имя ихъ помѣщиковъ, указъ требовалъ „никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ розысканій не дѣлать, дозволивъ, впрочемъ, помѣщикамъ, по собственному каждаго усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогѣ или составѣ заложенныхъ имѣній, надлежащія на оныя купчія крѣпости на гербовой низшаго достоинства бумагѣ, безъ взиманія пошлинъ“.

[3]) „Для пріобрѣтенія недвижимой собственности крестьянинъ обязанъ сперва испросить на то дозволеніе у своего помѣщика, въ чемъ послѣдній можетъ и отказать, не подвергаясь никакой отвѣтственности. Даровано право и тѣмъ же закономъ употребленіе его подчинено неограниченному произволу“. Соч. Ю. Ѳ. Самарина т. II, стр. 73.

Позднѣе я предложу вамъ еще (если это окажется возможнымъ) заключить въ присутственномъ мѣстѣ актъ, по которому вами лично данное соизволеніе сдѣлается обязательнымъ для всѣхъ будущихъ помѣщиковъ, кто бъ они ни были; такимъ образомъ это соизволеніе сдѣлается, такъ сказать, крѣпкимъ землѣ и неотъемлемымъ правомъ живущихъ на ней. Кто впослѣдствіи пріобрѣтетъ землю и людей, обяжется тѣмъ самымъ блюсти это право, какъ долгъ или обязательство, лежащее на имѣніи. Подобнаго рода акты въ Остзейскомъ краѣ заключаются очень часто подъ именемъ Ingrossation, и я не вижу причины, почему бы нельзя было сдѣлать того же и у насъ. О томъ, что̀ дѣлается здѣсь, я не имѣю ни повода ни охоты говорить. Пріобрѣтеніе похвалы и популярности очень соблазнительно, но не слѣдовало бы жертвовать ей слишкомъ многимъ [1]). Не помню, писалъ ли я вамъ, что въ маѣ я не успѣю выбраться изъ Риги и потому долженъ отказаться отъ поѣздки въ Симбирскъ. Я кончу, вѣроятно, свое дѣло въ іюнѣ и долженъ буду пробыть мѣсяцъ или полтора въ Петербургѣ; во всякомъ случаѣ, осень я проведу съ вами. Прощайте, нѣжно обнимаю васъ, маменьку, Машу, всѣхъ братьевъ.

210.

(Петербургъ), 4 декабря 1848.

Любезный папенька,... позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою. Я узналъ, что Ермоловъ ожидалъ меня къ себѣ нѣсколько дней до моего отъѣзда. Пожалуйста, передайте ему отъ меня, когда вы съ нимъ увидитесь, что я, при всемъ моемъ желаніи, не могъ быть у него и очень благодаренъ за лестный его отзывъ о моемъ трудѣ [2])...

---

[1]) Имѣются въ виду первыя дѣйствія кн. Суворова въ качествѣ генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній.

[2]) Разумѣется письмо А. П. Ермолова къ Ю. Ѳ-чу отъ 28 ноября 1848 г. по поводу „Писемъ изъ Риги“, напечатанное въ предисловіи къ VII т. сочиненій Ю. Ѳ-ча.

211.

(Петербургъ, 20 декабря 1848).

Пользуюсь отъѣздомъ Попова въ Москву [1]), чтобы написать вамъ нѣсколько словъ, любезный папенька. По важности предмета считаю нужнымъ сообщить вамъ два извѣстія. Во всѣхъ южныхъ, юго-западныхъ и западныхъ нашихъ губерніяхъ, т. е. въ половинѣ Россіи, уже введены или вводятся инвентари [2]), въ которыхъ опредѣлено количество земли, отданной крестьянамъ въ пользованіе, качество ея и подробно обозначаются повинности, исправляемыя крестьянами на помѣщика. Для каждаго имѣнія утвержденъ особый инвентарь, притомъ на основаніи показаній помѣщика, никѣмъ не повѣренныхъ. Правительство ограничивалось утвержденіемъ ихъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлало измѣненія. Судя по тому, что мнѣ говорилъ объ этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, эта самая мѣра будетъ распространена на всю Россію. Я не одобряю ея, но во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ имѣть ее въ виду и приготовиться къ ней. Для этого, мнѣ кажется, слѣдовало бы, по возможности, отдѣлить къ однимъ мѣстамъ земли крестьянскія отъ господ-

---

[1]) Въ декабрѣ 1848 г. А. Н. Поповъ ѣздилъ въ Москву на святки; выѣхалъ онъ изъ Петербурга 21 декабря, а вернулся въ Петербургъ 22 января 1849 г.

[2]) Согласно Высочайшему повелѣнію отъ 15 апрѣля 1844 г. инвентари стали вводиться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, одни съ 1845 г., другіе съ 1846 и даже 1847 г. Для Кіевской, Подольской и Волынской губерній Высочайше утверждены были 26 мая 1847 г. „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ", которыя были потомъ пересмотрѣны и 29 декабря 1848 г. утверждены въ новой редакціи; на основаніи этихъ правилъ было приступлено къ разсмотрѣнію и утвержденію инвентарей по каждому отдѣльному имѣнію. Въ сѣверной половинѣ Западнаго края „ограничились провѣркою, исправленіемъ и узаконеніемъ *инвентарей*, то-есть *отдѣльныхъ для каждаго имѣнія* описей, и опредѣляли въ нихъ подворные надѣлы и повинности; не вводя законодательнымъ порядкомъ общихъ, обязательныхъ правилъ о самомъ существѣ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, предоставляли это, на мѣстахъ, исполнительнымъ инстанціямъ, снабдивъ ихъ обстоятельными инструкціями". Напротивъ, въ юго-западныхъ губерніяхъ введено было общее положеніе подъ названіемъ „инвентарныхъ правилъ". См. соч. Ю. Ѳ. Самарина т. I, стр. 307—308.

скихъ, потому что, по введеніи инвентарей, всякій обмѣнъ будетъ, если не воспрещенъ, то затрудненъ. Слѣдовало бы также привести въ извѣстность и въ числа всѣ крестьянскія работы на помѣщика, составить на этомъ основаніи таблицы и, сдѣлавъ ихъ извѣстными самимъ крестьянамъ, строго придерживаться ихъ въ требованіи работъ. Тогда мѣра правительства застанетъ уже все подготовленнымъ и не произведетъ разстройства.—Очередь, по которой въ казенныхъ имѣніяхъ исправлялась рекрутская повинность, во многихъ уже замѣнена жеребьемъ [1]), и теперь существуетъ комитетъ [2]) для введенія во всѣхъ казенныхъ имѣніяхъ конскрипціи, на основаніи французской. Затѣмъ, этотъ порядокъ распространится на крестьянъ помѣщичьихъ, и, какъ говорятъ, помѣщики лишены будутъ права отдавать въ солдаты, въ видѣ наказанія, иначе, какъ по судебному приговору....

212.

(Петербургъ), 27 февраля (1849) [3]).

Любезный папенька, Соллогубъ привезъ мнѣ ваше письмо, а я пользуюсь отъѣздомъ графа Пушкина, чтобы вамъ отвѣтить. Оставляя въ сторонѣ мой образъ мыслей, скажу нѣсколько словъ о моемъ образѣ дѣйствій по пріѣздѣ изъ Риги. Вы полагаете, что слѣдовало имѣть въ виду довести мою рукопись [4]) до свѣдѣнія Государя [5]); но довести ее прямо отъ себя я не могъ: у меня былъ одинъ путь, это—черезъ

---

[1]) Жеребьевой порядокъ отправленія рекрутской повинности взамѣнъ порядка семейныхъ очередей сталъ вводиться у государственныхъ крестьянъ, въ видѣ опыта, съ 1838 г. по временнымъ правиламъ, даннымъ министру государственныхъ имуществъ въ 1838, 1845 и 1849 годахъ. Общее положеніе о введеніи жеребьеваго порядка отправленія рекрутской повинности въ участкахъ государственныхъ крестьянъ и другихъ поселянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ утверждено было только 9 іюня 1854 г.

[2]) „Рекрутскій Комитетъ", учрежденный при II Отдѣленіи Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

[3]) Настоящее письмо такъ же, какъ и три слѣдующихъ, написано Ю. Ѳ-чемъ передъ заключеніемъ въ Петропавловскую крѣпость.

[4]) Т.-е. „Письма изъ Риги".

[5]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ, равно какъ и въ трехъ другихъ, вмѣсто слова: „Государь" стоитъ: Г....

Перовскаго, при которомъ я служу. Избрать другой путь значило бы навсегда съ нимъ поссориться, тѣмъ болѣе, что онъ до нѣкоторой степени раздѣляетъ со мною отвѣтственность за мою рукопись. Но Перовскій объявилъ мнѣ тотчасъ же по прочтеніи ея, что онъ не беретъ на себя подать ее прямо отъ себя Государю, но что онъ представитъ ее, если Государь того потребуетъ самъ, и на этотъ случай поручилъ мнѣ нѣкоторыя мѣста измѣнить и держать очищенный экземпляръ наготовѣ. Послѣ этого, какъ вы видите, оставалось ожидать, пока общественная молва доведетъ до слуха Государя о существованіи этой рукописи. Я читалъ ее въ Москвѣ и въ Петербургѣ близкимъ знакомымъ и пріятелямъ, но *по рукамъ* она не ходила, ибо только три лица: Строгановъ, Ермоловъ и митрополитъ имѣли ее въ рукахъ. Этого вы, конечно, не осудите. Теперь вотъ что̀ случилось; за этимъ собственно я пишу къ вамъ. Суворовъ на-дняхъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ самое дерзкое письмо, въ которомъ требуетъ *засвидѣтельствованной* копіи съ моихъ писемъ [1]). Перовскій отвѣчалъ ему, что онъ не имѣетъ ни времени ни средствъ заготовлять для него копіи съ *частныхъ трудовъ*. Вѣроятно, Суворовъ обратится съ тою же просьбою къ Государю, и тогда нельзя будетъ отказать. Исправленный экземпляръ у меня наготовѣ. Всего вѣроятнѣе, что дѣло это не будетъ имѣть для меня никакихъ дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что гр. Орловъ хорошъ съ Перовскимъ; однако не мѣшаетъ быть готовымъ на все. Худшее, что̀ можетъ со мною случиться, это то, что меня, не выключая изъ службы, переведутъ въ Вологду или Вятку на время. Повторяю опять, это вовсе не вѣроятно, но я всё-таки счелъ долгомъ васъ предупредить, чтобы неожиданное извѣстіе васъ не поразило... Теперь, да будетъ воля Господня, которой я заранѣе безусловно покоряюсь, въ твердой увѣренности, что все, Господомъ ниспосланное и принятое, какъ слѣдуетъ христіанину, должно быть къ лучшему! Нѣжно васъ обнимаю.

---

[1]) 14 февраля 1849 г. кн. Суворовъ отправилъ министру внут. дѣлъ Перовскому офиціальное письмо съ требованіемъ сообщить ему засвидѣтельствованную копію съ „Писемъ изъ Риги“.

213.

(Петербургъ), 3 марта 1849.

Любезный папенька, третьяго дня я писалъ вамъ о возможныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли имѣть для меня мои „Письма“, если до Государя дойдетъ жалоба. Къ сожалѣнію, мои опасенія оправдались. Сегодня Государь потребовалъ къ себѣ Перовскаго и выразилъ ему свой гнѣвъ на меня за нарушеніе канцелярскихъ тайнъ и намѣреніе посадить меня въ крѣпость. Перовскій, однако же, упросилъ Государя не наказывать меня, не потребовавши отъ меня объясненія и не давши мнѣ возможности оправдаться. Сейчасъ я получилъ изъ министерства формальный запросъ [1]), на который буду отвѣчать. Все это было мнѣ объявлено нынче утромъ. Министръ тотчасъ потребовалъ меня къ себѣ. Какъ слѣдуетъ православному, я передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ нему, зашелъ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, помолился за себя и, въ особенности, за васъ и маменьку, чтобы это извѣстіе не слишкомъ васъ огорчило, и предался безусловно волѣ Божіей. Перовскій обнаружилъ ко мнѣ искреннее участіе, далъ мнѣ совѣты, какъ сочинять отвѣтъ и пр., такъ что онъ, я не сомнѣваюсь, сдѣлаетъ все, что сможетъ. Переписанный экземпляръ у меня готовъ; я его представлю завтра при рапортѣ Перовскому, а Перовскій при своемъ докладѣ Государю. Если уже я долженъ подвергнуться наказанію, то пусть Государь оцѣнитъ мою вину и мое намѣреніе. Худшее, что можетъ случиться, какъ мнѣ говорятъ, это — просидѣть съ мѣсяцъ въ крѣпости. Что касается до меня, то, уповая на милость Божію,

[1]) Запросъ, полученный Ю. Ѳ-чемъ за подписью Перовскаго и помѣченный 3-мъ числомъ марта, былъ слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія Государя Императора дошло, что въ обѣихъ столицахъ ходятъ по рукамъ писанныя вами письма, относящіяся до Балтійскаго края; содержаніе же писемъ этихъ таково, что могло быть взято вами только изъ находящихся на мѣстѣ офиціальныхъ документовъ. Вслѣдствіе сего Е. И. В. Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы вы дали немедленно отзывъ о томъ, какимъ образомъ вы могли себѣ позволить ввести въ частную переписку свѣдѣнія и разсужденія, сдѣлавшіяся вамъ извѣстными по служебнымъ вашимъ отношеніямъ, почему оня и подлежали канцелярской тайнѣ. Во исполненіе Высочайшей воли сей, предписываю вамъ дать немедленно по сему предмету помянутый отзывъ“.

я твердо увѣренъ въ томъ, что наказаніе будетъ временное, къ исправленію, и не отниметъ у меня возможности дѣйствовать по мѣрѣ силъ на пользу отечества, на поприщѣ службы. Одинъ урокъ я извлеку изъ всего: не допускать до выраженія и обнаруженія страсти, хотя бы и безкорыстной, хотя бы и вызванной страстными дѣйствіями противной стороны. Въ этомъ я точно виноватъ, если не передъ людьми, то передъ Богомъ; но главное, что меня мучитъ и безпокоитъ это—огорченіе, которое, по неосторожности моей, я причиняю вамъ и маменькѣ, и послѣдствія этого огорченія. Отъ всей души прошу у васъ въ этомъ прощенія, обнимаю васъ нѣжно и молю Бога, чтобъ онъ и вамъ ниспослалъ такое же твердое упованіе, какое я теперь ощущаю... Я буду вамъ писать, покуда я распоряжаюсь собою; если же меня посадятъ, то вы получите письмо отъ Попова. Мнѣ не нужно васъ и предупреждать, чтобы вы внушили всѣмъ нашимъ знакомымъ и пріятелямъ не выражать ко мнѣ большого соболѣзнованія; въ отношеніи къ своимъ пріятелямъ я уже распорядился самъ. Еще разъ обнимаю васъ.

214.

(Петербургъ), 4 марта (1849).

Прилагаемое письмо [1]) долженъ былъ отвести къ вамъ графъ Пушкинъ; но онъ отложилъ свою поѣздку и возвратилъ мнѣ его нынче, къ крайнему сожалѣнію моему, потому что второе письмо [2]), посланное мною черезъ Давыдову (вдову Евдокима Васильевича) [3]), застигнетъ васъ врасплохъ. Новаго—ничего. Мой рапортъ [4]) и экземпляръ писемъ при мнѣ отосланы къ Государю нынче утромъ, во 2-мъ часу. Теперь 8-й; я спокойно сижу у себя. Это—добрый знакъ. Пусть только прочтетъ Государь, а тамъ я на все готовъ. Запеча-

---

[1]) Т. е. письмо отъ 27 февраля; см. письмо за № 212.

[2]) Т. е. предыдущее, отъ 3 марта.

[3]) Екатерина Николаевна Давыдова, рожд. Ермолова (род. въ 1803 г., ум. въ 1883 г.), родная сестра генералъ-маіора Петра Николаевича Ермолова и двоюродная сестра Алексѣя Петровича Ермолова. Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ (ум. въ 1843 г.)—генералъ-маіоръ.

[4]) Этотъ рапортъ Ю. Ѳ-ча, написанный вслѣдствіе вышеприведеннаго запроса министра (см. примѣчаніе къ письму за № 213), не сохранился.

тываю это письмо, хотя рѣшительно не знаю, когда удастся его послать [1]).

215.

(Петербуръ), 5 марта (1849) [2]).

Любезный папенька, пишу вамъ только нѣсколько словъ, чтобы не оставлять васъ безъ извѣстій. У меня пропасть хлопотъ и дѣлъ, но я, слава Богу, здоровъ. Графиня С. И. Соллогубъ сейчасъ посылала за мною по дѣламъ раздѣла. Вотъ еще кстати! Сейчасъ ѣду въ министерство [3]). Обнимаю нѣжно васъ, маменьку, Машу, всѣхъ братьевъ.

216.

(Петербургъ), 17 марта 1849 [4]).

Любезные папенька и маменька, благодареніе Богу! я свободенъ. Нынче въ 9 час. вечера за мною послали фельдъегеря и повезли прямо къ Государю, который принялъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ. Вотъ первыя слова: „сознаете ли вы ваше положеніе?“—„Сознаю, В. В., что я виноватъ“.

---

[1]) На мѣстѣ адреса написано: „Папенькѣ отдать наединѣ“.

[2]) Вскорѣ послѣ того, какъ Ю. Ѳ. написалъ своему отцу предыдущее письмо, онъ былъ потребованъ къ министру. Оказалось, что Государь, прочитавъ докладъ Перовскаго, рапортъ Ю. Ѳ-ча и 5-ую главу его „Писемъ изъ Риги“, нашелъ объясненіе неудовлетворительнымъ и потребовалъ отъ Ю. Ѳ-ча вторичнаго отвѣта. Вслѣдствіе этой Высочайшей резолюціи Перовскій предъявилъ Ю. Ѳ-чу слѣдующій запросъ, помѣченный 5-мъ числомъ марта: „Государь Императоръ находитъ объясненія ваши неудовлетворительными: вы говорите, что офиціальныхъ бумагъ никому не сообщали, а между тѣмъ писали о томъ же предметѣ записки, въ видѣ писемъ, и читали ихъ своимъ знакомымъ; посему Е. И. В. Высочайше повелѣлъ истребовать отъ васъ немедленно объясненіе: кто именно эти знакомые, кому письма читаны, и не списывали-ль они для себя копіи съ вашего сочиненія“.

[3]) Изготовивъ рапортъ на вторичный запросъ министра, Ю. Ѳ. отвезъ его министру и передъ тѣмъ написалъ настоящее письмо отцу. Вернувшись домой въ третьемъ часу, онъ легъ отдохнуть, а въ 4 часа пріѣхалъ курьеръ, который передалъ ему требованіе явиться немедленно къ министру. Изъ министерства Ю. Ѳ. препровожденъ былъ фельдъегеремъ въ Петропавловскую крѣпость.

[4]) Письмо это написано было Ю. Ѳ-чемъ послѣ освобожденія его изъ заключенія и послѣ словъ, сказанныхъ ему Государемъ въ Зимнемъ дворцѣ.

—„Повинной головы и мечъ не сѣчетъ, по русской пословицѣ". Затѣмъ Государь протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Я былъ всегда другомъ вашихъ родителей и васъ хотѣлъ не казнить, а спасти". Государь посадилъ меня противъ себя и долго со мною бесѣдовалъ. Слова Государя врѣзались мнѣ въ память, и я вамъ ихъ передамъ. Они содержали въ себѣ упрекъ, наставленіе и милость. Но удастся ли мнѣ передать вамъ спокойную твердость, полную снисхожденія, съ какою они были произнесены? По окончаніи, Государь обнялъ меня и сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ въ Москву немедленно и успокоилъ васъ. Тамъ я буду ожидать приказаній Государя насчетъ дальнѣйшей службы моей, которой постоянное мѣсто будетъ въ Москвѣ. Я началъ немедленно собираться въ путь, и если удастся, то надѣюсь выѣхать завтра въ ночь или послѣ завтра рано утромъ [1]). Болѣе писать не могу. Велика милость Господня и милость Государя! Возблагодаримъ Бога! Какъ меня утѣшило извѣстіе, что вы здоровы! Это письмо немногими днями предупредитъ мой пріѣздъ. Нѣжно, отъ всей души обнимаю васъ, Машу, всѣхъ братьевъ.

217.

(Симбирскъ), 28 сентября (1849) [2]).

Любезный папенька,.... сегодня вечеромъ я переѣхалъ на новую квартиру, довольно тѣсную, но очень опрятную. Погода у насъ стоитъ удивительная; въ 12 часовъ почи ходишь въ лѣтнемъ сюртукѣ и вспотѣешь. На-дняхъ меня приняли единогласно въ члены здѣшняго клуба, такъ что теперь я вполнѣ сдѣлался здѣшнимъ гражданиномъ. До сихъ поръ все идетъ какъ нельзя лучше, и я себѣ никакого другого положенія не желаю. Новаго, разумѣется, и здѣсь ничего нѣтъ. Всѣ жалуются, что на хлѣбъ нѣтъ покупателей, что овецъ никто даромъ не беретъ. Кажется, я писалъ Володѣ о моихъ занятіяхъ. Они состоятъ пока въ составленіи предположеній о замѣнѣ подводной повинности для разъѣздовъ земской полиціи и отчасти дорожной денежнымъ сборомъ, что, вѣроятно,

[1]) Ю. Ѳ. пріѣхалъ въ Москву 22-го марта.

[2]) Письмо это написано ровно черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Ю. Ѳ-ча въ Симбирскъ.

и будетъ принято дворянствомъ. Зимою я займусь расчетами для опредѣленія суммы провозовъ и вообще движенія по Волгѣ, чтобы основать на нихъ предположеніе о пароходствѣ, а весною и лѣтомъ буду ревизовать города и осматривать мосты и гати, что и дастъ мнѣ возможность объѣхать всю губернію вдоль и поперекъ. Здѣсь множество любопытныхъ хозяйственныхъ вопросовъ можно изучать на мѣстахъ. Особенно любопытны земледѣльческія предпріятія на коммерческомъ основаніи, т. е. съ вольнонаемными людьми, которыя иногда удаются, какъ нельзя лучше, а иногда нѣтъ. Многіе изъ помѣщиковъ занимаются приведеніемъ барщины въ строгую опредѣлительность и допущеніемъ выборныхъ отъ крестьянъ къ участію въ управленіи. Не знаю, что изъ этого выйдетъ, но уже и то хорошо, что вопросы возбуждены...

218.

Кіевъ, 10 мая (1850) [1].

Любезный папенька, пользуюсь отъѣздомъ Андрея Николаевича Муравьева въ Петербургъ черезъ Москву, чтобы дать вамъ подробныя извѣстія о моемъ положеніи. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ, генералъ Бибиковъ призвалъ меня къ себѣ и объявилъ мнѣ, что, послѣ разговоровъ его съ министромъ внутреннихъ дѣлъ обо мнѣ, онъ намѣренъ назначить меня на мѣсто... правителя его канцеляріи, но что онъ предварительно хочетъ со мною ознакомиться и поручаетъ мнѣ составить полную записку изъ всѣхъ отчетовъ по управленію краемъ, которые онъ представлялъ Государю. Всѣ эти бумаги были мнѣ переданы изъ секретной канцеляріи. Кажется, черезъ недѣлю я окончилъ эту работу и въ два пріема прочелъ ее генералу Бибикову, который остался ею очень доволенъ и тотчасъ же велѣлъ мнѣ написать и переписать собственною моею рукою письмо къ Перовскому, въ которомъ онъ проситъ о назначеніи меня исправляющимъ должность правителя его канцеляріи съ тѣмъ, чтобы при

---

[1]) Годъ на этомъ письмѣ не помѣченъ, но изъ содержанія его видно, что оно написано въ первый годъ службы Ю. Ѳ-ча въ Кіевѣ и, слѣдовательно, относится къ 1850 г.

этомъ я оставался чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, дабы не подвергать меня невыгодамъ, сопряженнымъ съ перемѣною службы. Это письмо было подписано генераломъ Бибиковымъ и запечатано мною въ его присутствіи; никто объ этомъ не зналъ, и мнѣ велѣно было держать дѣло въ величайшемъ секретѣ. Вотъ почему я даже не рѣшился писать вамъ обо всемъ этомъ по почтѣ, такъ какъ я вовсе не увѣренъ, что письма мои не читаются. Кажется, что письмо къ министру было отправлено въ субботу на предпослѣдней недѣлѣ великаго поста. До сихъ поръ нѣтъ отвѣта, изъ чего генералъ-губернаторъ заключаетъ, что Перовскій не рѣшился взять на себя исполнить его просьбу и доложилъ о томъ Государю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Перовскій будетъ очень радъ просьбѣ генералъ-губернатора и что Государь не воспротивится, по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ генералъ Бибиковъ. Я очень благодаренъ ему за предположенное имъ назначеніе меня къ важной должности. Какъ бы то ни было, это—признакъ довѣрія, который долженъ подѣйствовать и послужитъ въ мою пользу, особенно послѣ противоположнаго отзыва гр. Закревскаго въ прошломъ году. По полученіи отвѣта на частное письмо, пойдетъ офиціальное представленіе. Все это протянется довольно долго. Между тѣмъ, съ разныхъ сторонъ доходили до меня отзывы генерала Бибикова обо мнѣ очень благопріятные, какъ-то напримѣръ, что, наконецъ, онъ нашелъ человѣка, который будетъ ему помощникомъ, на котораго онъ можетъ вполнѣ положиться и т. д. Третьяго дня, наконецъ, онъ проговорился своему доктору о томъ, что мѣсто правителя канцеляріи мнѣ предназначено. Кое-кто объ этомъ узналъ, и я въ эти два дня наслышался поздравленій, совѣтовъ, предостереженій и доносовъ... гадкихъ больше, кажется, чѣмъ во всю жизнь мою. Не знаю, слышали ли вы о пріѣздѣ въ Кіевъ нѣкоего Глѣбова, воспитанника Училища Правовѣдѣнія [1]), который вмѣстѣ съ сыномъ княгини Катерины

---

[1]) Павелъ Николаевичъ Глѣбовъ (ум. въ 1876 г.), окончившій Училище Правовѣдѣнія въ 1845 г. Въ 1856 г. П. Н. былъ генералъ-аудиторомъ флота; скончался онъ въ Одессѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Алексѣевны Оболенской [1]) былъ отвезенъ въ Петербургъ и допрашиваемъ. Еще прежде этой исторіи онъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Кіевъ; такъ какъ онъ вполнѣ оправдался, то Государь велѣлъ, чтобы дѣло это нисколько не было для него препятствіемъ по службѣ. Какъ скоро его выпустили, онъ явился къ графу Панину, который прочелъ ему длинное наставленіе и окончилъ его тѣмъ, что „я впредь къ вамъ никакого довѣрія имѣть не могу". Съ этимъ Глѣбовъ поѣхалъ въ Кіевъ, къ должности; но черезъ недѣлю, какъ только онъ нанялъ квартиру и обзавелся, получаетъ онъ отъ графа Панина извѣстіе, что онъ его переводитъ въ Вологду. Какъ пріятно! Бѣдный Глѣбовъ обратился къ генералу Бибикову, который далъ ему совѣтъ оставить министерство юстиціи и теперь принимаетъ его къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Этотъ поступокъ дѣлаетъ ему много чести. Такимъ образомъ, Панинъ лишился очень умнаго, способнаго, опытнаго и совершенно надежнаго чиновника, а я пріобрѣлъ хорошаго товарища. Это весьма кстати... Вообще, я долженъ васъ предупредить заранѣе, что, несмотря на хорошее расположеніе ко мнѣ генерала Бибикова, я вовсе не считаю себя въ прочномъ положеніи. Не говоря объ интригахъ, которыя будутъ направлены противъ меня и которымъ я не приписываю большой важности, могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, которыя заставятъ меня самого удалиться. По тону генерала Бибикова и его обращенію со мною вообще я не думаю, чтобы онъ когда-либо далъ мнѣ одно изъ тѣхъ порученій, которыхъ порядочный человѣкъ не приметъ; однакоже это можетъ случиться; наконецъ, есть такія мысли и предположенія, для которыхъ я не только не соглашусь служить орудіемъ, но противъ которыхъ, при случаѣ и, разумѣется, наединѣ съ генераломъ Бибиковымъ, буду говорить со всею откровенностью, какъ велитъ совѣсть. Если обстоятельства поставятъ меня въ такое положеніе, не знаю, какъ онъ это приметъ. Все это я вамъ пишу для того, чтобы положеніе мое было для васъ совершенно ясно и чтобы

---

[1]) Вѣроятно, кн. Андрей Васильевичъ Оболенскій (род. въ 1825 г., ум. въ 1875 г.), сынъ кн. Василія Петровича и кн. Екатерины Алексѣевны (рожд. гр. Мусиной-Пушкиной; род. въ 1786 г., ум. въ 1875 г.) Оболенскихъ.

васъ не поразило неожиданностью своею извѣстіе о моемъ удаленіи, если Богу угодно будетъ, чтобы то случилось. Настолько вы меня знаете, что въ словахъ моихъ вы не увидите проявленія ребяческой удали. Я и по лѣтамъ не ребенокъ, имѣю нѣкоторую опытность и никогда фанфарономъ не былъ. Поэтому вы можете быть увѣрены, что я не стану напрашиваться на ссору. Напротивъ, я буду всячески избѣгать ея, но повторяю опять: я имѣю постоянно въ виду, что въ моемъ положеніи совѣсть моя можетъ потребовать разрыва, и васъ прошу имѣть въ виду то же...

219.

Кіевъ, 24 августа 1850 [1]).

Грустно мнѣ было уѣзжать изъ Москвы, любезный папенька, хотя я пробылъ съ вами долѣе, чѣмъ надѣялся. Припоминая, съ какою радостью вы меня встрѣтили, какъ хорошо мы проводили время въ Измалковѣ, я помышлялъ во всю дорогу о томъ, какъ бы поскорѣе воротиться опять домой съ тѣмъ, чтобы уже не уѣзжать. Я теперь ничего лучшаго для себя не желаю, какъ жить съ вами вмѣстѣ въ Москвѣ, и благодарю Бога, что такъ устроились наши отношенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ на меня грусть и раскаяніе, когда, припоминая прошлые годы, я нахожу въ нихъ случаи, въ которыхъ я причинялъ вамъ огорченія, увлекаясь ребяческимъ задоромъ и страстью къ противорѣчію. Какъ поздно всякій человѣкъ пріобрѣтаетъ ясное понятіе о самыхъ простыхъ и естественныхъ отношеніяхъ и научается обсуждать ихъ не только съ своей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія другого! Я знаю, что вы не имѣете на меня никакого неудовольствія и давно простили мнѣ всѣ вины, но все же лучше бы, если бъ ихъ вовсе не было.—Мы пріѣхали въ Кіевъ 22-го числа, часамъ къ 7-ми пополудни, слѣдовательно, безъ малаго вчетверо сутокъ. Дорогою испытали невыносимыя жары, дожди, грозу и холодныя ночи, но доѣхали благополучно. По пріѣздѣ я нашелъ посылку

[1]) 10 іюля 1850 г. Ю. Θ., получивъ мѣсячный отпускъ, ѣдетъ къ родителямъ, которые жили въ подмосковной—Измалковѣ; обратно въ Кіевъ онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ ген.-губ. Бибиковымъ 19 августа.

отъ Николеньки (перья и Рёпеля [1]). Здѣсь ожидаютъ въ скоромъ времени Наслѣдника, а потомъ Государя. Надѣюсь скоро получить отъ васъ письма. Обнимаю васъ нѣжно, маменьку, Машу и всѣхъ.

---

[1]) Dr. Richard Roepell. Geschichte Polens.

IX.

Къ Владиміру Θедоровичу Самарину [1]).

220.

(Петербургъ, 1846) [2]).

Любезный Володя, я получилъ твое письмо и былъ имъ весьма доволенъ. Ты пишешь мнѣ, что ты находишь наслажденіе въ занятіяхъ; это—дѣло естественное, и мнѣ и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ твоей искренности. Теперь уже наступило для тебя то время, когда пробуждается самобытная дѣятельность мысли, когда мысль начинаетъ повѣрять и оцѣнивать все пріобрѣтенное знаніе и дѣлать изъ него свои выводы, когда образуются первыя убѣжденія, едва ли не самыя важныя. Не видавшись съ тобою давно, я не знаю, какое направленіе приметъ мысль твоя, но, сколько я знаю профессоровъ, которыхъ ты слушалъ, и характеръ университетскаго преподаванія, мнѣ сдается отсюда, что ты на первыхъ порахъ едва ли избѣгнешь односторонности. Въ университетѣ господствуетъ начало нѣмецкаго раціонализма на предпослѣдней ступени его развитія, то начало, которое признаетъ въ знаніи логическомъ послѣднюю сферу развитія духа и которое въ послѣднее время обличило свое безсиліе, когда, окончивъ съ грѣхомъ пополамъ свое логическое построеніе, оно встрѣтилось съ жизнью. Это направленіе особенно поучительно въ послѣднихъ, но неизбѣжныхъ его

---

1) Владиміръ Θедоровичъ Самаринъ (род. въ 1827 г., ум. въ 1872 г.)—братъ Ю. Θ-ча.

2) Письмо это, какъ видно изъ послѣдней фразы: „Нашъ комитетъ закрытъ, и, какъ скоро провожу Мишу, я, вѣроятно, поѣду въ Ригу“, относится къ іюню 1846 г. Подъ комитетомъ нужно разумѣть Лифляндскій комитетъ 1846 г., помощникомъ производителя дѣлъ котораго состоялъ Ю. Θ-чъ. М. Θ. Самаринъ поѣхалъ за границу 13 іюля 1846 г.

крайностяхъ. Къ сожалѣнію, весьма немногіе доходятъ до конца. Большею частью принимаютъ на вѣру нѣкоторые результаты, не повѣряя ихъ, какъ дѣлаетъ Грановскій, или останавливаются на половинѣ дороги, какъ Рѣдкинъ. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Односторонность ихъ философскихъ убѣжденій объясняется и поддерживается односторонностью ихъ историческихъ знаній. Система ихъ, вышедшая изъ условій западнаго развитія, прилагается къ исторіи народовъ западныхъ; но они забываютъ, что есть другая половина, цѣлый міръ православно-славянскій, который имъ вовсе не вѣдомъ и съ ихъ точки зрѣнія не можетъ быть понятъ. Изученіе этого міра и сочувствіе со всѣми его явленіями приготовитъ переворотъ въ наукѣ и предохранитъ насъ отъ соблазна высокоразвитой общественности западной и готовой науки. Зная по опыту, что это такъ, я прошу тебя принять совѣтъ: каковы бы ни были твои занятія, не удаляйся отъ той среды, въ которой ты поставленъ, и посвящай на изученіе ея часть твоихъ занятій. Читай отцовъ Православной Церкви, читай не бѣгло, не наскоро, а съ разстановкою и размышленіемъ, читай русскія лѣтописи, изданія Археографической Коммиссіи. Не спѣши судить, выводить заключенія и строить системы, а старайся понять и пробудить въ себѣ тотъ духъ жизни, который вѣетъ въ нашей древней исторіи и который сохранилъ въ себѣ нашъ простой народъ. Это сочувствіе всей души важнѣе и плодотворнѣе раціональнаго развитія мысли. Не знаю, понялъ ли ты, что я хотѣлъ сказать. Для уясненія, предлагаю тебѣ писать мнѣ, хоть изрѣдка, о твоихъ занятіяхъ, сообщать мнѣ твои недоумѣнія, образъ мыслей и все, что будетъ занимать тебя, а я буду отвѣчать тебѣ. Еще одинъ совѣтъ. Напрасно ты отказался отъ охоты, не извѣдавъ ея разнообразныхъ радостей. Охота, не упоминая о другихъ ея достоинствахъ,—отличное средство противъ скуки и хандры. Засимъ прощай. Надобно мнѣ съѣздить къ графу Панину, который недавно пріѣхалъ. Обними отъ меня папеньку, маменьку, Машу, Николеньку, Петю и Митю. И тебя обнимаю, будь здоровъ и пользуйся лѣтомъ.

P. S... Нашъ комитетъ закрытъ, и, какъ скоро провожу Машу, я, вѣроятно, поѣду въ Ригу.

221.

(Рига, 1847)[1].

Любезный Володя, я на-дняхъ искалъ у себя 4 № „Чтеній" и очень удивлялся, не находя его, потому что я помнилъ, что я получилъ и прочелъ его. Теперь я припоминаю, что я изъ Риги везъ его съ собою въ Москву[2]) и позабылъ у васъ. Пришли мнѣ его при первой посылкѣ. Ты совершенно справедливо замѣчаешь, что въ эпоху Петра вводится у насъ терминологія для предметовъ не существующихъ, названія сословій, тогда какъ сословій не было. Ихъ точно не было въ смыслѣ западномъ, то-есть не было рѣзкаго, непроходимаго разграниченія, не было суровой исключительности, не было зародышей будущихъ ненавистей и потрясеній. Доступъ всюду былъ открытъ всѣмъ. Но если не было сословій, было дѣленіе по занятіямъ и промысламъ. Былъ классъ служебный, который переименованъ только въ дворянское сословіе, былъ классъ торговый и т. д. При Петрѣ первоначальный характеръ нашихъ древнихъ учрежденій во многомъ измѣнился, но во многомъ также удержался, только подъ другими формами. Напримѣръ, законъ о томъ, что если два поколѣнія или три (навѣрное не припомню) не служили, то потомки ихъ теряютъ дворянство, есть обычай старый. Я также имѣю причины думать, что въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, особенно въ Новѣ-городѣ, было довольно рѣзкое разграниченіе между классомъ правительственнымъ, торговымъ и ремесленнымъ. Посадники, большіе люди и малые люди, или мужи и люди, кажется, соотвѣтствуютъ тремъ сословіямъ, встрѣчаемымъ въ средневѣковыхъ германскихъ городахъ: магистрату, большой гильдіи и малой, или die Grossen und Kleinen, die Männer und Leute. Впрочемъ, это—

[1]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ написанія, но послѣднія фразы: „поздравляю съ праздникомъ; не забудь написать, какъ ты и Николенька выдержите экзамены свои"—указываютъ, что письмо это написано весною, около Пасхи, а сходство его съ письмомъ Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову отъ 6 октября 1846 г. (см. письмо за № 169) и упоминаніе про поѣздку изъ Риги въ Москву заставляютъ отнести его къ 1847 году. Такъ какъ Пасха въ 1847 году была 23 марта, то письмо это было написано въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1847 года.

[2]) Разумѣется поѣздка Ю. Ѳ-ча въ Москву въ ноябрь 1846 г. на свадьбу сестры своей Марьи Ѳеодоровны.

мое предположеніе, которое я намѣренъ разъяснить, и мой секретъ. Всего на листкѣ не упишешь. Прощай, обнимаю тебя и поздравляю съ праздникомъ. Не забудь написать, какъ ты и Николенька выдержите экзамены свои[1]).

222.

(Петербургъ), 12 января 1849.

Любезный Володя,... въ это послѣднее время я былъ сильно занятъ, такъ что иногда просиживалъ дома безъ обѣда, а вчера легъ спать въ 8 часовъ утра. Я прикомандированъ въ качествѣ помощника производителя дѣлъ къ Остзейскому комитету, который будетъ разбирать наши проекты для Риги; настоящій производитель[2]) городскихъ дѣлъ не знаетъ, такъ что я исправляю самую трудную и скучную работу, т. е. сочиняю доклады, а онъ докладываетъ. Привыкнувъ работать по заказу, я не жалуюсь, но работаю безъ всякаго участія, потому что въ десятый разъ излагаю одно и то же, то на 10 листахъ, то на трехъ, то на одномъ, однимъ словомъ, жую жвачку, опошливаю и искажаю въ собственныхъ своихъ глазахъ свою же мысль. Въ субботу, т. е. послѣ завтра, назначено первое засѣданіе комитета и, вѣроятно, второго не потребуется. Я почти никуда не выѣзжаю и видаюсь рѣдко даже съ Карамзиными, которые живутъ въ двухъ шагахъ отъ меня... Въ Петербургѣ носится слухъ, что наши войска заняли Галицію, по соглашенію съ австрійскимъ правительствомъ, для того, чтобы развязать ему руки въ Италіи и Венгріи[3]), и что какой-то господинъ изъ Австріи съ толпою Поляковъ угрожаетъ нашимъ предѣламъ[4]). Передаю вамъ слухъ, не ручаясь отнюдь за достовѣрность. Вотъ и всѣ новости...

223.

(Симбирскъ), 22 сентября 1849.

Любезный Володя,... я не могу судить о справедливости твоего сужденія о тульскихъ крестьянахъ. Вѣрю, что они

[1]) Ср. письмо за № 206.

[2]) Гр. Дмитрій Николаевичъ Толстой; см. примѣч. 2-ое къ письму за № 178.

[3]) Галиція была занята русскими войсками только въ концѣ апрѣля 1849 г., передъ самымъ началомъ Венгерской кампаніи.

[4]) Вѣроятно, польскій революціонеръ Бемъ, который въ началѣ 1849 г. вторгся съ отрядомъ Венгерцевъ и Поляковъ въ Буковину и хотѣлъ проникнуть въ Галицію.

таковы, какими ты ихъ описываешь, но раскрытіе причины—дѣло трудное, особенно для насъ, у которыхъ нѣтъ ключа къ образу мыслей, понятіямъ, наклонностямъ крестьянъ. Я увѣренъ, что почти всегда порокъ или привычка, которую мы принимаемъ за причину, въ самомъ народѣ имѣющую свой корень, есть послѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, т. е. экономическихъ причинъ, способа управленія и т. д. Не должно никогда забывать, что народъ, по своему положенію, очень мало участвуетъ въ собственномъ своемъ образованіи; его образуютъ другіе. Въ одномъ мнѣ извѣстномъ имѣніи замѣчено было, что провинившіеся крестьяне рѣдко сознавались въ своихъ проступкахъ добровольно, что̀ и естественно. По существующему у насъ странному убѣжденію, что собственное признаніе необходимо для улики, принято было за обычай, послѣ словеснаго допроса, производить допросъ, какъ говорится, розгами, т. е. страхомъ, стыдомъ и болью вынуждать признаніе. Что жъ изъ этого вышло? Чувство нравственнаго стыда совершенно исчезло, убѣжденіе словомъ потеряло всякое значеніе, и всякій сталъ готовиться къ допросу не испытаніемъ совѣсти, а подкрѣпленіемъ нервовъ. Запирательство болѣе и болѣе укоренялось; розги становились болѣе и болѣе необходимыми, такъ что уже теперь сами крестьяне, приносящіе жалобы, требуютъ, чтобы допросъ производился розгами, считая допросъ безъ розогъ за потачку обвиненному. Спрашивается: розги—послѣдствіе запирательства или запирательство—послѣдствіе розогъ? Можетъ быть то и другое. А какъ теперь вывести этотъ порядокъ? Невольно призадумаешься, встрѣчая на каждомъ шагу необходимыя послѣдствія, въ которыя вовлекаетъ система управленія, основанная на вынужденномъ, а не на свободномъ подчиненіи.—Мнѣ предстоитъ въ здѣшнемъ краѣ много занятій. Теперь я занимаюсь изученіемъ способовъ облегченія земскихъ повинностей: подводной и дорожной. Сдѣлавши предварительную работу и затребовавъ всѣ нужныя свѣдѣнія, я примусь за проектъ пароходства по Волгѣ—статья очень важная, ибо пароходство представляетъ единственное средство доставлять въ Петербургъ приволжскій хлѣбъ въ такой срокъ, который бы позволялъ удовле-

творять требованіямъ изъ-за границы до новаго тамъ урожая, т. е. до перемѣны обстоятельствъ, вынудившихъ это требованіе. Ревизія городовъ пойдетъ своимъ порядкомъ. По этой части предстоитъ изучить мелочную хлѣбную торговлю, т. е. закупъ приказчиками хлѣба у крестьянъ — обширное поле для воровства самаго наглаго и безстыднаго. Дѣла о раскольникахъ, конокрадство и т. д. представляютъ тоже любопытныя стороны...

224.

Кіевъ, 3 іюля 1852.

Любезный Володя,... твой переѣздъ въ Симбирскъ [1]) имѣетъ большое значеніе собственно для тебя, въ твоей жизни. До сихъ поръ ты былъ недоволенъ своимъ образомъ жизни и собою, но ты могъ винить въ этомъ.... отсутствіе обязательныхъ занятій и т. д. Теперь положеніе твое измѣняется; съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и то, что̀ могло тебѣ служить отговоркою передъ самимъ собою. Пора тебѣ принять себя въ руки и натянуть поводья. Безъ принужденія самого себя ничего не сдѣлаешь... Я повторю тебѣ опять то, что̀ говорилъ тебѣ много разъ: не теряй власти надъ самимъ собою, пріучайся въ каждую минуту дня отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ ты дѣлаешь и чего не дѣлаешь. Совѣсть непремѣнно подастъ голосъ, если только прислушиваться къ ней. Чѣмъ яснѣе она будетъ вразумлять тебя, тѣмъ болѣе ты будешь недоволенъ — не положеніемъ своимъ, не внѣшнею жизнью, а самимъ собою. Это неудовольствіе — совсѣмъ не то чувство неопредѣленнаго неудовлетворенія и скуки, которое посылается въ наказаніе человѣку за нерадѣніе о душѣ его, напротивъ, оно наполняетъ жизнь, потому что оно сопряжено съ сознаніемъ нравственнаго долга. Однимъ словомъ, какая бы работа ни была задана человѣку, она должна непремѣнно сопровождаться работою надъ самимъ собою. Прощай, обнимаю тебя крѣпко. Дай Богъ тебѣ освѣжиться и окрѣпнуть! Пиши мнѣ изъ Симбирска.

---

[1]) Владиміръ Ѳедоровичъ Самаринъ поступилъ въ это время на службу въ Симбирскѣ.

X.

Къ Михаилу Өедоровичу Самарину.

225.

(Петербургъ), 8 марта 1845.

Любезный Миша,.... вотъ уже четвертый день, какъ я ѣзжу въ Сенатъ [1]) и просиживаю отъ 9½ до 3-хъ часовъ. Занятія—самыя интересныя, сопряженныя съ пріятностью и пользою для ума и сердца. Экзекуторъ принесетъ кипу полученныхъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ рапортовъ; ихъ запишешь въ настольный реестръ и отмѣтишь годъ, число, номеръ и т. д. Потомъ принесутъ копій съ 30 съ 3-хъ или 4-хъ указовъ; ихъ перечтешь въ 6 или 7 рукъ и выправишь. Потомъ дадутъ на домъ составить записку изъ какого-нибудь дѣла или извлеченіе изъ варварской просьбы. Сперва меня бѣсили безпрестанныя повторенія, дикое правописаніе и вычурный слогъ; я принимался поправлять ошибки и слогъ, но послѣ бросилъ это дѣло, какъ ненужное и ни къ чему не ведущее. Теперь я начинаю свыкаться съ канцелярскими формами, т. е. могу писать безъ зазрѣнія совѣсти *предмѣтъ*, *принимание* и пр., могу обходиться безъ знаковъ препинанія и сочинять періоды въ три страницы, нанизывая причастія и дѣепричастія и не употребляя глаголовъ. Это пріятное занятіе отнимаетъ послѣобѣденное время отъ 6 до 11 и 12 часовъ. Боже мой, сколько времени, и какъ бы можно было употребить его! На занятія, къ которымъ лежитъ у меня сердце, изрѣдка удается урывками

---

1) 20 февраля 1845 г. Ю. Ө. опредѣленъ былъ старшимъ помощникомъ секретаря 1 департамента Пр. Сената.

посвятить часа два-три, сдѣлаешь кое-какія выписки, но ни одна мысль не успѣетъ созрѣть и выразиться...

226.

Москва, 13 января, въ ночь, (1848) [1].

Любезный Миша, я получилъ въ Москвѣ, куда пріѣхалъ въ отпускъ, на время, твое письмо, писанное изъ Италіи; изъ какого именно города—не сказано. Я не вполнѣ его понялъ, потому что ты, кажется, многаго не договорилъ, а я, не видавшись съ тобою цѣлыхъ полтора года и не бывъ съ тобою въ постоянной перепискѣ, не могу угадать недосказаннаго. Настолько я понялъ тебя, что ты сознаешь въ своемъ прошедшемъ раздвоеніе, происходившее отъ ложнаго стремленія подавить въ себѣ существенную сторону души—чувство прекраснаго, потребность наслажденія. Все это такъ, но, какъ ты полагаешь помирить этотъ разрывъ въ себѣ и для себя, я не вижу и не понимаю изъ твоего письма. Всё-таки изъ твоего письма и изъ другихъ писемъ я вижу, что ты много, слишкомъ много занятъ собою: живешь въ себѣ, осуждая и объясняя себя самому себѣ. Я за это тебя не виню, но сохрани тебя Богъ искать счастія для себя, предаться личнымъ стремленіямъ. И для тебя и для меня пора исканія личнаго блаженства въ наслажденіи прекраснымъ, въ любви, въ знаніи, въ чемъ бы то ни было миновала. Его можно найти только въ самопожертвованіи, въ забвеніи о самомъ себѣ, въ дѣлѣ, въ трудѣ, начатомъ для блага своей земли, въ ощущеніи живой связи своей личности съ живымъ же существомъ, съ народомъ, къ которому мы принадлежимъ. По крайней мѣрѣ, я такъ чувствую. Одно сознаніе долга, который лежитъ на насъ, можетъ вырвать человѣка изъ очарованнаго круга личныхъ заботъ, личнаго поклоненія, пересудовъ съ собою и о себѣ. Я говорю вырвать, ибо выйти изъ него естественно, логически нельзя. Не думай, чтобъ можно было сперва поладить съ собою, а

[1]) Подлинникъ этого письма помѣченъ 13 декабря, но изъ текста его видно, что это—описка и что вмѣсто „декабря“ нужно читать: „января“. Годъ на письмѣ не помѣченъ, но содержаніе его указываетъ, что оно относится къ 1848 г.

потомъ взяться за другое. Ты никогда съ собою не поладишь, пока будешь изучать себя и заниматься собою. Вѣчно будутъ возникать противорѣчія, раздвоенія, неудовлетворенія и т. д. Наконецъ, даже общіе вопросы могутъ умѣститься въ размѣры личныхъ вопросовъ. Я знавалъ человѣка и ты знавалъ его — ***, который утверждалъ, что онъ всю исторію всемірную пережилъ въ себѣ, и потому, начиная говорить о римской республикѣ, сводилъ рѣчь на періодъ изъ своей жизни. Берегись этого и отрезви и освѣжи свою душу въ дѣлѣ. Ты спросишь, нашелъ ли я такое дѣло. Можетъ быть и нѣтъ еще, но я найду его, ибо просящему дается. Но довольно объ этомъ, тѣмъ болѣе, что я пишу почти наугадъ, не зная навѣрное, что̀ именно у тебя на душѣ.—Я пробылъ въ Москвѣ [1]) отъ 25 декабря и выѣду 15 января, т. е. послѣ завтра... Я опять ѣду въ Ригу; надѣюсь распроститься съ нею окончательно около первыхъ чиселъ мая; тогда мы съ папенькою намѣрены отправиться въ Симбирскъ, лѣто я проведу въ Москвѣ или въ Измалковѣ, а въ августѣ или сентябрѣ поѣду за границу, если, если... Мало ли что̀ можетъ случиться; можетъ быть и я самъ откажусь отъ поѣздки, если мнѣ представится возможность живой, не бумажной дѣятельности. А сильно тянетъ меня въ Италію! Чувствую, что тамъ могли бы ярко вспыхнуть всѣ погашенные огни моей однообразной молодости. Пожить въ Италіи это—единственное, послѣднее мое требованіе отъ жизни для себя, и именно потому-то мнѣ и кажется, что оно не сбудется. Впрочемъ, неудовлетворенное желаніе, остановленное стремленіе, предугаданная и принесенная въ жертву радость пропадаютъ не даромъ. Богъ вѣдаетъ, какъ это дѣлается, но изъ всего этого образуется какая-то творческая сила, какъ изъ перегнившихъ сѣмянъ и подрѣзанныхъ стеблей образуется плодоносная почва. Я въ себѣ чувствую много силъ именно потому, что мнѣ было во многомъ отказано.— Княжескій тебѣ кланяется. Читалъ ли ты мою статью о „Современникѣ“ [2])? Она послана была Гоголю. Прощай, обнимаю тебя крѣпко.

[1]) Въ декабрѣ 1847 г. Ю. Ѳ. ѣздилъ на святки въ Москву.

[2]) Т. е. статью: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

XI.

Къ Николаю Ѳедоровичу Самарину [1]).

227.

Кіевъ, 3 февраля 1851.

Любезный другъ Николенька,.... тонъ твоего письма живо напомнилъ мнѣ прошлое время, когда и я находился въ похожемъ на твое положеніе. Ты думаешь—легко научиться наполнять жизнь свою изъ себя, извлекать изнутри содержаніе, когда до извѣстной поры оно подготавливалось другими и подносилось на блюдечкѣ. Старыя привычки, занятія, отношенія — все это порвано; естественно, что кажется и пусто и дико. Это ощущеніе пустоты, неумѣнія совладать съ собою при сознаніи, что наступило время самому устроить и внутреннюю и внѣшнюю жизнь свою, производитъ болѣзненное, подчасъ невыносимое чувство недовѣрчивости къ самому себѣ. Это чувство я испытывалъ нѣсколько разъ въ моей жизни и, несмотря на то, что теперь мнѣ извѣстенъ какъ нельзя лучше ходъ этой болѣзни, я не поручусь, что при какомъ-нибудь крутомъ переломѣ въ моей жизни оно не пріобрѣтетъ прежней надо мною власти. Напримѣръ, я испытывалъ его регулярно ежегодно, во время ученія въ университетѣ, при переходѣ съ одного курса на другой. Оно доходило до того, что я разъ просилъ Шевырева, чтобы меня выключили изъ университета по собственной просьбѣ, а не по неспо-

---

[1]) Николай Ѳедоровичъ Самаринъ (род. въ 1829 г., ум. въ 1892 г.)— братъ Ю. Ѳ-ча.

собности—такъ я сознавалъ себя кретиномъ. Какъ и что̀ выводило меня изъ этого состоянія, трудно сказать; конечно, не увѣренія другихъ, а, кажется, просто опытъ и время. Всѣ мы вообще склонны къ этого рода хандрѣ, отчасти потому, что всѣ мы болѣе или менѣе ясно сознаемъ какія-то высокія требованія нашей русской дѣйствительности, которыхъ не въ силахъ выполнить. Тебѣ нужно непремѣнно занятіе не по собственному выбору, не по призванію, а занятіе заданное, трудъ урочный. Заберись въ какой-нибудь архивъ, читай старыя дѣла, дѣлай изъ нихъ выписки и не опускайся въ отношеніи физическомъ. За одно я тебѣ могу поручиться: все это—и хандра, и скука, и недовѣрчивость къ себѣ—все пройдетъ, но, конечно, отъ тебя зависитъ ускорить выходъ изъ этого состоянія. Ты всё-таки ничего не пишешь о томъ, что̀ ты дѣлаешь по службѣ [1]): ходишь ли въ канцелярію или дежуришь у князя? Свалилъ бы я на тебя часть моей обузы! А между тѣмъ есть и наслажденіе въ трудѣ, просто въ процессѣ труда, независимо отъ результатовъ, именно въ этомъ трудѣ темномъ, невидномъ, скромномъ. Эти четыре мѣсяца [2]) пронеслись для меня, какъ одна недѣля. Въ головѣ—сумбуръ, но бездна вошло въ нее новыхъ свѣдѣній, и я знаю твердо, что все это размѣстится и уляжется. Генералъ Бибиковъ ѣдетъ черезъ недѣлю въ Петербургъ черезъ Москву, а я поѣду впередъ и буду поджидать его въ Москвѣ на первой недѣлѣ великаго поста. Сегодня суббота, можетъ быть я выѣду въ середу. Итакъ, погоди писать ко мнѣ въ Кіевъ. Прощай, обнимаю тебя заочно. Молись: *духъ праздности, унынія, любоначалія не даждь ми!*

228.

Москва, 16 марта 1852 [3]).

Любезный Николенька, я буду отвѣчать на твое письмо отъ 3 марта. Я не писалъ тебѣ о болѣзни Гоголя, потому

---

[1]) Николай Ѳедоровичъ служилъ въ это время на Кавказѣ въ канцеляріи кн. Воронцова.

[2]) Т. е. со 2 октября 1850 г., когда Ю. Ѳ-чу поручено было генераломъ Бибиковымъ управленіе значительной частью его канцеляріи; см. примѣч. 3-ье къ письму за № 140.

[3]) 9 февраля 1852 г. Ю. Ѳ. получаетъ двухмѣсячный отпускъ и ѣдетъ въ Москву здѣсь онъ пробылъ до 5 апрѣля.

что 17 числа опасность ея еще не была видна, и я, признаюсь, до послѣдней минуты, когда уже доктора не подавали никакой надежды, не вѣрилъ, чтобы Гоголь могъ умереть. Плоть сохранила надъ нимъ такъ мало власти, такъ часто одинъ духъ его, упадая, доводилъ его до предѣловъ гроба, что тотъ же духъ своею силою, казалось, могъ и долженъ былъ возстановить полуразрушенный организмъ. Ты теперь знаешь всѣ обстоятельства, сопровождавшія послѣдніе дни жизни и самую кончину Гоголя. Повторять ихъ я не стану. Изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ имъ на клочкѣ бумаги, кажется наканунѣ смерти [1]), видно, что внутренняя борьба — эта борьба, неразлучная съ высокимъ самосознаніемъ и устремленіемъ къ добру всѣхъ силъ души — достигла въ немъ крайняго напряженія. Нѣкоторыя слова въ этихъ строкахъ указываютъ на вынесенное имъ искушеніе злого духа, другія, послѣднія — на какое-то полученное имъ свыше откровеніе. Вообще, въ послѣдніе дни онъ жилъ не съ нами и не для насъ, и что̀ происходило въ это время въ его душѣ, извѣстно одному Богу, къ которому онъ весь обращенъ былъ лицомъ. Другая неразрѣшимая тайна — сожженіе второго тома „Мертвыхъ Душъ". Это есть уже наша общая утрата, и каждый по своему старается разгадать ея страшный смыслъ. Нѣкоторые видятъ въ сожженіи второго тома поступокъ художника, полнаго любви къ своему произведенію, но недовольнаго имъ, художника, которому легче разбить свое произведеніе, чѣмъ оставить его недовершеннымъ и неполнымъ. Другіе видятъ въ этомъ признакъ сомнѣнія въ правотѣ самаго направленія второго тома. Встревоженный упреками въ односторонности своего взгляда, въ безотрадности выведенныхъ имъ образовъ, Гоголь искалъ примиренія съ тою дѣйствительностью, для безпощаднаго обличенія которой онъ былъ рожденъ. Онъ искалъ идеаловъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,

[1]) Здѣсь разумѣются слѣдующія строки, написанныя Гоголемъ за нѣсколько дней до кончины на небольшихъ отдѣльныхъ записочкахъ „Аще не будете малы, яко дѣти, не внидите въ Царствіе Небесное".— „Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!"—„Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?"

оправдывалъ то, что внутренно осуждалъ, что долженъ былъ осуждать. Незаконность этой сдѣлки съ дѣйствительностью ложность этихъ уступокъ смутно имъ сознавалась, и, можетъ быть, въ этомъ сознаніи заключался источникъ его внутренняго неудовлетворенія. Ты понимаешь, что я хочу сказать. Жизнь каждаго человѣка, какъ бы, повидимому, случайно и преждевременно она ни пресѣкалась, по отношенію къ нему всегда бываетъ полна и окончена. Но по отношенію къ намъ жизнь и смерть такого человѣка, какъ Гоголь, имѣетъ особенный смыслъ. Онъ стоялъ во главѣ стремленія всей Россіи къ самосознанію, онъ, такъ сказать, носилъ его въ себѣ. Онъ стоялъ ближе всѣхъ къ разгадкѣ, и потому вся Россія смотрѣла на него съ трепетнымъ ожиданіемъ, думая получить черезъ него разгадку своей судьбы, восколько эта разгадка въ сферѣ художества можетъ открыться. И онъ умеръ съ тѣмъ вопросомъ, на которомъ остановился въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“: „куда несешься ты?“ Перечитай 258 стр. „Переписки съ друзьями“, послѣднія строки [1]). Говоря о Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Лермонтовѣ, Гоголь пророчилъ о себѣ, пророчилъ и о насъ. Съ горестью долженъ я сказать, что даже Москва не содрогнулась, или содрогнулась мало. Всеобщее безучастіе меня поражаетъ. Я помню живо, какъ все затрепетало, когда пришла вѣсть о смерти Пушкина. А теперь!... [2]). Тонъ твоего письма меня очень утѣшилъ. Ради Бога, береги свою душу отъ охлажденія, которое обдаетъ насъ всѣхъ! Прощай, обнимаю тебя нѣжно. Я пробуду въ Москвѣ до половины святой недѣли.

---

[1]) „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Спб. 1847, стр. 258: „Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался за другое, или же спускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть, и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертію, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ — и никого это не поразило. Даже не содрогнулось вѣтреное племя“.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

XII.

Къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

229.

Рига, 28 августа (1846) [1].

Вы велѣли писать мало, но не приказывали писать рѣдко, и потому простительно, что, безпокоясь о васъ, я опять прошу васъ убѣдительно написать или продиктовать нѣсколько строкъ. Ханыковъ [2]) къ моей просьбѣ присоединяетъ свою о томъ же. Если бъ мы могли быть спокойны на вашъ счетъ, то нельзя бы жаловаться на судьбу. Въ Ригѣ можно жить. Одно удаленіе отъ Петербурга, отъ его суеты и шума безжизненнаго есть уже отрицательное блаженство. Здѣсь всё-таки можно найти уединеніе, можно видѣть и толпу, людей, которые гуляютъ, а не спѣшатъ куда-нибудь, прохаживаются и прохлаждаются съ нѣкоторымъ чувствомъ независимости и собственнаго достоинства. Сравнивая мысленно бытъ петербургскій, московскій и нашихъ губернскихъ городовъ съ образомъ жизни рижскихъ горожанъ, я дивлюсь тому, какъ еще не образовалось у насъ средняго сословія. Мѣсто для него отведено въ обществѣ, но оно еще не занято. Среднее сословіе существуетъ въ смыслѣ правительственномъ, но не въ смыслѣ общественномъ. Какъ опредѣленный образъ жизни, какъ бытъ, его нѣтъ. У насъ нѣтъ середины между роскошью и неряшествомъ; въ домахъ, гдѣ нѣтъ гамбсав-

---

[1]) Годъ на письмѣ не обозначенъ, но послѣднее написано, очевидно, вскорѣ по пріѣздѣ Ю. Ѳ-ча въ Ригу, слѣдов. въ 1846 г.

[2]) Яковъ Владиміровичъ.

ской мебели [1]), бронзы и четырехъ оффиціантовъ, тамъ, навѣрное,—сальный огарокъ въ передней и слой пыли въ два пальца. Чистота и довольство у насъ очень и очень рѣдки. Вся вина падаетъ въ этомъ случаѣ на женщинъ. Вотъ почему русскіе чиновники женятся на Нѣмкахъ и почти нѣтъ примѣра, чтобы Нѣмцы средняго сословія женились на Русскихъ. Вы не можете себѣ представить, какъ легко, охотно и скоро заѣзжій Русскій надѣваетъ въ Ригѣ брачныя вериги. Пріѣдетъ холостымъ гулякою, выѣдетъ степеннымъ супругомъ. Вся наша комиссія испытала эту участь. Одинъ Ханыковъ устоялъ, но это потому, что онъ любитъ Креолокъ, Испанокъ, смоляныя косы, черные глаза, запахъ померанцевъ и Севильскія ночи. Сжальтесь надъ нищимъ одиночествомъ и успокойте вѣстью о себѣ.

230.

Рига, 24 октября 1846.

Не припомню, писалъ ли я вамъ, что я, благодаря содѣйствію Ханыкова, получилъ 28-дневный отпускъ [2]), съ строжайшимъ предписаніемъ ни подъ какимъ видомъ не просрочивать ниже одного дня. Итакъ, 1 ноября я отсюда выѣду и, пробывъ день въ Петербургѣ, надѣюсь быть въ Москвѣ 9 или 10 ноября. Повѣрите ли, что эта мысль почти отнимаетъ у меня сонъ; но радостное ожиданіе—не безъ примѣси грусти и тяжелаго предчувствія. Почти три года я не видался съ друзьями, родными по мысли, по воспоминаніямъ о первыхъ занятіяхъ молодости. Постоянной переписки между нами не было, и каждое письмо подавало поводъ къ недоумѣніямъ, спорамъ и болѣе и болѣе убѣждало и ихъ и меня, что мы расходимся. Я точно чувствую, что я въ эти три года очень перемѣнился; я уже не могу повторять за ними вслѣдъ многихъ мыслей, которыя считалъ самъ несомнѣнно истинными. Но кто же проведетъ черту между терпимостью и равнодушіемъ? Мы всѣ расположены думать, что, въ комъ простылъ жаръ юношескихъ негодованій, тотъ сдѣ-

---

[1]) Мебель работы лучшаго въ то время петербургскаго мебельщика Гамбса.

[2]) Ю. Ѳ. ѣхалъ на свадьбу своей сестры Марьи Ѳедоровны; см. примѣч. 1-ое къ письму за № 170.

лался постыдно равнодушенъ къ добру и злу; этотъ предразсудокъ—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ. Мнѣ сдается, что я потерплю отъ него. Какъ бы то ни было, если они не признаютъ перемѣны въ моемъ образѣ мыслей, если они осудятъ его и меня вмѣстѣ, это всё-таки произойдетъ только отъ невѣдѣнія, не только понятнаго, но даже простительнаго. Можетъ быть, мы разойдемся, но всё-таки я внутренно останусь вмѣстѣ съ ними, при однихъ началахъ и одномъ направленіи. Il y a cette différence entre les affections basées sur une communauté d'intérêts, d'idées et de convictions et les affections toutes personnelles, que les premières se bornent pour la plupart du temps à une certaine époque de la vie, sans presque jamais la traverser toute entière. Les affections personnelles ont aussi de rudes épreuves à subir, mais une fois qu'elles ont triomphé, elles durent éternellement. Такъ ли вы думаете и чувствуете? Dabei möchte ich Ihnen noch einmal alles sagen, was wir zusammen gedacht und empfunden, ich möchte Sie fragen, ob ein volles Zutrauen Ihnen auch zur Gewohnheit wurde und zum Herzensbedürfniss, ob Sie mir immer gut sind, wie vorher.—Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы пишете, что сбираетесь на богомолье въ Воронежъ[1]), и прибавляете: „не смѣйтесь". Я вообще ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не смѣюсь теперь, особенно если это дѣлается по сердечному влеченію, и отъ всей души желаю, чтобы эта поѣздка принесла вамъ пользу. Я надѣюсь, что вы напишете мнѣ по возвращеніи вашемъ оттуда. Я буду въ Ригѣ въ послѣднихъ числахъ ноября и очень бы желалъ пріѣхавши застать письмо отъ васъ... Здѣсь все идетъ по прежнему; я работаю прилежно, день и ночь; дѣло подвигается; Нѣмцы начинаютъ привыкать къ намъ и отдаютъ справедливость коммиссіи, что она дѣйствуетъ справедливо и безъ лицепріятія, хотя строга, nur dass sie eine scharfe Feder führt. Ханыкова пожаловали въ статскіе совѣтники, чему онъ былъ весьма радъ, и это нѣсколько разсѣяло его хандру. Слѣдующее письмо мое вы уже получите изъ Москвы, а я

[1]) Въ 1846 г. А. О. Смирнова была опасно больна и дала обѣщаніе, „при возвращеніи первыхъ силъ и по установленіи пути, ѣхать къ святителю въ Воронежъ". Изъ Калуги она выѣхала 21 ноября. Въ Воронежѣ она говѣла.

до отъѣзда надѣюсь получить отъ васъ еще нѣсколько строкъ. Не забывайте преданнаго вамъ Ю. Самарина.

231.

(Москва), 22 ноября, въ ночь, (1846) [1].

Ханыковъ m'a envoyé une lettre de vous pour moi, qui est parvenue à Riga après mon départ. Cette lettre est remarquable comme le résumé de votre manière de voir actuelle. Le fond est vrai, mais il y a, je crois, de l'Einseitigkeit. Je me réserve de vous écrire à ce sujet très au long; j'y ai beaucoup réfléchi dans ces derniers temps.—Il faudra aussi que je vous dise tout ce que j'ai sur le coeur relativement à Gogol. J'ai lu ici quelques lettres, son introduction à la seconde édition des „Мертвыя Души“ et sa conclusion au „Révisore“ [2]. La lecture achevée, nous nous sommes regardés, sans pouvoir proférer une parole; personne ne voulait être le premier à dire ce que chacun avait sur le coeur. Vous savez si je vénère Gogol; mais j'ai beau vouloir fermer les yeux à l'évidence, il m'est impossible de faire taire ma conscience, qui me dit que la tendance est fausse et qu'il y a décadence dans son talent. Je tremble pour lui, car rien n'est entraînant comme la pente sur laquelle il se trouve. Son isolement lui fait le plus grand mal. Le pays, le public semblent ne plus exister pour lui. Il était né prédicateur des vérités éternelles dans le domaine de l'art; l'art était son organe: en y renonçant il renonce à lui-même.

---

[1] Что это письмо написано въ 1846 г.,—не можетъ быть никакого сомнѣнія: въ ноябрѣ Ю. Ѳ. пріѣзжалъ изъ Риги въ Москву только въ 1846 г.

[2] Подъ нѣсколькими письмами нужно разумѣть часть „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Это послѣднее сочиненіе такъ же, какъ второе изданіе I т. „Мертвыхъ Душъ“ печаталось въ это время. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ печатались въ Петербургѣ Плетневымъ, а I т. „Мертвыхъ Душъ“ печатался въ Москвѣ Шевыревымъ. Въ это же время Гоголь предполагалъ печатать въ пользу бѣдныхъ четвертое и пятое изданіе „Ревизора“ (четвертое—въ Москвѣ, а пятое—въ Петербургѣ); для этихъ изданій онъ присочинилъ заключеніе или „развязку“. Вскорѣ, однако, въ декабрѣ этого же года, Гоголь остановилъ печатаніе „Ревизора“. Ю. Ѳ. могъ познакомиться со всѣми этими произведеніями у Аксаковыхъ, которые живо принимали къ сердцу все, что касалось Гоголя, и слѣдили „съ ужасомъ“ за всѣми этими проявленіями „новаго“ направленія Гоголя.

Au lieu de transmettre l'esprit de la doctrine, il enseigne le précepte et la forme. Tous sentent comme moi et je ne puis vous dire combien nous en souffrons. Une seule chose me rassure; j'ai foi en la pureté de ses intentions; ont peut s'égarer, mais on ne se perd pas, quand on cherche de bonne foi son salut et celui des autres. Il y a longtemps que ses lettres me faisaient éprouver un sentiment de malaise; il me semblait voir son âme se rétrécir sous le joug de la forme; je me consolais en me reconnaissant incompétent à le juger; mais je n'ai pas été le seul à sentir de même. Le père d'Aksakoff en a eu un redoublement de souffrances. Nous nous rassurons et nous nous consolons mutuellement à l'idée qu'il ne peut et ne doit pas se perdre. Ne parlez de cela à personne. Vous ne sauriez croire les bruits étranges qui courent dans le public. Un journal de Pétersbourg a eu l'impudence de déclarer presque en toutes lettres qu'il était fou [1]). Les deux lettres que vous me communiquez ne sont pas d'un genre à pouvoir rassurer. Мнѣ это ужасно грустно; хотѣлось бы покоить взоръ на Гоголѣ, какъ на человѣкѣ, который никогда не сбивался и не можетъ сбиться съ пути, а, между тѣмъ, уклоненіе очевидно. Я вамъ напишу обо всемъ этомъ подробнѣе изъ Риги, а теперь пока остается уповать на Бога, который не допуститъ заблудиться ищущаго Его.—Я ѣду изъ Москвы совершенно довольный. Меня здѣсь точно любятъ, любятъ, какъ слѣдуетъ: взыскательно и строго. Я освѣжился и запасся надолго бодростью. Теперь уже я со всѣми простился; завтра въ 6 часовъ ѣду и черезъ 8 дней буду въ Ригѣ. Вамъ посылаю отсюда послѣднее привѣтствіе. Ради Бога, не забывайте меня, пишите почаще и побольше, другъ мой Александра Осиповна! Возвращаю письма Гоголя.

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, статья Сенковскаго въ октябрьской книжкѣ „Библіотеки для чтенія" о стихотвореніяхъ Александры Бѣдаревой, въ которой говорилось о Гоголѣ: „Самолюбіе! самолюбіе книжное! Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Лютое самолюбіе! Посмотри, что ты сдѣлало изъ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился неизлѣчимо!"

232.

Рига, 22 генваря 1847.

Вы совсѣмъ забыли меня, а мнѣ не хотѣлось бы этому вѣрить и потому я безпокоюсь за васъ. Я понимаю, что, въ теперешнемъ положеніи вашемъ[1]), вы не всегда расположены писать, и что срочная переписка васъ утомляетъ; но тогда вѣдь вамъ стоитъ сказать два слова, чтобъ я не ждалъ, не безпокоился, а принималъ бы съ благодарностью хоть рѣдкія и несрочныя извѣстія. Въ Петербургѣ я еще кое-что узнавалъ стороною о васъ, но здѣсь такая глухая сторона, что все, лежащее на востокъ за Дерптомъ,—мракъ и неизвѣстность. Я теперь занимаюсь изученіемъ дѣлъ по нѣкоторымъ частямъ здѣшняго управленія лѣтъ за 10 тому назадъ. Не могу передать вамъ, какое это вселило во мнѣ отвращеніе къ этому роду дѣятельности вообще. Недобросовѣстныя недомолвки, умышленное распространеніе несбыточныхъ обѣщаній или тщетныхъ угрозъ, сознательныя несправедливости для примѣра, наконецъ, этотъ взглядъ на вещи, совершенно отстраняющій понятіе о томъ, что̀ истинно и ложно, право и неправо, взглядъ бездушнаго исполнителя, который видитъ въ мірѣ только средства и препятствія къ исполненію мысли не его, къ достиженію цѣли, не имъ поставленной и которая завтра замѣнена будетъ другою или перенесена на другой край, все это—не личные пороки и недостатки, а неизбѣжныя условія этой дѣятельности. Вотъ, что̀ ужасно! Ужасно то, что самыя добрыя начала торжествуютъ этими средствами, что святое дѣло не обойдется безъ этихъ станковъ. По крайней мѣрѣ, въ наше время—это въ дополненіе къ тому, что̀ я писалъ вамъ—только дѣйствіе лица на лицо, сло̀ва на душу можетъ быть чисто и беззлобно... Я получилъ письмо отъ Чижова изъ Рима. Онъ пишетъ, что Гоголь—въ Неаполѣ, но къ карнавалу прибудетъ въ Римъ. Прощайте. Сдѣлайте милость, не оставляйте меня такъ долго безъ писемъ, не предувѣдомивъ меня.

---

[1]) А. О. Смирнова была беременна: 30 мая у нея родился сынъ Михаилъ.

233.

Рига, 15 марта 1847.

Страстная недѣля приближается[1]) и намъ, по христіанскому обычаю, слѣдуетъ дать другъ другу взаимное отпущеніе всякаго невольнаго оскорбленія и невольной вины. Вольныхъ проступковъ противъ васъ я за собою не знаю; и съ вашей стороны ихъ не должно быть. Вотъ, второй разъ въ моей жизни, что я выдержалъ весь постъ; оба раза не безъ лишеній. оба раза я былъ совершенно одинъ, въ деревнѣ и теперь въ Ригѣ. Между тѣмъ, когда я жилъ въ Москвѣ, дома, гдѣ готовился хорошій столъ и отцу моему очень хотѣлось, чтобы я постничалъ все время, я не дѣлалъ этого. И знаете ли, какая ребяческая мысль меня удерживала? Я боялся, что меня будутъ хвалить за это.—Неужели вы не испытываете вліяніе весны? Если бъ я могъ уступить вамъ долю моихъ ощущеній! Весеннее чувство—это одинъ изъ немногихъ неоскудѣвающихъ источниковъ радостей. Я наслаждаюсь этимъ временемъ, немножко какъ художникъ. Я страстно люблю эти влажные, теплые тоны воздуха, земли и отдаленныхъ лѣсовъ, замѣняющіе зимнія холодныя тѣни и ослѣпительное освѣщеніе. Напримѣръ, какая прелесть въ тонкихъ линіяхъ красноватыхъ прутьевъ, еще обнаженныхъ, но уже полныхъ жизни! Что за воздухъ! Я наслаждался имъ не въ мѣру и схватилъ родъ воспаленія въ глазу — Ханыковъ, по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга, провелъ нѣсколько дней въ непріятномъ положеніи. Весь городъ ему приписывалъ какіе-то тайные происки, по которымъ будто бы здѣшній губернаторъ Фёлькерзамъ[2]), давно выжившій изъ лѣтъ и изъ ума, былъ уволенъ. Поведеніе *, въ этомъ случаѣ, уронило его въ моемъ мнѣніи. Если будете писать къ Ханыкову, не намекайте на это. Странно, какъ всѣ мелкія и нечистыя страстишки служебнаго міра присасываютъ каждаго, даже того, кто надъ ними смѣется и ставитъ себя

[1]) См. примѣч. 1-ое къ письму за № 221.

[2]) Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Фёлькерзамъ (род. въ 1766 г., ум. въ 1848 г.) былъ Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ съ 1829 по 1847 г.

безконечно выше. Ханыковъ сейчасъ посылаетъ за мною. Прощайте и еще разъ простите.

234.

(Рига), 26 марта 1847.

Христосъ воскресе! Поздравляю васъ, Александра Осиповна, и, по русскому обычаю, обнимаю васъ братски. Что̀ дѣлается теперь съ вами? Почувствовали ли вы хоть малое облегченіе? Ваше послѣднее письмо не выходитъ у меня изъ головы и сердца не потому, чтобы опасенія ваши за будущее перешли въ меня, но настоящее-то ваше положеніе меня мучитъ. Вы попали въ несчастную струю размышленій и предчувствій, которую бы надобно разбить; по вамъ, конечно, это трудно сдѣлать, а около васъ, можетъ быть, никто не умѣетъ за это взяться. Всё-таки, вѣроятно, всѣхъ способнѣе на это Надежда Николаевна [1]), и если она хоть изрѣдка перебиваетъ нить вашихъ размышленій, то я готовъ простить ей всѣ интриги, которыми она старалась повредить мнѣ у васъ, напримѣръ, клеветою на мои зубы и другими неправдами. Мы провели здѣсь праздникъ не по-праздничному, то-есть безъ колокольнаго звона, безъ христосованія и безъ красныхъ яицъ. Въ соборѣ на одного Русскаго было десять Нѣмцевъ, которые любопытствовали посмотрѣть, какъ молятся die undeutschen Christen. Всеобщее вниманіе занято теперь одолженіемъ, оказаннымъ нашимъ правительствомъ французскому [2]). Объ этомъ разсуждаютъ здѣсь много и весьма основательно; напримѣръ, есть политики, которые видятъ въ этомъ несомнѣнное доказательство, что Государь имѣетъ виды на Константинополь. Свадьба Ханыкова должна быть въ воскресенье; вчера пріѣхалъ отецъ его. Я заговорилъ съ вами о Франціи. Если вамъ не противенъ видъ газетъ, то прочтите рѣчь Guizot contre la prise en considération de

---

[1]) Младшая дочь Смирновой, въ замужествѣ — Соренъ.

[2]) Ю. Ѳ. разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, конвенцію, подписанную 16 марта 1847 г., о покупкѣ русскимъ правительствомъ облигацій французскаго государственнаго долга на 50 милліоновъ франковъ. Сообщеніе объ этой конвенціи помѣщено было въ № 64 „Сѣверной Пчелы“ отъ 20 марта.

la proposition de Duvergier de Hauranne [1]). A mon avis c'est un chef-d'œuvre. Personne n'a comme lui le sens du présent, personne ne sait aussi bien dégager les principes et fixer les points saillants au milieu des discussions les plus décousues. У насъ все продолжаются толки о письмахъ Гоголя [2]); не выходитъ ни одного номера журнала, въ которомъ бы его не бранили. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ доволенъ; у него наберется куча мнѣній самыхъ разнообразныхъ. Кажется, я вамъ писалъ, что я написалъ статью о направленіи подражателей его и о прочемъ [3]). Она вышла слишкомъ задорная. Если ее напечатаютъ въ „Москвитянинѣ", я немедленно пошлю вамъ экземпляръ. Вообще, эти послѣдніе мѣсяцы я работалъ очень много, по обязанностямъ служебнымъ и собственно для себя. Болѣе половины сдѣлано, и осенью я думаю раздѣлаться съ Ригою. Странно только, что, чѣмъ болѣе я приближаюсь къ сроку, назначенному для моей поѣздки за границу, тѣмъ менѣе она кажется мнѣ вѣроятною. Второй братъ мой [4]) выходитъ изъ университета; мнѣ, вѣроятно, придется опредѣлять его на службу; за нимъ поспѣетъ по слѣдамъ третій и т. д. Et puis aucune des joies que j'ai vivement désirées et que je me suis préparées de longue main ne m'a jamais été accordée. Je crois bien que, pour ce qui est de l'étranger, il faudra que je me borne à ce que vous m'avez raconté sur Nice, sur Paris et sur Rome. Auriez vous bien la bonté de m'en reparler encore, quand j'aurai le bonheur de vous revoir?

---

[1]) François Guizot (род. въ 1787 г., ум. въ 1874 г.) — знаменитый французскій историкъ и государственный дѣятель. Prosper Duvergier de Hauranne (род. въ 1798 г., ум. въ 1881 г.) — французскій политическій дѣятель и писатель, членъ Академіи, одинъ изъ организаторовъ банкетовъ, содѣйствовавшихъ подготовкѣ февральской революціи. Въ мартѣ 1847 г. Дюверже внесъ въ палату депутатовъ предложеніе объ избирательной реформѣ, а Гизо произнесъ рѣчь въ палатѣ противъ необходимости реформы.

[2]) Т. е. о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями".

[3]) „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ".

[4]) Владиміръ Ѳедоровичъ Самаринъ.

235.

(Рига), 16 апрѣля (1847)[1].

Я бродилъ цѣлый вечеръ по городскимъ окрестностямъ и все думалъ о васъ. Ваши послѣднія письма исполнены заразительной грусти. Я испытываю ее вдали отъ васъ, не будучи въ состояніи передать вамъ полноты моего сочувствія и твердой увѣренности моей, что мы увидимся, точно увидимся и будемъ говорить спокойно о нынѣшнихъ испытаніяхъ вашихъ, какъ о давно прешедшемъ времени. Послѣдній срокъ нашему свиданію наступитъ по окончаніи здѣшней ревизіи. Какъ только я буду свободенъ, поѣду въ Москву и спрошу васъ, не благоугодно ли вамъ будетъ позволить мнѣ навѣстить васъ въ Калугѣ. Я хотѣлъ сдѣлать это раньше, то-есть отпроситься въ отпускъ нынче лѣтомъ, но выходитъ, что Ханыковъ самъ ѣдетъ отсюда въ Петербургъ съ своею супругою. Я бываю у него довольно часто по вечерамъ... Vous savez depuis longtemps que le G. D. Héritier a un fils qui a été nommé Владиміръ[2]). La reprise de ce nom illustre dans notre histoire a produit la plus vive satisfaction parmi toute la population russe de Riga. C'était un mouvement tout à fait spontané qui n'a été commandé par personne et auquel probablement on ne s'attendait même pas. Comme il est facile d'acquérir de la popularité chez nous, combien de ressorts qui ne sont pas encore usés: et à côté de ces preuves d'impressionnabilité juvénile on retrouve une profonde indifférence pour la chose publique qui semble accuser une vieillesse prématurée. Chaque jour ce sont de nouveaux abus qu'on découvre, de ces abus impudents qui se font à la face du ciel, à la connaissance de tout le monde et qui ne se font que parce que généralement on les accepte avec une résignation profonde, qui au fond n'est que de l'apathie. Par notre position à Riga nous sommes au centre de tous les commérages по части службы. Вы не повѣрите, какія совершаются продѣлки. Жаль, что ни я и никто изъ насъ не способенъ

---

[1]) Что это письмо относится къ 1847 г.—доказывается извѣстіемъ, въ немъ сообщаемымъ, о рожденіи вел. кн. Владиміра Александровича.

[2]) Вел. кн. Владиміръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 г.

вести журналъ всему этому. Съ нѣкотораго времени меня вообще одолѣваетъ лѣнь. Чтобы не поддаться ей, я рѣшаюсь на нѣсколько дней бросить всѣ занятія и отправиться пѣшкомъ по окрестностямъ. У меня здѣсь есть товарищъ Англичанинъ, оригиналъ и туристъ, исходившій всю Америку. Мы съ нимъ отправляемся завтра на три дня по лѣсамъ и болотамъ. Уговоръ нашъ: заходить въ деревни и корчмы только разъ въ день, обѣдать, а спать въ лѣсу у огня. Въ Лифляндіи есть пустыри, очень удобные для кочевой жизни. Мы воротимся въ понедѣльникъ, 21 числа. Поздравляю васъ впередъ съ именинами: кажется, что и день рожденія вашего тоже около этого времени. И вы поздравьте меня съ наступленіемъ тридцатаго, а не 31-го года моей жизни, какъ мнѣ казалось [1]. Въ этотъ день здѣсь будетъ прескучный балъ. Прощайте, Александра Осиповна, да хранитъ васъ Богъ!

P.S. Le chemin de fer de Moscou à Кашира, Тула et Odessa, proposé par Черкасскій, vient d'être confirmé.

236.

(Рига, апрѣль 1847) [2].

Gnädige Frau! Вы все жалуетесь на безмысліе, безчувствіе и ослабленіе ума, а я принужденъ замѣтить вамъ по поводу вашего послѣдняго письма, что вы слишкомъ горячитесь, слишкомъ вольно мыслите и неосторожно высказываетесь по поводу давно почившаго патріарха Никона. Если вы помните содержаніе вашего письма, то согласитесь, что я правъ. Вы ужасно легко увлекаетесь, и я, въ сравненіи съ вами, не смѣйтесь,—мудрый совѣтникъ и лѣтами наученный старецъ. Хорошо, что вы взглянули на мой портретъ; такимъ уже вы меня не увидите: я въ эти три года очень состарѣлся, потолстѣлъ, отяжелѣлъ и виски взлилились. Когда увидитъ меня Надежда Николаевна, вѣроятно она сдѣлаетъ еще какое-нибудь открытіе, подмѣтитъ что-нибудь и отзовется о моей личности съ невыгодной стороны. На все го-

---

[1] Здѣсь, очевидно, ошибка: въ 1847 г. Ю. Ѳ-чу минуло 28, а не 29 лѣтъ.

[2] Это письмо, на которомъ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ его написанія, относится, какъ показываетъ фраза: Nous avons en ce moment Berlioz à Riga", ко второй половинѣ апрѣля 1847 г.

товъ, лишь бы поскорѣе увидаться. Вы правы: въ жизни необходимы Wahlverwandschaften, нами самими избранныя и созданныя. Родственныя, природныя связи не замѣняютъ ихъ, а супружеская жизнь потому-то именно и трудна, что въ ней то и другое начало совокупляются, или должны совокупляться, то-есть и Wahlverwandschaft и обязательная необходимость, свободное влеченіе и долгъ. Такъ мнѣ кажется со стороны, а испытать на дѣлѣ я не намѣренъ. Одиночество меня не пугаетъ; мнѣ кажется, что я буду въ состояніи восполнить жизнь мою. Долго же пришлось бы прождать *, если бы она дѣйствительно имѣла мысль заключить меня въ свои огромныя материнскія объятія, но я увѣренъ, что она объ этомъ не думаетъ, а до васъ дошелъ отголосокъ давнишнихъ толковъ. Здѣсь меня тоже женили на **, потому что я по цѣлымъ вечерамъ съ нею просиживалъ. Она не хороша собою, даже далеко не хороша, но душа у нея прекрасная, умъ живой и замѣчательный музыкальный талантъ. C'était ma seule ressource à Riga. Elle repart demain pour Moscou avec son frère et son oncle. Je vois avec terreur le moment où je me trouverai seul dans un immense salon au milieu d'une société occupée à des tables de jeu. Savez-vous que ne pas jouer aux cartes est positivement une calamité pour un homme, et je ne conçois pas comment je m'en tirerai en province, quand je serai совѣтникъ губернскаго правленія ou simplement помѣщикъ. Tous mes efforts pour apprendre la préférance ont été infructueux. То, что вы пишете мнѣ о ссорѣ Николая Михайловича [1]) съ вице-губернаторомъ [2]) и о раздвоеніи общества меня огорчаетъ и пугаетъ за васъ. Я вижу отсюда цѣлую тучу сплетенъ, доносовъ, наговоровъ и всякой дряни. Въ такомъ ли вы расположеніи, чтобы быть въ состояніи видѣть во всемъ этомъ одну смѣшную сторону? А бѣда, если вы будете принимать къ сердцу

---

[1]) Николая Михайловича Смирнова, мужа А. О. Смирновой. Онъ былъ въ то время Калужскимъ губернаторомъ; см. примѣч. 5-ое къ письму за № 120.

[2]) Калужскимъ вице-губернаторомъ былъ въ то время Павелъ Николаевичъ Клушинъ (род. въ 1814 г., ум. въ 1886 г.), впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. Калужскимъ вице-губернаторомъ онъ состоялъ съ 1846 по 1854 г.

и оскорбляться. Выслушайте мой совѣтъ: пожалуйста, не мѣшайтесь въ это дѣло, не пробуйте мирить людей и наводить ихъ на разумъ. Vous êtes trop vulnérable et trop impressionable pour vivre impunément dans ce milieu social. La vie de province est une épreuve au dessus de vos forces; il faut absolument que vous viviez retirée et que vous alliez vous reposer ailleurs dès que cela sera possible. Je vois bien qu'à Kalouga vous vous faites beaucoup de mal, sans faire de bien à personne. A cela il n'y a pas de remède, on ne peut pas se forcer à ne pas voir les ridicules et les vices qui nous entourent ou à ne pas en souffrir. C'est une question de tempérament. Гоголь не могъ же жить въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Возвращаю вамъ письмо его. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать изъ Петербурга статьи Вяземскаго [1].... Nous avons en ce moment Berlioz à Riga [2]; samedi il donne un concert. Leben sie wohl, gnädige Frau und verehrte Freundin! Je vous souhaite de belles journées, de la patience, plus de calme et plus de prudence. Tout à vous.

237.

(Рига), 1 мая 1847.

Ваше послѣднее письмо отъ 9 апрѣля произвело на меня сильное впечатлѣніе. Въ немъ много правды; все въ немъ— глубокая, выстраданная правда. Точно, въ той средѣ, въ которой вы живете, темно и душно; въ ней ничего нельзя ни любить ни ненавидѣть; душа въ ней—вещь безполезная, для которой нѣтъ употребленія, и все, что окружаетъ васъ, безсознательно сговорилось, чтобы навсегда усыпить ее и отяготить непробуднымъ сномъ. Вы спросите, почему я могу это знать, не живши въ провинціи. Дѣйствительно, я видѣлъ ее только мелькомъ, но я многое угадалъ по разсѣяннымъ признакамъ. И въ столицахъ есть провинція, которая вамъ не показывалась, но мнѣ была доступна; наконецъ, я видалъ людей, близкихъ пріятелей, съ которыми въ одно время всталъ съ университетской скамьи, видѣлъ, какъ они

---

[1]) Разумѣется статья кн. П. А. Вяземскаго: „Языковъ и Гоголь".

[2]) Весною 1847 г. Берліозъ, на возвратномъ пути изъ Москвы и Петербурга во Францію, заѣхалъ въ Ригу.

отправлялись въ провинцію съ возбужденною мыслью и съ душою и какъ возвращались оттуда безъ мысли и безъ души. Все это такъ и, вмѣстѣ, всё-таки не такъ. Есть же въ насъ увѣренность, если хотите, ни на чемъ положительномъ не основанная, но врожденная намъ и воспитанная въ насъ наблюденіемъ Западной жизни, что въ Россіи больше силъ, больше жизни, больше будущности, чѣмъ въ другихъ земляхъ? Что я такъ думаю—не удивительно. Можно подумать, и я самъ говорю это иногда самому себѣ, что во мнѣ эта увѣренность—слѣдствіе вліяній, подъ которыми я развивался. Но откуда же она взялась, напримѣръ, въ васъ? А вѣдь вы точно такъ думали прежде, такъ же вы будете думать и послѣ, когда отойдете на нѣкоторое разстояніе отъ провинціи. Есть добро и много добра, но оно зарыто подъ тройною корою невѣжества, предразсудковъ и надменнаго рабства, и прежде, чѣмъ мы дороемся до него, не одна мысль притупится, не одна желѣзная воля переломится. Намъ, людямъ настоящаго времени, суждено видѣть одно зло и постигать добро только вѣрою. Почему добро не проявляется, или какъ оно уживается со зломъ, какими словами вызвать добро къ жизни, даже этого мы не можемъ знать. Наша дѣйствительность—мучительная загадка; все въ ней смотритъ тайною, но въ самой тайнѣ заключается неотразимо привлекающая сила. Знаете ли, какое впечатлѣніе произвело на меня ваше письмо? Совершенно противоположное тому совѣту, которымъ вы окончили его. Нѣтъ! теперь я ни за что не стану въ сторонѣ. Задачи науки мелки и ничтожны передъ задачею жизни, или, лучше сказать, онѣ всѣ приводятъ къ ней и отъ нея зависятъ. Меня такъ и тянетъ броситься въ этотъ омутъ пошлаго провинціализма, схватиться съ этимъ незримымъ и неосязаемымъ демономъ, который гораздо дѣйствительнѣе и ужаснѣе того маленькаго демона, котораго каждый человѣкъ создаетъ въ собственной своей личности для домашняго обихода и пріятной бесѣды. Я непремѣнно поѣду въ провинцію и надолго; нельзя и не должно миновать этого опыта. Если точно въ насъ такъ мало участія, убѣжденій и духовныхъ силъ, что ихъ нельзя соблюсти иначе, какъ предохранивъ ихъ отъ всякой заразы,

тогда не стоитъ и беречь ихъ; пусть себѣ пропадаютъ. А вамъ, Александра Осиповна, точно нужно отдохнуть въ тепломъ климатѣ и на чужой сторонѣ, которою можно любоваться и за которую мы не обязаны страдать. Я къ вамъ явлюсь на смѣну. Передъ тѣмъ мы увидимся за границею, и отъ васъ я узнаю многое, многое пойму черезъ васъ.—Вчера я получилъ „Московскія Вѣдомости", выписанныя мною ради писемъ Павлова о Гоголѣ [1]). Въ первомъ письмѣ, въ которомъ разбирается завѣщаніе, къ сожалѣнію, есть правда; слѣдующія—изъ рукъ вонъ плохи. Павловъ не доросъ даже до ошибокъ Гоголя. Впрочемъ на Гоголя всѣ толки производятъ хорошее впечатлѣніе. Мнѣ прислали изъ Москвы копію съ письма его къ кн. Львову [2]), которую къ вамъ препровождаю. Въ каждомъ словѣ видна бодрость и охота къ труду. Это письмо и меня ободрило, и мнѣ хотѣлось бы ободрить васъ. Все устроится, излѣчится, забудется и перемелется, только, ради Бога, Александра Осиповна, не прощайтесь и не смотрите назадъ, а впередъ.

238.

(Рига), 21 мая 1847.

Скучно, Александра Осиповна, очень скучно на свѣтѣ жить. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ генералъ-губернаторъ, перебрался на дачу мой Англичанинъ и опустѣлъ клубъ, я не знаю, куда дѣваться. Вы скажете, что непростительно

---

[1]) Три письма Николая Филипповича Павлова о сочиненіи Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" напечатаны были въ №№ 28, 38 и 46 „Московскихъ Вѣдомостей" за 1847 г. Перепечатаны они были въ томъ же 1847 г. въ 3 и 4 кн. „Современника", а въ 1890 г.—въ „Русскомъ Архивѣ".

[2]) Здѣсь разумѣется письмо Гоголя изъ Неаполя отъ 20 марта 1847 г. къ кн. Владиміру Владиміровичу Львову (род. въ 1805 г., ум. въ 1856 г.), въ то время депутату дворянства Клинскаго уѣзда, впослѣдствіи цензору, извѣстному своими повѣстями для дѣтей,—по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Въ своемъ письмѣ Гоголь, между прочимъ, говоритъ: „Если Богъ дастъ силъ, то „Мертвыя Души" выйдутъ такъ же просты, понятны и всѣмъ доступны, какъ нынѣшняя моя книга загадочна и непонятна. Что жъ дѣлать, если мнѣ суждено сдѣлать большой крюкъ для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Богъ надѣляетъ иныхъ людей уже при самомъ рожденіи ихъ!"

скучать, когда пользуешься независимостью и живешь одинъ. Конечно такъ, а всё-таки скучно, особенно, когда хлещетъ дождикъ, вѣтеръ стучитъ въ ставни и ниоткуда не ждешь писемъ. Писать не могу, потому что я исписался. Читать не хочется, потому что знаю напередъ, что изъ всего прочтеннаго ничего не останется въ головѣ. Неужели я не найду себѣ въ царствѣ русскомъ дѣла по душѣ? Я разумѣю такое дѣло, которое бы потребовало отъ меня всѣхъ моихъ способностей, всего времени и сердечнаго участія. Когда я вышелъ изъ университета, передо мною была открыта дорога. И какъ мнѣ хотѣлось итти по ней! Я не въ состояніи посвятить себя ученымъ занятіямъ въ кабинетѣ; но, если бы при этомъ была каѳедра, возможность передавать мысль не книжнымъ путемъ, а живымъ словомъ и живымъ людямъ, я былъ бы совершенно доволенъ, потому что я сознавалъ бы, что я на своемъ мѣстѣ. Но я долженъ былъ отказаться отъ этой дороги и уже никогда не попаду на нее. Меня послали на службу знакомиться съ какою-то дѣйствительностью и практическою стороною жизни, засадили за такъ называемое дѣло. И что же? Оказалось, что эта практическая дѣятельность есть та же литературная, школьная дѣятельность, разумѣется, на низшей степени. Вмѣсто жизни—дѣла́ (то-есть des dossiers), вмѣсто живыхъ людей—отвлеченныя высокопревосходительства и высокоблагородія, вмѣсто дѣйствій—редакція чужихъ мыслей. На бѣду мою Богъ одарилъ меня способностью писать правильно и гладко. Это—точно бѣда, потому что, кто умѣетъ писать, того на цѣлую жизнь обрекутъ на писаніе. Я не вышелъ въ жизнь изъ бумажнаго міра, а только перешелъ изъ аудиторіи въ канцелярію. Такимъ образомъ, жизнь моя раздвоилась. Я пріобрѣлъ навыкъ очищать заданную работу безъ участія, а мысль и воля всё-таки чего-то ищутъ и тянутъ меня на другое поприще. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не явится на Руси такого человѣка, власть имущаго, разумѣется, власть духовную, которому бы можно было вполнѣ отдаться, съ увѣренностью, что онъ выведетъ насъ въ чистое поле, или не зачнется такого дѣла, которому бы можно было посвятить себя, зная навѣрное, что оно будетъ имѣть результаты? Я бы охотно сталъ въ самые по-

слѣдніе, задніе ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ: это—уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени!—А вѣдь вы точно были правы. Иннокентій Харьковскій [1]) дѣйствительно назначенъ присутствовать въ Синодѣ вмѣстѣ съ Іосифомъ Литовскимъ, сирѣчь Сѣмашкою [2]). Читали ли вы двѣ послѣднія проповѣди Иннокентія въ „Москвитянинѣ", не подписанныя [3])? Онѣ замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ—не отвлеченныя истины, а прямое обличеніе современности; не въ бровь, а въ глазъ. Я получилъ на-дняхъ весьма замѣчательную книгу профессора Соловьева (Московскаго университета): „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома" [4]). Для меня она была чрезвычайно интересна, но я не смѣю вамъ рекомендовать всей, потому что она покажется вамъ суха; я совѣтывалъ бы вамъ только прочесть Іоанна Грознаго. Ханыковъ вамъ кланяется; онъ уже переѣхалъ на дачу. Прощайте. Не пеняйте, что въ моемъ письмѣ — однѣ жалобы; въ другой разъ буду бодрѣе. Your very devoted.

239.

(Рига, 1847) [5]).

Нѣсколько разъ принимался я писать къ вамъ по возвращеніи моемъ изъ Ревеля [6]), но всякій разъ я останавливался въ недоумѣніи. Такъ давно не имѣлъ я писемъ отъ

[1]) Иннокентій Борисовъ (род. въ 1800 г., ум. въ 1857 г.), знаменитый проповѣдникъ и богословъ, былъ епископомъ и архіепископомъ Харьковскимъ съ 1841 по 1848 г., а съ 24 февраля 1848 г.—архіепископомъ Херсонскимъ.

[2]) Іосифъ Сѣмашко, съ 1839 г. архіепископъ, съ 1852 г. митрополитъ Литовскій (род. въ 1798 г., ум. въ 1868 г.)—главный дѣятель по возсоединенію уніатовъ съ Православною Церковью.

[3]) Въ №№ 9 и 10 „Москвитянина" 1846 г. напечатаны слѣдующія проповѣди: „Слово огласительное въ недѣлю сыропустную о смерти" и „Слово на день Святыя Троицы и по случаю бывшаго наканунѣ, во время всенощного бдѣнія, собранія въ театрѣ для слушанія иностранныхъ искусниковъ въ пѣніи".

[4]) Докторская диссертація С. М. Соловьева.

[5]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ его написанія, но оно несомнѣнно относится, судя по упоминанію про поѣздку въ Ревель, про ландтагъ, къ концу августа или къ началу сентября 1847 г.

[6]) Ю. Ѳ. поѣхалъ въ Ревель 11 августа и пробылъ тамъ 6 дней; см. письма за №№ 173 и 207

васъ, что я не могу себѣ представить ни что вы дѣлаете ни вашего расположенія; однимъ словомъ, собираясь писать къ вамъ, я васъ не вижу передъ собою. Отъ стороннихъ людей въ здѣшней глухой сторонѣ ничего не услышишь. Впрочемъ, я помирюсь съ вашимъ долгимъ молчаніемъ, если вы скажете мнѣ, что вы спокойны и, по возможности, здоровы. Я вамъ писалъ, что былъ въ Ревелѣ. Тамъ я пробылъ недѣлю и почти все время провелъ съ Мещерскими [1])... Возвратившись въ Ригу, я засталъ уже все лифляндское дворянство, съѣхавшееся на ландтагъ. Какія вдругъ появились бороды, галстуки и охотничьи куртки! Вся эта компанія чрезвычайно оригинальна, и хотя у меня вовсе не лежитъ къ ней сердце, однако, должно сознаться, въ ея движеніяхъ и рѣчахъ замѣтно какое-то сознаніе собственной силы и собственнаго достоинства, которое, конечно, не есть еще добродѣтель, но, по крайней мѣрѣ, предохраняетъ отъ многихъ гадостей. Они съѣхались, чтобы разсмотрѣть и утвердить новое положеніе о крестьянахъ. Въ день открытія ландтага пасторъ, говорившій проповѣдь въ соборной церкви, сказалъ имъ: „пора вамъ, наконецъ, исполнить давнишній долгъ, который лежитъ на васъ столько вѣковъ и отъ котораго вы до сихъ поръ уклонялись". Пріѣхалъ Ферзенъ [2]) изъ Петербурга и объявилъ своимъ крестьянамъ, что онъ будетъ очень доволенъ, если они всѣ перейдутъ въ православную вѣру. Можете себѣ представить, какъ смотрѣли на него прочіе дворяне; однако, не тронули его. Теперь, вообще, здѣсь стало поживѣе. Есть нѣсколько дѣлъ, за которыми можно слѣдить съ участіемъ. На четыре мѣсяца, которые осталось мнѣ прожить въ Ригѣ, будетъ достаточно. А потомъ что? Этого я самъ еще не знаю. Но, вѣроятно, что за границу я не поѣду, по крайней мѣрѣ не теперь. Пожалуйста, напишите мнѣ хоть нѣсколько строкъ; мнѣ ужасно хочется получить вѣсточку отъ васъ.

---

[1]) Кн. Петръ Ивановичъ и его супруга кн. Екатерина Николаевна Мещерскіе; см. прим. 11-е къ письму за № 169.

[2]) Вѣроятно, гр. Павелъ Карловичъ Ферзенъ (род. въ 1800 г., ум. въ 1884 г.)—дѣйствительный статскій совѣтникъ, егермейстеръ Высочайшаго Двора.

240.

(Рига, 1847)[1].

Lisez-vous encore les oeuvres de M... З... К[2])...? Avez-vous lu l'article publié dans le „Москвитянинъ"? Savez-vous seulement qu'il a paru? Quand vous aurez un moment de loisir, parcourez-le, car le lire d'un bout à l'autre vous fatiguerait. Je voudrais surtout que vous fassiez attention à la fin de la première partie[3]), et puis j'attendrai votre opinion. Je ne vous demande que quelques mots. Ici il n'y a rien, rien et rien de nouveau. Je suis à bout de patience. Oui, j'ai eu aussi mes souffrances pendant cette année et demie; je vous les raconterai au long quand je vous reverrai. Je fais de tristes retours sur moi-même. Mon caractère a changé; mes anciens défauts me reviennent; je me sens malveillant, taquin et bilieux, mais je me débarrasserai de tout cela en quittant Riga. Александра Осиповна, вы себѣ не можете представить, какъ меня сильно тянетъ въ Москву. Скажите мнѣ, пожалуйста, долго ли вы въ ней пробудете? Я работаю, какъ поденщикъ, чтобъ имѣть возможность урваться отсюда на нѣсколько дней. Все мнѣ такъ опротивѣло, что я вамъ передать не могу. Всѣхъ моихъ знакомыхъ я узналъ и вывѣдалъ насквозь. Они меня не интересуютъ... Погрузившись по-уши въ сухія, безжизненныя занятія и въ міръ сплетенъ, я чувствую въ себѣ какую-то юношескую потребность сочувствія, дружескаго слова и нѣжнаго участія...[4]). Я былъ на-дняхъ въ театрѣ. При видѣ маркиза Позы у меня брызнули слезы. Годъ тому назадъ, конечно, я бы ничего не почувствовалъ. Полно гово-

---

[1]) Это письмо, на которомъ нѣтъ помѣты года и мѣсяца его написанія, относится, вѣроятно, къ октябрю 1847 г. На это указываетъ фраза: Avez-vous lu l'article publié dans le „Москвитянинъ"?, гдѣ разумѣется статья Ю. Ѳ-ча: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ", статья, помѣщенная во второмъ номерѣ „Москвитянина" за 1847 г. (этотъ номеръ вышелъ въ сентябрѣ).

[2]) Такъ подписалъ Ю. Ѳ. свои двѣ критическія статьи: разборъ соч. гр. В. А. Соллогуба „Тарантасъ" и статью: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ".

[3]) Здѣсь разумѣются тезисы, выставленные Ю. Ѳ-чемъ въ концѣ разбора статьи Кавелина: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи".

[4]) Точки въ подлинникѣ.

рить о себѣ! Объ васъ я бы желалъ узнать что-нибудь. Вы видѣлись съ Карамзиными; я знаю, что они проѣхали черезъ Москву. Я недавно писалъ Софьѣ Николаевнѣ [1]); можетъ быть, она догадается въ отвѣтѣ своемъ написать мнѣ, въ какомъ положеніи она васъ застала. Не забывайте меня.

241.

Рига, 14 ноября 1847.

Ваше послѣднее письмо изъ Москвы меня очень обрадовало, во-первыхъ, само по себѣ, просто, какъ полученное отъ васъ, но, въ особенности, тонъ его мнѣ пришелся по сердцу. Я точно огорчался нашимъ разномысліемъ. Это доказываетъ вамъ только, что согласіе съ вами для меня—потребность, и вы правы, оно возстановится при свиданіи, непремѣнно возстановится—въ этомъ я никогда не сомнѣвался—и безъ словъ, безъ объясненій, а такъ, само собою. Я вамъ давно не писалъ, во-первыхъ, потому что вы въ Петербургѣ и вамъ теперь не до меня, во-вторыхъ, я всё-таки не знаю навѣрное, куда къ вамъ писать; я просилъ Аркадія Осиповича [2]) наставить меня, но, не получая отвѣта, пишу наудачу. А знаете ли, что мы очень скоро можемъ увидѣться? Я почти увѣренъ, что получу 28-дневный отпускъ въ концѣ декабря или въ началѣ генваря. Теперь только сдѣлайте милость, напишите мнѣ, гдѣ вы проведете декабрь и генварь, потому что, соображаясь съ этимъ, я поѣду черезъ Петербургъ или прямо на Москву. Мнѣ только и нужно увидать васъ и Римъ. Сколько, однако, времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ мы простились съ вами вечеромъ, въ кабинетѣ Катерины Андреевны [3])! Но для меня эта минута свяжется естественно и прямо съ будущимъ свиданіемъ, какъ будто не было ничего между ними. Нынче я не

[1]) Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной (род. въ 1802 г., ум. въ 1856 г.), старшей дочери исторіографа, отъ перваго его брака съ Елизаветой Ивановной Протасовой.

[2]) Аркадія Осиповича Россетъ, брата Александры Осиповны; см. примѣч. 2-ое къ письму за № 167.

[3]) Екатерины Андреевны Карамзиной, супруги исторіографа.

расположенъ, не могу съ вами спорить, а какъ вы, однако, ошибаетесь въ сужденіи о Филаретѣ! Представитель духовнаго начала и Православія, онъ, который, увлеченный діалектикою, написалъ недавно записку о томъ, что православные священники не должны отпѣвать протестантовъ, потому что протестанты не вѣрятъ въ силу послѣ-смертной молитвы! Ограничивать право молиться за усопшаго! Это—Православіе! Умъ замѣчательный, острый болѣе, чѣмъ глубокій, строгость жизни, да, все это есть, но духовности-то именно нѣтъ. Quant à votre opinion ou plutôt votre condamnation prononcée contre Georges Sand, je me contente de protester. Я забылъ, между прочимъ, попросить васъ, чтобы вы рѣшительно никому не говорили о моемъ намѣреніи проситься въ отпускъ. Какъ ни мало въ Петербургѣ людей, интересующихся мною, это всё-таки можетъ разгласиться и помѣшать мнѣ; я даже въ Москву никому объ этомъ не писалъ. Познакомились ли вы у Троицы съ Голубинскимъ [1])? Вотъ, въ полномъ смыслѣ, мудрецъ-ребенокъ. Можетъ быть въ Россіи не найдется трехъ ученыхъ, которые могли бы съ нимъ равняться, а вмѣстѣ съ этимъ онъ простъ и добродушенъ, какъ дитя. Онъ не только не знаетъ себѣ цѣны, ему никогда въ голову не приходило сравнивать себя съ другими....[2]) Итакъ, не забудьте же отписать мнѣ. И да хранитъ васъ Богъ отъ петербургской сырости и всего петербургскаго!

242.

Москва, 6 апрѣля 1849[3]).

Христосъ воскресе! Посылаю вамъ издали братское цѣлованіе и, ради великаго праздника, прошу васъ отпустить мнѣ вину мою—долгое молчаніе. Я получилъ вашу дружескую записку и книги; порученіе исполнилъ, хотя не понимаю, почему вы съ нимъ отнеслись ко мнѣ, а отчего такъ

---

[1]) Протоіерей Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій (род. въ 1797 г., ум. въ 1854 г.)—профессоръ философіи Московской Духовной Академіи.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Письмо это такъ же, какъ и слѣдующее, написано Ю. Ѳ-чемъ изъ Москвы, вскорѣ послѣ освобожденія изъ Петропавловской крѣпости. Въ это время въ Москвѣ находился Государь и происходили празднества по случаю освященія новаго кремлевскаго дворца.

долго не отвѣчалъ—на это было много причинъ. Во-первыхъ, я объѣздилъ всю Москву, потомъ говѣлъ, потомъ наступилъ праздникъ, а съ нимъ представленія ко Двору и новые объѣзды. Впрочемъ, въ свободномъ времени не было недостатка, и я было написалъ къ вамъ два большихъ листа, но не дописалъ, а теперь они показались мнѣ скучными, и я уже не попаду въ прежній тонъ.

Что я часто о васъ думалъ и всякій день за васъ молился, въ этомъ вы, я думаю, не сомнѣваетесь, убѣдившись наконецъ, что я переступилъ уже тѣ лѣта, когда душа легко дружится и легко забываетъ. Съ своей стороны я также вполнѣ увѣренъ въ томъ, что для васъ ощутительно было мое отсутствіе. Вы не повѣрите, какъ мнѣ было отрадно видѣть, что мои частыя посѣщенія не были вамъ въ тягость и приносили вамъ утѣшеніе. Я рѣдко испытывалъ это чувство, одно изъ самыхъ сладкихъ, а въ этотъ разъ оно досталось мнѣ даромъ. Если разобрать, какъ мы проводили вечера, то на повѣрку выйдетъ, что вы гораздо болѣе занимали меня, чѣмъ я васъ, и что все мое мастерство заключалось въ умѣніи слушать и настраивать себя на вашъ ладъ. J'étais aussi commode pour vous que M-elle André et M-me Walz. Скоро, Богъ дастъ, увидимся, а до тѣхъ поръ будемте переписываться, не связывая себя никакими сроками.

Вашъ вѣрный взглядъ не обманулъ васъ. Все, что случилось со мною въ послѣднее время, оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Въ словахъ Государя, при всемъ томъ, что въ нихъ былъ упрекъ и наставленіе, было что-то необыкновенно ободряющее; по крайней мѣрѣ, такъ они отозвались во мнѣ. Я пересталъ бояться недоразумѣній, подозрѣній и клеветы, стерегущей всякаго, кто желалъ бы употребить на дѣло службы не одинъ матеріальный трудъ, но убѣжденіе и мысль; я откинулъ множество сомнѣній, смущавшихъ меня, и готовъ трудиться въ послѣднихъ рядахъ, молча и скромно, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, но и не гонясь за нимъ. Такъ уже самимъ Провидѣніемъ устроено, что на Святой Руси никакое дѣло, задуманное подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія, не можетъ имѣть

успѣха. Теперь, увидавъ передъ собою открытую дорогу, было бы грѣшно остановиться или уклониться въ сторону, понявъ возможность сочувствія,—не заслужить его по своей винѣ.—Я еще не получалъ приказанія отъ Государя насчетъ дальнѣйшей службы моей и ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Вѣроятно, я получу его до отъѣзда Царской фамиліи. Теперь празднества слѣдуютъ одно за другимъ. Свѣтлое Воскресеніе мы встрѣтили въ новомъ дворцѣ, и тутъ же происходило освященіе его. Громадность и великолѣпіе залъ произвели при вечернемъ освѣщеніи удивительный эффектъ, который, кажется, превзошелъ всѣ ожиданія. Нельзя приписать его изяществу, ни строгой соразмѣрности частей; но, при яркомъ освѣщеніи, линіи и подробности исчезаютъ, остаются только массы, облитыя золотомъ, какъ будто разливъ яркаго свѣта, которому не видать предѣловъ. Я не пишу вамъ о разныхъ празднествахъ и представленіяхъ, потому что все это извѣстно вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, а посылаю вамъ вырѣзанную изъ „Москвитянина" статью Погодина [1]), которая, вѣроятно, не дошла до васъ. Мнѣ она нравится, и, признаюсь, я не ожидалъ подобнаго отъ Погодина. Сравненіе политической роли двухъ императоровъ вѣрно, а желанія, высказанныя въ концѣ, благонамѣренны [2]); во всемъ

[1]) Статья Погодина: „Царь въ Москвѣ", напечатанная въ № 8 „Москвитянина" за 1849 г. Въ ней сравнивалась политическая роль двухъ императоровъ: Александра I и Николая I. „Удивительный жребій выпалъ на долю двухъ братьевъ! Старшій, Александръ, отразилъ нашествіе двадесяти языковъ подъ предводительствомъ такого человѣка, у котораго въ умѣ было силы, можетъ быть, еще больше, чѣмъ у всѣхъ ихъ вмѣстѣ; Александръ, въ громѣ битвъ, подъ заревомъ пожаровъ, среди воинственныхъ кликовъ, прошелъ торжественно изъ конца въ конецъ всю Европу и рѣшилъ надолго ея судьбу въ обществѣ предводимыхъ имъ царей. Другой—рѣшаетъ ее одинъ, не поднимая руки, не произнося слова, не двигаясь съ мѣста, одинъ-одинехонекъ, въ тишинѣ своего кабинета; рѣшаетъ, говорю, силою своего имени, уравновѣшивая всѣ движенія, ослабляя нападенія, подкрѣпляя опоры".

[2]) Свою статью Погодинъ закончилъ такъ: „Итакъ, да здравствуетъ святая Русь и ея славный, единственный представитель, Русскій Царь, со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ! Да осѣняетъ его Всевышній Своимъ покровомъ, и да процвѣтаютъ всѣ Царственныя лѣторасли, ему въ утѣшеніе, отечеству въ пользу и славу! Да здравствуетъ духовенство, уча народъ въ духѣ благочестія и чистоты, въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, и удовлетворяя его высшимъ потребамъ! Да

соблюдена мѣра. Хомяковъ написалъ два стихотворенія, изъ которыхъ одно—на Свѣтлое Воскресеніе—прекрасно[1]). Я хотѣлъ вамъ его прислать, но имъ овладѣла дочь графа Блудова[2]), которая не хочетъ уступить никому литературной новинки. Прощайте. Пожалуйста, извѣщайте меня о вашемъ здоровьѣ, но не въ тѣ минуты, когда будущность представляется вамъ въ мрачномъ видѣ, а въ минуты спокойствія душевнаго и тѣлеснаго, когда вы вполнѣ обладаете свойственною вамъ ясностью взгляда, сознаете, что ваши страданія приближаются къ концу, отдаете должную честь Мяновскому[3]) и возлагаете упованіе на Бога. God bless you! Поклонитесь отъ меня Аксакову[4]), Аркадію Осиповичу и Клементію Осиповичу[5]). Your very devoted.

√ 243.

(Москва, апрѣль 1849)[6]).

Мих. Юр. Віельгорскій взялся доставить вамъ это письмо. Возникаетъ вопросъ: дойдетъ ли оно или пролежитъ въ

здравствуетъ дворянство, служа вѣрой и правдой на полѣ брани и въ судилищѣ мира, покидая болѣе и болѣе иностранное воспитаніе съ французскимъ языкомъ, которое мѣшаетъ ему быть вполнѣ русскимъ! Да здравствуетъ купечество, надѣляя насъ плодами всемірной и своей промышленности и жертвуя избытками, какъ прежде, на пользу меньшихъ братій! Да здравствуетъ крестьянство и, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, кормя насъ всѣхъ до сытости, да пріиметъ мзду свою! Да здравствуетъ благородное воинство, и да не оставляетъ побѣда никогда славныхъ знаменъ его! Да здравствуетъ ученое и пишущее сословіе, памятуя, что въ его рукахъ теперь вращается мечъ сильный, мечъ обоюдуострый, которымъ оно должно поражать порокъ, а не потворствовать ему, и споспѣшествовать распространенію въ народѣ истинныхъ понятій и познаній!"

[1]) Это—Сербская пѣсня: „Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ“ и Кремлевская заутреня на Пасху: „Въ безмолвіи, подъ ризою ночною, Москва ждала, и часъ святой насталъ!“

[2]) Гр. Антонина Дмитріевна Блудова (род. въ 1813 г., ум. въ 1891 г.).

[3]) Осипъ Ивановичъ Мяновскій (род. въ 1804 г., ум. въ 1879 г.) съ 1842 по 1860 г. былъ профессоромъ Медико-Хирургической академіи сперва по каѳедрѣ госпитальной терапевтической клиники, а потомъ по каѳедрѣ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Мяновскій былъ отличный практикъ съ хорошимъ общимъ образованіемъ.

[4]) Ивану Сергѣевичу.

[5]) Братья А. О. Смирновой.

[6]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ его написанія, но оно относится несомнѣнно къ апрѣлю 1849 г. и написано неза-

карманѣ толстаго каноника, какъ прозвалъ его когда-то мой любимый писатель (voyez: lettres intimes, troisième série, année 1847, № 374)? Благоразумнѣе было бы поручить его Попову, но онъ ѣдетъ пятью днями позже [1]), а вы, кажется, недовольны мною за продолжительное молчаніе.

Я собирался писать къ вамъ много разъ, но вы не повѣрите, какъ трудно подчинить себя условіямъ переписки по почтѣ, особенно теперь и въ моемъ положеніи, когда нельзя не касаться щекотливыхъ предметовъ. Все это время было для меня непріятно и тягостно. Назначенія я еще не получалъ, кажется, потому, что графъ Закревскій наотрѣзъ отказался принять меня къ себѣ на службу, а до тѣхъ поръ, пока я не буду куда-нибудь или къ кому-нибудь причисленъ, положеніе мое останется шаткимъ и ненадежнымъ. Оно зависитъ совершенно отъ личнаго расположенія ко мнѣ Государя, которое, мнѣ кажется, измѣнялось нѣсколько разъ во время его пребыванія въ Москвѣ отъ слуховъ, сплетней и вообще отъ причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Участь моя виситъ на волоскѣ, который можетъ ежеминутно порваться безъ моей вины, а это ощущеніе крайне непріятно. Вообще я вижу, что толки, каковы бъ они ни были, въ пользу мою и противъ меня (въ послѣднихъ не было недостатка), значительно мнѣ повредили и заставили Государя какъ будто раскаяться. Я, съ своей стороны, отмалчивался, но это не отклонило отъ меня нѣкоторой отвѣтственности за все то, что разсказывали про меня или приписывали мнѣ другіе. Авось, я скоро получу изъ Петербурга приказаніе и выйду на чистую воду [2])! Не одна эта постоянная заботливость о самомъ себѣ отравила мое пребываніе въ Москвѣ; были и другія причины. Я видѣлъ встрѣчу Москвы съ Петербургомъ, видѣлъ, какъ Москва безъ нужды отрекалась отъ самой себя, какъ она

долго до отъѣзда Государя изъ Москвы, вѣроятно, 14-го числа; на это указываетъ начало письма. Одновременно съ этимъ письмомъ и также черезъ гр. М. Ю. Віельгорскаго послалъ Ю. Ѳ. письмо Я. В. Ханыкову, которое помѣщено ниже (см. письмо за № 248).

[1]) А. Н. Поповъ выѣхалъ изъ Москвы только 25 апрѣля.

[2]) О томъ, какъ измѣнилось положеніе Ю. Ѳ-ча за время пребыванія Государя въ Москвѣ, см. дальше въ вышеупомянутомъ письмѣ его къ Я. В. Ханыкову.

ласкалась къ Петербургу, ползала передъ нимъ и, наконецъ, добилась отъ него мзды своей: смѣха и заслуженнаго презрѣнія. Два генералъ-губернатора: князь Д. В. Голицынъ [1]) и князь Щербатовъ [2]), въ продолженіе безъ малаго 30 лѣтъ, воспитывали въ Москвѣ сознаніе общественнаго достоинства въ тишинѣ и удаленіи отъ придворныхъ соблазновъ. Ей твердили про какую-то самостоятельность ея, про неподкупность ея убѣжденій, про любовь ея къ просвѣщенію, твердили такъ долго, что этому повѣрили иностранцы, повѣрилъ даже Петербургъ, который нерѣдко останавливался въ своихъ предпріятіяхъ и повторялъ про себя: „что̀ скажетъ объ этомъ Москва?“ Точно, какъ рекрута-новобранца, её учили, муштровали, старались придать ей куражу, и все это было даромъ. Какъ только прикрикнулъ на нее Закревскій и двинулся къ ней въ гости Петербургъ, она спасовала постыднѣйшимъ образомъ. Разумѣется, я говорю не о простомъ народѣ; въ немъ было замѣтно обратное дѣйствіе. Народъ, который боится всякой власти, начиная отъ хожалаго и до генералъ-губернатора, и пятится отъ нихъ, въ присутствіи Государя теряетъ всякую робость, движется вольнѣе, непринужденнѣе, смѣлѣе напираетъ со всѣхъ сторонъ, ощущая въ Государѣ какую-то сочувственную силу, и Государь, черезъ все общество, его окружающее, протягиваетъ руку народу. Громкое, потрясающее ура привѣтствовало его появленіе на Красномъ крыльцѣ. Но зато этотъ самый народъ, на той же площади, не скрывалъ своего изумленія и своего неудовольствія, когда въ прошлую субботу, въ самое время всенощной, освѣтился дворецъ для бала, и звуки танцевальной музыки изъ открытыхъ оконъ дворца проникли въ открытыя окна соборовъ, сливаясь съ церковнымъ пѣніемъ и возмущая его [3]). Это нисколько не преувеличено.

---

[1]) Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ (род. въ 1771 г., ум. въ 1844 г.) былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1820 г.

[2]) Кн. Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ (род. въ 1776 г., ум. въ 1848 г.)—преемникъ кн. Голицына въ качествѣ Московскаго генералъ-губернатора.

[3]) Тутъ какая-то ошибка: въ субботу, 9 апрѣля, былъ дѣйствительно костюмированный балъ, но не во дворцѣ, а въ домѣ генералъ-губерна-

Народъ свободно сочувствуетъ и свободно порицаетъ. Но общество московское, Боже мой, какъ оно дрянно! Наканунѣ отъѣзда Императрицы нѣсколько фрейлинъ собралось у графини Блудовой [1]); разговоръ зашелъ о Москвѣ, и вотъ какое сужденіе выразили о ней высокіе посѣтители: „мы не разъ слышали укоры петербургскому обществу въ подлости и мы полагали въ простотѣ своего смиренія, что Москва имѣетъ право насъ укорять; но какъ же изумились мы, увидавши здѣсь такой разгулъ подлости, отъ котораго всѣмъ намъ, жительницамъ Петербурга, стало тошно; это—не любовь, не радость, а холопское чувство, всегда подбитое мелочнымъ фрондерствомъ“. Разумѣется, фрейлины выражали впечатлѣнія Царской семьи. Вотъ вамъ одинъ примѣръ изъ тысячи. Я послалъ вамъ статью Погодина [2]). Кажется, въ ней не было ничего предосудительнаго и рѣзкаго, но общество наше, движимое желаніемъ выказать свое прозорливое усердіе, придралось къ ней и открыло въ ней признаки разрушительнаго направленія. Оно притворилось обиженнымъ тѣмъ, что отставной профессоръ осмѣлился назвать благородное дворянство не вполнѣ русскимъ, что въ народѣ предполагался какой-то особенный органъ двойного зрѣнія и душевнаго чутья, будто бы чуждый высшимъ сословіямъ [3]); оно признало крайне опаснымъ присвоеніе пишу-

---

тора; этотъ балъ повторенъ былъ 11 апрѣля, въ понедѣльникъ, но опять-таки не во дворцѣ, а въ залѣ Дворянскаго Собранія. Въ новомъ дворцѣ былъ праздникъ, на которомъ присутствовало 20.000 гостей, но онъ происходилъ не въ субботу, а въ четвергъ, 7 апрѣля, когда врядъ ли была всенощная въ соборахъ.

[1]) Антонины Дмитріевны.

[2]) „Царь въ Москвѣ“.

[3]) Ю. Ѳ. имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто вышеупомянутой статьи: „У народа есть органъ, котораго недостаетъ у прочихъ такъ-называемыхъ образованныхъ сословій, органъ второго зрѣнія, какого-то безотчетнаго таинственнаго предчувствія, органъ, который на всѣхъ языкахъ выражается пословицей: *гласъ народа—гласъ Божій* (vox populi—vox Dei). Народъ радуется, скорбитъ, безпокоится, веселится, какъ птица воздушная, которая угадываетъ бурю и вёдро скорѣе и вѣрнѣе всѣхъ физиковъ и метеорологовъ. Русскій народъ почувствовалъ, кажется, что никогда его Царь не былъ такъ дорогъ, такъ нуженъ для него, для отечества, для Европы, для мира всего міра, какъ теперь. Ему слышится, что на этой главѣ, по неисповѣдимому Промыслу Божію, почіютъ нынѣ судьбы тысячей и темъ“.

щему сословію значенія общественной силы; наконецъ, вся статья подняла противъ себя гвалтъ и ропотъ негодованія. Ожесточеніе противъ Погодина было невѣроятное. Явились безкорыстные блюстители порядка и консервативныхъ началъ, которые добровольно взяли на себя обязанность открыть глаза правительству насчетъ возможныхъ послѣдствій его неумѣстной терпимости, и черезъ нѣсколько дней статья явилась перепечатанною съ пропусками, по указаніямъ общества. И послѣ этого у насъ тратятъ деньги на цензоровъ и жандармовъ! А что разсказывали про славянофиловъ! Графъ Закревскій вслухъ порицалъ великодушный поступокъ Государя съ Аксаковымъ [1]) и со мною. N... на вечерѣ, при чужихъ, бранилъ Аксаковыхъ за русское платье, онъ, который года четыре тому назадъ пріѣзжалъ къ нимъ показываться въ зеленой рубашкѣ, фіолетовой поддевкѣ и желтыхъ штанахъ. Конечно, однимъ подлецомъ больше или меньше—разница не велика, но худо то, что общество безпрестанно подталкиваетъ слабаго человѣка на подлость, что искренность убѣжденій оно преслѣдуетъ, какъ преступленіе, а безопасный доносъ вознаграждаетъ, какъ подвигъ. Какъ это ни грустно, а нельзя не сознаться, что желѣзная рука правительства спасаетъ русскую мысль отъ гоненія русскаго общества. Aussi mon choix est fait; j'accepte la haine et les

[1]) На другой день послѣ того, какъ выпущенъ былъ на свободу Ю. Ѳ., 18 марта, арестованъ былъ при III Отдѣленіи И. С. Аксаковъ. Поводомъ къ его аресту послужила дошедшая до тайной полиціи переписка его съ отцомъ и братомъ, въ которой они откровенно высказывали свое сочувствіе Ю. Ѳ-чу. Аксакову былъ предложенъ рядъ вопросовъ съ цѣлью выяснить, не состоятъ ли „славянофильскія понятія его самого и его родственниковъ“ въ связи съ западнымъ либерализмомъ и коммунизмомъ и съ стремленіями западныхъ панславистовъ. Въ своихъ смѣло и откровенно написанныхъ отвѣтахъ И. С. Аксаковъ не ограничился личными объясненіями, а выступилъ истолкователемъ главныхъ основаній славянофильскаго ученія и его коренного различія отъ направленія западнаго вообще, начиная съ консервативнаго и оканчивая крайнимъ радикализмомъ. Государь, прочитавши отвѣты Аксакова, призналъ „чистоту его намѣреній“ и возвратилъ рукопись отвѣтовъ графу А. Ѳ. Орлову съ надписью: „призови, прочти, вразуми и отпусти“. Аксаковъ выпущенъ былъ на свободу 22 марта, просидѣвъ подъ арестомъ 4 дня.

injures de la société et je me donne franchement au gouvernement.

На-дняхъ я встрѣтилъ Арнольди [1]), который объявилъ мнѣ, что вы уже начали серьёзно помышлять объ отъѣздѣ изъ Петербурга. Это извѣстіе меня чрезвычайно обрадовало, какъ доказательство, что ваше выздоровленіе идетъ правильнымъ, хотя и не быстрымъ ходомъ. Прощайте; вѣроятно, до скораго свиданія въ Петербургѣ.

244.

Москва, 25 мая 1849.

Грустно и тяжело на сердцѣ, Александра Осиповна, и, можетъ быть, въ такую минуту не должно бы къ вамъ писать; но что́ жъ мнѣ дѣлать, когда изъ такихъ минутъ слагаются цѣлые дни, а лучшихъ дней въ скоромъ времени не предвидится. Я окруженъ больными [2]), и кромѣ опасеній ничто на умъ нейдетъ... Вы можете себѣ представить, каково теперь и здоровымъ. Каждому семейству предопредѣлено исчерпать извѣстныя доли радости и горя; иногда онѣ смѣшиваются, а иногда слѣдуютъ одна за другою, за радостью безъ примѣси— одно безотрадное горе. Такъ было у насъ. Долго мы жили необыкновенно счастливо. Но лѣтъ шесть тому назадъ, когда скончалась сестра моя [3]), помню, какъ теперь, я почувствовалъ смутно, что счастливое и спокойное время прожито и что впереди остается одно горе. Странно, что то же самое ощущеніе испытала тогда моя маменька. И точно, дѣло пошло съ тѣхъ поръ подъ гору; семейство наше разваливается, какъ старый домъ, простоявшій свое время. Знаю, что это неизбѣжно, а всё-таки мучительно слѣдить за разрушеніемъ,

---

[1]) Вѣроятно, Левъ Ивановичъ Арнольди (род. въ 1823 г., ум. въ 1860 г.)—сводный братъ А. О. Смирновой (мать Смирновой была два раза замужемъ: въ первый разъ за Осипомъ Ивановичемъ Россетъ, а во второй—за Иваномъ Карловичемъ Арнольди). Левъ Ивановичъ состоялъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ это время больны были: племянникъ Ю. Ѳ-ча, сынъ его сестры, гр. Ѳедоръ Львовичъ Соллогубъ и отецъ его Ѳедоръ Васильевичъ (см. письмо за № 185).

[3]) Екатерина Ѳедоровна Самарина: см. примѣч. 6-ое къ письму за № 89.

особенно мнѣ. Для меня семейная жизнь кончится родительскимъ домомъ; начинателемъ новой семьи я не буду; хотѣлось бы только продлить до возможности теперешнія отношенія, связывающія меня съ воспоминаніями самаго ранняго дѣтства. Я всегда любилъ ихъ, хотя часто пренебрегалъ ими, какъ такимъ благомъ, котораго не боишься утратить. Если бъ можно было начать сызнова! Однако, съ васъ довольно и собственной вашей тоски.

Гоголь поручилъ мнѣ сказать вамъ, что, несмотря на хандру и тоску, онъ на-дняхъ писалъ къ вамъ, но адресовалъ письмо въ домъ Вилье, не зная, что вы переѣхали въ Царское Село; позаботьтесь, чтобъ оно не пропало. Гоголь провелъ зиму, которой опасался, какъ нельзя лучше; но къ веснѣ нервы расходились, приступила хандра, и въ три дня лицо измѣнилось, даже голосъ ослабѣлъ, я думаю, больше отъ страха, чтобы старые недуги не возобновились. Теперь, однако, ему стало гораздо лучше. Иванъ Аксаковъ не долго прожилъ въ Москвѣ[1]); теперь уже онъ въ Ярославлѣ. Я чрезвычайно ему обрадовался: въ немъ не только много жизни, но даже есть какая-то возбудительная сила, дѣйствующая на другихъ. Я особенно цѣню въ немъ его безпощадную строгость къ самому себѣ; этотъ человѣкъ менѣе всѣхъ насъ балуетъ себя. Онъ васъ искренно любитъ, но онъ не понимаетъ васъ; ему трудно перенестись въ ваше положеніе. Я давно это замѣтилъ, хотя между имъ и мною никогда рѣчь не заходила о васъ. А всё-таки хорошо имѣть такихъ друзей: суровыхъ, взыскательныхъ, несправедливыхъ и рѣзкихъ. Кому изъ насъ не надоѣли друзья, все понимающіе и все прощающіе?—Странные слухи, вѣроятно очень преувеличенные, доходятъ до насъ о заговорѣ, открытомъ въ Петербургѣ[2]). Какъ бы то ни было, а есть въ этомъ дѣлѣ, надъ

[1]) Послѣ ареста при III-емъ Отдѣленіи И. С. Аксаковъ получилъ офиціальное порученіе обревизовать города Ярославской губ. (см. примѣч. 6-е къ письму за № 151). Выѣхавъ изъ Петербурга 4 мая, онъ по дорогѣ остановился въ Москвѣ, но не надолго, и 19 мая уже уѣхалъ оттуда въ Ярославль. О томъ, въ какомъ настроеніи онъ нашелъ Ю. Ө-ча, см. его письмо къ Смирновой отъ 16 мая, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 г. (III, 430).

[2]) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ называемомъ „дѣлѣ Петрашевскаго“. Арестъ 20-ти слишкомъ лицъ, принадлежавшихъ къ обществу Петрашевскаго, произведенъ былъ 23 апрѣля.

чѣмъпризадуматься. Конечно, это—сумасшествіе, но вѣдь и сумасшествіе не бываетъ безъ причинъ. Почему именно явилось сумасшествіе такое, а не иное? На это должны быть причины, и нельзя не заключить, что тѣ же самыя причины, которыя нѣкоторыхъ свели съ ума, многихъ, вѣроятно, заразили болѣе или менѣе глубоко. Ce qui me frappe dans tout cela, ce n'est pas tant l'absurdité révoltante de l'idée communiste en elle-même, que le vide absolu que suppose nécessairement dans beaucoup de coeurs et de cerveaux cette même idée pour avoir pu y prendre place. C'est le fait négatif qui me semble grave. Je conçois le vide venant à la suite de l'athéisme du XVIII siècle, des orages de la révolution, du culte des intérêts matériels sous le règne de la bourgeoisie et de Louis Philippe; il a fallu des siècles pour le produire en France. Mais qu'un Russe au sortir de l'école se trouve exactement au même point, qu'il entre dans la vie débarrassé de toute notion religieuse, de tout respect pour la famille, de tout instinct national—voilà ce qui me passe et ce que dans cent ans on aura peine à croire.

Извѣстіе о вашемъ переѣздѣ въ Царское Село меня очень обрадовало; авось, вамъ можно будетъ скоро отправиться въ путь. Я почти увѣренъ, что дорога вамъ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ, и что въ васъ откроется много такихъ силъ, которыхъ вы, можетъ быть, въ себѣ теперь и не чуете. Поздравляю васъ съ счастливымъ окончаніемъ Ершовскаго дѣла [5]) и отъ всей души желаю вамъ терпѣнія и рѣшимости.

[5]) Это было дѣло, возбужденное генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Захаровичемъ Ершовымъ противъ Калужскаго губернатора Н. М. Смирнова. Сынъ Ивана Захаровича, гвардіи полковникъ Иванъ Ивановичъ Ершовъ, подалъ Государю, черезъ графа Закревскаго, жалобу, писанную со словъ отца, на то, что губернаторъ Смирновъ далъ подписать старику отцу крѣпостной актъ на все его имѣніе, село Алешно, въ пользу побочной дочери его, жены шурина Смирнова (Осипа Осиповича Россетъ, брата А. О. Смирновой), тогда какъ старикъ Ершовъ полагалъ, что онъ подписываетъ актъ на небольшую часть изъ этого имѣнія. Изъ слѣдующаго письма Ю. Ѳ-ча къ А. О. Смирновой видно, что дѣло это возобновилось въ 1850 году.

245.

Кіевъ, 7—10 февраля (1850).

Un de ces jours, le recteur de l'académie d'ici [1]), un moine très respectable et très instruit, me dit en passant, qu'il allait voir l'inspecteur du séminaire de Kieff [2]), nouvellement arrivé de Kalouga. Le bon père Ѳеофанъ ignorait combien Kalouga m'intéressait. Sans perdre de temps, je me suis fait conduire par lui chez le nouvel arrivé. Après une séparation de près d'un an, après vous avoir quittée encore malade et faible, j'ai été bien heureux d'entendre dire à quelqu'un qui vous avait vue de près, que vous lui aviez semblée bien portante, que vos enfants grandissaient et embellissaient sous vos yeux, et que, sauf les ennuis de l'affaire Jerchoff, tout allait bien dans votre intérieur. Pendant le court séjour que j'ai fait à Moscou en venant de Simbirsk [3]), j'ai prévu que cette malheureuse affaire, qui semblait terminée, serait relevée. Un des intimes du comte Zakrevsky m'a dit, que sans être le moins du monde convaincu de l'innocence de Jerchoff père, il se croyait obligé à prendre fait et cause pour Jerchoff fils, parce que ce dernier servait sous ses ordres. Celui, de qui je tiens ces détails, m'a dit avoir fait son possible pour persuader au comte Zakrevsky qu'il n'avait aucune raison de se faire le champion d'un homme, qui n'est pas même un employé de son choix, mais bien un élu de la noblesse en sa qualité de maréchal de district [4]); mais

---

[1]) Ѳеофанъ Авсеневъ (род. въ 1810 г., ум. въ 1852 г.) архимандритъ, магистръ богословія, профессоръ философскихъ наукъ въ Кіевской духовной академіи и адъюнктъ по каѳедрѣ философіи въ университетѣ св. Владиміра, инспекторъ (а не ректоръ, какъ, по ошибкѣ, значится въ письмѣ Ю. Ѳ-ча) Кіевской духовной академіи съ 31 декабря 1846 г. до марта 1850 г., когда онъ былъ назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ, гдѣ и умеръ 31 марта 1852 г. Ректоромъ Кіевской духовной академіи въ 1850 году былъ архимандритъ Димитрій Муретовъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1883 г.), впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій.

[2]) Нектарій Надеждинъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1874 г.), игуменъ, а съ ноября 1850 г. архимандритъ, былъ инспекторомъ Кіевской духовной семинаріи съ 1849 г., раньше — ректоромъ Кіево-Софійскихъ приходскихъ училищъ; впослѣдствіи онъ былъ архіепископомъ Харьковскимъ.

[3]) По дорогѣ изъ Симбирска въ Кіевъ Ю. Ѳ. пробылъ въ Москвѣ съ 11-го по 26-е ноября.

[4]) Иванъ Ивановичъ Ершовъ былъ Подольскимъ (Московской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства съ 1847 по 1853 г.

tout cela n'a servi à rien, et Jerchoff fils a eu lieu de se vanter d'une protection inattendue. Vous aurez certainement des moments pénibles, mais enfin l'issue de cette affaire ne peut pas être douteuse. Armez-vous donc de patience, et, si j'ai un conseil à vous donner, laissez agir et ne provoquez aucune espèce d'intervention. On a beau dire, de nos jours, il est plus difficile qu'on ne pense de faire paraître noir ce qui est blanc, surtout lorsqu'une affaire a éveillé l'attention générale; d'ailleurs, tout ce procès doit nécessairement revenir à l'Empereur, puisqu'il y a un gouverneur en cause.

Je suis à Kieff depuis le 2 décembre. La cause de ma translation m'est complètement inconnue. Le ministre de l'intérieur m'a ordonné de partir; je suis parti des bords du Volga et me voilà sur les bords du Borysthène. Je n'ai vu le général Bibikoff qu'un instant; cinq jours après mon arrivée il est parti pour Pétersbourg et personne ne sait quand il sera de retour. Le séjour de Kieff me va sous beaucoup de rapports. Il y a bien longtemps que je n'ai joui d'un calme aussi parfait. Jamais je ne me suis trouvé aussi indépendant, aussi maître de mon temps. Le monde offre si peu de séductions à Kieff, qu'il faut avoir le diable au corps pour lui sacrifier son temps. Pour ma part je jouis d'une réputation de sauvagerie très commode. Il est de fait, que je n'ai pas adressé dix mots à une dame depuis que je suis ici. Les seules personnes que je vois de temps en temps sont l'adjoint du curateur de l'université, le président de la commission archéographique [1]), quelques employés du général Bibikoff et deux ou trois moines appartenant au corps enseignant. La passion de l'étude m'est revenue à point nommé. Je lis énormément.

Знаете, какъ интересна и поучительна исторія Малороссіи! Въ совершенную противоположность нашей Великороссіи, здѣсь развивалось начало личности, элементъ драматическій по преимуществу. Оно выражается въ явленіяхъ, повидимому, совершенно разнородныхъ, но, въ сущности, истекающихъ изъ одного источника: въ казакѣ и въ отшельникѣ,

[1]) Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ (род. въ 1802 г., ум. въ 1889 г.)— помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и предсѣдатель Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ.

въ пещерѣ и въ уединенномъ хуторѣ, въ Запорожской сѣчѣ и въ Богоявленскомъ братствѣ, этихъ двухъ видахъ товарищества, доказывающихъ отсутствіе нашей сѣверной, естественной общины. Пробѣгая исторію Малороссіи отъ временъ ея отторженія отъ общей русской жизни и до возсоединенія съ нею, мы видимъ дивныя проявленія силъ необъятныхъ, но всегда разрозненныхъ и безплодныхъ; встрѣчаются характеры упругіе и твердые, какъ сталь, люди, закаленные въ страданіяхъ всякаго рода, совокупляющіе несокрушимую волю съ простотою и добродушіемъ ребенка, но всѣ они—мученики, а не зиждители; подвиги ихъ ни къ чему не ведутъ и только остаются въ пѣсняхъ Украйны для возбужденія сыновъ ея къ новымъ, столь же безплоднымъ жертвамъ. Это поразительное отсутствіе единства и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ объясняется, мнѣ кажется, отсутствіемъ въ характерѣ Малороссіанъ того свойства, которое мы называемъ *выдержкою.* Нельзя отрицать ея въ частныхъ лицахъ, но въ народѣ ея нѣтъ. Вспомнишь судьбу сѣверной Руси и придешь къ тому заключенію, что болѣе потребно нравственной энергіи и власти надъ собою, чтобы сдержать въ себѣ личныя порыванія и устоять на общемъ уровнѣ, чѣмъ для того, чтобъ оторваться отъ общества и обречь свою голову на отчаянную борьбу и вѣрную гибель. Польская шляхта и промыслы Жидовъ истерзали несчастную Украйну, такъ что она до сихъ поръ не совсѣмъ оправилась. Что̀ бъ ни говорили, а если бъ не подоспѣла Москва, никогда бы русское начало здѣсь не восторжествовало, оно бы истощалось въ безплодныхъ возстаніяхъ казачества и въ спорахъ съ іезуитами. А между тѣмъ самыя эти войны и диспуты сближали здѣшнихъ жителей съ враждебною польско-католическою образованностью. Это сближеніе было гибельнѣе всѣхъ казней, тиранствъ и опустошеній. Все, что̀ сколько-нибудь возвышалось надъ простымъ народомъ и ощущало потребность просвѣщенія, мало по малу, почти непримѣтно, но неминуемо, увлекалось къ Польшѣ по проложенному скату. Во время возстаній казачества, въ самый разгаръ святой войны, простые казаки, добившіеся гетманства, чиновъ полковниковъ, писарей и

сотниковъ, отдѣлялись отъ своихъ братьевъ, сближались съ шляхтою и съ радостью принимали ея права. Новое возстаніе сметало этихъ выродковъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ предводители возстанія шли уже по ихъ слѣдамъ. То же было и въ другой области. Почти всѣ здѣшніе богословы болѣе или менѣе заразились вліяніемъ схоластики, переработанной іезуитами, заимствовали у нихъ форму науки и школьные пріемы, а этимъ они открыли дорогу ихъ ученію въ самое сердце Россіи. По всѣмъ этимъ причинамъ слѣдовало Малороссіи для собственнаго спасенія утратить свою самостоятельность, свое полу-польское устройство, свои такъ называемыя привилегіи; но, теряя все это, ей казалось, что она уступаетъ то, за что столько было пролито крови и принесено жертвъ. Отсюда понятныя, извинительныя сожалѣнія о быломъ, отзывающіяся въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ украинскихъ писателей, особенно прошлаго вѣка. Разумѣется, болѣе глубокое изученіе прошедшаго Малороссіи разгонитъ эту тоску, и голосъ науки покроетъ вздохи. Однако, я увлекся и совсѣмъ забылъ, что пишу къ Громоклеевской уроженкѣ [1]). Простите москалю его грубость и не отвергните приношенія книги, которая долго услаждала мое одиночество въ Кіевѣ. Это—Патерикъ Кіево-Печерскій. Я могу сказать, что я жилъ цѣлый мѣсяцъ этою книгою, и мнѣ давно хотѣлось раздѣлить съ вами впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Я собирался даже писать объ ней статью, и такъ какъ вы бы, вѣроятно, прочли ее, если бы она была напечатана, то почему бы вамъ не прочесть нижеслѣдующихъ строкъ, вмѣсто предисловія.

Патерикъ Кіево-Печерскій въ томъ видѣ, какъ онъ издается теперь, носитъ признаки постепенности своего образованія. На немъ лежитъ какъ бы нѣсколько слоевъ. Начинателемъ былъ Несторъ, продолжателями—Симонъ, Поликарпъ и другіе. Потомъ его стали списывать, вставлять разныя преданія, предисловія и послѣсловія, наконецъ украшать по вкусу времени. Видѣнное самимъ писателемъ отличается отъ переданнаго очевидцемъ и еще болѣе отъ дошедшаго по людской

---

[1]) А. О. Смирнова родилась въ Малороссіи, въ имѣніи своей матери Громоклея-Водино, и страстно полюбила Малороссію на всю жизнь.

молвѣ. Чѣмъ ближе изображаемое лицо къ писателю, тѣмъ живѣе, полнѣе выступаетъ человѣческій образъ, тѣмъ болѣе простоты въ разсказѣ; чѣмъ далѣе—тѣмъ безцвѣтнѣе и вычурнѣе. Можно сказать, что исторія этой книги объясняется исторіею нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ зодчества. Маленькая церковь ставится гдѣ-нибудь въ одинокомъ мѣстѣ; черезъ нѣсколько времени начинаютъ украшать ее, расписываютъ стѣны, золотятъ купола, потомъ пристраиваютъ къ ней съ боковъ придѣлы, паперти, галлереи, такъ что образуется, наконецъ, многосложная громада зданій различныхъ временъ и стилей, но привычный глазъ иногда еще можетъ отдѣлить отъ нея первообразъ древней церкви. Пускай она закрыта и загромождена, но тѣмъ не менѣе всѣ позднѣйшія пристройки подчиняются ей, объясняются ею, какъ продолженіе ея, какъ дальнѣйшія развитія, какъ бы, впрочемъ, разнохарактерны онѣ ни были. Не будь ея, и ихъ бы не было. Подобную участь испытало и жизнеописаніе святыхъ Печерскихъ, въ особенности то, что̀ въ нихъ есть чудеснаго. Эти чудеса относятся къ тому времени, когда не могло быть вопроса о фактической ихъ достовѣрности. Народное воображеніе, глубоко усвоивъ себѣ то, что̀ составляетъ сущность всякаго чуда, т. е. покорность природы силѣ духовной, власть, данную человѣку, вызывать силою благодатной воли непосредственное проявленіе свободной воли Божественной, правящей вселенною, развивало, плодило ихъ, разнообразило и примѣняло къ другимъ однороднымъ случаямъ. Иногда дѣйствительный фактъ просвѣчиваетъ сквозь всѣ оболочки во всей своей чудесной простотѣ, иногда труднѣе проникнуть до него, а иногда видишь передъ собою одну игру народной фантазіи. Такъ, напримѣръ, разсказъ о построеніи Лавры носитъ всѣ признаки народной сказки. Подобныхъ преданій о другихъ церквахъ сохранилось очень много въ здѣшнемъ краѣ. Все это внесено позднѣе въ Патерикъ и не рукою Нестора и ближайшихъ его продолжателей. Конечно, одному кажется такъ, другому покажется иначе. Кто возьметъ на себя отдѣлить вымыселъ отъ правды?..[1]) Этого нельзя исполнить и даже не должно

[1]) Точки въ подлинникѣ.

предпринимать. Но, если я не ошибаюсь, есть нѣкоторые общіе признаки, которые сами собою обнаруживаются при внимательномъ чтеніи. Напримѣръ, въ сказаніи о построеніи Лавры выводится цѣлый рядъ чудесныхъ явленій, которыя совершаются сами собою, ничьею духовною силою не будучи вызваны. Напротивъ того, чудеса, поражающія своею истинностью, имѣютъ почти всѣ психическій характеръ. Никто не задаетъ себѣ задачи: давай-ка я сотворю чудо, но оно совершается какъ-то естественно, въ ту минуту, когда сильная вѣра возвышалась до той степени, на которой исчезаетъ самое понятіе о возможности сопротивленія со стороны природы; сливаясь такимъ образомъ съ цѣлою жизнью, постепенно отрѣшающейся отъ условій міра сего, оно и въ нашихъ глазахъ почти теряетъ свойство чудесности, и выходитъ, что жизнь святыхъ Печерскихъ гораздо чудеснѣе ихъ чудесъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось. Любопытенъ Патерикъ и въ историческомъ отношеніи. Вся древняя Русь святилась Кіево-Печерскою Лаврою; казалось, какъ будто всѣ пути примыкали къ ней. Вы встрѣчаете въ ея оградѣ князей, бояръ, купцовъ, поселянъ, Варяговъ, Венгровъ. Армянъ, Сербовъ, Грековъ. Изъ нея по разнымъ направленіямъ исходили святители, занимавшіе каѳедральные престолы въ Ростовѣ, Владимірѣ, Новѣ-городѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, разнося повсюду преданіе о Лаврскомъ общежитіи. Она была въ живомъ соприкосновеніи со всѣми сословіями и званіями, отъ высшихъ до низшихъ, и напоминала среди треволненій тогдашняго времени всѣмъ и каждому о томъ, что̀ выше времени и чуждо житейскихъ треволненій. Меня плѣняетъ это явленіе практическаго вліянія чисто-духовной силы, безоружной и всѣми признаваемой. Въ Лаврѣ должна была возникнуть и осуществиться мысль о первой русской лѣтописи, которую можно назвать проповѣдью на современныя событія тогдашней Руси.

Всего вы, конечно, читать не станете, да и не зачѣмъ. Но я рекомендую вамъ житіе Антонія, Ѳеодосія и посланіе Симона къ Поликарпу. Въ этихъ двухъ житіяхъ, въ самомъ повѣствованіи, царствуетъ какая-то святая тишина, какъ въ нѣкоторыхъ иконахъ древней нѣмецкой школы. Не читайте,

пожалуйста, чертовщины, проказъ бѣсовъ и тому подобное; я васъ объ этомъ серьёзно прошу. По уродливымъ картинкамъ вы можете, не читая, отличить, что слѣдуетъ пропустить.

Je me demande, comment j'ai fait pour vous écrire une lettre aussi démesurément longue sur des sujets abstraits aussi éloignés de vos préoccupations actuelles? Мнѣ невольно приходитъ на память ученый Нѣмецъ, Werder [1]), который издалъ комментаріи на Гегелеву логику въ формѣ flüchtiger Briefe an eine Dame, но которыхъ не могла одолѣть сама А. В. Сенявина [2]). Я имѣю претензію быть настолько же способнѣе Вердера, насколько вы лучше А. В. Сенявиной, и потому надѣюсь, что вы въ нѣсколько присѣстовъ одолѣете мое письмо. Au fait, je vous parle de ce qui m'occupe, et comment parler d'autre chose? Ma vie intime, mes espérances, mes regrets et mes vues personnelles se rétrécissent de jour en jour. Ce n'est ni un bien, ni un mal, c'est tout simplement l'effet du temps. „Malheur à ceux qui prolongent la vie du coeur jusqu'à l'habitude!“ Ce malheur ne m'atteindra pas et c'est justement ce qui fait que je me cramponne à toutes les affections de mon passé; je ne changerai pas et je crois que vous n'en doutez pas. Tout à vous.

P. S. Si vous avez un moment de loisir et que vous vouliez l'employer à me procurer une bonne journée, adressez-moi quelques lignes: въ домѣ Рожевскаго, на Крещатикѣ, въ Кіевѣ.

---

[1]) Карлъ Вердеръ (род. въ 1806 г.)—нѣмецкій философъ и драматургъ, профессоръ Берлинскаго университета, авторъ сочиненія: Logik als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik. Berlin, 1841.

[2]) Александра Васильевна Сенявина, урожд. баронесса Гоггеръ, жена товарища министра внутреннихъ дѣлъ Ивана Григорьевича Сенявина; см. примѣч. къ письму за № 41.

XIII.

Къ митрополиту Филарету.

246.

(Петербургъ, 1848) [1].

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Государь и Архипастырь, пользуясь благосклоннымъ отзывомъ вашего высокопреосвященства на мою просьбу [2], осмѣливаюсь препроводить при семъ выписку статьи о русскомъ народномъ и ремесленномъ училищѣ въ Ригѣ изъ представленія министра внутреннихъ дѣлъ комитету министровъ, которое Высочайше утверждено по журналу его 28 сентября 1848 г. и препровождено уже къ князю Суворову [3]). Такъ какъ для достиженія этой цѣли уже открыта на мѣстѣ подписка, то не благоугодно ли вамъ будетъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ ту сумму, которую удастся собрать въ Москвѣ, для пріобщенія ея къ 1705 р. сер., пожертвованнымъ русскими купцами въ Ригѣ. Всякое изъявленіе участія, подъ благословеніемъ вашимъ, православныхъ

---

[1]) Письмо это, сохранившееся въ черновомъ наброскѣ, относится, вѣроятно, къ декабрю 1848 г., когда Ю. Ѳ. вернулся въ Петербургъ изъ своего четырехмѣсячнаго отпуска.

[2]) См. примѣч. 2-е къ письму за № 135. Начало письма было сперва изложено такъ: „Пользуясь обѣщаніемъ вашего высокопреосвященства на мою просьбу, изложенную мною при свиданіи".

[3]) Отъ слова „статьи" до слова „Суворова" вписано Я. В. Ханыковымъ вмѣсто первоначальной редакціи Ю. Ѳ-ча: „выписку изъ Высочайше утвержденнаго журнала комитета министровъ объ устройствѣ въ городѣ Ригѣ русской школы, народной и ремесленной".

жителей Москвы къ ихъ однородцамъ и единовѣрцамъ въ Лифляндіи принесло бы послѣднимъ великое утѣшеніе въ настоящую минуту, когда большая часть предположенныхъ въ пользу ихъ [1]) улучшеній отлагается на долго, а принявшіе Православіе Латыши, лишенные защиты и покровительства, перестаютъ, какъ слышно, посѣщать церкви и собираются просить сотнями и тысячами [2]) о разрѣшеніи имъ возврата въ лютеранизмъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Юрій Самаринъ.

---

[1]) Слова: „въ пользу ихъ" вписаны Ханыковымъ.
[2]) Слова: „сотнями и тысячами" добавлены Ханыковымъ.

XIV.

Къ Якову Владиміровичу Ханыкову.

247.

(Петербургъ, декабрь 1847) [1]).

Любезнѣйшій Яковъ Владиміровичъ, я никакъ не полагалъ, что такъ скоро придется писать къ вамъ по дѣламъ службы; но теперь, послѣ свиданія съ Сенявинымъ [2]), я вижу необходимость какъ можно скорѣе многое сообщить вамъ. Я засталъ Сенявина до крайности раздраженнымъ противъ Головина... Вся эта гроза накопилась по случаю распоряженій Головина и его переписки по дѣлу о пасторскихъ повинностяхъ [3]). Сколько я могъ разобрать изъ крайне несвязнаго и нелѣпаго изложенія Сенявина, въ Высочай-

[1]) Письмо это такъ же, какъ и слѣдующія два, сохранилось только въ черновикѣ. На немъ не помѣченъ годъ, но, судя по тому, что оно написано Ю. Ѳ-чемъ въ Петербургѣ при проѣздѣ въ Москву и что въ Петербургѣ рѣчь шла о замѣнѣ Головина другимъ ген.-губернаторомъ Остзейскихъ губерній, нужно отнести его къ декабрю 1847 г., когда Ю. Ѳ. ѣздилъ на святки въ Москву.

[2]) Иванъ Григорьевичъ Сенявинъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ съ 1844 г. до самой своей кончины; см. примѣч. къ письму за № 41.

[3]) Это дѣло объ освобожденіи обращенныхъ изъ протестантства въ Православіе крестьянъ прибалтійскихъ губерній отъ повинностей въ пользу пасторовъ началось, повидимому, еще въ 1845 году. Поводомъ послужили: 8 пунктъ инструкціи, данной генералу Головину при отправленіи его въ Ригу, и 1 пунктъ дополнительной инструкціи, данной также въ 1845 г. викарію псковскому, епископу рижскому. Въ 8 пунктѣ инструкціи ген. Головину читаемъ: „Само собою разумѣется, что присоединенные къ Православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ въ отношеніи къ протестантской церкви и духовенству повинностей, потому что, поступая

шемъ повелѣніи, которое окончательно должно было рѣшить вопросъ о повинностяхъ, было сказано: „слагаются тѣ повинности, которыя относятся къ лицу пастора и которыя должны быть обращены въ пользу православныхъ священниковъ; остаются тѣ, которыя платятся съ земли, за право пользованія землею“. Поэтому Сенявинъ (и, кажется, все министерство) думаетъ, что крестьянамъ, перешедшимъ въ Православіе, не будетъ никакой льготы. Не знаю, во всей ли полнотѣ было сообщено это Высочайшее повелѣніе генералъ-губернатору, но изъ словъ Сенявина оказывается, что губернаторъ будто бы не понялъ этого Высочайшаго повелѣнія и сдѣлалъ публикаціи, подавшія поводъ думать, что крестьяне, перешедшіе въ Православіе, получатъ льготу сравнительно съ тѣми, которые останутся протестантами. Послѣдовало распоряженіе ландратской коллегіи о сложеніи съ послѣднихъ [1]) части повинностей. Объ этомъ распоряженіи (по словамъ Сенявина) сообщилъ генералъ-губернаторъ такъ *нельпо и неясно*, что бумаги его въ министерствѣ никто понять не могъ. Эту бумагу онъ мнѣ показывалъ; въ ней сказано, что ландратская коллегія домогается того, чтобы *прихожане* (въ скобкахъ выставлено нѣмецкое слово, котораго я не припомню) приняли на себя всѣ тѣ повинности, которыя складываются съ крестьянъ, перешедшихъ въ Православіе. Возникъ вопросъ, какъ понимать слово *прихожане*; разумѣть ли

въ паству православную, они должны принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ Православной Церкви и духовенству, сохраняя, однако, во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живутъ“. Въ своей статьѣ „Православные Латыши“ Ю. Ѳ. говоритъ, что это мѣсто инструкціи Головину „послужило поводомъ къ безконечнымъ жалобамъ, толкованіямъ, спорамъ, объясненіямъ, ограниченіямъ и отмѣнамъ собственно потому, что, когда составлялась эта статья, никто не взялъ на себя труда навести справку о видахъ и свойствахъ этихъ разнообразныхъ повинностей“. Въ томъ же смыслѣ, какъ вышеприведенное мѣсто изъ инструкціи ген. Головину, редактированъ и конецъ 1 пункта инструкціи епископу рижскому. Тутъ значится: „принимающіе Православіе не въ правѣ требовать отъ духовнаго начальства ходатайства за нихъ о какихъ-либо гражданскихъ преимуществахъ. Посему крестьянамъ-Латышамъ и Эстамъ внушать, что принятіе Православія не можетъ перемѣнить ихъ отношеній къ помѣщикамъ, но только къ пасторамъ, освобождая отъ приходскихъ къ нимъ повинностей“.

[1]) Т. е. съ крестьянъ, перешедшихъ въ Православіе.

подъ нимъ помѣщиковъ или крестьянъ, оставшихся протестантами. Въ министерствѣ, по прочтеніи бумаги и совѣщаніи между Сенявинымъ, Далемъ и министромъ, рѣшили, что подъ *прихожанами* генералъ-губернаторъ разумѣлъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, помѣщики намѣрены взыскать съ нихъ долю повинностей, сложенную съ православныхъ, т. е. наказать ихъ за то, что они остались вѣрными протестантизму (!). На этотъ докладъ воспослѣдовала Собственноручная резолюція, которую Сенявинъ мнѣ также показывалъ. Содержаніе ея сообщено генералъ-губернатору въ той бумагѣ, которую показывалъ вамъ Валуевъ. Въ резолюціи повторено содержаніе прежняго Высочайшаго повелѣнія о томъ, какія повинности складываются и относятся въ пользу православнаго духовенства и какія остаются (буде въ контрактѣ упомянуты). Но замѣчательно то, что въ бумагѣ, сообщенной генералъ-губернатору, не прописаны послѣднія строки Высочайшей собственноручной резолюціи; въ ней сказано, что распоряженіе ландратской коллегіи не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго, ибо имѣло цѣлью не *наложить* повинности, а *склонить* къ принятію ихъ на себя. Слѣдовательно, распоряженіе ландратской коллегіи Государемъ признано было совершенно законнымъ. Таковъ ясный смыслъ строкъ, прочтенныхъ мнѣ Сенявинымъ; не знаю, всю ли резолюцію онъ мнѣ прочелъ. Мнѣ показалось страннымъ, что вмѣсто Высочайшей резолюціи о распоряженіи ландратской коллегіи сообщено генералъ-губернатору только личное мнѣніе министра, вовсе не согласное съ нею, но я не могъ сообщить ему моего недоумѣнія, ибо не считалъ себя въ правѣ сказать, что я читалъ бумагу, полученную генералъ-губернаторомъ изъ министерства. Но Сенявинъ самъ взялъ на себя трудъ объяснить мнѣ разгадку образа дѣйствій министерства; у него сорвались съ языка слѣдующія слова: „мы нарочно написали генералъ-губернатору глухо, пусть онъ понимаетъ и распоряжается, какъ хочетъ“. То-есть онъ поставилъ Головину капканъ и надѣется, что онъ попадется. Меня это взорвало. Сенявинъ, кажется, примѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на меня его словами и тотчасъ прекратилъ разговоръ. Все это сообщено мнѣ не

подъ секретомъ, съ меня не брали слова молчать, и, если бы потребовали его, я бы его не далъ; поэтому я имѣю полное право и считаю себя обязаннымъ все это немедленно сообщить вамъ, дабы вы передали Головину. Кромѣ того Сенявинъ бранилъ его за нерѣшительность, за безпрестанныя требованія поясненій, за противорѣчія самому себѣ. Между прочимъ онъ говорилъ про него, что онъ всегда дѣйствуетъ подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ и будто бы онъ (т. е. Сенявинъ) теперь узнаетъ безошибочно, кѣмъ сочинена бумага, имъ подписанная. „Руку Ханыкова я узнаю (это—слова Сенявина) съ перваго взгляда на бумагу, по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя онъ выдумалъ и вводитъ отъ себя; напримѣръ, онъ употребляетъ слово *основа* и еще какое-то другое выраженіе, какъ *упрежденіе*", честь изобрѣтенія которыхъ принадлежитъ вамъ. Поздравляю васъ съ удачнымъ изобрѣтеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ извинить меня: я также употреблялъ эти выраженія, не зная, что посягалъ черезъ это на право собственности изобрѣтателя. Впрочемъ, объ васъ отзывался онъ съ похвалою. Онъ, получивъ ваше послѣднее письмо, тогда только понялъ, въ чемъ дѣло. „Спасибо, наконецъ умный человѣкъ (это вы) взялъ на себя трудъ объяснить". Министру я также представлялся; онъ спрашивалъ меня о моихъ личныхъ занятіяхъ и велѣлъ явиться на обратномъ пути.

Припоминая теперь весь мой разговоръ съ Сенявинымъ, или, лучше, монологъ его, потому что мнѣ онъ не далъ вставить двухъ словъ, я остаюсь невольно пораженнымъ его тономъ. Такъ рѣзко и грубо отзываться о Головинѣ, при мнѣ, онъ не сталъ бы, если бы не считалъ его человѣкомъ похороненнымъ, un homme fini. Въ городѣ я слышалъ отъ многихъ, что ему назначенъ уже преемникъ въ лицѣ Гр. Алекс. Стр.... [1]); увѣряютъ, что Гр. Стр.... этого не отрицаетъ. Жаль Головина, если это—правда. Жаль особенно потому, что съ нимъ поступили недобросовѣстно и нечестно. Это письмо я передамъ Милютину и попрошу его переслать

[1]) Не разобрано. Вѣроятно, здѣсь нужно разумѣть гр. Александра Григорьевича Строганова (род. въ 1795 г., ум. въ 1891 г.)—генералъ-адъютанта, члена Госуд. Совѣта съ 1849 г.

вамъ безопаснымъ путемъ. Вѣроятно, вамъ покажется, что я очень неотчетливо передалъ вамъ мой разговоръ съ Сенявинымъ и существо дѣла о повинностяхъ; но въ этомъ вините не меня. Весь разговоръ продолжался пять минутъ; Сенявинъ говорилъ скороговоркою, съ свойственною ему точностью изложенія..... [1]), перебирая пальцами листы дѣла и читая почти наизусть отрывки изъ него. Впрочемъ, за вѣрную передачу главнаго, т. е. обвиненія, взводимаго на генералъ-губернатора за то, что онъ сбивчивымъ изложеніемъ дѣла ввелъ министерство въ заблужденіе, и за содержаніе Высочайшей резолюціи я вамъ ручаюсь.

Таково было впечатлѣніе, встрѣтившее меня въ служебномъ мірѣ. Я не дождусь минуты вырваться изъ него въ Москву. Коляска ваша сослужила походную службу какъ нельзя лучше; но я пріѣхалъ съ простудою и лихорадкою, а В... [2]) съ больной ногой; но теперь и онъ и я—мы оба поправились. Прощайте. Поклонитесь отъ меня... [3]), Штакельбергу [4]) и прочимъ. А вамъ да пошлетъ Богъ спокойствіе души и нервовъ!

248.

(Москва, апрѣль 1849) [5]).

Пользуюсь отъѣздомъ Віельгорскаго въ Петербургъ, чтобы поговорить съ вами безъ постороннихъ слушателей. Положеніе мое въ Москвѣ нѣсколько попортилось, а что было тому причиною—это остается для меня тайною [6]). Только одно для меня ясно, это—нерасположеніе ко мнѣ гр. Закрев-

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Имя не разобрано.

[3]) Не разобрано.

[4]) Адольфъ Ѳедоровичъ Штакельбергъ (род. въ 1808 г., ум. въ 1865 г.)—въ то время чиновникъ особыхъ порученій при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, состоявшій членомъ Рижской ревизіонной комиссіи 1845—1848 гг., впослѣдствіи членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

[5]) Письмо это, воспроизводимое по черновому наброску, который Ю. Ѳ., очевидно, сохранилъ себѣ на память, написано передъ самымъ отъѣздомъ Государя изъ Москвы въ 1849 г., слѣдовательно, около 14-го апрѣля.

[6]) Въ настоящее время не тайна, что причиною тому были доклады гр. Закревскаго Государю во время пребыванія его въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1849 г.

скаго... Когда меня выпустили изъ крѣпости, я написалъ коротенькое письмо къ отцу моему, въ которомъ передавалъ начало и конецъ моего свиданія съ Государемъ, слова, относившіяся собственно до моихъ родителей, о содержаніи же рѣчи писалъ только, что въ ней заключался упрекъ, наставленіе и милость. Кажется, въ этомъ нѣтъ грѣха... Но письмо мое получило огласку, и копія съ него дошла до гр. Закревскаго. Московскій градоначальникъ не замедлилъ выразить, что онъ крайне недоволенъ оказанною мнѣ милостью и сообщеніемъ письма моего[1]. „Все это, говорилъ онъ, имѣетъ видъ какого-то торжества". Я представился гр. Закревскому на другой день по пріѣздѣ моемъ: онъ принялъ меня чрезвычайно сухо. Аксаковы, узнавъ о счастливомъ окончаніи моего дѣла, пили за столомъ за здоровье Государя, и это вмѣнено имъ было гр. Закревскимъ въ преступленіе. Извѣстіе объ Иванѣ Аксаковѣ еще болѣе раздражило его и вызвало нѣсколько неодобрительныхъ отзывовъ... Пріѣхалъ Дворъ. Бажановъ доставилъ мнѣ случай представиться Государю Наслѣднику и благодарить его за участіе, которое онъ принялъ во мнѣ. Не знаю, читалъ ли Государь Наслѣдникъ мои письма, но... вотъ вкратцѣ содержаніе разговора: Россія такъ сильна, что нечего опасаться вреда для нея отъ трехъ губерній; Остзейцы служили намъ вѣрою и правдою, въ 12-мъ году проливали за насъ кровь; притѣснять ихъ, съ нашей стороны, было бы не расчетливо и доказывало бы un manque de générosité... Замкнутое дворянство не только должно поддерживать у нихъ, но даже хорошо бы было завести у насъ... Лютеранинъ и католикъ могутъ быть такими же добрыми христіанами, какъ и православные; терпимость—лучшее свойство нашей Церкви: жаль будетъ, если она утратитъ его и т. д. Далѣе Государь Наслѣдникъ сказалъ: „Я увѣренъ, что слова Государя произвели на васъ глубокое впечатлѣніе, и потому мы ожидаемъ, что вы будете имѣть въ Москвѣ доброе вліяніе на вашихъ близкихъ знакомыхъ; здѣсь, въ Москвѣ, распространился духъ непріязни къ Нѣмцамъ, замѣтный и

[1] Т. е. сообщеніемъ письма близкимъ родственникамъ и знакомымъ вслѣдствіе чего оно получило нѣкоторую огласку въ Москвѣ.

въ Московскомъ университетѣ". Я, разумѣется, заступился за Москву и сказалъ, что, до пріѣзда моего въ Остзейскій край, мнѣ не приходило въ голову различать Нѣмцевъ съ Русскими, что это различіе я почувствовалъ впервые въ Ригѣ, что если въ Москвѣ шли толки о Нѣмцахъ, то виноватъ въ этомъ я, пустивши ихъ въ ходъ по возвращеніи моемъ, что я не забуду наставленія Государя и т. д.— „Я вполнѣ въ васъ увѣренъ", сказалъ мнѣ Государь Наслѣдникъ и пожалъ мнѣ руку. Черезъ нѣсколько дней Великая Княгиня Марія Николаевна, на вечерѣ у гр. Блудова [1]), сказала: „l'affaire de Samarine s'embrouille de nouveau, mais cette fois-ci c'est de sa faute; il a fait une infamie". На другой день Великую Княгиню попросили объяснить, въ чемъ дѣло, но тогда она сказала, что все это былъ вздорный слухъ [2]). Бажановъ, съ которымъ я также объяснялся по этому случаю, обнадежилъ меня увѣреніемъ, что Государь знаетъ хорошо, что всякій, кому онъ окажетъ милость, подвергается нареканіямъ всякаго рода, но что онъ не придаетъ вздорнымъ слухамъ никакой цѣны. Въ день представленія отецъ мой сталъ благодарить Государя; онъ отвѣчалъ ему довольно сухо: „былъ бы остороженъ" (говоря обо мнѣ). Потомъ, на балѣ, Государь самъ подошелъ къ отцу моему и говорилъ съ нимъ гораздо ласковѣе. Между прочимъ, Государь сказалъ: „у сына твоего много способностей, но у него *дурное направленіе:* онъ воображаетъ себя умнѣе всѣхъ насъ; я надѣюсь, что мои слова произвели на него впечатлѣніе, но тебѣ остается довершить то, что начато мною". Къ кому относился упрекъ въ дурномъ направленіи, падавшій, очевидно, не на одного меня: къ московскимъ ли моимъ пріятелямъ или къ петербургскимъ? Припоминая слова Госу-

[1]) Гр. Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (род. въ 1785 г., ум. въ 1864 г.)— съ 1839 по 1862 г. главноуправляющій II Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. Канцеляріи, членъ Госуд. Совѣта и председатель департамента законовъ, а съ 1862 г. председатель Гос. Совѣта и комитета министровъ.

[2]) Въ городѣ дѣйствительно распространился ни на чемъ не основанный слухъ о перехваченномъ письмѣ Ю. Ѳ-ча, въ которомъ онъ будто бы позволилъ себѣ въ непочтительныхъ выраженіяхъ передать слова, сказанныя ему Государемъ. Слухъ этотъ, по всей вѣроятности, возникъ вслѣдствіе комментарій гр. Закревскаго на полученную имъ копію съ письма Ю. Ѳ-ча къ родителямъ.

даря: „вамъ не слѣдуетъ оставаться въ Петербургѣ, потому что вы здѣсь подвергаетесь дурному вліянію", я полагаю, что ко вторымъ, т. е. къ вамъ, Скрипицыну[1]), гр. Д. Н. Толстому[2]). Съ своей стороны, я велъ себя чрезвычайно осторожно, и хотя я попрежнему часто навѣщаю Аксакова и Хомякова, но это едва ли могло быть вмѣнено мнѣ въ осужденіе, какъ скоро отъ меня требовали, чтобы я старался на нихъ дѣйствовать личнымъ моимъ вліяніемъ... Время шло, а назначенія я не получалъ, и я рѣшился, наконецъ, ѣхать къ гр. Орлову, который въ разговорѣ съ моими родителями обнаруживалъ не разъ свое доброе расположеніе ко мнѣ. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше. Изъ словъ его я узналъ, что Государь не хочетъ, чтобы я служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что первою мыслью его было опредѣлить меня въ Москвѣ, но что этого, вѣроятно, не будетъ. Теперь я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что гр. Закревскій отказалъ наотрѣзъ принять меня къ себѣ на службу. Затѣмъ гр. Орловъ вызвался самъ, во время поѣздки съ Государемъ въ Петербургъ или немедленно по пріѣздѣ туда, напомнить ему обо мнѣ и спросилъ, какого рода службу я желаю, дабы, по возможности, согласовать съ моими желаніями. Мнѣ хотѣлось просить мѣста чиновника особыхъ порученій при гр. Киселевѣ[3]), но я подумалъ, что лучше не называть его, такъ какъ онъ, такъ же, какъ и Перовскій, слыветъ покровителемъ всякихъ заговорщиковъ, и сказалъ только, что мнѣ хотѣлось бы не имѣть канцелярскихъ занятій въ Петербургѣ, но ѣздить по Россіи съ порученіями. Теперь остается мнѣ просить васъ, если найдете возможнымъ, подготовить мое опредѣленіе къ Киселеву черезъ Льва Алексѣевича[4]) или Милютина. Хорошо бы было, если бы гр. Киселевъ изъя-

[1]) Валерій Валеріевичъ Скрипицынъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1874 г.)—директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій при гр. Перовскомъ и Бибиковѣ.

[2]) Ю. Ѳ-чу не были въ то время извѣстны наговоры гр. Закревскаго на славянофиловъ; отъ этого онъ и относилъ слова Государя не къ московскимъ, а къ петербургскимъ друзьямъ своимъ.

[3]) Гр. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ; см. примѣч. 6-ое къ письму за № 120.

[4]) Перовскаго.

вилъ самъ готовность принять меня, но я не могу на это надѣяться, зная его дурное расположеніе ко мнѣ. Разговоръ мой съ гр. Орловымъ продолжался довольно долго; два раза я хотѣлъ откланяться, но онъ удерживалъ меня, разсказалъ мнѣ, какъ онъ постоянно говорилъ и писалъ противъ остзейскихъ привилегій, какъ подавалъ мнѣніе противъ ихъ утвержденія и заступался за меня въ разговорѣ съ Государемъ, доказывая, что я былъ совершенно правъ, говоря, что Остзейцы, въ противность намъ, Русскимъ, постоянно отдѣляютъ личность Государя отъ отечества. „Если бы вы, говорилъ онъ, черезъ меня сообщили свою рукопись Государю, не было бы никакого дурного послѣдствія; вамъ повредило только ея распространеніе, а я получилъ выговоръ за то, что не донесъ о ней Государю. Конечно, тогда вы не были со мною знакомы, какъ теперь, но я говорю вамъ это для переду". Эти слова напомнили мнѣ другія, сказанныя гр. Орловымъ Б—у и переданныя мнѣ вчера его сыномъ. Сообщивъ Б—у содержаніе словъ, сказанныхъ мнѣ Государемъ, Орловъ добавилъ, что Государь, между прочимъ, будто бы сказалъ мнѣ: „впредь адресуйте всѣ свои замѣчанія и наблюденія прямо ко мнѣ". Но этихъ словъ я не слыхалъ. Можетъ быть Государь имѣлъ намѣреніе сказать ихъ мнѣ, но не сказалъ. А жаль! Потомъ гр. Орловъ перешелъ къ славянофиламъ, съ великою похвалою отзывался объ Иванѣ Аксаковѣ и о направленіи вообще, которое называлъ благонамѣреннымъ, чистымъ, прекраснымъ, но въ то же время присовокупилъ опасеніе, чтобы злонамѣренные люди не употребили его, какъ орудіе для своихъ цѣлей, чтобы Славяне западные не вздумали насъ притягивать къ себѣ, такъ какъ они уже добыли сами все, что мы могли бы имъ обѣщать, наконецъ, что Государю не нравятся бороды и т. д. Вотъ вамъ подробный отчетъ о всемъ, касающемся меня. Мнѣ кажется, изъ всего этого вытекаетъ, что Государь сожалѣетъ, что оказалъ мнѣ слишкомъ много вниманія и милости, что гр. Закревскій много повредилъ мнѣ, внушивъ ему мысль, что я и всѣ славянофилы торжествуемъ какую-то побѣду, что направленіе наше вообще выдержало съ честью испытаніе въ лицѣ Аксакова, но что оно

не менѣе того возбуждаетъ какія-то темныя опасенія, какъ всякое самостоятельное мнѣніе, даже благонамѣренное. Поэтому я не желалъ бы оставаться въ Москвѣ и хотѣлъ бы скорѣе получить занятіе по службѣ, ибо до тѣхъ поръ, пока я не буду подъ чьимъ-нибудь начальствомъ и заступничествомъ, на меня будетъ падать отвѣтственность прямо или косвенно за всякій слухъ, обо мнѣ распущенный. По письмамъ Аксакова я вижу, что его не пускаютъ въ Москву, что очень изумило гр. Орлова, который думалъ, что онъ уже здѣсь; это, вѣроятно, излишняя предосторожность министерства. Скажите однакоже Аксакову, чтобы онъ въ своихъ письмахъ былъ осторожнѣе, не подчеркивалъ бы словъ: „при настоящихъ обстоятельствахъ“, „по особеннымъ соображеніямъ“ и тому подобныхъ. Затѣмъ, прощайте и да хранитъ васъ Богъ!

249.

(Кіевъ, 1852) [1].

Любезный Яковъ Владиміровичъ, всякій день сбираюсь къ вамъ писать и всякій день отлагаю до другого дня, потому что хочется писать обо многомъ, а досуга по охотѣ мало. Прежде всего благодарю васъ душевно за вашу заботливость о моихъ братьяхъ [2]); еще болѣе благодарю васъ за утѣшеніе, которое вы доставили этимъ моему отцу. Въ преклонныхъ лѣтахъ всякое изъявленіе участія живо принимается къ сердцу, какъ будто вовсе неожиданное. Теперь всѣ мои братья пристроены; для нихъ начнется періодъ дѣятельности, признаваемый необходимымъ, который дѣй-

[1]) Это письмо сохранилось въ неполномъ видѣ; можетъ быть, оно и не было послано Ханыкову. На немъ не помѣченъ годъ, но содержаніе его указываетъ ясно, что оно написано въ 1852 г. изъ Кіева и, повидимому, осенью этого года.

[2]) Въ 1852 г. Ханыковъ, будучи назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ (онъ оставался въ этой должности до 1855 г., послѣ этого онъ долженъ былъ выйти въ отставку по болѣзни), принялъ на службу въ свою канцелярію двухъ младшихъ братьевъ Ю. Ѳ-ча — Петра Ѳедоровича и Дмитрія Ѳедоровича, только что кончившихъ, весною 1852 г., университетскій курсъ по юридическому факультету. Петръ Ѳедоровичъ и Дмитрій Ѳедоровичъ выѣхали изъ Москвы въ Уфу, мѣстопребываніе губернатора, 8 октября.

ствительно необходимъ для большинства людей, для пріобрѣтенія личной опытности, а мнѣ пора въ обратный путь, домой.—Съ возвращенія моего изъ Москвы [1]) я по настоящее время былъ постоянно заваленъ дѣломъ. Разсмотрѣніе смѣтъ земскихъ повинностей трехъ губерній [2]), разборъ Евреевъ на разряды [3]), учрежденіе еврейскихъ цеховъ [4]), высылка дворянъ на службу [5]), разсмотрѣніе проекта о введеніи же-

[1]) Ю. Ѳ. вернулся въ Кіевъ послѣ двухмѣсячнаго отпуска въ среднихъ числахъ апрѣля 1852 г.

[2]) Согласно Высочайше утвержденнымъ 13 іюля 1851 года правиламъ новаго устройства земскихъ повинностей, по которымъ взиманіе земскихъ сборовъ и отправленіе земскихъ повинностей должно было начаться съ 1 января 1853 года, предварительное разсмотрѣніе правильности составленныхъ губернскими комитетами проектовъ смѣтъ и раскладокъ денежныхъ земскихъ повинностей возлагалось, на ряду съ министрами внутр. дѣлъ, госуд. имуществъ и удѣловъ, и на генералъ-губернаторовъ.

[3]) Высочайше утвержденными временными правилами о разборѣ евреевъ 23 ноября 1851 года предписывалось „для побужденія Евреевъ къ осѣдлости и полезному труду" раздѣлить ихъ на пять разрядовъ: купцовъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мѣщанъ осѣдлыхъ и мѣщанъ неосѣдлыхъ. Этотъ разборъ Евреевъ и распредѣленіе ихъ на разряды по представленнымъ ими доказательствамъ должны были быть окончены къ 1 іюля 1852 года; производился разборъ подъ наблюденіемъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ въ мѣстахъ, завѣдывавшихъ еврейскими обществами, именно: разборъ городскихъ обывателей - городскими думами и ратушами, а гдѣ ихъ нѣтъ — магистратами, земледѣльцевъ, поселившихся на земляхъ владѣльческихъ, собственныхъ или своихъ единовѣрцевъ—мѣстной земской полиціей.

[4]) Согласно Высочайше утвержденному 16 апрѣля 1852 года мнѣнію Государственнаго Совѣта Евреи могли поступать или въ ремесленные цехи на общемъ основаніи, или въ цехи неремесленные, учреждаемые для Евреевъ въ чертѣ общей ихъ осѣдлости. Къ неремесленнымъ цехамъ причислялись: 1) мостовщики, землекопы, каменщики, каменотесы, плотники и штукатуры; 2) извощики и фурманы; 3) садовники; 4) работники на фабрикахъ и заводахъ; 5) чернорабочіе и поденщики; 6) домашніе слуги, а равно слуги въ промышленныхъ заведеніяхъ.

[5]) Указомъ о высылкѣ на службу сыновей дворянъ неправославныхъ помѣщиковъ западныхъ губерній, даннымъ 21 апрѣля 1852 г., повелѣвалось, въ виду уклоненія отъ службы большей части молодыхъ дворянъ польскаго происхожденія, принадлежащихъ къ зажиточнѣйшимъ семействамъ: 1) „сыновей дворянъ неправославныхъ помѣщиковъ губерній Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской, у которыхъ за ними или за женами ихъ не менѣе ста душъ крестьянъ, по достиженіи 18 лѣтъ, высылать на службу для зачисленія въ прапорщики или юнкера, по экзамену или, ежели не выдержатъ экзамена, рядовыми на правѣ дворянъ; 2) изъ сего изъемлются

ребьевой системы рекрутской повинности—все это слѣдовало одно за другимъ безъ перерыва. По земскимъ повинностямъ мнѣ помогалъ во многомъ Журавскій [1]). Онъ составилъ подробныя формы, по которымъ будутъ собираться статистическія свѣдѣнія въ каждомъ имѣніи, въ каждой купеческой конторѣ, и обстоятельную инструкцію объ употребленіи этихъ свѣдѣній для опредѣленія относительной степени благосостоянія каждой мѣстности и каждаго сословія. Его работа весьма замѣчательна; онъ только что окончилъ ее и на дняхъ она будетъ представлена генералъ-губернатору, который, вѣроятно, отправитъ ее къ министру внутреннихъ дѣлъ. При разборѣ смѣтъ пришлось изготовить мнѣнія по разнымъ предположеніямъ о переложеніи нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя. Изучивъ подробно способы исполненія каждой изъ нихъ, я убѣдился, что почти во всѣхъ случаяхъ интересъ помѣщиковъ противоположенъ интересу крестьянъ; всѣ предположенія комитетовъ о замѣнѣ натуральной повинности денежною заключали въ себѣ скрытное переложеніе повинности съ одного сословія на другое. Генералъ-губернаторъ подалъ мнѣніе противъ этихъ предположеній, и, вѣроятно, изъ этого завяжется довольно интересная переписка. Разборъ Евреевъ приноситъ огромный доходъ полиціямъ, разоряетъ Евреевъ и приводитъ ихъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ помѣщиковъ, въ имѣніяхъ которыхъ они водворены. Еврейскія училища идутъ превосходно, и теперь уже въ Подольской губерніи на 5215 учащихся Евреевъ считается 2300 учащихся Христіанъ. Въ

тѣ, кои явятся добровольно на службу не моложе 16-ти и до 18-ти лѣтъ, коимъ предоставляется право свободнаго выбора, въ какомъ полку или родѣ войскъ служить пожелаютъ, но не иначе, какъ по экзамену; 3) желающіе поступить въ гражданскую службу должны объявить, куда желаютъ опредѣлиться, но непремѣнно въ великороссійскихъ губерніяхъ". Освобождались отъ службы только неспособные къ ней по тѣлеснымъ недостаткамъ и по слабости здоровья, а также единственные сыновья. Осмотръ и высылку на службу повелѣвалось производить два раза въ годъ: 1 января и 1 іюля, начиная съ іюля 1852 г.

[1]) Дмитрій Петровичъ Журавскій (род. въ 1810 г., ум. въ 1856 г.) — извѣстный статистикъ; воспоминанія о немъ Ю. Ѳ-ча напечатаны были въ № 2 „Русской Бесѣды" за 1857 г. и перепечатаны въ I т. сочиненій Ю. Ѳ-ча.

гимназіи (для православныхъ) запрещено принимать сыновей купцовъ 3-ьей гильдіи и мѣщанъ. Указъ о высылкѣ дворянъ на обязательную службу надѣлалъ много шума; теперь съ нимъ свыклись. Умнѣйшіе изъ здѣшнихъ дворянъ польскаго происхожденія радуются ему. Они разсуждаютъ такъ: „фронтовая служба не сдѣлаетъ изъ католиковъ православныхъ, изъ Поляковъ—Русскихъ; но дѣти наши получатъ то, чего имъ не доставало: служебную опытность, умѣнье обращаться съ правительствомъ; они пріобрѣтутъ связи, покровительство, голосъ; они, воротившись во-свояси, не будутъ трепетать, какъ мы, передъ исправникомъ и становымъ; образуется сословіе заслуженныхъ дворянъ, которое будетъ въ состояніи дать отпоръ мѣстному начальству, и тогда не такъ-то легко будетъ вводить инвентарныя правила, обращать костелы въ церкви и т. д.“ Въ какой мѣрѣ они правы—покажетъ будущность. До сихъ поръ старались сдѣлать здѣшнихъ дворянъ безсильными и безвредными; теперь имъ даютъ силу въ руки въ надеждѣ, что они будутъ намъ полезны; забываютъ, что мы ..... не въ состояніи обращать. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ здѣшнее казенное воспитаніе. Вся формальная, внѣшняя сторона его доведена до совершенства. Есть и учителя, и профессора, и библіотеки; студенты и гимназисты учатся превосходно, ведутъ себя безукоризненно, а между тѣмъ правительство утратило всякое вліяніе на воспитаніе молодого поколѣнія. Правда, изгнали *польскій духъ* (какъ выражаются здѣсь) изъ училищъ; за то въ нихъ—совершенное бездушіе. Всякое слово учителя запечатлѣно лицемѣріемъ, и ни одинъ ученикъ ему не вѣритъ, зная, что онъ лицемѣритъ. Лицемѣріе проникло въ классы малолѣтнихъ; 12-тилѣтній кадетъ такъ уже свыкся съ обязательнымъ лицемѣріемъ, что внутренность его стала совершенно не видна. Само собой разумѣется, что религія въ понятіяхъ учащихся есть тоже одно изъ проявленій условной, казенной лжи. Грустнѣе всего то, что народъ портится....

XV.

Къ Алексѣю Степановичу Хомякову.

250.

(Петербургъ, 1845) [1].

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, начну это письмо съ чистосердечнаго покаянія. Никогда въ жизни не былъ я такъ недоволенъ собою, какъ теперь. Вотъ уже годъ, какъ я въ Петербургѣ, и во все это время я не только никому не сдѣлалъ никакой пользы, но самъ испыталъ много душевнаго вреда. Въ кругу моихъ знакомыхъ меня принимали за представителя образа мыслей, котораго здѣсь боятся и не любятъ, или, лучше, котораго не понимаютъ. Меня разспрашивали, разумѣется, безъ участія, но съ любопытствомъ; думаю, что я могъ бы имѣть доброе вліяніе хоть на нѣкоторыхъ людей, которыми не совсѣмъ еще овладѣло душевное усыпленіе. По крайней мѣрѣ, я могъ бы насколько-нибудь подорвать довѣріе къ неиспытаннымъ авторитетамъ. Мнѣ слѣдовало взяться за это дѣло, но я не то что не сумѣлъ, а просто не хватило духа. Я смутился при первой попыткѣ, когда встрѣтилъ не страстный отпоръ и не открытую вражду, а улыбку самодовольнаго состраданія къ моимъ

[1]) Это письмо не имѣетъ помѣтъ года и мѣсяца написанія, но оно несомнѣнно относится къ 1845 г. (на это указываетъ фраза: „Вотъ уже годъ, какъ я въ Петербургѣ") и скорѣе всего къ октябрю мѣсяцу, когда Ю. Ѳ. рѣшился остаться въ Петербургѣ до весны. Подтверждается это и отвѣтнымъ письмомъ Хомякова отъ 17 декабря 1845 г., которое начинается такъ: „Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я собираюсь къ вамъ написать въ отвѣтъ на ваше письмо".

заблужденіямъ, страшное, ничѣмъ невозмутимое спокойствіе и какое-то глухое и мертвое сопротивленіе. Мнѣ стало неловко и стыдно, когда я увидалъ, что стою одинъ противъ цѣлаго общества, и что не только сочувствія и отзыва, даже отвѣта я не добьюсь. Чего тутъ таить. Мелкое самолюбіе, боязнь показаться смѣшнымъ, чувство гордости съ примѣсью лѣни лишили меня бодрости и силы. Я рѣшился лучше молчать. Это было непростительное малодушіе, и оно не прошло мнѣ даромъ. Сперва мнѣ было нестерпимо тяжело выслушивать безпрекословно сужденія здѣшняго общества. Потомъ я началъ понемногу къ нимъ привыкать. Я испыталъ, что ложная мысль или дурной поступокъ, разъ пропущенный безъ громкаго протеста, вопреки человѣку пріобрѣтаетъ надъ нимъ какую-то таинственную власть. Я не примирился съ здѣшнимъ обществомъ, но чувствую, что оно на меня дѣйствуетъ, какъ здѣшній сырой воздухъ, какъ сидячая жизнь. Все мутится въ головѣ моей; то, что возбуждало во мнѣ негодованіе и презрѣніе, облекается въ моихъ глазахъ въ благовидныя формы и лукаво крадется въ душу. Остальное, во что̀ я вѣрилъ и что̀ любилъ, какъ будто теряетъ для меня цѣну и оподозривается. То, что̀ я слышалъ вчера, нынче повторяется во мнѣ самомъ и какъ будто отъ моего лица. Это невыносимо тяжело. Я рвусь отсюда, но не знаю, куда итти, потому что я потерялъ сознаніе моего призванія. Оно было для меня ясно, какъ день, я видѣлъ его передъ собою, хотя и вдали, но этотъ безконечный годъ отбросилъ меня Богъ вѣдаетъ въ какую глушь. Вникните въ мое положеніе. Вы знаете, что̀ заставило меня отказаться отъ любимой цѣли; подумайте обо мнѣ и скажите, что̀ мнѣ дѣлать. Я знаю, что этимъ вопросомъ я ставлю васъ въ затруднительное положеніе, что хорошъ тотъ совѣтъ, который можетъ быть примѣненъ, а мѣра собственныхъ силъ не всегда извѣстна человѣку, тѣмъ менѣе силъ другого. Съ другой стороны, вы можете быть увѣрены, что я не поступлю необдуманно. Мнѣ нужно знать ваше мнѣніе; сказавъ его, вы еще не берете на себя ни малѣйшей отвѣтственности: ѣхать отсюда, и навсегда, я уже рѣшился; крайній срокъ моему пребыванію въ Петербургѣ—

весна. Послѣ этого что̀ мнѣ дѣлать? Бросить ли службу или ѣхать служить въ губернію? Я помышляю о Малороссіи или о приволжскихъ краяхъ [1]). Прослуживши годъ въ губерніи, я поѣхалъ бы на два года за-границу. Но вотъ, что̀ сокрушаетъ меня: сочетать занятія по службѣ съ занятіями учеными нѣтъ возможности — безъ нихъ я жить не могу, а бросить службу—я пойду не только наперекоръ давнишней и любимой мысли моего отца, но подниму еще гоненіе, которое обрушится не на одного меня. Все это вы можете взвѣсить и сообразить. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ отвѣта. Повторяю опять: ужасно я недоволенъ собою; но все же не было ни одной минуты въ продолженіе этого года, которой бы я сказалъ:

Berweile doch! du bist so schön! [2]).

И уже теперь, при одной мысли, что черезъ шесть мѣсяцевъ я вырвусь отсюда, на душѣ становится свѣжѣе и легче. Прощайте, до другого раза.

P. S. Вышлите мнѣ Попова [3]).

251.

(Петербургъ), 1 Января 1846.

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, ваше продолжительное молчаніе меня не удивило; признаться, я не скоро думалъ получить отъ васъ отвѣтъ, ибо зналъ, что вамъ было не до того. Я понимаю, какъ сильно должна была васъ поразить смерть Валуева [4]); не только для васъ, но и вообще онъ не можетъ быть замѣненъ никѣмъ. Я не знаю человѣка, который бы глубже принялъ въ себя тѣ живыя начала, которыя намъ доступны, большею частью, только, какъ отвлеченныя мысли и выводы науки. Многое изъ того, что̀ выговариваемъ мы, какъ требованіе, представлялось въ немъ, какъ уже осуществившееся; въ этомъ отношеніи онъ принадле-

---

[1]) Ср. письмо Ю. Ѳ-ча къ отцу, написанное въ сентябрѣ 1845 г. (№ 204).

[2]) Goethe's Faust, I Theil, Studirzimmer.

[3]) А. Н. Поповъ пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія на службу, повидимому, въ концѣ октября 1845 г. и 22 ноября того же года онъ былъ опредѣленъ на вакансію секретаря 1-го департамента Пр. Сената.

[4]) Дмитрія Александровича; см. письма за №№ 69, 70 и 127.

жалъ уже будущему времени и почти не было на немъ слѣдовъ періода отрицанія. Третьяго дня получилъ Поповъ первый томъ Славянскаго Сборника [1]). Я прочелъ предисловіе Валуева и живо представился мнѣ его свѣтлый образъ. Въ немъ была одна удивительная черта: онъ не только мало говорилъ о себѣ, о своихъ трудахъ, но, кажется, почти никогда не думалъ о себѣ и не зналъ цѣны собственнаго своего труда. Это замѣтно во всемъ, что онъ писалъ. Никогда не перестану я жалѣть объ одномъ: какъ не догадался Своехотовъ [2]) написать изъ Нова-города къ намъ въ Петербургъ вмѣсто того, чтобы писать въ Москву; мы успѣли бы застать его въ живыхъ и закрыть ему глаза. Когда будете литографировать портретъ его, не забудьте отложить экземпляръ для меня и прислать—куда не знаю, но навѣрное не въ Петербургъ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ я просилъ совѣта; вашъ отвѣтъ я получилъ наканунѣ того дня, когда окончательно рѣшилась моя участь: я перехожу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и ѣду въ Ригу. Поповъ сказывалъ мнѣ, что онъ писалъ вамъ подробно о томъ, что творится въ Остзейскихъ провинціяхъ. Въ двухъ словахъ задача заключается въ томъ, чтобы эманципировать низшіе классы, или, лучше, всѣ классы (исключая одного высшаго), отъ исключительнаго господства дворянскаго сословія. Обращеніе Латышей въ православную вѣру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остается только отстранять препятствія, воздвигаемыя на каждомъ шагу Нѣмцами-протестантами и особенно Нѣмцами-православными. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ, и, по моему убѣжденію, его никто не понимаетъ: ни тѣ, которые содѣйствуютъ ему, ни противная сторона. Другой вопросъ, также чрезвычайно важный, заклю-

---

[1]) Здѣсь разумѣется „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ“, приготовленный къ изданію Валуевымъ, но вышедшій послѣ его кончины.

[2]) Михаилъ Гавриловичъ Своехотовъ (род. въ 1820 г., ум. въ 1870-ыхъ годахъ)—самоучка-живописецъ, стихотворецъ, врачъ гомеопатъ; Своехотовъ былъ приглашенъ сопровождать Валуева въ его предсмертную поѣздку за границу и довезъ его до Новгорода, гдѣ Валуевъ и скончался.

чается въ томъ, чтобы вывести народъ изъ рабства, прикрытаго формами законности, и дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода въ сосѣднія губерніи на условіяхъ, 3) право пріобрѣтенія земель, 4) для Русскихъ: право селиться на условіяхъ въ помѣстьяхъ Остзейскихъ помѣщиковъ. Само собою разумѣется, что право пріобрѣтенія земель распространится на всѣ сословія. Вотъ, самое важное. Кромѣ всего этого предстоитъ преобразовать устройство гильдій, цеховъ, магистрата и, вообще, торговыхъ и городскихъ законовъ. Вы видите, что дѣла довольно и, что̀ весьма рѣдко, дѣло это такого рода, что можно взяться за него съ полнымъ сочувствіемъ, безъ зазрѣнія совѣсти. Хотѣлось бы мнѣ подробнѣе разсказать вамъ, какъ оно началось, что̀ уже сдѣлано и какими средствами, но на это недостаетъ времени. Скажу вамъ только, что въ послѣднее время оно пріостановилось было вслѣдствіе нерѣшительности Наслѣдника [1]); многія мѣры снисхожденія къ Нѣмцамъ заставляли предполагать, что они опять возьмутъ верхъ, но пріѣздъ Государя положилъ конецъ колебаніямъ. На докладной запискѣ Перовскаго [2]) онъ написалъ своею рукою противъ всѣхъ вопросовъ: „руководствоваться прежними разрѣшеніями, безъ всякихъ уступокъ и отступленій, а съ тѣми, которые захотятъ воздвигать препятствія, кто бы они ни были (послѣднія слова имъ подчеркнуты), поступать по всей строгости законовъ“. Убѣдившись изъ этого, что дѣлу дается надежный ходъ, я рѣшился принять сдѣланное мнѣ предложеніе ѣхать въ Ригу чиновникомъ, прикомандированнымъ отъ министерства къ Головину [3]). Думаю, что вы одобрите мое намѣреніе. Избавляю васъ отъ подробнаго отчета о толкахъ, негодованіяхъ и пр., пробужденныхъ въ здѣшнемъ обществѣ мѣрами правительства; все это и смѣшно и вмѣстѣ досадно до край-

---

[1]) Въ зиму съ 1845 на 1846 годъ Государь Николай Павловичъ ѣздилъ въ Италію; во время его отсутствія управлялъ Россіей Государь Наслѣдникъ.

[2]) Левъ Алексѣевичъ Перовскій—министръ вн. дѣлъ; см. примѣч. 6-ое къ письму за № 70.

[3]) Незадолго передъ тѣмъ, въ началѣ мая 1845 г., генералъ Евгеній Александровичъ Головинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній на мѣсто барона Палена; см. письмо за № 127.

ности. Въ заключеніе сообщу вамъ одно обстоятельство, лично до меня относящееся. Данзасъ [1]), изъ особеннаго ко мнѣ благоволенія, захотѣлъ утѣшить меня и представилъ меня въ камеръ-юнкеры [2]). Я узналъ объ этомъ слишкомъ поздно и всѣ мои усилія остановить представленіе были тщетны. Вы можете себѣ представить, какъ это было мнѣ досадно. Но судьба надо мною сжалилась: первое число миновало, и, кажется, чаша сія прошла мимо меня; по крайней мѣрѣ, нѣтъ слуховъ о Монаршей милости. Я знаю, что рано или поздно мнѣ этого не миновать, но, признаюсь, мнѣ тяжело подумать, что этотъ грѣхъ, хотя и невольный, опорчитъ меня въ глазахъ всѣхъ нашихъ, то-есть тѣхъ людей, которыхъ тѣсный кругъ составляетъ для меня общее мнѣніе. Я знаю, что̀ подумаютъ обо мнѣ и что̀ будутъ говорить; въ такомъ случаѣ вы заступитесь за меня. Прощайте. Скажите отъ меня Аксакову, что онъ можетъ быть споконъ: я получилъ всѣ его письма. Разсудите сами, можно ли сообщить ему это письмо. Собственноручная надпись передана мнѣ была подъ величайшимъ секретомъ. Еще разъ прощайте. До отъѣзда моего вы получите обо мнѣ извѣстія прямо отъ меня или черезъ кого-нибудь. Отъ всей души обнимаю васъ и поздравляю съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ кончился лучше минувшаго!

252.

(Петербургъ, 1846) [3]).

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, пользуюсь удобнымъ случаемъ и свободнымъ временемъ, чтобы написать вамъ

---

[1]) Борисъ Карловичъ Данзасъ; см. примѣч. 3-е къ письму за № 167.

[2]) См. примѣч. 10-ое къ письму за № 127.

[3]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ, ни мѣсяцъ, но изъ слѣдующаго мѣста несомнѣнно, что оно относится къ 1846 году и именно къ февралю или марту мѣсяцу: „Вѣроятно до васъ дошло извѣстіе о перечисленіи моемъ въ министерство вн. дѣлъ. Я ждалъ немедленнаго назначенія въ Ригу; вмѣсто того министръ назначилъ меня помогать производителю дѣлъ при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ“. Ю. Ѳ. причисленъ былъ къ министерству внутр. дѣлъ 9 Февраля 1846 г., а 14 февраля того же года онъ былъ назначенъ помощникомъ производителя дѣлъ двухъ комитетовъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ— главнаго и приготовительнаго.

нѣсколько словъ, ибо предвижу, что новыя занятія надолго отнимутъ у меня возможность писать въ Москву. Вѣроятно до васъ дошло извѣстіе о перечисленіи моемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я ждалъ немедленнаго назначенія въ Ригу; вмѣсто того министръ назначилъ меня помогать производителю дѣлъ[1]) при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ, *для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ*. Я этому радъ, ибо успѣю короче ознакомиться съ дѣломъ, отъѣздъ же мой отлагается только на мѣсяцъ или на полтора, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказано. Положеніе дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ есть слѣдующее. Православное движеніе, по моему убѣжденію, началось вслѣдствіе свободной потребности; потребность эту потому только нельзя назвать чисто-религіозною, или, лучше, исключительно-религіозною, что для простого народа, въ противоположность образованнымъ классамъ, религія еще не отрѣшилась отъ жизни, какъ сухая догматика и отвлеченное правоученіе, какъ предметъ логическаго постиженія. Народъ понимаетъ перемѣну религіи, какъ преобразованіе всего его быта; духовная потребность богослуженія, матеріальная потребность куска хлѣба и уголка земли, сознаніе опоры, которую онъ найдетъ въ правительствѣ, вражда къ презирающему его землевладѣльцу—все это выразилось въ настоящемъ событіи. Только односторонній взглядъ можетъ объяснять его изъ одного побужденія, за исключеніемъ другихъ; они участвовали въ немъ всѣ вмѣстѣ, нераздѣльно. Свободное движеніе народа, сперва искусственно ускоренное мѣрами правительства послѣдующими распоряженіями его (во время управленія Наслѣдника) было замедлено. Крестьянамъ запрещено было отлучаться изъ вотчинъ для записки у приходскихъ священниковъ безъ письменнаго вида отъ мызнаго управленія и въ рабочую пору, и это подало поводъ къ притѣсненіямъ, къ жалобамъ основательнымъ и неосновательнымъ. По пріѣздѣ Государя, послѣ долгихъ переговоровъ и преній, партія антинѣмецкая взяла верхъ надъ нѣмецкою и надъ

[1]) Якову Владиміровичу Ханыкову.

людьми боязливыми, во главѣ которыхъ стоитъ Головинъ [1]). Теперь приняты слѣдующія мѣры: основываются 32 православныя церкви и опредѣляются къ нимъ священники, знающіе латышскій языкъ; объявлено всѣмъ, перешедшимъ въ православную вѣру, что они освобождаются отъ всякихъ повинностей и оброчныхъ статей въ пользу протестантскаго духовенства; позволено всѣмъ, желающимъ записываться, отлучаться безъ особеннаго разрѣшенія мызнаго управленія; строго воспрещено владѣльцамъ, подъ строжайшею отвѣтственностью, противиться переходу крестьянъ въ православную вѣру; наконецъ, два помѣщика отданы подъ судъ. Не знаютъ еще, какое дѣйствіе произведутъ эти мѣры. Съ другой стороны, положеніе крестьянъ въ Лифляндіи, невыносимо бѣдственное по сознанію самихъ владѣльцевъ, обратило на себя вниманіе правительства. Для того, чтобы пособить дѣлу, назначены два комитета: первый—пріуготовительный, подъ предсѣдательствомъ Сеньявина, состоитъ изъ лифляндскаго предводителя [2]), двухъ депутатовъ, избранныхъ отъ дворянства [3]), двухъ, назначенныхъ отъ правительства: Samson [4]) и Völkersam [5]). Во второмъ комитетѣ будутъ засѣдать: Перовскій, Киселевъ, Орловъ, оба графа Палены [6]) и т. д. До сихъ поръ еще ни я, да и, кажется, никто другой положительно не знаетъ, до какого

---

[1]) Вскорѣ по вступленіи въ должность ген.-губернатора, ген. Головинъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ Остзейскому вопросу и дѣйствовалъ въ направленіи, вполнѣ согласномъ съ интересами Россіи.

[2]) Карлъ-Рейнгольдъ-Георгъ фонъ Лиліенфельдъ (род. въ 1780 г., ум. въ 1875 г.) былъ Лифляндскимъ предводителемъ дворянства съ 1844 по 1848 г.

[3]) Баронъ Густавъ Георгіевичъ Нолькенъ, впослѣдствіи Лифляндскій предводитель дворянства (род. въ 1815 г., ум. въ 1879 г.) и ландратъ Александръ Францевичъ фонъ Еттингенъ (род. въ 1798 г., ум. въ 1846 г.).

[4]) Рейнгольдъ-Іоганнъ-Людвигъ Карловичъ Самсонъ фонъ Гиммельштіернъ (род. въ 1778 г., ум. въ 1858 г.)—Лифляндскій ландратъ съ 1827 по 1851 г., общественный дѣятель и писатель.

[5]) Баронъ Гамилькаръ Георгіевичъ Фелькерзамъ (род. въ 1811 г., ум. въ 1856 г.)—Лифляндскій ландратъ въ 1847 и 1848 г.г. и губернскій предводитель дворянства въ 1848—1850 г.г.

[6]) Тутъ—описка. Въ Лифляндскомъ комитетѣ 1846 г. участвовали: графъ Петръ Петровичъ Паленъ (род. въ 1778 г., ум. въ 1864 г.), генералъ-адъютантъ, членъ Гос. Совѣта, въ качествѣ предсѣдателя, и баронъ Матвѣй Ивановичъ Паленъ (род. въ 1779 г., ум. 1863 г.), генералъ отъ кавалеріи, членъ Гос. Совѣта, съ 1830 по 1845 г. бывшій прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ.

предѣла пойдетъ преобразованіе, будетъ ли поднятъ вопросъ о надѣленіи крестьянъ поземельною собственностью. Кажется, едва ли. Но слѣдующіе вопросы войдутъ непремѣнно въ кругъ разсмотрѣнія: 1) Какимъ образомъ дать возможность крестьянамъ пріобрѣтать землю? Право они имѣютъ, но оно неприложимо, ибо казенныя земли не продаются, дворянскія могутъ быть пріобрѣтаемы не дворянами только на правахъ иностранцевъ, а другихъ земель тамъ нѣтъ. Не знаю, какъ они разрѣшатъ эту трудность. 2) Разсмотрѣть обязанности, повинности и оброчныя статьи (изложенныя въ вакенбухахъ), коими обременены крестьяне, и облегчить ихъ. 3) Ввести посредствующую власть для опредѣленія и судебнаго разбирательства взаимныхъ отношеній крестьянъ и владѣльцевъ. 4) Дать крестьянамъ право перехода въ сосѣднія губерніи до Новогородской включительно. Вотъ, сколько предстоитъ дѣла, а еслибъ вы посмотрѣли на призванныхъ дѣлателей!...[1]) Что за народъ, что за понятія, что за взгляды на вещи, что за разноголосица! А общество!...[2]) Люди благородные, не знающіе и не понимающіе дѣла, видятъ одно нарушеніе признаннаго и утвержденнаго права. Всѣ безъ исключенія чиновники смотрятъ на все это, какъ на дѣло угодное правительству, безъ всякаго свободнаго участія мысли и убѣжденія: какъ бы исполнить волю правительства поскорѣе и поаккуратнѣе. Наконецъ, Перовскій и * повинуются какой-то пагубной страсти вводить всюду однообразное устройство. Только одного человѣка я встрѣтилъ, который выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ чиновниковъ. Это — Скрипицынъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, мой будущій начальникъ. Участіе его въ дѣлѣ Уніи вамъ, вѣроятно, извѣстно. Этотъ человѣкъ—въ родѣ Вигеля[3]), съ тою разницею, что онъ не столько замѣчателенъ умомъ и европейскою образованностью, сколько ловкостью, распорядительностью и настойчивостью. Однимъ словомъ, онъ исполнитель превосходный... Тоска и отвращеніе сжимаютъ сердце при видѣ тѣхъ людей,

---

[1]) и [2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Филиппъ Филипповичъ Вигель (род. въ 1786 г., ум. въ 1856 г.)— директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, авторъ „Записокъ“.

которымъ приходится отстаивать добрыя начала. Чего не опорчатъ, чего не исказятъ они! Что̀ станешь дѣлать? Не мудрено отойти въ сторону и умыть руки; но совѣстно, когда чувствуешь правоту самого дѣла, отказаться отъ участія изъ опасенія замарать руки. Всѣ осуждаютъ меня и смотрятъ на меня съ упрекомъ и соболѣзнованіемъ; до этого мнѣ дѣла нѣтъ... Не менѣе того я рѣшился. Мое участіе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ бо̀льшую важность, чѣмъ я самъ предполагалъ. Всѣ знаютъ, что я дѣйствую по убѣжденію, слѣдственно внутренно одобряю если не частныя мѣры, то цѣль правительства; въ томъ кругу, къ которому я принадлежу, это—неслыханная новость, признакъ новаго направленія; такъ поняли это всѣ и самъ Перовскій; онъ знаетъ, что я иду не съ тѣмъ, чтобы быть только орудіемъ, ножомъ, которымъ можно рѣзать что̀ угодно. Наконецъ, насчетъ успѣха начатаго дѣла меня обнадеживаетъ, можетъ быть, суевѣрное, тёмное предчувствіе, что русское правительство, несмотря на всѣ его недостатки, запечатлѣно-какимъ-то character indelebilis, какъ говорятъ богословы, котораго оно вполнѣ утратить не можетъ; есть какая-то разумная сила, ни въ комъ въ особенности не проявляющаяся, но которая, будучи лишена представителя и о̀ргана, всё-таки, наперекоръ всѣмъ, опредѣляетъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстное положеніе правительства. Такъ было, такъ, думаю, будетъ и въ настоящемъ случаѣ. Кто склонилъ правительство въ пользу безгласной, беззащитной массы народной? Кто навелъ на представителей власти ту благодатную слѣпоту, которая позволяетъ имъ не видѣть, что, налагая руку на наемную нѣмецкую дружину, оно отнимаетъ у себя опору, отрекается отъ представителей тѣхъ началъ, въ которыхъ оно ищетъ силы своей и своего спасенія? Въ предостереженіяхъ недостатка не было: и молили его и пугали неизбѣжною гибелью, а оно все свое ...[1]) Дошли ли до васъ извѣстія о томъ, что̀ дѣлается въ Познанѣ и въ Австріи? Вся Галиція поднялась; Лембергъ взятъ приступомъ, Австрійцы отступили[2]); третьяго

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Все это—преувеличенныя извѣстія о польскомъ мятежѣ, бывшемъ въ февралѣ 1846 г. Въ Познани мятежъ былъ предупрежденъ, также и

для Бибиковъ [1]) и Паскевичъ [2]) отправлены по мѣстамъ. Неизвѣстно еще, какое участіе во всемъ этомъ приметъ Россія. Не грустно ли подумать, что она, по всѣмъ вѣроятностямъ, разыграетъ роль палача [3])? Совѣтую все это время, особенно во время пребыванія Государя въ Москвѣ [4]), всей нашей братьѣ быть поосторожнѣе. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ Марія Николаевна. Предупреждаю васъ, что она наслышалась о какомъ-то тайномъ обществѣ слявянофиловъ въ Москвѣ, къ которому принадлежитъ Андрей Карамзинъ и я, и горитъ нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ дѣло. Боюсь, чтобы не нашлись охотники подслужиться. Все это и, вообще, все письмо мое — между нами. Напишите отъ себя хоть нѣсколько строкъ. Что̀ всѣ наши? Что̀ „Сборникъ" [5])? Что̀ дѣлаете вы? На чемъ остановились ваши занятія? Грустно мнѣ, что я долженъ отказаться отъ всякаго ученаго труда; не столько времени, сколько досуга недостаетъ. Я опустился, чувствую, что съ каждымъ днемъ мысль притупляется. Чтобы сколько-нибудь поддержать себя, я намѣренъ внимательно слѣдить за ходомъ всего дѣла объ Остзейскомъ краѣ и записывать все, что̀ будетъ дѣлаться. Отъ времени до времени буду сообщать вамъ; по крайней мѣрѣ не отвыкну держать перо въ рукѣ. Прощайте. Всѣмъ нашимъ поклонитесь [6]).

въ Львовѣ (Лембергѣ); единственный успѣхъ имѣли повстанцы, и то очень недолго, въ Краковѣ, который былъ ими занятъ 10/22 Февраля, по удаленіи оттуда небольшого отряда австрійскихъ войскъ. Галиція не только не поднялась вся, напротивъ, большинство польскихъ и русскихъ крестьянъ возстало противъ мятежниковъ, и этимъ, главнымъ образомъ, обусловилась полнѣйшая неудача мятежниковъ въ Галиціи.

[1]) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ—Кіевскій ген.-губернаторъ; см. примѣч. 9-ое къ письму за № 141.

[2]) Гр. Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ - Эриванскій, свѣтлѣйшій князь Варшавскій (род. въ 1782 г., ум. въ 1856 г.), генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникомъ польскимъ былъ съ 1832 г. до конца своей жизни.

[3]) Русскія войска были дѣйствительно двинуты въ предѣлы Австріи и заняли Краковъ вмѣстѣ съ отрядами войскъ австрійскихъ и прусскихъ.

[4]) Императоръ Николай Павловичъ былъ въ Москвѣ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами съ 8 до 14 марта 1846 г.

[5]) Т. е. „Московскій Сборникъ", изданный Пановымъ; онъ вышелъ въ концѣ мая 1846 г.

[6]) На мѣстѣ адреса Ю. Ѳ-чемъ написано: „Потрудитесь отдать это неуклюжее письмо Хомякову въ собственныя руки".

253.

(Рига, 1847) [1].

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, я сбирался писать къ вамъ много разъ и обо многомъ; но теперь все это мнѣ на умъ не идетъ. Вамъ, и вамъ однимъ, я долженъ сообщить очень дурное извѣстіе. Я узналъ, что дано весьма секретное приказаніе схватить Чижова, Савича и Кулиша [2]), какъ скоро они переѣдутъ нашу границу, запечатать всѣ ихъ бумаги и препроводить ихъ подъ надзоромъ жандарма въ Петербургъ. Извѣстіе несомнѣнно; но больше я ничего не знаю, а, можетъ быть, узнаю черезъ нѣсколько времени. По какому поводу это случилось — не знаю; они ли лично провинились въ чемъ-нибудь, или преслѣдованіе падаетъ на образъ мыслей — это самый важный вопросъ для насъ, но рѣшить его я пока еще не могу. По нѣкоторымъ признакамъ я думаю, что мы обязаны этимъ Нѣмцамъ— не смѣйтесь; это очень вѣроятно, и потому весьма можетъ быть, что доберутся и до насъ. Незадолго до полученія мною этого извѣстія, до Риги дошелъ слухъ, въ кругу служебномъ, о толкахъ Аксакова о *; воспользоваться имъ не долго, а это, и это одно, не можетъ пройти даромъ. Но прошлаго воротить нельзя, а надобно подумать о настоящемъ, то-есть о томъ, какъ бы предупредить Чижова и прочихъ. Само собою разумѣется, что они должны воротиться, но не брать съ собою ничего такого, что̀ бы могло компрометировать ихъ самихъ или другихъ. Можно имъ присовѣтовать еще, чтобъ они ѣхали назадъ черезъ Ригу. Сдѣлать это письменно—объ этомъ и думать нельзя; надобно бы найти надежнаго и очень надежнаго человѣка, который бы ѣхалъ за границу. Предоставляю вамъ обдумать средства. Я могу указать только на одного человѣка—князя Лобанова, адъ-

[1]) Это письмо безъ указанія на годъ и мѣсяцъ написанія относится, по всей вѣроятности, къ началу апрѣля 1847 г.; оно написано, повидимому, почти одновременно съ письмомъ къ А. Н. Попову отъ 5-го апрѣля 1847 г. (№ 171).

[2]) См. выше письмо Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову отъ 5 апрѣля 1847 г.

ютанта Воронцова [1]); онъ — мой университетскій товарищъ и сбирается ѣхать за границу; на него вы можете положиться и предложить ему это порученіе отъ моего имени. Я не сомнѣваюсь въ вашей осторожности, но, однако, на всякій случай замѣчу вамъ, что всѣ письма мои и ко мнѣ распечатываются; изъ нѣкоторыхъ были вынуты и удержаны листки. Если какъ-нибудь извѣстіе о Чижовѣ разгласится, то путь, которымъ оно дошло, сейчасъ откроется, и тотъ, который на свой рискъ мнѣ его сообщилъ, пропадетъ неминуемо. Я передалъ его одному Попову и Карамзину, которому поручилъ справиться о поводѣ и значеніи этой мѣры, больше никому. Имѣйте наблюденіе за московскими. Одна капля—и все перельется. Во всякомъ случаѣ, съ литературною дѣятельностью вашею надобно будетъ проститься и начать дѣйствовать иначе. Оно и лучше, я въ этомъ убѣжденъ. Наша литературная дѣятельность почти ни къ чему не вела. Намъ предстоитъ разойтись и дѣйствовать врозь, каждый въ своемъ кругу словомъ и примѣромъ. Посылаю статью о Кавелинѣ [2]) и подвергаю ее разсмотрѣнію всѣхъ, особенно вашему и Кирѣевскаго; нужно ли показывать ее Грановскому — это вы съ Кирѣевскимъ рѣшите сами. Полное право дается вамъ вымарывать. Цензировать ее надобно въ Москвѣ, потому что петербургская цензура не пропускаетъ ничего противъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Современника“ и въ пользу Гоголя. Все это представляетъ странное совпаденіе! Двѣ слѣдующія статьи переписываются и будутъ посланы къ вамъ немедленно [3]). Такъ какъ я надѣюсь получить свѣдѣнія отъ Карамзина, то, чтобы имѣть возможность вамъ сообщить ихъ, я придумалъ слѣдующій ключъ.

Если въ моемъ письмѣ будетъ фраза:	то это значитъ:
P. S. поклонитесь отъ меня всѣмъ.	Преслѣдованіе падаетъ на мнѣніе и рискуютъ всѣ.

[1]) Кн. Михаилъ Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій: см. примѣч. 7-е къ письму за № 122.

[2]) Т. е. первую часть статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“.

[3]) См. письмо за № 173.

Поклонитесь отъ меня нашимъ пріятелямъ.	Падаетъ только на Ч. С. и К. [1]), и дѣло не важно.
Поклонитесь отъ меня нашимъ пріятелямъ дружески.	Падаетъ на Ч. С. и К., и дѣло очень важно.
Поклонитесь Аксакову	Рискуетъ Аксаковъ.
„ Кирѣевскому	„ Кирѣевскій.
„ Шевыреву	„ Шевыревъ.
и пр.	и пр.
Будьте здоровы.	Рискуете вы.
Я не надѣюсь скоро быть въ Москвѣ.	Вѣроятно, будутъ осматривать бумаги въ Москвѣ.
Дѣла у меня много.	Ч. С. и К. попались за неосторожныя слова.
Дѣла у меня мало.	Ч. С. и К. попались за сношенія съ Славянами.
Дѣла у меня довольно.	—за сношенія съ Москвою.
Дѣло мое приходитъ къ концу.	Дошелъ слухъ о толкахъ Аксакова о *.

Спишите это и сожгите письмо.

254.

Рига, 9 мая 1847.

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, посылаю вамъ вторую половину моей статьи [2]); первую вы, вѣроятно, уже получили отъ Попова. Распорядитесь съ нею, какъ сами разсудите за лучшее. Если печатать ее, то надобно бы поскорѣе, иначе она потеряетъ весь смыслъ и весь интересъ. Я слышалъ, что Кирѣевскій издаетъ другой томъ или прибавленіе къ „Сборнику“. Если онъ захочетъ принять мою статью, я буду очень радъ; въ противномъ случаѣ, отдайте ее Погодину; пусть онъ напечатаетъ ее въ „Москвитянинѣ“, но въ такомъ случаѣ я требую себѣ 50 экземпляровъ. Правда ли, что вы нынче лѣтомъ ѣдете за границу [3])? Если вы точно

[1]) Т. е. на Чижова, Савича и Кулиша.

[2]) Т. е. статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“; см. примѣч. 1-е къ письму за № 156.

[3]) См. примѣч. 4-ое къ письму за № 156.

намѣрены, то я прошу васъ дать мнѣ знать заранѣе, когда именно вы поѣдете и какимъ путемъ: можетъ быть намъ удастся устроить свиданіе, а мнѣ бы хотѣлось съ вами переговорить очень о многомъ. — Съ открытіемъ судоходства здѣшняя пристань наполнилась небывалымъ количествомъ кораблей; ихъ прибыло болѣе 1000. По правую сторону вдоль моста стоятъ иностранные корабли изъ всей Европы, а по лѣвую — неуклюжіе струга. Первые пусты, вторые переполнены хлѣбомъ. По правой сторонѣ моста расхаживаютъ въ безобразныхъ куртках и клеёнчатыхъ шляпахъ англійскіе и голландскіе матросы, а по лѣвой располагаются вокругъ котловъ артели нашихъ Бѣлоруссцевъ и посматриваютъ на Нѣмца, какъ онъ пьянствуетъ и реветъ. Генералъ-губернаторъ говорилъ мнѣ на-дняхъ, что никогда достоинство русскаго племени и превосходство его надъ нѣмецкимъ не представлялось ему въ такомъ ясномъ видѣ. Картина дѣйствительно замѣчательна. Цѣны на хлѣбъ возрастали съ страшною быстротою. Третьяго дня продавали ластъ (15 четв.) по 185 и болѣе р. сер., вчера цѣны упали до 160. Деньги со всей Европы притекли къ намъ. Франція накупила хлѣба на 40 милліоновъ. Вы можете себѣ представить, до какой степени все это поглощаетъ вниманіе всего города. Мои занятія идутъ понемногу. Теперь я пишу обозрѣніе исторіи Остзейскаго края для отчета генералъ-губернатора. Пріѣхалъ ли къ вамъ мой Болгаринъ Княжескій? Я долженъ прервать письмо мое, потому что время посылать на почту. Поклонитесь отъ меня Катеринѣ Михайловнѣ [1]). Будьте здоровы и не забудьте написать мнѣ ваше мнѣніе о моей статьѣ.

P. S. Поклонитесь отъ меня нашимъ пріятелямъ.

---

[1]) Супруга А. С. Хомякова.

255.

(Петербургъ, декабрь 1848) [1].

Пользуюсь отъѣздомъ Попова [2]), любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, чтобы написать вамъ нѣсколько словъ, а главное—напомнить вамъ обѣщаніе ваше: составить мнѣ программу административныхъ вопросовъ [3]) и сообщить вамъ выписки изъ окружного посланія Восточной Церкви въ отвѣтъ на папскую буллу, призывающую насъ къ соединенію съ Римомъ [4]). Самое посланіе вы прочтете, когда оно будетъ напечатано, и, несомнѣнно, обрадуетесь. Конечно, со временъ раздѣленія церквей не было подобнаго исповѣданія вѣры. Что за тайна этотъ Востокъ, неподвижный, дремлющій, чуждый всякаго формальнаго проявленія жизни, чуждый даже заботливости объ освобожденіи отъ грубаго насилія и о правильной организаціи, но изъ котораго вдругъ, неожиданно, послѣ вѣкового молчанія, исходитъ мысль непонятной для Запада глубины и слово, которое звучитъ, какъ отголосокъ временъ апостольскихъ! Сообщаю вамъ выписки, во-первыхъ, потому что онѣ могутъ дать вамъ понятіе о цѣломъ, во-вторыхъ, потому что я не увѣренъ, не исключитъ или не исказитъ ли ихъ Синодъ въ офиціальномъ своемъ переводѣ. Если жъ онъ ихъ сохранитъ, то, казалось бы, слѣдовало затѣмъ запретить богосло-

---

[1]) На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ, но оно, судя по содержанію, написано одновременно съ письмомъ Ю. Ѳ-ча къ отцу отъ 20 декабря 1848 г. (см. письмо за № 211), то-есть когда Ю. Ѳ. находился въ Петербургѣ и былъ прикомандированъ къ Остзейскому комитету въ качествѣ помощника производителя дѣлъ.

[2]) См. примѣч. 1-ое къ письму за № 211.

[3]) Осенью 1848 г., во время своего пребыванія у Хомякова въ его Тульской деревнѣ, Ю. Ѳ. обсуждалъ съ нимъ крестьянскій вопросъ и просилъ его составить „программу административныхъ вопросовъ“, въ которую входило и крестьянское дѣло.

[4]) Соборное посланіе восточныхъ патріарховъ было отвѣтомъ на окружное посланіе папы Пія IX отъ 6 января 1848 г. къ восточнымъ патріархамъ. Переводъ этого отвѣтнаго посланія восточныхъ патріарховъ напечатанъ былъ, по благословенію Св. Синода, въ 1850 г. подъ заглавіемъ: „Окружное посланіе Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“.

ніе Макарія [1]). Но кто же у насъ боится непослѣдовательности! Вотъ выписки:

§ 11. „При всемъ этомъ [2]) мы сочли отеческимъ и братскимъ нашимъ долгомъ и священною обязанностью, чрезъ предлагаемое теперь посланіе [3]), и васъ утвердить въ Православіи, которое вы получили отъ предковъ, и вмѣстѣ показать мимоходомъ слабость умствованій Римскаго епископа, которую онъ и самъ, очевидно, замѣчаетъ [4]). Ибо онъ не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ измѣряетъ достоинство своего престола [5]), но апостольскимъ престоломъ старается доказать [6]) свое достоинство, а изъ достоинства [7]) свое исповѣданіе. А на самомъ дѣлѣ это иначе.... [8]) Научаютъ насъ св. отцы, чтобы мы судили не о Православіи по святому престолу, но о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на немъ по соборнымъ постановленіямъ и опредѣленіямъ и по исповѣданію вѣры, т. е. по Православію неизмѣнно содержимаго ученія [9])“.

§ 17. „У насъ ни патріархи, ни соборы не могли никогда ввести что-нибудь новое, потому что хранителемъ вѣры [10]) у насъ—самое тѣло Церкви, то-есть самый народъ, который всегда желалъ [11]) сохранить вѣру свою вѣчно-неизмѣнною [12]) и согласною съ вѣрою отцовъ его, какъ то испытали многіе изъ папъ и изъ латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ“, и т. д.

---

[1]) Здѣсь разумѣется „Введеніе въ православное богословіе“ архимандрита Макарія, впослѣдствіи митрополита Московскаго (род. въ 1816 г., ум. въ 1882 г.); сочиненіе это вышло въ 1847 г.

[2]) Въ синод. переводѣ: „При всемъ томъ“.

[3]) Въ синод. переводѣ: „благожелательное посланіе“.

[4]) Въ синод. переводѣ: „понимаетъ“.

[5]) Въ синод. переводѣ: „украшаетъ свой престолъ“.

[6]) Въ синод. переводѣ: „подтвердить“.

[7]) Въ синод. переводѣ: „достоинствомъ же (подтвердить)“.

[8]) Точки въ подлинникѣ письма Ю. Ѳ-ча.

[9]) Въ синод. переводѣ: „чтобы мы не по престолу судили о Православіи, но о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на престолѣ по Божественнымъ писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. по Православію непрерывнаго ученія (Церкви)“.

[10]) Въ синод. переводѣ: „хранитель благочестія“.

[11]) Въ синод. переводѣ: „всегда желаетъ“.

[12]) Въ синод. переводѣ слова: „вѣчно“—нѣтъ.

Ясно ли, торжественно ли отверженіе внѣшняго признака Православія? Не все ли равно: одинъ ли папа или нѣсколько ихъ, въ архіерейскомъ ли онъ облаченіи или въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ?—Предоставляю Попову разсказать вамъ объ инвентаряхъ и предполагаемомъ введеніи ихъ во всей Россіи, о замѣнѣ очереди конскрипціею [1]), о посвященіи католическихъ епископовъ и представленіи ихъ Государю [2]), о проискахъ нѣмецкой партіи [3]) и т. п., а вамъ напомню, что я съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ, если не письменнаго, то словеснаго извѣстія (черезъ Попова) о результатахъ вашей поѣздки по имѣніямъ [4]). Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ и Катеринѣ Михайловнѣ.

256.

(Москва, августъ 1849) [5]).

Любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, до меня дошелъ слухъ, смутившій меня, что вы больны и оттого не ѣдете изъ смоленской вашей деревни въ тульскую. Къ кому я ни обращался, никто не умѣлъ дать мнѣ положительныхъ извѣстій о васъ, ниже дворецкій вашъ въ Москвѣ, а спросить васъ самихъ и дожидаться отвѣта я не могу, ибо на-дняхъ

---

[1]) См. письмо за № 211.

[2]) На основаніи соглашенія съ папой, подписаннаго 3 августа 1847 года и ратификованнаго Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 15 ноября того же года, были замѣщены вакантныя каѳедры: Могилевская, Виленская и Луцкая. 28 ноября 1848 года возложенъ былъ въ католической церкви въ Петербургѣ паллiумъ на новаго архіепископа Могилевскаго и митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Дмоховскаго, 30 ноября былъ посвященъ его коадъюторъ Головинскій, а 5 декабря—епископы: Виленскій Жилинскій и Луцкій Боровскій.

[3]) Подъ этими происками нужно, вѣроятно, разумѣть, съ одной стороны, подготовлявшійся уже въ то время походъ Остзейцевъ противъ Ю. Ѳ-ча за его „Письма изъ Риги“, съ другой—стремленіе нѣмецкой партіи „похоронить“, по выраженію Ю. Ѳ-ча, проекты, составленные рижскою ревизіонною коммиссіею 1845—48 гг.

[4]) Хомяковъ въ это время уже рѣшился приступить къ упраздненію барщины въ своихъ имѣніяхъ и къ переводу крестьянъ на оброкъ. Ю. Ѳ. желалъ узнать, къ чему привели переговоры съ крестьянами по этому поводу.

[5]) Что это письмо относится къ среднимъ числамъ августа 1849 г., видно изъ словъ Ю. Ѳ-ча: „на дняхъ ѣду въ Симбирскъ“. Ю. Ѳ. выѣхалъ изъ Москвы на службу въ Симбирскъ 23 августа 1849 г.

ѣду въ Симбирскъ. Тамъ, вѣроятно, я скорѣе, чѣмъ здѣсь, узнаю что-нибудь достовѣрное. Назначеніе мое воспослѣдовало слѣдующимъ образомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ у Государя разрѣшенія дать мнѣ порученіе въ какую-нибудь губернію, на что воспослѣдовалъ отвѣтъ, что я могу ѣхать на службу въ одну изъ великороссійскихъ губерній, но съ тѣмъ, чтобы служить при тамошнемъ главномъ начальникѣ. Я избралъ Симбирскъ и тотчасъ же [1]) былъ перечисленъ къ тамошнему губернатору князю Черкасскому. Несмотря на пониженіе, я доволенъ этимъ назначеніемъ, во-первыхъ, потому, что такимъ образомъ прекращается пятимѣсячное мое бездѣйствіе, которое трудно было наполнить занятіями неслужебными, при ежедневномъ ожиданіи назначенія; во-вторыхъ, зная лично кн. Черкасскаго, я увѣренъ, что съ нимъ не трудно будетъ ужиться; наконецъ, занятія мои будутъ такого же рода, какъ и прежнія, а случаевъ извлечь изъ нихъ практическое приложеніе будетъ, я думаю, больше. Не говорю уже о выгодахъ и удобствахъ Симбирской губерніи передъ другими. Жаль мнѣ очень, что передъ отъѣздомъ изъ Москвы, мнѣ не удалось исполнить вашего порученія, но во все лѣто я былъ только два раза въ Москвѣ; въ первый разъ не засталъ высокопреосвященнаго, а во второй онъ меня не принялъ. Рукопись ваша [2]) при семъ прилагается.

---

[1]) Журналомъ министра вн. дѣлъ отъ 3 августа 1849 г. Ю. Ѳ. былъ откомандированъ въ распоряженіе Симбирскаго гражданскаго губернатора.

[2]) Вѣроятно, извѣстный Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви Хомякова, напечатанный позже во 2-мъ томѣ его сочиненій подъ заглавіемъ: „Церковь одна“. Въ 1845 г. Хомяковъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи напечатать этотъ „Опытъ“ въ Россіи и съ этою цѣлью послалъ его оберъ-прокурору Св. Синода гр. Протасову (гр. Николай Александровичъ Протасовъ род. въ 1799, ум. въ 1855 г.). Тотъ возвратилъ Хомякову экземпляръ „Опыта“ „съ своими отмѣтками, вѣроятно синодскими“, и выразилъ желаніе, чтобы Хомяковъ самъ объ этомъ хлопоталъ у митрополита Филарета. „Это дѣло крайне трудное съ такимъ человѣкомъ; я у него побываю и за дѣло примусь, разумѣется, очень осторожно, чтобы не испортить всего“ - писалъ Хомяковъ А. Н. Попову въ 1848 году. 1 марта слѣдующаго 1849 г. Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ-чу: „Не знаю, какъ взяться за хлопоты по извѣстному вамъ неповѣданію. Надобно что-нибудь сдѣлать у Филарета, да боюсь испортить“. Наконецъ, Хомяковъ поручилъ Ю. Ѳ-чу представить митрополиту Филарету эту рукопись.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались [1]), я занимался постоянно политическою экономіею и поглотилъ до 15 довольно толстыхъ томовъ. Послѣ такого пріема я остаюсь при томъ убѣжденіи, что эта наука (или точнѣе этотъ родъ выводовъ изъ историческаго развитія народнаго хозяйства на Западѣ) не заслуживаетъ ни того неблаговоленія, съ которымъ, съ нѣкотораго времени, смотрятъ на нее многіе почтенные люди, ни той огромной важности, которую приписываютъ ей тѣ, которые видятъ въ обществѣ компанію акціонеровъ, въ жизни народной торговое предпріятіе, а въ жизни человѣка процессъ пищеваренія. Политическая экономія, въ законныхъ предѣлахъ ея спеціальности, не только не вредна, но, напротивъ, нужна и можетъ быть очень полезна; вольно же, съ одной стороны, ожидать отъ нея разрѣшенія задачъ, вовсе не входящихъ въ ея кругъ, съ другой, отвергать ее потому, что она не разрѣшаетъ этихъ задачъ или разрѣшаетъ ихъ ошибочно. Что касается до практической ея примѣняемости въ Россіи, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея положеній (н. п. о превосходствѣ труда свободнаго передъ трудомъ вынужденнымъ, о выгодѣ свободнаго обмѣна, о вредѣ всякаго искусственнаго возбужденія промышленной дѣятельности и нѣкоторыхъ другихъ), я думаю, что въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, ее должно изучать не съ цѣлью прилагать къ дѣлу совѣты и наставленія, выдаваемые ею за безошибочные, но для собственнаго своего образованія. Она можетъ направить взглядъ на такія стороны народной жизни, которыя часто ускользаютъ отъ вниманія, расширить кругъ наблюденій, возбудить много важныхъ вопросовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Французскіе и англійскіе экономисты вдоволь насмѣялись надъ ateliers nationaux и прочими затѣями соціалистовъ. Имъ возражали обыкновенно тѣмъ, что человѣкъ трудится по нуждѣ и по охотѣ. Нужда предполагаетъ необходимость собственными средствами обезпечить себя и свое семейство; охота предполагаетъ свободное распоряженіе своими силами и обезпеченіе права собственности

[1]) Вѣроятно, во 2-й половинѣ мая 1849 г.: 16 мая Хомяковъ былъ еще въ Москвѣ.

на результаты труда. Наше общество восхищалось дѣльностью этихъ возраженій. Но кому же пришло въ голову, что они одинаково подрываютъ ateliers nationaux и крѣпостное состояніе у насъ, что нашъ крестьянинъ обезпеченъ со стороны нужды обязанностью помѣщика кормить его, а сильной охоты къ труду ощущать не можетъ, когда трудомъ его распоряжается другой, нерѣдко простирающій руку и на плоды его трудовъ? Отъ этого происходитъ, что сельская промышленность у насъ не можетъ развиваться. Въ ней нѣтъ поприща для вольнаго труда. Мысль о свободѣ нераздѣльна съ мыслью объ оставленіи земледѣлія. Всякій, обладающій капиталомъ умственнымъ или успѣвшій зашибить капиталъ денежный, рвется изъ деревни въ городъ, такъ что земледѣліе, жизненная, самая важная отрасль нашей промышленности, составляетъ какъ бы низшую, приготовительную степень. Всякій прогрессъ происходитъ не въ ней, а знаменуется оставленіемъ ея.

Современная политическая экономія полагаетъ, какъ desideratum, какъ желанную, но недостижимую цѣль, съ одной стороны: la participation du plus grand nombre possible aux bienfaits de la propriété territoriale, съ другой: l'emploi des procédés de la culture en grand. Дѣйствительно, на Западѣ, гдѣ развилась такъ исключительно идея личной собственности, не было середины между дробленіемъ земли до безконечности и пролетаріатствомъ. Желанное примиреніе не заключается ли въ общинномъ владѣніи?

Всѣ писатели, изучавшіе развитіе финансовъ, полагаютъ личный кредитъ, какъ высшую степень развитія кредита, предполагающую непремѣнно изобиліе денежныхъ капиталовъ. Отчего же у насъ, при очевидной, чрезвычайной скудости денежныхъ капиталовъ, такъ высоко развитъ между купечествомъ личный кредитъ? Я думаю, что разрѣшеніе этого вопроса повело бы къ важнымъ результатамъ.

Ограничиваюсь этими примѣрами, полагая, что для васъ будетъ ясно, какого рода примѣненія я ожидаю отъ политической экономіи. Вы, я думаю, согласитесь, что изученіе ея съ этой точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, безвредно. Я не жалѣю, что употребилъ на нее полгода, но,

признаюсь, я почти насильно останавливалъ на ней мысль мою, которая, по старому навыку, обращалась къ другимъ предметамъ. Меня сильно подмывало написать статью о современной безалаберщинѣ въ Западной Европѣ и меня остановило только то, конечно, довольно важное, обстоятельство, что подобной статьи нельзя напечатать, а если бы и напечатать, то для нея не нашлось бы читателей. Хотѣлось же мнѣ показать, что между горделивыми притязаніями отвлеченнаго мышленія и дикимъ разгуломъ торжествующей печати, между Гегелевою философіею и коммунизмомъ Франціи существуетъ самая тѣсная, самая законная связь, по досел҃ѣ не опредѣленная. Нѣмцы, признававшіе ее, видѣли въ коммунизмѣ выводъ самой философіи, ея требованіе, тогда какъ онъ есть выводъ жизни, требованіе человѣческой природы, перевоспитанной, или, точнѣе, изуродованной Гегелемъ. Все разумное—дѣйствительно и только разумное—дѣйствительно; разумнымъ же признается не то бытіе, въ которомъ человѣкъ убѣждается внутреннимъ или внѣшнимъ инстинктомъ или въ которомъ разумъ не находитъ противорѣчія, а только то признается разумнымъ, что̀ самою мыслью выведено изъ нея самой, *что ею создано*. Итакъ, знаніе мысли о себѣ самой есть верховное проявленіе истины, упраздняющее всѣ предшествовавшія. Какъ вмѣстилище, или какъ органъ мысли, человѣкъ создаетъ истину; но истина, какъ сознаніе мысли о себѣ самой (и только), вѣдаетъ человѣка только, какъ мыслящее существо, какъ родъ, не какъ лицо; созданная человѣкомъ истина не создаетъ его въ свою очередь, не воздѣйствуетъ на него, именно потому, что она — его созданіе. Такимъ образомъ, разрывается связь, въ которую искони вѣровало человѣчество (*религія* отъ religare, связывать), между Верховною Истиною, между Началомъ всякаго бытія и конечнымъ проявленіемъ бытія въ личности человѣческой. Истина, равнодушная къ нему, не только не вѣдаетъ его потребностей, не управляетъ его волею, не предписываетъ ему законовъ, даже не предъявляетъ законодательныхъ притязаній. Разумное, законное изгнано изъ сферы личности, и, вслѣдствіе этого, предоставленная себѣ одной, она въ себѣ самой признала свой законъ — въ личной слу-

чайности своихъ требованій. Отсюда—оправданіе всякой потребности и провозглашеніе цѣли жизни въ личномъ наслажденіи. Проводя далѣе этотъ выводъ, можно показать, что всякое покушеніе мысли въ себѣ самой найти точку своего отправленія ведетъ непремѣнно къ безусловной и всесторонней автономіи личности, къ тому разъѣдающему началу, противъ котораго не устоитъ никакое общество, и, наоборотъ, всякое признаніе чего-нибудь, существующаго по себѣ, есть начало религіи или .... [1]), не сознающая себя религія. Впрочемъ, кому до этого дѣло? Гдѣ тотъ человѣкъ, который бы устроивалъ свою внутреннюю жизнь по выводамъ логики, и не всегда ли, наоборотъ, покорная логика оправдываетъ то, что̀ полюбилъ человѣкъ, или что̀ принялъ на вѣру, или что̀ навязала ему привычка? Конечно, логика можетъ навести спасительное сомнѣніе въ законности и разумности безсознательныхъ убѣжденій, но въ такомъ случаѣ, если другая сила не восполнитъ пустоты, произведенной логикою, то остается одна пустота, одно утомленіе, а это начало и безъ помощи логики неисчислимыми путями прокладаетъ себѣ дорогу въ душу.

Я расписался на прощанье и всё-таки многаго не досказалъ. Хотѣлось мнѣ съ вами поговорить о предметахъ болѣе близкихъ мнѣ, но въ этотъ разъ какъ-то не удалось. Скажу вамъ только одно: я очень чувствую, что многое во мнѣ должно было васъ оскорблять и не васъ однихъ, но повѣрьте, что я вполнѣ сознаю недостатки, дѣлающіе меня подчасъ нестерпимымъ; я самъ страдаю отъ нихъ не менѣе, больше другихъ; я прошу васъ только любить меня попрежнему, несмотря на эти недостатки, которыхъ преодолѣть не отчаиваюсь. Затѣмъ, отъ души васъ обнимаю.

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ: „недоведенная“.

257.

(Москва, 1850) [1].

Итакъ, въ этотъ разъ мы съ вами не увидимся, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ! Когда я проѣзжалъ мимо Богучарова, я не зналъ еще, что Бибиковъ возьметъ меня съ собою и въ обратный путь. Онъ мнѣ сказалъ объ этомъ въ Москвѣ. А очень хотѣлось мнѣ съ вами видѣться; хотѣлось сказать вамъ, что многіе вопросы, въ которыхъ я, если не расходился, то не вполнѣ сходился съ вами, опытомъ жизни разрѣшаются въ вашу пользу. Я прихожу постепенно къ тѣмъ самымъ убѣжденіямъ, отъ которыхъ вы давно пошли, и только теперь вполнѣ уразумѣлъ, что вы одни угадали и назвали по имени нашъ современный недугъ. Это—упованіе на вещественныя силы, это—гоньба за вещественными благами, это—грубый и сознательный матеріализмъ. Самовольное игнорированіе духовнаго начала, боязнь его, наконецъ, систематическое его умерщвленіе—всѣ эти ступени антихристіанскаго, а у насъ и антиисторическаго развитія нами пройдены, и мы уже заносимъ ногу на самую послѣднюю. Вы правы тысячу разъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что изъ всего, что̀ было предположено, говорено и писано у насъ въ послѣднее время, только ваше слово, ваша мысль, выраженная и въ стихахъ и въ прозѣ, была вполнѣ своевременна. Корень зла—въ господствѣ матеріализма, ибо изъ этого направленія объясняются всѣ знаменія вѣка сего. Наша такъ называемая новая историческая школа (еслибъ вы знали, какъ я на нее бѣсился!) выдумала родовое начало,

---

[1]) Настоящее письмо, не имѣющее помѣтъ года и мѣсяца написанія, относится несомнѣнно къ среднимъ числамъ августа 1850 г., можетъ быть къ 19 августа, когда Ю. Ѳ., послѣ мѣсячнаго отпуска, выѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ вмѣстѣ съ ген Бибиковымъ. Это видно изъ послѣднихъ строкъ письма: „По возвращеніи моемъ въ Кіевъ опредѣлится моя участь, т. е. быть ли мнѣ правителемъ канцеляріи, или нѣтъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакого дѣла по службѣ и занимался на свободѣ исторіею Польши“. Изъ этого мѣста видно, что письмо написано до 2 октября 1850 г., когда Ю. Ѳ-чу было поручено управленіе почти всѣми дѣлами канцеляріи Кіевскаго ген.-губернатора, а въ 1850 г. Ю. Ѳ. ѣздилъ въ Москву съ ген. Бибиковымъ только лѣтомъ: см. примѣч. 1-е къ письму за № 219.

чтобы подъ этою фирмою осмѣять и поразить бытъ семейный. Она съ какимъ-то тупымъ восторгомъ рукоплещетъ поглощенію земскаго начала государственнымъ въ прошедшемъ, не понимая, а можетъ быть и понимая, что этимъ она оправдываетъ правительственный матеріализмъ въ настоящемъ. Общество глубже и глубже опускается въ соблазны чудовищной роскоши и комфорта, какъ въ мягкія кресла. Казалось, какъ будто въ послѣднее время оно отступилось отъ Запада, своего прежняго кумира, но это было дѣйствіе пробѣжавшей дрожи. Скоро поняли, что покой и безопасность, эти главныя условія общественнаго матеріализма, лучше обезпечиваются у насъ, чѣмъ тамъ, и прежнее смиреніе смѣнила самодовольная гордость. Правительство по-своему формулируетъ матеріализмъ и называетъ его *дисциплиною.* На этомъ основаніи воздвигается теперь новая система воспитанія. Дисциплина —не выводное требованіе, а коренной принципъ. Она должна удовлетворить умъ, наполнить и оживить сердце, подперетъ пошатнувшійся сводъ религіозныхъ убѣжденій, ибо такъ теперь разсуждаютъ: вѣровать должно потому, что существуетъ духовное сословіе, преподающее вѣру. Взглядъ этотъ теперь господствуетъ и проявленіе его въ разныхъ наставленіяхъ и инструкціяхъ доходитъ до невѣроятнаго комизма. Вы, конечно, угадали, что, уразумѣвъ съ этой стороны нашу современность, я долженъ былъ отказаться отъ многихъ надеждъ и ожиданій. Практическій выводъ изъ всего мною видѣннаго и слышаннаго заключается въ томъ, что ничего болѣе не остается дѣлать, какъ напоминать безпрестанно, елико то возможно, о духовномъ началѣ, и если, наконецъ, отнята будетъ всякая возможность говорить о немъ, то унести его съ собою въ тишину частнаго, домашняго быта. Служебная дѣятельность, какъ цѣль, потеряла для меня всякое значеніе, но я не отвергаю ея, какъ побочное средство. Я испыталъ, что служебное положеніе человѣка можетъ при случаѣ быть полезно, какъ подмостки, съ которыхъ яснѣе и дальше доходитъ слово. Моимъ теперешнимъ положеніемъ я доволенъ; по крайней мѣрѣ, оно черезъ нѣсколько времени дастъ мнѣ возможность отказаться отъ службы безъ манифестацій и

огласки. Весьма вѣроятно, что въ скоромъ времени домашнія обстоятельства заставятъ меня это сдѣлать и возвратиться навсегда въ Москву, но я объ этомъ никому еще не говорилъ; прошу васъ, чтобъ это оставалось между нами. Во всякомъ случаѣ, останусь ли я на службѣ или покину ее, я хочу сохранить полное право располагать собою, и если я выйду въ отставку, то хочу, чтобы это было дѣломъ свободнымъ, а не вынужденнымъ. Вотъ вамъ и объясненіе моей осторожности, которая вамъ казалась преувеличенною. Вотъ, почему я прекратилъ всякую переписку. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что письмо Татаринова изъ Симбирска, въ которомъ онъ писалъ обо мнѣ, „что къ намъ пріѣхалъ служить одинъ изъ *нашихъ*" (вѣроятно въ смыслѣ симбирскаго помѣщика, ибо не знаю, въ какомъ иномъ смыслѣ можетъ почитать меня Т. своимъ), было единственною причиною моего перевода въ Кіевъ, и что другое письмо, вами или Катериною Михайловною писанное, подало поводъ къ офиціальнымъ запросамъ и перепискѣ. Я не считаю себя въ правѣ, не считаю даже возможнымъ требовать, чтобы письма друзей моихъ не заключали въ себѣ ничего такого, къ чему бы можно было придраться; поэтому мнѣ оставалось только рѣшиться на прекращеніе переписки. Убѣдительно прошу васъ сжечь это письмо собственноручно, немедленно по прочтеніи его. Въ этотъ пріѣздъ мой въ Москву я узналъ много утѣшительнаго, во-первыхъ, о возрастающихъ вашихъ успѣхахъ въ спорахъ съ раскольниками, во-вторыхъ, объ ученыхъ занятіяхъ Аксакова. Онъ началъ прекрасную статью о родовомъ бытѣ [1]). Я сообщалъ въ Кіевѣ вашъ катихизисъ одному очень ученому, умному архимандриту [2]), отличающемуся отъ своей братьи добросовѣстностью и истинно-христіанскою терпимостью. Онъ произвелъ на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе, даже

---

[1]) Здѣсь разумѣется одна изъ слѣдующихъ статей К. С. Аксакова: „Родовое или общественное явленіе было изгой?", напечатанная въ № 97 „Московскихъ Вѣдомостей" за 1850 г., или „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности", напечатанная въ „Московскомъ Сборникѣ" 1852 г. Слово „началъ" указываетъ скорѣе на вторую статью.

[2]) Не разумѣетъ ли здѣсь Ю. Ѳ. ректора Кіевской духовной академіи архимандрита Димитрія Муретова, впослѣдствіи архіепископа Херсон-

встревожилъ его. Онъ перечитывалъ его[1]) нѣсколько разъ и все не рѣшался сказать своего мнѣнія. Я видѣлъ ясно признаки внутренней борьбы; крѣпко хотѣлось ему согласиться, но praeoccupatae opiniones (какъ называетъ ихъ Ѳеофанъ Прокоповичъ), но затверженныя понятія о духовномъ сословіи представительствующемъ, учащемъ и правящемъ, о внѣшнемъ признакѣ церковности, наконецъ, какая-то боязнь всякаго нововведенія или всего, кажущагося нововведеніемъ—все это связывало его сочувствіе. Наконецъ, почти со слезами на глазахъ, онъ произнесъ свой приговоръ. Онъ сказалъ мнѣ, что любитъ автора, сочувствуетъ его направленію, сознаетъ глубоко необходимость такого изложенія вѣроученія, которое бы шло отъ понятій цѣльныхъ, а не отъ раздвоенія, но что онъ не вмѣщаетъ мысли о непогрѣшимости, что его пугаетъ ограниченіе сословнаго значенія духовенства. Таковы лучшіе изъ нихъ.

Я не пишу вамъ ничего о себѣ, потому что слухи до васъ, вѣроятно, доходили, а положительнаго ничего нѣтъ. По возвращеніи моемъ въ Кіевъ опредѣлится моя участь, т. е. быть ли мнѣ правителемъ канцеляріи или ни. До сихъ поръ я не имѣлъ никакого дѣла по службѣ и занимался на свободѣ исторіею Польши. Прощайте, берегите свои глаза и, вообще, берегите себя. Передайте мой усердный поклонъ Катеринѣ Михайловнѣ.

скаго? Врядъ ли онъ говоритъ объ инспекторѣ той же академіи архимандритѣ Ѳеофанѣ Авсеневѣ, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 7—10 февраля 1850 г.: архимандритъ Ѳеофанъ оставался въ Кіевѣ до марта 1850 г. (въ мартѣ онъ былъ назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ), и если бы Ю. Ѳ. разумѣлъ его въ настоящемъ письмѣ, то странно было бы, почему онъ не передалъ А. С. Хомякову своего разговора съ архимандритомъ въ свой пріѣздъ въ Москву весною того же года.

[1]) Въ подлинникѣ, очевидно по опискѣ, написано: „Она произвела .. даже встревожила его. Онъ перечитывалъ ее“...

XVI.

Къ Степану Петровичу Шевыреву.

258.

(Петербургъ, 1846) [1]).

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою отъ имени нашего общаго знакомаго, Болгарина З. П. Княжескаго [2]). Вы знаете, съ какими намѣреніями и надеждами онъ сюда пріѣхалъ. Изъ нихъ нѣкоторыя уже осуществились, или, по крайней мѣрѣ, весьма близки къ осуществленію. Между прочимъ онъ хотѣлъ выпросить для предполагаемыхъ имъ училищъ нѣсколько полныхъ собраній всѣхъ учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ. Списокъ мы составили вмѣстѣ, но, не имѣя возможности видѣться съ С. С. Уваровымъ [3]), онъ просилъ А. Д. Черткова [4]) взять на себя доставленіе списка кому слѣдуетъ и приложить свое стараніе

---

[1]) На письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяцъ, но, судя по содержанію, его нужно отнести къ веснѣ 1846 г., вѣроятно, къ апрѣлю или маю. Подлинниковъ писемъ Ю. Ѳ-ча къ С. П. Шевыреву въ архивѣ семьи Самариныхъ не имѣется. Эти письма перепечатываются съ исправленіями очевидныхъ ошибокъ изъ III книги „Русскаго Архива" за 1907 годъ.

[2]) О Княжескомъ см. примѣч. 4-ое къ письму за № 167. Въ „Русскомъ Архивѣ", очевидно по ошибкѣ, вм. „З. П. Княжескаго" напечатано: „З. Н. Княжевича".

[3]) Съ гр. Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ, министромъ народнаго просвѣщенія.

[4]) Александръ Дмитріевичъ Чертковъ (род. въ 1789 г., ум. въ 1858 г.), предсѣдатель Общества исторіи и древностей россійскихъ съ 1849 по 1857 г., нумизматъ, основатель Чертковской библіотеки, былъ съ 1844 по 1856 г. Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

и ходатайство. А. Д. Чертковъ уѣхалъ неожиданно. Не знаемъ, успѣлъ ли онъ выполнить свое обѣщаніе или нѣтъ, и за этимъ дѣло пріостановилось. Вы, помнится мнѣ, хорошо съ нимъ знакомы. Не можете ли взять на себя спросить его, доставилъ ли онъ списокъ книгамъ или нѣтъ; если доставилъ, то черезъ кого, и былъ ли данъ ему какой [1]) отвѣтъ? Иначе придется просить графа Протасова, который и такъ уже обремененъ просьбами по этому дѣлу. Я до сихъ поръ не отдавалъ вамъ отчета въ ходѣ дѣла П. И. Трубникова, ибо думаю, что онъ самъ обо всемъ извѣстилъ васъ. Я сдѣлалъ, съ своей стороны, что̀ могъ, т. е. вручилъ записку Данзасу и переговорилъ съ нимъ, справился въ герольдіи о положеніи дѣла и пр.; болѣе я ничего сдѣлать не могъ, потому что въ скоромъ времени самъ оставилъ Сенатъ. Впрочемъ, дѣло пошло успѣшно, и можно завѣрить, что оно рѣшено будетъ въ пользу вашего зятя. Что̀ сказать вамъ о себѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Сенатъ [2]), я занятъ не менѣе, но не такъ постоянно. Иногда выдается три-четыре дня свободныхъ, а тамъ вдругъ нагрянетъ дѣло. Я занимаюсь урывками, никуда рѣшительно не ѣзжу и видаюсь только съ Поповымъ, Вяземскимъ и Карамзиными. Ваши лекціи [3]) читаются всѣми съ любопытствомъ и участіемъ, если не съ сочувствіемъ. Древняя литература наша народная для здѣшнихъ — terra incognita. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы „Сборника“ [4]). Онъ произведетъ здѣсь сильное впечатлѣніе, ибо Москву уважаютъ невольно и боятся ея, хотя и не любятъ. Послѣ каждаго письма изъ Москвы или книги, вышедшей въ Москвѣ, Одоевскій [5]) нѣсколько дней

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано: „такой“.

[2]) 9 февраля 1846 г. Ю. Ѳ. причисленъ былъ къ министерству вн. дѣлъ, а 14 февраля, по предписанію министра, назначенъ былъ помощникомъ дѣлопроизводителя двухъ комитетовъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ—главнаго и приготовительнаго.

[3]) Въ мартѣ 1846 г. вышла 1-ая часть публичныхъ лекцій Шевырева подъ заглавіемъ: „Исторія русской словесности, преимущественно древней“.

[4]) „Московскій Сборникъ“, изданный Пановымъ, вышелъ во второй половинѣ мая 1846 г.

[5]) Кн. Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій; см. примѣч. 2-ое къ письму за № 118.

ходитъ, какъ шальной. Обыкновенно онъ въ этихъ случаяхъ призываетъ меня къ отвѣту. Жаль его, совсѣмъ обабился. Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько литературныхъ извѣстій: Синодъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени собраніе всѣхъ символовъ Православной Церкви съ комментаріями. Нѣкто Толстой написалъ сочиненіе о финансовомъ устройствѣ древняго царства Московскаго [1]), по словамъ Попова весьма замѣчательное. Вяземскій поговариваетъ объ изданіи своихъ сочиненій, но вы знаете, какъ въ немъ сильно начало безпечности и лѣни. Веневитиновъ, Карамзины, Вяземскій вамъ очень кланяются. Братъ мой [2]) свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Мы отправляемъ его за границу.

259.

(Петербургъ), 6 іюля 1846 [3]).

Наконецъ я улучилъ время отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вамъ просьбу, въ которой, надѣюсь, вы мнѣ не откажете. Дѣло вотъ въ чемъ. Калужскій губернаторъ Смирновъ [4]), пріѣзжавшій по дѣламъ своимъ въ Петербургъ, между прочими своими проектами сообщилъ мнѣ о желаніи своемъ дать „Калужскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“ мѣстный характеръ. Онъ хочетъ, чтобы вмѣсто переводныхъ и заимствованныхъ изъ другихъ журналовъ статей о томъ, что дѣлается въ Англіи, въ Калькуттѣ, вмѣсто повѣстей Сю и пр. модныхъ затѣй помѣщать статьи содержанія преимущественно историческаго, статистическаго, географическаго, о знаменитостяхъ всякаго рода, преданіяхъ, древностяхъ Калужской губерніи. Кое-что ему

---

[1]) Ю. Ѳ. разумѣетъ сочиненіе гр. Дмитрія Андреевича Толстого (род. въ 1823 г., ум. въ 1889 г.), впослѣдствіи оберъ-прокурора Св. Синода, президента Академіи Наукъ и министра вн. дѣлъ: „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“. Напечатано оно было въ 1848 г., но цензурная отмѣтка на немъ: „Іюля 20-го дня 1846 г.“.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Самаринъ; см. примѣч. 3-е къ письму за № 127.

[3]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ письмо это помѣчено „6 іюня 1846 г.“. Тутъ, очевидно, ошибка. Письмо написано изъ Петербурга, наканунѣ отъѣзда М. П. Погодина въ Штетинъ, слѣдовательно относится не къ іюню, а къ іюлю 1846 г.

[4]) Николай Михайловичъ Смирновъ, мужъ Александры Осиповны Смирновой; см. примѣч. 5-ое къ письму за № 120.

самому удалось собрать и напечатать; но онъ жалуется на отсутствіе участія въ обществѣ и редактора, который бы понялъ, чего отъ него требуютъ, и не считалъ бы унизительнымъ для своего литературнаго достоинства отвести въ своемъ журналѣ первое мѣсто Калугѣ, а Европѣ второе. Смирновъ просилъ меня свести его съ вами, въ надеждѣ, что вы примете участіе въ его похвальномъ рвеніи и, можетъ быть, въ числѣ воспитанниковъ университета укажете ему на человѣка способнаго исполнить то, чего онъ желаетъ. Москва и москвичи не могутъ не сочувствовать желанію развить въ городахъ и областяхъ мѣстную жизнь и поддержать живое преданіе. Смирновъ обѣщаетъ (если не ошибаюсь) 2000 р. жалованія, мѣсто по службѣ и частные уроки—условія довольно выгодныя. Онъ пробудетъ въ Москвѣ два дня, много три и, если удастся ему улучить свободный отъ занятій часъ, самъ пойдетъ къ вамъ: въ противномъ случаѣ, онъ поручилъ мнѣ просить у васъ позволенія дать вамъ знать о своемъ пріѣздѣ и просить къ себѣ. На словахъ онъ лучше и опредѣлительнѣе сообщитъ вамъ тѣ условія, которыя можетъ предложить. — Михаилъ Петровичъ Погодинъ ѣдетъ завтра на пароходѣ въ Штетинъ. Я нашелъ, что онъ нѣсколько поправился [1]). Здѣшніе доктора объявили ему, что одна нога короче другой — по ихъ словамъ, несомнѣнный признакъ перелома. Онъ остановился у Надеждина; я съ нимъ видѣлся почти ежедневно, а нынче мы обѣдаемъ вмѣстѣ у Вяземскаго.

Вы желаете знать, какое впечатлѣніе произвелъ здѣсь „Московскій Сборникъ“. Могу сказать—впечатлѣніе самое выгодное. Онъ расходится хорошо, его читаютъ вездѣ, во всѣхъ кругахъ, и вездѣ онъ производитъ толки, споры и т. п. Кто хвалитъ, кто бранитъ, но никто не остался къ нему равнодушнымъ. Всѣ были озадачены. Вяземскій совершенно склонился сочувствіемъ на нашу сторону. Надеждинъ, трунившій незадолго надъ Москвою, началъ отзываться о ней съ большимъ уваженіемъ и заступается за нее. Здѣшняя молодежь, собирающаяся у него по воскресеньямъ, тоже перемѣнила

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано: „исправился“.

тонъ; „Отечественныя Записки" круто поворотили оглобли. Вы, вѣроятно, читали послѣдній номеръ. Статьи о „Сборникахъ", о преобразованіи городского устройства въ Петербургѣ (значеніе міра и пр.)[1]) замѣчательны, какъ доказательство, что наше направленіе стало господствующимъ и что пренебрегать имъ было бы опасно для успѣха журнала. Но какая наглая недобросовѣстность! Неужели имъ это спустятъ? Впрочемъ, должно сказать, что, вообще, „Сборникъ" не былъ и не могъ быть оцѣненъ по достоинству. Это для Петербурга—пища слишкомъ питательная и суровая; онъ не переварилъ ея. Доказательствомъ можетъ служить то, что болѣе всѣхъ произвела впечатлѣніе моя статья[2]), потому что въ ней мысль разжевана. Неожиданный успѣхъ заставляетъ меня обратиться къ Москвѣ съ вопросомъ: не совралъ ли я? Превосходная статья Хомякова[3]), слишкомъ богатая содержаніемъ и слишкомъ сжатая, рѣшительно никѣмъ, кромѣ Тютчева, оцѣнена не была. Нѣкоторые бранятъ ее за *дерзкій тонъ*; большинство отзывается такъ: „мы ничего не поняли". Статья Попова[4]) также прошла незамѣченною. Письмо Чижова[5]), стихи[6]) и пр. вообще пришлись по вкусу. Вотъ почти все, что я могъ извлечь изъ слышаннаго мною. Успѣхъ „Сборника" доказываетъ несомнѣнно, что новый журналъ въ Москвѣ будетъ имѣть успѣхъ, и что въ нашихъ глазахъ

[1]) Въ іюльской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1846 года напечатаны были критическія статьи о книгахъ: „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, т. I, изд. Д. В. (т. е. Валуева), М. 1845 г.", „Московскій литературный и ученый сборникъ, М. 1846 г." и „Новое общественное устройство Санктпетербурга, Спб. 1846 г."

[2]) Критика на соч. гр. В. А. Соллогуба: „Тарантасъ".

[3]) Статья А. С. Хомякова, помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ" 1846 г., озаглавлена была такъ: „Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ".

[4]) Статья А. Н. Попова: „О современномъ направленіи искуствъ пластическихъ".

[5]) „О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ".

[6]) Въ „Московскомъ Сборникѣ" 1846 г. помѣщены были стихи И. С. Аксакова: „26-е сентября", „Очеркъ", „Ночь", „Среди удобныхъ и лѣнивыхъ"; Языкова: „Самсонъ" и романсъ; Берга: переводъ древнихъ чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ; кн. Вяземскаго: „Когда я былъ душою молодъ", „Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ" и „Римъ"; наконецъ, стихи ....ой: „Когда въ раздоръ съ самимъ собою".

сбудется предсказанное Пушкинымъ: журнализмъ московскій убьетъ петербургскій.

Завтра утромъ отправляется Михаилъ Петровичъ; Поповъ, братъ и я провожаемъ его. Этимъ долженъ ограничиться на сей разъ. Вслѣдъ за письмомъ получите вы отъ Смирнова цѣлую пачку новаго городского устава [1]. Редакторъ [2] просилъ меня разослать его моимъ знакомымъ въ Москвѣ и просить, не возьмется ли кто-нибудь написать о немъ статью въ „Москвитянинѣ". Основная мысль замѣчательна и вѣрна, хотя и не выдержана. Потрудитесь раздать эти брошюры всѣмъ желающимъ. Очень вамъ благодаренъ за вашъ отзывъ о моей статьѣ и за замѣчаніе на разборъ послѣдней главы. Оно совершенно вѣрно. Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ. Вяземскій, Карамзины, Веневитиновъ вамъ кланяются.

[1] Здѣсь разумѣется новое городовое положеніе, утвержденное для Петербурга 13 февраля 1846 г.

[2] Николай Алексѣевичъ Милютинъ, бывшій въ то время вице-директоромъ хозяйственнаго департамента министерства вн. дѣлъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Переводъ письма Ю. Ѳ. Самарина къ члену Камеры Депутатовъ г. Могену[1]).

Милостивый Государь, вы удостоили насъ такимъ лестнымъ и такимъ постояннымъ вниманіемъ въ теченіе тѣхъ немногихъ дней, которые вы провели въ нашемъ городѣ, мы были такъ пріятно удивлены, найдя въ васъ полное отсутствіе предразсудковъ и совершенную искренность, къ которой, позвольте вамъ сказать, мы не были пріучены, что съ радостью принимаемъ на себя обязанность помочь вамъ насъ узнать и дать о насъ вѣрное понятіе другимъ. Скажу болѣе: мы не только съ готовностью отзываемся на довѣріе, съ которымъ вы къ намъ отнеслись, пріѣхавъ къ намъ изучать насъ собственными глазами и откровенно спрашивая насъ самихъ о томъ, что̀ мы о себѣ думаемъ,—мы считаемъ сверхъ того, что этимъ оказываемъ услугу своему отечеству. Да, милостивый государь, мы убѣждены, и вы сами это высказали, что изученіе Россіи можетъ быть ей только въ пользу, особенно, прибавимъ отъ себя, когда ее изучаетъ человѣкъ добросовѣстный и слова котораго будутъ имѣть отголосокъ. Хотѣлось бы мнѣ изложить вамъ вкратцѣ въ этомъ письмѣ, на которое вы сами меня вызвали, тѣ результаты нашихъ воззрѣній, съ которыми я и другъ мой Аксаковъ не довольно полно ознакомили васъ въ разговорахъ.

---

[1]) Подлинный французскій текстъ этого письма см. выше на стр. 60—69.

Россія только что вступила въ новый періодъ своего развитія. Мы были національны до Петра Великаго, потому что внѣ своего отечества не знали ничего и потому что отношенія наши къ сосѣдямъ были всегда враждебны. Исторія Россіи въ первые 7, 8 вѣковъ ея существованія представляетъ рядъ воѣнъ почти безпрерывныхъ, то междоусобныхъ (приблизительно до XV-го вѣка) между удѣльными князьями, то внѣшнихъ съ народами татарскаго происхожденія, поочередно наводнявшими наши южныя окраины (съ Хозарами, Печенѣгами, Половцами и, наконецъ, съ Монголами, которые нахлынули на Россію въ лицѣ Татаръ), и съ нашими сосѣдями на западѣ (Поляками, Литвою и Венграми). Всѣ племена эти поочередно накидывались на Россію, какъ бы желая еще въ колыбели задушить своего будущаго побѣдителя; но, среди этой непрестанной борьбы племени съ племенемъ, русская народность окрѣпла, и въ началѣ XV вѣка матеріальное существованіе ея было обезпечено. Съ этого времени ей пришлось отстаивать свою духовную независимость, обороняться отъ антинаціональной цивилизаціи, которую навязывалъ ей Западъ; ей пришлось сопротивляться внушеніямъ папъ, никогда не терявшихъ ее изъ виду, и сильному движенію католическому, которое то оружіемъ, то глухою, неутомимою пропагандою силилось вырвать Россію изъ ея обособленія и завлечь ее въ общее движеніе западныхъ народовъ. Католическое вліяніе подчинило себѣ югъ Россіи и утвердило въ Кіевѣ, древней колыбели Православія, свой центръ для воздѣйствія на весь сѣверъ.

Но Москва въ ту пору была уже сильна. Москва, вслѣдствіе отпаденія юга, стала сердцемъ Россіи и убѣжищемъ ея Православія и народности, какъ во времена военныхъ кризисовъ она была ея защитою. Еще не наступило время для Россіи войти въ общеніе съ Западомъ; къ тому же не Западу слѣдовало врываться къ намъ, а намъ самимъ надлежало открыть ему двери. Вслѣдъ за вліяніемъ католическимъ и почти одновременно съ нимъ проявилось у насъ вліяніе

протестантское. Послѣднее шло къ намъ изъ Германіи и охватило весь сѣверъ; но такъ какъ мы не были католиками, то намъ не приходилось и обращаться въ протестантовъ. Реформа религіозная не нашла у насъ удобной для себя почвы, и побѣда осталась за Православіемъ и русскою народностью. Такою засталъ Россію Петръ Великій. Она испытала много вліяній, она много выстрадала; но зародышъ ея народности, хотя и не успѣлъ развиться вслѣдствіе безпрерывной борьбы, не могъ однако замереть. Онъ сохранился неприкосновеннымъ и чистымъ отъ всѣхъ заблужденій и благъ западной цивилизаціи и остался нетронутымъ для будущаго.

До Петра Великаго, какъ я сказалъ, мы были національны, потому что не знали своихъ сосѣдей. Какое-то чудное предчувствіе предназначавшейся для Россіи исключительной, своеобразной будущности предохранило русскій народъ отъ безусловнаго вліянія народовъ Запада, которые, можетъ быть, въ свою очередь предчувствовали въ немъ соперника, которому суждено въ будущемъ превзойти ихъ. Это предчувствіе съ той и другой стороны поставило насъ во враждебныя отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ спасло насъ. Съ этихъ поръ нашей окрѣпшей народности уже нечего было бояться чуждой цивилизаціи. Петръ Великій отъ имени всего народа обратился за нею къ Западу, и съ этого времени начинается новый періодъ въ нашей исторіи. Народное начало какъ бы исчезаетъ. Ослѣпленные блескомъ Запада, подкупленные чудными благами просвѣщенія, къ которому Западъ насъ призываетъ, мы бросаемся, очертя голову, на чуждыя намъ стези,—забываемъ свое прошлое, становимся Французами, потомъ Нѣмцами; затѣмъ оба вліянія эти сливаются, и народный элементъ, повидимому, совершенно угасаетъ. Вліяніе французское и нѣмецкое обнаружилось у насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ проявилось вліяніе католицизма и протестантизма. Оно не коснулось нашего внѣшняго существованія, оно не угрожало нашей вѣрѣ. На Западѣ въ то время

вопросы вѣры уже не были вопросами дня. Это вліяніе возстало противъ нашего общественнаго строя. Оно поставило себѣ цѣлью уничтожить наше государственное начало—самодержавіе; оно хотѣло насъ увѣрить, что мы изнываемъ подъ игомъ тиранніи и произвола; оно пыталось влить въ насъ свою ненависть противъ деспотизма, законную и разумную въ другихъ странахъ, а у насъ не имѣющую смысла. Въ царствованіе императрицы Анны составленъ былъ заговоръ въ средѣ высшаго дворянства съ цѣлію создать аристократическую конституцію; въ наши дни образовался другой заговоръ съ инымъ характеромъ. На нашихъ глазахъ цѣлое поколѣніе, еще нынѣ оплакиваемое нами, прельстилось тѣмъ же пагубнымъ вліяніемъ. Казнь и изгнаніе стали его удѣломъ; оно не вѣдало своего отечества и слишкомъ возлюбило Западъ. Это была тяжелая вина, искупленіе которой было ужасно и останется вѣчнымъ урокомъ для будущаго. Тогда то, въ эти критическія минуты, когда жизненное начало, самодержавіе, казалось осужденнымъ на погибель, почувствовалось усиленное біеніе сердца той народности, жизнь которой какъ будто окончательно погасла. Молчаніемъ народъ протестовалъ противъ реформъ, которыя выдавались за выраженіе его воли. Онъ отрекся отъ реформаторовъ, и еще разъ наше историческое начало, принципъ монархическій, было спасено, какъ нѣкогда спасены были внѣшняя независимость Россія и ея вѣра. Тѣмъ не менѣе французское вліяніе было такъ продолжительно и явилось къ намъ въ столь привлекательныхъ формахъ, что не могло не подчинить себѣ хотя бы часть націи; но далѣе этого зло не пошло. Народъ остался чуждъ этому вліянію. Оно особенно отозвалось на нашей литературѣ, на нашемъ языкѣ и на нашихъ правахъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было благотворно, во многихъ другихъ—вредно: оно вызвало крайность въ подражаніи, въ которой мы одни виновны. Такая національность, какъ французская, такъ ярко опредѣленная, такая гордая и самодовольная, должна была, особенно въ

началѣ, имѣть на насъ громадное вліяніе. Было время, когда мы вымаливали себѣ одобреніе литературныхъ корифеевъ XVIII вѣка, когда мы соперничали съ Французами въ знаніи ихъ языка и литературы, когда образованный, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкъ не смѣлъ почти говорить на своемъ родномъ языкѣ, когда, наоборотъ, французскій языкъ изучался и блюлся во всей его чистотѣ... Это время прошло, и письмо мое, милостивый государь, поневолѣ служитъ тому доказательствомъ.

Итакъ, за первымъ періодомъ нашей исторіи, за періодомъ народности инстинктивной и исключительной, послѣдовалъ періодъ подражанія, который привелъ насъ къ блѣдному, безжизненному космополитизму. Этотъ космополитизмъ, направленіе существенно-ложное, но черезъ которое мы должны были пройти, чтобы дойти до сознанія нашей народности, въ свою очередь съ каждымъ днемъ сглаживается, и послѣдніе его представители не встрѣчаютъ болѣе сочувствія. Все еще въ будущемъ; но это будущее можетъ быть только плодомъ прошедшаго. Итакъ, обратимся къ изученію нашего прошлаго. Извлечемъ его изъ праха, изслѣдуемъ въ немъ зародыши жизни, наши природныя начала, которыя по сіе время не могли получить надлежащаго развитія. Россія до сихъ поръ играла въ мірѣ только страдательную роль; почти десять вѣковъ она провела въ оборонительномъ положеніи; вліяніе ея на Западъ было до сихъ поръ только чисто-матеріальное; придетъ время, когда она воздѣйствуетъ своими идеями. Вліяніе Запада на Россію кончилось; впредь мы будемъ отъ него заимствовать только матеріальные результаты его цивилизаціи, какъ, напримѣръ, промышленность; отнынѣ развитіе наше будетъ вполнѣ самобытно.

По этому поводу позвольте мнѣ, милостивый государь, напомнить вамъ то, что̀ другіе лучше меня уже высказали вамъ. Россія порождаетъ въ васъ безпокойство; вы предполагаете въ ней честолюбіе, болѣе громадное, чѣмъ ея территорія; вы приписываете ей замыслы всемірнаго завоеванія.

Если подъ словомъ честолюбіе вы разумѣете грубое понятіе, страсть къ кровопролитію, къ добычѣ, жажду завоеваній,— разубѣдитесь въ этомъ. Нѣтъ, не къ завоеваніямъ призываетъ насъ Провидѣніе, правящее міромъ, и военная слава не удовлетворитъ нашего честолюбія, которое вы справедливо называете безмѣрнымъ, хотя и не понимаете его задачи. Но на этомъ я долженъ остановиться изъ опасенія погрузиться слишкомъ глубоко въ непроницаемыя стези будущаго и оставлю про себя убѣжденія, которыя намъ дороги, но которыхъ вы не захотите раздѣлить, пока не будетъ на лицо фактовъ ихъ оправдывающихъ. Къ тому же вы уже имѣете передъ глазами прекрасное выраженіе этихъ чаяній въ поэтическомъ произведеніи [1]). Итакъ, теперь надлежитъ опредѣлить составные элементы нашей народности: религіозное начало и самодержавіе.

Изложеніе характера православнаго вѣроученія завлекло бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же задача эта превысила бы мои силы; ограничусь взглядомъ на Православіе съ исторической точки зрѣнія. Православное вѣроученіе одинаково чуждо уклоненій католицизма и заблужденій протестантизма. Между этими двумя крайностями, которыя нынѣ раздѣляютъ Западный міръ, оно занимаетъ средину; но эта средина не есть однако, какъ полагали многіе, результатъ эклектизма. Излишне, мнѣ кажется, было бы говорить здѣсь о древности православнаго вѣроученія. Оно зиждется на самобытномъ, ему свойственномъ началѣ, и никогда католическое или протестантское вліяніе не могли его пошатнуть.

Такъ же, какъ и католики, мы признаемъ авторитетъ Церкви, но непогрѣшимость, слѣдовательно, и безусловный авторитетъ мы признаемъ только за Вселенскими соборами. Наша Церковь не конфисковала въ свою пользу, подобно церкви Римской, обѣтованія, даннаго Христомъ Церкви вообще, когда Онъ покинулъ землю; она не воплотила въ лицѣ папы

[1]) Въ стихотвореніи Хомякова: „Гордись, тебѣ льстецы сказали“, въ французскомъ переводѣ К. К. Павловой.

духовнаго единства Церкви и не матеріализировала христіанства. Лишенная власти свѣтской, Церковь наша принимала участіе въ исторіи нашей чисто-нравственное. Ея вліяніе на народъ исходило изъ основанія болѣе могущественнаго, чѣмъ писанные законы или арміи, и вслѣдствіе этого она не была подчинена случайностямъ міра сего. Не будучи поставлена въ необходимость вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія и блюсти мірскіе интересы, она не имѣла и случая уклоняться отъ своей задачи и входить съ собою въ сдѣлку, допуская отступленія отъ исповѣдуемыхъ ею началъ. Такимъ образомъ, отсутствіе безусловнаго авторитета, постоянно присущаго одному лицу, отсутствіе свѣтской власти—вотъ, что спасло насъ отъ злоупотребленій, которымъ подвергся католицизмъ; вотъ почему, послѣ девяти безъ малаго вѣковъ, какъ существуетъ христіанство въ Россіи, намъ не пришлось отдѣлять дѣла Церкви отъ дѣла вѣры.

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что насъ отдѣляетъ отъ протестантства. Оно само произнесло себѣ осужденіе, обнаруживъ свое безсиліе. Протестантство есть только рядъ отрицаній, порожденныхъ злоупотребленіями католицизма и связанныхъ другъ съ другомъ необходимо и логически. Послѣднимъ выраженіемъ этого направленія, ложнаго въ основаніи своемъ, но въ высшей степени послѣдовательнаго, является книга Штрауса. Поэтому протестантство само по себѣ—не религія, а только отрицаніе католицизма, лишенное жизненнаго начала и неспособное само по себѣ что-либо произвести.

Штраусъ съ одной стороны, съ другой Ламене, который самъ прошелъ чрезъ всѣ вѣрованія и заблужденія христіанскаго человѣчества—двѣ личности высокаго ума, отъ которыхъ никогда не въ состояніи будутъ отречься обѣ породившія ихъ западныя доктрины—вотъ живые и неопровержимые протесты противъ всего Запада; вотъ, милостивый государь, факты, способные лучше всѣхъ моихъ разсужденій доказать вамъ, что дѣло религіи на Западѣ окончательно

проиграно. Я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что только православное ученіе способно удовлетворить требованіямъ человѣчества.

Принципъ монархическій — великое дѣло нашей исторіи. Она вся есть не что иное, какъ развитіе этого принципа. Представьте себѣ, милостивый государь, страну между Ладожскимъ озеромъ и Уральскими горами, между Карпатами и Чернымъ моремъ, населенную въ IX вѣкѣ множествомъ племенъ славянскихъ и финскихъ (на сѣверѣ), независимыхъ другъ отъ друга, даже не знающихъ другъ друга и раздѣленныхъ между собою лѣсами, болотами и необитаемыми степями. Такой видъ представляла страна, называемая нынѣ Россіею, когда, въ 862 г. по Р. Х., четыре племени: Славяне Новогородскіе, Кривичи, Весь и Чудь, утомленные безурядицею, царствовавшею между ними, рѣшились обратиться въ Скандинавію и просить у Варяговъ (Норманновъ) князей для управленія страною и установленія въ ней порядка. Три брата изъ скандинавскаго племени Русь (отсюда Россія) отозвались на ихъ призывъ и водворились съ небольшою дружиною въ Россіи, т. е. въ Новгородѣ, на берегу Бѣлаго озера и въ Изборскѣ. Такъ разсказано это событіе Несторомъ, нашимъ древнѣйшимъ лѣтописцемъ, событіе единственное въ исторіи міра; изъ него развилась вся послѣдующая наша исторія. Вы видите, милостивый государь, что у насъ отношенія двухъ племенъ—туземцевъ и Норманновъ—были совершенно иныя, нежели во Франціи и Англіи. У насъ не было и не могло быть завоеванія, благодаря географическому положенію страны и малочисленности пришлаго племени, слѣдовательно, не могло быть ни феодализма, ни военной аристократіи, въ смыслѣ самостоятельнаго принципа, ни враждебныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, слѣдовательно, не могло быть и революціи и конституціи. Норманны, такъ сказать, только быстро прошли по Россіи. Они обошли всѣ славянскія племена, но ихъ подвижной характеръ увлекалъ ихъ въ другую сторону, и

въ началѣ X вѣка они исчезаютъ совершенно изъ нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и ихъ вліяніе. Значеніе ихъ въ Россіи ограничилось тѣмъ, что они сблизили между собою племена славянскія, поставили ихъ въ сношеніе съ Константинополемъ и ввели у нихъ христіанство. Это событіе по сіе время имѣетъ такое важное значеніе, что вы позволите мнѣ разсказать его здѣсь въ томъ видѣ, какъ передаютъ его наши лѣтописи. Въ 988 году св. Владиміръ, по заключеніи мира съ Греками, женился на княжнѣ Аннѣ, сестрѣ царствовавшихъ тогда императоровъ, и принялъ крещеніе. Мгновенно весь народъ послѣдовалъ его примѣру и сказалъ при этомъ слѣдующія достопамятныя слова: „если князь того пожелалъ, то это не можетъ быть худо". И христіанство ввелось у насъ безъ войны, безъ насилія, по единодушному согласію всего народа, а сто лѣтъ спустя у насъ были уже свои мученики, свои монастыри, цѣлая духовная литература.

Едва удалились Норманны, у насъ быстро развилась система удѣловъ. Новыя племена присоединились къ намъ не путемъ завоеванія, а миролюбивымъ занятіемъ нами областей еще дикихъ, основаніемъ городовъ и новыхъ княжествъ. Всѣ эти княжества были независимы другъ отъ друга, и великое княжество Кіевское сохраняло только нравственное, почти фиктивное преобладаніе надъ ними. Въ эту эпоху начинаются у насъ междоусобныя войны; намъ недоставало политическаго единства, видимаго центра, столицы. Но за недостаткомъ политическаго единства, еще не выработаннаго страною, единство вѣры спасло народное начало.

Весь этотъ періодъ нашей исторіи можетъ назваться центростремительнымъ, или, вѣрнѣе, періодомъ исканія видимаго центра, который какъ бы блуждалъ по Россіи, переносясь изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Галичъ. Наконецъ, центръ этотъ былъ найденъ. Прежде всего географическое положеніе въ серединѣ Россіи, а затѣмъ вліяніе Татаръ содѣйствовали возвышенію Москвы надъ разва-

линами стараго порядка вещей. Не время теперь выяснять характеръ татарскаго вліянія; оно было чисто-внѣшнее, не коснулось ни въ чемъ нашей религіи, весьма мало отразилось на нашемъ языкѣ и на нашихъ нравахъ, но способствовало нашему развитію политическому. Москва была нашею первою и единственною столицею; вокругъ нея образовалось ядро государственное; она сплотила около себя разбросанные члены Россіи, и въ ней-то въ 1-й половинѣ XIV вѣка, при великомъ князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ, прозванномъ Калитою (сума̀) за его бережливость, начинается періодъ нашего центробѣжнаго развитія. Когда для Россіи отыскался центръ, столица, тогда потребовалась для нея государственная идея, живой центръ, Царь. Въ XV вѣкѣ, въ лицѣ Іоанна III, воплотилось начало самодержавія. Но борьба далеко еще не кончилась. Внутри страны были еще элементы смуты, и для того, чтобы самодержавіе могло установиться такъ прочно, какъ то было нужно Россіи, оно должно было выдержать три великія борьбы, съ которыми связаны три славныя имени: борьбу внѣшнюю, которую началъ Іоаннъ III и окончили его преемники, борьбу внутреннюю съ мелкими удѣльными князьями, которые образовали вокругъ престола какъ бы аристократію, разобщившую Царя съ народомъ, эту аристократію сломилъ Іоаннъ IV, наконецъ, борьбу свѣтской власти съ тою частью нашего духовенства, которая желала ввести у насъ нѣчто въ родѣ папства, эту борьбу покончилъ Царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго. Изъ этой тройственной борьбы народное начало, самодержавіе, вышло побѣдителемъ.

Итакъ, у насъ не было ни завоеванія, ни феодализма, ни аристократіи (въ смыслѣ самостоятельнаго начала) и не было договора (contrat social) между Царемъ и народомъ. Неограниченная власть, единая и народная, дѣйствующая во имя всѣхъ, идущая во главѣ нашей цивилизаціи и совершающая у насъ, безъ ужасовъ революціи, то, что̀ на Западѣ является результатомъ войнъ междоусобныхъ, религіозныхъ

смутъ и общественныхъ переворотовъ—такова форма правленія, которую создалъ для себя русскій народъ; она—священное наслѣдство нашей исторіи, и мы не хотимъ другой формы, ибо всякая другая была бы тиранiею.

Вотъ, милостивый государь, какъ мы понимаемъ вопросъ о нашей народности. Предоставляю другому ознакомить васъ съ отличительными чертами нашего народнаго характера, проявляющимися въ нашей вѣротерпимости и воспріимчивости, въ нашемъ языкѣ и нашей поэзіи, въ повѣріяхъ и правахъ нашего народа.

Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, почему мы вѣримъ въ призваніе славянскихъ племенъ къ великому дѣлу возрожденія; это дѣло, мы знаемъ, придется совершить намъ однимъ и безъ чьей-либо помощи; намъ въ этомъ дѣлѣ не будутъ сочувствовать народы Запада, и долго еще придется намъ мириться съ мыслью, что въ ихъ глазахъ мы не болѣе, какъ предметъ презрѣнія или страха.

Этимъ я оканчиваю, милостивый государь, свое черезчуръ длинное письмо; вы дозволили мнѣ быть откровеннымъ, и я высказалъ вамъ наши чаянія и наши взгляды на прошлое и будущее съ искренностью убѣжденія, не только нашего личнаго, но раздѣляемаго весьма многими въ Россіи. Мы были бы счастливы, если бъ вы, сообщивъ намъ много новаго и во многомъ исправивъ наши взгляды на Францію, оказали намъ ту же услугу передъ своими соотечественниками, а главное, если бы вы, оставляя по себѣ пріятное между нами воспоминаніе, могли сохранить таковое же и о насъ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

II.

Письма А. Н. Попова къ Ю. Ѳ. Самарину по вопросу о развитіи Церкви.

1.

Мы исповѣдуемъ Церковь развивающуюся—такой общій выводъ оканчиваетъ вашу статью. И я присоединилъ бы свой голосъ къ вашему, если бы не думалъ, что не совершенно такъ понимаю слово *развитіе*, какъ вы его понимаете. И я исповѣдую животворно развивающуюся Церковь, отрицая неподвижную мертвенность католицизма и отвлеченное движеніе протестантской философіи. Но зерно этого развитія не заключено въ примиреніи двухъ противоположностей, а въ творчествѣ.

Постараюсь отвѣчать на ваши положенія и изложить свою мысль. Церковь можетъ быть судима только внутри самой себя, а не извнѣ, слѣдовательно, не судима въ собственномъ смыслѣ, но понимаема. Вотъ, положеніе, съ которымъ мы всѣ согласны, и равно отрицаемъ протестантскую точку зрѣнія на Церковь, какъ ложную. Я принимаю это положеніе за основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Соглашаясь на все начало вашей статьи, останавливаюсь на послѣднемъ выводѣ изъ онаго: *Слѣдовательно, фактъ воплощенія, совершившійся въ одномъ лицѣ Бого-человѣка, совершается невидимо въ Церкви. Итакъ, въ Церкви—два*

элемента: Божественный и человѣческій. Весь вопросъ заключается [1] *въ томъ, какъ они взаимно относятся.* Если этотъ вопросъ относится къ первому факту воплощенія, то онъ представляется мнѣ излишнимъ. Христосъ есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ. Такъ принимаетъ Церковь. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ воплощенія исчезло всякое понятіе объ отношеніи. Отношеніе можетъ быть тамъ, гдѣ есть одно и другое; здѣсь нѣтъ ни одного ни другого, здѣсь есть Одинъ. Въ тождествѣ уничтожается всякое понятіе объ отношеніи, потому и не можетъ быть вопроса объ немъ. Если этотъ вопросъ относится ко второму факту воплощенія, совершающемуся въ Церкви, въ такомъ случаѣ онъ мнѣ кажется слишкомъ рано предложеннымъ. Чтобы рѣшить, въ какомъ отношеніи находятся Божественное и человѣческое начала въ Церкви, должно напередъ рѣшить, въ какомъ отношеніи находится сама Церковь къ дѣлу воплощенія, торжественно соединившему эти два начала въ лицѣ Бого-человѣка. Апостолъ называетъ христіанъ новыми созданіями (*новй тварь*). Итакъ, это отношеніе есть творчество. Въ первомъ творчествѣ было созданіе человѣка и въ его лицѣ всего человѣчества, потому въ его паденіи заключалось паденіе всѣхъ; во второмъ—искупленіе человѣка, потому Христосъ и называется вторымъ Адамомъ, и созданіе человѣчества. Съ этого новаго созданія начинается новый міръ. Это вновь созданное человѣчество и есть Церковь. Воплощеніе, совершившееся въ Бого-человѣкѣ, не совершается вновь въ Церкви, но живетъ въ ней, какъ уже совершенное, такъ сказать, облекаясь Церковью; потому она и называется тѣломъ Христовымъ. Христосъ, какъ глава, и частныя лица, какъ члены—вотъ составныя начала тѣла Церк-

[1] Въ рукописи перваго письма Ю. Θ-ча о развитіи Церкви, найденной среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго, стоитъ: *Весь вопросъ лежитъ въ томъ* (см. выше стр. 83). Изъ этого можно заключить, что у А. Н. Попова былъ въ рукахъ не тотъ экземпляръ перваго письма Ю. Θ-ча, который находился у И. В. Кирѣевскаго.

ви. Ихъ соединяетъ взаимно Св. Духъ. Постоянное общеніе этихъ началъ есть жизнь, развитіе Церкви. Въ этомъ развитіи замѣчаемъ двѣ стороны: побѣду надъ зломъ и творчество. Въ отношеніи къ новосозданному человѣчеству Церкви, зло побѣждено живущимъ въ ней Христомъ; въ отношеніи къ частнымъ лицамъ—побѣждается ихъ волею. Побѣда воли заключается въ отрицаніи ея исключительной личности и подчиненіи закону Христа. Это подчиненіе изъ частнаго лица дѣлаетъ новое созданіе--члена Церкви, и даетъ ему участіе въ искупленіи. Оно совершается въ двухъ сферахъ: въ сферѣ умственной и дѣятельной жизни. Смыслъ развитія въ первой сферѣ заключается въ подчиненіи частнаго мнѣнія общему ученію Церкви. Смыслъ развитія въ сферѣ дѣятельной жизни заключается въ уничтоженіи исключительной личности, вслѣдствіе которой человѣкъ живетъ только для себя, и въ развитіи того начала, которое его дѣлаетъ членомъ цѣлой общины. Вотъ, два момента церковной жизни; въ обоихъ изъ нихъ дѣятельность человѣческаго начала восполняется началомъ Божественнымъ. Зло стремится отторгнуть и побѣдить членовъ недоступной и непобѣдимой для него Церкви. Благодать благословляетъ побѣду частнаго лица въ жизни дѣятельной, и въ общинѣ присущій Духъ на соборѣ отрицаетъ личное начало въ мнѣніи и возводитъ его на степень церковной догмы. Участіе Духа въ соборѣ, опредѣляющемъ догму, и помощь благодати частнымъ лицамъ въ дѣлѣ подчиненія ихъ свободной воли свободному творчеству Церкви составляютъ два начала въ общей церковной жизни, которая условливаетъ ихъ существованіе и соединяетъ въ одно въ таинствахъ. Въ этомъ моментѣ—высшее общеніе Христа и членовъ, высшая ступень въ жизни Церкви, безусловное творчество.

Въ Церкви нѣтъ раціональнаго развитія, отдѣльнаго отъ непосредственной жизни; въ ней кончилось это раздвоеніе. Самое сознаніе догмы достигаетъ полноты и условливается высшимъ развитіемъ въ таинствѣ. Искаженіе въ догмѣ указы-

ваетъ прямо на искаженіе въ общей жизни Церкви. *Существенное же опредѣленіе* жизни Церкви, выражаюсь вашими словами, заключено въ таинствахъ. Гдѣ чиста эта жизнь, тамъ не можетъ быть нечистою догма, ибо *каждый догматъ*, снова выражаюсь вашими словами, *заключаетъ въ себѣ живое начало*, т. е. не существуетъ безъ существованія Церкви въ таинствахъ. Если признать, что католическая церковь, какъ Церковь, живетъ правильно этою жизнью (а неправильная будетъ не эта), то необходимо должно признать правильность ея догмы, стало-быть признать двѣ Церкви. Увѣренъ, что многіе изъ католиковъ принадлежатъ къ Церкви; но чтобы самъ католицизмъ былъ Церковью даже въ непосредственномъ, какъ вы называете, видѣ, этого допустить нельзя, не допустивъ двухъ Церквей, католической и греческой, или, наоборотъ, ни одной изъ нихъ, признавъ высшую духовную Церковь западныхъ мистиковъ, для которой католическая и греческая будутъ только временными видами. Потому католицизмъ не существуетъ какъ Церковь, хотя бы и неподвижная, какъ вы говорите. Неподвижность есть смерть въ живой Церкви, а смерть въ ней упразднилась побѣдой. Католицизмъ неподвиженъ, но не какъ Церковь, а какъ отрицаніе развитія въ частныхъ лицахъ и полное его признаніе въ одномъ лицѣ. Ничто живое не неподвижно; въ католицизмѣ нѣтъ Церкви; потому, отрицая подвижность во всѣхъ лицахъ, онъ долженъ былъ признать ее въ одномъ. Въ этомъ его непослѣдовательность, которая могла разрѣшиться двумя способами: признаніемъ развитія во всѣхъ частныхъ лицахъ или уничтоженіемъ его во всѣхъ безъ исключенія. Такъ и случилось съ протестантизмомъ.

Далѣе, вы говорите: *Самая эта жизненная сторона* (т. е. таинство) *можетъ быть предметомъ раціональнаго развитія Церкви*. Если это допустить, то уничтожится понятіе объ таинствѣ. Будучи сознано раціонально, оно перестаетъ быть таинствомъ, а съ этимъ вмѣстѣ прекращается и непосредственное существованіе Церкви и созна-

тельное въ догмѣ, ибо это сознаніе зависитъ отъ непосредственнаго существованія по связи догмата съ жизнью. Такъ сдѣлали протестанты и отняли у жизни ея средоточіе—Церковь, а у догмата—всякое содержаніе.

Вотъ вамъ мои возраженія, высказанныя не изъ желанія противорѣчить, но узнать истину, и моя мысль, хотя и плохо развитая.

2.

Въ первой моей статьѣ я разсматривалъ Церковь, какъ моментъ историческій, слѣдовательно развивающійся и еще не конченный. Кромѣ того, Церковь, какъ единственно безусловная сфера въ жизни духа, существуетъ вполнѣ оконченнымъ цѣлымъ—въ предвѣдѣніи Божественномъ. Эту мысль я передалъ вамъ въ послѣднихъ нашихъ разговорахъ; теперь постараюсь развить ее письменно.

Существованіе Церкви, какъ момента, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вполнѣ оконченнаго цѣлаго, необходимо предполагаетъ развитіе, какъ стремленіе каждаго момента слиться въ одно цѣлое Церкви, заключенное теперь только въ предвѣдѣніи Божественномъ. Это развитіе представляется въ трехъ моментахъ: въ церкви ветхозавѣтной, новозавѣтной, или воинствующей, и торжествующей. Въ сущности Церкви, какъ я сказалъ въ первой статьѣ, замѣчаемъ двѣ стороны: побѣду надъ зломъ и творчество. Въ Церкви ветхозавѣтной явленіями этихъ началъ были: законъ и обѣтованіе. Закономъ опредѣлился грѣхъ. Цѣль закона состояла въ томъ, чтобы признать грѣхъ грѣхомъ. Только при этомъ признаніи сдѣлалась возможною побѣда надъ зломъ. Но эта побѣда не могла совершиться въ ветхозавѣтной Церкви. Законъ былъ данъ человѣчеству, а исполнялъ его каждый человѣкъ порознь. Исполненіемъ закона онъ искупалъ себя лично, но не искупалъ себя, какъ члена человѣчества. Одна сторона закона оставалась неисполнимою; слѣдовательно, вообще законъ не могъ быть исполненъ, и потому не давалъ спасенія. Спа-

сеніе совершалось вѣрою въ обѣтованіе. Этою вѣрою человѣкъ ветхозавѣтный выходилъ изъ опредѣленія Церкви, какъ момента, и достигалъ видѣнія Церкви, какъ оконченнаго цѣлаго въ предвѣдѣніи Божественномъ. *Авраамъ* [1]) *видѣ день мой и возрадовася* [2]), говоритъ Христосъ. Ветхозавѣтное обѣтованіе исполнилось въ Церкви новозавѣтной. Тамъ Божество было разлучено съ человѣкомъ, человѣкъ управлялся безсильною волею, а невѣдомый Богъ ветхозавѣтному міру обиталъ въ сокровенномъ притворѣ скиніи, въ Святая Святыхъ. Законъ, неисполнимый для каждаго человѣка порознь, былъ непроходимой преградой между Богомъ и человѣкомъ. Долженъ былъ явиться человѣкъ, въ которомъ бы заключалось все человѣчество, чтобы исполнить законъ и искупить грѣхъ всего человѣчества. Въ первомъ человѣкѣ были примирены и человѣкъ и человѣчество; съ его паденіемъ и смертію не стало этого примиренія. И вторымъ Адамомъ явился воплотившійся Богъ и сдѣлался вѣдомымъ для человѣка. Онъ исполнилъ законъ—*не пріидохъ разорити, но исполнити законъ* [3]), говоритъ Христосъ—и одержалъ побѣду надъ грѣхомъ и смертію. Онъ создалъ новое созданіе—Церковь и въ ней положилъ примиреніе человѣку съ цѣлымъ человѣчествомъ. Такимъ образомъ отношеніе человѣка къ грѣху въ новозавѣтной Церкви измѣнилось. Грѣхъ не боролся съ человѣкомъ, но былъ побѣжденъ. Равно измѣнилось и обѣтованіе, ибо исполнилось, перестало быть обѣтованіемъ. Законъ возвысился до любви, обѣтованіе исполнилось въ воплощеніи. Обѣтованіе было тайной для ветхозавѣтной Церкви и открылось только въ новозавѣтной. Но въ ней возникла другая тайна общенія человѣка со Христомъ. Чрезъ это общеніе человѣкъ получаетъ участіе въ

---

[1]) Въ рукописи А. Н. Попова, по опискѣ, стоитъ: „Моисей“.

[2]) А. Н. Поповъ имѣетъ въ виду 56 ст. 8 главы евангелія отъ Іоанна: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ и возрадовася.*

[3]) Еванг. отъ Матѳея, 17 ст. 5 главы: *Да не мните, яко пріидохъ разорити законъ или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити.*

побѣдѣ надъ зломъ и *творится*, какъ новое созданіе. Эта тайна откроется въ обѣщанной намъ Церкви торжествующей.

Бытіе двухъ понятій въ Церкви, какъ объ моментѣ и какъ оконченномъ цѣломъ, необходимо предполагаетъ развитіе. Каждый моментъ стремится къ другому, въ которомъ получаетъ свое оправданіе. Эти два понятія условливаютъ общій характеръ развитія въ каждомъ моментѣ. Потому мы замѣчаемъ въ Церкви двѣ стороны: откровеніе и непосредственную жизнь. Воплощеніе соединило въ тождественное цѣлое эти начала. Въ таинствахъ новозавѣтной Церкви живетъ Христосъ, и чрезъ это въ нихъ постоянно удерживается это тождество. Каждый отдѣльный моментъ заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: одну, которая составляетъ его существенное опредѣленіе, какъ момента, другую, которая представляетъ переходъ въ новый моментъ.

Вы окончили первую статью тѣмъ, что признаете Церковь развивающуюся. Моментами этого развитія, сколько я понимаю, вы признаете непосредственную жизнь въ Церкви и сознательную въ догмѣ. Изреченіемъ новаго догмата на соборѣ Церковь, говорите вы, во столько становится выше, во сколько сознаніе выше непосредственности[1]). Во второй статьѣ вы говорите, что непосредственная жизнь Церкви есть безпрерывное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій въ отношеніи къ каждому изъ своихъ членовъ и въ этомъ повтореніи нѣтъ развитія; оно совершается въ сознаніи этой непосредственной жизни въ догматѣ[2]). Мнѣ кажется, должно бы

[1]) Въ рукописи перваго письма Ю. Ѳ-ча о развитіи Церкви, найденной среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго, это мѣсто изложено такъ: *Итакъ, Вселенскій соборъ имѣетъ смыслъ для самой Церкви, а не для не Церкви. Ея вѣрные члены сознаніемъ собора стали постолько выше, посколько разумное убѣжденіе выше мнѣнія.* См. выше стр. 84.

[2]) Въ рукописи второго письма Ю. Ѳ-ча о развитіи Церкви, найденной среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго, мѣсто это изложено слѣдующимъ образомъ: *Итакъ, жизнь Церкви есть постоянное повтореніе въ отношеніи ко всѣмъ ея членамъ и къ каждому изъ нихъ въ особенности однихъ и тѣхъ же явленій. Здѣсь нѣтъ развитія, здѣсь Церковь является органомъ благодати. Но эта жизнь, существуя въ своей непосредственности, отра-*

сказать: **совершилось**, ибо съ VI Вселенскаго собора къ символу прибавленій быть не можетъ; слѣдовательно, и въ этой сферѣ развитіе кончилось. Но вы употребляете въ этомъ случаѣ слова: *доктрина* и *развитіе Церкви, какъ школы*, которымъ я придаю особое значеніе. Не знаю, какъ вы различаете догматъ отъ доктрины, но мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи мы будемъ разниться во взглядѣ. Вселенскіе соборы, кромѣ изреченія догматовъ, признавали нѣкоторыя сочиненія церковныхъ учителей за православныя, другія—отрицали, какъ еретическія. Движеніе мысли, совершающееся въ этихъ сочиненіяхъ, составляетъ церковную доктрину, ученіе, развивающееся, какъ школа. Но церковное ученіе—еще не догматъ. Догматъ оконченъ во вселенскомъ символѣ. Въ отношеніи же къ ученію, Церковь полагаетъ слѣдующее правило: оно не должно противорѣчить Священному Писанію, признанному Церковію за откровеніе, и символу Вселенской Церкви. Этимъ правиломъ не опредѣляется кругъ самаго ученія, но только его свойства. Потому ученіе не признается оконченнымъ, но развивающимся безпрерывно. Это развитіе совершается въ объемѣ и условливается способомъ пониманія частныхъ лицъ—членовъ Церкви. Я говорю членовъ, ибо не членъ Церкви не можетъ понимать ее. Церковь признаетъ способъ пониманія своей сущности только внутри себя и не допускаетъ никакого взгляда извнѣ. Потому въ нѣдрахъ Церкви не можетъ возникнуть мнѣній, которыя бы противорѣчили другъ другу. Одно изъ этихъ противорѣчащихъ мнѣній будетъ внѣ Церкви. Я говорю **мнѣній**, ибо человѣкъ можетъ быть членомъ Церкви и въ то же время имѣть противорѣчащія ей мнѣнія, какъ порокъ. Людей совершенныхъ нѣтъ, потому почти можно сказать утвердительно, что каждый изъ писателей Церкви имѣетъ

жается въ сознаніи Церкви, въ ея доктринѣ. Въ ней она находитъ свое разумное оправданіе. Стремленіе къ возведенію жизни въ стройную систему догматовъ есть развитіе Церкви, какъ школы. См. выше стр. 86 и 87.

нѣкоторыя несправедливыя мнѣнія. Потому Церковь не велитъ читать кого нибудь одного изъ нихъ, напротивъ,—принимать то, что̀ всѣ они приняли общимъ согласіемъ или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая изъ нихъ часть. Притомъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не отрицается частное сужденіе; напротивъ, оно необходимо признается на основаніи общихъ правилъ, положенныхъ Церковью въ отношеніи къ церковному ученію. Способъ пониманія частными лицами общаго церковнаго откровенія условливается ихъ непосредственною жизнью. Въ церковномъ откровеніи заключены два понятія объ Церкви, какъ моментѣ и какъ оконченномъ цѣломъ. Потому и въ церковномъ ученіи возникло два направленія, по которымъ ученіе раздѣлилось на общее и таинственное. Укажу для примѣра, съ одной стороны, на бо̀льшую часть сочиненій Іоанна Златоуста, Василія Великаго и др., съ другой — на Макарія Египетскаго, Исаака Сирина и др. Каждое изъ этихъ направленій имѣетъ свои моменты, которые условливаются степенью дѣятельной и умственной высоты каждаго изъ учителей.

Такъ развивается церковное ученіе. Это развитіе условливается частными лицами, а не Церковью, которая обладаетъ вполнѣ откровеніемъ. Почему же Церковь признаетъ развитіе ученія, а не признаетъ развитіе догмата? Потому что Церковь не принимаетъ догмата за нѣчто отдѣльное, но за часть общаго откровенія. Если принять его отдѣльно, то онъ не полонъ: такъ, въ символѣ упоминается только одно крещеніе, между тѣмъ Церковь признаетъ 7 таинствъ. Неполнота предполагаетъ возможность развитія, но догматъ развиться не можетъ. Чтобы разрѣшить это противорѣчіе, католицизмъ придалъ догматическое значеніе церковному ученію и освятилъ его на Тридентинскомъ соборѣ. Но въ этомъ освященіи заключалось такое же противорѣчіе, какъ въ признаніи Церкви въ лицѣ папы. Развивающееся ученіе не могло быть остановлено, и протестантизмъ разрушилъ эту преграду, уничтоживъ значеніе собора. Догматъ развиваться

не можетъ, потому что полно общее откровеніе Церкви, котораго онъ составляетъ только часть.

Итакъ, если признать развитіе Церкви только въ одномъ церковномъ ученіи, то это не будетъ развитіемъ Церкви, а способа пониманія частными лицами общаго церковнаго откровенія. Потому вопросъ: развивается ли Церковь? останется не рѣшеннымъ, если не признать живого развитія Церкви въ таинствѣ. Основная мысль этого развитія состоитъ въ безпрерывномъ подчиненіи Церкви частныхъ лицъ, въ твореніи изъ нихъ новыхъ созданій. Это составляетъ развитіе, ростъ самой Церкви. Церковь — не простое собраніе вѣрующихъ, но живое *тѣло*, живой организмъ, по слову Апостола, котораго глава Христосъ. Каждое присоединеніе къ ней новаго члена развиваетъ ея организмъ.

Въ сущности Церкви соединяются два понятія объ Церкви, какъ моментѣ и какъ оконченномъ цѣломъ. Только принявъ это положеніе, можно понять возможность всѣхъ дѣйствій, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга жизни — чудесъ, пророчествъ и монашества. Чтобы объяснить возможность чудесъ, католическое богословіе допустило мысль объ самостоятельномъ, непосредственномъ откровеніи частнымъ лицамъ. Эта мысль предполагала возможность безчисленныхъ частныхъ откровеній и уничтожила понятіе объ общемъ и единомъ откровеніи, потому и была отвергнута протестантами. Возможность чудесъ и пророчествъ сдѣлалась необъяснимою. Наша Церковь не можетъ признать самостоятельнаго, личнаго откровенія, ибо не признаетъ самостоятельной личности человѣка внѣ Церкви. Это откровеніе есть созерцаніе Церкви, какъ оконченнаго цѣлаго, и жизнь въ ней. Монашество у католиковъ сдѣлалось учрежденіемъ государственнымъ. Оно получило различныя внѣшнія и условныя цѣли: воспитаніе, пропаганду и т. п. Съ отдѣленіемъ государства отъ Церкви въ протестантизмѣ оно должно было уничтожиться, какъ случайность. Церковь Греческая признаетъ его высшею ступенью человѣческой жизни, составляющею переходъ отъ

Церкви воинствующей въ Церковь торжествующую, гдѣ *не женятся и не посягаютъ, но живутъ, какъ Ангелы на небесахъ* [1]). Потому оно и называется ангельскимъ образомъ. Отсюда, мнѣ кажется, очевидно объясняется католическое ученіе о безбрачіи мірскихъ священниковъ; но я оставляю этотъ вопросъ, какъ частный.

Теперь сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на вашу статью и постараюсь объяснить, въ чемъ мы согласны и въ чемъ нѣтъ.

Вы говорите, что *побѣда надъ грѣхомъ совершилась чрезъ признаніе грѣха* въ новозавѣтной Церкви. Мнѣ кажется, закономъ совершилось признаніе грѣха, а побѣда надъ грѣхомъ одержана безгрѣшнымъ Бого-человѣкомъ. Въ отношеніи къ каждому человѣку порознь эта побѣда одерживается помощью благодати, сообщаемой человѣку вслѣдствіе общенія его съ Бого-человѣкомъ въ Церкви.

Вы говорите, что въ таинствѣ человѣкъ вступаетъ въ *непосредственное общеніе съ Богомъ.* Отвѣчаю на это текстомъ: *единъ посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ* [2]). Въ таинствѣ человѣкъ вступаетъ въ непосредственное общеніе съ воплотившимся Христомъ, живущимъ въ таинствѣ духовно и тѣлесно, и въ посредственное съ Тріѵпостаснымъ Богомъ. Непосредственное общеніе настанетъ въ Церкви торжествующей, когда разоблачится тайна воплощенія.

Вы говорите, что раціональное сознаніе, сознавая таинство, не уничтожаетъ его сущности, какъ таинства, напротивъ, признаетъ его необходимость и значеніе. Необходимость и значеніе таинства всегда признавала Церковь (и безъ этого не

[1]) А. П. Поповъ имѣетъ въ виду 30 стихъ 22 главы евангелія отъ Матѳея: *Въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть*; въ русскомъ переводѣ: *Ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ, но живутъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ.*

[2]) I Посланіе къ Тимоѳею, гл. II, ст. 5: *Единъ бо есть Богъ и единъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ*; въ русскомъ переводѣ: *Ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ.*

могла быть Церковью) безъ всякаго отношенія къ раціональному сознанію. Если, проходя раціональное сознаніе, таинство остается таинствомъ, то должно предполагать, что раціональное сознаніе существуетъ независимо отъ познанія, потому что, обладая познаніемъ, оно должно раскрыть таинство и вывесть его изъ своего круга. Но таинство познано быть не можетъ; это — основаніе воинствующей Церкви.

Вы отличаете двѣ стороны въ Церкви—жизнь и догматъ; съ этимъ я совершенно согласенъ. Вы признаете необходимость ихъ согласія, и я также признаю. Но Вы полагаете, что ихъ полное тождество возникнетъ въ Церкви торжествующей. *Тамъ, гдѣ его нѣтъ* (т. е. въ Церкви воинствующей[1]), *должно признать чистоту жизни и искаженіе догмата, или наоборотъ, или, наконецъ, искаженіе и жизни и догмата вторженіемъ разныхъ началъ*[2]). Съ этимъ я совершенно не согласенъ. Необходимость согласія между догматомъ и жизнью я признаю только въ сферѣ церковнаго ученія. Въ Церкви ни согласія ни несогласія быть не можетъ, ибо существуетъ тождество въ таинствахъ. Это тождество существуетъ въ Церкви воинствующей, но въ преходящемъ видѣ таинства, которое разоблачится въ Церкви торжествующей. Если существуетъ тождество, то нельзя допустить искаженія ни въ одной изъ стихій Церкви. Всякое искаженіе по всѣмъ供 тремъ видоизмѣненіямъ существуетъ внѣ Церкви. Оно есть въ католицизмѣ только потому, что онъ—не Церковь.

Въ католицизмѣ заключается противорѣчіе; въ этомъ мы согласны. Но въ чемъ состоитъ оно? Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ мы уже не будемъ согласны. По вашему мнѣнію, если я правильно его понимаю, противорѣчіе заключается

[1]) Въ моей статьѣ говорится о католицизмѣ, не о Церкви воинствующей. Примѣчаніе Ю. Ѳ. Самарина.

[2]) Въ рукописи второго письма Ю. Ѳ-ча о развитіи Церкви, найденной среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго, это мѣсто изложено нѣсколько иначе: *Тамъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ жизнь и догматы ссорятся, должно признать искаженіе жизни и чистоту догмата, или наоборотъ, или, наконецъ, искаженіе жизни и догмата вторженіемъ двухъ разныхъ началъ.* См. выше стр. 87.

въ противоположности между непосредственною жизнью и способомъ ея пониманія въ ученіи. Этотъ способъ пониманія развился подъ вліяніемъ языческихъ преданій. Съ послѣднимъ положеніемъ я совершенно согласенъ, но на вопросъ отвѣчаю иначе. Противорѣчіе католицизма состояло въ томъ, что онъ считалъ себя за Церковь, не будучи Церковью. Церковь, основанная на итальянской почвѣ, средоточіи древняго Рима, подчинилась его вліянію и получила значеніе государства. Это государственное значеніе исказило ея непосредственную жизнь. Искаженіе непосредственной жизни отразилось и въ догматѣ; *католическая доктрина* сдѣлалась *рефлексомъ христіанства въ латинскомъ представленіи*, повторяю ваши слова, съ которыми совершенно согласенъ. Искаженіе произвело противорѣчіе въ жизни, бывшей государствомъ и считавшей себя Церковью. То же противорѣчіе повторилось и въ ученіи: оно было ученіемъ, а считало себя догматомъ. Наконецъ, это ученіе, какъ ученіе, заключало въ себѣ тоже противорѣчіе—христіанскій догматъ былъ отдѣленъ отъ латинскаго представленія. Двѣ враждебныя противоположности не могли соединиться тождественно и только примирялись въ безжизненномъ отвлеченіи, въ наукѣ, въ которой способъ пониманія и система не были развиты изъ самаго содержанія, но принесены извнѣ. Вся послѣдовательность католицизма есть послѣдовательность противорѣчія, безпрерывно повторяющагося во всѣхъ ступеняхъ жизни и ученія. Исторія католицизма есть исторія государства и науки, а не Церкви. И даже эти двѣ стороны лежали въ немъ, какъ противорѣчіе, только внѣшне и случайно примиренныя въ въ лицѣ папы. Потому протестантизмъ совершился въ двухъ сферахъ: въ государственной сферѣ—отторженіемъ Европейскихъ державъ отъ покорности Риму, и въ сферѣ ученія—отторженіемъ личнаго разума отъ церковнаго авторитета въ лютеранской проповѣди. Если оба элемента Церкви были искажены, то, безъ сомнѣнія, они не могли соединиться въ одно тождественное цѣлое въ таинствѣ. Но католицизмъ и не стремился къ ихъ соединенію. Таинства въ немъ заклю-

чались, какъ случайность, преданіе древней Церкви, потому въ протестантизмѣ и потеряли все свое значеніе. Католицизмъ не признавалъ искаженія искаженіемъ и не могъ требовать соединенія догмы и жизни. Это требованіе могло родиться и родилось въ протестантизмѣ, когда онъ пришелъ къ послѣдней ступени своего развитія,—родиться, какъ требованіе вообще Церкви Тождественное примиреніе мысли и жизни было задачею спекулятивной философіи.

На вопросъ: почему не перекрещиваютъ католиковъ? я было хотѣлъ отвѣчать вамъ двумя слѣдующими положеніями: 1) всѣ таинства составляютъ одно цѣлое и совершеніе остальныхъ дополняетъ недостатокъ крещенія; 2) крещеніе совершается вполнѣ въ муропомазаніи, которое составляетъ положительную сторону самаго крещенія, крещеніе духомъ, а оно совершается надъ обратившимися католиками. Но въ послѣднее свиданіе вы лучше моего отвѣчали на этотъ вопросъ, указавъ на покаяніе. Потому я и оставляю этотъ вопросъ.

Хотѣлъ бы поговорить съ вами объ значеніи системы въ отношеніи къ церковному ученію и вообще объ значеніи сознанія, но боюсь увеличивать и такъ довольно большую статью. Надѣюсь получить вашъ отвѣтъ и тогда дополню недосказанное. Мой отъѣздъ, вѣроятно, не перерветъ нашей переписки.

Въ заключеніе остается только пожелать вамъ радостно встрѣтить и достойно праздновать великій день обновленія міра.

III.

Письмо профессора Крюкова къ Ю. Ѳ. Самарину [1].

Сейчасъ только, Юрій Ѳедоровичъ, узналъ я, что на васъ собирается завтра настоящій крестовый походъ со стороны многихъ здѣшнихъ протестантовъ, оскорбленныхъ будто бы *ложнымъ и ни на чемъ не основаннымъ изложеніемъ характера протестантской проповѣди*. Клинъ [2]) только Vorkämpfer, правда всѣхъ болѣе раздраженный и считающій за heilige Pflicht публично уличить васъ въ *преднамѣренномъ искаженіи протестантизма*. Увѣдомляю васъ объ этомъ, чтобъ васъ не застали врасплохъ. Теперь еще вдвое болѣе жалѣю, что не буду на диспутѣ, ибо ожидаю импозантнаго, небывалаго въ залѣ университета зрѣлища. Весь вашъ Д. Крюковъ.

---

[1]) Рукою Ю. Ѳ-ча написано на письмѣ: „отъ Д. Л. Крюкова, наканунѣ магистерскаго диспута“.

[2]) Эрнестъ Ѳедоровичъ Клинъ (род. въ 1795 г., ум. въ 1866 г.) — преподаватель латинскаго языка и стилистики въ Московскомъ университетѣ.

IV.

Изъ отчетовъ Московскаго университета [1]).

Въ отчетѣ за 1843—44 академическій и 1844 гражданскій годы (стр. 60—61) значится:

„Кандидатъ Юрій Самаринъ въ 1840 году испытуемъ былъ на степень магистра изъ главнаго предмета русской словесности орд. профес. И. И. Давыдовымъ. Изустныхъ вопросовъ предложено было ему два: 1) изъ теоріи словесности: „о трагедіи древней и новой“; кандидатъ изложилъ весьма основательно теорію этого рода поэзіи и примѣнилъ начала науки къ разбору замѣчательнѣйшихъ произведеній древнихъ и новыхъ; 2) изъ исторіи русской словесности: „о фонъ-Визинѣ и его комедіяхъ“; испытующійся, предпославъ общее обозрѣніе вѣка Екатерины, прекрасно изложилъ біографію поэта и, на основаніи общихъ началъ драматическаго искусства, подробно разбиралъ комедіи фонъ-Визина. Оба отвѣта признаны совершенно удовлетворительными. Изъ вспомогательныхъ предметовъ: 1) изъ эстетики испытывалъ орд. профес. Крюковъ; кандидатъ изложилъ современное эстетическое ученіе Гегеля; отвѣтъ найденъ совершенно удовлетворительнымъ; 2) изъ исторіи славянскихъ литературъ

[1]) Эти выписки изъ отчетовъ Московскаго университета о магистерскомъ экзаменѣ, диспутѣ и объ университетскихъ занятіяхъ Ю. Ө-ча составлены были въ 1880 году проф. Н. А. Поповымъ.

и нарѣчій испытывалъ орд. проф. Каченовскій; предложено было перевести и объяснить филологически нѣкоторые памятники церковно-славянской словесности; кромѣ того предложены были вопросы изъ исторіи славянскихъ литературъ по руководству Шафарикову; отвѣты найдены довольно удовлетворительными. Въ 1843 г. кандидатъ Самаринъ представилъ факультету диссертацію на тему: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ трехъ томахъ. Первый томъ содержалъ изслѣдованіе о богословской дѣятельности сподвижниковъ Петра Великаго; второй—изслѣдованіе о политическомъ ихъ поприщѣ, поскольку Церковь связуется съ государствомъ; третій—собственно литературную ихъ дѣятельность, какъ представителей духовнаго краснорѣчія въ эпоху Петрову. Отдѣленіе нашло весь этотъ трудъ отличнымъ и примѣрнымъ въ ученомъ отношеніи, а къ напечатанію для публичнаго защищенія допустило только третью часть труда. Диспутъ послѣдовалъ въ 1844 году, іюня 3 дня. Орд. проф. Шевыревъ предлагалъ диспутанту возраженія по порядку почти на всѣ основныя положенія диссертаціи: сначала на нѣкоторыя теоретическія положенія, потомъ на мнѣнія автора диссертаціи о проповѣди католической и протестантской; преимущественное же вниманіе обратилъ на историческую часть труда, на отношеніе проповѣди Стефана и Ѳеофана къ вѣку Петрову. Затѣмъ предлагаемы были возраженія почти всѣми членами факультета касательно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей въ разсужденіи. Въ заключеніе г. деканъ отдѣленія предложилъ отъ себя еще нѣсколько возраженій относительно теоретическихъ положеній диссертаціи и представилъ полный результатъ всего диспута. Преніе продолжалось въ теченіе трехъ часовъ съ половиною. Отдѣленіе, хотя не согласилось съ нѣкоторыми мнѣніями диспутанта, но признало: отличное достоинство всего труда его въ ученомъ отношеніи, самобытность мышленія, умъ діалектически развитый, способность возражать быструю и прекрасный какъ письменный, такъ и изустный способъ изложенія".

*

Изъ отчета за 1835 годъ видно, что студентъ Юрій Самаринъ подалъ, по классу упражненія въ русскомъ слогѣ, признанное за одно изъ лучшихъ сочиненіе: „О развитіи воззрѣній, сужденій и понятій“. Изъ отчета за 1836 годъ видно, что студентъ Самаринъ участвовалъ въ переводѣ, подъ руководствомъ профес. Давыдова, книги Августа Шлегеля: „Теорія и исторія драматической поэзіи“, въ переводѣ, подъ руководствомъ профес. Погодина, сочиненія Демишеля о средней исторіи и, наконецъ, доставлялъ переводныя статьи въ „Ученыя Записки“. Изъ отчета за 1838 годъ видно, что студентъ Юрій Самаринъ представилъ также признанныя лучшими сочиненія: а) сличеніе Гнѣдичева перевода 6-ой рапсодіи Иліады съ подлинникомъ, б) критическое изученіе Державина. Отчета за 1837 годъ я не могъ достать.

Нилъ Поповъ.

V.

Письмо Н. В. Гоголя къ Ю. Ѳ. Самарину.

Римъ, 3 генваря 1846.

Я все ожидалъ отъ васъ письма, которое вы, по словамъ Ал. Осиповны [1]), собирались писать ко мнѣ, но, видя, что этого письма отъ васъ мнѣ не дождаться, пишу самъ. Пишу наугадъ (темы для письма вы мнѣ не дали). Во-первыхъ, я радъ, что сошлись съ Ал. Осиповной. Вы—человѣкъ молодой, это—первая женщина, которая заговорила съ вами языкомъ души, и потому весьма естественно, что вы почувствовали къ ней, можетъ быть, даже расположеніе сильнѣе, чѣмъ дружественное. Такъ и должно быть (говорю все это наугадъ). Но чувство это обратится для васъ въ святое, сохранитъ и сбережетъ васъ на всю жизнь. Вы были ненадежны, и странно, что это говорилъ всякъ, въ первый разъ васъ видѣвшій. Почти всякъ былъ увѣренъ, что всѣ прекрасныя чувства, васъ одушевлявшія, будутъ въ васъ недолговременны, и что вы непремѣнно измѣнитесь въ свѣтѣ; почти то же думалъ и я. Но теперь я за васъ не боюсь, вы спасены; спасла васъ сестра и любовь во Христѣ, которую вы отнынѣ будете къ ней питать и которую будете питать потомъ ко всѣмъ. Вы въ свѣтѣ. Вы можете много сдѣлать для свѣта. Свѣтъ, среди котораго вы теперь, не развратенъ въ своемъ корнѣ и существѣ, но развратенъ отъ тоски и скуки, болѣзненно вялъ и отъ нечего дѣлать пустъ и глупъ. Будьте вездѣ и повсюду. Будьте веселы, живы, умны, занимательны для всѣхъ и простодушно-добры ко всѣмъ. Больше всего обратите вни-

[1]) Александры Осиповны Смирновой.

маніе на женскую половину: тамъ скорѣй, живѣй и лучше сѣются и принимаются сѣмена. Старайтесь, чтобы послѣ всякаго разговора съ вами каждая становилась добрѣй душой и, хотя на сколько-нибудь, лучше, чѣмъ была до вашего разговора. Имъ еще много можно сказать тѣхъ вещей, надъ которыми мужская половина уже смѣется. Будьте, или, по крайней мѣрѣ, старайтесь быть, постоянно интересны и занимательны для мужчинъ. Не говорите имъ о тѣхъ вещахъ, надъ которыми они уже смѣются. Не старайтесь блеснуть передъ ними чистотой какихъ-нибудь нравственныхъ началъ и прекрасныхъ, глубокихъ истинъ души; напротивъ, скрывайте даже ихъ въ себѣ при нихъ. Но старайтесь вмѣсто всего болѣе узнать природу каждаго изъ нихъ, старайтесь замѣтить и открыть во всякомъ именно ту способность, которая въ немъ создана быть главною и находится въ дремлющемъ состояніи; укажите ему на нее, возвысьте передъ нимъ его же достоинство и попрекните его, зачѣмъ онъ пренебрегъ и оплевалъ его; старайтесь его навести только на дѣятельность и трудъ, именно тотъ, для котораго у него таятся сокровенныя силы, и онъ будетъ спасенъ и будетъ признателенъ вамъ, какъ братъ, и будетъ доступенъ потомъ ко всему прекрасному, какое вы захотѣли бы потомъ внушить ему и къ какому онъ недоступенъ еще теперь. Вотъ все, что̀ я могу вамъ теперь сказать въ моемъ болѣзненномъ и безсильномъ состояніи и притомъ наугадъ, еще не зная вашихъ душевныхъ обстоятельствъ. Дайте мнѣ отвѣтъ на это письмо и напишите мнѣ все, что̀ бы хотѣла сказать душа ваша родному брату въ смыслѣ душевномъ. Тогда, можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ точно быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ. Любящій васъ искренно и всею душою Гоголь.

Напишите мнѣ вашъ адресъ; ваше имя я знаю, но отчества не знаю, присовокупите также и его. Мой же адресъ: Via de la croce, № 81, 3 piano.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*сверху снизу*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
36	13	сверху	сотроны	стороны
54	11	снизу	presqu'à	presque à
55	3	сверху	aves	avec
58	18	сверху	slavone	slavonne
—	21	сверху	vous aurez traduction	vous aurez la traduction
64	1	сверху	Exhumons le	Exhumons-le
—	8	снизу	au dessus	au-dessus
69	7	снизу	Hâvre	Havre
96	5	сверху	неравнодушны	не равнодушны
102	1	сверху	Je n malheureusement	Je n'ai malheureusement
—	7	сверху	quitte	quitté
104	17	сверху	tout-à-fait	tout à fait
127	10	сверху	pittoresqne	pittoresque
163	3	снизу	О соч. гр. В. А. Солло-губа: „Тарантасъ"	4) О соч. гр. В. А. Соллогуба: „Тарантасъ"
165	4	снизу	наконецъ	наконецъ,
167	16	сверху	ко мнѣ,	ко мнѣ
200	6	снизу	Можеть	Можетъ
270	6	сверху	не встрѣтятся и и	не встрѣтятся и

Цѣна 2 рубля.

2007041053